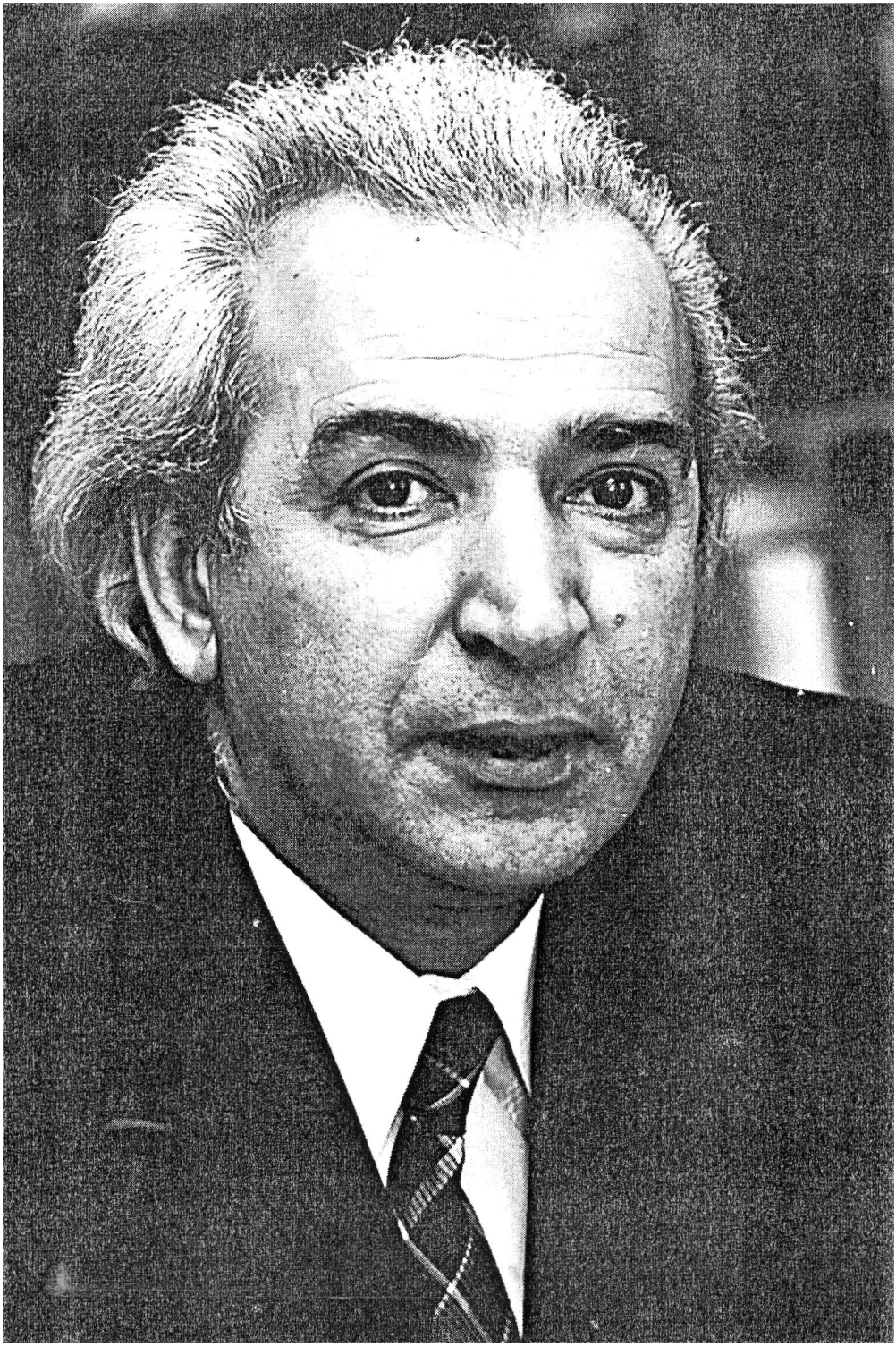

Средняя Европа

Проблемы международных и межнациональных отношений

XII – XX вв.

Серия
«STUDIA HUNGARICA»

основана в 2005 году

Редколлегия серии
Золтан С. Биро
Татьяна Гусарова
Илона Киш
Наталия Куренная
Дюла Свак
Игорь Светлов
Акош Силади
Александр Стыкалин
Марта Фонт
Ольга Хаванова

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Редколлегия
сборника

Иштван Надь
(директор Венгерского Культурного Центра)

С. А. Романенко

А. С. Стыкалин

О. В. Хаванова

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Средняя Европа

Проблемы международных и межнациональных отношений

XII – XX вв.

Ответственный редактор
А. С. Стыкалин

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2009

УДК 940
ББК 63.3(4)
С75

Книга вышла при поддержке
Культурного, научного и информационного
центра Венгрии в Москве

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Л. П. Марней*,
кандидат исторических наук *К. Т. Медведева*

Средняя Европа : Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова / отв. ред. А. С. Стыкалин. — СПб. : Алетейя, 2009. — 544 с.— («Studia Hungarica. Центральноевропейские исследования», Т. 4).
С75
ISBN 978-5-91419-159-4

Новый том «Центральноевропейских исследований» посвящен памяти Тофика Муслимовича Исламова (1927–2004) — выдающегося российского специалиста по истории Венгрии и Австрии, знатока Новой и новейшей истории Средней Европы, автора многочисленных публикаций по истории международных и межнациональных отношений в регионе. Широкий круг научных интересов Т. М. Исламова нашел отражение и в сборнике его памяти, составленном из работ коллег и учеников, отдающих должное научному наследию ученого. В статьях историков из России, Венгрии и Австрии рассматриваются ключевые проблемы венгерской и австрийской истории, взаимоотношениях венгров и австрийцев с соседними народами от Средних веков до последних десятилетий XX в. Ряд статей посвящен внешней политике России и СССР на венгерском и среднеевропейском направлении. Наряду с работами концептуального плана в сборнике представлен ряд материалов, ценных впервые вводимыми в научный оборот архивными источниками. В книгу также включен ранее не публиковавшийся текст из творческого наследия Т. М. Исламова.

В оформлении обложки использована картина Мора Тана
«Встреча венгерского короля Ласло Половца с римским королем
Рудольфом Габсбургом после битвы на Моравском поле в 1278 г.»

ISBN 978-5-91419-159-4

© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2009
© «Алетейя. Историческая книга», 2009

А. С. Стыкалин

ТОФИК МУСЛИМОВИЧ ИСЛАМОВ (1927–2004) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕЙ ЕВРОПЕ

Тофик Муслимович Исламов в течение трех десятилетий стоял во главе целого тематического направления в отечественной историографии. Крупный специалист по истории Австрии и Венгрии, проблемам международных и межнациональных отношений в Средней (или Центральной) Европе в новое и новейшее время, он был автором работ, лучшие из которых оставили заметный след в науке[1]. Ученый высокого профессионализма и огромной эрудиции, Т. М. Исламов снискал уважение коллег-историков не только дома, в России, но далеко за ее пределами — его приглашали выступать с лекциями в университетах Вены и Будапешта, ввели в редсовет солидного американского издания «Austrian History Yearbook».

Тофик Муслим оглы Исламов (именно так было бы правильнее его называть) родился 1 мая 1927 г. в Баку в семье железнодорожного служащего. Многодетную семью не миновали утраты, выпавшие на долю многих советских семей: старший брат Тофика погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

В 1946 г., по окончании средней школы, Тофик поступил в Азербайджанский госуниверситет. Незаурядные способности юноши были замечены уже на первом курсе: по рекомендации преподавателей Тофик Исламов был направлен в Ленинград для продолжения образования на истфаке ЛГУ. Позже, переведенный в МГУ, он закончил в 1951 г. Московский университет и поступил в аспирантуру Института истории АН СССР.

---

[1] Говоря о Средней (Центральной) Европе, мы имеем в виду регион, за которым в англоязычной литературе закрепилось трудно переводимое на русский язык понятие «East — Central Europe». Речь идет о восточной части Центральной Европы, тогда как западной следует считать в первую очередь Германию. Для Исламова термин «Средняя Европа» был более предпочтительным, нежели «Центральная Европа», поскольку «подразумеваемые страны центрального положения по отношению ко всей остальной Европе никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, не занимали и не займут, очевидно, в обозримом будущем. Нас вправе спросить: если это «центр», то где же периферия? Или таковой надо считать Западную Европу? Но ведь не о чистой географии идет речь, а об истории, о прогрессе, о цивилизации и культуре. Мы за менее вызывающий и претенциозный, более умеренно-точный термин Средняя Европа, ибо регион этот занимает промежуточное положение между Западом и Востоком и в содержательном плане, историко-культурном смысле представляет собой промежуточную зону» (*Исламов Т. М., Фалькович С. М.* Средняя Европа в Новое время (XVIII в. — 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С.96).

В двадцать лет навсегда уехав из Баку, Тофик Исламов не порывал связей с родной землей, всегда живо интересовался происходящим на Кавказе и в Закавказье. С конца 1980-х годов, когда малозаметные прежде для невнимательного взгляда этнические противоречия обернулись острыми кровавыми конфликтами, Т. М. Исламов особенно внимательно следил за развитием ситуации. Он поддерживал связи с азербайджанской элитой, имел свою точку зрения на пути разрешения межнациональных конфликтов, которую ненавязчиво излагал при встречах с этнологами. Болезненно воспринимал любые предубеждения против выходцев с Кавказа. Человек, неплохо знавший Ислам и высокую культуру народов Ближнего и Среднего Востока, он всю жизнь, однако, тянулся к европейской культуре, принимал ее базовые духовные ценности. На мусульманский мир он умел смотреть как изнутри, так и извне.

В юности Т. М. Исламову повезло с учителями. В Ленинграде он слушал лекции Е. В. Тарле, учился у О. Л. Вайнштейна, Н. П. Полетики. В Москве его учителями были Н. Е. Застенкер, А. С. Ерусалимский, Р. А. Авербух, опубликовавшая несколько крупных и на протяжении долгого времени лучших в советской историографии работ по истории венгерской и австрийской революций 1848 г. Свою кандидатскую диссертацию он выполнил под руководством Е. И. Рубинштейн, известного в то время специалиста по истории Первой мировой войны. В начале 1950-х годов, когда в советском гуманитарном знании торжествовала сталинская ортодоксия, основы марксизма молодому аспиранту Тофику Исламову преподавал не кто-нибудь, а полуопальный в то время, исключавшийся из партии Михаил Лифшиц, широко образованный философ и эстетик, ближайший друг и единомышленник Дьердя Лукача, одного из крупнейших марксистов XX в., прожившего без малого полтора десятка лет в СССР. Позже, по окончании аспирантуры, Т. Исламов работал в Институте истории АН СССР рядом с Б. Ф. Поршневым, А. З. Манфредом, Б. Г. Вебером, В. М. Лавровским, Ф. В. Потемкиным. Особенно значительную роль в становлении молодого историка сыграл, пожалуй, В. М. Турок-Попов (1904–1981), человек удивительной биографии и незаурядного научного дарования, не только выдающийся знаток истории Австрии, особенно межвоенной, но и участник многих исторических событий XX века. В юности, в 1920-е годы, Владимир Михайлович, выполняя поручения Коммунистического интернационала молодежи, жил в Вене, ставшей в это время пристанищем для революционеров из разных стран Средней Европы и Балкан[1]. Он поддерживал контакты и с венгер-

[1] См. его мемуары — весьма интересный и в то же время почти невостребованный исследователями источник: Турок В. М. Мое знакомство с революционерами и цареубийцами // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе. М., 1966. С. 151–170.

скими политэмигрантами, а уже на склоне лет, занимаясь исследовательской работой, внимательно следил за публикациями венгерских историков, которые мог читать на языке оригинала. Свой интерес к проблемам общественно-политических движений в странах Средней Европы, и не в последнюю очередь в Венгрии, Турок-Попов передал Т. Исламову, вероятно, наиболее способному из своих учеников[1].

Уже став зрелым ученым, Т. М. Исламов работал рядом с Ю. А. Писаревым, И. С. Миллером, В. А. Дьяковым, был соавтором В. И. Фрейдзона и ленинградца А. С. Мыльникова. Долгие годы дружбы связывали его с В. Н. Виноградовым, Г. Г. Литавриным, В. П. Шушариным, В. Л. Мальковым. Постоянное общение с этими видными историками также способствовало повышению его профессионального мастерства.

С начала 1950-х годов в силу вполне понятной политической конъюнктуры все большее внимание в СССР стало уделяться изучению истории стран «народной демократии». Вводятся новые специализации на истфаке МГУ, а также в аспирантуре Института истории АН СССР. Тофик Исламов еще старшекурсником начал изучать венгерский язык, тема по венгерской истории была предложена ему при поступлении в аспирантуру.

Известно, что вызов нацистской Германии еще до войны заставил сталинских идеологов кардинально пересмотреть свое отношение к идее славянской взаимности, ранее отнесенной к вредному «буржуазному хламу». Тост за славянское единство впервые после долгого перерыва прозвучал в Кремле в мае 1935 г. при подписании договора с масариковской Чехословакией. Позже, на заключительном этапе войны, по мере того, как все более явственно обозначалась перспектива советского присутствия в Средней Европе и на Балканах, власти все упорнее и последовательнее пытаются не только превратить славянскую идею в инструмент своей политики, но и совместить ее с господствующей идеологией. Ирония истории (и ее диалектика) заключалась в том, что основоположник этой идеологии Карл Маркс в свою эпоху относился к числу самых заклятых врагов имперского панславизма и уж едва ли мог себе представить собственную теорию в качестве его победоносного оружия.

Восстанавливается в правах историческая славистика, разгромленная в начале 1930-х годов. Для славистических исследований создается соответствующая институциональная база (в 1939 г. в МГУ была образована кафедра истории южных и западных славян, а в 1947 г. возобновил работу Институт славяноведения АН СССР). Хуже обстояло дело с изучением истории Венгрии, Румынии, Албании. В сравнении с молодыми историками-славистами, которые могли опереться на давнюю и бо-

[1] Впоследствии Т. М. Исламов оставил о В. М. Туроке интересные воспоминания. См.: «В. М. доктор Турок» // Славяноведение, 1995, № 1. С вдовой Турока К. А. Антоновой он поддерживал связи до последнего года своей жизни.

гатую, хотя и искусственно прерывавшуюся, традицию в отечественной науке, начинающий специалист по Венгрии, прошедший хорошую подготовку по всеобщей истории, хотя и мог получить консультации опытных страноведов-унгаристов (главным образом, выходцев из коммунистической эмиграции), все-таки в большей мере был вынужден полагаться на собственные силы и чаще идти по историографической целине — контакты с коллегами в самих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже, со второй половины 1950-х годов. Из кандидатской диссертации Т. Исламова, защищенной в 1955 г., вырастает солидная по объему (более 400 страниц) монография «Политическая борьба в Венгрии в начале XX века» (М., 1959). Ее логическим и хронологическим продолжением стала другая его капитальная работа, «Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906–1914» (М., 1972). Через год после выхода в свет она была защищена в качестве докторской диссертации в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, куда Т. М. Исламов пришел в 1968 г. Переведенная (в сокращении) на венгерский язык, эта книга была опубликована также в Венгрии в 1976 г.

Таковы были главные вехи жизненного пути, за которыми, однако, стоял огромный духовный труд, отнюдь не сводившийся к непосредственной работе над двумя диссертациями. С самого начала сфера научных интересов Т. М. Исламова не ограничивалась первыми десятилетиями XX в., распространялась на XVIII–XIX вв., причем историю Венгрии он всегда понимал широко — как историю земель венгерской короны в системе монархии Габсбургов, а с другой стороны, как историю венгерского этноса в его тесных и весьма непростых взаимоотношениях с соседними (немецким, славянскими, восточнороманским) этносами в регионе, где межэтнические и межгосударственные границы почти никогда не совпадали. В 1960-е годы сначала в недрах Института истории АН СССР, а позже в Институте славяноведения и балканистики готовились к изданию «История Венгрии» и «История Румынии», каждая в нескольких томах. В «Истории Румынии. 1848–1917» (М., 1971) перу Т. М. Исламова принадлежали главы по истории Трансильвании, относившейся к землям венгерской короны. Будучи ответственным редактором второго тома трехтомной «Истории Венгрии» (М., 1972), охватывавшего период с конца XVIII в. по 1918 г., он проделал также огромную авторскую работу — один либо в соавторстве написал подавляющее большинство глав этого фундаментального труда, нашедшего позитивный отклик венгерских коллег. Над синтетическими страноведческими трудами Т. М. Исламов работал и позже — достаточно назвать «Краткую историю Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991, около 40 п. л.), написанную им совместно с В. П. Шушариным и А.И. Пушкашем.

Вместе с тем со специфически венгерской тематики главный акцент в деятельности Тофика Муслимовича постепенно перемещался на об-

щие проблемы монархии Габсбургов. С середины 1970-х годов в Институте славяноведения и балканистики шла работа над многотомной серией монографий «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры». Ее венцом стал этапный для советской историографии двухтомник «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980–1981 гг.), органично соединивший в себе разделы по истории отдельных земель и народов с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. Перу Т. М. Исламова принадлежат в этом труде принципиально важные разделы, посвященные не только венгерскому национальному движению в его различных идейно-политических течениях, но и внешней политике империи. Главы о месте и роли монархии Габсбургов на международной арене, среди других европейских держав, предвосхитили более поздние работы ученого по этой тематике. С другой стороны, Т. М. Исламова интересовали проблемы этнической, в первую очередь этнополитической истории — формирования наций, национального сознания и самоопределения, возникновения и развития межэтнических конфликтов, а также теоретические аспекты национализма. В одном из коллективных трудов «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (М., 1984), он проследил длительную эволюцию венгерской политической нации («natio hungarica»), включавшей в себя господствующий класс всех земель венгерской короны, к нации в ее современном понимании.

Не менее важным делом, нежели участие в крупномасштабных коллективных проектах, Т. М. Исламов считал работу над концептуальными статьями в исторической и общественно-научной периодике, способными вызвать отклик более широкого круга коллег, а иной раз и спровоцировать дискуссию. Его статьи публиковались в таких журналах, как «Вопросы истории», «Свободная мысль», «Россия и современный мир», «Общественные науки и современность», «Славяноведение» и другие, но главным своим журналом он считал «Новую и новейшую историю», в редколлегии которого состоял около двух десятков лет. Способность Т. М. Исламова к широким обобщениям позволяла ему в рамках сравнительно небольшой журнальной статьи проводить, сопоставляя опыт разных стран и регионов, типологические параллели между процессами исторического развития, формирования наций, модернизации обществ. Его совместно с В. И. Фрейдзоном статья «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе» (Новая и новейшая история. 1986. № 1) положила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков. Важные теоретические обобщения Т. М. Исламов сделал и в статье «Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения», написанной совместно с Е. В. Гутновой и С. О. Шмидтом (Но-

вая и новейшая история. 1985. № 3). Т. М. Исламову нередко приходилось выступать и в научно-популярных жанрах — его перу принадлежат предисловия и послесловия к произведениям венгерской исторической беллетристики (а также рассчитанным на широкую аудиторию книгам профессионалов-историков), опубликованным в русских переводах. Можно вспомнить документальную повесть Шандора Фекете «Лайош Кошут», книгу историка Дьердя Шпира «Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сеченьи, Л. Баттяни, Ш. Петефи и Л. Кошута», историко-документальный роман Иштвана Барта «Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа».

В 1978 г., после смерти выдающегося полониста И. С. Миллера, Т. М. Исламов возглавил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор (с середины 1980-х годов — отдел) новой истории стран Центральной Европы, которым руководил около двух десятилетий. Он попытался создать на базе отдела первый и единственный в России комплексный центр по изучению Австрийской империи, в 1867 г. преобразованной в Австро-Венгрию. Стремление Тофика Муслимовича не всегда находило понимание коллег, кое-кому оно казалось неоправданным вызовом многолетней традиции, в соответствии с которой монархию Габсбургов рассматривали почти исключительно как «тюрьму народов», чей опыт организации многонационального пространства едва ли заслуживал (как априорно негативный) слишком внимательного изучения, а тем более переоценки. «Создание в 1867 г. двуединой Австро-Венгрии было лишь продолжением той же постоянной войны Габсбургов с порабощенными народами. Не будучи в состоянии справиться с растущим национально-освободительным движением, австрийские правители переложили часть этих «забот» на Венгрию, выделив ее из других подвластных себе стран... Австрия, а потом Австро-Венгрия была и оставалась «тюрьмой народов» и тем самым вынесла себе смертный приговор», — такая точка зрения была довольно характерна для отечественной науки даже конца 1980-х годов[1].

Надо сказать, что в создание этого живучего образа внесли свою лепту не только марксисты. Негативное отношение к юго-западному соседу было характерно почти для всей дореволюционной отечественной историографии[2]. Т. М. Исламов считал это совсем не удивительным, ведь «империя Габсбургов воспринималась в первую очередь как историче-

[1] Вопросы литературы, 1989. № 11. С. 36–37.

[2] Историографии не слишком внушительной по числу и объему работ. В России несмотря на географическую близость и многовековое соседство, несмотря на многообразие и интенсивность контактов с династией Габсбургов и ее владениями, австрийская проблематика оставалась, как правило, где-то на периферии исследований зарубежной истории. Ситуация до некоторой степени стала меняться лишь в канун Первой мировой войны, с появлением яркого, безвременно скончавшегося историка --петербургского приват-доцента Павла Митрофанова.

ский противник России, как главная ее соперница на Балканах, к тому же «незаконно» властвовавшая над славянскими народами Средней Европы — потенциальными проводниками русского влияния в регионе»[1]. Причем российская историография в своих отрицательных оценках дунайской монархии не была одинока. Образ «обветшалого царства» (Д. Ллойд-Джордж), «обреченного на гниение и распад», доминировал в начале XX в. в публицистике и общественном мнении всех враждовавших с Австро-Венгрией и Германией государств, а с началом Первой мировой войны планомерная пропагандистская кампания по дискредитации Австро-Венгерской монархии набрала полную силу[2].

Нетрудно, впрочем, впасть и в другую крайность: образ «тюрьмы народов» заменить не менее односторонним — их «дружной семьи». В моменты обострений межнациональных противоречий в Центральной и Юго-Восточной Европе, этнических чисток (в том числе и на землях, когда-то принадлежавших Габсбургам, в частности в Боснии) не только публицисты, но и историки, политологи в разных странах отдавали дань ностальгическим настроениям, не избегали соблазна противопоставить современной Средней Европе, а тем более Балканам монархию Габсбургов в качестве некоего образца и ориентира при разрешении национальных споров. Из эпохи Франца Иосифа, писал в связи с этим Т. М. Исламов, «изымаются и 1848–1849 гг., и Первая мировая война. Так, в памяти нескольких поколений австрийцев, да и не только одних австрийских «его подданных», но и венгерских и других, остался образ благообразного старого господина с седой раздвоенной бородой. Увековечению и популяризации этого «имиджа» по-своему способствовал Йозеф Швейк с его добродушными шутками над облепленным мухами портретом старого императора, висящем на видном месте в зале пражского трактира. Впечатление о «благополучном царствовании» Франца Иосифа и добром императоре еще больше усилили обрушившиеся на народы бывшей его империи бедствия, связанные с фашизмом и Второй мировой войной»[3]. Та-

[1] *Исламов Т. М.* Конец среднеевропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства (Отв. редакторы Т. М. Исламов, А. И. Миллер). М., 1995. С. 31.

[2] Некоторое исключение составляли разве что США — озабоченный в то время своими собственными проблемами и не проявлявший пока еще большого интереса к европейским территориальным спорам Новый свет оставался безучастным к страстям, кипевшим вокруг монархии Габсбургов. В силу этого там сохранялся иммунитет против предубеждений и предрассудков европейских союзников, что, кстати сказать, стимулировало и развитие научного знания — со временем в США сложилась сильная школа по истории Австро-Венгрии, высоко ценившаяся Т. М. Исламовым (См.: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. С. 28).

[3] Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М., 1991. С. 286.

ким образом, некоторые новые, идиллические интерпретации, даже если и видеть в них закономерную реакцию на прежнюю тенденциозность, также рискуют исказить историческую реальность односторонним подчеркиванием позитивных и игнорированием негативных сторон в истории многонационального государства.

Т. М. Исламов, не идеализируя габсбургские порядки, стремился показать в своих работах противоречивость исторического процесса, никогда не вписывающегося в априорно заданную формулу «тюрьма народов». Как, в самом деле, можно вывести из всех этих схем тот показательный факт, что, завоевав независимость лишь в 1918 г., Чехословакия сразу же вошла в первую десятку наиболее развитых стран мира? Экономическое процветание чешских земель было прежде всего результатом стихийного развития капитализма, а не целенаправленной государственной политики, важно заметить, что габсбургские рамки отнюдь не стали препятствием на пути промышленного подъема. Не менее симптоматично, что формировавшаяся при отсутствии собственной государственности, в составе Австро-Венгерской монархии, чешская буржуазная нация стала в 1920–1930-е годы носителем одной из наиболее продвинутых форм демократии в межвоенной Европе.

Т. М. Исламов не забывал и о другом: те малые славянские этносы Средней Европы, которые не имели в XIX в. собственной государственности, не всегда торопились распахнуть в сторону Востока двери «тюрьмы народов», иногда предпочитая габсбургский гнет более «кровнородственному» российскому. Какие бы острые межнациональные противоречия ни раздирали империю, сохранение ее для народов, стиснутых между двумя колоссами — Германией и Россией, воспринималось некоторыми славянскими идеологами как вопрос жизни и смерти, единственный путь, позволяющий избежать ассимиляции. Так, теоретик австрославизма Ф. Палацкий писал об Австрии как о «европейской необходимости», способной защитить малые нации Средней Европы от угрозы прусского пангерманизма и от все более внушавшего опасения российского имперского панславизма и, что не менее важно, гарантировать стабильность в регионе. И позже, вплоть до начала Первой мировой войны, большинство идеологов национальных движений Австро-Венгрии, включая Т. Г. Масарика, хотя и не было удовлетворено положением своих народов, все-таки чаще искало пути разрешения существующих проблем именно в рамках дуалистической монархии, не выступало за ее немедленное разрушение, отдавая предпочтение более плавной трансформации в иное качество. Идеи дунайской федерации или конфедерации, которые выдвигал, в частности, лидер венгерской революции 1848 г. Л. Кошут, страдали явным утопизмом, тогда как монархия Габсбургов существовала реально, при всем своем системном несовершенстве внушая многим современникам надежды на возможность реформирования.

Попыткам реформирования системы межнациональных отношений как в масштабе всей монархии, так и в отдельных ее частях Т. М. Исламов уделял особое внимание. При этом он тщательно анализировал причины неудач. Хотя идейно-политические традиции дома Габсбургов мало отвечали задачам реорганизации монархии на новых основаниях, активизация национальных движений, усиление центробежных тенденций в империи, равно как и внешние вызовы (в первую очередь прусский), вынудили венские власти всего через десятилетие после подавления венгерской революции к поиску компромиссных решений. Реальное воплощение на практике получило австро-венгерское Соглашение 1867 г. Оно дало империи иллюзию стабильности, но в лучшем случае только на три десятилетия, и то лишь ценой отчуждения славянских народов, составлявших более половины населения монархии. К началу XX в. соглашение дома Габсбургов с Венгрией в силу многих причин дало явную трещину, перестав удовлетворять обе стороны. Имперская идеология, коренившаяся в феодальных, династических концепциях, при всем своем наднациональном содержании так и не сумела предложить эффективных способов согласования интересов центра с интересами отдельных наций. Репутация великой державы, способной хоть как-то оградить своих разноязыких подданных от внешних агрессий, да привычное поклонение граждан престарелому императору Францу Иосифу, символизировавшему незыблемость устоев, были единственным, что поддерживало существование Австро-Венгрии, пока не разразилась Первая мировая война, отнюдь не переломившая вектора развития, но вместе с тем ускорившая крах когда-то могущественной европейской империи, слабевшей с каждым новым десятилетием, превращавшейся в сателлита Германии. Раздираемая внутренними противоречиями и полностью подчинившая свою внешнюю политику интересам Германского рейха, монархия Габсбургов вопреки ожиданиям некоторых политиков так и не стала гарантом поддержания равновесия, сохранения стабильности в регионе.

Оценивая роль венгерского фактора в монархии, Т. М. Исламов, с одной стороны, отмечал его консолидирующее значение в условиях вызова пангерманизма и панславизма (в различных формах). С другой стороны, он признавал, что зачастую в первую очередь именно Будапештом блокировалась выработка иных, возможно более совершенных способов организации среднеевропейского пространства. Сосредоточившись на общих проблемах истории Австро-Венгрии, ее внешней политике, отношениях с Российской империей, Т. М. Исламов опубликовал в 1980–1990-е годы целый ряд статей, главы в коллективных трудах[1]. С изучением им австро-венгерской истории тесно связан его интерес к среднеевропейской

[1] Список основных его трудов, опубликованных до 1998 г., см. в книге: Центральная Европа в новое и новейшее время. Сборник к 70-летию Т. М. Исламова (Отв. редактор А. С. Стыкалин). М., 1998. С. 226–229. См. в настоящем издании обновленный список.

идее формирования историко-географических регионов Европы. Статьи по этому кругу проблем были опубликованы им в «Европейском альманахе», журналах и сборниках[1].

Значительные изменения, произошедшие в Европе с конца 1980-х годов, заставили историков взглянуть по-новому на некоторые устоявшиеся определения и в том числе переосмыслить содержание понятия «Восточная Европа». Раздел континента на сферы влияния сверхдержав по итогам Второй мировой войны, установление биполярной Ялтинско-потсдамской системы международных отношений, затушевав региональную специфику Средней Европы и Балкан, выдвинули на первый план (не только в СССР, но и на Западе) именно эту дефиницию с присущей ей ярко выраженной политической окраской. Жесткие категории межблокового противостояния не всегда позволяли разглядеть за унылым однообразием тоталитарных режимов среднеевропейскую специфичность, отличив ее от балканской. Только с крушением послевоенной системы с прежней отчетливостью обозначились исторически сложившиеся существенные различия между странами, относившимися к распавшемуся советскому блоку, сама среднеевропейская идея получила новое звучание.

Среднеевропейская региональная специфика, как неоднократно отмечал в своих работах Т. М. Исламов, складывалась не только под влиянием внешних сил. Народы, веками проживавшие в тесном соседстве, на определенной географической территории, где сами границы этносов всегда носили довольно размытый характер, сформировались в некоторую наднациональную общность, история которой дает нам примеры не только отталкивания, но и притяжения. Опыт их сосуществования, по мнению Т. М. Исламова, небесполезен нам сегодня в поисках путей европейской интеграции.

Несомненно, что главным регионообразующим фактором в Средней Европе было многонациональное государственное образование — Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгерская монархия. По справедливому замечанию Т. М. Исламова, эти земли на протяжении «бурной истории могучими порывами кидало от берега к берегу до тех пор, пока утвердившаяся здесь новая среднеевропейская империя не стабилизировала международно-правовой статус региона и его положение в отношении к соседним регионам»[2]. И совершенно естественно, что в странах

[1] См., например: *Исламов Т. М., Фрейдзон В. И.* Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С. 119–133; *Исламов Т. М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион (Отв.редактор А. И. Миллер). М., 1996. С. 49–72.

[2] *Исламов Т. М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации. С. 52. Статья «Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв.» (Новая и новейшая история, 2001 № 2) явилась итогом многолетнего изучения истории полиэтничной дунайской державы.

Средней Европы любые размышления на тему о путях и формах межнациональной интеграции и гарантах общей безопасности не могут в той или иной мере не отталкиваться от опыта Австро-Венгрии, монархии, переставшей существовать еще в 1918 г., но оставившей во многом уникальное по своей многогранности историческое наследие, без критического изучения которого едва ли смогут обойтись те, кто занят в наши дни поисками путей разрешения национальных проблем.

Более двух десятилетий Т. М. Исламов по сути дела возглавлял направление отечественной историографии, сосредоточенное на изучении истории межэтнических взаимоотношений в Средней Европе в новое и новейшее время. Некоторые его замыслы были реализованы в коллективных трудах, подготовленных вместе с учениками и единомышленниками[1]. В силу традиции, начавшей формироваться в отечественной исторической науке еще в XIX в. и получившей новые импульсы в середине 1940-х годов, в период господства сталинского неопанславизма, региональным подходом при изучении истории Средней Европы и Балкан нередко пренебрегали, тогда как явный приоритет отдавался систематизации изучаемых стран и народов по этническому признаку. Славянским народам иногда уделялось внимание непропорциональное реальному весу некоторых из них в полиэтничном государстве, что неминуемо приводило к искажениям. Габсбургский, имперский контекст, этнокультурная, этнополитическая среда существования отдельных славянских народов прорисовывались во многих славистических работах довольно слабо. Так, рассмотрение истории Словакии в XIX — начале XX в. нередко происходило в отрыве от более общих политических и социальных процессов, протекавших в Венгерском королевстве, неотъемлемой частью которого была вплоть до 1918 г. Словакия. Складывалось положение, на неестественность которого обратил в свое время внимание даже небезызвестный А. А. Жданов, увидевший в противопоставлении славянских народов неславянским опасность сужения базы советской внешней политики, препятствие для вовлечения неславянских стран в орбиту советского влияния: «Выдумывают славянскую экономику, поддерживают иллюзию, что этапы перехода от капитализма к социализму в славянских странах какие-то особые, чем в других странах», — с нескрываемым раздражением говорил главный сталинский идеолог 27 марта 1948 г. на совещании в

[1] См., в частности, проблемные сборники: Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX века. М., 1991; Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). М., 1991; Национализм и формирование наций: Теории — модели — концепции. М., 1994; Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995; Центральная Европа как исторический регион. М., 1996; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997; Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). М., 1999.

ЦК ВКП(б) в связи с подготовкой конгресса ученых-славяноведов, так и не состоявшегося вследствие советско-югославского разрыва[1].

Т. М. Исламов признавал, что существование самостоятельной области знания — исторического славяноведения способствовало более углубленному изучению многих конкретных проблем истории отдельных народов. Отдавал он себе отчет и в сугубо психологических причинах, заставлявших историков второй половины XX в. (не только в СССР) уделять подчас несколько гипертрофированное внимание среднеевропейскому славянству (и в частности в монархии Габсбургов): опыт Второй мировой войны не только делал затруднительным беспристрастное отношение к роли немецкого элемента в развитии региона, но и вел к непомерному возвеличению германско-славянского противостояния как фактора исторического процесса. Применительно к ряду периодов новой истории абсолютизация такого противостояния создавала не всегда адекватное представление о месте и значении русско-славянских связей в культурно-историческом развитии западных и южных славян. Не обращалось должное внимание на сложность межнациональных отношений внутри империи Габсбургов, в которую часть славянства неплохо интегрировалась. Идеи славянской взаимности, замечал Т. М. Исламов, становились востребованными и популярными «в моменты национальных катастроф, когда та или иная славянская нация особенно ощущала потребность в дополнительной поддержке»[2]. Действительно, они придавали сербам и болгарам сил в борьбе с турецким игом, выполняли защитную функцию в условиях, когда чехам, словакам, хорватам, словенцам угрожали германизация или мадьяризация. Повышение интереса к концепциям славянской общности было характерно для чешской интеллектуальной элиты в период Второй мировой войны. Стимулируя историческую память, повышая статус этнического самосознания малых общностей и облегчая преодоление локальной и религиозной разобщенности славянских народов в условиях чужеземного гнета, эти идеи вместе с тем иной раз уводили в сторону от понимания конкретных нужд национального развития. Сыграв свою позитивную роль в экстремальной ситуации, «увлечение славянским вопросом всегда быстро уступало место другим, не привязанным жестко к принципам и критериям языкового родства»[3].

Как ни болезненно это подчас воспринималось в России, ход истории постоянно свидетельствовал о том, что по мере своей политической эмансипации зарубежные славяне все более тянулись к Западу, к более

[1] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 2.

[2] *Исламов Т. М.* Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 22.

[3] Там же.

прогрессивным формам жизни. И наиболее мудрые петербургские дипломаты кануна Первой мировой войны осознавали, что венгерский «гнет быть может есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России. С прекращением его у них явятся другие интересы и — большой вопрос, будут ли последние соответствовать нашим»[1]. В одной из памятных бесед Тофик Муслимович горячо солидаризировался с известным филологом А. Н. Пыпиным, заметившим в свое время, что Россия может стать примером для других славянских народов не иначе как после значительной внутренней работы над самой собой, над условиями своего быта[2]. А как историк-практик, отдавая дань славистической тематике (и читая в 1990-е годы курс истории зарубежного славянства в Государственном университете гуманитарных наук), Т. М. Исламов последовательно отстаивал необходимость более сбалансированного регионального подхода к среднеевропейской истории, где судьбы славянских и неславянских народов были тесно переплетены. Он считал методологически ошибочным исследование любого народа изолированно, в отрыве от истории окружающих его этносов, равно как и от общих тенденций развития полиэтничных государственных образований, включавших в себя данный народ. К сожалению, усилия Тофика Муслимовича по созданию на базе Института славяноведения центра австро-унгаристики и комплексных среднеевропейских исторических исследований были в значительной мере сведены на нет в конце 1990-х годов. На каком-то этапе в процессе очередной реорганизации возникла даже идея вывести унгаристику из стен Института, в котором сложилась давняя традиция унгарологических исследований. Т. М. Исламов и его ближайший друг В. П. Шушарин реагировали на это не только с болью, но с иронией. Мадьяры, еще в IX в. вбившие клин между западным и южном славянством, настолько сплели свою судьбу с судьбами славянской общности, что игнорировать венгерский контекст при изучении славянского мира — пагубно для самой славистики.

В последние десятилетия круг научных интересов Т. М. Исламова охватывал три столетия. В ряде статей конца 1990-х годов он обратился к изучению международных отношений середины — второй половины XVIII в.[3] Одной из излюбленных тем Тофика Муслимовича остава-

[1] *Ненашева З. С.* Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX — начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб) // Славянский вопрос: Вехи истории. Отв. редактор М. Ю. Досталь. М., 1997. С. 146.

[2] См.: *Стыкалин А. С.* Метаморфозы истории и славянское братство: Размышления над книгой // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 236–246.

[3] См., в частности, статью Т. М. Исламова: Заговор против Польши. О роли русско-прусско-австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе Польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.

лась венгерская революция 1848 г., которую он неизменно рассматривал в общеевропейском контексте. На рубеже 1990–2000-х годов в работах некоторых известных историков наметилась тенденция представить едва ли не магистральной тенденцией антиабсолютистской демократической революции 1848–1849 гг. столкновение на национальной почве славян в лице сербов и хорватов с мадьярами, проводившими шовинистическую политику в отношении других народов. По мнению И. В. Чуркиной и ее единомышленников, именно венгры разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение[1]. Вступивший в дискуссию Т. М. Исламов писал о том, что произошедший в 1848–1849 гг. в Средней Европе необычайно мощный всплеск страстей на национальной почве впервые в мировой истории воочию продемонстрировал в масштабе всего региона взрывную силу национализма во всех его формах и проявлениях. Национальный момент, конечно, с самого начала присутствовал и в венгерском революционном движении, однако не был, по его мнению, доминирующим, играл подчиненную роль, по крайней мере на первых порах. Программа Л.Кошута, относящаяся к весне 1848 г., ставила своей целью введение конституционного строя в масштабе всей обширной среднеевропейской империи. Не утрачивая своего национального характера, венгерская революция вместе с тем потенциально имела все шансы перерасти узконациональные рамки, поскольку совершалась во имя фундаментальных интересов всех народов монархии. Не удивительно, что венгерская инициатива была по достоинству оценена в либеральных, демократических кругах Австрии. Буржуазные по содержанию политические, социальные и экономические реформы, осуществлявшиеся в Венгрии в марте – апреле 1848 г., по мнению Т. М. Исламова, не имели специфической национально-мадьярской окраски. Полезные и необходимые с точки зрения национального развития всех народов земель «венгерской короны», они не предусматривали никаких дискриминационных мер в отношении меньшинств. От аграрных преобразований, проведенных революционным венгерским правительством, выигрывали все национальности, но особенно славяне и румыны — преимущественно крестьянские по своей социальной структуре народы полиэтничной Венгрии. Их национальные движения весной 1848 г. развивались в русле общедемократической, антифеодальной и антиабсолютистской революции. Но это было лишь начало широко развернувшегося демократического процесса, народы же ждали продолжения. Национальные элиты с особым нетерпением ожидали от венгерского правительства как минимум закре-

[1] См., в частности: Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение, 2003. № 5. С. 63–72.

пления за этническими общностями специфических коллективных прав, создания гарантий национально-культурного развития в рамках венгерского государства. Правительство же не было готово пойти достаточно далеко навстречу специфическим — и справедливым — требованиям национальных меньшинств. Оно полагало, что общегражданских прав, политических свобод и освобождения крестьян без выкупа было достаточно, чтобы удовлетворить чаяния национальностей и сделать их союзниками революционной Венгрии. Политические элиты славянских народов, а также румын считали иначе. Это выяснилось через несколько месяцев после начала революции, в ходе формулирования национальных программ. С течением времени как хорваты, так и сербы все более решительно выдвигали требования широкой национальной автономии. Однако венгры видели в этом нарушение целостности своего государства. В условиях существования независимой Сербии предоставление автономии граничащей с ней Воеводине действительно могло быть воспринято как шаг к отделению, и Кошут не хотел здесь идти на компромисс. Как бы там ни было, участие хорватов и сербов в подавлении венгерской революции не имело ничего общего с подлинными национальными интересами названных народов. На первый план, по глубокому убеждению Т. М. Исламова, вышли ложно понятые национальные интересы: были выдвинуты лозунги, отнюдь не ориентировавшие на радикальную модернизацию социальных структур и политического строя общества. Верх одержал узкий национализм, не способный дать адекватный ответ на вызовы времени в интересах собственного народа. Абсолютистская реакция меньше всего была озабочена национальными чаяниями сербов и других югославян, хотя и сумела использовать разрушительную энергию национализма в целях реставрации. Хотя главная линия водораздела пролегла в 1848–1849 гг. не между отдельными народами, а между свободой и несвободой, между феодально-абсолютистским режимом и новым обществом, обострившиеся межэтнические противоречия и не получили разрешения. Это в корне перечеркнуло заманчивую перспективу, открывавшуюся перед венгерской революцией, успех которой был бы сопряжен с уничтожением абсолютизма и исчезновением самой империи, а потому неминуемо должен был привести к радикальнейшему геополитическому сдвигу в среднеевропейском регионе и, более того, к кардинальной перестройке международных отношений и системы союзов во всей Европе[1].

В 1990–2000-е гг. Тофик Муслимович продолжал интенсивно заниматься международными отношениями в Европе в XIX — начале XX вв.

[1] О революции 1848–1849 гг. в Венгрии, сложных взаимоотношениях венгерского революционного движения с национальными движениями других народов монархии Габсбургов Т. М. Исламов писал в разных работах, в том числе в коллективном труде «Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии» (М., 2001).

и особенно внешней политикой Австрийской империи (затем Австро-Венгрии), а также российско-австрийскими отношениями[1]. С момента основания в середине 1990-х гг. Российской ассоциации историков Первой мировой войны он принимал активное участие в ее работе. О роли Австро-Венгрии в Первой мировой войне, о сараевском убийстве и австро-сербском конфликте Т. М. Исламов писал в целом ряде работ, включая разделы коллективных трудов[2]. В последнее десятилетие жизни Тофик Муслимович много размышлял не только над глубинными причинами распада монархии Габсбургов, но и над возможными альтернативами реализованному пути развития, а также над последствиями краха Австро-Венгрии для среднеевропейского региона. Да, правящие элиты обеих составных частей монархии, сопротивляясь любым проектам далеко идущей федерализации, оказались неспособны дать адекватный требованиям времени ответ на вызовы национализма. И в этом смысле опыт монархии Габсбургов важен сегодня для нас больше своими предостережениями, нежели позитивными образцами. Но нельзя забывать и о другом. В 1920-е гг., выстраивая Версальскую систему, лидеры стран-победительниц не учли, что наднациональной монархии Габсбургов «надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть»[3]. Между тем и Малая Антанта, противостоявшая реваншистским устремлениям хортистской Венгрии, и Лига наций оказались еще менее способны, чем династия, выступить в роли некоего консолидирующего центра, примиряющего противоборствующие национальные идеи. Декларированный принцип «одна нация — одно государство» не был реализован, слишком велико было несовпадение между установленными государственными и этническими границами. Почти в каждой из стран значительную долю населения составляли меньшинства с развитым национальным сознанием, для которых образованные унитарные государства никак не могли стать «своими», доктрины чехословакизма и югославизма показали в этом смысле неэффективность. Некоторые из меньшинств, в частности венгерское в Чехословакии, Румынии и Югославии, имели центры

[1] См. одну из его позднейших, итоговых статей: *Исламов Т. М.* Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып.1. Отв. редакторы И. В. Крючков, О. В. Павленко. Москва-Ставрополь, 2004. С. 4–63. Из других работ см.: *Исламов Т. М.* Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика» (Отв. редактор О. В. Хаванова). М., 1997.

[2] Т. М. Исламов был в числе авторов таких трудов, как: Первая мировая война и ее последствия (М., 1996); Первая мировая война: Пролог XX века (М., 1998); Мировые войны XX века (М., 2002. Т. 1). Итоговой для автора в плане разработки данной темы была статья: *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история, 2001. № 5.

[3] *Исламов Т.* Конец среднеевропейской империи. С. 41.

притяжения за границей, и в силу этого любое требование о расширении их прав воспринималось правящими кругами молодых государств как потенциальная угроза целостности; реальная же политика хортистского режима лишь убеждала их в опасности венгерского ирредентизма. Нерешенная проблема национальных меньшинств, отсутствие эффективного механизма согласования национальных интересов (как внутри отдельных стран, так и в межгосударственных отношениях) на протяжении всего межвоенного периода оставались источником немалой напряженности в регионе. Таким образом, острые межэтнические конфликты в регионе не исчезли, были лишь перенесены в другую плоскость, вынесены за пределы отдельных государств, превратились в межгосударственные.

Логика творческого пути историка, заставляя его задуматься над неоптимальностью воплотившейся с распадом монархии Габсбургов модели развития, приводила к тому, что центр тяжести в исследованиях Т. М. Исламова со временем все больше перемещался с новой истории на новейшую. Когда были сняты политические препятствия, стоявшие на пути изучения национально-территориальных споров в регионе, долгое время относившемся к советской сфере влияния, он в числе первых в российской историографии обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них. Важным вкладом в науку явились опубликованные в России, Венгрии и Румынии его подлинно новаторские работы (по большей части выполненные в соавторстве с Т. А. Покивайловой) о румыно-венгерском споре из-за Трансильвании в условиях Второй мировой войны и послевоенного формирования Ялтинско-потсдамской системы международных отношений[1]. В этих трудах, основанных на скрупулезном изучении документов Архива внешней политики России, румыно-венгерские территориальные противоречия рассматривались в контексте советской политики и отношений великих держав с учетом обстановки на фронтах Второй мировой войны. Венцом многолетних архивных изысканий явился сборник документов под редакцией Т. М. Исламова «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946» (М., 2000), вызвавший международную дискуссию, к которой подключился даже тогдашний министр иностранных дел Румынии и бывший премьер-министр этой страны Петре Роман[2]. Статья Т. М. Исламова и Т. А. Покивайловой «СССР и трансильванский во-

[1] Речь идет о журнальных статьях, а также главах в коллективных трудах «Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)». (М., 1994), «Война и политика. 1939–1941» (М., 1999), «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.» (М., 1999) и др. В Румынии была опубликована монография: Islamov T., Pokivailova T., Vinteler O. Din culisele !uptelor pentru Ardeal. Cluj, 2003. Монография Т. М. Исламова и Т. А. Покивайловой на русском языке по этой теме вышла осенью 2008 г. (См. список основных работ Т. М. Исламова).

[2] Новая и новейшая история, 2000. № 6.

прос (1945–1946)» вышла из печати буквально в последние дни жизни Тофика Муслимовича[1]. В основном была завершена и монография двух авторов «Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1947 гг.» Т. М. Исламов участвовал также в публикации документов из российских архивов, касающихся венгерской революции 1956 г.[2] Его статья по историографии венгерского восстания вызвала дискуссию[3].

Тофик Муслимович Исламов посвятил свою жизнь изучению региона, где испокон веков происходили острые национально-территориальные споры, и специфическая среднеевропейская ментальность, среднеевропейская идея, если и пробивали себе дорогу, то вопреки всем драматическим, подчас кровавым катаклизмам, которые разводили национальных политиков по разные стороны баррикад и наносили каждой из наций региона медленно заживающие раны. Причем центральноевропейские споры имели тенденцию к перерастанию в глобальные. Вершители судеб Европы всегда исходили из того, что регион нестабилен, и строили именно на этом свои планы по организации данного геополитического пространства в соответствии с собственными интересами. По образному замечанию одного из историков, «мешок, в который собирали этих беспокойных блох, как правило, шили где-то вне Центральной Европы. Без внешних скоб и гарантов, которыми могли быть то Габсбурги, то Гогенцоллерны (Mitteleurora), то Запад (Версальская система), то Восток (ялтинские решения), стабильность этого региона считалась невозможной или ненадежной»[4]. Для выдающегося знатока истории межнациональных отношений в регионе Т. М. Исламова проблема национализма была не просто отстраненным объектом научного анализа, но предметом неустанных размышлений — питаемых как историческим опытом, так и, в не меньшей мере, современными впечатлениями[5]. В контекст этих размышлений, особенно в связи с событиями в бывшей Югославии и вокруг нее, неизменно входила и Россия. Тофику Муслимовичу всегда была присуща нетерпимость к ущемлению национальных чувств, любым проявлениям великодержавного шовинизма, который (в чем он был глубоко убеж-

[1] Вопросы истории, 2004. № 12. Ожидает выхода в свет и коллективный труд с участием Т. М. Исламова «Между традицией «порохового погреба» и порядком «железного занавеса». Территориальные проблемы на Балканах и в Дунайском бассейне в конце Второй мировой войны».

[2] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.

[3] См.: Вопросы истории, 1997. № 11; 1998. № 10.

[4] *Кржен Я.* Центральная Европа: какой она видится из Чехии // Европейский альманах. 1993. М., 1993. С. 88.

[5] См.: *Исламов Т. М.* Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 3–10; Он же. О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль, 1997. № 8. С. 95–104.

ден) унизителен как раз для представителей большой нации. Человек, связавший себя с Россией и русской культурой, он болезненно реагировал на имперские, великодержавные жесты в политике царской России, СССР, постсоветской России, отнюдь не прибавлявшие этой стране авторитета и уважения соседей, а ее народу самоуважения. И не менее болезненно — на стремление некоторых политиков следовать ложно понятым, искаженным национальным интересам. При этом, как и подобает настоящему профессионалу, Т. М. Исламов не мог уйти от исторических параллелей. Так, размышляя в одной из дискуссионных статей над событиями июля 1914 г., дилеммами, стоявшими перед российской политикой в тот период, он довольно провокативно обращался к дню сегодняшнему. В том ли состоит национальный интерес России, чтобы дать себя вовлечь в явно авантюрные предприятия и во имя какой бы то ни было солидарности (не столь уж важно, в конце концов, какой — пролетарской, общеславянской, православной и т. д.) жертвовать собственной безопасностью? Где тот предел, до которого должна простираться поддержка Россией амбиций своих действительных или мнимых стратегических союзников, например, сербской политической элиты 1990-х гг. во главе с Милошевичем[1]? Столь категоричная постановка вопросов, обращенных не только к историкам, публицистам или политикам, а скорее к интеллигентскому общественному мнению, вызывала полемику некоторых коллег[2], а иногда и яростную отповедь. Однако Тофик Муслимович, человек довольно мягкий в повседневной жизни, был непреклонен в своем убеждении: главный урок, который следует извлечь из исторического опыта европейского развития двух последних столетий, заключается в том, насколько не безобидна в своих крайних проявлениях национальная идея, и сколь недальновидна, а подчас и огнеопасна политика поощрения национализма извне, даже под самым благовидным, казалось бы, предлогом. Что же касается югославянских и — шире — балканских проблем, то в последние годы жизни Т. М. Исламова они занимали все более значительное место в сфере его интересов. Почему в конце 1990-х гг., как и в начале 1940-х, мир вновь стал свидетелем развала на составные части полиэтничного государственного образования, на предшествующем эта-

[1] См.: *Исламов Т. М.* История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В. П. Шушарина (Отв. редактор А. С. Стыкалин). М., 2004. С. 289–313.

[2] См. в связи с этим инициированную Т. М. Исламовым дискуссию о перспективах югославизма как программы политического объединения ряда южнославянских народов: *Исламов Т. М.* Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории, 2001. № 5; *Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л.* О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению» // Там же, 2002. № 1.

пе своей истории доказавшего силу и жизнеспособность? Да, на определенных витках исторического процесса (в условиях Первой мировой войны, на заключительном этапе Второй мировой войны и не в последнюю очередь в обстановке сталинского вызова Тито в 1948 г.) хорватская и словенская национальные идеи подчиняли себя общему идеалу югославизма, а политики приносили национальные чаяния отдельных народов в жертву единому государству. Но искусственное объединение разнотипных по своему социально-экономическому и культурному развитию народов под единой государственной крышей не могло быть долговечным. Неудачу югославизма Т. М. Исламов связывал с неразрешимой проблемой соединения в одном государстве двух цивилизационных начал — балканско-православного (с сильным элементом османской политической традиции), с одной стороны, и латинско-среднеевропейского, с другой. Последствия искусственного симбиоза двух культурно-цивилизационных моделей не были устранены ни монархическим режимом межвоенной Югославии, ни коммунистическим режимом послевоенной (при всем дистанцировании Тито от интегралистской югославянской идеологии, тем более в ее великосербском варианте), что и стало главной причиной краха многонационального государства. Новое объединение югославян не лишено перспектив, полагал Т. М. Исламов, однако оно неотделимо от общеевропейских интеграционных процессов.

Т. М. Исламов, владевший основными европейскими языками, внимательно следил за современной мировой историографией, происходящими в ней дискуссиями как по общим теоретико-методологическим проблемам изучения отдельных европейских регионов, так и вокруг конкретных ключевых моментов истории стран Средней и Восточной Европы. При этом он старался не только творчески осмыслить результаты исследований зарубежных коллег, но и сделать их достоянием российской профессиональной аудитории. Показательна в связи с этим его статья «Европейские историки о европейской истории» (Новая и новейшая история, 2003. № 5). В своих историографических работах Тофик Муслимович проявлял особый интерес к изучению в современной зарубежной (в первую очередь немецкоязычной, англоязычной, венгерскоязычной) исторической науке проблем нации и национализма. Реагировал он и на наиболее заметные достижения российских историков, такие, как например, подготовленный в Институте российской истории РАН многотомный труд по истории внешней политики России[1].

Ученый с международной известностью, Т. М. Исламов многократно представлял СССР и Россию на конференциях в разных странах мира.

[1] См.: *Исламов Т. М.* Пять веков внешней политики (В соавторстве с В. Н. Виноградовым и А. В. Ревякиным) // Новая и новейшая история, 2004, № 1.

Первый раз он выехал за рубеж в 1957 г. — в Венгрию, через полгода после драматических, всколыхнувших весь мир событий. Он познакомился в тот свой приезд с молодыми историками — Ференцем Мучи, Анталом Йожей, крепкую дружбу с которыми пронес через всю жизнь. Еще в 1970-е гг. Т. М. Исламов стал одним из основателей совместной комиссии историков СССР и Венгрии, долгие годы (до лета 2004 г.) возглавлял российскую часть комиссии историков России и Венгрии, работающей весьма плодотворно и после его смерти под руководством академика Ю. С. Пивоварова. В конце 1990-х гг. он стоял у истоков другой совместной комиссии историков — российско-австрийской и в последние годы жизни отдавал ей немало сил. В своих выступлениях по проблемам истории Австрии и австро-российских отношений в XIX — начале XX веках Тофик Муслимович не ограничивался политической тематикой, сотрудничеством и соперничеством двух монархий на международной арене, он проявлял все больший интерес к австронемецкой культуре. К сожалению, он не увидел напечатанной свою принципиально важную статью «Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация» в сборнике «Модерн. Модернизм. Модернизация» (М., 2004). Но переведенный и опубликованный по его инициативе сборник избранных работ выдающегося венгерского политолога Иштвана Бибо на русском языке Т. М. Исламов все же успел подержать в руках[1]. Тесные связи Тофик Муслимович поддерживал с американскими научными центрами, занимающимися историей Австро-Венгрии. В солидном ежегоднике «Austrian History Yearbook», других научных изданиях США опубликовано несколько его статей — о балканской политике Габсбургов, об отношениях России и Австро-Венгрии в условиях Восточного кризиса конца 1870-х гг., о российской историографии монархии Габсбургов, о проблемах формирования венгерской политической нации[2]. Работы Исламова многократно выходили в Венгрии, неоднократно в Австрии и ряде других среднеевропейских стран. Последнее публичное выступление Тофика Муслимовича состоялось 24 сентября 2004 г. на конференции в г. Черновцы. В течение двух часов коллеги не отпускали с трибуны известного российского историка, выслушивая его мнение по ряду острых проблем межнациональных отношений в Средней Европе (и прежде всего по

[1] *Бибо Иштван.* «О смысле европейского развития». М., 2004.

[2] См., например: The Balkan policy of the Habsburg Monarchy and Austrian-Russian relations // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870-es. Ed. by B. Kiraly and G. Stokes. Boulder (Colo) — New York, 1985. P. 31–41; From «natio hungarica» to Hungarian nation // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU. Ed by R. L. Rudolph and D. Good. Minneapolis, 1992, P. 159–184; Soviet Historiography on the Habsburg Empire (в соавторстве) // Austrian History Yearbook. Vol XXVI. 1995. P. 165–188.

трансильванскому вопросу) — мнение, как всегда основанное на глубокой проработке огромного фактического материала. Для Тофика Муслимовича поездка в Черновцы осталась последним ярким жизненным впечатлением — так сложилось, что из всех австро-венгерских исторических земель он не бывал до тех пор лишь в Буковине.

Свою эрудицию и профессиональные навыки Т. М. Исламов передавал молодым поколениям историков — не только в России, но и за ее пределами. С начала 1970-х гг. он писал разделы для университетских учебных пособий по новой истории и историографии истории нового времени, в 1990-е преподавал в Государственном университете гуманитарных наук в Москве. Три десятилетия занимался обучением аспирантов, многие из которых защитили под его руководством кандидатские диссертации. Безотказно консультировал молодых иностранных ученых, приезжавших в Москву для работы в архивах. За месяц до кончины, случившейся под новый, 2005 г., прикованный к больничной койке после перенесенного тяжелого инфаркта, он писал, превозмогая боль, оппонентские отзывы на две диссертации...

Отзывчивость Тофика Муслимовича, его открытость поступавшим с разных сторон предложениям о сотрудничестве помешали ему реализовать некоторые собственные сокровенные замыслы. Остались незавершенными монографии о внешней политике Австро-Венгрии и российско-австрийских отношениях в эпоху дуализма, о деятельности Союзной Контрольной Комиссии в Австрии в 1945–1955 гг. Супруге Т. М. Исламова Елене Константиновне Вяземской придется еще долгие месяцы заниматься разбором архива и обширного научного наследия своего мужа и учителя. Нельзя отделаться от мысли: при всей внушительности списка публикаций (до 200 позиций) опубликованное Тофиком Муслимовичем несоразмерно его таланту и знаниям.

Вклад Т. М. Исламова в унгаристику был отмечен рядом венгерских правительственных наград. На его кончину отреагировали старейший венгерский исторический журнал «Сазадок», Институт истории Венгерской Академии наук и ее президент Ф. Глатц. Откликнулись на эту горькую утрату и в других странах.

Дело Т. М. Исламова продолжают его ученики, которых он по-отечески пестовал, передавая им не только сугубо методологические навыки, но и свои представления о научной этике — в науке активно работают Е. К. Вяземская, А. Г. Айрапетов, А. И. Миллер, С. А. Романенко, О. В. Хаванова, О. В. Павленко, А. С. Стыкалин, И. В. Крючков и многие другие.

А. И. Миллер

НА ГРАНИЦАХ ЕВРОПЫ: АНСАМБЛЬ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ

Плотность и многоплановость взаимодействия в области национальной политики между соседствующими друг с другом континентальными империями носит качественно иной характер по сравнению с типичным для геополитического соревнования всех империй использованием против соперника сепаратистской карты. При изучении национальной политики и процессов формирования наций, во всяком случае, применительно к длинному XIX веку, важно держать в поле зрения *макросистему* континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов. Первые две из них имели протяженные границы со всеми остальными тремя империями этой системы, а остальные — с двумя, причем эти границы не только неоднократно сдвигались, но и постоянно воспринимались правителями этих империй как имеющие потенциал к новым подвижкам. Целый ряд территорий на окраинах континентальных империй представлял собой «сложные пограничья», где сталкивались влияния не двух, а трех соседних держав. Сравнению таких сложных пограничий Османской, Российской и Габсбургской империй (а также Китайской и Персидской) посвящены несколько статей Альфреда Рибера[1].

Можно отметить несколько факторов, которые были важны для взаимодействия в рамках этой макросистемы. Во-первых, это религия. Здесь мы можем наблюдать следующее распределение ролей. Романовы выступали покровителями православных как внутри, так и за границами своей империи. Блистательная Порта играла такую же роль в отношении мусульман. Гогенцоллерны выступали как покровители протестантов, а Габсбурги — католиков, и Вена часто сотрудничала с Ватиканом, в том числе и в своей политике в отношении греко-католиков или униатов[2]. Репрессии в отношении католиков в бисмарковской Германии (*Kulturkampf*, особенно сильно ударивший по полякам, потому что совпал и с национальными антипольскими мерами), антипольская политика в отношении католиков и униатов в Российской империи — все это влияло на отношение Габсбургов к их православным, униатским и протестантским подданным. На более раннем этапе терпимое отношение Габсбургов к протестантам во многом было связано с необходимостью бо-

[1] *Rieber, Alfred J.* Comparative Ecology of Complex Frontiers // Imperial Rule / A. Miller and Alfred J. Rieber, eds. Budapest, New York: CEU Press, 2004. P. 179–210.

[2] О том, как развивались отношения в треугольнике Вена-Ватикан-Петроград во время Первой мировой войны см.: *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000.

роться за их лояльность с Османской империей, которая протестантам покровительствовала. Только после разгрома османской армии, с множеством венгерских протестантов в ее рядах, Габсбурги могли себе позволить обрушиться на протестантов в своей собственной империи. Положение староверов в Российской империи не может быть понято без учета событий в Габсбургской монархии, потому что именно там, в Белой Крынице, была воссоздана иерархия для старообрядческой церкви. Общины староверов неоднократно мигрировали и в Османскую империю.

Другим важным фактором взаимодействия в рамках макросистемы континентальных империй были пан-этнические идеологии: панславизм, пангерманизм, пантюркизм, которые развивались во многом взаимосвязано[1]. Все эти идеологии использовали религиозные мотивы, но даже в случае пантюркизма и панисламизма, которые представляли собой особенно тесный симбиоз, следует отличать этнические и расовые идеологические элементы от религиозных.

Если Россия вела борьбу «за сердца и души» славян Османской империи, то Порта боролась за лояльность мусульманских подданных царя. Автор обширной монографии «Политизация ислама» Кемаль Карпат не случайно дал главе «Формирование современной нации» подзаголовок «Тюркизм и панисламизм в России и Османской империи»[2]. Процессы, происходившие среди мусульман двух империй, были действительно тесно связаны[3]. Среди основоположников пантюркизма и панисламизма выходцев из России, по крайней мере, не меньше, чем выходцев из османских владений. Причем из-за многочисленного арабского населения империи пантюркизм долго оставался для Стамбула более удобным экспортным товаром, чем продуктом для внутреннего употребления.

Российский панславизм был адресован габсбургским славянам не менее чем османским. Чехи и словаки, не говоря уже о галицийских русинах, были весьма восприимчивы к этой пропаганде. Но нередко в среде австрийских славян панславизм претерпевал весьма существенные изменения, в том числе превращаясь в австрославизм, который предполагал

[1] Давняя статья В. К. Волкова о соотношении пангерманизма и панславизма была написана прежде всего, чтобы доказать, что панславизм был лишь легитимной защитной реакцией на агрессивный пангерманизм. Но если оставить в стороне политическую ангажированность работы, то из нее можно почерпнуть много полезного материала о взаимосвязи этих идеологий. См.: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 56–78.

[2] *Karpat K. H.* The Politicization of Islam. Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. Oxford, Oxford University Press, 2001. P. 276, 286.

[3] Важность этого фактора отмечает и *Geraci, Robert P.* Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, Cornell University Press, 2001. P. 279.

лояльность Габсбургам. В своей неославистской версии панславизм получил в начале XX века отклик даже в среде поляков, которые до этого выдвигали собственные версии панславизма, исключавшие москалей или, во всяком случае, отводившие лидирующую роль в славянском мире не Москве, а полякам.

Другим вызовом для Габсбургов, после того как они в 1848–49 гг., и, окончательно, после поражения от Пруссии в 1866 г., проиграли борьбу за лидирующую роль в объединении Германии, стал пангерманизм. Пангерманизм ставил под вопрос лояльность австрийских немцев династии Габсбургов. В 1867 г. австрийский премьер Фридрих Фердинанд фон Бойст утверждал, что, если дать славянам тот же статус, который должны были получить по конституционному соглашению венгры, австрийские немцы превратятся в слабое меньшинство и станут ориентироваться на Пруссию. Таким образом, австро-венгерский дуализм был отчасти следствием объединения Германии под властью Пруссии, а отчасти — следствием страха перед панславизмом[1].

Но пангерманизм был вызовом и для Романовых. Объединение Германии не только подтолкнуло русских националистов, а затем и власти к идее, что необходимо ускорить консолидацию восточных славян Российской империи в единую нацию. Пангерманизм, как ожидалось, должен был в обозримом будущем заявить права на остзейские губернии как часть большой Германии. С этого времени оказалась под вопросом лояльность Романовым всех немецких подданных империи, будь то немецкие дворяне Прибалтики, которые с XVIII в. играли столь важную роль в управлении империей; или немецкие колонисты, сотни тысяч которых заселяли к тому времени стратегически важные районы империи, в том числе западные и южные ее окраины. Именно в 1880-е гг., после объединения Германии и формирования антироссийского блока центральных держав, балтийские немецкие дворяне перестали быть проблемой фрондирующего русского дворянства, от генерала А. П. Ермолова до славянофила Ю. Ф. Самарина, а стали важным фактором в геополитических планах и страхах имперской власти. Первые ограничения на приобретение земли в западных губерниях иностранными подданными были приняты в 1887 г., а в 1892 г. закон уже ограничил права российских граждан «немецкого происхождения» приобретать земли в Юго-Западном крае.

[1] *Redlich J.* Das österreichische Staats-und Reichsproblem. Leipzig, 1920. Bd. 2. S. 559 ff. См. также комментарии Х. Лутца в: Die Donaumonarchie und die südslawische Frage von 1848 bis 1918. Texte des Ersten österrreichisch-jugoslawischen Historikertreffens / Wandruszka, Adam et al. (Hrgs.). Gösin, 1976. (Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978). S. 58 f.; *Adanir, F* Religious Communities and Ethnic Groups under Imperial Sway: Ottoman and Habsburg Lands in Comparison // The Historical Practice of Diversity. Transcultural Interactions from Early Modern Mediterranean to the Postcolonial World / Hoerder, Dirk et al., eds. New York, London: Berghahn Books, 2003. P. 54–86.

Дж. Армстронг был прав, когда написал, что создание второго Рейха стало началом конца многомиллионной немецкой диаспоры во всей Восточной Европе, и, прежде всего, в Российской империи[1]. В ходе Первой мировой войны имущественному и социальному статусу немцев, будь они иностранными или российскими подданными, был нанесен страшный удар[2].

Важно иметь в виду, что многие этнические или этнорелигиозные группы жили в двух, трех и даже, как евреи, во всех четырех империях. Исход процессов формирования лояльностей и идентичностей этих групп, складывания в их среде представлений о собственной «национальной территории» во многих случаях зависел от взаимодействий различных сил в масштабе всей макросистемы континентальных империй.

О положении немцев в трех империях, об опасениях и ожиданиях более масштабных изменений в их лояльности со стороны Петербурга и Вены уже было сказано. Различные части польских элит в разные периоды были более лояльны некоторым правительствам империй, разделивших Речь Посполитую, по принципу «иерархии врагов». Так, готовность маркиза А. Велепольского сотрудничать с Петербургом в начале 1860-х отчасти определялась тем, что он не мог простить Габсбургам их политики в отношении поляков в 1846 г., а относительная лояльность Р. Дмовского России в начале XX века была связана с его убеждением, что Германия является более опасным врагом Польши, чем империя Романовых. После подавления восстания 1863 г. поляки и Вена смогли прийти к довольно устойчивому компромиссу в Галиции во многом благодаря восприятию России как общего врага. А одна из причин легендарной лояльности евреев Австро-Венгрии Францу-Иосифу, а отчасти и евреев Германии Гогенцоллернам, в том числе и во время Первой мировой войны, коренилась в их восприятии положения единоверцев в Российской империи как исключительно тяжелого.

У тех групп, национальная идентичность которых формировалась позднее, во второй половине XIX или даже в XX в., исход этих процессов тоже во многом определялся взаимодействиями в рамках макросистемы империй. Среди таких групп, проживавших в Российской империи, но имевших большие или малые анклавы за ее границами, можно назвать румын, азербайджанцев, украинцев, литовцев, татар.

Границы империй пересекали не только идеи и деньги на поддержку желательной ориентации тех или иных групп. Через границы империй происходили как организованные властями, так и спонтанные миграции населения. Эти границы часто были военными рубежами, которые фик-

[1] *Armstrong J. A.* Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. Vol. 70. 1976. P. 393–408.

[2] *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge: Harvard University Press, 2003.

сировались и менялись в результате завоеваний. Они не были основаны на каких-то естественных рубежах или этнических принципах. Часто, в стремлении обезопасить границы, власти империй прибегали к переселениям, депортациям и колонизации. Военные действия между империями или восстания внутри них часто сгоняли население с насиженных мест, подталкивали к миграциям. Даже в мирное время происходили массовые подвижки населения. Примеров тому масса: русофильски настроенные русины переселялись из Галиции в Россию, а из Российской империи в Галицию эмигрировали украинские активисты; поляки и евреи переселялись из Российской империи в Пруссию, иногда, чтобы снова оказаться в России в результате новой подвижки границ после Венского конгресса, позднее миграции поляков шли в обоих направлениях — как из России, так и в нее; мусульмане из Российской империи уходили в Османскую (так называемое мухаджирское движение), а балканские славяне, главным образом болгары и сербы, отправлялись в противоположном направлении[1]; немцы, и в меньшем, но все равно значительном числе, чехи, мигрировали из империи Габсбургов и малых немецких государств в Российскую империю. Эти движения создавали особые культурные анклавы на новом месте, а в некоторых случаях серьезно влияли и на процессы формирования идентичностей в местах исхода.

Так, например, переезд нескольких сотен русофильски настроенных образованных галицийских русинов в Россию в 1860–80-е гг. существенно ослабил местное русофильское движение[2]. Вообще, Галиция, история которой уже основательно изучена и продолжает оставаться популярной темой у исследователей, может служить хорошей иллюстрацией многим высказанным тезисам. Во-первых, сама Галиция как регион, который сегодня изучают историки, была плодом имперского творчества: провинция была создана Габсбургами и снабжена соответствующим легитимирующим историческим мифом после первого раздела Речи Посполитой. При анализе ситуации в Галиции во второй половине XIX в. мне удалось насчитать 7 активных участников (Вена, Ватикан, Петербург, местные русины и поляки, польская эмиграция, украинское движение в России), и

[1] О некоторых аспектах миграций через российско-османскую границу, которые порой весьма напоминали согласованный обмен населением, см. неопубликованную докторскую диссертацию: *Pinson Mark.* Demographic Warfare — an Aspect of Ottoman and Russian Policy, 1854–1866. Ph.D. diss. Harvard University, 1970.

[2] См. *Himka J.-P.*. The Construction of Nationality in Galician Rus': Ikarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / Kennedy, Michael and Ronald G. Suny, eds. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1999 P. 109–164 и *Wendland, Veronika.* Die Russophilen in Galizien. Ukrainische Konservative zwischen Österreich und Russland, 1848–1915. Vienna, 2001, которые показывают механизмы таких миграций между Галицией и «русской» Украиной и их значение для формирования идентичностей галицийских русинов.

это при том заведомом упрощении, что я трактовал и имперские центры, и этнические группы в Галиции как внутренне единых акторов[1]. Большинство акторов этого списка можно охарактеризовать как внеимперские. Они активно пытались влиять на формирование идентичностей и лояльностей местного населения как путем финансовой поддержки тех или иных сил в провинции, так и посылкой туда своих агентов[2]. Вопрос о возможной аннексии Галиции периодически обсуждался в правящих кругах Российской империи еще в середине XIX века[3], а в начале XX века, стал одним из ключевых пунктов внешнеполитической повестки дня русского национализма. Вена, местные поляки и выступавший с ними в союзе Ватикан боролись с русофильскими настроениями в самой Галиции, а со временем стали поддерживать местных украинских националистов в их стремлении влиять на «русскую» Украину. Их совместные усилия во многом определили в последние два десятилетия XIX в. характер униатской церкви в Галиции как оплота антироссийской ориентации. Далее, в главе о языковой политике, мы увидим, как внимательно следили в Петербурге за развитием ситуации в Галиции, и как события в этой провинции Габсбургов давали толчок для принятия решений внутри империи Романовых уже в середине XIX в.

Османская империя может служить примером того, как миграции из соседних империй и связанная с ними демографическая политика в самой империи Османов становились важнейшим фактором формирования нации в ядре империи. Возрастающая обеспокоенность правительства султана Абдулхамида II тем, что стратегически важные районы вокруг столицы империи были заселены немусульманами (главным образом, греками и армянами), совпала с новыми волнами как добровольных, так и вынужденных переселений мусульман из России, новых независимых государств на Балканах и из Габсбургской Боснии. Во время Балканских войн и, особенно, в ходе Первой мировой войны, к ним добавились беженцы из угрожаемых территорий самой империи. Теперь этих людей

[1] *Миллер А.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / Под ред. О. Хавановой. М., 1997. С. 68–75.

[2] О поддержке галицийских русофилов со стороны Славянских комитетов в России, а также со стороны петербургских властей см.: *Wendland, Veronika.* Die Russophilen in Galizien; *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина 19 в.) СПб, 2000; *Міллер О.* Субсидия газете «Слово». Галицийские русины в политике Петербурга // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 9: Ювілейний збірник на пошану Феодосія Стеблія. Львів, 2001. С. 322–338. О распространении антипольских слухов среди русинских крестьян, в котором подозревали русских агентов см. *Миллер А.* Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. // Центральная Европа в новое и новейшее время / Под ред. А. С. Стыкалина. М., 1998. С. 175–180.

[3] *Миллер А. И.* «Украинский вопрос». С. 197–203.

стали сознательно селить в центральных районах империи сначала на свободных землях, а затем и на землях, с которых сгоняли христиан. Эта политика, первоначально проводившаяся под флагом имперского османизма, радикально изменила демографическую картину в Малой Азии, а ее результаты стали основой для националистического проекта младотурков. Исследователи считают, что миграции в Османскую империю и депортации населения внутри империи, с рассеянным расселением депортированных так, чтобы численность определенной нетюркской этнической группы в каждой местности не превышала 5–10%, были не просто связаны между собой, но стали со временем частью единого плана. Координацией этой политики, ключевым элементом которой была теперь этничность, а не конфессия, занимались Директорат общественной безопасности и Директорат по делам расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел[1].

Все модерные империи были так или иначе связаны между собой военным и экономическим соперничеством, заимствованием опыта в различных сферах, в том числе и в деле собственно управления империей. Но взаимосвязанность соседних континентальных империй в рамках особой макросистемы носит качественно иной характер. Рональд Суни однажды заметил, что в континентальных империях заметно труднее проводить различную политику, удерживать принципиально различные политические системы в центре и на периферии, чем в морских[2]. Можно сформулировать два тезиса, которые идут дальше. Во-первых, континентальным империям было сложнее проводить ту или иную политику внутри своих границ, не оказывая при этом влияния на соседей. Во-вторых, им было сложнее проецировать влияние вовне без серьезных последствий для своей внутренней политики.

Первый тезис прекрасно иллюстрируется примером объединения Германии Пруссией, которое оказало немедленное и далеко идущее воздействие на империи Габсбургов и Романовых. Приведу несколько примеров для иллюстрации второго тезиса. Если Британия решала поддержать борьбу кавказских горцев с Россией, это решение не несло никаких последствий для ее политики в отношении «собственных» мусульман. Если Франция решала в какой-то момент поддержать поляков, это не оказывало влияния на ее политику внутри собственной империи. Но если Габсбурги хотели поддержать польское или украинское движение в империи

[1] См.: *Fikret A. and Hilmar K.* Migration, Deportation and Nation-Building: The Case of the Ottoman Empire // Migrations and Migrants in Historical Perspective. Permanencies and Innovations / René Leboutte, ed. Florence, P.I.E — Peter Lang S.A.; Brussels, 2000. P. 273–292, особенно p. 281.

[2] *Suny Ronald G.* The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Terry Martin and Ronald G. Suny, eds. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 29–30.

Романовых, то это неизбежно предполагало соответствующую коррекцию политики в отношении поляков и русинов-украинцев в их собственной империи.

Другой яркий пример этой дилеммы — политика Российской империи в отношении армянской церкви после аннексии у Персии в 1828 г. резиденции Католикоса в Эчмиадзине. С этого момента Петербург использовал свой контроль над духовным центром армян для проекции своего влияния на армянское население Османской и Персидской империй. Пол Верт в своем исследовании этой политики подчеркивает, что «сохранение и укрепление престижа армянского Католикоса за границей требовало от имперского правительства существенных уступок в вопросе администрирования армянских религиозных дел внутри Российской империи. По существу, это был конфликт между теми идеальными стандартами, которые Петербург использовал в управлении конфессиональными вопросами, и теми особыми решениями, на которые Петербург шел для укрепления авторитета Католикоса за границей». Верт приходит к заключению, что Петербург неизменно приносил в жертву общие стандарты внутреннего конфессионального администрирования стремлению эффективно использовать Католикоса во внешней политике[1].

Макросистема континентальных империй в течение длительного времени была внутренне стабильна потому, что, несмотря на частые войны между соседними империями, все они придерживались определенных конвенциональных ограничений в своем соперничестве. В общем, они не стремились разрушить друг друга, во многом потому, что Романовы, Габсбурги и Гогенцоллерны нуждались друг в друге, чтобы справляться с наследием разделов Речи Посполитой[2]. Только в ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали столь активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые бо-

[1] *Werth P.* The Armenian Catholicos and Projections of Imperial Russian Power. (Неопубл. работа).

[2] Следует согласиться с Полом В. Шрёдером, который считает, что начало довольно длительного процесса разрушения тех ограничений, которых европейские империи придерживались в отношениях друг с другом после катастрофических наполеоновских войн, было положено Крымской войной и политикой Великобритании. Одним из результатов этой войны стало согласие держав на объединение Германии, новой континентальной империи на окраинах Запада, которая, при Бисмарке, стремилась отчасти воссоздать прежний концерт великих держав. Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился именно в ходе мировой войны. См.: *Schroeder, Paul W.* Austria, Great Britain and the Crimean War. The Destruction of the European Concert. Ithaca: Cornell University Press, 1972. P. 392–427, особенно p. 412–418.

ролись друг с другом «на уничтожение». Можно заново осмыслить вопрос о том, в какой мере роль могильщика континентальных империй принадлежит национальным движениям, а в какой — самим империям, которые использовали и поддерживали эти движения друг против друга. Это заставляет по-новому подойти и к вопросу о том, насколько жизненный потенциал континентальных империй был исчерпан к началу Первой мировой войны. Все ли эти империи находились к началу войны в фазе необратимого упадка? Возможно, некоторые из них переживали кризис, исход которого не был заранее предопределен? Была ли Первая мировая война лишь последним гвоздем, забитым в гроб этих империй, или гигантским потрясением, которое разрушило эти империи вне зависимости от того, были ли они на тот момент уже неизлечимо больны? На мой взгляд, потенциал этих империй, за исключением, пожалуй, Османской, к началу войны был далеко не исчерпан. Именно Первая мировая война, которая, среди прочего, заставила империи вовсю орудовать обоюдоострым мечом национализма[1], и окончательно разрушила выполнявшую определенную стабилизирующую роль макросистему континентальных империй, сделала их добычей истории.

И. Шварц

АВСТРО-РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

История политических и дипломатических отношений между Австрией и Россией начинается в раннее Новое время. Многосторонние, напряженные, но и плодотворные взаимоотношения двух стран стали важным фактором международной жизни, который оказывал заметное влияние на политический климат в Европе.

Исторические корни

Во второй половине XV в. московскому великому князю Ивану III благодаря дальновидной и энергичной политике удалось осуществить

[1] Историк империи Габсбургов Иштван Деак считает, что «распад монархии на враждебные друг другу национальные фрагменты начался в лагерях военнопленных в ходе Первой мировой войны» (*Deák I.* Beyond Nationalism: a Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York: Oxford University Press, 1990. P. 198. Об аналогичных процессах в лагерях российских военнопленных см.: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. М., НЛО, 2006. Гл. 6. В целом вопрос о влиянии немецкой и австрийской пропаганды на российских военнопленных нуждается в серьезном изучении. Значительным шагом вперед в этом отношении обещает стать новая книга Марка фон Хагена о Первой мировой войне.

территориальную консолидацию и добиться роста политического влияния Московского государства, а также преодолеть длительную изоляцию страны, в которой та оказалась после татаро-монгольского нашествия. Женитьба великого князя на византийской принцессе Софии (Зое) Палеолог, племяннице последнего византийского императора, способствовала повышению международного престижа России. При габсбургском дворе Московское государство стали рассматривать как существенный политический фактор. Политическая напряженность в Центральной Европе и завоевание в 1485 г. Вены венграми убедили императора Фридриха III в том, что ему нужны новые союзники. Поездки Николая Поппеля в 1486 и 1489 гг. в Россию[1] и последовавшее за ними русское посольство Георгия Траханиотеса положили начало австро-российским межгосударственным отношениям, которые в 1514 г. привели к дружескому союзу императора Максимилиана I и московского государя Василия III[2]. Заключенный договор стал исторической вехой не только в двухсторонних отношениях обоих государств, но и в контексте связей России и Европы в целом. В габсбургской грамоте московский правитель был назван «императором»[3]. Много лет спустя (1718 г.) Петр Великий приказал напечатать этот документ для подтверждения своих претензий на императорский титул[4]. Современные исследователи полагают, что в период налаживания первых контактов Вены и Москвы двуглавый орел, изображение которого появляется в 90-е гг. XV в. на печатях великого князя Ивана III, «перелетел» в Россию именно с эмблемы Габсбургов, а не из Византии[5].

На отношения двух стран влияли многие факторы. Основополагающими были взаимные интересы, направленные против усиления влияния Речи Посполитой в Восточной Европе, а также против угрозы со сто-

[1] *Fiedler J.* Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland. Historisch-Biographische Skizze // Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der k. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1857. Bd. XXII. S. 187–220.

[2] *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. Wien, 1863. О русско-австрийских связях с конца XV до начала XVII в. также см.: *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1. 1488–1605. Wien; Leipzig, 1906.

[3] Сохранились две грамоты императора Максимилиана I к Василию III, причем вторая из них представлена как в немецком, так и в латинском варианте. В немецком тексте Василий называется «Kayser vuud Herscher aller Rewssen»; в латинском — «Imperator et Dominator universorum Rhutenorum». Подробнее см.: *Успенский Б. А.* Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 44–45.

[4] *Zenčev V.* Der Beginn der russisch-österreichischen Beziehungen // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2003. Bd. 50. S. 21. Ср.: *Blome A.* Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 2000. Bd. 57. S. 174.

[5] *Борисов Н.* Иван III. М., 2000. С. 471.

роны Османской империи, войска которой в 1484 г. захватили в Северном Причерноморье города Килию и Белгород, располагавшиеся в устьях Дуная и Днестра, а в 1529 г. уже стояли под Веной.

В 1549 г. в Вене появился первый фундаментальный труд о России — *Rerum Moscoviticarum Commentarii* («Записки о московских делах»)[1]. Автор — имперский посланник Сигизмунд фон Герберштейн — дважды посетил Московское государство с дипломатическими миссиями, в 1517–1518 и 1526–1527 гг. Он жил в Москве подолгу, общаясь с представителями разных социальных кругов, и собрал разнообразную информацию о внутренней и внешней политике Московского государства. Труд Герберштейна привел к своеобразному перевороту в представлениях Европы о России. Книга была сразу переведена на итальянский, английский и немецкий языки, стала одним из «первых историко-географических бестселлеров в Европе» и до начала XVII в. переиздавалась 20 раз[2]. Долгое время представление о России в Западной Европе складывалось под влиянием этого труда. Во второй половине XVII в. в Вене были опубликованы еще три подобных сочинения секретарями императорских посольств (Август Мейерберг — в 1661 г., Валериус Викхарт — 1675 г. и Иоганн Георг Корб — в 1698–1699 гг.)[3].

Конец Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и заключение мирных договоров в Мюнстере и Оснабрюке (1648 г.) положили начало новой политической системе в Европе, которая базировалась на равенстве рангов и суверенитете государств. Московский великий князь (*magnus dux Moscoviae*, впрочем, к тому времени уже венчанный на царство), выступил в Вестфальском мирном договоре (*Instrumenta Pacis Westphalicae*) как союзник Швеции, которая наряду с Францией являлась гарантом мира[4]. Таким образом, на основе международного права Россия была

[1] В России впервые был опубликован А. И. Малеиным в 1908 г. под названием «Записки о Московии».

[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 7; *Leitsch W.* Die russisch-österreichischen Beziehungen im 16. und 17. Jahrhundert // Russland und Österreich / Hrsg. von A. Stirnemann, G. Wilflinger. Innsbruck; Wien, 1999. S. 79 (Pro Oriente. Bd. XXIII); *Idem.* Das erste Russlandbuch im Westen — Sigismund Freiherr von Herberstein // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9–17. Jahrhundert/ Hrsg. von M. Keller. München, 1985. S. 120. (West-östliche Spiegelungen/Hrsg. von L. Kopelew. Bd. I).

[3] Augustin Freiherr Meyerberg und seine Reise nach Russland / Hrsg. von F. Adelung. St. Petersburg, 1827; *Wickhart C. V.* Moscowittische Reiß-Beschreibung. Wienn, s. a. (год издания, 1675, на титульной странице не указан); *Korb J. G.* Diarium itineris in Moscoviam. Vienna, s. a. (год издания, 1700, не указан). Ср.: *Korb J. G.* Tagebuch der Reise nach Russland. Graz, 1968.

[4] Inststrumenta Pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648. Bern, 1949. S. 77. О взаимоотношениях в первой половине XVII в. см.: *Leitsch W.* Moskau und der Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhunderts. I. Teil: 1604–1654. Graz; Köln, 1960.

инкорпорирована в *Respublica Christiana* и стала активно участвовать во внутриевропейских делах. В 1654 г. после длительного перерыва по инициативе Московского государства возобновились дипломатические отношения между Россией и Австрией. Венские политики попытались извлечь пользу для Габсбургской монархии из польско-русского и шведско-русского соперничества. Османская угроза также способствовала сближению интересов обоих государств. Вторая осада Вены в 1683 г. и сложившаяся новая политическая ситуация в Европе привели к вхождению России (1686 г.) в антиосманскую Священную лигу[1].

Заметное влияние на развитие австро-российских отношений оказало правление Петра Великого, особенно пребывание Великого посольства летом 1698 г. в Вене, в котором инкогнито участвовал сам русский царь. В ходе венских переговоров и в результате личных встреч Петра I с Леопольдом в какой-то мере удалось заручиться поддержкой императора[2]. Для него было важно сохранение дружественных отношений с Россией, которая не могла играть решающей роли в будущей войне за испанское наследство, но зато, оказывая давление на Османскую империю, могла помочь планам Священной Римской империи.

Одним из важных последствий Великого посольства стало учреждение постоянных дипломатических представительств в обеих столицах. Первым русским посланником, приехавшим в Вену в 1701 г., стал князь Петр Алексеевич Голицын. В России первым постоянным представителем императора стал Отто Антон Плейер[3]. В 1691 г. он приехал в Москву в качестве зятя посла Иоганна Игнаца Курца и с 1692 г. находился в России как неофициальный эмиссар Австрии. Он не был аккредитован при царском дворе в качестве дипломата, но в действительности выполнял работу постоянного представителя. Так, он сопровождал армию Петра при осаде Азова, и его дневниковые записи-отчеты оказали влияние на политику венского двора. В 1702 г. Плейер был назначен дипломатическим секретарем австрийского императора при русском дворе, а с 1710 г. он стал императорским резидентом в России[4].

---

[1] *Илиева И.* Русия и Свещената лига (1684–1699) // 300 години Чипровско въстание. Принос към историята на българите през XVII в. София, 1988. С. 272–285.

[2] *Шварц И.* Великое посольство и венский двор (К вопросу о пребывании Великого посольства в Вене) // Центральная Европа в новое и новейшее время. Сборник к 70-летию Т. М. Исламова. М., 1998. С. 55–68. См. также: *Schlöss E.* Über die Begegnungen des Zaren Peter I. mit Kaiser Leopold I // Wiener Geschichtsblätter. 1994. Heft 3. S. 149–162.

[3] *Hasselblat A.* Otto Anton Pleyer, der erste förmlich accreditirte österreichische Diplomat am russischen Hofe. 1692–1719 // Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands. 1875. Bd. VII. S. 281–316, 416–435.

[4] *Pilss F.* Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. 1949. S. 4. О Плейере также см.:

При Петре I были установлены первые родственные отношения с Габсбургами. Наследник престола царевич Алексей женился на Софии Шарлоте Брауншвейгской, сестре императрицы Елизаветы Кристины, супруги императора Священной Римской империи Карла VI. Однако брак был недолгим и не очень счастливым. Принцесса прожила в России несколько лет и умерла в 1715 г. при родах. Ее новорожденный сын Петр II был кузеном Марии Терезии. Побег Алексея в Австрию к императору Карлу VI в 1716 г. и последовавшая за этим событием трагедия ухудшили отношения двух дворов[1].

Австро-российские отношения в XVIII веке

В ходе Северной войны и после завоевания шведских провинций на Балтийском море Россия вступила на европейскую авансцену и приобрела заметное влияние на Речь Посполитую. Сразу после окончания войны в торжественном акте 22 октября 1721 г. Петр Великий принял новый титул — «император всероссийский», т. е. император всех русских земель[2]. Этот акт сигнализировал о росте могущества России и о том, что сам Петр I готов конкурировать с австрийским императором. Новый титул российского государя не сразу был признан европейскими владетелями. Только Пруссия и Нидерланды сделали это без колебаний, а в 1723 г. за ними последовала Швеция[3].

Спорные моменты и вопросы, связанные с принятием императорского титула, вносили некоторую напряженность в отношения с Австрией, однако обе страны были заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве. Поэтому дипломатические отношения не были прерваны. В августе 1726 г. образовался русско-австрийский оборонительный союз, который определил взаимоотношения двух империй в последующие годы[4]. Австрийский император признал Ништадтский договор, а значит и русские владения на Балтийском море. В ответ императрица Екатерина I гарантировала Прагматическую санкцию, по которой Мария Терезия должна была получить австрийский престол после смерти ее отца императора Карла VI. Был заключен договор о координации австрийской и русской политики в отношении Османской империи. Подписав августовский договор, Россия

Соловьев С. М. Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 17. С. 135, 150, 151, 177, 178, 212–214, 216–219, 221, 258.

[1] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 148–183. Ср.: Непотребный сын. Дело царевича Алексея Петровича / Сост. Р. И. Беккин. СПб., 1996.

[2] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 312.

[3] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. СПб., 1997. С. 564; *Blome A.* Das deutsche Russlandbild. S. 165–175, 356.

[4] *Leitsch W.* Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1958. Bd. 6. Heft 1. S. 33–91.

в первый раз заняла ясную позицию в общеевропейской системе союзов и стала активным участником европейской межгосударственной системы. В результате заключения этого договора в 1733 г. 13 тыс. русских солдат приняли участие в войне против Франции под командованием принца Евгения Савойского. Австрия использовала их не только как военную силу, но и как психологическое оружие против своего противника. Марш русских солдат через всю Европу был впечатляющим и произвел неожиданный эффект[1].

После заключения договора направленный в Санкт-Петербург дипломат граф Амадей Рабутин-э-Бюсси продолжал обращаться к Екатерине I по старому обычаю и только в 1746 г. Мария Терезия удостоила Елизавету новым титулом[2].

Война России и Австрии против Османской империи (1735–1739 гг.) явилась своеобразной проверкой союза на прочность. В силу разных причин она окончилась поражением австрийской политики на Балканах. По Белградскому миру 1739 г. Австрия вынуждена была отказаться от всех приобретений во время войны и потеряла многие области, которые достались ей по Карловицкому мирному договору (1699 г.)[3].

К середине XVIII в. значение и влияние России в международной жизни еще больше возросли. После Семилетней войны (1756–1763 гг.), в которой Россия выступила на стороне австро-русско-французской коалиции против Пруссии, она окончательно вошла в круг великих держав и стала постоянным, действенным фактором международных отношений. Конкуренция Пруссии и Австрии увеличила сферу влияния России в Европе, причем как Пруссия, так и Австрия были заинтересованы в хороших отношениях с Санкт-Петербургом. Ни Вена, ни Петербург или Берлин не хотели провоцировать создание недружественного альянса, что было чревато новым европейским конфликтом. Союз этих трех сил определял политическое развитие Восточной Европы в последующие десетилетия.

Существенный перелом в русско-австрийских отношениях начался в 70-е гг. XVIII в., в период войн за баварское наследство. Во время мирного конгресса по улаживанию австро-прусского конфликта, который состоялся в городе Тешене (1778–1779 гг.), русские дипломаты во главе с

[1] *Köster M.* Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert. Wien, 1986. S. 124.

[2] *Leitsch W.* Der Wandel... S. 73–76. О европейской политике в 1740-х годах и войне за Австрийское наследство см.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000.

[3] *Uebersberger H.* Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten. Stuttgart, 1913. Bd. 1. S. 235–240.

князем Н. В. Репниным проявили выдающиеся способности по ведению переговоров[1]. 15 мая 1779 г. Мария Терезия послала письмо Екатерине II с благодарностью за оказанное содействие в мирных переговорах[2]. С этого времени наблюдается сближение Вены и Петербурга при одновременном ослаблении русско-прусского союза. Согласно мирному договору Россия являлась не только посредником, но и гарантом мира, «сочленом» Священной Римской империи, что давало ей право вмешиваться в «германские дела»[3]. В конце мая 1780 г. будущий император Иосиф II совершил поездку в Россию и встретился в Могилеве с Екатериной II[4]. Свидетели твердят, что их величества быстро нашли общий язык[5]. Во время бесед Иосиф дал императрице ряд практических советов по организации полицейской системы в России и в области образования. Вернувшись на родину, Иосиф II направил в Россию сербского просветителя Ф. Янковича Мириевского, который до этого успешно участвовал в реформе образования в империи Габсбургов. Под руководством Янковича в 1782 г. был разработан План к установлению народных училищ в Российской империи, что привело к началу складывания единой системы светской школы в России[6]. В 1786 г. австрийский канцлер Венцель фон Кауниц лично передал Екатерине II записку профессора Венского университета Й. Зонненфельса «Учебное дело в Австрии при императоре Иосифе II», в которой излагались цели государственной политики и суть реформ в области народного образования[7].

Современные исследователи считают, что во время встречи в Могилеве было достигнуто соглашение об антитурецком союзе[8]. Осенью того же года начались австро-русские переговоры, которые привели в мае

---

[1] *Islamov T.* Österreich und Russland. Zusammenarbeit und Gegensatz am Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / Hrsg. von A. M. Drabek, W. Leitsch u. a. Wien, 1989. S. 44.

[2] Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Сношения России с Австрией». Оп. 32/6. Д. 144. Л. 1–1/об. (на французском языке).

[3] *Каменский А. Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 224.

[4] Journal der Rußlandreise Kaiser Josephs II. im Jahr 1780/Hrsg. von E. Donnert, H. Reinalter. Thaur bei Innsbruck, 1996; Ср.: *Петрова М. А.* Дневник одного путешествия: австрийский император Иосиф II о России 1780 года // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 2004. Вып. 3. С. 138–158.

[5] *Гаврюшкин А. В.* Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989. С. 168.

[6] *Хаванова О. В.* Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы/Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1998. С. 31–32. Ср.: *Madariaga I. de.* Katharina die Große. Eine Zeitgemälde. Berlin, 1990. S. 192–195.

[7] *Хаванова О. В.* Указ. соч. С. 32.

[8] *Каменский А. Б.* Указ. соч. С. 225.

1781 г. к обмену посланиями между Екатериной II и Иосифом II со взаимными обязательствами на случай войны с Турцией и обещанием сохранить статус-кво в Польше[1].

Габсбургский наследник был первым австрийским монархом, который лично поехал в Россию. В ознаменование этого события и для скрепления нового дружественного союза в Могилеве был заложен храм св. Иосифа[2]. Следствием визита стала оживленная переписка обоих монархов. Известное письмо Екатерины II от 10 сентября 1782 г. вошло в историю под названием «Греческий проект»[3].

В 1787 г. Иосиф II совершил вторую поездку в Россию и принял участие в знаменитом путешествии Екатерины в Крым[4]. Вместе с ними ехали именитые гости, такие как польский король Станислав Понятовский, князь Шарль-Жозеф де Линь, послы Австрии (Кобенцель), Франции (де Сегюр) и Англии (Фицгерберт). Поездка преследовала кроме познавательной и чисто политическую цель — показать миру, что Россия является могучим государством и она в состоянии снова начать войну с Турцией[5].

То, что происходило в Петербурге, привело венских политиков к однозначному выводу, что Россия меняет курс внешней политики, и ее новая внешнеполитическая доктрина требует прежде всего возвращения к союзу с Австрией против Турции. Почему Иосиф II пошел навстречу всем масштабным планам Екатерины, остается для австрийских историков загадкой. Ведь «совместная борьба против Османской империи была успешной для России, но не для Австрии»[6]. Поэтому при наследнике Иосифа II императоре Леопольде II Вена отказалась от политики тесного сотрудничества с Россией.

Австро-русские отношения рассматриваемого периода не были свободны от некоторой напряженности. Когда во время русско-турецких войн (1768–1774, 1787–1791 гг.) войска императрицы Екатерины II заняли северное побережье Черного моря и Крым и стали прорываться на Балканы, были затронуты интересы Габсбургской монархии. Начать переговоры по этому поводу Россия была готова только в случае получения компенсации. Тогда Пруссия, Россия и Австрия договорились за счет Польши, которая в 1772–1773, 1793 и 1795 гг. подверглась разделам. «Странно, — пишет австрийский исследователь Вальтер Лейч, —

[1] Там же. С. 225.

[2] *Гаврюшкин А. В.* Указ. соч. С. 169.

[3] *Виноградов В. Н.* Самое знаменитое в истории личное письмо // Век Екатерины II. С. 213–218.

[4] *Arneth A. Ritter von.* Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869. S. 363.

[5] *Madariaga I. de.* Op. cit. S. 157–162.

[6] *Leitsch W.* Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2003. Bd 50. S. 77.

что за российские успехи в войне против Османской империи счет пришлось платить Речи Посполитой: все трое — Россия, Пруссия и Австрия в свете политики сохранения равновесия разделили между собой страну, которая им не принадлежала»[1]. В результате третьего раздела Польши Россия стала непосредственным соседом Австрии.

Отношения между Австрией и Россией во второй половине XVIII в. складывались относительно неплохо благодаря не только политической ситуации и личным отношениям Иосифа II и Екатерины II, но и усилиями известных личностей, которые были дипломатическими представителями в обеих столицах. Князь Иосиф Мария Карл фон Лобковиц, граф Йоганн Людвиг Иосиф фон Кобенцель, князь Дмитрий Михайлович Голицын, граф Андрей Кириллович Разумовский и др. сыграли в истории русско-австрийских отношений значительную роль. Так, в 1764 г. ко двору Екатерины II прибыл князь Иосиф Мария Карл фон Лобковиц (1724–1802). Ему удалось благодаря установившимся контактам занять в петербургском обществе привилегированное место среди иностранных дипломатов. Своей популярностью австрийский дипломат был обязан прежде всего любви к музыке и театру. Когда в 1772 г. он вернулся в Вену, то привез домой собственный русский оркестр[2].

Видный дипломат князь Дмитрий Михайлович Голицын (1721–1793) прожил почти 30 лет в Вене в обстановке сложных российско-австрийских взаимоотношений[3], поскольку панинская Северная система[4] была отчасти направлена против внешнеполитических интересов Австрии и контакты между Веной и Петербургом того периода были натянутыми. Но несмотря на все политические неурядицы, венское общество и жители города относились к Голицину весьма почтительно и память о нем сохранилась до сих пор. Так, дорога, где находился дом посла, с годами превратилась в городскую улицу и по сей день называется Голицын-штрассе (Gallitzinstraße). Находящаяся неподалеку гора носит и сегодня название Голицынберг (Gallitzinberg)[5].

---

[1] *Leitsch W.* Die ersten 300 Jahre... S. 238.

[2] *Razumovsky M.* Russische Botschafter in Wien im 18. Jahrhundert // Russland und Österreich / Hrsg. von A. Stirnemann, G. Wilflinger. Innsbruck; Wien, 1999. S. 81 (Pro Oriente. Bd. XXIII).

[3] См., например: *Khavanova O.* Ungarn mit russischen Augen gesehen. Berichte des Botschafters Fürst Dmitrij Golizin aus Wien, 1761–1792 // Die Vision von Mitteleuropa. Stephan Széchenyi (1791–1860) und seine Reformideen. — Tausend Jahre Lebensgemeinschaft in Mitteleuropa / Redigiert von M. Jahn Brandenstein. Wien, 2002. S. 375–382.

[4] Идея графа Никиты Панина об объединении государств севера Европы — России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции и Польши в противовес коалиции Франции, Австрии и Испании.

[5] Сегодня они находятся на территории города Вены в районе Оттакринг (район № 16).

Князя Голицына, кстати, помнят не только в Вене, но и в Москве. Перед смертью он завещал построить благотворительную больницу на его средства. Здание, которое считается одним из лучших произведений архитектора М. Ф. Казакова, было возведено в 1801 г. на Большой Калужской (сегодня Ленинский проспект) и до сего дня является лечебным заведением[1].

Следует упомянуть также о дипломатической деятельности графа Андрея Кирилловича Разумовского (1752–1836), который был послом в Вене с 1791 по 1807 и с 1813 по 1815 г.[2] Разумовский был женат на старшей дочери графа Туна Елизавете. Род графа принадлежал к древнейшему австрийскому дворянству и владел крупными поместьями в Австрии и Чехии (Богемии)[3]. Большую известность получили музыкальные и литературные вечера в доме посла, в так называемом «Разумовский-пале». Большой ценитель искусства и музыки, Разумовский создал струнный квартет и сам играл в его составе[4]. Нередким посетителем в доме Разумовских был композитор Людвиг ван Бетховен, который посвятил Андрею Кирилловичу несколько музыкальных произведений, в частности симфонии № 5 и № 6 и три квартета (опус 59), которые содержат русские мотивы[5].

В конце XVIII в. Россия была уже прочно интегрирована в европейскую политику, точки ее соприкосновения с Австрией стали чувствительнее, а на Балканах из-за Восточного вопроса возник очаг конфликта, оказавший решающее влияние на австро-российские взаимоотношения в следующем столетии.

Войны Наполеона

Во время Наполеоновских войн австро-российские отношения вступили в новую фазу. Война, объявленная в 1792 г. Францией Австрии, длилась с перерывами до 1815 г. Против Франции с переменным успехом сражались Австрия, Англия и Россия. В 1807 г. русский император Александр I заключил в Тильзите мир с Наполеоном. В политическом и в военном плане ситуация для Австрии была не легкая. Император Франц II (I)[6] должен был лавировать. После того как в мае 1809 г. Наполеон за-

[1] О Голицынской больнице см.: *Долгова С. Р.* Короткие рассказы о Москве. М., 1997. С. 39–43. Ср.: *Гаврюшкин А. В.* Указ. соч. С. 101.

[2] *Razumovsky M.* Die Rasumovskys. Eine Familie am Zarenhof. Köln; Weimar; Wien, 1998.

[3] *Istschenko V.* Der russische Botschafter in Österreich A. Rasumowski: Mensch und Politiker // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2003. Bd. 50. S. 82.

[4] Ibid. S. 85.

[5] *Razumovsky M.* Der Russische Botschafter... S. 84.

[6] Франц II (I) был последним императором Священной Римской империи и первым императором Австрийской империи.

воевал Вену и вступил в императорскую резиденцию в Шёнбрунне, был заключен мирный договор. В марте 1810 г. последовало обручение Наполеона с эрцгерцогиней Марией Луизой. Однако австрийский двор остерегался прекращения всех отношений с Россией, так как существовала возможность заключения мирного договора между Россией и Наполеоном за счет Австрии. Победа России в 1812 г. стала решающим поворотом, и Австрия выступила на стороне России и Пруссии[1]. В «Битве народов» под Лейпцигом (16–18 октября 1814 г.), в которой лично приняли участие как Александр I, так и Франц II (I), войска Наполеона были окончательно разбиты войсками союзников.

Венский конгресс (1814–1815 гг.) восстановил прежнее соотношение сил и систему равновесия в Европе. Империя Габсбургов, которая простиралась теперь от северо-итальянской равнины до Галиции, должна была стать центральной точкой равновесия, пресекать амбиции Франции в Западной Европе и в Италии, защищать статус-кво в Германии и препятствовать любому русскому влиянию на Балканах. И до тех пор, пока все другие европейские силы были заинтересованы в сохранении данного статус-кво, сильная позиция Австрии в европейской политике была гарантирована.

Австрийский император заключил с Россией и королем Пруссии Священный союз, чтобы гарантировать выполнение решений Венского конгресса. Союзные монархи обязывались «пребывать в вечном мире» и являться на помощь, если какому-либо европейскому государству будет угрожать внутренняя или внешняя опасность[2]. Во имя принципов Священного союза происходило подавление всякого национального движения. Так восстание греков против турецкого насилия вначале рассматривалось как «недозволительный бунт подданных против законного государя»[3]. На протяжении трех десятилетий австрийскому канцлеру Меттерниху удалось при помощи созданной им системы сохранить европейский консенсус и не допустить эскалации конфликтов на Балканах, хотя греческое национальное движение и русско-турецкая война 1828–1829 гг. способствовали росту влияния России в регионе. Отношения между Австрией и Россией определялись также совпадением их интересов в борьбе против польского национализма. Эта солидарность обеих монархий проявилась во время июльского восстания 1830 г. в Польше, а также в период революции 1848 г., когда российские войска подавили революционные выступления в Венгрии.

---

[1] *Naročnickij A. I.* Österreich zwischen Frankreich und Russland 1813 // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege... S. 15–32.

[2] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 751.

[3] Там же. С. 752.

Крымская война

Во второй половине XIX в. Восточный вопрос стал определяющим фактором в отношениях между Веной и Петербургом. Вступление российских войск на территорию Дунайских княжеств в июле 1853 г. привело к охлаждению русско-австрийских связей. В сентябре того же года в Ольмюце (совр. Оломоуц в Чехии) встретились император Франц Иосиф I и царь Николай I для обсуждения совместных действий против Османской империи. Старания Венского кабинета сохранить Священный союз и статус-кво в этом регионе не увенчались успехом. Начало войны (4 октября 1853 г.) между Россией и Османской империей обусловило изменение австрийской внешней политики. Военные действия начались на Дунае и в Закавказье. В 1854 г. русская армия перешла Дунай и осадила крепость Силистрию. Австрия потребовала от России безоговорочного освобождения Дунайских княжеств. В августе 1854 г. австрийские войска вошли в Валахию и Молдавию. 2 декабря Австрия вступила в союз с Англией и Францией. 300 тыс. австрийских солдат были размещены на русской границе. Хотя дело не дошло до военных столкновений, позиция России в Крыму была ослаблена. Столкновение интересов привело к кризису в русско-австрийских взаимоотношениях[1].

После мирных переговоров в Париже в 1856 г. Россия вынуждена была отказаться от контроля над устьем Дуная, распустить флот в Черном море и прервать линию политики покровительства православным в Османской империи. Превосходство России в Юго-Восточной Европе и на Черном море было уничтожено, но австрийская монархия была слишком слаба, чтобы реализовать на переговорах свои собственные требования.

Отношения во второй половине XIX в.

60-е гг. XIX в. для австрийской монархии прошли под знаком потери большей части ее итальянских владений в результате итальянского национально-освободительного движения (Рисорджименто), а также из-за конфликта с Пруссией за господство в Германии. По Пражскому миру 1866 г. Австрия должна была выйти из Германского союза и уступить побежденной Италии провинцию Венеция. С особой остротой на повестку дня для Австрии встал вопрос о Венгрии. Еще в 1865 г. министр иностранных дел России А. М. Горчаков с тревогой отмечал: «Последствием соглашения австрийского кабинета с венграми может быть отдаление его внешней политики от западных традиций и сближение с восточными интересами, в чем в первую очередь заинтересован Бисмарк»[2].

---

[1] *Wakounig M.* Dissens versus Konsens. Das Österreichbild in Russland während der franzisko-josephinischen Ära // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1993. Bd. VI/2. S. 436–490.

[2] Цит. по: *Дубровина Е. В.* Австро-прусская война 1866 г. и начало формирования новой внешнеполитической концепции Венгрии // Центральная Ев-

Решение венгерского вопроса являлось частью общеевропейской перестройки и поставило вопрос о месте Венгрии в новой европейской структуре. В феврале 1867 г. Габсбургская монархия была разделена на два равноправных государства и вошла в историю под названием «Австро-Венгрия». Россия в то время оставалась нейтральной и не воспользовалась кризисом в Центральной Европе для того, чтобы улучшить свои позиции на Балканах.

После объединения Германии в 1870 г. началось развитие дружественных отношений трех императоров. В сентябре 1872 г. состоялась встреча в Берлине, на которой они предприняли попытку преодолеть противоречия последних лет. Это привело к заключению так называемого Союза трех императоров (22 октября 1873 г.). На Венской всемирной выставке в 1873 г. император Александр II, Франц Иосиф I и кайзер Вильгельм встретились для дружественной беседы. Все трое были заинтересованы в сохранении раздела Польши и статус-кво. Несмотря на это, отношения остались натянутыми.

Ситуация на Балканах и интерес Вены и Петербурга к Боснии и Герцеговине стали серьезным испытанием для их взаимоотношений, но связи все еще не были достаточно узкими для того, чтобы найти взаимопонимание. В июле 1876 г. Франц Иосиф I встретился с Александром II в замке Рейхсштадт в Северной Богемии (Чехии).

Болгарское восстание 1876 г. и последовавшая за ним русско-турецкая война обострили положение. Успешное наступление русских войск и Сан-Стефанское перемирие (3 марта 1878 г.) вызвали перераспределение сил и обеспечили превосходство России в Балканском регионе. Но по инициативе британского премьер-министра Б. Дизраэли в Берлине прошел международный конгресс (1878 г.), на котором Россия вынуждена была пойти на существенные уступки. По мирному договору Турция признавала независимость Сербии и Румынии, соглашалась на образование из болгарских земель между Дунаем и Балканами независимого княжества Болгарии. Болгарские земли на юг от Балкан вошли в автономную провинцию Восточную Румелию[1]. Решения Берлинского конгресса явились для России вторым большим после Крымской войны поражением во внешней политике. Военный успех русской армии в Болгарии не сопровождался адекватными политическими результатами. Россия не только не добилась своих целей, но осталась совершенно изолированной[2]. Возмущение официальной позицией Австро-Венгрии

ропа в новое и новейшее время... С. 142. См. также: *Kotova E.* Fürst Alexander Gortschakov — Russischer Botschalter in Wien in der zeit des Krimkrieges // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 50. S. 113–121; *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя Горчакова. М., 2005.

[1] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 814.

[2] Там же.

и Англии захлестнуло русскую прессу. Благодаря содействию канцлера Бисмарка Австро-Венгрия получила право занять обе османские провинции Боснию и Герцеговину, и после их оккупации в сентябре – октябре 1878 г. разлад в отношениях между Веной и Петербургом стал еще глубже. Старания обоих министров иностранных дел Н. К. Гирса и Г. Кальноки наладить отношения остались безрезультатными. Между тем Германия искала себе союзников. В 1879 г. был заключен союз с Австро-Венгрией, а в 1882 г. был заключен так называемый Тройственный союз этих двух держав с Италией[1]. В противовес этому союзу наблюдается сближение между Россией и Францией, которые заключили в 1894 г. военную конвенцию[2]. Новое соотношение сил привело к периоду временного улаживания конфликтов в Европе.

В 1894–1898 гг. князь Франц Лихтенштейн, австрийский посланник в Петербурге, энергично взялся за улучшение отношений между Австрией и Россией[3]. Критский кризис (1895–1897 гг.) и последовавшая за ним война между Турцией и Грецией привели к новому сближению Австрии и России. После того как в августе 1896 г. Николай II посетил Вену, в Петербург в апреле 1897 г. отправился император Франц Иосиф I. Между ними было достигнуто соглашение о статус-кво на Балканах и была опубликована совместная нота.

Несмотря на дипломатические демарши, в 90-е гг. XIX в. политический климат в Европе, при наличии двух противостоящих союзов, оставался напряженным, и обе стороны усиленно вооружались. В 1898 г. Николай II выступил с дипломатической инициативой, призывая к «разоружению и миру во всем мире». Год спустя была созвана первая международная конференция по разоружению в Гааге. Она не остановила вооружений, но приняла ряд постановлений в целях сделать войну менее жестокой и разрушительной; в частности были приняты декларации о запрещении бомбардировок населенных мест с воздушных шаров (аэропланов) и о запрещении употребления удушливых газов. Была создана «Палата международного третейского суда» для мирного решения международных споров и конфликтов[4]. Лауреат Нобелевской премии Берта фон Зуттнер, основательница австро-венгерского движения за мир, была в восторге от этой инициативы. Она выпустила большим

[1] *Kennedy P.* Aufstieg und Fall der großen Mächte. Frankfurt am Main, 1997. S. 379.

[2] Ibid. S. 380.

[3] *Wakounig M.* Ein Grandseigneur der Diplomatie. Die Mission von Franz de Paula Prinz von und zu Liechtenstein in St. Petersburg 1894–1898. Wien; Berlin, 2007 (Europa Orientalis. 1).

[4] *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 367.

тиражом почтовые открытки с мирным манифестом и портретом императора Николая II и разослала их по всему миру[1].

Осенью 1903 г. оба монарха снова встретились в Мюрнштеге на территории Австро-Венгрии. Предметом обсуждения в основном были македонский вопрос и обновление соглашения 1897 г.[2]

На рубеже XIX–XX вв. российские внешнеполитические интересы были обращены на Дальний Восток, Балканский же регион потерял свое первостепенное значение. Австрийские политики были рады этой внешнеполитической переориентации России, так как она отвлекала царя от Балкан.

Отношения в начале XX века

После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия вновь обратилась к активной политике на Балканах и попробовала найти баланс сил в кризисе 1908–1909 гг. Это привело к существенному ухудшению отношений между Петербургом и Веной. Внешнеполитические споры между двумя странами во время и после Боснийского кризиса и особенно во время Балканских войн не могли найти мирного разрешения. Напряженность в российско-австрийских отношениях постепенно нарастала. Балканский вопрос вызвал начало Первой мировой войны, в которой Россия выступила на стороне Антанты в качестве защитницы Сербии против Тройственного союза.

Война привела в 1917 г. к низложению в России монархии и к Октябрьской революции. 3 марта 1918 г. Россия заключила с Германией Брест-Литовский мир. В том же году последовала победа Антанты и конец Австро-Венгерской монархии.

В 1924 г. официально были установлены дипломатические отношения между Республикой Австрия и Советским Союзом. Последний относился к тем немногим странам, которые в 1938 г. протестовали против присоединения Австрии к гитлеровской Германии. Во Второй мировой войне СССР заплатил огромную цену за прекращение агрессии, уничтожение гитлеровской диктатуры и за освобождение Австрии. Уже 27 апреля 1945 г. он признал временное австрийское правительство и провозгласил «восстановление Республики Австрия». Дипломатические отношения были возобновлены в октябре 1945 г. До заключения государственного договора 1955 г. Советский Союз вместе с США, Великобританией и Францией оставался в качестве верховной власти в Австрии и был одним из гарантов этого договора. В последующие годы

[1] Открытку можно посмотреть в Интернете: http://eesc.europa.eu/documents/publications/pdf/booklets/EWSA-2006-06-DE.pdf. S. 35.

[2] *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария 1894–1903. София, 1994. С. 153–154.

Австрия играла важную роль в отношениях между военными блоками благодаря политике нейтралитета.

История австро-российских взаимоотношений показывает, что Австрия и Россия были связаны тесными узами на протяжении многих веков, в ходе которых сформировалась стабильная основа для совместной плодотворной работы.

М. Фонт

ПРОЦЕСС УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА ПРОТЯЖЕНИИ X–XII ВЕКОВ

В десятом веке в Центральной и Восточной Европе появились новые княжеские центры, предводители которых вступили в контакты как с соседними предводителями так и двумя императорами того времени — германским и византийским[1]. Предводителям новых центров пришлось укрепить свою власть в борьбе с другими племенными вождями. В этой борьбе они опирались на союз с соседней христианской империей, что выразилось в приятии христианства. Однако они хотели сохранить свою независимость при помощи собственного племенного союза.

Новые политические центры Центральной и Восточной Европы на рубеже первого тысячелетия, зародыши будущих христианских государств, могут быть найдены в политических центрах, где укоренилось христианство: Прага, Познань, Эстергом, Киев.

1. «Государственная экспансия»

Можно утверждать, что во всех четырех случаях территория политических центров, возникших в X в.[2], не совпадала с будущей территорией соответствующих стран. Власть династии Пшемысловичей поначалу ограничивалась Чешским бассейном с центром в Праге; власть Пя-

[1] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 158–162; *Hensel W.* U źródeł Polski średniowiecznej. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 301–314; *Heather G.P.* Frankish Imperialism and Slavic Society // Early Christianity in Central and Eastern Europe / Ed. by P. Urbańczyk. Warszawa, 1997. P. 143–170.

[2] *Font M.* A magyar kalandozások és a kelet-európai viking terjeszkedés // Nomás társadalmak és államalakulatok / Szerk. Felföldi Sz., Sinkovics B. Bp., 2001. 100–101. old. (Magyar őstörténeti könyvtár. 15); *Herwig W.* Reichsbildungen, Kirchengründungen und das Entstehen neuer Völker // Europas Mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie / Hrsg. von A. Weczorek, M. Hinz. Stuttgart, 2000. Bd. I. S. 342–353.

стов — районом Гнезно–Познань, Рюриковичей — путем от Новгорода к Киеву, а Арпадов — западной частью Карпатского бассейна.

После укрепления власти в первых центрах повсеместно наблюдалось стремление к расширению территорий, к «государственной экспансии». Несмотря на утверждение территориальных центров, в X в. земли, лежавшие по соседству с империей Оттонов, получили у немецких хронистов общее название «*Sclavia*»[1], здесь находились враждовавшие друг с другом князья. Политические центры Чешского бассейна и Познани–Гнезно вступили в борьбу за обладание Силезией и Краковом[2]. О военном потенциале этих центров свидетельствовало то, что в одном случае чешский князь опустошил Гнезно и овладел мощами св. Адальберта[3]; а в другом — войско Болеслава Храброго продвинулось до Праги и проникло в район Нитры[4], находившийся под властью венгров, а на восточнославянских территориях дошло до Киева[5].

Можно зафиксировать следующее положение, сложившееся примерно на рубеже тысячелетий:

Чешский бассейн, будучи территорией, окруженной естественными границами, полностью и стабильно находился в руках потомков Пшемысла, однако их власть не распространялась за пределы этих границ[6].

Около 990 г. польский князь Мешко, как сообщает об этом источник под названием «*Dagome iudex*», существенно расширил свою власть в южном и северном направлениях, овладел окрестностями Кракова и областями по течению реки Одер[7].

В X в. князья Киевской Руси стремились «расширить» путь из Новгорода в Киев, сначала они стали вместо хазар собирать дань со славянских

---

[1] Magistri Adami Gesta. Hannoverae 1846. (Nachdruck 1963). S. 311 (Monumenta Gemaniae Historica. Scriptores (далее — MGHSS). T. VII).

[2] *Rhode G.* Kleine Geschichte Polens. Darmstadt, 1965. S. 3–7; *Davies N.* A History of Poland. T. I. The Origins to 1795. Oxford, 1981. P. 68–69.; *Samsonowicz H.* Historia Polski do roku 1795. Warszawa, 1990. S. 15–16; *Szczur S.* Historia Polski średniowiecznej. Kraków, 2002. S. 65–74.

[3] Magistri Vincentii dicti Kadłubek Chronica Polonorum (далее — Kadłubek) / Ed. M. Plezia. Kraków, 1994. P. 38–39 (Monumenta Poloniae Historica Nova Series. T. XI); *Dunin-Wąsowicz T.* Der heilige Adalbert — Schutzheiliger des neuen Europas // Europas Mitte. Vol. I. S. 841.

[4] *Kadłubek.* S. 41. (II. Cap. 12).

[5] Ibid. S. 42–43; Chronicum Saxonicum Hannoverae, 1988. (Nachdruck 1963.) S. 665. (MGHSS T. VI).

[6] *Graus F.* Die Nationenbildung der Westslawen im Mittelalter. Sigmaringen, 1980. S. 50.

[7] *Sałowski Z.* Początki kościoła polskiego. T. I. Kościół w Polsce / Red. J. Kloczowski. Kraków, 1966. S. 77; *Kossmann O.* Polen im Mittelalter. Bd. II. Staat, Geselschaft, Wirtschaft im Bannkreis des Westens. Marburg; Lahn, 1985. S. 65–67, 77–78; *Michałowski R.* Princeps fundator. Studium z dziejów kultury politycznej w Polsce X–XIII wieku. Warszawa, 1993. S. 61.

племен, а в 965 г. Святослав разгромил Хазарию[1]. Видимо, в это время киевские князья установили власть над Тмутараканью, что способствовало усилению степного характера Руси. Спонтанная северо-восточная колонизация населения киевских земель указывала направление распространения княжеской власти в сторону верхнего течения Волги, а столкновение с Болеславом из-за так называемых Червенских городов показало неопределенность положения в районе западных границ[2].

Племенной территорией князя Гезы, видимо, был треугольник Веспрем–Эстергом–Секешфехервар. Геза стабилизировал западные границы в Карпатском бассейне, когда в обмен на мир с баварцами отступил с территории расселения венгров, простиравшейся до реки Энс, на линию рек Лейта–Фиша, отказавшись от власти над Венским бассейном[3] Преемнику Гезы, Иштвану, удалось, воспользовавшись прежними традициями племенного союза, распространить свою власть на весь Карпатский бассейн[4].

2. Изменения в XI–XII веках

В начале XI в. господство Пшемысловичей пережило глубокий кризис. Братья князя Болеслава III (999–1003), Яромир (1004–1012; 1033–1034) и Ольдрих (1012–1033) бежали к императору Генриху II (1002–1024), чтобы получить помощь против Болеслава. Используя сложившееся положение польский князь Болеслав I Храбрый вторгся в Пражский бассейн, а также в северную часть Венгрии. Использовал ситуацию и сам император поддерживая сперва Яромира, потом Ольдриха, одновременно выступал против Болеслава I Храброго, требуя от него недоплаченного налога. Во время итальянского похода императора в 1014 г. опять вспыхнули недоразумения между Пшемысловичами и Болеславом Храбрым. Регулярные конфликты свидетельствуют о том, что границы между территориями двух династий еще не сложились. Оспоримой считалась принадлежность и Силезии и Моравии; то есть противоположные интересы двух княжеских центров — с точки зрения Священной Римской империи всё еще единой Склавонии (*Sclavonia*) — вызывали «необходимое» вмешательство императора[5].

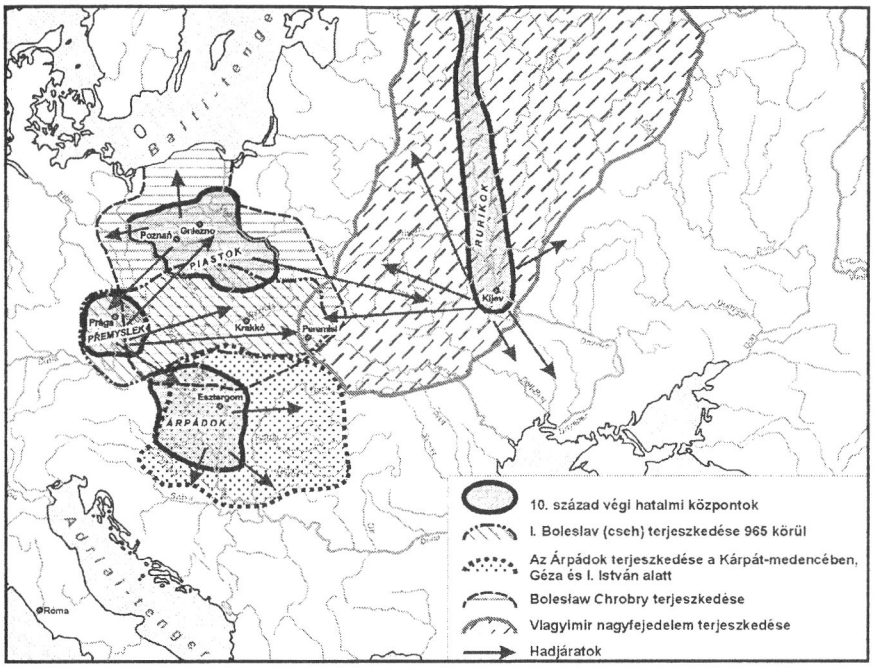
[1] Памятники литературы Древней Руси X — начала XII века / Сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. М., 1978. С. 78–79 (Памятники литературы Древней Руси, далее — ПЛДР).

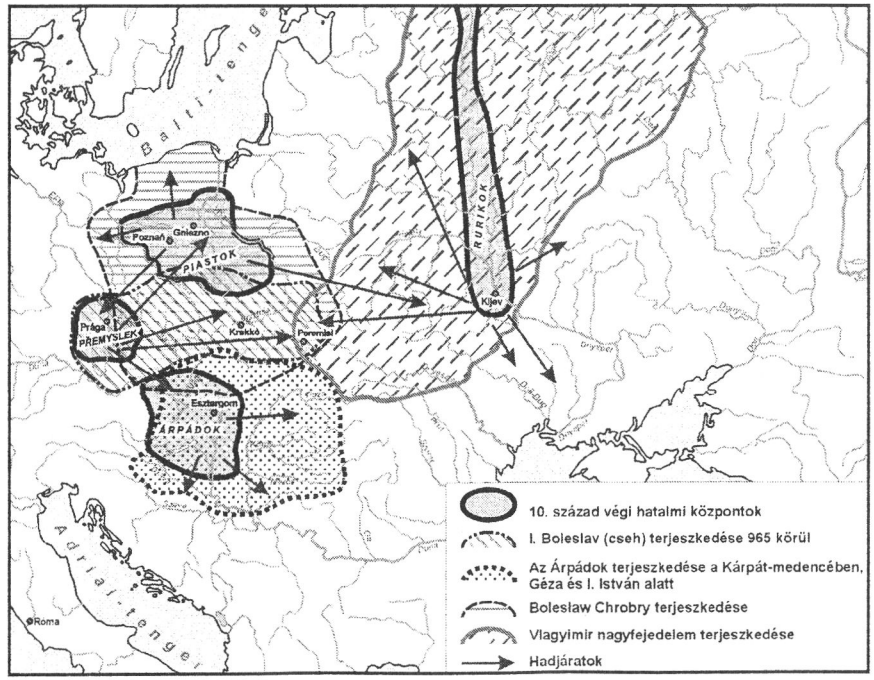
[2] *Font M.* Oroszország, Ukrajna, Rusz. Bp., 1998. 30, 41. old.

[3] *Kristó Gy.* A magyar állam megszületése. Szeged, 1995. 323. old. (Szegedi középkortörténeti könyvtár. 8); *Györffy Gy.* István király és műve. Bp., 2000. 83. old.

[4] Scriptores rerum Hungaricarum (далее — SRH) / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937. Vol. I. P. 312–331; *Tóth S. L.* Levédiától Etelközig. Szeged, 1998. P. 93–95. old. (Szegedi középkortörténeti könyvtár. 14).

[5] Cosmas Pragensis Chronica Polonorum (далее — Cosmas). München, 1995. P. 30, 73–79 (MGHSS. Nova Series 2); Die Chronik der Bischifs Thiet-

Balti-tenger
Poznań
Gniezno
PIASTOK
Prága
PŘEMYSLEK
Krakkó
Poroszlói
RURIKOK
Kijev
Esztergom
ÁRPÁDOK
Adriai-tenger
Roma
10. század végi hatalmi központok
I. Boleslav (cseh) terjeszkedése 965 körül
Az Árpádok terjeszkedése a Kárpát-medencében, Géza és I. István alatt
Boleslaw Chrobry terjeszkedése
Vlagyimir nagyfejedelem terjeszkedése
Hadjáratok

Balti-tenger
Poznań
Gniezno
PIASTOK
Prága
PŘEMYSLEK
Krakkó
Poroszlói
RURIKOK
Kijev
Esztergom
ÁRPÁDOK
Adriai-tenger
Roma
10. század végi hatalmi központok
I. Boleslav (cseh) terjeszkedése 965 körül
Az Árpádok terjeszkedése a Kárpát-medencében, Géza és I. István alatt
Boleslaw Chrobry terjeszkedése
Vlagyimir nagyfejedelem terjeszkedése
Hadjáratok

Бржетислав I (1034–1055) укрепил свои внутренние позиции тоже путем подчинения империи[1]. В 1039 г. он использовал восстание язычников на территории Пястов и дошел со своими войсками до самого Гнезно, откуда он взял с собой части реликвий св. Адальберта (т. е. Войтеха). Тесная приверженность Бржетислава к империи проявлялась, с одной стороны, в регулярном присутствии на императорских съездах (в 1043, 1046, 1048, 1054 гг.), а с другой — в участии в походах императора на Венгрию (в 1044, 1051, 1052 гг.). В это время укрепилась власть над Моравией в руках чешских князей. Об этом свидетельствует появление сыновей Бржетислава в Моравии в качестве удельных князей. Во второй половине XI в. принадлежность Чехии к Священной Римской империи стала устойчивой. Однако во время столкновений между папой римским и императором (Генрихом IV) престиж чешских князей в рамках империи повысился. Вратиславу II (1061–1092) в 1085 г. был присвоен титул короля, правда, без права унаследования (*ad personam*). Он заслужил титул военной помощью, оказанной Генриху IV в 1075–1084 гг. На императорском съезде сам Генрих одобрил коронацию Вратислава, но титул не был признан папой, а император даже не присутствовал на церемонии. Вратислав использовал свое возросшее влияние при императорском дворе и распространил свою власть на Лаузиц, окрестности Мейсена и соседние с Чехией баварские земли. Контроль над вновь захваченными землями потерялся вместе с королевским титулом после смерти Вратислава[2].

Положение Чехии не изменилось на протяжении XII в. Чешские князья находились под властью императора, и их территория считалась подвластной империи. Чешские войска составляли постоянный контингент императорских войск — даже во время крестовых походов (например в 1147 г.). Однако чешские князья в рамках империи обрели почетное положение. В конце XII в. (1197 г.) Отакар I Пршемысл (1197–1230) приобрел королевский титул с правом унаследования. Начиная с этого, во главе Чехии стояли короли, равноправные с немецкими правителями (*dux*, *princeps*) даже на выборах императора[3].

Расширение господства Пястов произошло благодаря военным походам Болеслава I Храброго (992–1025). Параллельно с конфликтами с чехами Болеслав вторгся в Карпатский бассейн, на востоке дошел до Киева и занял город. На севере он захватил Померанию, а на юго-западе Силезию. Болеслав поддерживал союзные связи с императором Отто-

mar von Merseburg. München, 1996. P. 408–410 (MGHSS. Nova Series 9); *Hoensch J. K.* Geschichte Böhmens. München, 1987. S. 50–52.

[1] Cosmas. P. 78.

[2] Ibid. P. 135, 141–142; *Hoensch J.K.* Op. cit. P. 61–62, 65.

[3] *Hoensch J. K.* Op. cit. P. 50–56, 61–68, 70–79; *Třeštik D.* Počátky Přemyslovců. Cechů do dějín (530–935). Praha, 1997. S. 437–440; *Žemlička J.* Čechy v době knížecí (1034–1198). Praha, 1997. S. 35–41, 70–71, 104–140, 221–240.

ном III (998–1002), поэтому изменение на императорском троне принесло резкое потрясение. Генрих II (1002–1024) отправился в поход против Польши, и военные действия прекратились лишь вследствие мира в Баутцене в 1018 г. Его наследник Мешко II (1025–1034) уже был вынужден признать верховную власть императора. После смерти Мешко II господство Пястов пережило кризис и нападения со стороны чехов Внутренним распрям положил конец Казимир I Обновитель (1039–1058), пришедший к власти при поддержке императора. Казимиру опять удалось добиться господства над Силезией, за что он платил налог императору. Его наследник Болеслав II Смелый (1058–1079) пытался использовать конфликты Генриха IV с папой и получил королевский титул. Но в 1079 г. Болеслава обвиняли в содействии в убийстве краковского епископа, Станислава; поэтому ему пришлось отказаться от власти. Болеслав II нашел убежище в Венгрии при королевском дворе Ласло I Святого (1077–1095)[1].

В 1079 г. пришел к власти Владислав Герман (1079–1102), который женился на Юдите, сестре императора (вдове венгерского Соломона). Он тоже платил ежегодный налог за Силезию. Между его сыновьями вспыхнула борьба за власть, победителем стал Болеслав III Кривоустый (1102–1138), заставивший ослепить своего соперника, Збигнева. Болеслав III вел независимую политику: он вступил в тесные контакты с великим князем Киевским и венгерскими королями, однако перестал платить налог империи. Независимости положило конец поражение Болеслава в 1135 г. от чехов и венгров; вследствие чего ему пришлось заплатить задержанные за 12 лет налоги. Болеслав III в 1138 г. установил порядок унаследования княжеской власти по принципу старшинства (так называемый тестамент). Тем самым была обоснована (сформулирована как княжеское решение) территориальная раздробленность Пястовского господства. На протяжении XII в. род Пястов разделился на три ветви (силезский, великопольский и малопольско-мазовецкий), и последний пользовался титулом «*dux totius Poloniae*». Этот порядок действовал до 1202 г., до смерти последнего из сыновей Болеслава. В XIII в. отдельные части «Польши» совсем обособились друг от друга[2].

Территория Киевской Руси значительно расширилась при Владимире (978–1015), так как управление отдельными центрами пришлось разделить между представителями династии, т. е. княжеского рода — в узком смысле между сыновьями Владимира. Единство существовало пока сыновья подчинялись отцу, т. е. регулярно посылали дань в Киев и прини-

[1] Galli Anonymi Chronica Polonorum / Ed. A. Bielowski. Cap. 27–28 (Monumenta Poloniae Historica. III); *Bagi D.* Gallus Anonymus és Magyarország. Bp., 2005. 130–167. old.

[2] *Rhode G.* Op. cit. S. 21–37, 41–45; *Szczur S.* Op. cit. S. 131–161.

мали участие в совместных походах. Именно Ярослав (будущий великий князь (1019–1054) прозванный Мудрым) разрушил порядок незалолго до смерти отца. Впрочем, и сам он придерживался отцовского метода. По «тестаменту» 1054 г. три старших сына Ярослава получили одинаковую пропорцию из страны в двух частях: одну в центре, другую на окраине. Все остальные сыновья получили незначительные по сравнению с предыдущими волости. Совместное господство «триумвирата» длилось недолго, а потом борьба за великое княжение между сыновьями и внуками Ярослава возобновлялась[1].

Успешно объединил Киевскую Русь Владимир Мономах (1113–1125), но его власть основывалась уже на «призвании» городской общины (вече). Данное явление все чаще повторялось и в других центрах Руси, а в 1136 г. в Новгороде «призвание» князя и договор с ним стали определяющим фактором княжения до конца XV в. На протяжении XII в. обособились от Киева и другие центры: Владимир–Суздаль на севере, Галич–Волынь на юго-западе и Чернигов на востоке. К концу XII в. Киевская Русь окончательно распалась на отдельные княжества, которые независимо друг от друга пытались расширить свою территорию. В случае Новгорода финские племена не оказывали значительного сопротивления, владимиро-суздальским князьям пришлось бороться с волжскими болгарами, галицко-волынским с литванами. Важнейшую проблему представляли кочевники степи: с конца XI в. половцы. Впоследствии Русь потеряла причерноморские земли (Тмутаракань). В это же время порвались контакты с Полоцком, князья которого с этого времени ориентировались на запад (Литву и Мазовию)[2].

В случае Венгрии надо различать ситуацию XI и XII вв. На протяжении XI в. внутренняя миграция, направленная из центра к периферии, привела к тому, что вся территория Карпатского бассейна находилась под контролем королевской власти. Однако, наблюдается и династическое разделение власти (*ducatus*), но оно не имело ни непрерывности, ни устойчивости территории и центров. В начале XII в. королевская власть пользовалась достаточным превосходством, чтобы положить конец начинающейся раздробленности (см. события при Кальмане 1095–1116 гг.)[3].

Внутренняя стабильность, достигнутая в результате законов Ласло I (1077–1095) и Кальмана, сделала возможным олицетворение экспансии на Балканах. Ласло и Кальман заключили персональную унию с Хорватией, Ласло установил господство над Склавонией, позднее Бела II (1131–1141) над Рамой (Рама — часть сегодняшней Боснии). На протя-

[1] ПЛДР. С. 136, 174.

[2] *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus' 750–1200. London, 1996. P. 245–278, 339–352, 365–371.; *Font M.* Oroszország, Ukrajna, Rusz. 52–70. old.

[3] *Kristó Gy.* A feudális széttagoltság Magyarországon. Bp., 1979. 44–45. old; *Font M.* Koloman the Learned, King of Hungary. Szeged, 2001. P. 17–25.

жении XII в. Далмация время от времени признавала венгерского короля своим господином. В 1188–1189 гг. при Беле III (1172–1196) появились экспансионистские цели и в северо-восточном направлении, чтобы захватить Галич[1].

На протяжении XI в. Венгрия неоднократно подвергалась нападениям императоров Священной Римской империи (в 1030, 1051, 1052, 1079, 1108 гг.), как и Польша и Чехия. Но Венгрии удалось избежать и подчинения, и обязанности платить налог (единственное исключение король Петер Орсеоло в 1044–1046 гг.). В XI в. на Венгрию с востока нападали печенеги и половцы (1068, 1091 гг.), но благодаря хорошо организованной оборонительной системе — их поход не был успешным. Поэтому скорее всего походы с востока не повторились. В XII в. неоднократно вспыхивали войны с Византией на южных границах, которые сопровождались временной потерей новоприобретенных территорий на Балканах (Далмация и Срем при Мануиле в 1160–1170 гг.)[2].

* * *

Подведем итоги. Новые политические центры, оформленные в Центральной и Восточной Европе к концу первого тысячелетия, пытались расширить подвластные им территории путем наиболее активной военной деятельности. Этому способствовала нестабильность (вообще не существовавших) границ. Однако новые политические центры характеризовались внутренней нестабильностью; это привело к тому, что они сами стали объектом экспансионистских устремлений или со стороны соседней империи, или со стороны одного из новых политических центров.

Для внутреннего положения новых центров стало определяющим создание особого «тестамента» в случае Чехии, Польши и Руси, что в дальнейшем привело к политической раздробленности династической территории[3]. В случае Венгрии тестамента не было, кратковременное существование разделения власти (*ducatus*) тоже пользовалось родовой традицией, но эта традиция по отношению к конкретной территории не была глубока[4].

Чехия потеряв свою независимость с начала XI в. стала составной частью Священной Римской империи, однако это положение обеспечивало безопасность границ. В рамках империи престиж чешских князей возрос, им неоднократно присваивали королевский титул, который с

[1] *Font M.* Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, 2005. 143–187. old. (Szegedi középkortörténei könyvtár. 21).

[2] SRH. Vol. I. P. 125, 346–351, 361–362; Vol. II. Budapestini, 1938. P. 389–390; *Kristó Gy.* Az Árpád-kor háborúi. Bp., 1986. 46–66. Old.; *Makk F.* Ungarische Aussenpolitik (896–1196). Studien zur Geschichte Ungarns. Bd. 3. Herne, 1999. S. 69–140.

[3] *Font M.* A keresztény nagyhatalmak vonzásában. 151–157. old.

[4] Ibid. 259–266. old.; *Kálsecz K.* A dukátus. (рукопись).

конца XII в. стал наследственным. Географические границы Пражского бассейна не препятствовали экспансионистским попыткам в отношении к Моравии, Силезии и Лаузиц.

В отличие от Чехии для польских княжеств соседство с империей обозначало опасность и возможность нападения в любой момент. Частично и временно польские князья потеряли независимость (например порядок уплаты налогов). В случае Польши отсутствует стабильность и внутренних, и внешних границ, что можно объяснить и географическим положением. Похожая ситуация была характерна для Киевской Руси. Ее не коснулись военные нападения империи, но не меньшую опасность представляло соседство кочевых народов (печенегов и половцев). Южную границы защищали так называемые змиевидные валы и сторожевые отряды черных клобуков. Однако сложился определенный модус вивенди с половцами, что обозначает временное военное сотрудничество с некоторыми княжествами[1].

Подвластная королям династии Арпадов территория охватывала Карпатский бассейн, границы которого удалось защитить от нападений со всех сторон. Вследствие внутренней стабильности началась и экспансия на Балканах[2]. Наверное в этом играл роль военный потенциал Венгрии, основанный на кочевых традициях населения.

Т. П. Гусарова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ДВОРЯНСТВА О «СВЯТОЙ КОРОНЕ» В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА (ПО ТРАКТАТУ ПЕТЕРА РЕВАИ)[3]

В 1606 г. закончился первый вооруженный конфликт между австрийскими Габсбургами и венгерскими сословиями. Примирение было оформлено Венским миром, условиями которого предусматривалось возвращение в королевство Святой венгерской короны, увезенной оттуда в Австрию в 1551 г.[4] Статья 4 гласила: «Жители королевства просят его ве-

[1] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 107–118, 204–213, 271–273; *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 63–65, 68–69, 79–80.

[2] *Димитров Х.* Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998.

[3] Статья написана при поддержке Российского гуманитарного государственного научного фонда и венгерского фонда «Domus Hungarica».

[4] С 1529 по 1551 г. корона находилась в руках сначала венгерского короля Яноша Запольяи, а затем его вдовы Изабеллы. В 1551 г. корона была пере-

личество, чтобы по установлению более мирного времени корона (как это принято в других странах) вернулась в Венгрию, в Пожонь»[1].

Однако, несмотря на договор, венграм пришлось с оружием в руках отвоевывать Святую корону у Рудольфа II Габсбурга. Только потерпев под Прагой поражение от венгерских и австрийских войск, возглавленных эрцгерцогом Матиасом, Рудольф был вынужден в конце июня 1608 г. в Либене подписать свое отречение от венгерского престола и передать венгерскую корону вместе с королевскими инсигниями Матиасу, претенденту на венгерский трон, которого поддерживали венгерские сословия[2].

Спустя четыре месяца, венгерское государственное собрание, созванное в конце октября 1608 г., ратифицировало Венский мир. Статья о короне вошла в его решения в расширенном виде, с учетом произошедших за это время бурных событий: «Поскольку его императорское величество [Рудольф II — *Т. Г.*] корону королевства и древние инсигнии вместе с королевскими книгами и грамотами передал и препоручил не только его королевскому величеству как правителю Венгрии [Матиас II — *Т. Г.*], но также и присутствовавшим тогда при этом сословиям, более того, даже и отсутствующим гражданам королевства (передачу которой Его Величеству те даже подтвердили), то по этой причине сословия этой страны по праву требуют, чтобы упомянутую корону в силу статей Венского мира, а также в соответствии с тем, как этого требует древний обычай страны, немедленно привезли сюда, в Пожонь[3], и чтобы после коронации его святейшего королевского величества ее оставили в стране в руках тех, кто будет выбран для ее хранения из числа светских лиц, прирожденных венгров»[4]. Матиас Габсбург, избранный на этом государственном собрании королем Венгрии, был коронован привезенной им с собой в столицу Венгерского королевства Святой венгерской короной, или иначе, короной св. Иштвана.

Чтобы самая дорогая для венгров святыня впредь не покидала пределов королевства, этим же государственным собранием восстанавливал-

---

дана последней Фердинанду I Габсбургу и увезена в Вену согласно условиям заключенного между Фердинандом и Изабеллой договора об отречении Яноша Жигмонда, сына Яноша Запольяи) от титула венгерского короля.

[1] Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár 1526–1606 (Далее — CJH 1526–1606). Budapest, 1899. P. 962–963.

[2] *Медведева К. Т.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М., 2004. С. 209.

[3] Современная Братислава, входившая в состав Венгерского королевства и в эпоху турецких войн XVI–XVII вв. бывшая его столицей, в средние века носила или латинское название Posonium (отсюда венгерское: Пожонь), или немецкое: Пресбург.

[4] CJH Magyar Törvénytár 1526–1606 (Далее — CJH 1608–1655). Bp., 1900. P. 11–13.

ся упраздненный в связи с вывозом короны из Венгрии институт хранителей Святой короны. Местом хранения короны определялась королевская крепость в Пожони (совр. Братиславе), поскольку Вишеградская крепость, где до 1526 г. помещались королевские инсигнии и корона, была захвачена турками, а Пожонь после этого стала на долгое время столицей королевства и местом коронаций венгерских королей. Для хранения короны сословия на государственном собрании избирали из числа баронов двух хранителей короны. В 1608 г. ими стали верховный ишпан комитата Туроц Петер Реваи и верховный ишпан комитата Пожонь (столичного комитата) Иштван Палффи Эрдёди, оба — императорские и королевские советники[1]. Два хранителя были нужны не только для того, чтобы обеспечить лучшую безопасность охраняемого объекта, но и для взаимного контроля. В истории Святой короны, особенно в XVI в. с его военными и политическими пертурбациями, корона не раз становилась заложницей политических игр в руках ее хранителей[2].

Был разработан строгий регламент, обеспечивавший безопасность короны, подробно описанный в статье 16 законов 1608 г. Святая корона вместе с прочими коронационными инсигниями в соответствии с точной описью передавалась хранителям в торжественной обстановке в Пожоньской крепости в присутствии определенного числа представителей высшей знати. На их глазах корона помещалась в специальный ларец, и семь высших сановников королевства (надор, трое прелатов и трое баронов) опечатывали ларец своими печатями. В Пожоньской крепости, помимо положенного ей гарнизона, размещалась вооруженная охрана короны, оплачиваемая из казны[3].

Все названные требования к властям и меры в отношении Святой короны являлись частью политической программы венгерских сословий, целью которой было восстановление свобод и привилегий сословий перед лицом правящей династии.

Хранитель короны Петер Реваи принадлежал к старинной знатной семье, известной с начала XII в., которая, однако, поднялась в XVI в. благодаря тому, что поддержала Габсбургов в их притязаниях на венгер-

[1] Ibid. P. 34–35.

[2] Так, хранитель короны Петер Переньи после гибели в 1526 г. в битве при Мохаче Лайоша II (тогда же погиб второй хранитель короны) предоставил Святую корону для коронации сначала Яношу Запольяи, будучи в тот момент его сторонником (участвовал в его коронации), а позже — Фердинанду, перейдя на сторону последнего. В 1528 г., в разгар борьбы между двумя коронованными королями Венгрии Фердинандом I Габсбургом и Яношем I Запольяи корона, хранившаяся у Петера Переньи, была захвачена по приказу Яноша I, его полководцем Яношем Сереченом и тут же оказалась у султана Сулеймана (См.: *Berenyi I.* A magyar Szent Korona. Magyarország címere és zászlaja. Bp., 1996. 109. l.).

[3] CJH 1608–1655. P. 34–35.

ский трон в соперничестве с Яношем Запольяи. С этого времени Реваи были надежной опорой Габсбургам в Венгрии. Дед Петера Ференц заложил основу могущества семьи. Едва заняв престол, король Фердинанд I назначил его председателем королевской судебной палаты (1527 г.), верховным ишпаном комитата Туроц (1532 г.), а позже (1538 г.) своим персоналием и пожаловал многими поместьями. Вершиной его карьеры стал пост надора-наместника (1542 г.). Отец Петера Михай уже принадлежал к высшей знати: он был пожалован в бароны, а также в советники и получил от короля почетный, хотя и малозначимый чин главного королевского привратника (janitorum regalium magister)[1]. Сам Петер, которому к моменту его избрания хранителем Святой короны было уже 40 лет, пользовался известностью и авторитетом среди политической элиты, а также благосклонностью Габсбургов. Как дед и отец, он был верховным ишпаном комитата Туроц (с 1598 г.), заседал среди баронов в королевской судебной палате[2] и в королевском совете; на государственных собраниях он не раз выбирался сословиями в различные комиссии[3]. Петер Реваи участвовал в подписании Венского мира[4]. Без сомнения, должность хранителя Святой короны стала вершиной его карьеры, предметом особой гордости. Он занимал эту высокую должность до самой смерти в 1622 г. и был участником двух коронаций: 1608 и 1618 гг.

В 1613 г. Петер Реваи написал маленький трактат о Святой венгерской короне «О происхождении, выдающейся и триумфальной, насчитывающей более 600 лет истории и судьбе блистательной Святой венгерской короны», в котором кратко излагал историю Святой венгерской короны, а также идеи, связанные с ней. Трактат был впервые опубликован в Аугсбурге в 1613 г. и переиздавался в 1652 г.[5] В 1979 г. он был впервые полностью переведен на венгерский язык специально для издания «Девять веков венгерской короны. Исторические источники о венгерской короне», которое было подготовлено специально в связи с возвращением в Венгрию национальной святыни, оказавшейся после Второй мировой войны в США[6]. Не имея возможности обратиться к изданиям трактата

[1] *Nagy I.* Magyarország családai czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. Köt. 9. Pest, 1862. 709–72. l.

[2] CJH 1526–1606. P. 908–909. (Статья 33 закона 1601 г.).

[3] Ibid. P. 950–951. (Статья 15 закона 1604 г.).

[4] Ibid. P. 980–981.

[5] Первое название трактата: «De Sacrae Coronae Regni Hungariae ortu, virtute, victoria, fortuna, annos ultra DC clarissimae brevis commentarius». Текст переиздавался, в частности, в 1652 г. в Вене — напечатан в типографии Матиаса Космеровия под измененным титулом: «De Sacrae Coronae Regni Hungariae ortu, virtute, victoria, fortuna commentarius cum icone», Viennae excudebat Matheus Cosmerovius, 1652.

[6] A korona kilenc évszázada. Történelmi források a magyar koronáról. Budapest. Európa Könyvkiadó, 1979.

XVII в., я воспользовалась венгерским переводом, сделанным медиевистом Петером Кульчаром[1].

Реваи никак нельзя отнести к разряду выдающихся мыслителей, писателей или правоведов. Но он активно участвовал в политической жизни королевства, будучи членом Верхней палаты государственного собрания и хранителем короны. Он, как и его семья, были последовательными сторонниками правления Габсбургов в Венгрии. Однако, как известно, принадлежность многих представителей феодальной элиты Венгерского королевства к лагерю сторонников Габсбургов не означала полного совпадения взглядов обеих сторон по вопросам, касающимся прерогатив и границ власти правящей династии в Венгрии, а также прав и привилегий сословий. Всем этим и интересен написанный им трактат. В нем нашли отражение складывавшиеся на протяжении нескольких столетий в ходе эволюции венгерского феодального государства представления политически активной части феодальной элиты об отношениях между королевской властью и обществом, воспринимаемые этой элитой через понятие Святой венгерской короны. Анализируя трактат, можно попытаться выяснить, как изменились эти представления после Мохача, в условиях правления новой чужеземной династии. До П. Реваи тема Святой короны специально не поднималась в литературе, хотя «теория венгерской короны» в силу специфической, даже исключительной роли этой инсигнии королевской власти в Венгрии, не могла не привлекать хронистов и правоведов. Так, «корона» заняла свое место в труде Иштвана Вербеци, первого кодификатора феодального обычного права Венгрии. Но систематическое изложение истории короны Святого Иштвана и обоснование ее статуса мы впервые находим в трактате П. Реваи[2]. У него же мы впервые встречаем полное описание короны и всех других коронационных атрибутов. Сам автор осознает актуальность своего обращения к этой важной теме, и в предисловии отмечает, что, хотя сначала намеревался написать о святости короны для себя и сохранить написанное в тайне, в конце концов, по настоянию ряда высших сановников и единомышленников всё же был вынужден подготовить издание трактата[3]. Он адресует свой труд «не юристам», а широкой публике, как в Венгрии, так и за границей, которая, по его мнению, недостаточно знает о мистической силе и истории Святой короны и не осознает ее исключительного значения. Реваи осо-

[1] Révay Péter Turóc vármegyei főispán rövid emlékirata Magyarország több mint 600 éve tündöklő Szent Koronájának eredetéről, jeles és győzelmes voltáról, sorsáról (Далее — *Révay*) // A korona kilenc évszázada. 296–333. l.

[2] Истории идеи «Святой короны»со времени ее складывания до второй половины XIX в. посвящена специальная монография венгерского историка права Ф.Экхарта (1885–1957), но взгляды Петера Реваи не нашли в ней отражения (См.: *Eckhart F.* A Szentkorona-eszme története. Máriabesnyő–Gödöllő, 2003.

[3] *Revay.* Op.cit. P. 299.

бо подчеркивает, что ставит перед своим трудом совершенно иную задачу, чем юристы. Более того, он допускает, что отечественным юристам трактат не понадобится. Он стремится не столько прояснить юридический или исторический аспект вопроса, сколько обосновать и донести до читателя идею святости венгерской короны — а это знание, по убеждению хранителя Святой короны, необходимо для того, чтобы обеспечить безопасность страны и будущих поколений[1].

Каким историческим «багажом» в вопросе о понимании природы «святой короны» располагал Реваи?

«Святой венгерской короной» принято называть коронационную корону венгерских королей, которую традиция возводит к первому венгерскому королю Св. Иштвану. Согласно легенде (так называемая легенда Хартвика), король Иштван получил корону от папы Сильвестра II за заслуги в деле обращения венгров в христианство. Легенда гласила, что папой Сильвестром, пославшим Иштвану корону, руководил сам господь, сообщивший свою волю папе во сне через ангела. Представления о короне как святой, обладающей мистической силой, сложились не сразу. Этому способствовала канонизация первого короля, проведенная спустя сто лет после его смерти. Она сообщала соответствующий статус и качества, присущие святому королю, короне, которую он носил. Хотя, на самом деле, корона, приписываемая Иштвану, в своем нынешнем виде сложилась, по предположению специалистов, ближе к концу XII в.[2]

Корону Св. Иштвана, или Св. венгерскую корону без преувеличения можно назвать «нервом» венгерской истории. Она заняла в государстве и в отношениях между государем и подданными совершенно особое место, какого не занимала ни одна другая европейская корона. Она являлась не только символом королевской власти, ее божественного происхождения, что было общим местом для всей Европы. Со временем (с XIV в.) корона Св. Иштвана приобрела независимость от носителя верховной власти — короля, и корона короля (corona regis) стала символизировать и оформлять действительную государственную власть (corona regni), кому бы она ни принадлежала. Можно было править без короля «от имени Святой венгерской короны», как это делали бароны в начале XV в., державшие год в плену короля Жигмонда. Король не только отторгался от понятия «Святой короны», но даже исключался из числа обладателей этой короной. Понятие «подданство» в таком контексте соотносилось уже не с королем, а с короной. Служба королю, как и измена, воспринимались одновременно как служба или измена короне. В Венгрии, как и везде в средневековой Европе, корона являлась высшим символом и атрибу-

[1] Ibid. P. 300.

[2] *Tóth E., Szelényi K.* A magyar Szent Korona. Királyok és koronázások. Bp., 1999. 30. l.

том передачи правителю королевских прав. Однако в Венгрии коронация именно короной Св. Иштвана стала обязательной гарантией признания законности власти монарха, и, наоборот, коронация любой другой короной не обеспечивала такой законности[1].

К XV в. в Венгрии в рамках складывающейся сословно-представительной монархии сословия получили доступ к политической власти. Они настолько усилились, что, считая себя «членами страны», закрепили за собой право выборов короля по своему усмотрению и делегировать ему путем коронации верховную власть. Сословия претендовали на долю власти на основе своего «членства в Святой короне». В 1440 г. они впервые выбирали короля таким образом, что не принимали во внимание ни принципа наследования, ни родственных связей претендента с предшествующими королями.

Иштван Вербеци использовал теорию «членства короны», соединив ее с концепцией «Святой короны» для того, чтобы обосновать свой тезис о равноправии дворянства и знати (una et eadem libertas) в то время когда дворянство боролось с аристократией за свое право участвовать во власти[2]. Согласно его представлениям, уже при выборах первого венгерского короля общество (в понимании Вербеци — дворяне) делегировало «Святой короне», а через нее — и коронованному ею князю, верховную власть вместе с прерогативой творить законы, вершить правосудие, аноблировать и предоставлять земельные пожалования. Но общество, в свою очередь, оставило за собой компетенцию выбирать королей[3].

С переходом венгерского королевства под власть Габсбургов вопрос о святой венгерской короне не только не утратил своей актуальности, а, напротив, приобрел особую остроту в связи с притязаниями новой династии на наследственный характер своего правления в Венгерском королевстве. Святая корона, как никогда раньше, должна была выражать отношения между монархом и подданными. То обстоятельство, что эта важнейшая для венгров коронационная инсигния несколько долгих десятилетий (с 1527 по 1608 г.) находилась в руках королей из чужеземной династии за пределами страны — сначала в Вене, а в конце XVI в. в Праге, где хранились в резиденции Габсбургов — чрезвычайно беспокоило и даже возмущало венгерские сословия, поскольку они лишались важнейшего идеологического аргумента своего давления на власть.

В рассказе о венгерской короне П. Реваи демонстрирует свое знание венгерской истории, по крайней мере, основных ее вех. Эти, в целом, «общие места» из истории могли быть почерпнуты автором трактата из

[1] *Bartoniek E.* A magyar királykoronázások története (Az akadémiai kiadó reprint sorozata). Bp., 1987. 67–84. l.

[2] *Eckhart F.* Op. cit. 120–127. l.

[3] Вкратце об этом см.: *Чизмадиа А., Ковач К., Асталош Л.* История венгерского государства и права. М., 1986. С. 78.

широко известных венграм средневековых хроник (таких, как «Деяния венгров» анонимного автора XIII в. или «Иллюстрированной хроники»), а также более близких к Реваи по времени исторических произведений («Венгерской хроники» Яноша Туроци, «Будайской хроники» Андраша Гесса или обширного труда по венгерской истории итальянского гуманиста Антонио Бонфини, работавшего при дворе Матяша I, «Записки о положении Венгрии» Ференца Форгача). В тексте трактата встречаются ссылки на древних авторов (Сенеку, Тита Ливия, Вегеция), гуманистов (Паоло Джовио, Помпония Лета, Антонио Бонфини), упоминаются персонажи древнегреческой истории (Ликург, Александр Македонский). Так что автор трактата представляется достаточно начитанным человеком, хотя мы не знаем, какое образование он получил и где учился. Реваи признает необходимость и пользу для государственного мужа знания истории и осведомленности в других науках. О своей семье писатель замечает, что, занимая на протяжении трехсот лет высшие должности в государстве, она (и автор трактата в том числе) всегда высоко ставила науки и поддерживала ученых и искусства[1]. Тем не менее на страницах своего труда Реваи ни разу не упоминает юриста Иштвана Вербеци и его главный труд «Трипартитум», служивший в ту эпоху чуть ли не настольной книгой для образованной части венгерского дворянства.

Петер Реваи выстраивает свое повествование в хронологическом порядке. При этом исторический подход для него вовсе не характерен. Главное, на чем сосредоточено внимание автора — мистическая сила короны и удивительные свидетельства о таковой на протяжении всей истории короны и государства. В своих попытках объяснить исторические события и выявить в них закономерность, исходя из мистической силы Святой короны, Реваи нередко заходит в тупик, так как противоречивые (с точки зрения обоснования покровительства или отторжения со стороны короны) деяния тех или иных королей не вписываются в создаваемую им самим картину. Его объяснения поворотов в судьбе отдельных венгерских правителей, на первый взгляд, наивны. Но если рассматривать написанное Реваи о Святой короне в контексте происходивших в его время, на его глазах, при его непосредственном участии событий в Венгерском королевстве, то мы увидим, как за простотой и религиозной экзальтацией проступают вполне определенные общественно-политические взгляды автора трактата и хранителя Святой короны.

Мистическую силу Святой короны Реваи объясняет ее происхождением. В его представлении она явилась небесным даром, который по указу Господа ангел принес князю Иштвану в награду за то, что тот обратил венгров в христианство и в борьбе с врагами создал свое государство[2].

[1] *Revay*. Op. cit. P. 299.
[2] Ibid. P. 303.

Что же касается папы Бенедикта VII[1], то ему отводится роль простого исполнителя божественной воли[2]. Более того, в этой истории П. Реваи отвёл самой короне роль большую, чем это сделал создавший в начале XII в. легенду о Святой короне епископ Хартвик. Реваи обращает внимание на то, что такие же, как у Иштвана, заслуги перед христианством и своим народом имел польский князь Мешко, которому первоначально папа предполагал отдать корону. Однако из двух равных претендентов корона сама выбрала Иштвана — и в этом впервые проявилась ее мистическая сила и расположение к венгерскому народу. Для Реваи невозможна сама постановка вопроса о том, не означало ли получение короны из рук папы установления верховной власти апостольского престола над новым королевством.

Тем более Реваи умалчивает о посредничестве в этом деле германского императора Оттона III. Он объясняет божью волю, выразившуюся в дарении Святой короны Иштвану, не только личными заслугами короля перед христианской церковью, не только мистическим выбором короны, но и заслугами всех венгров, которые уже в то время показали себя защитниками христианства. Воинственные венгры, пишет Реваи, взяли на себя военные тяготы всего христианства и поэтому справедливо заслужили название «щит христианства»[3]. Нет необходимости говорить о том, что автор трактата имеет в виду современные ему войны с турками. Таким образом, небесный дар в виде Святой короны, полученный первым королем, стал справедливой наградой венграм-христианам и, следовательно, символом и вечным напоминанием о том, что венгры признали, приняли христианство и стали его защитниками[4]. Поэтому тот, кто оскорбляет Святую корону, совершает в первую очередь грех против веры[5]. Уже в этой интерпретации появления в Венгрии Святой короны мы ощущаем отголоски современной Реваи политической и религиозной борьбы. При этом в вопросах веры автор трактата — католик, и под теми, кто оскорбляет корону, он, очевидно, подразумевает протестантов. В то же время подчеркивание роли всех венгров в принятии и защите христианства сразу делает корону достоянием всего венгерского

[1] Реваи по какой-то причине называет Бенедикта VII папой, даровавшим корону Иштвану I. Между тем его понтификат закончился в 983 г., тогда как Иштван мог обратиться к святому престолу только в последние годы X в. Историческая традиция относит это событие к правлению папы Сильвестра II (999–1003 гг.).

[2] Бенедикт, который первоначально предполагал отдать корону польскому князю Мешко, «по нашептыванию с небес Божьего духа» изменил свое решение и передал корону Иштвану (*Revay*. Op. cit. P. 303.).

[3] *Revay*. Op.cit. P. 300.

[4] Ibid. P. 329.

[5] Ibid. P. 331.

народа, а не одного только короля, что также наводит читателя на мысли о противоречиях между Габсбургами и венгерскими сословиями в этом вопросе в современную Реваи эпоху. То, что для, как и других его современников, корона олицетворяет все венгерское государство, весь народ, а не персону короля, подчеркивается употреблением по отношению к короне названия «Святая венгерская короны», а не «Корона Святого Иштвана» — понятия, имевшего хождение и до Реваи и после него.

С чудесным появлением у венгров Святой короны автор трактата связывает и всю дальнейшую историю венгерского государства. Наделенная мистической силой корона становилась покровительницей венгров и Венгрии, а обладание ею было и остается залогом жизни и сохранения Венгерского государства. П. Реваи называет корону дорогим украшением Венгрии, сокровищем на божественном челе Его Величества, священным гарантом веры и закона, спасительным залогом мира и войны, пробным камнем в удаче и несчастье, а также вечной опорой славы благородного, богатого заслугами, храброго, закаленного в боях венгерского высшего сословия — и народа[1]. Реваи сравнивает мистическую силу короны с магнитом: она сильнее магнита притягивает к себе любовь и послушание венгров, которые уверены в том, что должны следовать за Святой короной, чего бы это им ни стоило, и с какой опасностью бы ни сопрягалось. Именно этим свойством Святой короны Реваи объяснял то, на его взгляд, чудесное обстоятельство, что венгерская нация, «которая прошла через множество войн и поражений, выжила»[2].

В пространном рассказе П. Реваи о Святой короне можно выделить несколько критериев, исходя из которых, автор трактата преподносит читателю историю Венгерского королевства.

Корона является *нравственным мерилом* для поступков отдельных государей и всего венгерского народа в целом. Реваи приводит примеры из истории, подтверждающие это положение. Так, он довольно подробно рассказывает о борьбе за венгерский престол между преемником Св. Иштвана Пьетро Орсеоло[3] и Аба Шамуэлем[4], в которую на стороне первого вмешался германский император Генрих III. То обстоятельство, что последний поддержал законного короля Пьетро Орсеоло и вернул ему трон, Реваи объясняет исключительно чудодейственной силой Святой короны. На этом основании он отвергает всякие утверждения о том, буд-

[1] Ibid. P. 298.

[2] Ibid. P. 330.

[3] Пьетро Орсеоло — венгерский король (1038–1041 гг., 1045–1046 гг.). Племянник Иштвана I, сын его сестры и правителя Венеции Отто Орсеоло. Призван на венгерский трон Иштваном I, оставшимся без наследника.

[4] Аба Шамуэль — племянник Иштвана I, избран королем в 1044 г. восставшими против Пьетро Орсеоло венграми. В том же году был убит.

то бы германский император обусловил свою помощь признанием Пьетро вассальной зависимости Венгрии от императора[1].

Однако король Пьетро был убит другим соперником из рода Арпадов — Андрашем[2], силой и хитростью завладевшим королевством и короной. Реваи ставит этому правителю в заслугу, что он отразил вторжение в страну уже упомянутого Генриха III, вознамерившегося отобрать у Андраша Святую корону. Но, несмотря на это, а также на то, что Андраш был неплохим правителем, за свое вероломство в отношении Пьетро Орсеоло (и, значит, Святой короны) он был наказан и свергнут с престола своим братом Белой[3]. Автор трактата формулирует вывод, основываясь на этом эпизоде истории королевства: *ни одно преступление против Святой короны не остается безнаказанным, и сама корона гарантирует восстановление справедливости*[4]. Реваи приводит немало случаев, которые он интерпретирует в подобном духе[5].

Преступлением против Святой короны П. Реваи считает не только незаконный захват её самой и венгерского трона, но и использование в междоусобной войне чужеземных войск (сначала немцев, потом печенегов) на территории королевства. Именно так автор трактата объясняет низложение короля Шаламона[6] его двоюродным братом Гезой, хотя, казалось бы, Святая корона должна была бы благоволить к Шаламону, как законному наследнику своего отца на венгерском престоле[7]. В то же время Венгерское королевство воспринимается Реваи как органическое единство самой Венгрии и находящихся под властью ее короля (вернее, короны) территорий. Власть и мистическая сила короны не ограничивается венграми и распространяется также на подвластные ей королевства (Далмацию, Хорватию, Болгарию, Сербию, Галицию и др.), которые — и этому удивляет-

[1] *Revay*. Op. cit. P. 304.

[2] Андраш I — венгерский король (1046–1060 гг.) из династии Арпадов. Сын двоюродного брата Иштвана I Вазула, изгнанного первым королем из страны. Занял трон после смерти Пьетро Орсеоло.

[3] Бела I венгерский король(1060–1063 гг.) из династии Арпадов. Занял трон, свергнув своего брата Андраша I.

[4] *Revay*. Op. cit. P. 306.

[5] В таком же свете он представляет историю борьбы между Иштваном III и его братом Ласло II: последний, воспользовавшись тем, что брат воевал за границей, выкрал Святую корону и короновался ею. Однако «установитель королей и покровитель короны всемогущий Господь не оставил надолго безнаказанным это преступление и покарал осквернителя короны, соперника коронованного короля» (*Revay*. Op. cit. P. 310.).

[6] Шаламон — венгерский король (1057–1074) из династии Арпадов. Сын Андраша I, коронован при жизни отца. Свергнут кузеном Гезой (Геза I, 1074–1077 гг.), власть которого над Венгрий в 1075 г. была признана папой Григорием VII. Продолжал борьбу за трон против Гезы I и его преемника Ласло I (1077–1095 гг.). Умер в 1087 г., очевидно, сражаясь против Ласло I на стороне печенегов.

[7] *Revay*. Op. cit. P. 307.

ся Реваи — добровольно отказались от своих государственных символов, от своих корон в пользу Святой венгерской короны[1]. Войны во имя расширения территории государства ставятся в заслугу королям, хотя образцом для подражания Реваи все же делает короля Ласло I Святого: он без крови присоединил к Венгерской короне Далмацию и Хорватию.

Как преступление против Святой короны Реваи расценивает и занятие трона бастардом. Именно этим обстоятельством он объясняет крах Яноша Корвина, незаконного сына Матяша I. Несмотря на поддержку отца, сын не удержался на престоле и вверг королевство в новые распри[2].

Святая корона наказывает за грехи и преступления не только отдельных королей, но весь народ[3]. Таким примером для Реваи является татарское нашествие, обрушившееся на венгров из-за внутренних распрей, которые поколебали в королевстве уважение к Святой короне. Король Бела IV в страхе бежал из страны вплоть до Далмации. Татары три года подвергали Венгрию разграблению. Спасение страны Реваи снова связывает со Святой короной. Чудом он считает сохранение в этом хаосе самой короны, у которой тогда не было хранителей[4]. В подобной интерпретации исторических событий одним из представителей венгерской политической элиты начала XVII в. слышится отголосок теории «Святой короны» И. Вербеци, хотя прямых ссылок на труд известного венгерского юриста XVI в. у Реваи мы не найдем. Тем не менее коллективное «членство в Святой короне» всего дворянского сообщества — «общины знатных», делегировавших верховную власть первому королю, предусматривает и коллективную ответственность нации перед ее святыней.

Корона сама по себе является активным действующим фактором в истории королевства. Именно корона направляет действия людей. Автор даже наделяет ее свойствами живого существа. Корона сама страдала от неправых действий некоторых из королей. Она по своей воле вела победоносные войны против диких народов за веру и ради спасения. Вместе с королем она побеждала и держала в страхе венецианцев, греков, русских, сарматов, половцев и другие соседние народы[5]. И в этом через нее осуществляется воля Господа, которого П. Реваи называет «установителем королей и покровителем короны». С помощью Святой короны побеждает правое дело королей. А небеса спасают и охраняют от всех опасностей и бед правителей, которые обладают такими качествами как добродетель, справедливость и т. п.

Обладание святой короной обеспечивает небесную защиту Венгрии. Пока корона находится в Венгрии, за судьбу последней можно

[1] Ibid. P. 332.
[2] Ibid. P. 328.
[3] Ibid. P. 306.
[4] Ibid. P. 315.
[5] Ibid. P. 310.

не опасаться: корона спасает страну. П. Реваи приводит примеры из истории страны, подтверждающие этот тезис. После пресечения династии Арпадов началась борьба за венгерский престол, в которой, в конце концов, верх одержал ставленник папы Бонифация VIII Карл Роберт Анжуйский[1]. Тогда Святая корона впервые оказалась за пределами страны, у одного из претендентов на венгерский престол, чешского королевича. В годы междуцарствия судьба Венгрии подвергалась большой опасности. Пройдя через испытания и удивительные приключения (баварский герцог Оттон на пути в Трансильванию потерял корону), главная святыня королевства попала в руки избранного венграми Карла Роберта[2]. За его коронованием Святой короной последовали десятилетия расцвета, крупных военных удач Венгрии, особенно в правление сына Карла Роберта Лайоша I Великого[3].

Во второй раз корона, а вместе с ней и благополучие Венгрии подверглись жестокому испытанию в середине XV в., когда ее похитила, вывезла из страны и передала Фридриху III[4] в интересах своего сына вдова венгерского короля Альберта Габсбурга[5], дочь императора и венгерского короля Сигизмунда Эржебет[6]. Отсутствие короны в стране может привести к тяжелейшим последствиям: не только поставить королевство под удар, лишив его небесной защиты, но и привести к более тяжким преступлениям. Таковым Реваи считает коронование монарха какой-нибудь иной короной, кроме Святой. Так, он называет «кощунством, преступлением и извращением» тот факт, что Уласло I[7], не имея возможности короноваться Святой короной (которая как раз была похищена по приказу Эржебет и находилась в руках Фридриха III Габсбурга), короновался короной, взятой из реликвария Св. Иштвана в Секешфехерваре[8]. За такое оскорбление Святой короны он поплатился сам, погибнув, и вверг страну в пучину бедствий. П. Реваи описывает хаос, царивший в стране до тех пор, пока великой ценой корона не была возвращена из многолетнего плена Матяшем Корвином. Автор убежден, что хранить ее следует в Вен-

[1] Карл Роберт — венгерский король (1308–1342 гг.).

[2] *Revay*. Op. cit. P. 318–319.

[3] Ibid. P. 318 –319.

[4] Фридрих Ш Габсбург, австрийский герцог и германский император (1452–1493 гг.).

[5] Альберт Габсбург — австрийский герцог, германский (1438–1439 гг.), чешский и венгерский (1437–1439 гг.) король. Первый Габсбург на венгерском троне, получивший его на правах мужа единственной наследницы венгерского короля Сигизмунда Люксембурга.

[6] *Revay*. Op. cit. P. 320–321.

[7] Уласло I — венгерский король (1440–1444 гг.) из династии Ягеллонов, избранный государственным собранием.

[8] *Revay*. Op. cit. P. 324.

грии, потому что только в таком случае корона может обеспечить благоденствие и процветание королевства и венгерского народа.

Лучшим доказательством этого тезиса П. Реваи считает блестящее правление короля Матяша Корвина. Тогда корона сама, благодаря своей мистической силе, хотя и с помощью Матяша вернулась на родину. Реваи даже пытается установить некую хронологическую закономерность в истории взаимоотношений Святой короны и Венгерского государства, ссылаясь на ученых. Наивысшего расцвета оно достигает раз в 500 лет: в первый раз это было связано с Иштваном I, при котором Святая корона появилась в Венгрии, во второй — с Матяшем I, когда корона счастливо и чудесно вернулась на родину[1].

Важное место в концепции Реваи отводится хранителям Венгерской короны. Вообще-то, по мнению автора трактата, Святая корона не нуждается в хранителе, так как может сама постоять за себя. В доказательство он приводит татарское нашествие: тогда корона не только спасла страну от варваров, но и сама чудесным образом спаслась, не попав в руки преследовавших короля татар, хотя в тот момент при ней не было хранителя[2]. Тем не менее похищение Святой короны вдовой Альберта Габсбурга, по убеждению Реваи, стало возможным именно из-за того, что ее хранение было поручено какому-то иностранцу. Он полагает, что «самым опасным и недостойным деянием было доверить символ государства чужому человеку вместе с должностью хранителя короны вопреки законам и традициям страны, оттеснив прирожденных мужей нации, в которых сама природа вселила любовь и уважение к святому символу королевского величия»[3]. Таким образом, *недопустимо, чтобы должность хранителя доставалась иностранцу*. Как положительный момент Реваи отмечает учреждение должности двух хранителей Святой короны и закрепление этого решения в законах 1500 г. Правда, этот институт оказался кратковременным, что наш автор объясняет двумя причинами: 1) тем, что он приобрел политический характер; 2) корона на долгое время была вывезена из королевства. Реваи намекает на политическую борьбу, развернувшуюся в стране после гибели Лайоша II в битве при Мохаче и вывоз короны Фердинандом I из Венгрии.

Важное место в трактате уделяется чрезвычайно актуальному и болезненному для попавших под власть чужеземной династии венгров вопросу о характере королевской власти. Реваи исходит из того, что в Венгрии короли выбираются. Однако, по его убеждению, *коронование венгерских королей Святой короной играет большую роль, чем избрание, поскольку Святая корона «устанавливает королей» благода-*

[1] Ibid. P. 328.
[2] Ibid. P. 315.
[3] Ibid. P. 321.

ря своей мистической силе[1]. Автор трактата противопоставляет венгерскую практику коронований иным. Он упоминает тот факт, что некоторые императоры не короновались золотой императорской короной в Риме из рук папы римского, но поскольку они считались законными императорами благодаря одним только выборам, их императорское достоинство и власть не пострадали. Так поступили Рудольф I, Фердинанд I, Максимилиан II, Рудольф II Габсбурги[2]. Иначе обстоит дело с венгерской короной. Если правитель не коронован Святой короной, то коронация не признается действительной, и, соответственно, не признается законной сама власть монарха. Вследствие этого все его пожалования, грамоты, разрешения не имеют силы, а сам король в лучшем случае может признаваться правителем[3]. Наиболее яркие примеры, которыми Реваи подтверждает свое высказывание — история коронаций Карла Роберта и Матяша I. Первый, хотя и был признан и выбран венгерскими сословиями, не имел возможности короноваться Святой короной, которая находилась за границей. Корона, посланная папой, не изменила положения дел. Лишь третья коронация — уже Святой короной — сделала Карла Роберта законным венгерским королем. Долгое время и Матяш I Корвин не мог считаться законным королем, хотя уже правил Венгрией, будучи избранным сословиями, пока не выкупил корону у Фридрих III и не короновался ею.

Проблему выборности королей Реваи не ограничивает пределами Венгрии. Так, в самом начале своего произведения он упоминает об императоре Оттоне III в связи с тем, что приписывает ему учреждение коллегии курфюрстов-выборщиков[4]. Автор трактата вполне положительно оценивает этот шаг императора, так как, во-первых, видит в нем желание обеспечить права на германскую корону исключительно за немцами. Во-вторых, введя этот сюжет в свое повествование, П. Реваи сразу же высказывал свою позицию в вопросе о выборности королей и участии сословий в выборах.

Базируясь на утверждении, что венгерские короли получают свою власть (королевское достоинство) от Святой короны, автор говорит об отношениях подданных и короны, о границах королевской власти. Ссылаясь на обычай, он приписывает короне издание «полезных и добрых законов». Кроме того, не королю, а короне уплачиваются штрафы и вергельды, оставляют церковное и светское наследство, возвращают всякое имущество, «как некому источнику, из которого все происходит». Реваи говорит о существовании понятия «имущество Святой короны» и к нему относит, в частности, крепости и, так называемые свободные королевские города. Это имущество монарх или кто-либо другой не могут обра-

[1] Ibid. P. 313.
[2] Ibid. P. 330.
[3] Ibid. P. 331.
[4] Ibid. P. 303.

щать себе на пользу, т. е. отчуждать[1]. Автор трактата иллюстрирует свои мысли по данным вопросам материалом из венгерской истории. Здесь, как и во многих других местах произведения, Реваи подразумевает современную ему обстановку и отношения сословий с правящей династией Габсбургов. В то время, когда писался трактат, в памяти венгров были свежи воспоминания о политических судебных процессах против ряда крупных венгерских магнатов, закончившихся конфискацией их владений в пользу казны[2]. Венгерскую знать также возмущало раздаривание Габсбургами иностранцам огромных владений в Венгерском королевстве. Реваи выражает мнение венгерского дворянства: Святая корона принадлежит сословиям, король является ее «пользователем».

Петер Реваи трактата настойчиво подчеркивает мысль о необходимости согласия между королем и подданными, права и привилегии которых правитель обязан соблюдать. В связи с этим автор трактата упоминает Эндре II[3]. Исключив из своего рассказа драматические события периода правления этого короля, отмеченного засильем иностранцев, противостоянием знати королю, заговорами и даже убийством королевы, Реваи упоминает только об одном: об издании Золотой буллы 1222 г. — и ставит в заслугу королю «дарование свобод сословиям», хотя, как известно, последние силой заставили Эндре II пойти на этот шаг. Автор даже прощает этому королю насильственный захват им престола, что в других случаях осуждал. Он «списывает» это «преступление» за счет того, что Эндре якобы сразу попросил прощения у короны[4]. В этом пассаже Реваи предстает как защитник сословных свобод и привилегий венгерского дворянства от посягательств центральной власти в лице современных ему королей. Автор трактата напоминает, что привилегиям, дарованным сословиям Золотой буллой, по обычаю, присягает каждый король.

Все рассуждения Реваи относятся как бы к области далекой истории. Но ему приходится обращаться и к тому времени, когда после поражения при Мохаче в 1526 г. венгры приняли власть Габсбургов. Тут он уже должен был проявлять большую осторожность и политическую корректность, поскольку, с одной стороны, он принадлежал к лагерю сторонников Габсбургов и верно служил им, с другой — расходился с ними по ряду важнейших вопросов.

Поражение венгров при Мохаче и почти полное истребление высшего сословия и дворянства вместе с королем Лайошем II Реваи в духе време-

---

[1] Ibid. P. 331.

[2] Имеется в виду в первую очередь судебный процесс против Иштвана Илешхази, одного из лидеров венгерской дворянской оппозиции начала XVII в. (См. об этом: *Медведева К. Т.* Указ. соч. С. 89–92).

[3] Эндре II — венгерский король (1204–1235 гг.) из династии Арпадов, сын Белы III.

[4] *Revay.* Op. cit. P. 314.

ни трактует как наказание за грехи перед короной и Господом. Большим грехом он считает начатую после мохачской трагедии гражданскую войну, за которую бог послал венграм еще большее наказание: турки захватили часть королевства. Реваи категорически осуждает Яноша Запольяи за обращение к туркам за помощью и союз с ними. Об занятии венгерского трона Фердинандом I он пишет довольно скупо, но признает правомерность его воцарения[1]. Фердинанда как шурина погибшего венгерского короля поддержала большая часть венгерской знати. Но его «выбрала» и «Святая корона», которая после драматических испытаний, выпавших на ее долю, «по божьей воле» попала к Фердинанду[2]. Интересно отметить, что факт коронования и Яноша Запольяи Святой короной Реваи не связывает с волей самой короны, а объясняет поспешностью людей.

Как мы помним, автор трактата резко осуждает пребывание короны в чужих руках, а тем более — за границей. Но в случае с Габсбургами Реваи иначе интерпретирует подобную ситуацию. Он оправдывает поступок Фердинанда, вывезшего венгерскую корону в Вену, перекладывая выбор на саму корону. «Выбравшись из гражданских войн, и как бы не чувствуя себя в безопасности среди своих соотечественников, Корона препоручила себя защите и любви австрийцев, так как пренебрегла государями из нашей нации и нашей крови, власть которых, полученная преступным путем, не могла быть продолжительной... И пока Корона мирно пребывала вдали от венгерских мятежей, она издали заботилась о чести и благе Венгрии»[3].

Реваи одобряет намерение королей Габсбургов еще при жизни передать власть над Венгрией своим детям, ибо это предупреждает беспорядки, которые могут возникнуть, когда опустеет трон. Но в вопросе о характере этой власти он расходится с правящей династией. Как большинство венгерских современников Реваи в данном вопросе был непреклонен и упорно настаивал на необходимости выборов короля, а также на участии в них сословий. В Венгрии, писал он, выборы королей совершаются при полном согласии сословий, как это когда-то происходило на Ракошском поле под звон оружия[4].

То обстоятельство, что в течение 70 лет Святая корона находилась «на домашнем алтаре королей», автор трактата оправдывает двумя обстоятельствами. Во-первых, в этом заключается божья милость, во-вторых, Габсбурги, будучи венгерскими королями, одновременно носят титул императоров. Данному факту Реваи придает огромное значение. В своем произведении он не раз связывает Святую корону и империю. В его гла-

[1] Ibid. P. 337.
[2] Ibid. P. 338.
[3] Ibid. P. 342.
[4] Ibid. P. 342. В XV — начале XVI в. выборы венгерских королей производились во время государственных собраний, на которые дворянам предписывалось являться поголовно.

зах эта связь чрезвычайно плодотворна. Например, заслуга Жигмонда, к правлению которого в целом автор трактата относится скептически (ведь он побывал в плену у собственных подданных и дважды потерпел поражение от турок), состоит в том, что тот «принес в Венгрию и приобщил к божественной Святой короне императорское достоинство»[1]. Как бы то ни было пользу от этого союза хранитель короны видит в первую очередь в возможности для Венгрии рассчитывать на помощь против турок. Так же он оценивает и правление короля-императора Сигизмунда Люксембурга, и правление в Венгрии королей-императоров Габсбургов. Следует сказать, что подобное отношение к Габсбургам было характерно для многих представителей венгерской политической элиты, как из числа сторонников, так и противников правящей династии. В венгерской политической литературе XVI–XVII вв. проводилась мысль о том, что венгры выбрали королем Фердинанда только потому, что он клятвенно обещал защитить Венгрию от турок и изгнать их из страны. Часть элиты поддерживала чужеземную династию, ибо справедливо полагала, что в одиночку венгры не в силах справиться с турками. Вместе с тем в трактовке П. Реваи Святая корона оказывается если не выше, то, по крайне мере, не ниже императорского достоинства, ведь императорское достоинство присоединяется к ней, а не наоборот. Власть же Габсбургов над Венгрией ни в коем случае не означает ни включения королевства в состав наследственных владений династии, ни подчинения ее империи.

Освещая события, предшествующие Венскому миру 1606 г. и следующие за ним, автор трактата показывает себя горячим сторонником Матиаса Габсбурга, нового короля Венгрии, получившего венгерский трон в результате борьбы со своим братом королем-императором Рудольфом II, против которого выступили венгерские, австрийские и чешские сословия. Реваи ставит в заслугу Матиасу изъятие силой у Рудольфа Святой короны (которая уже жаждала вернуться домой), а также успешные военные действия Матиаса, отбившего у турок Вишеград. Он восхваляет короля, называя его триумфатором, приписывая ему восстановление мира и спокойствия в Венгрии, «венгерских законов и конституции»[2]. Конечно, Реваи остался верен себе и в этой части своего труда, который он закончил, высказав мысль о том, что без поддержки Святой короны Матиасу не удалось бы достичь таких блестящих результатов. А к Святой короне, «как некое заключительное украшение присоединился нераздельный союз могущественной страны Чешской короны и величие императорского титула»[3].

В конце трактата звучит призыв автора. Если корона будет в целости, то и родина сохранится. Для этого надо укреплять древнюю апостоль-

[1] Ibid. P. 320.
[2] Ibid. P. 352.
[3] Ibid. P. 353.

скую веру, заботиться об общем благе, ненавидеть турок непреходящей ненавистью, делать так, чтобы дома царили согласие и добро. И тогда — сколько бы «мы ни страдали от врага, мы не будем сломлены, а получим силу от неба, излечимся от ран войны, вернем себе жизнь и силу».

Итак, изучение трактата П. Реваи позволяет сделать следующие выводы. Взгляды автора на корону подразумевают обширный комплекс представлений о государстве и королевской власти (ее природа, происхождение, характер, прерогативы, границы и т. д.), о характере взаимоотношений монарха и подданных (избрание королей, степень участия во власти, сохранение прав и привилегий и т. п.). Как видно из текста, особой оригинальностью эти взгляды не отличаются. В целом они соответствуют представлениям, укрепившимся в венгерском обществе в XV в. в условиях, когда, с одной стороны, ослабела королевская власть, с другой — поднялись сословия (в первую очередь, феодальная знать и дворянство), которые получили возможность реализовать свое участие во власти, максимально ограничив монарха. «Неувязка» заключается в том, когда Реваи писал свое сочинение, подобные взгляды уже устарели и пришли в несоответствие с политическими реалиями эпохи. Габсбурги не только утвердились на венгерском троне, но и в духе времени нарушали традиции средневековой венгерской государственности, а также вели наступление на сословные привилегии венгерского дворянства. Автор рассмотренного нами сочинения, безусловно, не мог не видеть этих трансформаций, и своеобразно реагирует на них в своем произведении. Пафос трактата, сконцентрированный на мистической силе Святой венгерской короны, призван обратить внимание читателя на традиционные венгерские политические ценности позднесредневекового сословного общества и государства, выраженные в понятии «Святая венгерская корона». Временная победа венгерских сословий над Рудольфом II Габсбургом в первом антигабсбургском выступлении, завершившимся Венским миром 1606 г., давала надежды на восстановление этих ценностей и основанного на нем политического порядка. То обстоятельство, что одолеть Рудольфа II сословной конфедерации помог представитель семьи Габсбургов — Матиас, в конце концов взошедший на венгерский престол, возможно, еще больше подогревало такие надежды. Но в связи с этим сторонникy Матиаса Габсбурга венгерскому барону, хранителю Святой венгерской короны Петеру Реваи, приходилось искать компромисса между своими представлениями и убеждениями, отражавшими взгляды значительной части венгерской феодальной элиты того времени, и новыми политическими реалиями. А вот как раз это автору проанализированного трактата и не удалось.

А. Г. Гуськов

ПРОЕКТЫ ТОРГОВЛИ С КИТАЕМ И ПЕРСИЕЙ ЧЕРЕЗ РОССИЮ В XVII ВЕКЕ КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Как известно, в XIV–XV вв. Великий шелковый путь в силу разных причин постепенно утратил свое значение. Сыграли свою роль и захват Османской империей Византии, и процесс смещения торговых путей с суши на море (через Индийский океан и Персидский залив). Однако в XV–XVI вв. две страны продолжали господствовать на морских коммуникациях — Испания и Португалия. Другие европейские государства, тоже желавшие торговать на восточных рынках, еще не обладали достаточной мощью, чтобы конкурировать с Мадридом и Лиссабоном. Они искали новые маршруты и способы проникновения в Персию, Индию и Китай. В связи с этим понятен интерес представителей Англии, Голландии и др. к России, через которую пролегал возможный путь к сокровищам Востока. Определенный интерес в этом плане представляет XVII в.

В течение всего столетия многие государства Европы пытались добиться от российского правительства разрешения на транзитную торговлю с восточными странами, так как южный морской путь вокруг Африки был чрезвычайно долгим и трудоемким. Основной интерес купцов по-прежнему заключался в вывозе шелка, пряностей, драгоценностей. Однако российский Посольский приказ придерживался в коммерческой сфере достаточно жесткой политики и отказом отвечал на большинство предложений иностранных предпринимателей. Одна из возможных причин заключалась в слабости отечественного купечества, почти не способного конкурировать с западными торговыми домами, обладавшими многочисленными агентами, разветвленной системой связей и крупными денежными средствами.

Неудачными можно считать большинство попыток европейцев закрепиться на российских торговых маршрутах. В начале века наибольшую активность проявляли англичане. Обладая со второй половины XVI в. правами на беспошлинную торговлю в России и проезда по многим городам, они стремились отыскать путь на восточные рынки через Волжский бассейн. Основной целью британских купцов была скупка шелка и разведка маршрутов в Индию. В 1604 г. английскому послу Ф. Шмиту, поднимавшему вопрос о «дозволении агличанам ездить с товарами в Персию и Восточную Индию, и отыскивать ходу в Китай», было отказано из-за опасностей персидско-турецкой войны[1]. Аналогичные вопросы пытался

[1] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 35 «Сношения России с Англией». Оп. 1. Д. 43.

решать в 1614 и 1621 гг. посол Дж.Меррик, который тоже получил отказ[1]. В дальнейшем число предложений со стороны англичан значительно уменьшается в связи развитием маршрутов через Персидский залив и упорным нежеланием российской стороны идти навстречу.

Не смогли добить особого успеха и голландцы, которые в XVII в. постепенно вытесняют англичан с первого места на русском рынке. Сохранились сведения, что еще во время Смуты в 1610–1611 гг. ездили для торговли «у короля (польского. — *А. Г.*) галанцы дорогу Волгою в Астрахань, и из Астрахани в Персиду, а дают от тово королю на год по 100 000 рублей»[2]. Но после воцарения на престоле династии Романовых все коммерческие контакты с Персией через Россию для Голландии прекращаются.

В 1615, 1619, 1630–1631, 1676 гг. представители Генеральных Штатов пытались добиться разрешения на транзит, однако Посольский приказ отвечал отказом[3].

Ситуация изменилась лишь к концу столетия. В 1690 г. голландский резидент в России фон Келлер получил из Амстердама от бургомистра Н.Витсена письмо, касающееся проекта торговли с Китаем и Персией российских и голландских купцов[4]. 22 января 1690 г. оно поступает в Посольский приказ. Предложение Витсена, активно занимавшегося изучением азиатских стран и Дальнего Востока, возможно обуславливалось заключением в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем, одним из условий которого было соглашение о свободной торговле между двумя странами[5].

10 марта 1691 г. по посольским делам Келлер был вызван в Посольский приказ к Е. И. Украинцеву. Здесь, помимо основной цели приглашения голландца, с ним состоялся разговор о письме Витсена, о торговле и о связанных с этим делах[6]. Результатом стало решение Посольского приказа о вступлении в переписку с голландскими чиновниками.

Из письма Витсена становится понятно, что он отвечает на более раннее предложение Келлера о торговле, которое, к сожалению, не сохранилось (неизвестно еще, по чьей инициативе оно было послано). Суть ответов голландского бургомистра сводилась к тому, что в настоящее время товары из Китая, Восточной Индии и Персии идут через Ба-

[1] Там же. Оп. 1. Кн. 4, 7.

[2] Там же. Оп. 1. Кн. 7. Л. 271.

[3] О миссии И. Массы, Бурха и Фелтдриля, К. фон Кленка см.: Сборник Русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 116. С. CXXVIII, CXLIX–CLXXIII, CCXLVI; РГАДА. Ф. 50. «Сношения России с Голландией». Оп. 1. Д. 1 (1619 г.).

[4] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1690 г.). Л. 1–5 об. — письмо Витсена; Л. 6, 6 об., 8 — копия письма из Китая («Extract uijt sen Grief van Peking over Batavia naar Gallani gesonden»).

[5] См.: *Яковлева П. Т.* Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.

[6] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1691 г.). Л. 12–15.

тавию, но не плохо было бы направлять их и через Архангельск (для царских величеств — выгода в получении больших доходов от пошлин). Торговля же русских купцов утеснена не будет, если не введут льготный режим для избранных (как было раньше с англичанами), а останется свободная конкуренция. Было обещано, что голландские купцы ценовой политикой не будут забивать русских конкурентов, так как «то де против их нраву и обыкновению», и не будут специально завышать цены. Причем Витсен ратует за одинаковые пошлины, как для русских, так и для иностранцев. При свободной торговле значительно улучшаются торговые связи, что способствует росту прибыли от операций и росту доходов казны — «и никакими де мерами недерлянские жители руским людем вредны не будут, разве немцы на Москве и в иных местех живущие...», так как «занеже они (голландцы. — *А. Г.*) вольной ради торговли охотно достойные пошлины платят». Выгоды, конечно, появятся не сразу, а лишь по прошествии определенного времени, но в итоге — «вознеслась к толикому процветанию и приращению, кроме полезного и прибыльного купледества китайского». Причиной такого интереса к России он называет выгодное расположение страны, которое позволяет ей иметь контакты со многими азиатскими народами и торговать с ними: «Вольность же в торговле на Москве да прибавляет преизобилие готовых денег...»[1].

По итогам переговоров 2 апреля 1691 г. было принято решение о посылке к Н.Витсену грамоты «с похвалою», а о торговом деле «будет впредь их царского величества указ»[2]. На этот раз Москва заинтересовалась предложениями и даже попыталась воплотить их в жизнь. В 1692 г. Посольский приказ обращается к персидскому шаху Хусейн-хан-беку с просьбой о разрешении голландской торговли. Однако известия о продолжении контактов на данную тему отсутствуют. Вновь о проекте торговли заговорили лишь в конце 1690-х гг., причем уже по инициативе российской стороны.

В 1697–1698 гг. в Европу направилось Великое посольство во главе с Ф. Я. Лефортом, Ф. А. Головиным и П. Б. Возницыным, в составе которого находился сам Петр I. Основная цель миссии заключалась в поисках союзников и средств в борьбе с Османской империей. Прибыв в Гаагу, российские послы предложили голландцам разрешение на беспрепятственную торговлю с Персией, взамен на получение помощи морским и военным снаряжением. Однако на этот раз голландцы не высказали особой заинтересованности в соглашении, не желая связывать себя лишними обязательствами накануне назревавшей войны «за испанское наследство». Получалось, что теперь о торговле хлопочут сами русские.

[1] Там же. Л. 16–21.
[2] Там же. Л. 21.

Еще М. М. Богословский отмечал: «Дипломаты ошиблись, начав торг о помощи с самого выигрышного предложения»[1]. В результате дело опять закончилось обоюдными отказами.

Аналогичных отрицательных результатов добились Франция в 1629 и 1668 гг.[2], Швеция в 1618, 1634, 1662, 1667 гг.[3]

В 1674 г. в Москве появляется саксонский посланник Л.Рингубер с предложением о союзе против турок, а заодно и о «коммерции с Китаем и Абиссиниею»[4]. Проект состоял из 19 глав, часть из которых касалась торговли:

«..3) Торговля восточная, еже у галанцов, агличан и португальцов есть, устроить удобно мочно чрез Китай в Сибирь или Казань. 4) Послать послов в Китай и Хины. 5) Рубежи государства на север и восток нужно изведать; речки убо там и реки великие суть, которые ис Китая выпляваю́т в море северное и восточное...»

В июне 1674 г. вместе с Л. Рингубером, возвращавшимся из Москвы на родину, в Саксонию был направлен в качестве гонца С. Протопопов, который вез ответную грамоту и должен был переговорить с курфюрстом Эрнестом о войне с турками, а заодно и о восточной торговле. После официального приема, состоявшегося 19 сентября, Протопопов вел переговоры с сыном Эрнеста — князем Фридрихом (наследник) и советниками. 21 сентября состоялась их беседа о коммерции. Фридрих разъяснил подробно, что имелось в виду ускорить обмен товарами между Западом и Востоком, параллельно включив в него другие страны, а не только Англию, Голландию и Португалию. Торговля была бы обоюдной: вывозили — «каменье дорогое, жемчуг, шелк и всякие пряные зелья», ввозили — «сукна пестрея и немецкие ентарь, медные котлы, игла, булавки». Но путь по морю занимал полтора-два года, а через земли «царского величества» он должен стать короче. Предварительно также намечалось найти морской путь в Китай: по реке Обь и ее притокам, а от них в «море-окиян (Охотское море и Тихий океан. — *А. Г.*)». Из-за сокращения дороги должна будет упасть и себестоимость доставки, т. е. увеличится общая прибыль. Для установления контактов планировалось отправить послов в Китай и Персию, а для разведки дороги саксонцы обещали дать своих «дорогознатцев» и математиков[5].

---

[1] *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. II. С. 213, 214, 216.

[2] РГАДА. Ф. 93 «Сношения России с Францией». Оп. 1. Кн. 2, 5; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 227–319.

[3] РГАДА. Ф. 96 «Сношения России со Швецией». Оп 1. Кн. 163; *Зевакин Е. С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. 1940. № 8. С. 149–150.

[4] РГАДА. Ф. 84 «Сношения России с Саксонией». Оп. 1. Д. 8 (1674 г.).

[5] Там же. Д. 9 (2674 г.). Л. 14–16.

В приложении к ответной грамоте, которую привез в Москву С. Протопопов, разъяснялось, что специально разведывать пути нет необходимости, так как лучше взять записки прежних посольств в Персию и изучить их. Говорилось также: «А к тому слух есть, что торговые люди с Руси в Китайское государство часто ездят и розные товары китайские, се есть траву чай, оттуду привозят...»[1].

Дело закончилось ничем, так как основную проблему в то время для России представляли турки. И, кроме того, саксонцы не предлагали никаких выплат за право торговли.

За все XVII столетие лишь дважды раза московские правители давали добро на предложения европейских купцов: при Михаиле Федоровиче — для голштинцев и при Петре I — для пруссаков.

В 1634 г. в Москву прибыло голштинское посольство во главе с Ф. Крузиусом и О. Брюгеманом, специально для переговоров о коммерции с Персидским государством. С российской стороны в контактах с ними участвовали: Б. М. Лыков-Оболенский, В. И. Стрешнев, И. Т. Грамотин и И. О. Гавренев. Договор, опирающийся на предложения послов, был заключен без особых трудностей, так как являлся чрезвычайно выгодным для России.

В документе подробно оговаривались все условия транзита. Для торговли на десятилетний срок, с исключительным правом на продление, учреждалась Голштинская компания, состоявшая из 30 «голшстенских гостей и купетцких людей» под покровительством князя Фридриха. Компания обязывались выплачивать российской стороне по 600 тыс. ефимков (300 тыс. рублей) ежегодно. Выплата должна была осуществляться в два платежа через специального торгового агента в Москве. Причем первоначально Москва запрашивала по 600 тыс. ефимков в первые пять лет и по 800 тыс. в последующие. Установление высокой пошлины объяснялось ожиданием, что «прибыль будет явная многая», а доходы казны упадут, так как персы теперь «мало будут ездить в Россию». При неуплате оговаривалось запрещение проезда и выплата двойного штрафа. Особые ограничения накладывались на ассортимент товаров: нельзя было ввозить в Персию — «меди красные досчатые в полицах и в пудах», а вывозить — товары, «которыми торгуют царского величества московского государства торговые люди», в том числе «шелков деланых», сафьяны, «бязей выбоек», краски. Все товары сначала должны были предлагаться казне и московским купцам, причем с ограничением на цену, а уже затем остатки могли отправляться на Запад. Основными продуктами торговли были шелк-сырец, драгоценности и некоторые специи. Оговаривалось выделение в Москве, Великом Новгороде, Ярославле, Казани, Нижнем

[1] Там же. Л. 63.

Новгороде и Астрахани мест под торговые дворы со складами[1]. 5 апреля 1636 г. в Москве была получена «подтвержденная грамота» с собственной подписью Фридриха[2].

При анализе условий договора возникает неясность: каким образом голштинцы собирались покрывать громадные затраты и откуда должна была извлекаться такая баснословная прибыль. Вероятно, здесь мы столкнулись с одним из нереальных «прожектов», когда все ожидали «золотого» дождя, не стараясь особо прикладывать силы. Российская же сторона пошла на его подписание из-за тяжелого финансового положения, вызванного русско-польской войной за Смоленск 1632–1634 гг. Однако в отличие от других данный проект был доведен до юридического воплощения. И результат не заставил себя ждать.

В 1636 г. голштинцы после вручения «подтвержденной» грамоты направляется в Персию для дальнейших переговоров и заключения соглашения. Там большинство участников переговоров осознало невозможность выплачивать России такие крупные суммы ежегодно.

Российское же правительство в 1636–1640 гг. неоднократно отправляло гонцов в Голштинию с требованием положенных денег. Сначала Фридрих отговаривался обещаниями, видимо надеясь на доходы, которые сулил Брюгеман. Однако в 1640 г. после возвращения посольства из Персии голштинский князь посылает в Россию гамбуржца П. Г. Марселиса с просьбой об уничтожении договора, который «не по данному им наказу учинен, но по прихоти и воровству плута Брюггемана», к тому времени казненному. Взамен предлагалось учредить новый договор[3]. Но возражения российской стороны были более обоснованы, так как «подтвержденную» грамоту Фридрих присылал и поэтому должен заплатить. Москва даже направила гонца И. Фомина в Данию с жалобой на неуплату денег (Голштиния номинально являлась вассалом датской короны)[4].

В дальнейшем на долгие годы отношения между двумя странами были испорчены и контакты почти полностью прекратились. Фридрих еще в 1643 г. пытался оправдаться[5], но российская сторона никак не отреагировала. Лишь при Петре I дипломатические связи вновь наладились.

Второй раз в XVII в. руководители Российского государства решили дать согласие на «вольную торговлю» из политических соображений. Во время проезда Великого посольства в 1697 г. через Пруссию с местным курфюрстом Фридрихом был заключен союзный договор, вторая статья которого предусматривала свободное передвижение жителей Пруссии

[1] Там же. Ф. 51. «Сношения России с Голштинией». Оп. 1. Кн. 1. Л. 2–35 об.
[2] Там же. Л. 74–92.
[3] Там же. Л. 462 об.– 480 об.
[4] РГАДА. Ф. 53 «Сношения России с Данией». Оп. 1. Д. 1 (1640 г.).
[5] Там же. Оп. 2. Д. 9.

через Московию в Персию, Индию и Китай[1]. Таким образом, к концу века основным критерием для подписания соглашения о транзите становится не финансовая выгода, а внешнеполитические интересы.

Подводя итог, хочется отметить устойчивую тенденцию в политике российского правительства на сохранение протекционизма в отношении собственного купечества. Почти все попытки европейцев возродить устойчивый сухопутный путь на Восток оказывались обреченными на провал. Сам факт существования многочисленных проектов, предлагавшихся, главным образом, представителями европейских стран, занимающихся международной торговлей, свидетельствует о значительной заинтересованности Запада в восточных рынках, о сохранении экономического потенциала социокультурного феномена, известного как «Великий шелковый путь».

О. В. Хаванова

ПАТРИОТИЗМ ПОД ЗНАКОМ ВЕРНОСТИ ДИНАСТИИ: ВЕНГЕРСКИЕ ВОСПИТАННИКИ ТЕРЕЗИАНУМА И ВЕНСКИЙ ДВОР[2]

«В субботу, 5 октября, на торжественном экзамене в королевском Терезианском коллегиуме Общества Иисуса отличился господин барон Ференц Балашша, который в присутствии многочисленного высокого дворянства дал испытать себя по физике, подземной геометрии (иначе именуемой маркшейдерия и прочим частям математики, истории и географии, этике и естественному праву и к удивлению всех присутствующих доставил исключительное удовольствие высокородным и ученым оппонентам. Господин барон преподнес собравшимся прелестную книжечку, озаглавленную "Подлинное изображение и описание мантии венгерского короля св. Стефана"[3], каковая была верноподданнейше посвящена ее императорско-королевскому величеству Марии Терезии. В знак особой высочайшей милости после похвально выдержанного экзамена господин барон получил из рук его высокографского сиятельства императорского обер-камергера (титул) господина графа Йозефа фон Кевенхюллера — королевского комиссара и официального представителя на сей церемо-

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. № 171.

[2] Настоящая статья впервые была опубликована на венгерском языке. См.: *Khavanova O.* Hazafiság a lojalitás jegyében: a Theresianum magyar növendékei és a bécsi udvar // Századok. 2006. 140. évf. 6. sz. 1503–1518. old.

[3] 1754. — Balassa Ferenc. Здесь и далее ссылки на труды воспитанников венского Терезианума и труды других авторов, сопровождавшиеся речами и материалами публичных экзаменов, даются с указанием года публикации и имени воспитанника. Полное название упоминаемого труда см. в Приложении.

нии — золотую цепь с портретом государыни в медальоне»[1], — писала 9 октября 1754 г. газета венских придворных кругов «*Wienerisches Diarium*» («Венский дневник»).

Эта и подобные, все чаще появлявшиеся на страницах «*Wienerisches Diarium*» заметки как нельзя лучше отражали суть перемен, происходивших во взаимоотношениях венского двора и дворянских сообществ монархии. Во-первых, идеал молодого дворянина включал отныне не поверхностное знакомство с началами наук, но систематическое изучение необходимых будущему государственному мужу отраслей знания. Об этом недвусмысленно свидетельствует круг перечисленных в заметке дисциплин, по которому держал ответ барон Балашша. В связи с этим не случайно упоминание «*высокородных* (здесь и далее курсив мой. — *О. Х.*) и *ученых* оппонентов». Врожденное благородство следовало теперь подкреплять превосходством, основанным на знании, а подлинная ученость возвышала ее обладателя до уровня тех, кому титул и сан доставался по наследству.

Во-вторых, привилегированные школы прежде всего растили будущих придворных, и учебный процесс предусматривал регулярные контакты воспитанников с двором, будь то аудиенции по торжественным дням или посещение августейшими особами академий и коллегиумов, их присутствие на экзаменах — лично или символически, через своих официальных представителей. В цитированном выше отрывке юный Балашша — в одном лице ученый муж и верный вассал — «*верноподданнически*» посвятил государыне научный трактат и получил за это символический дар — цепь с портретом монархини. Ниже мы увидим, что Мария Терезия, Франц Стефан Лотарингский, кронпринц Иосиф с эрцгерцогинями неоднократно присутствовали на публичных экзаменах лучших столичных (в исключительных случаях — провинциальных) школ, превращая обычную школьную процедуру в подобие придворного праздника или даже рыцарского турнира.

В-третьих, в большинстве подобных школ обучались юноши из разных коронных земель: в процессе совместного проживания и обучения им предстояло приобрести черты над-«национальной» общности и превратиться в гомогенную элиту единой монархии. Стремление привить молодым дворянам чувство верности Габсбургскому дому, научить их считать Австрию «своей»[2] станет особенно очевидно в начале 1770-х гг., когда Йозеф фон Зонненфельс опубликует трактат «О любви к отечеству» и презентует его в Терезианум на публичном экзамене своего венгерско-

[1] Wienerisches Diarium (далее — WD). 1754. № 81.

[2] Ср.: *Erdödy J.* von Rede von der Pflicht adelicher Jünglinge, den Geschmack zu bilden // Jugend-früchte des k. k. Theresianum. Zweite Sammlung. Wien, 1772. S. 225.

го воспитанника графа Антала Аппони[1]. В то же время лояльность эта нередко оказывалась окрашенной в цвета местного патриотизма, что явствует, например, из темы «книжечки», сочиненной бароном Балашша. Обращение к национальному, демонстрация патриотических убеждений должны были не ослабить, но укрепить верность династии.

Современная историческая наука (осмысляя наследие Норберта Элиаса и все чаще полемизируя с ним[2]) сосредоточилась на сложных механизмах придворного патроната, мельчайших деталях церемониала, стилистических особенностях придворной риторики[3]. Однако во всем многообразии исследовательской проблематики недостаточное внимание уделяется взаимодействию двора с привилегированными школами[4]. Между тем не в последнюю очередь влиянию венского двора следует приписать повышение престижа широкой образованности в дворянской среде, моду на обучение детей в рыцарских академиях, поощрение форм патриотизма, не противоречащих лояльности Габсбургскому дому. Далее в статье предлагается рассмотреть формы социализации молодых венгерских дворян при венском дворе в свете публикаций в «*Wienerisches Diarium*» и материалов публичных экзаменов.

Американский историк Дж. М. Смит в книге «Культура заслуг» показал, что во Франции XVII–XVIII вв. особую роль в системе отношений между государем и дворянством играл «взор суверена»: он не только благосклонно подмечал достоинства верных вассалов, но и скрупулезно взвешивал и оценивал их, с тем чтобы точнее определить вклад каждого в благосостояние государства. Так, Людовик XIV путем своего реального пребывания при дворе, куда сотни дворян спешили, чтобы оказаться в поле зрения короля, и метафорического присутствия по всей стране в виде портретов и статуй, напоминавших подданным о том, от кого зависит их судьба, убеждал дворянство, что признание их заслуг, как и век назад, происходит на основе личного благоволения государя к достой-

[1] *Sonnenfels J. von.* Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771.

[2] *Elias N.* Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Darmstadt, 1969. Одним из наиболее последовательных критиков Элиаса остается Ж. Дуиндам, см: *Duindam J* Myth of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1995.

[3] Обзор работ по истории европейских дворов Нового времени см: *Müller R. A.* Der Fürstenhof in der Frühen Neuzeit. München, 1995.

[4] В венгерской исторической литературе большинство работ подобной тематики посвящены XVI–XVII вв. См.: *Gecsényi L.* Magyar diákok a bécsi tartományi iskolában a 16. század második felében // Történelmi Szemle. 1992. 34. sz. 95–106. old; *Fazekas I.* A Melith-fiúk bécsi tanulmányai 1630–1631-ben // Tanulmányok Szakály Ferenc emlékére / Szerk Fodor P., Pálffy G., Tóth I. Gy. Bp., 2002. 139–158. old. (Gazdaság-és társadalomtörténeti kötetek 2); *Pálffy G.* A magyar nemesség bécsi integrációjának színterei a 16–17. században // Ibid. 307–331. old.

ным милости вассалам. В то же время постоянный акцент на таланте и дисциплинированном прилежании по отношению к объекту службы помогал новым структурам централизованного административного государства обретать законченную форму под оболочкой сословно-феодальных ценностей[1].

Вопрос о применимости концепции Смита к реалиям монархии Габсбургов мог бы стать предметом особого исследования. Однако уже сейчас можно утверждать, что в сфере образования оценивающий «взор суверена» сопровождал воспитанников столичных и даже провинциальных школ на всем протяжении обучения. Например, Мария Терезия превратила свое собственное, основанное на доподлинном знании мнение в универсальный критерий распределения стипендий[2]. Многие собственноручные резолюции императрицы, приписанные на полях документов, свидетельствуют: в годы войн, в период проведения великих социальных реформ и во время иных крупномасштабных событий, когда государыней принимались решения, касавшиеся судеб сотен тысяч ее подданных, у нее находилось время выслушивать мнение компетентных советников, чтобы выносить суждения по частным вопросам о том, какой из дворянских юношей может быть принят на королевскую стипендию в ту или иную дворянскую школу.

С самых первых дней существования в Вене Терезианского коллегиума (основан в 1746 г.) воспитанники ощущали на себе изучающий и оценивающий взор императрицы и двора, в который их тесно инкорпорировали. Дворцовый комплекс Фавориты находился в относительной близости как от Хофбурга, так и от недавно построенного Шёнбрунна. Именно там, спустя три месяца после начала занятий, 11 января 1747 г.[3], была дана первая аудиенция для юных кавалеров, когда присутствовавшие на ней 25 воспитанников, в том числе венгры граф Андраш Берени и дворянин Йожеф Ницки, были поочередно допущены к целованию руки. В этом видится не столько галантный жест, сколько символический акт, скреплявший узами вассальной верности отношения молодых дворян с их государыней[4]. Такие аудиенции станут непременным атрибутом жизни в коллегиуме и будут из года в год назначаться на дни тезоименитств

[1] *Smith J. M.* The Culture of Merit: Nobility, Royal Service and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996.

[2] *Хаванова О. В.* Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.

[3] WD. 1747. № 3.

[4] О наиболее важных визитах воспитанников Терезианума в Шёнбрунн и посещениях августейшими особами коллегиума, упомянутых в дневнике Й. Й. Кевенхюллера, см.: *Khevenhüller-Metsch R., Schlitter H.* Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch des Fürsten Johann Joseph Khevenhüller-Metsch. Wien, 1908. Bd. II. 141, 181–182, 188, 250, 253, 268, 270, 281, 339, 341, 349, 353, 356–357, 362; Wien, 1910. Bd. III. S. 22, 35, 48, 58–59, 60, 63, 68, 80, 143, 147, 170, 185, 206.

Марии Терезии, ее супруга императора Франца Стефана, сына и наследника престола Иосифа, некоторых эрцгерцогов и эрцгерцогинь.

Поскольку Терезианум по разным поводам регулярно посещали августейшие особы, об этом всякий раз полагалось специально упоминать в газете «*Wienerisches Diarium*». Так, 5 июня 1747 г. эрцгерцог Иосиф, которому в то время едва исполнилось шесть лет, вместе со своей сестрой эрцгерцогиней Марией Кристиной присутствовал на театрализованном представлении, разыгранном воспитанниками коллегиума[1]. Два месяца спустя, 4 августа, Мария Терезия впервые переступила порог Фавориты, после того как дворец перестал выполнять функции императорской резиденции. Она почтила своим присутствием две мессы, одну в церкви, другую в часовне, в которой в свое время отпевали ее отца императора Карла VI. Затем императрица осмотрела библиотеку, физико-математический музей, где ей были продемонстрированы опыты, отреставрированную обеденную залу, помещения для занятий танцами и фехтованием, а также жилые комнаты воспитанников. Государыня оценила успехи кавалеров в танцах, фехтовании и вольтижировке. Наконец, писала «*Wienerisches Diarium*», «были такие счастливчики, у кого этот радостный день совпал с днем экзамена по истории и толкованию латинских авторов, и им выпала удача держать ответ перед очами Ее Величества»[2].

Если присутствие императрицы на первом в истории Терезианума экзамене было «счастливым совпадением», то в дальнейшем личное или метафорическое присутствие государыни при стечении первых лиц государства на торжественных публичных экзаменах (*tentamina publica*), как в случае упомянутого выше барона Балашша, стало правилом. Иезуиты знали толк в пышных празднествах и применяли всю свою изобретательность, чтобы придать особую торжественность и значимость квалификационной оценке знаний, накопленных воспитанниками за годы учебы. Будь то столичный университет или дворянский конвикт в отдаленных землях монархии, публичный экзамен (в отличие от обычных экзаменов, проходивших без присутствия посторонних) становился продуманным до мельчайших деталей действом. Создавалась экзаменационная комиссия под председательством авторитетного профессора. Войти в нее приглашались представители властей. Синопсис дисциплин, по которым проводился экзамен, и контрольные вопросы к ним печатались в виде отдельных брошюр, раздававшихся приглашенным. Воспитанники заучивали наизусть и торжественно декламировали благодарственные речи[3].

[1] WD. 1747. № 54. О позднейших визитах эрцгерцогини Марии Кристины в коллегиум см.: *Kulcsár K.* Bécs és Varsó. Két herceg az udvari élet forgatagában (1760–1761) // Századok. 2005. 139. évf. 5. sz. 1196. old.

[2] WD. 1749. № 63.

[3] О еженедельных диспутах, публичных экзаменах, синопсисах изучаемых дисциплин на философском факультете Трнавского университета см.: *Szentpétery I.* A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935. 84–89. old.

Личное присутствие императрицы на публичном экзамене было не в последнюю очередь многозначительным милостивым жестом в сторону родителей экзаменуемого. В 1766 г. Антал Брунсвик-младший, блестяще сдавший экзамен по немецкому государственному праву (о чем ректор коллегиума не преминул лично написать отцу), получил из рук императрицы обычный в таких случаях подарок (золотую цепь) и удостоился вопроса о состоянии здоровья любезного батюшки. Мария Терезия, прослышавшая, что советник Наместнического совета Брунсвик-старший мучается болями в ногах, во всеуслышание посоветовала ему вместо венгерских сапог носить более удобные немецкие[1]. Однако императрица физически не могла всякий раз лично присутствовать на экзаменах в коллегиуме, носившем ее имя, поэтому иногда особо отличившиеся кавалеры после успешно сданного экзамена приглашались на специальную аудиенцию в Шёнбрунн, как это имело место в 1755 г. Тогда пятеро молодых дворян, в том числе сын королевского персоналия (и будущего венгерского вице-канцлера) Дёрдя Фекете — Янош, были лично «проэкзаменованы» государыней, если верить сообщению газеты, по истории, хронологии, геометрии, гидравлике, моральной философии, т. е. тем дисциплинам, по каковым они только что снискали высокие похвалы от своих учителей в стенах Терезианума[2]. Так, появление молодых воспитанников перед очами государыни становилось одновременно поводом продемонстрировать свою галантность и образованность, показать задатки усердного и компетентного государственного служащего, но также и засвидетельствовать свою преданность, удостоившись высочайших знаков внимания, которые щедрый сюзерен оказывает верным вассалам.

В этих эпизодах ярко проявилось стремление Марии Терезии быть своим подданным любящей матерью, вникающей в их мельчайшие, казалось бы, глубоко личные заботы. Речи воспитанников и ходатайства их родителей изобилуют типичными для того времени эпитетами «материнская забота», «материнская щедрость», «императорско-королевская материнская милость». Образ государя как «отца» восходил к средневековому видению общества в форме патриархальной иерархии, основу которой составляли главы отдельных семейств, а на вершине восседал «отец Отечества» (*Landesvater*) — монарх[3]. Не случайно в 1766 г. во время публичного экзамена по естественному праву, математике и истории в присутствии Марии Терезии воспитанник Терезианума барон Йозеф Пеклер сравнил «чувства глубочайшего почтения, которые вассал

[1] Magyar Országos Levéltár (далее — MOL). Brunswick család levéltára. P 68. 2. cs. Письмо от 9.IX.1766 г.

[2] WD. 1755. 70. sz.

[3] Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner u. a. Stuttgart, 1992. Bd. 4. S. 175.

испытывает к несравненной монархине, с нежнейшей любовью сына к *отцу*»[1]. И все-таки императрица умела наполнять этот образ присущими ей как женщине и матери теплыми красками личной приязни и искреннего сочувствия.

Шли годы, число привилегированных школ в имперской столице росло, публичные экзамены аристократов и дворян перестали быть событием чрезвычайным, поэтому августейшие особы появлялись на них все реже. Но даже тогда, когда государыня на экзамене отсутствовала, она на самом деле метафорически присутствовала, потому что ее замещал, как на экзамене Ференца Балашша, «официальный представитель». Когда кавалеры обращались к монархине с написанными по случаю экзамена речами, их взоры устремлялись к тому, кто в данный момент воплощал августейшую особу: в этой роли в разные годы выступали и куратор коллегиума граф Йоганн Йозеф Кевенхюллер, воспитатель наследника престола граф Карой Йожеф Баттяни, гофмаршал граф Михель Альтан и др. Именно из их рук, а значит, от самой Марии Терезии, отличившиеся воспитанники получали ценные памятные подарки — золотые цепи, медальоны с изображением государыни, перстни с бриллиантами[2], и бережно хранили их всю жизнь.

Возможность предстать перед очами всемилостивой государыни и членов императорской семьи, правда, не такая частая, была не только у воспитанников столичных привилегированных учебных заведений, но и у питомцев провинциальных дворянских школ. Доподлинно известно, что в 1763 г., во время своего пребывания на Государственном собрании в Пресбурге, Мария Терезия навещала расположенный в соседнем Сенце политико-экономический коллегиум и беседовала с его профессорами и учениками[3]. Побывала она в 1764 г. и в Ваце, где ее взор и слух услаждала комедия Плавта, разыгранная воспитанниками Вацского коллегиума для обедневших дворян, в том числе сыновьями находившегося тут же ее любимого венгерского генерала А. Хадика, преисполненного гордости за своих детей. Вообще Вац (город стоит на берегу Дуная) служил традиционной остановкой на водном пути из Вены в Буду. Так, в 1766 г. герцог Альберт Саксен-Тешенский (тогда венгерский палатин) со своей супругой эрцгерцогиней Марией Кристиной в сопровождении многочисленной свиты сделали остановку в Ваце, во время которой почтили своим присутствием театрализованное представление (снова из Плавта) на специально сооруженной для этого сцене под открытым небом[4].

[1] WD. 1766. 67. sz.

[2] См. о некоторых случаях награждения венгерских воспитанников Терезианума. Ibid. 1753. № 71; 1762. № 72; 1766. № 73; 1769. № 71.

[3] *Hegyi F.* A Szenci Collegium Oeconomicum, 1763–1776–1780 // Irodalmi Szemle. Pozsony, 1983. 26. 532. .

[4] *Kisparti J.* A Váci Theresianum története. Vác, 1914. 33–34. old.

Уже после того как вацский коллегиум при кардинале Кристофе Мигацци получил имя императрицы, в 1768 г., учебное заведение удостоилось упоминания на страницах «*Wienerisches Diarium*». Газета сообщала, что 4 октября дворянину Игнацу Альмаши была оказана высокая честь — сдать экзамен за весь курс философии в присутствии многочисленных высокопоставленных слушателей. Скорее всего, речь шла о сыне Игнаца Альмаши — боевого офицера, более четверти века посвятившего военной службе и получившего в 1777 г. наследственный графский титул. По окончании церемонии сам Мигацци от имени императрицы вручил соискателю золотую цепь и похвалил за глубокие познания в науках, с помощью которых тому предстояло исполнять свой долг перед государем, Отечеством и своей собственной семьей[1].

Чтобы придать церемонии экзамена торжественность, привлечь как можно больше слушателей и оставить о ней память в веках, в венском Терезиануме высокому собранию нередко представляли какую-нибудь книжную новинку. В исключительных случаях это были работы самих воспитанников: брошюра о мантии св. Стефана, написанная бароном Ференцем Балашша под руководством историка и библиотекаря Эразма Фрёлиха (1754 г.); перевод на итальянский язык трактата Й. Зонненфельса «О любви к отечеству», выполненный бароном Антоном Цойсом (1772 г.), или сборник поэтических и прозаических сочинений барона Йозефа Фридриха Ретцера (1774 г.). Однако несравненно чаще экзамен сопровождала презентация какой-нибудь ученой книги, нередко написанной кем-либо из профессоров и отпечатанной в одной из столичных типографий. Так, в стенах привилегированной венской школы отпрыски знатнейших венгерских родов впервые представили публике сочинения по венгерской истории Дёрдя Праи, Иштвана Капринаи, Иоганна Георга Швандтнера.

Символическое значение такого акта трудно переоценить. Французский историк Роже Шартье пишет, что в XVIII в. посвящение книги королю по-прежнему служило одним из лучших способов снискать его благосклонность. Приняв посвященную или преподнесенную ему книгу, адресат посвящения взамен обязан был обеспечить дарителю свое покровительство, должность или вознаграждение[2]. Широкоизвестный пример королевского патроната в венгерской истории — посвящение в 1772 г. императрице пьесы на венгерском языке «Трагедия Агиса» в то время безвестным офицером лейб-гвардии Дёрдем Бешшенеи. Из переписки придворного библиотекаря Адама Ференца Коллара с баронессой Марией Терезией Грасс мы знаем, что императрица, прежде чем выказать

[1] WD. 1768. № 80.

[2] *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006. С. 87, 96.

благоволение молодому венгерскому дворянину, поручила Коллару составить мнение о литературных достоинствах сочинения и только по получении похвального отзыва дала свое высочайшее дозволение на посвящение[1].

К сожалению, на сегодняшний день нет специальных исследований, показывающих, почему того или иного дворянина удостаивали высокой милости преподнести свою или чужую книгу государю, как происходила встреча автора с воспитанником, кто брал на себя бремя расходов (автор, родители, типография, учебное заведение или двор), в чье распоряжение поступал тираж и т. п. До сих пор удалось выявить 15 книг, предваренных речами венгерских воспитанников венского Терезианума и содержащих материалы их публичных экзаменов. Можно утверждать, что в число счастливчиков всякий раз попадали дети заслуженных отцов, и многие из юношей впоследствии преумножили славу своего рода. Символика подобных церемоний крайне интересна: аристократы помогали своим учителям привлечь к себе благосклонный «взор суверена», получить шанс на его покровительство; но и ученые давали знатному юношеству повод предстать перед государевыми очами и продемонстрировать вассальную верность. Библиотекарь и историк Э. Фрёлих даже не указал на титуле двухтомника «*Diplomataria Sacra Ducatus Styriae*» своего имени[2], передав ученикам — венгру Я. Фекете и итальянцу графу Джованни Франческо Кристиани право преподнести государыне по одному тому от своего имени[3].

В раннее Новое время вербальное посвящение книги государю нередко сопровождалось изображением на ее фронтисписе акта дарения. Р. Шартье проводит параллель между подобными гравюрами и средневековыми миниатюрами, на которых коленопреклоненный даритель вручает изображение храма, возведенного по его повелению, — Богу. В визуальном образе тех отношений, которые связывают повелителя и автора, книга занимает место сакрального здания, автор — место его основателя, а король — место Бога, ибо выступает его наместником на земле[4]. Среди книг, которые ученики венского Терезианума посвятили августейшим особам, встретился только один подобный фронтиспис — книга Микеле Бонбарди «Топография Великого Королевства Венгрии»[5] с посвящением графа Имре Чаки наследнику престола Иосифу. В сочетании с заметкой в газете «*Wienerisches Diarium*» от 17 октября 1750 г.

[1] Kollár Ádám Ferenc levelezése / Leveleket sajtó alá rendezte, a bevezetőt írta és a jegyzeteket készítette Soós István. Bp., 2000. 336., 342–343. old.

[2] Ср.: Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1878. Bd. VIII. S. 133.

[3] 1756. — Fekete János.

[4] *Шартье Р.* Указ. соч. С. 97–98.

[5] 1750. — Csáky Imre.

эта гравюра позволяет воссоздать драматургию экзамена: как церемония задумывалась и как проходила на самом деле.

Юному аристократу предстояло презентовать означенную книгу перед высоким собранием и произнести речь, обращенную к наследнику престола. Текст этой заранее написанной речи, как делалось в подобных случаях, еще в типографии был подшит к фолианту. Напоминанием о том, по какому поводу проходила его презентация, должна была стать гравюра Иоганна Давида Херца «Венгрия у ног Марии Терезии», изображавшая процедуру экзамена, как он мыслился заранее. В центре гравюры на троне восседала Мария Терезия. Справа от нее был изображен сам граф Чаки, склонившийся в почтительном поклоне с книгой в руках. Слева угадывалась фигура наследника престола. Пол украшали гербы земель, подвластных венгерским королям. Императрица держала скипетр, обвитый лентой, на которой четко читалась надпись: «Идите к Иосифу». Иными словами, в лице Имре Чаки вся лояльная венгерская аристократия приносила клятву вассальной верности Габсбургскому дому на вечные времена.

На самом деле — это становится ясно из заметки в газете — Мария Терезия на экзамене как раз отсутствовала. Ее с успехом заменил девятилетний Иосиф: еще в июле он с сестрами наблюдал за показательными уроками фехтования и ради забавы удил рыбу в пруду, расположенном в саду Терезианума[1], теперь же — выслушивал ответы на вопросы по юриспруденции. Торжественность момента подчеркивало присутствие высокопоставленных гостей: венского архиепископа, тринадцати епископов, множества высших сановников, профессоров университета[2].

Регулярные посещения Терезианума кронпринцем Иосифом были особенно важны с точки зрения личного знакомства будущего императора с теми сверстниками, кто со временем должен был занять важные посты в подвластном ему государстве. Однако с годами наследник посещал помпезные мероприятия с меньшей и меньшей охотой. В апреле 1759 г. он вместе с отцом сразу после демонстрации опытов в физико-математическом музее Терезианского коллегиума поспешил в Академию восточных языков, чтобы присутствовать на экзамене по турецкому[3]. В 1770 г. неутомимый Иосиф, исполнив тяжкую обязанность посещения Савойской академии, где ему пришлось выслушать прославляющую его речь на итальянском языке, допустить воспитанников к непременному при таких визитах целованию руки и осмотреть принадлежащие академии конюшни, нашел время, чтобы отправиться в расположенную по соседству Инженерную академию[4]. Острый ум Иосифа всегда привлекали

[1] WD. 1750. № 54.
[2] Ibid. № 83.
[3] Ibid. 1759. № 30.
[4] Ibid. 1770. № 87.

полезные науки и применимые на практике знания, а его натура не терпела пустой траты времени на бессмысленные церемонии.

Обо всех публичных экзаменах в венском Терезиануме, как и о присутствовавших там сановных гостях, читающая публика узнавала из «*Wienerisches Diarium*». Согласно Жерону Дуиндаму, автору сравнительного исследования о версальском и венском дворах, обычай описания придворных церемоний в буклетах (имевших затем широкое хождение по стране) и придворных газетах зародился еще в XV в.[1] Французские короли пользовались этим инструментом пропаганды придворного великолепия шире, чем австрийские Габсбурги, но обе династии рассматривали печатное слово как послание подданным: тем предлагалось подражать государям в роскоши празднеств и изяществе манер. Сходный посыл очевиден и в регулярных сообщениях о публичных экзаменах и аудиенциях для самых знатных воспитанников: газета «*Wienerisches Diarium*» во второй половине XVIII в. все чаще славила венский двор как подлинного ценителя и щедрого покровителя учености, задавала молодым дворянам в разных уголках Габсбургской монархии модель поведения.

Статья в газете постепенно превращалась в своего рода приложение к диплому об окончании высшего учебного заведения, так как официально подтверждала факт отличной сдачи экзамена тем или иным воспитанником и доводила это до сведения максимально широкой читательской аудитории. Например, 5 августа 1774 г. сиятельный граф Йожеф Эрдёди[2] держал в Терезиануме публичный экзамен по счетоводству (*verbesserte Rechnung*). Официальным представителем императрицы выступал тайный советник, подполковник и капитан венгерской лейб-гвардии граф Янош Палфи — родной дядя экзаменуемого. Газета «*Wienerisches Diarium*» восторженно писала: «Превосходные задатки соискателя в соединении с прилежным старанием проливали на все его ответы и решения свет, в котором можно было видеть прекрасную надежду отечества — однажды обрести в его лице важного слугу государства»[3]. Юноша в самом деле оправдал возложенные на него надежды, став впоследствии венгерским канцлером.

С другой стороны, написанные по шаблону газетные заметки могли не иметь ничего общего с подлинными достижениями воспитанника. Например, 7 октября 1777 г. директор Терезианума граф Каспар Лантьери жаловался трансильванскому канцлеру, что уровень подготовки дворян-

[1] *Duindam J.* Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Dynastic Rivals: 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 288.

[2] Эрдёди Йожеф (1754–1825) — сын президента Венгерской казенной палаты графа Яноша Непомука Эрдёди и графини Терезии Палфи обучался в венском Терезиануме с 1767 по 1774 г.

[3] WD. 1774. № 65.

ского сына Фаркаша Череи[1] таков, что он вряд ли окажется способен за время обучения овладеть сложным набором обязательных дисциплин, включающим различные области права, политико-камеральные науки, немецкий стиль, «с таким хорошим результатом, чтобы из этого в дальнейшем, при поступлении на службу, воспоследовала бы заметная польза самому юноше или государству»[2]. Между тем уже в августе 1779 г. «*Wienerisches Diarium*» писала: «Сего месяца 9-го дня пополудни в императорско-королевской Терезианско-Савойской рыцарской академии господин Фаркаш Череи был подвергнут публичному экзамену по всеобщему государственному и международному праву комиссией под председательством доктора юриспруденции и преподавателя права в означенной академии господина фон Шлойснега. Об исключительных способностях экзаменуемого свидетельствовали основательные ответы на поставленные вопросы и незамедлительная реакция на серьезные возражения. Многочисленное благородное и ученое собрание в знак восхищения его прилежанием наградило юношу всеобщими аплодисментами»[3].

Воспитанники венских привилегированных школ, прежде всего Терезианума, удостаивались чести обратиться к монарху с приветственной речью либо в ходе публичного экзамена, на котором тот присутствовал лично или метафорически, либо во время специальной аудиенции при дворе. Такие ученические речи бывали написаны или отредактированы самими педагогами и отражали идеальные представления о принципах, на которых должны строиться взаимоотношения между просвещенным государем и его верным и образованным дворянством. В отличие от длинных и композиционно усложненных речей, написанных по канонам классической риторики, содержащих явные цитаты и утонченные парафразы из классиков, молодым людям за те несколько минут, отпущенных на приветствие (*Anrede*) или комплимент (*Compliment*) августейшей особе или вельможе, следовало продемонстрировать эрудицию и в изящной форме изложить мысль, которую от них и желали услышать.

Историки литературы связывают изменения в риторике как учебной дисциплине и придворной практике с опубликованием в конце XVII в. учебного пособия «Политический оратор» Кристиана Вайзе[4]. Автор предложил простые и легко усваиваемые воспитанниками образцы речей,

[1] Фаркаш Череи — сын советника Трансильванской канцелярии Фаркаша Череи-старшего был зачислен в венский Терезианум (как и двое его старших братьев) по протекции отца. Еще трое братьев Череи в разные годы обучались в вацском Терезианском коллегиуме и будайской Терезианской академии.

[2] MOL. Erdélyi Kancelláriai Levéltár. Erdélyi Kancellária regisztratúrája. B 2. 1658/1777.

[3] WD. 1779. 64. sz.

[4] *Weise Ch.* Politischer Redner, das ist kurtze und eigentliche Nachricht, wie ein sorgfältiger Hofmeister seine Untergebenen zu der Wohlredenheit anführen soll. Leipzig, 1683.

позволявшие в любой ситуации блеснуть остроумием или расположить к себе слушателя тонкой лестью. Риторика потеряла, таким образом, свою дидактическую функцию — обучать индивида самостоятельно выражать мысли путем подражания авторам канонических текстов, зато превратилась в технику, овладение которой позволяло «болтать о чем-то веселом и легко сводить дружбу со всем миром»[1]. Немецкий экономист Иоганн Генрих Готтлоб Юсти[2], некоторое время преподававший в венском Терезиануме, написал для этого учебного заведения учебник немецкого делового стиля и придворного красноречия. В нем он, в частности, наставлял воспитанников в том, как следует ораторствовать при дворе: «Мысли и выражения в таких речах должны быть благородными, изысканными и убедительными. Поскольку сии речи нельзя произносить долго, ведь вы обращаетесь к монарху, а они не любят слушать пространных словоизлияний, или к высокому собранию, где также не ожидают бесконечного говорения, посему пусть предмет речи не требует подробного изложения»[3].

На аудиенциях по случаю тезоименитств Марии Терезии, Франца Стефана Лотарингского, наследника (после 1765 г. — императора) Иосифа, эрцгерцогинь Марии Кристины или Марии Анны речи произносились на немецком или, чтобы показать ученость и искусность воспитанников, на французском и реже итальянском языке. Чести переступать порог Шёнбруннского дворца в первую очередь удостаивались три самые крупные привилегированные школы столицы — Терезианский коллегиум Общества Иисуса и находившиеся в ведении пиаристов Савойская академия[4] и Лёвенбурговский конвикт[5]. Право держать слово перед коронованными особами предоставлялось обычно одному из самых знатных воспитанников заведения, таким как графы Карл Альтан, Франц Ауэрсперг, Йозеф Кевенхюллер или Антон Коллоредо. До венгерских юношей черед блеснуть красноречием во дворце доходил несравненно реже, чем возможность показать знания на публичном экзамене в стенах коллегиума (о чем подробно — ниже). Число знатных юношей из разных

[1] Цит. по: *Hinrichs B.* Rhetorik und Poetik // Die Literatur des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Meier. München; Wien, 1999. S. 216.

[2] См., например: *Szántay A.* Justi és Beck: Kormányzati teóriák II. József környezetében // Történelmi Szemle. 1994. 36. sz. 53–78. old.

[3] *Justi J. H. G. von.* Anweisung zu einer guten deutschen Schreibart und allen in den Geschäften und Rechtsachen vorfallenden schriftlichen Ausarbeitungen. Wien, 1774. S. 631.

[4] *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom Jahre 1746 bis 1778. Wien, 1897.

[5] *Brendler A.* Das Wirken P. P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wieden und im Löwenburgischen Convicte. Wien, 1896. S. 205–206.

земель явно превышало количество аудиенций, поэтому право произнести комплимент получали лишь дети наиболее влиятельных родителей. В 1767 г. Марию Терезию и Иосифа II приветствовал юный отпрыск самого знатного трансильванского рода Дёрдь Банфи. В 1770 г. венгерскому графу Йожефу Халлеру была оказана честь обратиться с прощальной речью и пожеланиями счастья к пятнадцатилетней эрцгерцогине Марии Антонии, которая прежде с сестрами и братьями неоднократно бывала в коллегиуме, а ныне отправлялась во Францию, чтобы там сочетаться браком с будущим королем Людовиком XVI[1]. В 1771 г. сразу два венгерских аристократа, получивших звание камергеров еще на школьной скамье, графы Карой Зичи и Антал Аппони, славили государыню, первый — на французском, второй — на немецком языке. Все чаще тексты речей на немецком печатались в «*Wienerisches Diarium*».

Кто бы из воспитанников ни держал речь перед монархом, всегда она была посвящена перечислению беспримерных государевых добродетелей, содержала выражения радости жить в столь счастливое правление и заверения в не знающей границ верности. Вот слова, с которыми в первые дни 1771 г. обратился к Марии Терезии граф Антал Аппони. (Заслуживает внимание то, как часто в том или ином контексте он упоминает «взор суверена».) «Счастье получить образование согласно наставлениям и *под наблюдением* такой правительницы, которая воплощает в себе все добродетели христианина и государя — это величайший подарок, который только могло сделать молодым людям Провидение», — начал воспитанник. «Чувство этого счастья день за днем в нас только крепнет. Вы увидите, всемилостивейшая госпожа, что желание, чтобы это счастье не кончалось, с каждым годом будет становиться лишь горячее», — уверял он. «Ваше длительное правление, величие и слава вашего первенца, процветание всех прочих славных потомков Терезии, благословенные плоды всех ваших государственных начинаний и — да будет нам позволено *обратить ваш благословенный взор* на нас — силы и искусность с пользой служить Вашему величеству и вашему дому, вот в чем состоит наше пожелание, которое мы в особенности сегодня посылаем небесам, вот в чем хотим мы быть достойными высочайшего одобрения Вашего Величества, — завершал свою речь юный граф. — Ободренные и воспрянувшие духом *пред милостивыми очами* нашей государыни, мы возвращаемся к нашим обязанностям и предлагаем себя и свой коллегиум для непрестанных императорских милостей»[2].

В ряду речей, которые звучали во время публичных экзаменов в стенах Терезианского коллегиума или на аудиенциях в императорской рези-

[1] WD. 1770. № 27.
[2] Ibid. 1771. № 1.

денции, есть особая группа, связанная с презентацией собраний источников по венгерской истории, изданных историками Дёрдем Праи и Иоганном Георгом Швандтнером[1]. Хронология этих презентаций была такова. В 1761 г. вышел в свет том, озаглавленный «Древние анналы гуннов, аваров и венгров», в нем была напечатана речь Лайоша Кальноки, обращенная к императрице, и материалы экзамена за второй год класса философии. В 1763 г. Праи приступил к публикации своего фундаментального источниковедческого труда «Анналы венгерских королей», и три из четырех томов были торжественно презентованы именно в Терезианумe. В 1766 г. второй и третий тома предъявлены общественности на экзаменах, которые держали графы Миклош Надашди и Ференц Зичи. Первый в своем комплименте вознес славу Марии Терезии, второй — Иосифу II, недавно коронованному императором Священной Римской империи. В 1767 г. последний, четвертый, том появился на публичном экзамене по юриспруденции трансильванского графа Дёрдя Банфи, также славившего Марию Терезию. Трехтомник Й. Г. Швандтнера «Древние и подлинные источники по истории Венгрии» также сопровождали речи венгерских воспитанников Терезианского коллегиума. Первый том в 1766 г. открывала речь Антала Брунсвика, второй и третий в 1768-м — графа Казмера Эстерхази и вновь Ференца Зичи, перешедшего к тому времени в класс юриспруденции. Наконец, в 1774 г. Д. Праи издал том «Историко-критические изыскания в древних анналах гуннов, аваров и венгров», открывавшийся речью к Марии Терезии графа Йожефа Эрдёди.

На фоне обычных в такого рода обращениях и комплиментах щедрых похвал августейшей покровительнице коллегиума становятся особенно очевидными те программные заявления, которые профессора Терезианума вложили в уста своих воспитанников. Прежде всего — это образ Марии Терезии как ценительницы наук и подлинной учености. В 1766 г. А. Брунсвик славил государыню за «исключительную и подлинную милость», явленную коллегиуму, «который учрежден ее заботами, окреп под ее наблюдением, возвысился при ее покровительстве до того великолепия, которое сегодня очевидно всем»[2]. К. Эстерхази в 1768 г. утверждал: «Ты мать всех наук, ты покровительница изящных искусств, ты всемилостивейшая государыня, побуждающая это вверенное твоим заботам заведение и находящуюся в нем дворянскую молодежь к бле-

[1] Некоторые книги, представленные аудитории, собравшейся на публичный экзамен, тем не менее не содержали ни речи воспитанника, ни непременного в таких случаях синопсиса. См., например: *Kaprinai I.* Hungaria diplomatica temporibus Mathiae de Hunyad regis Hungariae. Viennae, 1767–1771. Partes 1–2. Ср.: WD. 1767. № 73.

[2] 1766. — Brunsvick Antal.

стящим достижениям и за достигнутое вознаграждающая их щедрыми почестями»[1].

Логическим продолжением становился тезис о необходимости использования знаний, полученных в годы учебы, для несения полезной государю службы. «У меня, — восклицал Ф. Зичи, — всю оставшуюся жизнь будет одна забота, чтобы *с помощью наук*, которыми я напитался в Терезианском сем коллегиуме, величайшая слава моих предков, будь то доведенная до безупречности верность или постоянное, не страшащееся никаких преград желание служить твоему августейшему дому, приумножились во мне новыми деяниями». Этос верного вассала гармонично соединялся в данном случае с этосом высокообразованного чиновника, ибо, по мнению юного графа, преподаваемые в коллегиуме науки нужны «либо для выказывания покорности августейшему дому, либо для несения государственной службы»[2].

Еще один мотив — это традиционная, уходящая корнями в глубину веков лояльность семей воспитанников венгерским королям. Это было способом подчеркнуть верность Габсбургскому дому, сами же Габсбурги вплетались в канву венгерской истории, становились преемниками Иштвана I Святого, Лайоша I Великого, Матяша Корвина. В 1761 г. Л. Кальноки, чей публичный экзамен совпал с презентацией книги Д. Прая о гуннах и аварах, в своей речи обнаруживал узы, соединяющие венгров с Габсбургами уже в ранней истории. Обращаясь к императрице, юный граф так описывал обретение венграми родины: «Покорив большую часть Азии, они перекочевали в Европу, чтобы оставить после себя потомков, у которых, после того, как они прошли столько земель, будет единственная и величайшая слава — иметь возможность покориться тебе». Воспитанник напоминал, что его род, обладающий дворянской грамотой со времен Лайоша I, служил святым венгерским королям и августейшему Габсбургскому дому, и его, графа Кальноки, единственное желание — служить не жалея сил, а если потребуется, то и пролить за государя кровь[3].

То, что венгерская аристократия не противопоставляла себя родной стране, но искала пути примирения верности Габсбургам с верностью отечеству, следует из слов А. Брунсвика, который завершал представление первого тома источниковедческого труда И. Г. Швандтнера словами: «Повели же, августейшая государыня, сложить к твоим ногам собранные в этой книге начала [истории] *нашего народа*, я же с не меньшей покорностью припадаю к твоим стопам»[4]. Австрийские власти со своей сторо-

[1] 1768. — Eszterházy Kázmér.
[2] 1768. — Zichy Ferenc.
[3] 1761. — Kálnoki Lajos.
[4] 1766. — Brunsvik Antal.

ны не возражали против такой формы венгерского государственного патриотизма, которая основывалась на верности династии.

Воспитанник венского Терезианума, о котором шла речь в начале статьи, Ференц Балашша, во взрослой жизни стал одним из наиболее искренних и преданных сторонников просвещенного абсолютизма. О том, как им были усвоены уроки, полученные в юности, свидетельствует одно из писем к кабинет-секретарю императрицы Корнелиусу Мак-Нени, датированное апрелем 1763 г. Балашша предложил проект рабочего кабинета для императрицы, который можно было обставить в венском Хофбурге или в королевском дворце в Пресбурге. Стены кабинета должны были украшать портреты всех венгерских королей и таблички с кратким описанием их правления. Балашша думал, что юные эрцгерцоги и эрцгерцогини, гуляя по залам дворца, привыкали бы смотреть на Венгрию как на составную часть владений Габсбургского дома и знакомились бы с основными вехами истории королевства. Таким образом, даже слепо преданный династии Ференц Балашша стремился зримо включить Габсбургов в венгерскую государственно-правовую и историко-культурную традицию[1].

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сказать, что неоднократное использование церемоний в венском Терезианум для того, чтобы познакомить «многочисленных как высокородных, так и ученых слушателей» с новейшими достижениями зарождавшейся венгерской исторической науки, трудно переоценить. Венгерская политическая элита даже в имперской столице с юных лет получала уроки уважения к родной стране, ее истории и культуре, а также людям, чьими научными трудами приумножалась слава отечества. Золтан Фалленбюхль однажды заметил, что факт нахождения в Вене Венгерской королевской канцелярии и венгерской лейб-гвардии позволяет назвать город венгерской столицей[2]. Публичные экзамены молодых венгерских аристократов, превращавшиеся в подлинный триумф венгерской культуры и демонстрировавшие национальную идентичность у прогабсбургской политической элиты, свидетельствуют об этом вполне убедительно.

Приложение

Печатные издания, содержащие в качестве приложения речи воспитанников венского Терезианума

1750 — Berényi András. *Josephus Zanchi*: Philosophia mentis et sensuum ad usus academicos accomodata... (Viennae: Typis Leopoldi Joannis Kaliwoda).

[1] Österreichisches Staatsarchiv. Wien; Haus-, Hof-und Staatsarchiv. Kabinettsarchiv. Nachlass Nenny. Karton 1. Письмо Ф. Балашша, 14.IV.1763 г.

[2] *Fallenbüchl Z.* Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989. 158. old.

1750 — Csáky Imre. *Michael Bonbardi*: Topographia magni regni Hungariae. (Viennae: Typis Leoplodi Joannis Kaliwoda).

1754 — Balassa Ferenc. *Franciscus Balassa*: Casuae St. Stephani regis Hungariae vera imago et expositio. (Viennae: Tipys Joannis Thomae Trattner).

1755 — Balassa Ferenc. *Carolus Antonius Martini*: Ordo historiae juris civilis praelectionibus institutionum... (Viennae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1756 — Fekete János. [*Erasmus Fröhlich*?]: Diplomataria Sacra Ducatus Styriae...(Viennae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1757 — Batthyány József György. [*Paulus Riegger*?]: Exercitatio academica de conciliis altero iuris ecclesiastici fonte... (Vindobonae: Typis Ioannis Thomae Trattner).

1761 — Kálnoky Lajos. *Georgius Pray*: Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum...deducti ac maximam partem ex orientis, accidentisque rerum scriptoribus congesti... (Vindobonae: Typis Georgii Ludovici Schulzii).

1766 — Brunswick Antal. *Johannes Georgius Schwandtner*: Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini... Pars 1. (Vindobonae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1766 — Nádasdy Miklós. *Georgius Pray*: Annales regum Hungariae 997–1564... Pars 2. (Vindobonae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1766 — Zichy Ferenc. *Georgius Pray*: Annales regum Hungariae 997–1564... Pars 3. (Vindobonae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1767 — Bánffy György. *Georgius Pray*: Annales regum Hungariae 997–1564... Pars 4. (Vindobonae: Typis Leopoldi Joannis Kaliwoda).

1768 — Esterházy Kázmér. *Joannes Georgius Schwandtner*: Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini... Pars 2. (Vindobonae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1768 — Zichy Ferenc. *Johannes Georgius Schwandtner*: Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini... Pars 3. (Vindobonae: Typis Joannis Thomae Trattner).

1771 — Apponyi Antal. *Josef von Sonnenfels*: Über die Liebe des Vaterlandes. (Wien: Typis Josephi Kurzböck).

1774 — Erdődy József. *Georgius Pray*: Dissertationes historico-criticae in annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum...(Vindobonae: Typis Leopoldi Joannis Kaliwoda).

М. К. Юрасов

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ В XVIII ВЕКЕ

В многонациональном государстве, каковым являлась Австрийская держава вследствие обладания ее правителями коронами Чехии и Венгрии, а также подчинения некоторых других соседних территорий, в рассматриваемое время происходил характерный для Европы в целом процесс становления национального самосознания отдельных народов и народностей. Каждый национальный элемент, находившийся под сенью Габсбургов, не только искал собственные исторические корни и следы героических деяний своих предков, но и стремился осмыслить прошлое соседних народов и народностей, причем нередко это делалось в том же русле возвеличивания собственного народа.

В XVIII в. Российская империя стала одной из ведущих европейских держав, претендовавшей на роль мирового лидера, что не могло не вызвать интереса к ее прошлому, стремления выйти за рамки устойчивых стереотипов, сложившихся под влиянием регулярно переиздававшихся на протяжении нескольких веков записок Сигизмунда Герберштейна. На территории «лоскутной монархии» Габсбургов проживали русины, язык которых неопровержимо доказывал их восточнославянское происхождение. Более того, даже в наши дни, несмотря на то что русский и русинский языки продолжали в XVIII–XX вв. развиваться, а значит — отдаляться друг от друга, личное общение с современными русинами убедило меня в том, что русинский язык значительно ближе к русскому, чем украинский.

Закарпатские (или, как они сами себя называют, подкарпатские) русины попали под власть Габсбургов после распада Венгрии в 1526 г. вследствие избрания частью венгерского дворянства Фердинанда I Габсбурга своим королем. В эпоху борьбы Вены за господство над всей территорией бывшего Венгерского королевства его северо-восточные комитаты, где преобладало русинское население, неоднократно выходили из-под власти Австрии, а после изгнания турок из Среднего Подунавья русины активно поддержали лидера национально-освободительного движения венгров Ференца II Ракоци (1703–1711 гг.).

Проводившаяся в XVIII в. венским двором политика насильственного онемечивания и окатоличивания «нетитульных» народов и народностей Австрийской империи вызывала различные формы протеста, в том числе попытки доказать распространение русского влияния и христианства восточного обряда в эпоху складывания государств западных и восточных славян и даже раньше. Как известно, некоторые чешские хронисты XIV–

XV вв. отстаивали тезисы об исключительности вклада русских в деле приобщения чехов к Христовой вере, вплоть до признания свв. Константина (Кирилла) и Мефодия русинами (Далимил)[1], и о нахождении части русских под властью великоморавского князя Святоплука I (870–894 гг.)[2]. Сила и роль Российской империи в европейском «концерте» XVIII в. делали ее центром притяжения многих славянских народов, лишенных возможности создать собственные национальные государства.

Иными были причины сохранения интереса к России у образованных венгров в XVIII в. Историческая память венгерского народа хранила сведения о восточном происхождении мадьяр и их постепенной миграции на запад, закончившейся на рубеже IX–X вв. «обретением родины» на Среднем Дунае. При этом в период существования средневекового Венгерского королевства, уничтоженного турками в 1526 г., прародину мадьяр называли Magna Hungaria («Великая Венгрия»), а в XVI–XVII вв., прежде всего под влиянием С. Герберштейна и М. Меховия, в Европе распространилось убеждение тогдашних русских в том, что Югру населяют потомки угров, что вызвало «перенесение» европейскими учеными прародины венгров из Magna Hungaria в подвластную правителям Московии Югру[3]. В связи с этим так называемый «югорский вопрос» занимал венгерских историков в XVIII в. значительно больше, чем проблемы происхождения русского населения, проживавшего на северо-востоке страны.

Эпоха Просвещения стала временем, когда европейские ученые стремились поставить изучение прошлого своих народов на научную основу. На начальном этапе этого процесса важную роль играло историческое краеведение. Авторы, писавшие труды по истории областей и городов своей страны, старались не просто составить сборник местных легенд, преданий и хроникальных известий, но и дать их историческую критику, а также использовать документальный материал для определения времени основания поселений и монастырей, постройки храмов и т. п.

Одним из первых обратился к исторической географии и краеведению Венгрии Габор Сердахейи (1660–1726) — профессор-иезуит, родившийся

[1] Подробнее об этом см.: *Кузьмин А.* Спорное и бесспорное о крещении Руси // Молодежь, религия, атеизм. М., 1986. С. 207–208; *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 115.

[2] Об этом сообщает Пржибик (Пржибислав) из Пулкавы в главе XIV своей хроники (См.: *Przibico Pulkava de Tradenin* Chronica Boemorum // Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1893. T. V. P. 15). Его сведения (или сведения его источника) были впоследствии заимствованы Энеем Сильвием Пикколомини (См.: *Piccolomini, Aeneas Sylvius.* De Bohemorum origine ac gestis historia. Wolfferbyti, 1660. Cap 13. P. 29) и составителем Хронографа западнорусской редакции (См.: ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 2. С. 255).

[3] Подробнее об этом см.: *Vásáry I.* A jezsuita Cseles Márton és a Julianus-jelentés (A Magna Hungaria-és a Jugria-kérdés történetéhez) // Középkori kútfőink kritikus kérdései / Szerk. Horváth J. és Székely Gy. Bp., 1974. 261–275. l.

в Мункаче (Мукачево) — церковном центре Угорской Руси. Хотя прославился Г. Сердахейи своими трудами по философии и теологии, его перу принадлежит и двухтомное сочинение «Топография более известных городов и крепостей Венгрии»[1]. В этой работе краеведческого характера содержатся краткие исторические очерки о старых венгерских городских поселениях, в том числе о тех, где жили преимущественно русины, а также связанных с историей русско-венгерских отношений. Так, при описании города Патака (Шарошпатака) в комитате Земплин[2], Г.Сердахейи приводит историческое предание о том, что местный замок был когда-то местом пребывания дочери русского князя (Ярослава Мудрого), вышедшей замуж за венгерского принца — будущего короля Эндре I.

В области исторического краеведения Венгрии работал также Ласло Туроци. В изданной им в 1729 г. в Трнаве книге «Венгрия со своими областями»[3] Л. Туроци много внимания уделил северо-восточным комитатам страны, в частности — переселению в области Берег и Унг в середине XIV в. литовского князя Федора Кориадовича, вместе с которым из Подолии в Закарпатье пришла большая группа русского населения[4].

Один из младших представителей литовской правящей династии Федор Кориадович, бежавший от гнева великого князя Гедиминаса в Венгерское королевство, стал героем многочисленных исторических преданий, главным из которых является приписывание ему привода на Верхнюю Тису предков русинской народности. Это предание впоследствии неоднократно использовалось, прежде всего, представителями украинской националистической историографии, для обоснования отсутствия русского населения по другую сторону Карпат до времени Федора Кориадовича и наличия общих корней у современных западных украинцев и русинов.

Вхождение в состав империи Габсбургов областей, населенных различными славянскими народами, в том числе исповедовавшими униатскую веру и даже «чистое» православие, способствовало появлению интереса ученых к проблемам истории христианизации земель, находившихся в свое время за пределами Римской империи и державы Карла Великого и ставших объектом борьбы между папами римскими и константинопольскими патриархами за верховную церковную власть над ними. Вполне естественно, что проблемами церковной истории занимались, прежде всего, ученые иезуиты.

---

[1] *Szerdahelyi Gabriel.* Celebriorum Hungariae urbium et oppidorum topographia. Cassoviae, 1722. T. I–II.

[2] Ibid. P. 249–252.

[3] *Thuróczy László.* Hungaria suis cum regibus. Tyrnaviae, 1729. Поскольку это издание пока для меня недоступно, вся приводимая здесь информация о ней взята из книги: *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории Карпато-русской церкви и иерархии 1391–1498 гг. V Praze, 1930. С. 58–60.

[4] *Thuróczy L.* Op. cit. P. 153–154.

Интересные интерпретации истории Паннонии в века, предшествующие приходу туда венгров, можно встретить в трудах словацких иезуитов. Последние, с одной стороны, не могли испытывать симпатий к православным «схизматикам», большинство которых составляли русские, а с другой стороны, стремились найти древние корни христианства в Карпатской котловине. При этом они прекрасно понимали, что предки словаков в I тысячелетии н.э. еще не населяли современную Восточную Словакию, входившую в ареал распространения восточного славянства.

Одним из первых написал об этом словацкий иезуит Самуил Тимон (1675–1736) в своем труде «Облик древней Венгрии»[1]. Он считал, что в середине III в. н.э. в Дакии и Паннонии уже было несколько епископств, что способствовало приобщению к Христовой вере «бесов» или «биессов», которых он считал предками русинов. В качестве учителей этой древней группы восточных славян С. Тимон называет св. Феофила и его преемника св. Никиту[2].

Более обстоятельно изложил концепцию о том, что мадьяры обязаны своим приобщением к Христовой вере паннонским русинам, немецкий ученый венгерского происхождения Готфрид Шварц[3]. В своих рассуждениях по этому поводу Г.Шварц заявляет об определяющей роли восточной церкви в процессе христианизации Паннонии. Отсутствие стремлений к непременному прославлению миссионерской деятельности папства при описании событий, связанных с распространением христианства в этом регионе Европы, вполне соответствует венгерской традиции. Проживание русинов на землях Венгерского королевства и многочисленные матримониальные связи венгерских правителей с русскими князьями способствовали сохранению в Венгрии спокойного отношения к «схизматикам» и после того, как католическая пропаганда объявила их врагами «истинного» христианства.

Мнение Г. Шварца встретило как сторонников, так и противников. Хотя большинство исследователей XIX в. склонялось к поддержке этой точки зрения, в начале XX в. прежде всего усилиями А. Ходинки и Я. Карачони она была предана забвению[4]. В условиях надвигавшейся мировой войны, в которой Австро-Венгрии предстояло воевать с Россией, утверждения об исконном проживании восточных славян в Паннонии шли явно вразрез с идеями официальной австрийской пропаганды.

---

[1] *Timon Samuel.* Imago antiquae Hungariae. Cassoviae, 1733.

[2] Ibid. P. 148–149.

[3] *Schwarz Gottfried.* Dissertatio, in qua initia religionis christianae inter Hungaros, Ecclesiae Orientali adseruntur. Halae, 1740.

[4] Подробнее об этом с перечислением сторонников и противников Г. Шварца см.: *Гаджега Юлий.* Два исторических вопроса (Старожилы ли карпаторосы и о началах христианской религии на Подкарпатской Руси). Ужгород, 1928. С. 26–28.

Неоднократно обращался к ранней истории карпатских русинов представитель словацкого Просвещения Франтишек Адам Коллар (1718–1783). При этом его позиция по вопросу о роли русских в распространении христианства в подвластном Арпадам регионе со временем изменилась, что далеко не в последнюю очередь было связано с изменением общественного положения Ф. А. Коллара. В молодости он был членом ордена иезуитов, но в 1748 г. вышел из этой церковной организации.

Перу Ф. А. Коллара принадлежит первая работа по древней истории угорских русинов. Будучи сам священником, он принял активное участие в борьбе русинских греко-католических священников Мукачевской епархии за автономию от Эгерской епископии[1]. В написанном в 1749 г. от имени Мукачевского диоцеза и поданном в Вену и Рим мемориале[2] Ф. А. Коллар утверждал, что русские приняли христианство от апостола Андрея, в IV в. они уже имели епископа, а свв. Кирилл и Мефодий сначала проповедовали христианство на Руси, а затем оттуда отправились в Великоморавское княжество. По мнению словацкого просветителя, до «обретения родины» венграми на Среднем Дунае в Закарпатье уже существовало «Руське княжество».

В более зрелом возрасте Ф. А. Коллар был одним из приближенных австрийской императрицы Марии Терезии (1740–1780), занимая посты хранителя, а затем директора Придворной библиотеки в Вене. Став одним из советников просвещенной императрицы, Ф. А. Коллар непосредственно участвовал в разработке плана проводившейся ей школьной реформы.

Всё это способствовало отказу Ф. А. Коллара от некоторых «увлечений молодости», в том числе от стремления подчеркнуть древность приобщения Угорской Руси к Христовой вере. В изданной в Вене в 1767 г. работе «История грамот права апостольского патроната королей Венгрии» он уже категорически отрицает какое-либо влияние восточной церкви на христианизацию венгров[3]. Одной из главных целей словацкого ученого в этой работе была критика противоположного утверждения Г. Шварца.

Важное значение в деле создания серьезной научной базы для изучения прошлого Венгрии, русско-венгерских отношений и русинской народности имело первое по-настоящему научное издание свода венгерских

[1] Биографические данные о Ф.А.Колларе см.: *Поп Иван.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. 2-е изд. Ужгород, 2006. С. 216.

[2] *Kollar Franciscus Adam.* Humillimum Promemoria de ortu, progressu et in Hungaria incolatu gentis Ruthenicae. Muncas, 1749. Эта работа была опубликована в переводе на русинский язык Василием Гаджегой (См.: *Гаджега В.* Перва спроба историе греко-католическое Мукачевское епархии // Науковый Зборник. III. Ужго-род, 1924. С. 1–27).

[3] *Kollar Franciscus Adam.* Historia diplomatica juris patronatus apostolici Hungariae regum. Vindobonae, 1767.

средневековых исторических сочинений, осуществленное Йоханом Георгом фон Швадт-нером (1716–1791) в Вене в 1746–1748 гг.[1]

Это сразу же проявилось в литературе по историческому краеведению, где дело Г. Сердахейи продолжил известный словацкий историк, этнограф и лингвист Матвей Бель (1680–1749), написавший «Географический компендиум Венгрии»[2]. Используя труд своего предшественника как базовый, М. Бель дополнил его многочисленными примечаниями и ссылками на источники. Есть предположение, что изданная (посмертно) книга М. Беля была лишь одной из частей оставшегося в рукописи огромного историко-географического произведения[3]. Информация, касающаяся северо-восточных комитатов Венгрии, находится как раз в неизданной части труда М. Беля.

Кроме того, М. Бель собрал двухтомный сборник сочинений писателей эпохи Возрождения по венгерской истории и историческому краеведению, а также некоторых документов[4]. Среди авторов этого сборника наиболее интересным, с точки зрения темы настоящей работы, является эстергомский епископ Николай Олах (1493–1568), свидетельствующий о том, что первыми телохранителями венгерских королей были «рутены». Правда, появились они в Венгрии достаточно поздно, в связи с женитьбой Калмана Книжника (1095–1114/6) на дочери Владимира Мономаха Евфимии[5], датируемой русскими и венгерскими средневековыми историческими сочинениями 1112 г.

Росту интереса к России в середине XVIII в. способствовало «открытие» венгерским пиаристом Инце Дешерицки отчета Риккарда об экспедиции венгерского доминиканца Юлиана в 1235 г. в «Великую Венгрию», затерявшегося после исчезновения татарской опасности в папских архивах в Риме. Обнаружив отчет Риккарда в 1745 г. во время архивной работы в Риме[6], И.Дешерицки опубликовал его в своем двухтомном труде о венгерской прародине, которую нашел Юлиан[7].

---

[1] *von Schwandtner, Johann Georg.* Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuine. Vindobonae, 1746–1748. T. I–III.

[2] *Bél Matthias.* Compendium Hungariae Geographicum ad exemplar Notitiae Hungariae Novae historico-geographicae. Posoniae, 1753. Во второй половине XVIII в. эта книга неоднократно переиздавалась.

[3] Этот труд называется «Notitiae Hungariae Novae historico-geograrhicae». См. о нем: *Перфецкий Е .Ю.* Обзор угрорусской историографии. Пг., 1914. С. 5.

[4] *Bél Matthias.* Adparatus ad historiam Hungariae. T. I–II. Posoniae, 1735–1746.

[5] *Olahus Nicolaus.* Hungaria, sive de originibus gentis, regionis situ, habitu atque opportunitatibus liber singularis // *Bél M.* Adparatus ad historiam Hungariae. T. I. Это сочинение, впервые опубликованное М.Белем, было написано в 1536 г.

[6] Подробнее об этом см.: *Vásáry I.* Op. cit. 261, 273–274. l.

[7] *Desericius Innocentius.* De initiis ac Maioribus Hungariae commentarii. Budae, 1748. T. II. P. 169–176.

Главной целью исследования И.Дешерицки было развенчание «югорской теории». Опираясь на основательно подзабытые его предшественниками известия Риккарда, И. Дешерицки убедительно доказал, что Великая Венгрия находилась в Поволжье и что утверждения историков XV — начала XVIII в. о ее тождественности с Югрией лишены серьезной аргументации[1].

Собрание нарративных памятников по средневековой истории Венгрии, изданное Й. Г. фон Швандтнером, оказалось неполным. Во второй половине XVIII в. продолжался поиск новых источников для этой области исторического знания. Особенно преуспел в этом венгерский иезуит Дёрдь Прай (1723–1801). Начав с издания отрывков ранних авторов, писавших о древних гуннах, аварах и венграх[2], и средневековых анналистов, оставивших сведения о Венгрии X — середины XVI в.[3], Д. Прай в дальнейшем сосредоточился на критическом осмыслении собранного им материала.

Будучи представителем религиозной организации, главной целью которой было сохранение власти и влияния католической церкви, Д. Прай одним из первых (раньше Ф. А. Коллара) выступил с осуждением точки зрения Г. Шварца об исключительной роли восточного христианства в деле крещения мадьяр[4]. В этой же работе 1761 г. Прай высказал сомнения по поводу достоверности романа Венгерского Анонима вообще, и в том числе его рассказа о покорении легендарным венгерским вождем Алмошем «рутенов», проживавших в районе Киева[5].

В «Анналах королей Венгрии» Д. Прай неоднократно затрагивает сюжеты, связанные с историей русско-венгерских отношений в Средние века. Однако при этом он опирался исключительно на данные венгерских, немецких и некоторых западноевропейских источников, совершенно не зная информацию русских летописей. Так, описывая события неудачного похода Калмана Книжника под стены Перемышля в 1099 г., Д. Прай честно признается: «Не знаю, в чем была причина начавшейся войны»[6]. Как раз в это время Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) работал над своим знаменитым «Нестором», который вышел в свет в 1768 г.[7] и сделал информацию Повести временных лет доступной для немецкоязычных читателей.

---

[1] Ibid. P. 177–199.

[2] *Pray Georgius*. Annales veterum Hunnorum, Avarorum et Hungarorum. Vindobonae, 1761.

[3] *Pray G.* Annales regum Hungariae, 977–1564 (I–V). Vindobonae, 1763–1770.

[4] *Pray G.* Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum... P. 328.

[5] *Ibid.* P. 309–356, 366–368.

[6] *Pray G.* Annales regum Hungariae. II. P. 99.

[7] *Schlözer, August Ludwig*. Probe russischer Annalen (Nestor und russische Geschichte betreffend). Bremen–Göttingen, 1768.

Дёрдь Прай пытался разобраться в многочисленной и порой противоречивой информации хронистов о Борисе Калмановиче. Так, он не признает полностью достоверным утверждение создателей Венгерского хроникального свода XIV в. о том, что Борис был рожден от прелюбодеяния, но пишет о поддержке Бориса Владимирком Володаревичем в 1132 г.[1], хотя последнее никак не подтверждается источниками. По венгерским хроникам Д. Прай описывает оказание Гезой II военной помощи своему тестю Изяславу Мстиславичу в конце 40 — начале 50-х гг. XII в.[2] и события борьбы Арпадов за Галич в первой трети XIII в.[3]

В 1774 г. Д. Прай издает собрание своих рассуждений (диссертаций) источниковедческого характера к собранному им материалу по ранней истории Паннонии и венгров. Прежде всего ученый прокомментировал известия о проживавших на Среднем Дунае древних народах и об «обретении родины» племенами Арпада, повторив в основном свои прежние утверждения. В то же время Д. Прай, несмотря на развенчание И. Дешерицки «югорской теории», заявлял о родстве венгров с финно-угорскими народами, опираясь уже на данные сравнительного языкознания[4].

Активное привлечение Д. Праем наряду с нарративными источниками документального материала позволяло ему выдвигать новые интересные гипотезы. Так, в диссертации VII рассматриваемого труда Д. Прай пишет о том, что упоминаемый в одной из грамот венгерского короля Гезы II (1141–1162 гг.)[5] dux Дамаслав был одним из представителей русской знати, приехавшей в Венгрию вместе с женой Эндре I (1046–1060 гг.) Анастасией Ярославной[6]. Хотя найти убедительные доказательства этой гипотезы невозможно, имя Дамаслав было распространено среди жителей Древней Руси, о чем свидетельствует текст одной из обнаруженных в Новгороде берестяных грамот[7].

Труды Д. Прая оказали заметное влияние на развитие не только западноевропейской, но и российской историографии. Он был главным авторитетом в области венгерской истории для Н. М. Карамзина. Несмотря на то что автор «Истории государства Российского» неплохо знал изданные к началу XIX в. источники по средневековой истории Венгрии, в своих примечаниях к названному многотомному труду он неоднократно ссыла-

[1] *Pray G.* Annales regum Hungariae. II. P. 125, 127.

[2] *Ibid.* P. 136, 138.

[3] *Ibid.* III. P. 179, 201, 216 etc.

[4] *Pray G.*. Dissertationes historico-criticae in Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum. Viennae, 1774. P. 18–34 (Diss. II).

[5] Новейшее издание грамоты см.: Diplomata Hungariae antiquissima. Vol. I. Edendo operi praefuit G.Györffy. Budapestini, 1992. P. 222.

[6] *Pray G.* Dissertationes... Diss. VII. P. 130.

[7] В грамоте № 155 упоминается некий Домаслав. См.: Новгородские грамоты на бересте. М., 1955. С. 34–36.

ется на работы Д. Прая, особенно в случаях установления фактических дат описываемых событий.

Последняя треть XVIII в. была отмечена в Венгрии попытками создания подробной научной истории своего отечества. Одним из первых это попытался сделать Карл Франциск (Карой Ференц) Пальма (1735–1787) — иезуит, впоследствии епископ, основной сферой научных интересов которого была геральдика. Перу К. Ф. Пальмы принадлежит трехтомный труд по венгерской истории[1].

Основой для созданной К. Ф. Пальмой концепции истории «обретения родины» венграми на Среднем Дунае стал рыцарский роман Венгерского Анонима. В связи с этим ученый иезуит писал о приходе русских в Паннонию вместе с племенами Арпада, подчеркивая тесные союзнические отношения, сложившиеся у верховного вождя венгров с русскими, и утверждая, что ради укрепления этого союза Арпад женился на русской княжне[2]. Признавая распространение христианства восточного обряда в Паннонии до прихода туда венгров, К. Ф. Пальма заявляет о непродолжительности его влияния на язычников-мадьяр[3].

Карл Пальма выступил против концепции Г. Шварца более резко, чем Д. Прай и Ф. А. Коллар. Однако он признавал (на основании свидетельств Константина Багрянородного) принадлежность трансильванского правителя середины X в. Дюлы и его дочери Шаролты (матери Иштвана Святого) к христианству восточного обряда. Вопреки установившейся в ранней венгерской историографии традиции доверять версии хронистов о том, что Борис Калманович родился от прелюбодеяния, К. Пальма считал причиной высылки его матери на Русь деспотический характер Калмана Книжника[4].

Первый раздел Речи Посполиты, состоявшийся в 1772 г., поставил на повестку дня «законность» вхождения в состав Австрийской империи Галиции и Буковины, подавляющее большинство населения которых составляли русины — потомки жителей Древней Руси, оказавшиеся оторванными от основной территории восточнославянского этнического массива и не испытавшие, в отличие от формирующейся украинской народности, сильного польско-литовского влияния.

Поскольку австрийская императрица Мария Терезия являлась одновременно королевой Венгрии, она прекрасно знала (на основании средневековых венгерских исторических сочинений) о том, что русские («рутены») издавна проживали в Карпатской котловине и были подданными

[1] *Palma Carl Franciscus*. Notitia rerum Hungaricarum. Tyrnaviae, 1770. T. I–III.

[2] Краткий пересказ описания К. Ф. Пальмой процесса «обретения родины» мадьярами см.: *Гаджега Ю.* Два исторических вопроса... С. 10–11.

[3] Оценку взглядов К. Ф. Пальмы по вопросу о христианизации венгров см.: Там же. С. 31.

[4] *Palma C.* Op. cit. T. I. P. 452.

венгерских государей. На этом основании императрица считала своим законным правом объединить под своей властью всех современных ей русинов, проживавших по обе стороны линии Карпатских хребтов.

В многочисленных работах историков и правоведов, вышедших из печати в 70-е гг. XVIII в., доказывалось, что вся Галиция и Лодомерия (Волынь), кроме воеводств Освенцимского и Заторского, является неотъемлемой составной частью земель венгерской короны, поскольку принцы из рода Арпадов неоднократно становились в конце XII–XIII в. правителями Юго-Западной Руси. Из известных аргументов, приведенных учеными, отстаивавшими интересы династии Габсбургов, следовало, что все земли восточнее Кракова с исторической точки зрения не являются исконно польскими и были захвачены правителями Польши в XIV–XV вв. Так Австрийская монархия, признавая захваченные ею в 1772 г. земли русскими, в то же время стремилась обосновать принадлежность этой части древнерусского наследия не России, а Венгрии[1].

Самым значительным произведением венгерской историографии, созданным в эпоху господства в ней иезуитов, стала 42-томная «Критическая история королей Венгрии» иезуитского профессора Иштвана (Стефана) Катоны[2]. Написанный в духе апологетики Габсбургов огромный труд И.Катоны оказал заметное влияние на всю венгерскую историографию XIX в. Лишь в самом конце столетия, в связи с отмечавшимся в 1896 г. 1000-летием «обретения родины» венграми на Среднем Дунае, появились обобщающие труды по средневековой истории Венгрии качественно более высокого уровня, чем многотомное сочинение И. Катоны.

Хотя И.Катона не только стремился собрать в своем капитальном труде все доступные ему сведения по истории своего отечества, но и дать их научную критику, в освещении «русских» сюжетов он практически не сказал ничего принципиально нового по сравнению с К. Пальмой. Автор «Критической истории» уделяет в ее первом томе много внимания проблеме достоверности сведений Венгерского Анонима о победе венгров Арпада над киевскими «рутенами», рассматривая ее в рамках более широкого вопроса о степени доверия ко всему сочинению неизвестного «магистра П.». При этом К. Пальма считает, что описание Нестором прохода «угров» мимо Киева и далее через юго-восточную Русь в Паннонию позволяет в целом отнестись с доверием к известиям Анонима, естественно, не лишенным легендарных подробностей.

Присоединение Габсбургами Галиции и Волыни побудило австрийских ученых заняться историей этих областей более подробно, чем это было

[1] Подробнее об этом см.: *Добрянский А. И.* О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира // ЖМНП. Ч. CCVIII. СПб., 1880, март. С. 137–138. Здесь же приведена библиография сочинений по этому поводу.

[2] *Katona Stephanus.* Historia critica regum Hungariae. T. I–XLII. Budae, 1779–1817.

сделано в появившихся накануне и в год первого раздела Речи Посполиты справочных записках о «естественности» и законности вхождения бывшей юго-западной Руси в состав «лоскутной монархии». Первым посвятил специальное сочинение истории Галиции, Волыни и Червонной Руси Людвиг Альбрехт Гебхарди (1735–1802)[1]. Десятилетие спустя после выхода в свет книги Л. А Гебхарди появилось сочинение на ту же тему Й. А. Хоппе[2]. К сожалению, обе эти работы пока остаются для меня недоступными, но, судя по отношению к ним историков последующих эпох, вклад обоих авторов в историческую науку был весьма скромным.

Самым глубоким австрийским исследователем XVIII в. из занимавшихся историей Галицко-Волынской Руси стал Йоганн-Христиан Энгель (1770–1814). Хотя его интерес к прошлому этого региона также был вызван необходимостью обосновать исконные права венгерской короны на земли юго-западной Руси, все-таки Й.-Х. Энгель был наиболее эрудированным среди немецких ученых, написавших в последней трети XVIII в. труды по истории новых провинций империи Габсбургов.

Двухтомная «История Галича и Владимира до 1772 г.», написанная Й.-Х. Энгелем и изданная в Вене в 1792–1793 гг.[3], стала своего рода итоговой работой для австрийской историографии Галицко-Волынской Руси. О ее научной значимости ярко свидетельствует характеристика, данная Й.-Х. Энгелю в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где сказано, что все работы Й.-Х. Энгеля «сохранили свою цену до настоящего времени»[4], т. е. до начала XX в.

Тем не менее рассматриваемое сочинение австрийского историка имеет ярко выраженный характер апологетики походов венгерских королей эпохи Арпадов на земли по другую сторону Карпат, которые неоднократно в XII–XIII вв. становились владениями венгерской короны. Несмотря на то что Й.-Х. Энгель стремился учесть материал всех известных ему источников, содержащих сведения по истории Галиции и Волыни, в том числе польские хроники и русские летописи (известные ему по трудам А. Л. Шлёцера и многотомному сочинению М. М. Щербатова), его интерпретация привлекаемого материала грешит тенденциозностью.

Особенно ярко это проявляется в описании судьбы Бориса Калмановича. По мнению Й.-Х. Энгеля, непризнанный сын венгерского короля Калмана Книжника был основателем Галицкого княжества, переданного ему

[1] *Gebhardi Ludwig Albrecht*. Geschichte des Königreiches Galizien, Lodomerien und Rothreussen. Pesth, 1781.

[2] *Hoppe J. A.* Geschichte des Königreiches Galizien und Lodomerien. Wien, 1792.

[3] *Engel Johann-Christian*. Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772. Wien, 1792–1793. Bd. I–II.

[4] Энциклопедический словарь. Т. XL. Изд. Ф. А. Брокгауз. И. А. Ефрон. СПб., 1904.

в удел в 1129 или 1130 г.[1] При этом историк ссылается на информацию польского хрониста Богухвала (ум. в 1253 г.), который явно перепутал Бориса с венгерским принцем Калманом, сыном Эндре II, занимавшим галицкий княжеский стол в 1214–1219 гг.

Свое повествование Й.-Х. Энгель делит на главы в соответствии с данной им (на 10–12 странгицах первого тома своего труда) периодизацией истории Галича и Владимира. В случаях, когда он категорически не согласен со своими предшественниками, австрийский историк добавляет в конце главы «критические замечания»[2], но если он считает свою точку зрения единственно верной, дополнением к главе служит «апология».

Столетие с 1130 по 1230 г. было, по мнению Й.-Х. Энгеля, временем расцвета Галича, якобы находившегося под властью венгров. При этом «самое прекрасное время» (die schönste Zeit) для венгерского господства в Галиче было в 1209 и 1214 гг.[3] Вполне естественным на фоне прославления деяний венгерских королей XII–XIII вв. в Юго-Восточной Руси выглядит описание побед Гезы II над противниками его шурина Изяслава Мстиславича[4].

Пробуждение национального самосознания русинского народа ярко проявилось в деятельности Андрея Бачинского (1732–1809), занимавшего с 1773 г. епископскую кафедру в Мукачево. В основанной им в 1778 г. богословской семинарии преподавание велось на русинском языке, ставшем также деловым языком епископской канцелярии. А. Бачинский активно поддерживал исследователей, занимавшихся историческим краеведением Угорской Руси.

По просьбе мукачевского епископа Антал Дечи написал в 1797 г. «Очень краткое размышление о венгерских русских»[5]. В этом сочинении, как и следовало ожидать, отстаивается точка зрения о глубокой древности появления русинов в Карпатской котловине. Вместе с тем А. Дечи, в отличие от своих предшественников, пытается решить вопрос локализации прародины единого русского народа, одной из составных частей которого являются угорские русины.

Правда, мысли А. Дечи на этот счет глубоко фантастичны. Прародину восточного славянства он помещает у берегов Северного Ледовитого океана, в восточной части Русского государства, неподалеку от Танаиды, в области Югрии и Меотиды у Рифейских гор, что выдает его весьма смутные представления о географии Восточной Европы. Переселение древних русинов в Паннонию произошло вместе с племенами Аттилы, а вторая их волна пришла с востока, присоединившись к «обретавшим родину» вен-

[1] *Engel J.-Ch.* Op. cit. S. 10, 111.

[2] Так, на С. 24–28 указанного сочинения помещены «Критические заметки против Длугоша, Нарушевича и др.».

[3] Ibid. S. 11.

[4] Ibid. S. 127–141.

[5] *Décsy Antal.* A magyar oroszokról való igen rövid elmélkedés. Kassa, 1797.

грам Арпада. В последующие времена отдельные группы русских регулярно переселялись на земли Венгерского королевства. Много места в сочинении А.Дечи занимает апологетика греко-католического вероисповедания, его превосходства над остальными христианскими конфессиями.

Изучение вышедшей в империи Габсбургов в XVIII в. научной (или претендующей на научность) литературы, в которой обращается внимание на далекое прошлое восточных славян и их ранние контакты с венграми, приводит к выводам о том, что главным стимулом для ее развития в то время было обоснование законных прав Вены на земли, населенные русинами и восточными украинцами. Именно для доказательства «исконности» нахождения Закарпатья и Галиции под властью венгерской короны были созданы самые заметные труды австрийских ученых по истории земель, вошедших в состав империи Габсбургов в результате разделов Польши. Все эти сочинения грешат тенденциозностью в оценке исторических фактов.

Менее заметными для научного сообщества, но при этом и менее тенденциозными были опубликованные в XVIII в. в Австрийской империи работы по историческому краеведению. В них история восточных славян затрагивается лишь мимоходом, когда речь идет о проживании русинов в описываемом комитате или в пересказе местной легенды, связанной с венгерской королевой русского происхождения.

Первые ростки национального самосознания русинского народа проявились в самом конце XVIII в. Научный уровень сочинений по истории «венгерских русских», изданных в то время, был крайне низким. К тому же местные униатские иерархи использовали сведения по древней истории Закарпатья, прежде всего, возможное приобщение предков русинов к Христовой вере свв. Кириллом и Мефодием, в качестве аргументов при обосновании своих претензий на церковную автономию.

Г. В. Макарова

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО В 1812 ГОДУ

Варшавское герцогство — французский пистолет, направленный в грудь России.

Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года.

Летом 1812 г. в Варшаве было провозглашено создание нового европейского государства — Королевства Польского. Со времени разделов Польши в конце XVIII в. на политической карте Европы не существовало государственного образования, название которого включало бы слово

«польский». Однако польские земли продолжали оставаться важным объектом политической и военно-стратегической заинтересованности первостепенных государств Европы. Создание Королевства Польского в 1812 г. было обусловлено международной ситуацией, сложившейся на европейской арене, и, в первую очередь, отношениями между Россией и Францией, в политике которых «польский вопрос» занимал весьма существенное место. Две войны, первая из которых знаменовала кульминацию могущества империи Наполеона (1806 г.), а другая — начало ее конца (1812 г.), были названы им первой и второй «польскими войнами»[1].

Международные отношения в Европе начала XIX в. отличались чрезвычайной сложностью и подвижностью, политические союзы и ориентации изменялись непрерывно. Активная агрессивная внешняя политика Наполеона, хотя и проводившаяся под освободительными лозунгами, вела как к территориальным изменениям, так и к нестабильности позиций великих и малых европейских государств. Они опасались угрозы со стороны Франции, в то же время они не желали и усиления России. При этом их правительства полагали, что в случае сделанных ими неверных политических шагов начнутся военные действия, прежде всего со стороны Франции или России, вследствие чего они могут потерять часть своих территорий или даже утратить свою независимость. В такой ситуации высказывавшиеся политическими деятелями мнения быстро становились устаревшими, а принимавшиеся дипломатические ходы не приводили к той цели, на которую были рассчитаны. Почва на европейской дипломатической равнине была чрезвычайно зыбкой.

Заметную роль в определении внешнеполитической линии России играл польский князь Адам Ежи Чарторыский, назначенный Александром I в 1802 г. товарищем министра иностранных дел, а на деле возглавивший министерство. С юношеских лет их связывали дружеские отношения, и Чарторыский оказал серьезное влияние на формирование благожелательной, особенно в первые годы царствования, позиции русского императора в отношении поляков. Значительная часть русского общества с неодобрением относилась как к пропольским настроениям молодого императора, так и к выдвижению Чарторыского. Назначение поляка на высокий государственный пост было предметом непрерывных нареканий и постоянной критики в адрес Александра I. Это знал и сам Чарторыский. «Поляк, пользующийся полным доверием императора и посвященный во все дела, представлял явление оскорбительное для закоренелых понятий и чувств русского общества», — писал он в своих мемуарах[2].

[1] *Федосова Е. И.* Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 5.

[2] Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. (далее — Мемуары Чарторижского). М., 1912. Т. 1. С. 311.

Заняв высокое положение в российской внешней политике, Чарторыский «льстил себя надеждой создать политическую систему, которая, основываясь на принципах справедливости, могла бы со временем оказать счастливое влияние на судьбы Польши». «Я уже предвидел разрыв с Францией, — заявлял он, вспоминая об этом времени. — Русские всегда подозревали меня в желании склонить русскую политику к тесной связи с Наполеоном, но я был далек от этой мысли, ибо для меня было очевидным, что всякое соглашение между двумя этими государствами было бы гибельным для интересов Польши». «Моя политическая программа, — отмечал он, — основным принципом которой была справедливость и законность, необходимо вела к постепенному восстановлению польского королевства». Однако Чарторыский избегал, по его словам, произносить имя Польши: «Я говорил только о постепенном освобождении народов, несправедливо лишенных их политической самостоятельности». Он понимал, что в этом вопросе необходимо соблюдать осторожность, так как «среди русских не было людей, расположенных к Польше»[1].

С самого начала внешнеполитической деятельности Чарторыского его планы были направлены на то, чтобы польское государство «восстанавливалось под скипетром России»[2]. Причем это не были только умозрительные построения или пожелания, в целях реализации своих намерений он предпринимал вполне конкретные действия. В частности, Чарторыский направил русскому представителю в Вене А. К. Разумовскому указание поставить в известность об этих планах австрийский двор. Австрия не возражала — при условии сохранения прежних границ Галиции[3]. В это время и Англия обещала дать свое согласие на восстановление Польши.

Наряду с действиями на международной арене российская дипломатия принимала также и меры по привлечению собственно польских сил на сторону России. Князю Юзефу Понятовскому, который возглавлял польские военные формирования и пользовался большим авторитетом в польском обществе, конфиденциально сообщили о предполагавшемся восстановлении Польши под скипетром русского императора. Чарторыский рассчитывал, что Понятовский поддержит эту идею, станет во главе прорусского движения и сможет «придать ему национальный характер»[4].

Подписанный в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. мирный договор между Россией и Францией определял и судьбу части польских земель.

[1] Там же. С. 322.
[2] Там же. С. 353.
[3] Там же. С. 355.
[4] Там же.

Переговоры по заключению мира между двумя императорами, равно склонными к театральности, проходили на фоне естественных декораций. По берегам Немана располагались русские, французские и прусские войска. Встреча российского императора Александра I и Наполеона, «императора французов», как тогда его именовали в России, стал плот. Условиями Тильзитского мира предусматривалось образование из польских владений Пруссии отдельного Княжества (Герцогства) Варшавского. Оно включалось в наполеоновскую геополитическую систему, и на него распространялось действие Кодекса Наполеона. Французский император отдал вновь образованное Княжество саксонскому королю Фридриху-Августу, который к недавно полученному королевскому титулу присоединил и титул герцога Варшавского. Таким образом, «барьер» между государственно-политическими пространствами империй перестал существовать: Княжество Варшавское становилось аванпостом военных сил французского императора. Однако в это время оба императора стремились избегать взаимного обострения отношений. России необходимо было обезопасить свою западную границу, для чего следовало согласовать с Францией позиции относительно польского вопроса. Россия не хотела восстановления польского государства. Начались переговоры и длительная дипломатическая переписка по подготовке конвенции, которая должна была определить будущую судьбу поляков.

Ни Наполеон, ни его министр иностранных дел Жан-Батист Номпер Шампаньи не выражали прямого согласия на подписание конвенции о Польше. Эта неопределенность вызывала раздражение у российских властей. Однако Александр I считал, что необходимо поддерживать с Францией дружеские отношения. В письме от 25 августа 1808 г., отправленном матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, по дороге в Эрфурт на встречу с Наполеоном, он откровенно писал: «Надо, чтобы Франция могла думать, что ее политические интересы могут слиться с интересами России». В противном случае, полагал он, она будет видеть в России своего врага, которого надо уничтожить[1].

«Польский вопрос» продолжал оставаться одним из центральных в российской внешней политике. Точка зрения Александра I по польским проблемам была доведена до Наполеона французским послом в Петербурге (1807–1811) Арманом-Огюстом Луи Коленкуром, герцогом Виченцким. В апреле 1809 г., когда шли военные действия между Францией и Австрией, он докладывал, что российский император считает, «если Австрия должна быть разгромлена, она (Россия — *Г. М.*) не потерпит, чтобы Галиция вся или часть ее попала в другие руки, а не в ее, потому

[1] *Николай Михайлович, вел. князь.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1912. СПб., 1905. Т. I. С. XXVI, XXVII.

что, если бы что-нибудь отошло от Галиции к герцогству Варшавскому, то это было бы шагом вперед к реставрации Польши и поэтому совершенно против главных интересов России»[1]. По мнению великого князя Николая Михайловича (Романова), занимавшегося изучением взаимоотношений между Россией и Францией этого периода, поляки при разгроме Австрии могли бы потребовать восстановления Польского королевства. Тогда бы на западных границах России возникла Польша, явно ей враждебная, «покорная послушница Наполеона, на которого и без того возлагались все надежды поляков»[2]. В случае разрыва России с Францией поляки, уже служившие в рядах наполеоновской армии, примкнули бы к Наполеону, «агенты которого и без того наполняли все Варшавское Герцогство и Саксонию»[3].

Пристальное внимание российские власти уделяли настроениям, существовавшим среди поляков в отношении России. Об этих настроениях, и в частности о позиции князя Понятовского, писал в донесении от 24 мая (5 июня) 1809 г. барон А. Ф.Розен, участник войны с Турцией. Возвращаясь в Россию из Австрии через Польшу, он сообщал главнокомандующему Молдавской армией А. А. Прозоровскому: «Во время моего пребывания у князя Понятовского его дежурный генерал фон Фишер неоднократно внушал мне, что Польша очень хотела бы, чтобы император всероссийский принял предложение, сделанное поляками в 1805 г.[4], что они повторяют теперь свое предложение и хотели бы на деле это доказать, как только сам государь прокламацией или другим удобным для него способом провозгласит себя королем Польши; что этот акт не только будет принят и признан с величайшим энтузиазмом, но и что все состоящие до сих пор в иностранных армиях и соединениях присоединятся к русской партии. Для осуществления всего этого достаточно будет даже небольшой помощи со стороны русских войск. По его словам, тогда все поляки стали бы единодушны. Если бы Польша с помощью России возродилась в качестве королевства, пропала бы всякая привязанность к Франции». Далее приводились слова Понятовского, сказанные Розену при отъезде его из Варшавы: «Князь Понятовский сам сказал, что он и все поляки хотят убедить нашего монарха в том, как страстно хотят они вернуть с его помощью своей нации независимое существование и быть объединенными с Россией в качестве государства польского, что это не только возможно, но и необходимо для блага России»[5]. Такое

[1] Там же. С. LVII.

[2] Там же. С. LXVI.

[3] Там же. С. LXVII.

[4] В примечании к опубликованному документу отмечено, что «в архивах такие проекты не обнаружены» (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. (далее — ВПР). М., 1967. Т. V. С. 656.

[5] Там же. С. 63.

объединение стало бы преградой на пути агрессивной Франции, дало бы возможность заключить выгодный мир с Англией и в итоге «Россия превратилась бы в сильнейшую державу на континенте»[1].

Немного позже Александр I получил записку главнокомандующего армией в Галиции С. Ф. Голицына, специально посвященную настроениям поляков. Она являлась приложением к его письму из Люблина от 4 (16) июня 1809 г. «Нет ни единого поляка, — писал Голицын, — который не бредил бы восстановлением отечества своего, что и весьма естественно, ибо кто не пожелает, чтобы земля та, на коей родился, принадлежала одной власти, и предками признаваемой. Польское королевство, разделенное между тремя державами, оставило в недре своем многих из довольно знатных жителей, потерпевших от сего раздела и в рассуждении имений, и также по личным почестям. Многие даже оставили свое отечество и в надежде восстановления оного жертвовали и жертвуют не только последним имуществом, но и жизнью чужой державе, подающей им к тому надежду. Все таковые употребляют разные способы уверять народ в событии пламенного их желания, а от того возникают при малейшем случае мятежи. Чтобы все умы привести в равновесие, чтобы водворить повсюду спокойствие, необходимо нужен им король, но король не из их среды себе избираемый, могущий быть вассалом сильной какой-либо державы, а владетель, по достоянию своему и по влиянию на всю Европу имеющий все способы сделать королевство сие почтенным». Общий вывод автора записки был следующим: «Истинно все благомыслящие поляки жаждут о той минуте, в которую провозглашен будет их королем Александр, император всероссийский»[2]. Голицын считал возможным воссоздание польского королевства, «только под иным видом, не иным чем, как российскою провинциею». По его мнению, российский император, приняв на себя «достоинство короля польского», должен установить на «вечные времена, что российские государи суть рожденные короли польские, имеющие право назначать вместо себя для управления сим королевством наместников, управляющих именем и властью государей всероссийских». Относительно размера территории королевства Голицын полагал, что оно «составилось бы из всей прежде бывшей Польши, исключая Белоруссию и отошедшее к составлению Киевской и Подольской губерний»[3].

15 (27) июня 1809 г. министр иностранных дел Н. П. Румянцев в своем послании под грифом «секретнейше» сообщил С. Ф. Голицыну: «Государь император с благоволением изволил принять изложение мыслей вашего сиятельства по предмету восстановления бывшего Королевства Польского и присоединения оного на вечные времена к Российской им-

[1] Там же.
[2] Там же. С. 76–77.
[3] Там же. С.77.

перии». Далее он передавал соображения императора по «польскому вопросу», сделанные «в полной откровенности». В отношении территории будущего польского государства явное сомнение вызывала возможность воссоздания его в границах, существовавших до разделов: «С восстановлением королевства Польского в первобытном его состоянии не должны ли отойти от России разные области, прежде сего Польше принадлежавшие?» Объединение с поляками, считал император, было бы чревато конфликтами в будущем. Излагая позицию Александра I, Румянцев выражал сомнение: «Можно ли положиться на постоянство польской нации, и под самым видом пылкого их желания соединиться ныне под скипетром его величества не кроется ли больше умысла, чтобы тем удобнее возвратить ту часть Польши, которая России досталася, и потом вовсе отмежиться от нас?» В качестве примеров, «сколь слаба и ненадежна связь между соединенными под одною властию, но под разными именами и на особых правах государствами», он приводил Венгрию и Ирландию. Румянцев не считал правильным выбор такого пути для России, полагая, что со временем польские провинции, присоединенные к России, сделались бы «совершенно русскими», «особливо же когда минет то поколение, в глазах коего совершилися последние происшествия и еще мечтается блеск престола самодержавного»[1].

Вопрос о Польше российскими правящими кругами рассматривался широко, в международном масштабе. Канцлер Н. П. Румянцев в своем послании высказывал мнение, что, наряду с проблемами, которые возникнут в российско-польских отношениях при восстановлении Польского королевства, «присоединение оного к Российской империи» будет иметь негативные последствия для всей сложившейся расстановки сил в Европе, поскольку в этом случае «связь между державами, по разделу Польши естественно [за]интересованными друг друга поддерживать, тогда совершенно рушится». В итоге общий вывод был таков: император желает видеть Польшу «в настоящем ее положении и присоединения Польши в прежнем составе ее не изволит признавать полезным для империи», тем более что восстановление Польского королевства могло бы грозить отторжением от Российской империи «края Белорусского и участков, отошедших к составлению Киевской и Подольской губернии». Это были общие политические соображения стратегического характера. В то же время в послании Румянцева содержались конкретные инструктивные указания тактического плана. Изложены они были достаточно витиевато, в целом смысл их заключался в том, что действия, предпринимаемые российской стороной, ни в коем случае не должны были оттолкнуть ориентировавшиеся на Россию польские круги. «Его императорское величество, — отмечалось в нем, — приемля в уважение, с

[1] Там же. С. 85, 86.

одной стороны, представление вашего сиятельства, что, льстя надеждам поляков о восстановлении их отечества к общему их желанию быть под скипетром его величества, можно удержать их в спокойствии и восстановить между ими тишину и повиновение, а с другой, чтоб в противном случае и преуспев, может быть, в продолжение нынешней войны оказать важную услугу Франции, они обратятся к императору Наполеону с домогательством о составлении особого царства из Герцогства Варшавского и княжеств Галицейских, что нам весьма невыгодно, государь император соизволяет, чтобы ваше сиятельство, удостоверяясь в полной мере, что магнаты варшавские и галицейские прямое и твердое имеют желание поступить под скипетр его императорского величества, употребили между ними под рукою (скрытно. — *Г. М.)* и в виде собственного побуждения Вашего внушения, что ежели они действительно намерены, составя из Герцогства Варшавского и княжеств Галиции особое царство, под именем королевства Польского, вверить скипетр оного на вечные времена государю императору и его преемникам, то Вы почти уверены, что таковой подвиг их и предложение о том не останутся безуспешны и что Вы, с Вашей стороны, приемлете на себя быть в сем деле ревностным ходатаем, обещая донести о таковом их желании государю императору со испрошением всемилостивейшего соизволения, чтоб им было позволено отправить к высочайшему двору на тот конец депутацию»[1].

В послании от 5 (17) сентября 1809 г. С. Ф. Голицын еще раз возвращался к польским делам. На этот раз он писал прямо императору: «...Мыслил я, что доколь бывшая Польша останется в настоящем положении, все будет камнем преткновения и яблоком раздора. Враги наши употреблять будут воспаленное воображение поляков в свою пользу, и Россия вечно с сей стороны не будет обеспечена». Он вновь предлагал решение «польского вопроса», отличавшееся от мнения императора: «Одно только представляется уму моему, то есть, чтобы остатки Польши присоединить на вечные времена к Российской державе». «[Вы] соизволили, — обращался Голицын к Александру I, — изъявить некоторым образом согласие на восстановление Польского королевства под скипетром вашего императорского величества, из обеих Галиций и Герцогства Варшавского состоять имеющего, лишь бы изъявили они на то собственное согласие». В результате усилий, предпринятых им для выяснения общественного мнения поляков по этому вопросу, Голицын пришел к выводу, что «ныне не токмо все благомыслящие обыватели того желают, но и войско готово дать в верности вашему величеству присягу, коль скоро соизволите принять на себя достоинство польского короля. Сие мне известно от многих высших чиновников варшавской армии». Голицын настоятельно советовал императору не упустить подходящий,

[1] Там же. С. 86.

по его мнению, момент: «Если в план вашего императорского величества входит корона польская, то настоящая эпоха самая к тому способнейшая. Надобно пользоваться временем и общественным мнением». Он считал, что Наполеон должен на это согласиться, «ежели союз с Россией расторгнуть не пожелает». Должна была согласиться на такие действия России и Австрия, так как императору австрийскому, если придется «лишиться обеих Галиций, гораздо приятнее видеть их во владении вашего величества, нежели отдать в удел кому-либо из дома императора Наполеона»[1].

Во время переговоров между Францией и Австрией об условиях заключения мира в конце августа 1809 г. в Вену прибыл флигель-адъютант полковник А.И. Чернышев. Через него Александр I передал послание Наполеону. В нем, в частности, российский император напоминал «об интересах России относительно вопроса о "бывшей Польше", о которых он говорил еще в Тильзите и Эрфурте»[2].

Примерно в это же время посол Коленкур писал в Париж о настроениях русского общества в Петербурге: «Беспокойство и брожение умов достигло здесь высшей степени [...], всякий говорит со мною и даже атакует меня по польскому вопросу». Общее мнение таково, передавал он, «что надо всем пожертвовать, только не допускать присоединения Галиции к Великому Герцогству, это даже повторяется постоянно императором и графом Румянцевым»[3].

2 (14) октября 1809 г. был подписан Венский мирный договор между Францией и Австрией, по которому Австрия утрачивала значительные территории, с населением 3,5 млн. человек, в том числе королю Саксонскому как герцогу Варшавскому отходила часть Галиции с 1,5 миллионами, а к России — с 400 тыс. человек. Таким образом, настойчивые пожелания России, чтобы результаты войны не привели бы к усилению Княжества Варшавского, были проигнорированы.

Наполеон поспешил заверить российское правительство в сохранении дружественных отношений и поручил министру иностранных дел Шампаньи написать Румянцеву, что позиция, занимаемая Францией по польскому вопросу, не противоречит интересам России. Мнение Наполеона было сформулировано в послании от 20 октября 1809 г., направленном из Вены, где тогда находился Шампаньи, канцлеру Румянцеву. Французский министр писал: «Император не только не желает вызвать мысль о восстановлении Польши, которая так далека от его видов, но он готов содействовать императору Александру во всех тех мерах, которые могли бы истребить навсегда воспоминания о ней в ее прежнем населении. Его величество соглашается на то, чтобы слова: *Польша* и *поляк*

[1] Там же. С. 224, 225.

[2] *Николай Михайлович, вел. князь.* Указ. соч. Т. I. С. LXXIX.

[3] Там же. С. XCII–XCIII.

не только бы исчезли из всех политических договоров, но даже *из истории*» (выделено в тексте документа. — *Г. М.*)[1]. Далее заявлялось: «Император Наполеон готов всеми средствами содействовать всякой мере, которая бы обеспечивала спокойствие и покорность старых поляков, и он полагает, что им же может принести пользу, избавив их от новых несчастий, подчиняя их более и более мудрому и отеческому правительству императора Александра, своего союзника и друга»[2].

Россия полагала, что соображения Наполеона по польским делам не должны оставаться тайной для поляков, и канцлер Н. П. Румянцев сам показал письмо Шампаньи полякам — русским подданным. Чарторыский в разговоре с Александром I признавался, что читал это письмо с грустью. При этом он упрекал российского императора в уклонении от прежних намерений в отношении Польши, от его уверений, что восстановление Польши будет выгодно для России, если «обе короны соединятся» на его голове. Александр объяснял свои дипломатические шаги невозможностью действовать в прежнем русле[3].

Российский посол в Париже А. Б. Куракин был чрезвычайно обеспокоен тем, как развивались события. Он писал Александру I в донесении от 21 октября (2 ноября) 1809 г.: «Герцогство Варшавское, чья мощь и военные силы столь значительно возросли в результате присоединения части обеих Галиций, представляет для нас другую (чем иллирийские провинции. — *Г. М.)*, несравненно большую опасность, являясь еще одной точкой соприкосновения [...], ибо оно ставит нас лицом к лицу с Францией». Княжество Варшавское, продолжал посол, «это ядро, вокруг которого готовится объединение всех частей бывшей Польши». Оно «сеет семена недовольства и мятежа во владениях Вашей империи, бывших некогда польскими и ожидающих лишь сигнала Франции, чтобы взбунтоваться»[4]. Дипломат акцентировал внимание императора на опасном для России усилении на ее границах Княжества Варшавского: «Герцогство Варшавское, после присоединения Новой Галиции и территории вокруг Кракова, а также округа Замостья, входящего в Старую Галицию, и вследствие совместного с Австрией использования соляных копей Велички, становится крупной державой второго ранга с населением около 5 млн.» Оно намерено «держать постоянно под ружьем 80 тыс.

[1] Цит. по: *Попов А. Н.* Вопрос польский. 1806–1809 // Русская старина. 1893. Т. 78, май. С. 346; полностью опубликовано в серии: ВПР. Т. V. С. 680.

[2] *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 346.

[3] А. Н. Попов объяснял изменение позиции Александра I по польскому вопросу тем, что «опыт девятилетнего царствования» доказал ему невозможность реализации этой «воздушной», романтической мечты. Для этого было «недостаточно ни его желания, ни средств империи к осуществлению этой мысли без согласия Пруссии и Австрии и без содействия Наполеона, и особенно — без сочувствия самих поляков» (*Попов А. Н.* С. 348).

[4] ВПР. Т. V. С. 263, 264.

отборных войск, уже имеющих боевой опыт, обученных французскими генералами и унтер-офицерами» и благодаря Франции снабженных необходимым вооружением[1]. Посол подчеркивал негативные результаты Венского договора для России: теперь Франция будет оказывать «полное и неоспоримое влияние» на весь континент. Куракин полагал, что одной из внешнеполитических целей Наполеона станет задача направить против России Швецию, для чего той будет обещано возвращение Финляндии[2]. Он считал, что Петербургу необходимо немедленно отреагировать на сложившуюся ситуацию: следует «уже сейчас расположить вдоль наших границ от Балтийского до Черного моря армию по меньшей мере в 200 тыс. человек, способную сдержать, подавить смуту, которую стараются посеять в наших провинциях, бывших ранее польскими». Однако при этом не должно быть нанесено «ни малейшего ущерба» союзу России с Францией[3].

Весьма чувствительным для российского правительства был вопрос о так называемых смешанных подданных, поскольку они «безнаказанно могли вредить России, имея постоянный доступ в ее владения и разнося повсюду волнения или вступая в службу герцогства Варшавского»[4]. Об этом А. Б. Куракин писал в своем донесении графу Румянцеву от 21 октября (2 ноября) 1809 г, считая необходимым обратить внимание канцлера «на ревность, с которою поляки — владельцы имуществ, находящихся в областях, принадлежащих нашему правительству, и потому его подданные, стремятся вступать на службу герцогства Варшавского». Среди них он называл князя Доминика Радзивилла, почти все имения которого находились в пределах России и который прибыл в Варшаву с целью «составить целый полк конницы», князя Сапегу, графа Влодзимежа Потоцкого. Он убеждал канцлера обратиться к Александру I и «испросить повеление», которое «могло бы положить конец этому злу»[5]. Мнение Куракина не было единичным в русском обществе, например, его также разделял Румянцев. 24 августа 1809 г. Александр I дал указ Сенату относительно жителей пограничных губерний. Об этом указе еще не было известно Куракину, когда он писал канцлеру — вообще несовершенство средств коммуникации, т. е. почтовой связи и курьерской службы в тот период, и как следствие — несвоевременное, со значительным опозданием, получение важной информации существенно осложняло ведение дипломатических дел. Особенно это ощущалось в тех случаях, когда дело касалось уточнения позиций и согласования детальных формулировок международных соглашений.

[1] Там же. С. 265.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 354.
[5] ВПР. Т. V. С. 263–264.

В указе Александра I от 24 августа 1809 г. о жителях пограничных губерний заявлялось, что, как ему стало известно, «некоторые из поселян и обывателей пограничных губерний [...] отлучаются без ведома начальства их и за границу, предаваясь в своей простоте ложным и неосновательным слухам». Нарушителей порядка приказывалось «ловить» и пойманных «годных» — отдавать в солдаты, а «негодных» — в крепостные работы. Однако основной целью указа была статья о дворянах: «Если бы паче чаяния и из дворян и помещиков кто-либо был обличен в таковом преступлении, или же в попущении, подговоре, а паче в доставлении каких-либо способов к вооружению, каковых имения немедленно конфисковать, а самих их предавать суду по всей строгости законов»[1].

Отношения России с Францией продолжали осложняться: 26 октября 1809 г. в Вене Франция и Австрия подписали военную конвенцию, в которой войска саксонского короля назывались «польскими войсками» и говорилось о «польской армии». В газетах появились статьи, поддерживавшие надежды поляков на восстановление Польши, разнеслась весть, что дочь саксонского короля выходит замуж за Понятовского, которому, вероятно, предназначается польская корона[2].

В конце 1809 г. Александр I возобновил беседы с А. Чарторыским о польских делах. В одной из них Чарторыский упрекнул императора в нарушении прав польского дворянства, сказав, что «все русские дворяне имеют право вступать в иностранную службу и не подвергаются конфискации имущества». На это Александр ответил, что «бывают обстоятельства, когда безопасность государства вынуждает к исключению из правил». Некоторое время спустя это положение было отменено[3]. В разговоре с императором, состоявшемся в конце декабря, Чарторыский вновь вернулся к старому плану — «дать конституцию и самостоятельное существование» Королевству Польскому, а российскому императору принять на себя титул короля польского[4].

После неоднократных обращений российского правительства к Франции относительно заключения конвенции о Польше и продолжительной переписки между дворами, Шампаньи сообщил русскому послу в Париже Куракину, что Коленкур, французский представитель в России, получил, наконец, полномочия заключить конвенцию. Она должна была базироваться на следующих условиях: в конвенции следует выразить мысль, что Польша не будет восстановлена и что Княжество Варшавское не увеличится территориально; раздел Польши будет признан как «оконченное дело», в том виде, в каком находится теперь, после Венского мира. Должно быть оговорено, что будет уничтожено само имя Поль-

[1] Указ от 24 августа 1809 г. Цит. по: *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 257.
[2] *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 349.
[3] Там же. С. 358.
[4] Мемуары Чарторижского. М., 1913. Т. 2. С. 204.

ши и поляков, что Княжество Варшавское никогда не получит независимого существования, оно будет одной из областей Саксонии, что будут уничтожены польские ордена и что поляки, русские подданные, не могут вступать в службу в Княжестве Варшавском — и соответственно наоборот.

Как только Коленкур получил из Парижа полномочия, он немедленно подписал проект конвенции, с российской стороны она была подписана Н. П. Румянцевым. Это произошло 4 января 1810 г.[1] Однако подпись французского посла не решала вопроса окончательно — необходимо было утверждение документа Наполеоном. Преамбула конвенции, в частности, гласила: «Их императорские величества сочли необходимым дружески договориться о том, чтобы впредь устранить единственный предмет беспокойств, который может повредить их союзу, положив конец опасным заблуждениям и химерическим надеждам поляков на восстановление бывшего Польского королевства, в полной уверенности, что тем самым они принесут пользу самому этому народу, обеспечив его спокойствие и подданство тем державам, которым они принадлежат». Первая статья конвенции была краткой и в высшей степени определенной: «Королевство Польское никогда не будет восстановлено». Затем говорилось об исключении из употребления наименований «Польша» и «поляки», об уничтожении польских орденов, о том, что в будущем территория Княжества Варшавского не будет увеличена. Отдельная статья посвящалась отмене смешанного подданства для жителей России и Княжества Варшавского. Французский император обязывался привлечь к заключаемой конвенции саксонского короля и обеспечить ее исполнение на деле. Конвенция подлежала ратификации, обмен грамотами должен был состояться в течение 50 дней.

Ратификация конвенции французской стороной стала затягиваться. По-видимому, в значительной степени открытой переориентации Наполеона от союза с Россией на союз с Австрией способствовали обстоятельства, связанные с его женитьбой: неудачное сватовство к сестре Александра I и вслед за этим неожиданно скоро последовавший брак с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой[2]. Во время визита, нанесенного в феврале 1810 г. русскому послу Куракину с объявлением о предстоящем бракосочетании французского императора, Шампаньи упомянул, что Наполеон недоволен некоторыми формулировками конвенции. В частности, это касалось положения, что Королевство Польское не будет восстановлено никогда. Французский кабинет подготовил новый проект конвенции. Изменялась главная статья относительно будущего

[1] *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1905 Т. XIV.; ВПР. Т. V. С. 430–433.

[2] *Николай Михайлович, вел. князь.* Указ. соч. С CXII.

Польши, в которой отсутствовало слово «никогда». Ее формулировка стала более сдержанной и несколько неопределенной: «Император французов обязывается не содействовать никакому предприятию, клонящемуся к восстановлению Польского королевства»[1]. Изменялась и статья 6-я о смешанных подданных: им предлагалось в отводившийся для этого срок остановить свой выбор на одном государстве, подданными которого они будут являться, и продать имущество, находящееся на территории другого государства[2]. Получив новый проект, Александр I собственноручно изложил свои соображения. Прежде всего он возражал против изменения формулировки принципиального вопроса о восстановлении польского государства. Он отмечал, что конвенция именно для того и заключалась, «чтобы в ней положительно было выражено, что Польское королевство никогда не будет восстановлено», и продолжал настаивать на именно такой формулировке. Гарантами этого должны были стать только французский и российский императоры, в то время как саксонский король мог являться лишь исполнителем воли Наполеона, а не равным действующим лицом, считал российский император[3].

16 марта 1810 г. французский министр иностранных дел Шампаньи представил Наполеону записку, озаглавленную «Взгляд на дела континента и сближение России с Великобританией». В ней он высказывал свои соображения по внешнеполитическим задачам, стоявшим перед Францией в связи с напряженной ситуацией, сложившейся в отношениях с Россией. Война с Россией, считал Шампаньи, — неизбежна, но время для этого еще не пришло, французские войска заняты на Пиренейском полуострове. Французский министр полагал, что поскольку Россия по своим торговым и политическим интересам является естественным союзником Англии, то можно ожидать сближения между ними, и это было бы крайне невыгодно для Франции. И потому Франции следует вернуться к своей прежней политике антирусских союзов. Необходимо приложить усилия для затягивания русско-турецкой войны, где задействованы значительные военные силы России, а в будущем обеспечить Франции роль посредника в мирных переговорах, обещая Турции поддерживать ее требования. Следует также укреплять союз со Швецией, настраивая ее против России, однако действовать в данном направлении осторожно, чтобы не вызвать беспокойства России и не подтолкнуть ее к скорейшему сближению с Англией. Шампаньи затрагивал вопрос и о судьбе Княжества Варшавского. Он считал целесообразным восстановление Польши под саксонским скипетром в результате войны с Россией, западная граница которой должна проходить по Днепру. На реализацию

[1] Статья 1 приводится в статье Попова: *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 362.
[2] Там же. С. 363.
[3] Там же. С. 366.

польских планов требовалось согласие Австрии, и чтобы получить его, предполагалось обещать ей Силезию, а также приобретения в Валахии и Сербии. Мнение польских политиков при этом во внимание не принималось. Такой подход обусловливался внешнеполитическими соображениями более крупного масштаба, чем французско-польские отношения. Пруссия должна была быть уничтожена, так как представляла собой форпост русского влияния[1].

В то же время российский император не оставлял усилий по созданию благоприятного впечатления среди поляков относительно позиции России. В апреле 1810 г. Александр I высказал Чарторыскому мысль о возможности объединения под особым управлением восьми бывших польских губерний с целью привлечь шляхту на свою сторону[2]. Между ними обсуждались планы, иногда совершенно далекие от реальности. По свидетельству Чарторыского, Александр I говорил о проекте начать фиктивную войну России против Польши с тем, чтобы создалась ситуация, «по взаимному уговору», при которой польские войска могли бы перейти на сторону России и вместе с ней выступить против Наполеона. Тогда «все желания Польши были бы выполнены»[3].

На свадебные торжества в Париж прибыл Алексей Борисович Куракин, брат русского посла в Париже, министр внутренних дел. Во время приема, данного в честь этого события, между Наполеоном и Куракиным состоялась беседа, однако в ней не затрагивался вопрос о конвенции. В связи с польскими делами Куракин сказал лишь Наполеону, что ему как министру внутренних дел и начальнику полиции известно о событиях в областях, «присоединенных от прежней Польши, во время австрийской войны». Там не только собирались значительные денежные средства для восстановления Польши, которые передавались в Княжество Варшавское, но имело место «просто переселение поляков», подданных российского императора, вступавших в войска княжества[4].

Разговор о конвенции по польским делам зашел между Наполеоном и Алексеем Борисовичем Куракиным позже — в июне 1810 г. На вопрос императора, знает ли он об этой конвенции, Куракин ответил, что Александр I познакомил его с ней перед отъездом из России. И тогда Наполеон в изящной дипломатической манере подтвердил свой отказ от прежней определенной формулировки о невозможности восстановления польского государства. Он произнес: «Могу ли я взять на себя обязательство, что Польша никогда не будет восстановлена. Только божество могло бы дать такое обещание»[5].

---

[1] ВПР. Т. V. С. 392; *Федосова Е. И.* Указ. соч. С. 120,121.
[2] Мемуары Чарторижского. Т. 2. С. 210.
[3] Там же. С. 214.
[4] *Попов А. Н.* Указ. соч. С. 367.
[5] Там же.

Русский посол в Париже А. Б. Куракин имел полномочия исключительно на подписание варианта, предлагаемого российской стороной, но на это не соглашались французы. Сам посол находил изменения, внесенные французской стороной в текст конвенции и категорически отклоняемые Россией, «незначительными». Он считал, что России гораздо выгоднее сделать уступку Франции, нежели дать ей возможность уклониться от подписания соглашения и «возложить вину» за негативный исход переговоров на «упрямство» России[1]. Однако обе стороны проявляли крайнюю неуступчивость. Видя нежелание Франции пойти на подписание российского проекта, Н. П. Румянцев в послании от 7 (19) сентября 1810 г. предписал А. Б. Куракину прекратить всякие демарши по вопросу о конвенции[2]. В итоге конвенция подписана не была, напряжение в отношениях между странами продолжало возрастать, и «вопрос польский из области внешней политики перешел в область внутренней обеих империй»[3].

Политические действия, предпринимавшиеся и Францией, и Россией с конца 1810 г., стали носить открыто недружественный характер. Аннексия Наполеоном в декабре 1810 г. германских княжеств, обвиненных им в нарушении правил континентальной блокады (в их числе оказалось и герцогство Ольденбургское, правитель которого был связан родственными узами с Российским императорским домом), была расценена Александром I и как личное оскорбление, и как пренебрежение его союзническими правами. Но российская сторона также не слишком считалась с интересами Франции: 19 декабря 1810 г. в России был введен новый таможенный тариф, которым, в частности, предусматривалось значительное увеличение пошлин на ввозимые товары, особенно высоки они были на предметы роскоши. Основным поставщиком таких товаров являлась Франция, и российская таможенная политика нанесла ей серьезный ущерб. Кроме того, по представлению государственного секретаря М. М. Сперанского, было принято положение о нейтральной торговле, открывшее путь в Россию английским товарам — под видом товаров нейтральных государств-посредников. Экономические интересы России требовали восстановления торговых отношений с Великобританией. И хотя формально она не посягала на принципы континентальной блокады, ее политика вызвала резкие протесты со стороны французского правительства[4].

Когда стало ясным, что достижение договоренности между Россией и Францией оказалось нереальным и напряженность в отношениях

[1] Там же. С. 371.
[2] ВПР. Т. V. С. 695.
[3] Там же. С. 370.
[4] *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 158, 159.

между ними возросла до угрозы прямого столкновения, обе державы начали еще более пристально следить за ситуацией в Княжестве Варшавском. При этом влияние Франции там неуклонно возрастало, а России — ослабевало.

В такой ситуации Александр I снова обратился к А. Чарторыскому. В пространном послании от 31 января 1811 г. император подробно изложил свои замыслы, которые, скорее, являлись предложениями, относительно Польши. В основном они сводились к следующему:

1. Россия желает взять на себя восстановление Польши;

2. «Под восстановлением я имею в виду, — отмечал император, — соединение всех бывших частей Польши, включая и области, отошедшие к России, кроме Белоруссии, так, чтобы границами Польши являлись: Двина, Березина и Днепр».

3. Администрация, так же как и армия, должны быть чисто национальными, польскими.

4. Будет предложена «конституция либеральная». Александр I просил Чарторыского прислать ему Конституцию 3 мая 1791 г., поскольку он не помнил точно ее положений и «ничего не мог решить, не справившись с ними».

Для того чтобы поляки убедились в искренности намерений России, прежде всего должно быть провозглашено восстановление Польши.

Непременным условием император выдвигал требования: «Царство Польское навсегда присоединится к России. Русский император с этих пор будет называться Императором Российским и Царем Польским». Необходимо также формальное удостоверение, что все жители Княжества Варшавского изъявили соответствующее желание, которое должно быть «гарантировано подписями известных лиц в Польше»[1].

За столь благие намерения российского императора поляки обязаны были выставить 50-тысячный корпус против Наполеона[2].

Александр I подчеркивал, что письмо носит настолько конфиденциальный и секретный характер, что о нем не знает даже канцлер. И действительно, следующая фраза явно не подлежала огласке: «Я решил не начинать войны с Францией, пока я не буду уверен в содействии поляков»[3].

Попытки России привлечь на свою сторону поляков вызывали негативную реакцию со стороны двух других государств, владевших территориями бывшей Речи Посполитой, — Австрии и Пруссии.

Просчитать, каким образом будут складываться дальнейшие события, было трудно. Для этого требовалась достаточная по объему и максимально достоверная информация. Поэтому и Россия, и Франция, по-

[1] Мемуары Чарторижского. Т. 2. С. 251–252.
[2] Там же. С. 210, 256.
[3] Там же. С. 256.

мимо получения сведений по дипломатическим каналам, серьезное место отводили деятельности разведки как военной, так и политической. В 1810–1812 гг. Наполеон придавал особое значение укреплению боеспособности Княжества Варшавского, усилению его армии, налаживанию разведывательной службы, преследуя цель превращения его в плацдарм для нападения на Россию.

Российская сторона с помощью средств военной разведки, политических контактов, а также используя личные связи поляков, находившихся на службе в России, стремилась получить возможно полные и точные сведения о настроениях в Княжестве Варшавском. В феврале 1811 г. Чарторыский, по поручению Александра I, предпринял специальную поездку в княжество с целью выяснения общественных настроений. Результаты ее подтвердили, что свои национальные интересы и свои надежды поляки связывают с Францией, но отнюдь не с Россией[1]. В немалой степени их симпатии к Франции определялись и причинами конфессионального характера. Для польской шляхты было предпочтительнее государство, находившееся в зависимости от католической Франции, т. е. уже существующее Княжество Варшавское, нежели создание какого-либо государственного образования в составе Российской империи[2].

Александр I поддерживал также контакты с другими польскими деятелями, в частности с политической группировкой литовских поляков. В нее входили крупные земельные магнаты Михал Огиньский, Ксаверий Любецкий, Людвик Плятер. Особенную активность проявлял М. Огиньский. В июне 1810 г. он, находившийся тогда в Петербурге, получил приглашение к «обеденному столу» императора, которое являлось высокой честью, и имел с ним продолжительную беседу. Александр I говорил о планах Наполеона относительно поляков, подчеркивая, что тот «будет увлекать их самыми лестными надеждами». Сам Огиньский не разделял надежд своих соотечественников на Наполеона, считая лучшим вариантом для Польши восстановление ее «под покровительственным господством императора Александра»[3].

В апреле 1811 г. император вновь обсуждал политические проблемы с вернувшимся из Парижа М. Огиньским, в частности, вопрос о подготовке Наполеона к войне с Россией и его стремлении опереться на поляков. Александр I предложил Огиньскому представить высказанные им соображения по польским делам в письменном виде. 15 мая 1811 г. Огиньский прочитал царю подготовленную им «Записку о политическом значении Польши в виду России и Франции»[4]. Автор записки считал не-

[1] *Федосова Е. И.* Указ. соч. С.189.

[2] *Орлов А. А.* Указ соч. С. 11.

[3] *Подвысоцкий А.* Граф Михаил Огинский и его отношения к императору Александру Павловичу (1807–1815) // Русский архив. 1874. № 3. Стлб. 641, 642.

[4] Ее текст опубликован: Русский архив. 1874. № 3. Стлб. 647–661.

желательным полное вхождение Польши в состав Российской империи. По его мнению, следовало бы провозгласить Александра I польским королем, и это сразу же расположило к нему поляков Княжества Варшавского. Вопрос о границах будущего королевства откладывался на более позднее время.

На протяжении 1811 г. Огиньский продолжал работать над усовершенствованием своего плана. Он пытался даже оказывать давление на императора, заявляя, что Наполеон может опередить его и объявить себя польским королем. Одновременно он предлагал образовать Великое Княжество Литовское и «сделать из него Польшу»[1]. В западных губерниях России начали распространяться слухи о создании отдельного Литовского княжества, которое станет ядром будущей Польши.

В том же году. Александр I предполагал учредить в С.-Петербурге составленный из «влиятельнейших поляков» комитет для обсуждения польского вопроса. В связи с этим М. М. Сперанский представил императору записку, в которой, в частности, писал: «Граф Огинский изготовил уже список людей примечательных. Сообразив сей список с тем, который доставлен был от Северина Потоцкого, кажется, легко будет сделать хороший выбор. Председателем сего комитета полезно было бы назначить графа Завадовского [...]. Поляки его уважают и любят, а для них было бы сие полезно тем, что преградило бы толки о сем комитете»[2]. С. Потоцкий, как сенатор, входил в III департамент Сената, занимавшийся рассмотрением апелляций по делам бывших «польских» губерний, он являлся также попечителем Харьковского университета, а граф П. А. Завадовский, ранее министр народного просвещения, с 1810 г. возглавлял департамент законов Государственного совета.

Насколько серьезным был подход Александра I к решению польской проблемы, включавший и вариант воссоздания отдельного польского государственного образования, свидетельствует тот факт, что он посчитал актуальным поставить вопрос о подготовке текста польской конституции. Осенью 1811 г. Александр I поручил Густаву Армфельду, занимавшему пост председателя комитета по делам Финляндии, составить конституции для Литвы и Польши. В январе 1812 г. проект был подготовлен. В соответствии с ним Польское королевство должно было иметь «внутреннее устройство», национальную армию и независимую администрацию. Кроме того, Армфельд полагал необходимым проведение социальных реформ[3].

1811 г. был временем взаимных обвинений, подозрений, упреков и даже угроз. Однако нарастание конфронтации сдерживалось тем, что

[1] Там же. Стлб. 677, 678.

[2] Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I отделения собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1877. Вып. 2. С. 216.

[3] *Федосова Е. И.* Указ. соч. С. 189, 190.

обе страны — и Франция, и Россия — еще вели весьма обременительные для них войны, требовавшие как больших материальных затрат, так и людских ресурсов. Франции, прежде чем начинать передислокацию своих войск на восток, необходимо было закончить военные действия в Испании и Португалии, а России — выйти, наконец, из затянувшейся войны с Турцией[1].

В России продолжалась разработка планов предстоящей войны с Францией. Состоялось несколько совещаний, на которых рассматривались возможные варианты ведения войны, в том числе и превентивной. Известия об одном из них дошли до Наполеона. В сентябре Александр I и его советники вновь склонились к решению начать наступательную войну, чему способствовали настойчивые просьбы Пруссии, еще летом 1811 г. колебавшейся между русской и французской ориентацией, о заключении с ней союза. 5 (17) октября между Пруссией и Россией была заключена секретная конвенция о военной взаимопомощи в случае войны с Наполеоном. Однако к весне 1812 г. ситуация изменилась — в феврале Пруссия заключила договор с Францией. В марте был заключен франко-австрийский союзный договор. В случае успешной войны с Россией Наполеон обещал Австрии отдать Волынь, а Пруссии — Прибалтику. Таким образом, сложившаяся расстановка сил в Европе привела к тому, что наступательные военные планы России стали абсолютно нереальными. Правда, в закрытых дипломатических беседах и прусские, и австрийские представители говорили о том, что, если начнется война, то вред, который будут причинять их войска России, при крайней необходимости, будет минимальным[2].

Наполеон продолжал усиливать свои позиции в Княжестве Варшавском. Весной 1812 г. он решил направить в Варшаву своего нового посланника — аббата Доминика Прадта. В инструкции, данной ему, ставились чисто военные задачи: в частности, ему предписывалось в случае необходимости организовать в Княжестве повстанческое движение против России, привлекая к участию в нем и подданных провинций, вошедших в состав Российской империи[3]. Прадт прибыл в Варшаву 5 июня.

В конце мая 1812 г. министр финансов Княжества Варшавского Тадеуш Матушевич, поддерживавший личные контакты с французским императором, во время встречи в Познани, предложил Наполеону обратиться к полякам с призывом подняться на борьбу против России, однако император хотел, чтобы внешне инициатива принадлежала са-

[1] Подробнее см.: *Попов А. Н.* Сношения России с европейскими державами пред Отечественною войною 1812 года // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1875 (январь, февраль, апрель).

[2] *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г. // 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 33, 39, 40.

[3] *Федосова Е. И.* Указ соч. С. 143.

мим полякам[1]. Одновременно было достигнуто соглашение о создании Генеральной конфедерации Королевства Польского, что должно было способствовать вовлечению в антироссийское движение большего числа поляков, включая и российских подданных. Вернувшись в Варшаву, Матушевич занялся подготовкой созыва чрезвычайного сейма для провозглашения Генеральной конфедерации[2]. 12 (24) июня 1812 г. наполеоновская армия перешла Неман, и началась война с Россией. Через два дня в Варшаве был созван сейм и провозглашено создание Королевства Польского. Польским королем стал саксонский король Август, имевший и титул герцога Варшавского. Матушевичу было поручено подготовить акт о создании конфедерации.

Главой конфедерации был избран Адам Казимеж Чарторыский, в 1764 г. возглавлявший польский сейм и олицетворявший собой воплощение надежд поляков на независимое существование. Восторгам жителей Варшавы не было предела. Повсюду раздавались голоса в поддержку нового государства: «Да здравствует Польша!», «Да здравствует король!», «Да здравствует император!» Автор сообщения, помещенного в срочно изданном «Дневнике сейма», писал о настроениях поляков: «Счастлив тот, кто пережил дни смуты и неволи, дождался возрождения Королевства Польского»[3].

Инициатива сейма немедленно была поддержана на местах. Там также стали создаваться конфедерации, направлявшие в Варшаву своих представителей и присоединявшиеся к Генеральной конфедерации. Они приветствовали ее решения.

Как в российской, так и в польской историографии общепринятой является точка зрения, что акция провозглашения Королевства Польского была инспирирована Наполеоном, преследовавшим цель сильнее привязать к себе поляков в связи с войной против России[4]. Эта «инспирация» легла на благодатную почву — польское общество было готово приветствовать такой ход событий. Провозглашение Королевства Польского не оказалось делом лишь части правящих и политически значимых слоев общества. Оно с энтузиазмом было принято не только депутатами сейма, но и населением Варшавы, а затем всего Княжества. Об этом свидетельствовали длинные списки присоединившихся к Генеральной конфедерации поляков, которые публиковались в выпусках ее «Дневника». Создание Королевства Польского поддержали также и поляки в провинциях, входивших в состав Российской империи, прежде всего в Литве.

Провозглашение в 1812 г. Королевства Польского стало возможным благодаря сложившейся международной ситуации, которая оказалась

[1] Historia dyplomacji polskiej. T. III. 1795–1918. Warszawa, 1982. S. 108.
[2] *Федосова Е. И.* Указ. соч. С. 145.
[3] Diariusz Sejmowy [№ 1]. Warszawa, 1812. S. 36.
[4] См., например: История Польши. М., 1956. С. 489–490.

благоприятной для Польши. Противостояние между Россией и Францией, их соперничество в достижении политически доминирующего положения в Княжестве Варшавском, в стремлении привлечь поляков на свою сторону, дипломатично завуалированное постоянными взаимными заверениями в искреннем дружеском расположении, привели к затяжным переговорам о заключении конвенции по польскому вопросу. Нежелание идти на компромисс по вопросу о заключении конвенции, притом, что и Франция, и Россия держали «про запас» козырную карту — восстановление Королевства Польского, — обеспечивавшую, казалось бы, выигрышный дипломатический ход, и как следствие — политическое и военное усиление позиций в княжестве, привело в конечном итоге к срыву переговоров и открытому обострению отношений между ними. Начиная войну с Россией, Наполеон в результате проводимой им политики в отношении Княжества Варшавского сумел усилить свои позиции как территориально, так и в плане расширения военных ресурсов для своей армии, создав плацдарм, максимально приближенный к границам России. Сыграла свою роль и позиция польской шляхты, которая, особенно после создания Княжества Варшавского, все более ориентировалась на Францию. Испытывая глубокую неприязнь к России, она продолжала надеяться на восстановление Королевства Польского и возвращение польских земель в границах до разделов 1772 г., рассчитывая сделать это при поддержке Наполеона.

Провозглашение в 1812 г. Королевства Польского оказало серьезное влияние на будущую расстановку сил на европейской арене. Оно несомненно явилось одним из факторов, в значительной степени предопределивших принятое Венским конгрессом в 1815 г. решение относительно судьбы польского государства. Александр I не мог предложить полякам меньше, чем сделал для них Наполеон. Восстановление Королевства Польского было провозглашено, оно вошло в состав Российской империи на правах автономного образования.

Г. Маринелли-Кёниг

ВЕНА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА И УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ: ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Одной из самых примечательных фигур на литературной сцене Вены в предмартовский период (т. е. до революции 1848 г.) был рожденный в Чехии еврей — врач, писатель и издатель газеты — Людвиг Август Франкль (1810–1894). Уже после его смерти, в 1910 г. в Праге, в серии «Библиотека немецких писателей — выходцев из Чехии» появился том

его «Воспоминаний»[1]. Франкль приехал в Вену в 1829 г. чтобы изучать медицину. В своих мемуарах он описывает настроения, царившие в столице во время ноябрьского 1830 г. восстания поляков. В образованных кругах оно вызвало живейшее сочувствие. Зато в литературных журналах не прозвучало никаких откликов на событие. Большинство венцев пребывало в неведении относительно происходящего. Образованные читатели черпали информацию из газеты «Аугсбургер альгемайне цайтунг». В трактирах, кафе и винных погребах говорить о европейской трагедии вслух было небезопасно, ведь полиция держала ухо востро, обращая особое внимание на столы, за которыми собирались выходцы из Галиции, прежде всего студенты. Не менее опасно было доверять свои мысли бумаге, ибо нарушение тайны переписки дозволялось официально.

В те дни в пригороде Вены жил один студент-медик, который лишь самым близким друзьям поведал, что тоже сочинил стихотворение. К кругу его друзей принадлежал поляк Миколай Болоз Антоневич (ум. 1885), страстный патриот, который, как только началась революция, вместе со своими многочисленными единомышленниками решил бороться за свободу Польши. Молодой медик и втайне поэт, не знавший польского языка, по прозаическому подстрочнику мастерски перевел пламенное стихотворение этого друга-поляка («Прощание с Галицией») на немецкий язык. Текст подстрочника сделал Николаус Ленау (1802–1850) — автор четырех польских песен[2]. Они идеалистически выражали потаенные настроения восторженного юношества. Об этих «боевых песнях» знали только три друга поэта; прознай об этом полиция, их упекли бы в сырой подземный каземат тюрьмы Шпильберг в Брюнне (совр. Брно в Чехии), откуда лишь пару лет назад, больным и немощным, вышел итальянский поэт Сильвио Пеллико (1783–1854). Кроме Ленау из австрийских поэтов посвятил Польше стихотворение только Анастазиус Грюн[3], но оно появилось лишь 29 ноября 1844 г. («Праздник Нового года»). Франкль рассказывает, что он тоже сочинил стихотворение на польский сюжет под названием «Ян Собеский» и даже прочитал его в одном частном доме. Хозяин взял с него слово, что поэт уничтожит свое творение. Как начинающий поэт, Франкль, конечно же, этого не сделал, и прочел его своим друзьям. Один из них записал поэтические строки по памяти, и эти стихи начали передавать из рук в руки. К счастью, никто не выдал имени автора. Франкль пережил немало тревожных минут и даже подумывал о том, чтобы скрыться бегством, но на это у него не было денег.

---

[1] *Frankl L. A.* Erinnerungen / Hrsg. von S. Hock. Prag, 1910. S. 91–93.

[2] «Прощание с Галицией» (польское название: «Pożegnanie») (1832); «В трактире» (1831); «Бал-маскарад» (1832); «Польский изгнанник» (1833).

[3] Анастазиус Грюн — псевдоним известнейшего поэта своего времени графа Антона Александра Ауэрсперга (1806–1876).

Имя уроженца Чехии Людвига Августа Франкля фон Гогенварта в австрийской истории литературы предано забвению. О нем вспоминают только в связи с революцией 1848 г. как об авторе первого не подвергнутого цензуре стихотворения «Университет»[1]. Поскольку Николаус Ленау считается одним из самых значительных поэтов первой половины XIX в., творчество которого по-прежнему изучается литературоведами[2], имя забытого польского поэта Миколая Болоза Антоневича по сей день упоминается в связи с Ленау. Статья об Антоневиче включена в «Польский биографический лексикон»[3]. Однако в «Биографическом лексиконе Австрийской империи» Констана Вурцбаха — монументальном 60-томном труде (завершен в 1890 г.), охватывающем все культуры Габсбургской монархии и до сих пор считающемся одним из важнейших справочных изданий[4], — имя Антоневича отсутствует.

Автора впечатляющего биографического компендиума многое связывало с Галицией. Констан Вурцбах родился в 1818 г. в Лайбахе (совр. Любляна в Словении), в 1837 г., после четырех семестров на юридическом факультете Грацского университета, он записался в 30-й галицийский пехотный полк под командованием графа Нугента. Однако вскоре он предпочел выйти в отставку и продолжить учебу. В 1843 г. Вурцбах получил степень доктора философии в Лембергском (Львовском) университете[5] и стал скриптором, т. е. научным сотрудником в университетской библиотеке. В свободное от служебных обязанностей время он сочинял прозу и делал переводы с польского и даже украинского, которые затем публиковал в венской периодической печати под псевдонимом В. Констан. Его перу, помимо прочего, принадлежат переводы стихов великого

[1] Франкль принадлежал к наиболее влиятельным фигурам своей эпохи. После 1848 г. он занимал должность директора Венского музыкального общества и президента Венского израэлитского культурного альянса. Из новейших исследований см.: *Zintzen Ch.* Ludwig August Frankl: Revolutionär, Reisender und Kulturfunktionär // Bewegung im Reich der Immobilität. Revolutionen in der Habsburgermonarchie 1848–1849. Literarisch-publizistische Auseinandersetzungen / Hrsg. von H. Lengauer, P.H. Kucher. Wien; Köln; Weimar, 2001. S. 362–389.

[2] Ср., например: хронологическую таблицу в однотомном издании избранных сочинений Ленау. Там под 1829 г. (в тот год умерла мать Ленау) упоминается дружба поэта Каролем Болозом Антоневичем. Об этой дружбе также говорится в первой подробной биографии Ленау. См.: *Ritter M.* Zeit des Herbstes. Wien, 2002.

[3] Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1935. T. I. S. 139–140.

[4] *Wurzbach C. von.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben. Wien, 1856–1890. 60 Bde.; см. также: Das Österreichische biographische Lexikon (далее — ÖBL). Wien, 1957–2005. 12 Bde.

[5] *Lebensaft E., Reitterer H.* Wurzbach-Aspekte // Wiener Geschichtsblätter. 1992. Bd. 47. Heft 4.

польского поэта-романтика Адама Мицкевича (1798–1855) и сборник русинских пословиц[1]. В 1846 г. в Лемберге было опубликовано исследование Вурцбаха «О народных песнях поляков и русинов»[2].

В «Лексиконе» Вурцбаха встречается один только Кароль Болоз Антоневич (1807–1852), скорее всего, брат вышеназванного поэта[3]. Он тоже родился в Лемберге, изучал право в местном университете и принял участие в ноябрьском восстании 1830 г. Род Антоневичей был армянского происхождения. В столичной «Винер Театерцайтунг» было опубликовано его стихотворение «К Кассандре», датированное «Яссы, 11 ноября 1827 г.»[4] В 1830 г. в «Театерцайтунг» сообщалось о выходе в свет поэтического цикла «Прогулка в Карпатах» (1828) — книги, отпечатанной в венской типографии, принадлежавшей армянской церковной конгрегации мхитаристов (названной по имени святого Мхитара Севастийского)[5].

Создается впечатление, что в истории польской литературы забыты оба брата, и Миколай, и Кароль Антоневич. Зато много внимания уделяется так называемой украинской школе (Szkoła ukraińska)[6]. К ней причисляется, например, Антоний Мальчевский (1793–1826), кото-

[1] *W. C.t.* Ruthenische Sprichwörter // Allgemeine Theaterzeitung. 1847.23.X. N. 254. S. 1014.

[2] См., например: *Constant W.* Elegie (nach Mickiewicz) // Der Humorist. 1847.6.V. № 108. S. 430; *Idem.* Frage. Nach Mickiewicz // Der Humorist. 1847.13.VII. № 166. S. 662; Idem. Über die Volkslieder der Polen und Ruthenen // Oesterreichische Blättern für Literatur und Kunst. 1848. № 148–154. Последнее, согласно примечанию, служило введением к его работе, опубликованной тоже в Лемберге в 1846 г. В одной из газетных заметок о выходе в свет в 1846 г. в Лейпциге двухтомного романа Юзефа Игнация Крашевского (1812–1887) «Поэт и мир» В. Констан назван переводчиком. См.: Österreichische Blätter für Literatur und Kunst. 1846.15.VIII. № 98. S. 765.

[3] Это предположение высказано в биографии Николауса Нимбша фон Штеленау (подлинное имя Николауса Ленау), см.: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon. Wien, 1869. Bd. 20. S. 326.

[4] См.: Allgemeine Theaterzeitung. 8.I.1828. № 4. S. 5.

[5] См.: Literaturblatt zur Allgemeinen Theaterzeitung. № 2 (февраль 1830 г.). S. 7. Ср. также: *Wytrzens G.* Die slavischen und Slavica betreffenden Drucke der Wiener Mechitharisten. Ein Beitrag zur Wiener Druck-und zur österreichischen Kulturgeschichte. Wien, 1985. S. 264. В дальнейшем судьба Кароля Болоза Антоневича сложилась трагически: после смерти пятерых детей и жены он вступил в орден иезуитов, стал знаменит как проповедник и миссионер, после роспуска ордена в Галиции в 1848 г. Антоневич переехал в Шлезию, где в 1852 г. умер в Познаньском крае от холеры. Примечательно (об этом упоминается в «Биографическом лексиконе» К. Вурцбаха), что одна из сестер Антоневича вышла замуж за штатгальтера провинции Нижняя Австрия Эммингера, другая — была вдовой бывшего губернатора Галиции графа Венцеля Залесского. Ср.: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon. Wien, 1856. Bd. 1. S. 48.

[6] К «украинской школе» помимо Мальчевского принадлежали также Юзеф Богдан Залеский (1802–1886) и Северын Гощиньский (1801–1876). Ср.: *Miłosz Cz.* Historia literatury polskiej do roku 1939. Kraków, 1993. S. 290.

рый в венской прессе назывался не иначе, как «один из лучших поэтов Украины»[1]. Наибольшую известность не только в Польше, но и во Франции и Англии ему принесла эпическая поэма «Мария» («Marya. Powieść ukraińska», 1825). В свое время трудно было найти украинца, который не смог бы с любого места процитировать по памяти строки этого эпоса. К «украинской школе» принадлежал также Юзеф Богдан Залеский, чей «Плач, подражание украинской народной песне» появился в 1828 г. на страницах журнала «Архив фюр гешихте, штатистик, литератур унд кунст»[2]. Двумя годами ранее, в 1826 г., в «Альгемайне театерцайтунг» написали, что польский этнограф Вацлав Залеский (1799–1849) по совету Карла Йозефа Хютнера занялся сбором, обработкой, переводами галицийских народных песен[3]. В результате в 1833 г. свет увидела книга «Польские и русинские песни галицийского народа» («Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego»). Сам К. Й. Хютнер (1793–1822) пользовался расположением знаменитого историка графа Юзефа Максимилиана Оссолиньского (1748–1826) и в 1818 г., в возрасте 25 лет получил кафедру статистики в Лембергском университете. Он также был редактором «Лембергер цайтунг». Жизнь Хютнера оборвалась в 29 лет[4].

В венской типографии армянского ордена мхитаристов были напечатаны многочисленные книги на славянских языках. С культурно-исторической точки зрения наибольшее значение приобрел альманах «Венок русинам на праздник урожая» («Věnok rusinam na obžinki uplěv», 1846–1847)[5], издававшийся Иваном Головацким (1814–1899). В одной

[1] *J. M-r.* Malczewski // Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode. 1843. № 179. S. 1429. Цит. по: *Marinelli-König G.* Polen und Ruthenen in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme der Beiträge über Galizien, die Bukowina und das polnische Geistesleben insgesamt. Wien, 1992. S. 23.

[2] Klaggesang nach einem ukrainischen Volksliede: Powity witre buyny myty, pohlnisch von Joseph Bohdan Zalesky. Originalversmaß verdeutscht. Von Lhotsky // Archiv für Geschichte, Statistik. Literatur und Kunst («Hormayr-Archiv»). 1828.6.X. № 120. S. 635.

[3] См.: Wissenschaftliche Nachrichten aus Galizien // Allgemeine Theaterzeitung. 1826.7.II. № 16. S. 64. В 1837 г. в «Винер цайтшрифт фюн кунст, литератур, театер унд моде» сообщалось, что Владыслав Войцицкий (1807–1879) из Варшавы снискал заслуженную славу народными песнями своего отечества, в частности, называлось его сочинение «Песни белохорбатов, мазуров и надбужских русинов» («Pieśni ludu Bialo-Chorbatów, Mazurów i Rusi nad Bugu», 1836), включавшее также русские, сербские, чешские и другие славянские народные песни. Сообщалось также о его сборнике народных песен поляков и русинов («Klechty starożytne, podania i powieści ludu polskiego i Rusi», 1837). См.: Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode. 1837.24.I. № 10. Beilage 4; 1838.25.IX. № 115. Beilage 39.

[4] Ср.: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon. Wien, 1863. Bd. 9. S. 409.

[5] Ср.: *Wytrzens G.* Op. cit. S. 226.

из рецензий в «Эстеррайхишес моргенблат»[1] на первую часть альманаха, вышедшую в свет в 1846 г., особенно отмечались стихи «недавно ушедшего из жизни» поэта Маркиана Шашкевича (1811–1843). Он принадлежал к знаменитой в истории украинской литературы группе «русинская троица» («Ruska Trijcja»). В рецензии также упоминались сравнение русинских и сербских национальных песен, а также биография Шашкевича, принадлежавшие перу брата издателя, Якову Головацкому (1814–1888). Экземпляры этого альманаха можно было приобрести в венских книжных лавках Йозефа Венедикта на площади Лобковиц-плац и Виммера, Шмидта и Лео на Грабене. Тем самым преследовалась двоякая благотворительная цель: не только возместить жителям Западной Галиции, пострадавшим от череды наводнений, плоды двух урожаев, но и, как писал анонимный рецензент, скрывавшийся за буквой «J.», «также компенсировать последствия произошедших затем несчастий иного рода». Это был намек на начавшееся в феврале 1846 г. польское восстание, подавление которого австрийским правительством оценивается в историографии как «даже для трагической истории Польши беспрецедентное по своей жестокости»[2].

В западноукраинских землях польская культура и литература по сравнению с украинской не только процветала, но и доминировала. Украинские язык и литература во второй четверти XIX в. впервые подошли к черте, отделяющей народную речь от нормативного литературного языка. В 1830 г. в Вене вышла в свет книга Франца Сартори (1782–1832),

[1] См. заметку: Ein Almanach in ruthenischer Mundart // Österreichisches Morgenblatt 1846.28.III. № 37. S. 147.

[2] «Наконец в феврале 1846 г. в Галиции началось новое польское восстание, которое, по изначальному замыслу, должно было происходить во всех трех частях разделенной Польши. Несмотря на многолетнюю пропагандистскую подготовку, восстание оказалось плохо организованным. В Познани аресту подверглись Мирославский и другие лидеры движения, патриоты в русской части Польши не решились на открытое выступление. Лишь в Кракове удалось сбросить иноземное ярмо, и оттуда восстание распространилось на соседние области Галиции. В ответ австрийское правительство приняло меры, которые даже для трагической истории Польши оказались беспрецедентными по своей жестокости. На этот раз повстанцы, которые, несмотря на то что большинство в них составляло дворянство, придерживались крайне левых убеждений, провозгласили освобождение крестьян, которым была обещана передача земли в собственность. Еще до того как были распространены прокламации, австрийским властям удалось пустить слух в некоторых частях западной Галиции, что восстание, во главе которого стояло исключительно дворянство, имеет целью полное закрепощение крестьянства. Власти за немалые деньги сколотили отряды, совершавшие нападения на помещиков, так что в самом начале восстание удалось утопить в крови. Кроме того, восстание послужило австрийцам предлогом для того, чтобы, несмотря на протесты Франции и Англии, аннексировать Краковскую республику». Цит. по: *Halecki O.* Geschichte Polens. Frankfurt a. M., 1963. S. 188.

начальника генерального контрольного книжного управления и верховного цензурного ведомства, озаглавленная «Историко-этнографическое обозрение научной культуры, духовной деятельности и литературы Австрийской империи и ее образованных слоев»[1]. Одна из глав называлась «Литература поляков в Галиции и Австрийской Шлезии». Однако в книге нет главы о литературе украинцев или русинов в Галиции и Буковине[2]. Информацию о славянских литературах монархии Сартори черпал из изданного в 1826 г. в Буде на немецком языке эпохального труда виднейшего представителя так называемого славянского возрождения Павла Йозефа Шафарика (1795–1861) «История славянских языков и литератур по всем наречиям»[3].

Старейшее издание на украинском, точнее русинском, языке, отпечатанное в венской типографии мхитаристов, датируется 1833 г. Это была русинско-венгерско-латинская грамматика, составленная священником венской греко-униатской церкви св. Варвары Яношем Фогараши (1784–1834) «для быстрого и легкого изучения венгерского языка»[4]. Как известно, часть украинского народа проживала в восточных комитатах Венгерского королевства. В одной страноведческой работе о Венгрии, написанной Яношем Чапловичем (1780–1847) в 1829 г.[5], число русинов

[1] *Sartori F.* Historisch-ethnographische Übersicht der wissenschaftlichen Cultur, Geistesthätigkeit und Literatur des österreichischen Kaiserthums und deren Bildungsstufen. Wien, 1830.

[2] Со ссылкой на книгу К. Й. Хютнера «Сжатый статистический обзор королевства Галиция» (см.: *Hüttner K. J.* Gedrängte statistische Übersicht des Königreichs Galizien. Lemberg, 1822) в периодической печати приводились следующие данные о населении: «1. Поляки: 1 818 726; 2. Русины: 1 728 128; 3. Молдаване: 241 432; 4. Иудеи: 223 748; 5. Немцы: 35 000; 6. Армяне: 4 140; 7. Венгры: 3 100; 8. Липованы: 350; 9. Цыгане: ?; Итого: 4 054 660 по данным на 1822 год» (Ср.: *Stöger M.* National-Verschiedenheiten in Galizien // Österreichisches Archiv für Geschichte, Erdbeschreibung, Kunst und Literatur 1832.9.VI. № 69. S. 273–275. По конфессиональной принадлежности население (согласно газетной статье от 1847 г.) распределялось следующим образом: «1. Католики: 2 255 712; 2. Униаты: 2 213 374; 3. Православные: 307 619; 4. Армяне-униаты: 4 084; 5. Армяне-неуниаты: 1 271; 6. Лютеране: 31 345; 7. Кальвинисты: 2 159; 8. Меннониты: 372; 9. Филипоны: 2 016; 10. Караимы: 212». Ср.: Notizen. Statistik. Statistische Notizen, die Bewohner Galiziens in Bezug ihrer Religions-Bekenntnisse betreffend // Österreichische Blätter für Literatur und Kunst. 1847.22.V. № 122. S. 487. Автором статьи, перепечатанной из «Винер цайтунг» («Венская газета»), был Ян Мориц Хлуп (1801–1876). Иудейское население в 1846 г. составляло 328 806 человек (Ср.: Feuilleton. Omnibus. (Jüdische Bevölkerung in Galizien) // Österreichisches Morgenblatt 1847.21.IV. № 48. S. 192.

[3] *Schaffarik P.J.* Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826.

[4] *Fogarassy J.* Rusъko ugorska ili madjarska grammatika. Orosz magyar grammatika. Rutheno ungarica grammatica. Dlja skorago i legkogo sego obučenija složena i tisnena u Vidnju-Viennĕ. Приведено у: *Wytrzens G.* Op. cit. S. 223.

[5] *Csaplovics J.* Gemälde von Ungern. Pest, 1929.

(иначе называемых руссами или русскими) оценивалось в 359 тыс. человек. В 13 верхневенгерских комитатах насчитывалось немало русинских деревень, в трех комитатах (Берег, Угоча, Марамарош) данный этнос составлял большинство. Для любого народа исключительно важно, чтобы «присущая ему речь» не заменялась на иную; ибо смена религии или обычаев денационализируют в гораздо меньшей степени, чем утеря родного языка. Постепенно «многочисленные отщепенцы» из русинов становились словаками и мадьярами, так что их речь пребывала в забвении. К тому же все они принадлежали к униатской церкви. В народе ее называли «русинской» церковью. К ней принадлежало также 152 692 словацких русинов, несколько тысяч венгров, 105 143 влахов (более известных как румыны) и 8 552 славонцев[1]. Русины оставались во всех смыслах самыми бедными, у них был всего один писатель — Иоаниций Базилович (1742–1821), по сей день считающийся основателем карпато-украинской историографии и «будителем»[2].

В Вене сообщалось, что в 1837 г. в Буде вышла в свет «первая написанная подлинно русинским народным языком и напечатанная новыми русскими буквами книга» под заглавием «Русалка Днестра» («Rusalka Dnistrova»). Эту заметку опубликовала «Театерцайтунг», перепечатав информацию из выходившей в Пеште сербской газеты[3]. Книга будет запрещена цензурой, и власти в Лемберге конфискуют 800 экземпляров из тиража в одну тысячу экземпляров[4].

В 1816 г. внимание читателей «Винер альгемайне литературцайтунг» в разделе «Русинская литература» было обращено на катехизис «Христианское наставление» («Nauka Christianskaja»), который в 1815 г. «с благословения» галицийского митрополита Михайло Левицкого (1774–1858) был отпечатан в Буде[5]. Автором рецензии был придворный библио-

[1] Ibid. S. 205, 217, 292.

[2] Ibid. S. 303; также см.: Slovensky Biograficky Slovnik. Martin, 1986. Bd. I. S. 173.

[3] Neuigkeiten. Aus der literarischen Welt // Allgemeine Theaterzeitung. 1837.8.VI. № 114. S. 460 (Перепечатано из: Serbskji Narodnyi Ljst. 1837.18.IV. № XVI).

[4] Ср.: *Wytrzens G.* Die Bedeutung der «Rusalka Dnistrova» für das nationale Erwachen der Ukraine in Österreich und Ungarn // Typographia Universitatis Hungaricae Budae 1777–1848 / Hrsg. von P. Király. Budapest, 1983. S. 333–338; Encyclopedia of Ukraine / Hrsg. von D. Husar Struk. Toronto, 1993. Bd. 4. S. 440; *Konstantinović Z., Rinner F.* Eine Literaturgeschichte Mitteleuropas. Innsbruck; Wien; München; Bozen, 2003. S. 195.

[5] K., Nauka Christianskaja — Za Blagoslovenjiem' Kyr' Michaila Levickago — Sos[t]avlennaja etc. (Christlicher Unterricht, nach der Ordnung des Normal-Katechismus zum Nutzen der Landkinder nach dem Segen Sr. Ueberheiligkeit des Herrn Michail Lewitzki, Bischof von Premyßl, Sambor, (u.) Sanok verfaßt. In Druck gelegt in der Stadt Budin (Ofen), mit Schriften der k. Pester Universität, im Jahr 1815). S. 8. Рецензию см.: Wiener Allgemeine Literaturzeitung 1816.5.XI. № 89. S. 1423.

текарь и книжный цензор Варфоломей (Ерней) Копитар (1780–1844), который через венские научные журналы пытался пропагандировать свои австрославистские теории и фундированные филологические исследования по славистике в широких кругах читающей публики. Копитар рекомендовал и филантропам, и языковедам, заниматься языком малороссов и русинов более пристально, даже если это «не имело сиюминутного политического значения».

От взора внимательного читателя «Обзора новой русской литературы», напечатанного в 1819 г. в «Ярбюхерн дер литератур», не укрылось, что в 1818 г. в. Санкт-Петербурге вышла в свет «Грамматика малороссийского наречия», составленная Алексеем Павловичем Павловским[1]. В 1822 г. сообщалось о путешествии русского советника Петра Ивановича Кеппена (1793–1864) из Киева в Вену. На всем пути следования его главным образом интересовали различные диалекты. «В восточной Галиции, до самой реки Сан и даже чуть западнее, на всем пути следования по местности, населенной так называемыми русняками, Кеппен полагал, что находится на своей родине, в южной России, ибо едва ли не тот же самый диалект господствует от Дона и собственно Кубани вплоть до самой Венгрии»[2].

В 1834 г. в репортаже из Москвы, напечатанном в «Винер цайтшрифт», читателю предлагался обзор малорусской/украинской[3] литера-

[1] См.: *Lesboo A.* Uebersicht der neuesten russischen Literatur. Juny 1819. — Grammatik der kleinrussischen Mundart, oder grammatische Darstellung des wesentlichen Unterschiedes zwischen dem kleinrussischen Dialekt und der reinen russischen Sprache (Grammatika Malorossiiskago narätschija ili grammatitscheskoje pokasanije ssuschtschestwenneischich otlitschii, otdaliwschich malorossiiskoje narätschtje ot tshistago rossiiskago jäsüka). Von Alex. Pawlowsky, St. Petersburg, 1818) // Anzeigeblatt für Wissenschaft und Kunst zu den Jahrbüchern der Literatur. 1819. Bd. 7. S. 24.

[2] О работах надворного советника Кеппена и его путешествиях в поисках славянской речи и древностей см.: Archiv für Geographie, Staats-und Kriegskunde. 1822.3.V. № 53. S. 282–285, здесь — S. 284.

[3] «Поскольку я пообещал, что в следующем письме опишу новинки русской духовной жизни, я хотел бы Вам поведать о малороссийской (украинской) литературе. Малороссийская речь — это диалект, можно сказать, сестра русского языка. Она происходит от славянских корней, но в ней встречаются также немецкие, татарские и латинские заимствования. Научной обработке малороссийская речь впервые подверглась лишь в новейшее время. "Грамматика" Павловского имеет немало недостатков. Срезневский в Харькове, издатель "Запорожских древностей" — периодического издания, где печатаются песни, думы (романсы) и поэмы, в настоящее время работает над лексиконом малороссийского языка. В Харькове в этом году был напечатан "украинский альманах" — по сути, собрание малороссийских пословиц. Сборник украинских песен вышел в свет в Лемберге. Этот сборник на сегодняшний день остается наиболее полным изданием. Менее представительна книга, составленная профессором Максимовичем. Собранные в ней песни подслушаны в большинстве своем у бандуристов. Этих

туры. В том же году в «Альгемайне театерцайтунг» упоминалось имя самого Николая Васильевича Гоголя (1809–1852), сообщалось, что он работает над историей малороссийского казачества[1]. Как известно, это сочинение не сохранилось .

В венских популярных журналах, конечно же, печатались рассказы и повести с продолжением. Авторы тех нескольких текстов, которые можно связать с Украиной, обращаются к сюжетным линиям, разворачивающимся на Восточной Украине. Так, Малороссия оказывается местом

музыкантов называют так от слова "бандура" — инструмента наподобие гитары с 11 или 12 струнами и круглым отверстием на резонаторе. Эти по преимуществу слепые старцы ходят из деревни в деревню и добывают хлеб насущный исполнением исторических песен и дум. Малороссийские народные песни гораздо веселее и радостнее, чем русские. В них отразилась поэтическая жизнь диких казаков. Многие народные песни и думы написаны реальными историческими лицами, такими как Мазепа, Хмельницкий, Сагайдачный и т. п. Из современных писателей особого упоминания заслуживают Коттеревский (Котляревский. — *Г. М.*), переписавший "Энеиду" на местный лад, Гулак-Артемовский, который перевел многочисленные балды Гёте и поэму "Пан Твардовский" Мицкевича, а также Сковорода — автор ряда оригинальных стихов, далее новеллист Квитка, Падура и др. Число малороссийских писателей в целом невелико. Прозаики Наречный — автор многочисленных романов, Бандичев-Каменский (Бантыш-Каменский. — *Г. М.*) — создатель истории Малой России, Гоголь — лучший писатель и др. пишут на русском языке; поэты, такие как Залесский, Заборовский, Гощиньский, Мальчевский и Гроза сочиняют на польском. Остается надеяться, что малороссийская речь (и, возможно, тому послужит недавно открытый в Киеве университет) будет все больше и больше приближаться к литературному языку, все заботливее перерабатываться и развиваться». Цит. по: *E. G.* Correspondenz-Nachrichten. Moskau, den 14. May 1834 // Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode. 1834.22.VII. № 87. S. 693–695, здесь — S. 695.

[1] «Русский писатель Н. Гоголь в настоящее время работает над историей о малороссийских казаках и рассказывает об этом так: "До сих пор у нас нет никакой полной и удовлетворительной истории Малороссии и ее народа, который четыре столетия существовал отдельно от Великой России. Компиляции из различных старых хроник (впрочем, их можно использовать как исходный материал) нельзя назвать историей, они написаны без строгой критики и отбора, без плана и цели, их содержание неполно. Я посвятил себя работе, чтобы в полноценной истории представить историю тех частей России: как они в прошлом отделились от России, как в политическом смысле подпали под иноземное господство, как сложился такой воинственный народ — казаки, как он в течение трех столетий с оружием в руках защищал свою религию и в конце концов вернулся к России; как постепенно он из воинственного стал земледельческим народом, получил иные установления и, наконец, полностью слился с Россией. Около пяти лет я с величайшим прилежанием изучал хроники и все, что касается истории этого края. Мой труд написан наполовину: но я пока откладываю ее завершение, потому что хотел бы, возможно, найти некоторые неиспользованные материалы в частных руках и продолжить несколько позже"» (Allgemeine Theaterzeitung. 1834.21.VII. № 144. S. 578).

действия единственного опубликованного в Вене в предмартовский период текста Николая Гоголя. В переводе пражского еврея, изучавшего медицину в Венском университете и ставшего впоследствии известным писателем, Зигфрида Капера (1821–1879) «Винер цайтшрифт фюр кунст, литератур, театер унд моде» в 1846 г. опубликовал его повесть «Старосветские помещики» (1835)[1]. В немецком переводе она получил название «Старорусское дворянство».

В том же 1846 г. «Театерцайтунг» опубликовала «Записку из Южной Руси» Пантелеймона Кулиша (1819–1897), опять-таки в переводе З. Капера[2]. Писатель, историк и публицист Кулиш писал как на русском, так и на украинском языке[3]. В «Записке» рассказывалась вымышленная история о юной паре, которая познакомилась во время паломничества из родного Киева в Воронеж, но их счастье оказалось разрушено жар-птицей, похитившей девушку.

В 1846 г. в нескольких номерах «Театерцайтунг» печатался перевод повести графини Елены Андреевны Хан «Деллаладин. Крымская повесть» (1838). Автор родилась в 1814 г. в Ржищеве Киевской губернии и умерла в Одессе в 1843 г., одна из ее дочерей — Вера Петровна Желиховская (1835–1896) стала известной писательницей, другая — Елена Петровна Блавацкая (1831–1891) — прославилась как писательница, путешественница и основательница теософии[4]. Этот текст в редакцию газеты передал некий доктор Тали из Санкт-Петербурга. Повесть основывалась на реальных событиях, произошедших в Крыму в эпоху Екатерины II еще до того как туда пригласили немецких колонистов. В ней рассказывалась трагическая история любви богатого татарина и избалованной дочери служившего в Крыму русского бригадира. Татарин Джеллаладин без памяти влюбился в русскую кокетку, но ее семья, несмотря на богатство жениха, отказалась выдать девушку за него замуж. Тогда юноша отказался от веры предков. Он перешел в православие, за что был проклят своей

[1] Altrussischer Adel. Aus dem Russischen des № Gogol, von Siegfried Kapper // Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode. 1846.21.VIII. № 167.; 22.VIII. № 168; 24.VIII. № 169; 25.VIII. № 170; 28.VIII. № 172; 29.VIII. № 173.

[2] Eine Novelle aus Kleinrußland. Frei nach dem Russischen des P. Kulesch von Siegfried Kapper // Allgemeine Theaterzeitung. 1846.13.III. № 62; 14.III. № 63; 16.III. № 64; 17.III. № 65; 18.III. № 66; 19.III. № 67; 20.III. № 68; 21.III. № 69; 23.III. № 70.

[3] О П. А. Кулише см. словарную статью в биографическом лексиконе: Русские писатели, 1800–1917 / Под ред. П. А. Николаева. М., 1994. С. 222–224 (автор — Е. К. Нахлик).

[4] Dschellaladin. Novelle aus dem Russischen der Gräfin Seneide R-wa. Von Dr. Thali // Allgemeine Theaterzeitung 1846.22.VI. № 148; 23.VI. № 149; 24.VI. № 150; 25.VI. № 151; 26.VI. № 152; 27.VI. № 153–154; 30.VI. № 155; 1.VII. № 156; 2.VII. № 157; 3.VII. № 158; 4.VII. № 159; 6.VII. № 160; 7.VII. № 161; 8.VII. № 162.

семьей. Он отправился в Петербург, поступил на военную службу, был ранен в войне со шведами; тем временем татары в Крыму были окончательно побеждены и подверглись экспроприации. По возвращении Джеллаладина на родину он нашел лишь могилу родителей и узнал, что его суженая Людмила готовится к свадьбе с богатым князем Белоградовым. Он вызывает предполагаемого жениха на дуэль, при которой заряжен будет только один пистолет; русский погибает, но выясняется, что татарин имел дело с братом жениха. Джеллаладин впадает в глубочайшее отчаяние, уходит в горы и там закалывает себя кинжалом.

Литературное путешествие по украинским землям подходит к концу. В заключение упомянем еще об одной публикации, которая в 1844 г. появилась в газете «Зонтагсблэттер», издававшейся Л. А. Франклем. В ней приводился список дней рождения «ныне здравствующих в отечестве немецкоязычных лирических, эпических и драматических поэтов»[1]. Среди тех, кто был родом из Галиции, упоминались Эмма Ванда Арбтер (1819–1858), Карл Дрекслер-Манфред (1806–1879), Макс Мейр Леттерис (1804–1872), Мориц Раппапорт (1808–1880) и Вильгельм Туртельтауб (род. 1816). О том, кем они были, можно прочесть у Вурцбаха.

Перевод с немецкого О. В. Хавановой

Ю. П. Гусев

«ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА» ИМРЕ МАДАЧА: СЮЖЕТ И ЖАНР

Драматическая поэма «Трагедия человека» (1861) Имре Мадача (1823–1864) — произведение уникальное не только в венгерской, но и в мировой литературе. Взять хотя бы его формальный «сюжет»: сколько ни перебирай писательские имена, эпохи, художественные направления, все равно не найдешь пьесы, поэмы, романа, где путь человечества был бы художественно осмыслен вот так, целиком, с самого «начала» — в буквальном смысле слова «от Адама и Евы» — и до самого «конца», до «последних» людей на покрытой льдом Земле, умирающей под остывшим Солнцем.

«Трагедию человека» невозможно не сравнить с «Фаустом» Гете. Этого требует и коллизия, и философское наполнение произведения. Люци-

[1] Geburtstage der lebenden lirischen, epischen und dramatischen Schriftsteller des Vaterlandes // Sonntagsblätter für heimatliche Interessen 1844.18.III. № 10. S. 225–228.

фер, вечный соперник Творца, пытается доказать изгнанной из Рая, стоящей на пороге своей истории человеческой паре: все, что ждет людей (труд в поте лица своего, страдания и счастье, любовь, высокие идеи, власть, религия, революции, свобода, да и сама жизнь), — не более чем пустые иллюзии, мираж... Но в итоге демон сомнения посрамлен; человек убеждается, что замысел Божий мудрее, добрее и глубже сомнения, скепсиса.

Но Мадач — не эпигон Гете, тут нет речи о заимствовании или подражании. Мадач исходит от Библии, движется параллельно Гете — и пересекается с ним лишь на каком-то достаточно высоком этапе художественного осмысления проблемы.

О самостоятельности Мадача, и философской, и художественной, лучше всего говорит способ художественного оформления той грандиозной проблемы, которую он поднимает в поэме. При всей фантастичности, абстрактности его замысла здесь все логично и взаимосвязано. Адам и Ева, вкусившие от плода познания, жаждут знать, что их ждет впереди. Люцифер — для того он и подбивал их сорвать злополучное яблоко! — спешит предоставить им такую возможность. Погрузив первых людей в гипнотический сон, он ведет их по основным этапам будущей истории человечества. Вот Адам — египетский фараон; вот он — военачальник в древних Афинах; римский патриций; рыцарь-крестоносец; алхимик в средневековой Праге; Дантон в революционном Париже, отправляющий аристократов на казнь под восторженный рев толпы; вот он — в капиталистическом Лондоне; затем — в социалистическом фаланстере, царстве доведенного до абсурда равенства (Микеланджело, например, здесь вынужден строгать ножки для стульев); наконец, он появляется в тундре в обличии эскимоса, он — один из последних людей, охотящихся на последних тюленей.

И всюду Адама сопровождает Ева; она то наложница, то жена, то монахиня, то приговоренная к гильотине аристократка, то — на лондонской улице — девушка легкого поведения, то эскимоска. В каждой сцене она, противостоя Люциферу иногда одним своим присутствием, помогает Адаму в чем-то убедиться, утвердиться — или в чем-то разубедиться.

Постоянный спутник Адама — и Люцифер: при фараоне он — визирь, при рыцаре — оруженосец, часто просто собеседник, оппонент в споре. Каждая из исторических сцен как будто приносит Люциферу новый триумф, ибо Адаму каждый раз приходится разочаровываться в том, что в этой эпохе главное. Люцифер как будто близок к победе над Богом. И тем не менее...

Здесь я снова возвращаюсь к теме об особости «Трагедии человека» в венгерском литературном контексте, из которого она выбивается

не столько, может быть, языком и стилем, не столько даже идейной наполненностью, сколько способом художественного воплощения тех идей, которые Мадач считал необходимым поставить в своей драматической поэме.

Венгерская литература XIX века в силу многих причин находилась в ареале немецкого культурного влияния. В начале столетия, пока был силен классицизм, очень большим авторитетом пользовалась, естественно, античная классика. Конечно, оба эти источника влияния оказывали воздействие не на одного Имре Мадача; однако он воспринял их более непосредственно, не столь сильно процеженными через национальные традиции, как это было у многих его современников.

Начать с того, что само название его драматической поэмы, «Трагедия человека», следует понимать не буквально. Это — трагедия, но в исконном, классическом смысле слова; правильнее было бы сказать — «Трагедия **о человеке**», то есть некое высокое действо, где сталкиваются титанические силы и решаются конфликты, определяющие судьбу человечества.

Но это — момент, лежащий на поверхности. Сложнее логика **художественно-философских** доводов, с помощью которых Мадач выражает свое видение человека, его истории, его судьбы, его будущего.

С тех пор, как «Трагедия человека» стала фактом венгерской литературы, она остается в центре внимания теоретиков и историков искусства. Однако те, кто отваживается ее анализировать, приходят к далеко не тождественным выводам. «Трагедию» трактовали и как богоискательское произведение, и как богоборческое; в нем видели исторический оптимизм и исторический пессимизм; утверждение прогресса и отрицание оного. Идеи, на которые опирался в своем осмыслении человека и его места в мире Мадач, возводились исследователями к Шеллингу, Фейербаху, Гегелю, О. Конту, Руссо и т. д. Чаще всего упоминается в связи с «Трагедией человека» все-таки Гегель. Действительно, в одиннадцати «исторических» сценах «Трагедии» предстает масштабная перспектива, каждый этап которой изображен в кульминационной точке его развития, когда он разрушается собственными противоречиями, отрицая себя и переходя в иное качество. Эта великолепная перспектива была бы, вероятно, немыслима без знакомства с гегелевской диалектикой. Но (недаром Д. Лукач беспощадно осудил это произведение, заклеймив его как — «трагедию Мадача»[1]) в этой вполне гегельянской перспективе от-

[1] В одной из ранних (написанных до 1918 г.) своих работ Д. Лукач отозвался о Мадаче еще более уничтожающе: «Мадач — один из вопиющих примеров поэта, лишенного всякой глубины; он даже близко не подходит к истинному драматизму» / *Lukács Gy.* Ifjúkori művek (1902–1918). Budapest, 1977, 703. o. / Неплохой штрих к характеристике художественного чутья великого марксиста.

сутствует чрезвычайно важный для гегелевской диалектики сущностный момент: момент **развития.** Человек, в лице Адама, созревает, набирается опыта, стареет — но, в сущности, остается тем же.

Последние исследования показывают, что в своем осмыслении прошлого и будущего Мадач опирался скорее на Канта, и диалектика, воплощенная в веренице «исторических» сцен, — это **кантианская** диалектика. Каждая из «исторических» сцен — своеобразное художественное воплощение некоего **абсолютного принципа**: абсолютной власти (Египет), абсолютной демократии (Афины), абсолютного равноправия (фаланстер) и т.д. В каждой сцене Адам, с помощью Люцифера (который тоже воплощает абсолют — абсолют сомнения, отрицания), движется от воодушевления к разочарованию. Но неверно представлять его путешествие в будущее как путь ко всеобъемлющему отрицанию, к выводу о бессмысленности бытия, действия, разума. Да, Люцифер все время торжествует над наивностью, идеализмом Адама; но дело на самом деле сложнее. Хотя бы потому, что, как уже говорилось, в каждой сцене присутствует, выполняя некую «корректирующую» функцию, Ева. Она — материализация **практического разума**; она воплощает родство человека с природой, сферу естественного.

Эта функция образа Евы достигает кульминации в финальной сцене, где Адам, сломленный циничной логикой Люцифера, готов прекратить бесплодную борьбу и уйти в небытие. И лишь слова Евы: «Я скоро стану матерью, Адам!» — при всей внешней несвязанности этого факта с мучительными поисками Адама, коренным образом меняют его отношение к жизни и к будущему, которое показал ему Люцифер.

Смысл «Трагедии человека», таким образом, не исчерпывается знаменитыми словами Господа, завершающими поэму: «... о человек, борись и уповай!» Но смысл, конечно, и не в апологии бездумного, растительного бытия, где самоцель — продолжение самого себя, продолжение рода.

Смысл произведения — в утверждении такого важного для Мадача (и для всей венгерской литературы, для всего венгерского общества середины XIX века) принципа, как **свобода воли**. Адам лишь формально ведом по этапам истории Люцифером: на самом деле его ведет жажда свободного выбора. И когда он, с помощью Евы, делает окончательный выбор, добровольно становясь на тот путь, бесплодность которого ему как будто наглядно доказал Люцифер, — Господь прощает его за непослушание и дает ему (и в его лице — всему человечеству) свое благословение.

Свобода воли — это принцип, который в философии Канта лежит в основе **этической** позиции. Таким образом, пафос «Трагедии человека» Мадача — не столько отвлеченно философский, сколько этический.

И здесь «Трагедия», при всей ее особости, как бы чуждости конкретно-историческому венгерскому контексту, очень даже перекликается с ситуацией в Венгрии после поражения революции 1848–1849 гг. Ведь трезвая, реалистическая политика, связанная с именем Ференца Деака и приведшая венгров к Соглашению 1867 г. и к образованию двуединой Австро-Венгерской Монархии, и была настоящей победой, оптимальным для той исторической ситуации выходом, который был бы немыслим, если бы венгры поддались эмоциям, или провозгласив борьбу до последней капли крови, до последнего венгра, или в отчаянии опустив руки и покорившись судьбе. Сходство конечного вывода «Трагедии» и политической линии Деака, конечно, не внешнее, а глубинное: оно — в активных и трезвых поисках гармонии между нравственностью, то есть, по сути дела, исторической ответственностью перед народом и перед будущим, — и свободой. То есть — в **свободном, опирающемся на нравственность выборе**.

Почему Мадач избрал для осмысления и раскрытия своей темы жанр драматической поэмы? Ответ в общем-то как бы напрашивается сам собой: недаром же и Мильтон, и Гете, и Байрон, и наш Лермонтов такие и подобные темы поднимали в поэмах или в поэтических драмах.

Однако влиянием образцов дело не исчерпывается. К тому же и Просвещение, и романтизм (как литературная эпоха) были уже позади.

Годы, когда Мадач создавал свою поэму, в Венгрии были эпохой безвременья, когда высшим законом был произвол, средством поддержания порядка — репрессии. В результате поражения была разрушена структура гражданского общества, которое интенсивно формировалось в 1830–1840-е годы. «Для угнетенного — пишет венгерский литературовед Ш. Штрикер, современный исследователь И. Мадача, — не существует общественных законов, на которые он мог бы ссылаться, не существует общественного публичного мнения, к которому он мог бы взывать. Поэтому он вынужден обращаться непосредственно к мирозданию, к Богу и Року: кроме собственного бытия, у него нет иной надежной точки для ориентации»[1] Вот почему героями Мадача становятся не жизнеподобные фигуры, а воплощения вечных начал: Бог, Люцифер, Адам, Ева.

Объяснение, которое дает Штрикер, довольно убедительно; примерно в том же направлении развивается в этот период творчество венгерских поэтов М. Верешмарти, Яноша Араня, Яноша Вайды. Но объяснение это — не исчерпывающе: со схемой, нарисованной Штрикером, плохо сочетается творчество таких писателей, как Мор Йокаи, Жигмонд Кемень. Кемень, которые в этот период создавали неплохие — и вполне жизнеподобные, хотя во многом и романтические по способу осмысления жиз-

[1] *Striker S.* Az ember tragédiája rekonstrukciója. Budapest, 1996, 236. o.

ни — романы и рассказы. Это обстоятельство свидетельствует о том, что взаимосвязь между творчеством и общественной действительностью — сложнее, чем иногда хочется думать. Но тем не менее объяснение Штрикера в какой-то мере отвечает положению дел (может быть, в той мере, в какой поэзия отличается от прозы?). Дать утвердительный или отрицательный ответ на это предположение нельзя между делом: для этого необходим более обстоятельный разговор.

«Трагедия человека» сразу обратила на себя внимание и венгерской, и европейской общественности. Только на немецком языке уже в XIX веке появилось около полутора десятков различных ее переводов. Еще более интересен и многозначителен (сходство исторической ситуации?) факт, что в самом начале XX века драматическую поэму Мадача «открыли» и в России. В 1904 г. увидели свет сразу три перевода «Трагедии»: два стихотворных (правда, через немецкие переводы), и один прозаический, с оригинала. Причем инициатором одного из них — прозаического — был М. Горький: именно он заказал перевод и опубликовал его в своем издательстве «Знание». Видимо, идеи, услышанные в «Трагедии» — прежде всего, надо думать, идея борьбы как смысла бытия человека (идея, как было показано, не единственная и отнюдь не главная для Мадача), — были очень близки Горькому тех лет, едва вышедшему или еще не вышедшему (ведь вскоре он написал «Мать») из романтического периода. Недаром именно в эти годы, еще не зная или зная лишь в чьем-то кратком изложении текст «Трагедии человека», Горький вынашивал замысел собственной драматической поэмы под названием «Человек»: этот замысел был осуществлен как поэма в прозе.

Л. В. Кузьмичева

АВСТРО-РУССКИЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО РЕШЕНИЮ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА И НАЧАЛО СЕРБО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1876 ГОДА

Проблема, обозначенная в заголовке настоящей статьи, находилась в сфере исследований и научных интересов Тофика Муслимовича Исламова. Он занимался ею и как специалист по истории внешней политики Австро-Венгерской империи, и в контексте изучения собственно балканской политики Дунайской монархии, анализируя весь комплекс русско-австрийских отношений последней четверти XIX в. В последних работах учёного, посвященных критическому разбору отечественной историографии, тема роли и места балканского вопроса в политике двух великих

держав также нашла отражение[1]. Нам представляется принципиально важным тезис Т. М. Исламова о необходимости взвешенного и объективного анализа политики двух империй — Российской и Австрийской по балканскому вопросу в период Восточного кризиса 1875–1878 гг., с учетом имперских интересов обеих держав[2]. Он справедливо отмечал устойчивость сложившихся стереотипов в изучении австрийской политики на Балканах, сводящихся к простой констатации «агрессивных планов» Дунайской монархии. Т. М. Исламов настаивал на необходимости уважения принципов ретроспективности и преемственности в изучении австрийской и венгерской политики в отношении османских владений в Европе. Он подчеркивал, что: «Осваивали» же Венгрия и Австрия Балканы задолго до 1870-х гг., Венгрия в далекие XIV–XV вв., когда ее войска доходили до Варны и Ниша, а Австрия в конце VXII–XVIII в., когда ценой огромных потерь ей удалось остановить османское продвижение в глубь континента»[3].

Важным звеном Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. стала война, которую объявили княжества Сербия и Черногория в июне 1876 году своему сюзерену — Османской империи. Войну эту правители обоих балканских княжеств начали, рассчитывая на поддержку Российской империи. Документы свидетельствуют, что расчет был на немедленное вступление в войну России. Сербия получила русскую помощь, но не ту, на которую рассчитывала. Это было широкое общественное движение в помощь балканским славянам и отправка в Сербию славянскими комитетами партий русских добровольцев. Когда через четыре месяца кровопролитных боев Сербия потерпела сокрушительное поражение от многократно превосходящей ее численно и по мощи вооружения турецкой армии, официальная Россия вмешалась в конфликт и спасла княжество от окончательного разгрома. Одновременно началась подготовка к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., ставшей заключительным звеном Великого восточного кризиса. В историографии и по сей день не утихают споры по вопросу отношения России к военным приготовлениям Сербии осенью 1875 — весной 1876 г. Известны ли были русскому правитель-

[1] *Исламов Т. М.* Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Москва-Ставрополь, 2004. Вып. I. С. 4–63; *Он же.* История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004. С. 289–313.

[2] *Исламов Т. М.* Внешняя политика России и русско-австрийские отношения .... С. 59.

[3] *Исламов Т. М.* История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков... С. 311.

ству сербские намерения, и если да, то почему не была предотвращена катастрофа?

Невозможно правильно охарактеризовать позицию России по отношению к перспективе вступления Сербского и Черногорского княжеств в войну с Турцией без учета сложных взаимоотношений России и Австро-Венгрии, расхождения их точек зрения по поводу судьбы Боснии и Герцеговины. В современной исторической науке убедительно доказано[1], что несмотря на заверения Д. Андраши о «переполненности австро-венгерской лодки», к моменту начала Восточного кризиса 1875–1878 гг. в правящих кругах Австро-Венгрии уже сложилась ясная и четкая программа включения Боснии, а по возможности и Герцеговины, в состав империи Габсбургов. Российская же дипломатия во главе с А. М. Горчаковым в этот период придерживалась мнения о необходимости автономного устройства провинций, поддерживая требования повстанцев. В разном представлении двух держав о решении боснийской проблемы видели шанс и сербские политики, стремившиеся к включению провинций в состав сербского государства.

Так, известный югославский исследователь Восточного кризиса академик Васа Чубрилович считал, что сербские политики, опасаясь решения вопроса о судьбе Боснии в пользу планов Австро-Венгрии, единственной надеждой для себя полагали обострение русско-австрийских противоречий на Балканах. «На эту карту ставил уже Илья Гарашанин, на нее будет ставить в Восточном кризисе 1875–1878 г. и Йован Ристич. И действительно, вскоре стало ясно, что в боснийско-герцеговинском вопросе нет согласия между Россией и Австрией. Россия хотела автономии Боснии и Герцеговины, Австрия же дипломатическим путем готовила такую ситуацию, при которой эти области достались бы ей. Вокруг этого и велась игра этих двух великих держав вплоть до весны 1876 г.», — подчеркивал В. Чубрилович[2].

---

[1] *Виноградов К. Б.* Русско-австрийские отношения в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине // Međunarodni naučni skup povodom stogodišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. Т. 1–3. Этой теме посвящена серия работ Е. К. Вяземской, защитившей в 1984 г. под руководством Т. М. Исламова кандидатскую диссертацию на тему: «Восстание в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 — апрель 1877 г.). Многолетние усилия группы отечественных славистов по изучению Восточного кризиса 1875–1878 гг. суммированы в коллективной монографии: Международные отношения на Балканах. Под ред. В. Н. Виноградова / М., 1986. С. 214–403. Глубокий анализ проблемы содержится и в исследовании В. М. Хевролиной — См.: *Хевролина В. М.* «Восточный кризис 70-х годов XIX века» // История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 174–220.

[2] *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Друго издање. Београд, 1982. С. 258.

Таким образом, возможность вступления в антиосманскую борьбу Сербского княжества непосредственно задевала интересы Австро-Венгрии. И именно в отношении Сербии остро проявлялись русско-австрийские разногласия в способах решения Восточного вопроса[1]. Не остались тайной эти противоречия и для сербского правительства. Например, еще в декабре 1875 г. на полях донесения из Белграда русского консула А. Н. Карцова, в котором он запрашивал: «Одобрит ли меня императорское министерство в том, что, стараясь вселить в сербах убеждение в единстве наших с Австрией стремлений в пользу мира, я в то же время советую им готовиться на тот случай, если бы стремления эти оказались бесполезными»[2], Александр II пометил: «Да».

О том, что царское правительство уже в декабре 1875 г. не исключало возможности сербо-турецкой войны, свидетельствуют и официальные донесения Карцова Горчакову, в которых он сообщает, что рекомендует князю Милану нарушить «состояние полного оцепенения, которое, кажется, длится с момента прихода к власти кабинета Калевича <...> лично заняться своей армией, организацией милиции, переговорами об установлении добрых отношений с Румынией, болгарами, албанцами и особенно с Черногорией»[3]. В историографии существует мнение, что демонстрация военной активности Сербского и Черногорского княжеств была необходима русской дипломатии лишь в качестве дополнительного средства давления на Турцию в пользу улучшения положения восставших христиан. Но изложение Карцовым перспектив будущей кампании, исходя из состояния сербской армии, характеристика трудностей, с которыми сталкивается сербское военное министерство[4], свидетельствуют о том, что императорский кабинет внимательно изучал возможность сербо-турецкой войны.

Вооруженное вмешательство Сербии в восстание всеми силами старался предотвратить министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Д. Андраши. Это учитывалось им при составлении ноты, излагавшей проект реформ в Боснии и Герцеговине, которую он вручил 18 декабря 1875 г. правительствам всех держав, подписавших Парижский трактат 1856 г.[5] Последние изъявили согласие с предложениями Андраши, и 19 января 1876 г. проект был передан Порте. Россия старалась продемонстрировать

[1] Министр иностранных дел Австро-Венгрии Андраши заявил русскому послу в Вене Новикову, «что разногласия в исполнении общей задачи двух империй особенно резко обнаруживались на Белградской почве». Архив Внешней Политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. ГА-VA2 . Д. 265. Л. 269 об.

[2] Там же. Л. 305 об. (Частное письмо А. Н. Карцова Н. К. Гирсу из Белграда 28 декабря 1875 г.)

[3] Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в 3-х томах. (далее — ОБТИ) Т. 1. М., 1961. Док. 74.

[4] Там же. Док. 75.

[5] История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 89–90.

на европейской арене стремление к мирному решению конфликта путем реформ, предложенных в «Ноте Андраши». Именно поэтому в январе 1876 г. она демонстративно принимает меры к сдерживанию военных приготовлений Сербии и Черногории, в частности, заключения ими союзного договора. Российское министерство иностранных дел через своего представителя в Белграде указывает сербскому князю «на необходимость для Сербии воздерживаться от агрессивной политики относительно Турции и оставаться спокойной в ожидании дальнейших событий»[1].

Но сербское правительство, внешне подчиняясь рекомендациям России, в свою очередь, недвусмысленно заявило, что оно будет активно сопротивляться попыткам Австро-Венгрии прибрать к рукам Боснию и Герцеговину. Сообщая в Петербург 16 января 1876 г., что до исхода текущих дипломатических переговоров отложено командирование в Цетинье сербского посланца для ведения переговоров о союзе, Карцов передает слова сербского министра иностранных дел Г. Павловича: «Если бы, однако, обстоятельства склонили бы Европу допустить австрийское военное занятие в Герцеговине и Боснии, то сам он был бы немедленно поставлен в необходимость начать войну с Турциею»[2].

В то же время, в середине января 1876 г., согласно инструкциям Горчакова, русский консул в Рагузе А. С. Ионин внушает черногорскому князю Николаю, что «за невозможностью вместе с Сербиею действовать самостоятельно — лучше ожидать, по крайней мере до последней крайности разрешения запутанных вопросов от европейской дипломатии, которая в настоящее время отыскивает к тому способы»[3]. Черногорский правитель, хотя и обещал «не нарушать выжидательной политики», однако тайно запросил сербское правительство, готово ли оно к войне и когда намерено начать действия.

Князь Николай играл значительную роль в дипломатическом урегулировании конфликта благодаря своему влиянию на герцеговинских повстанцев[4]. То, что он взял в свои руки инициативу заключения союзного договора с Сербией, насторожило не только Турцию (миссия Кечета) и Австро-Венгрию (переговоры с бароном Родичем), но и Россию, которая указала князю на «неблаговидность его отношения к Сербии, подстрекательство ее как бы на войну, в то время, когда ему очень хорошо известно, что Европа и особенно императорское правительство желают мира и в этом смысле производят давление на князя Милана»[5]. Однако Сербия и Черногория невзирая на советы России, отсрочили, лишь до

[1] Там же. Ф. Отчеты МИД. Отчет за 1876. Л. 274–275.

[2] Там же. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 300 об.

[3] Там же. Ф. ГА-VA2. 1876. Д. 749. Л. 21.

[4] См. *Јовановић Р.* Политички односи Црне Горе и Србије 1860–1878. Цетиње, 1977. С.261–263.

[5] АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д. 749. Л. 30 (Донесение Ионина Гирсу из Рагузы 30 января 1876 г.)

начала февраля, «дабы не повредить успеху дипломатических переговоров Европы с Портою», продолжение переговоров о военной конвенции, начатых в октябре Ф. Христичем. И уже 2 февраля в Цетинье выехал советник Ранко Алимпич с письмом Милана к князю Николаю, проектом военной конвенции и тайного союзного договора[1].

Сербо-черногорские переговоры затянулись. По мнению черногорского историка Радомана Йовановича, переговоры постоянно были под угрозой срыва, так как обе стороны были озабочены недовольством, высказанным Россией и Австрией[2]. Переговоры эти, хотя и не завершились подписанием союзного договора, вызвали тревогу у австро-венгерского правительства, которое через своего представителя в Белграде князя Вреде сделало от имени Австрии и России 4 марта 1876 г. представление князю Милану о недопустимости подготовки Сербии к войне и потребовало объяснений[3]. Вреде категорически объявил, что его правительство силою воспротивится всякой враждебной выходке Сербии против Турции[4]. Итак, Австро-Венгрия открыто угрожала Сербии нападением в случае начала сербо-турецкой войны. О подобной перспективе Вреде уже намекал Карцову в декабре 1875 г.[5]

Связанная с Австрией союзными обязательствами, Россия вынуждена была присоединиться к демаршу Вреде, но так как. инструкции Карцову «опоздали», то «вся невыгодная для популярности Австрии ответственность за сделанные угрозы, осталась за ней одной»[6].

Сербское правительство отвечало, что не имеет никаких наступательных намерений против Турции, а вооружение вызвано необходимостью обороны княжества «от набегов башибузуков и курдов, собранных Портою в большом числе на границах Сербии». Карцов, сообщая о том, что Вреде остался доволен таким ответом, замечает: «Занятия со стороны Австрии боятся здесь более, чем турецкого нападения»[7]. При этом Карцов не решается официально рассеять опасения Сербии по данному поводу и заявить, что «императорский кабинет не согласился бы на осуществление такой меры... из опасения, чтобы это не послужило поощрением к принятию против Турции мер, которые были бы теперь несвоевременными и опасными» (Александр II пишет на полях: «И хорошо делает»[8].)

К этому времени на юго-восточных границах Сербии сосредоточились стянутые турками значительные войска. Так, только «против Зайчара,

---

[1] Там же. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 303.

[2] *Јовановић* Р. Op. cit. С. 263–267.

[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 16. Л. 313; Историја српског народа. Београд, 1981. К . 5. Т. 1. С.377.

[4] Там же. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 2 74–275.

[5] Там же. Ф. ГА-VA 3. Д. 265. Л. 307.

[6] Там же. Д. 268. Л. 290 об.

[7] Там же. Л. 291.

[8] Там же.

где никогда не было укреплений, ныне поставлены батареи и собрано 5 000 войска»[1]. Учитывая опасность турецкого нападения, Карцов вновь запрашивал у Петербурга инструкций о позиции официальной России по отношению к приготовлениям Сербии к войне: «Можем ли мы поручиться действительно за неприкосновенность княжества со стороны Турции? Если нет, то было ли бы справедливым мешать Сербии готовиться к отпору на случай нападения и продолжать пополнение вооружения, которого мы сами никогда не порицали»[2].

В начале февраля 1876 г. стало ясно, что «Нота Андраши» не удовлетворяет ни Порту, ни восставших и не будет способствовать урегулированию Восточного кризиса. Весна 1876 г., на наш взгляд, –решающий момент в развитии событий 1875–1878 гг. на Балканах. Именно в это время и определилась программа дальнейших действий не только самих повстанцев Боснии и Герцеговины, но и сочувствующих и помогающих им Сербии и Черногории.

Сербское княжество активно продолжает приготовления к войне. В период шестимесячного правления кабинета Л. Калевича (26.IX.1875–24.IV.1876 гг.) состоялось 108 заседаний Совета министров, и практически все они были посвящены вопросам предстоящих военных действий: закупке вооружения, обмундирования, заключению военной конвенции с Черногорией, мерам по финансовому обеспечению, помощи повстанцам, необходимости присоединения к Женевской конвенции 1864 г. и т. п.[3] На министерских заседаниях обсуждались вопросы не только материального обеспечения войны, но и проблемы подготовки общественного мнения за границей в пользу Сербии и ее предстоящей борьбы. Так, с 15 января 1876 г. французскому журналисту Ригонде решено платить 30 дукатов ежемесячно «с условием, что он одну публикацию в месяц будет посвящать интересам Сербии»[4].

«С первой половины минувшего года сербское правительство начало приготовления к войне. Военное министерство ревностно занялось приведением в порядок боевых сил и средств княжества, снабжением войска ружьями одного образца, исправлением пограничных укреплений и закупкой за границею оружия, лошадей и припасов»[5], — отмечалось в отчете МИД России за 1876 г.

Несостоятельность «Ноты Андраши», по-видимому, определила и некоторый поворот в мнении русского правительства относительно возможного начала Сербией и Черногорией войны. Во всяком случае,

[1] Там же. Ф. Канцелярия.1876. Д. 16. Л. 313.

[2] АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д. 268. Л. 290.

[3] Записници седница Министарског Савета Србије 1862–1893. Београд, 1953. С. 140–163.

[4] Ibid. С. 147.

[5] АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет по Азиатскому департаменту за 1876 г. Л. 272.

коль скоро не получается мирное урегулирование конфликта, следует помешать задушить восстание, а это можно сделать лишь привлекая к событиям на Балканах внимание Европы. С этой целью, до некоторой степени, используется мнение русского общества, поддерживающего освободительную борьбу южных славян. Известный русский ученый и общественный деятель Б. Н. Чичерин, автор записки «Берлинский мир перед русским обществом», говоря о росте движения в поддержку южных славян в России, утверждал: «К сожалению, правительство, вместо того, чтобы разъяснить мысли, из политических видов поддерживало и даже разжигало это так называемое патриотическое настроение»[1].

Об этом же 30 января 1876 г. писал генерал-майор в отставке М. Г. Черняев, сотруднику издаваемой им газеты «Русский мир» П. А. Монтеверде о своей беседе с турецким представителем в Петербурге: «...Из разговора, продолжавшегося более часу, я не мог не заметить, что наше правительство стращает его общественным мнением, под давлением которого оно будто бы действует, хотя и желает всевозможных благ Турции»[2]. В этом же письме Черняев, информируя о предложениях, сделанных ему славянским комитетом, ехать «в Герцеговину для организации военной части», добавляет: «Я имею некоторые данные предполагать, что правительство само будет сочувствовать моим успехам»[3], вероятно, имея в виду свой разговор с наследником[4].

Именно на поддержку российского общественного мнения рассчитывал и осторожный политик Й. Ристич. В 1877 г., отвечая на обвинения лидеров «консерваторов» в Сербии в авантюрности и непродуманности его политики весной — летом 1876 г., приведшей к военному поражению, он заявлял, что все расчеты сербской стороны сводились к перспективе вступления в войну России под давлением русского общественного мнения[5].

Позицию русского правительства относительно герцеговинских дел можно выявить в ходе событий Суторинской встречи 23–26 марта 1876 г. и миссии Г. С. Веселитского-Божидаровича. А. М. Горчаков принял Веселитского-Божидаровича (члена Московского славянского комитета, осуществлявшего связь повстанцев с великими державами) в январе 1876 г. и рекомендовал ему склонить повстанцев к миру, одно-

[1] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 1. Д. 815. Л. 2 об.

[2] Отдел рукописей Института Русской Литературы (Пушкинский дом). (далее — ОР ИРЛИ) Ф. Монтеверде П. А Шифры старого каталога 5370. XXVII 6. 253. Л. 11 об.–12.

[3] Там же. Л. 12 об.

[4] Там же. Л. 17.

[5] Полемика Јована Ристића и српских конзервативаца 1877. године. Београд, 1997. С.111.

временно обещая им содействовать автономному устройству Боснии и Герцеговины[1]. Глава русского внешнеполитического ведомства прекрасно сознавал, что это противоречит австрийским планам. Неуспех миссии австрийского наместника Далмации барона Родича в умиротворении восставших во время Суторинской встречи в значительной степени объяснялся и тем, что повстанцы были воодушевлены негласной поддержкой официальной России.

Веселитский-Божидарович, снимая с себя подозрения в стремлении помешать умиротворению восстания, утверждал, что выполнил желание государственного канцлера «передать инсургентам совет его принять реформы в принципе и выразить желание умирения». «В Суторине я не только сделал им это сообщение, — писал он в Петербургский славянский комитет А. А. Кирееву, — но и от себя советовал следовать ему и выставлять свои условия не в форме требований, а как желания, относящиеся до исполнения дарованных реформ»[2]. Но, по-видимому, не так уж он был настойчив в своих советах.

Да и не это было главным, — важно, что здесь, в Суторино, впервые столкнулись интересы России и Австрии, двух союзных держав, придерживающихся на словах одинаковых, а по сути, противоположных точек зрения по поводу судьбы турецких владений на Балканах. Почувствовав, что его влияние ускользает, и повстанцы надеются не только на поддержку российской общественности, но и России официальной, взбешенный барон Родич заявил вождям восстания, «что Сербии и Черногории решительно запрещено им помогать, а если они надеются на Россию, то они должны вспомнить, что Россия уже была побита раз турками»[3]. Это заявление вызвало бурю негодования в русской печати, усмотревшей здесь попытку дискредитировать Россию. «Барон Родич просто проговорился и во всеуслышание раскрыл оборонную, недипломатическую сторону австрийской политики в восточном вопросе, политику эту в нескольких словах можно выразить так: унизить Россию в глазах славян Турции и, на ее счет, усилить обаяние за Дунаем»[4], — писала газета «Новое время» 1 апреля 1876 г. В этой же статье анализируется положение дел на Балканах с выводом, что «война между Сербией и Турцией сделалась

[1] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 332. (Чижов Ф.В.). К.3. Д. 4. Л. 13–13 об.; *Никитин С. А.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 26–28.

[2] РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 907. Л. 1 об. См. также *Ристић Ј.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност. 1875–1878. Београд, 1896. Т. I. С. 74.

[3] АВПРИ. Ф. ГА-VA2. 1876. Д. 749. Л. 90 об. (Донесение Ионина из Рагузы 29 марта 1876 г.)

[4] Новое время. 1876. № 34.

неизбежной». В «Докладах по периодической печати министра внутренних дел Александру II» за апрель-май 1876 г. отмечалось, что после Суторинского свидания «русская периодическая печать обеих столиц посвящает восточным делам первое место в своих ежедневных обозрениях и передовых статьях», основная идея большинства которых — не следует мешать Сербии и Черногории помогать повстанцам[1].

В это же время наступил последний, решающий этап в подготовке Сербии к военным действиям против Османской империи. «Вся зима 1875–1876 гг. прошла в усиленных приготовлениях к мобилизации»[2], — вспоминал Сава Груич, активный участник сербо-турецкой войны, а с сентября 1876 г. занявший пост военного министра Сербии. Были открыты трехмесячные курсы для старейшин народного войска, а таких старейшин было созвано 600 человек; объявлено об устройстве главного штаба и новой организации армии, был основан Сербский Красный Крест[3].

Князь Милан уже не выступал на заседаниях министерского Совета против войны, а рост освободительных настроений пугал главу сербского правительства Л. Калевича, который считал, что его «министерство выполнило задачу, сыграв предназначенную ему роль, и что пора уступить место кабинету министерства действия, прежде чем князь решит начать войну»[4]. И действительно, поскольку вопрос о войне был уже окончательно решен, можно было бы вернуть к власти министерство действия. Правда, князь хотел, чтобы на этот раз кабинет составил Е. Груич, но тот отказался формировать министерство без Ристича и Михайловича, не желая сильной оппозиции[5]. Наконец, 24 апреля 1876 г. было сформировано второе министерство действия, которое практически по составу повторяло первое (пришедшее к власти в августе 1875 г.), лишь с двумя изменениями: министром финансов вместо Косты Иовановича стал Вл. Йованович, а Е. Груич и Р. Милойкович обменялись постами министра внутренних дел и министра юстиции.

К этому времени все политические силы Сербии определили свое отношение к предстоящей войне[6].

---

[1] РГИА. Ф.1470 (Доклады по периодической печати министра внутренних дел Александру II). Оп. 1. Д. 72. Л. 17, 68, 84, 176. См. также характеристику позиции русской прессы этого периода: *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 17–20.

[2] *Груич С.* Сербо-турецкая война 1876–1877 гг. // Славянские известия. 1907. № 2. С. 133; № 3. С. 193.

[3] Подробнее о приготовлениях Сербии к войне см. *Милосављевић П.* Припреме Србије за рат са Турском 1876. године // Balcanica IX. Beigrade. 1978. S. 131–157.

[4] *Кальевић.* Моје успомене. Београд. 1908. С. 20–21.

[5] Ibid. С. 22.

[6] О настроениях в сербской политической элите кануна сербо-турецкой войны см.: *Крстић Н.* Дневник: јавни живот. 2. јануар 1868. — 31. децембар 1876. Београд, 2006. С. 288–328.

В сложившихся условиях либералы рассматривали войну как единственно возможный шаг для осуществления исторической задачи объединения сербского народа в независимое государство. Прогрессисты, считавшие войну заведомо обреченной на неуспех, были против выступления, но, опасаясь не получить поддержки в условиях всеобщего патриотического подъема, открыто не высказывались. Да и среди самих «напредняков» существовали разногласия. Так, Маринович полагал, что проводя антивоенную агитацию, он скомпрометировал бы себя в глазах русских[1].

Радикалы были убеждены, что война поможет борьбе с бюрократическим аппаратом и, ослабив позиции правительства, создаст условия дли проведения реформ[2].

Придя к власти, кабинет Ристича, вопреки ожиданиям, в первое время держался миролюбивой политики[3], что воспринималось некоторыми из современников как его отход от стремления к войне и вызывало раздражение у князя[4]. В действительности Ристич готовил почву для выступления и, прежде всего, в дипломатическом плане. В многочисленных исследованиях югославянских историков справедливо отмечалось, что важным в плане дипломатической подготовки войны было заключение сербо-черногорского союзного договора. Но еще важнее для Ристича было добиться расположения России, обещания ее поддержки. Именно с этой целью, а не только для получения займа, направляется им в Россию сербский представитель М. Протич.

Что касается общественности России, то повсеместное поддержка борющихся славян, призывы к русскому правительству активизировать деятельность в их защиту, сочувственное отношение к военным приготовлениям двух сербских княжеств позволяли рассчитывать Ристичу на помощь в случае войны. Позиция же официальной России была другой. Российская дипломатия готовилась к Берлинской встрече, где должен был рассматриваться проект урегулирования Восточного вопроса, составленный А. М. Горчаковым. Идея автономии Боснии и Герцеговины была центральной в этом проекте. Но расчеты Горчакова на поддержку Бисмарка не оправдались, так как Д. Андраши охарактеризовал представленный русской делегацией документ «как абсолютно неприемлемый»[5].

[1] *Пирочанац М.* Наша завршна реч. Београд, 1896. С. 14–15.

[2] См.: «Историја српског народа». Београд, 1981. К. 5. Т. 1. С. 378–379; *Ђорђевић М.* Друштвено-политички услови и исходи српско-турских ратова 1876–1878 // Србија у завршној фази Велике источне кризе (1877–1878). Београд, 1980. С. 39–57.

[3] АВПРИ. Ф. Отчеты. 1876. Л. 277–278 об.

[4] *Каљевић Л.* Op. cit. С. 34.

[5] См. анализ причин русских неудач в Берлине: *Виноградов К.Б.* Указ.соч. Međunarodni naučni skup povodom stogodišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. T. 1. S. 124–127.

В результате переговоров был выработан документ, который из-за поправок, внесенных Австро-Венгрией, превратился всего лишь в расширенную ноту самого Андраши от 18 декабря 1875 г.[1] Этот документ, известный под названием «Берлинский меморандум», был принят тремя державами 1 (13) мая 1876 г.

К меморандуму, требующему от Порты приостановить военные действия и заключить с повстанцами двухмесячное перемирие, возобновить деятельность смешанной консульской комиссии для наблюдения за проведением в жизнь обещанных реформ и контроля за их выполнением[2] присоединились правительства Франции и Италии. Правительство Великобритании во главе с Дизраэли высказалось против очередного вмешательства в пользу балканских славян и не присоединилось к меморандуму. Такая позиция Великобритании ставила под сомнение действенность нового дипломатического шага. Между тем события на Балканах еще более обострились в связи с убийством в Салониках мусульманами-фанатиками французского и германского консулов[3] и жесточайшим подавлением Апрельского восстания в Болгарии.

Русские дипломаты, внимательно следившие за развитием событий в Болгарии, и, в первую очередь сам посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, полагали, что в данной ситуации уже не могли помочь реформы и частичные уступки, которых требовала от Порты европейская дипломатия[4]. Характерно, что именно в связи с восстанием в Болгарии Игнатьев впервые официально высказал мысль о возможности вмешательства в борьбу Сербии. Сообщая Гирсу о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии, Н. П. Игнатьев докладывал, что отряды болгарских повстанцев, разбросанные по горам, «будут неминуемо разбиты, если вступление в войну Сербии, или какие-либо другие внешние осложнения не отвлекут силы турок»[5]. В исторической литературе утвер-

[1] История дипломатии. Т. 2. С. 90–91; *Паскалева В.* Австро-Венгрия и национальное движение на Балканах (1875–1877 гг.) // Međunarodni naučni skup povodom stogodišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama u istočnoj krizi 1875–1878. godine. Sarajevo, 1977. T. 1. S. 148–150.

[2] Русско-германские отношения 1873–1914. (Документы из Секретного Архива бывшего Министерства иностранных дел). М., 1922. С. 45–49.

[3] Убийство консулов сильно подорвало веру повстанцев в обещания Турции в случае прекращения ими борьбы даровать им прощение. «Как теперь убеждать выходцев из Герцеговины и Боснии, чтобы они возвратились на родину? Какой безопасности могут они ожидать от султанского правительства. когда турецкие власти бессильны ограждать даже консулов от ярости мусульман», — писали «Московские ведомости» 1 мая 1876 г.

[4] О позиции русской дипломатии по отношению к Апрельскому восстанию см.: *Улунян А. А.* Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 86–91.

[5] ОБТИ. Т. 1. Док. 105.

дилось мнение, что Н. П. Игнатьев инструктировал Карцова о необходимости подготовки Сербии к войне. Игнатьев в своих воспоминаниях, правда, утверждает обратное, уверяя, что «обвинения, возводившиеся на мои мнимые подстрекательства славян и увлечения, лишены всякого основания»[1]. По-видимому, Карцов, выполняя инструкции Игнатьева, а порой действуя самостоятельно, вел двойную игру, выражая готовность в своих донесениях в министерство удержать Сербию от войны и одновременно в беседах с сербскими чиновниками еще осенью 1875 г. заявлял, что сейчас войну начинать рано, а вот весной другое дело[2].

Л. Калевич вспоминал, что «Игнатьев (через Карцова) уверял нас, что в Петербурге думают иначе, чем говорят нам, и что Россия не оставит нас в случае поражения»[3]. По-видимому, теперь, когда неуспех русских предложений в Берлине поставил под сомнение возможность мирного решения кризиса, Игнатьев считал возможным начало сербо-турецкой войны. Берлинский меморандум вызвал недовольство большей части русского общества и породил убеждение, «что Сербия рано или поздно будет вовлечена в войну»[4]. Член Петербургского славянского комитета А. М. Поршняков сообщал Председателю комитета А. И. Васильчикову из Рагузы, что решения Берлинской встречи «погубят дело» и что в связи с этим П. А. Монтеверде отправляет для напечатания в «Русском мире» воззвания к русскому обществу, «чтобы хоть оно не предало братьев, оставленных дипломатами в руках турок»[5]. Единственным положительным моментом меморандума в России считали признание славянских повстанцев воюющей стороной, полагая, что это «обязывает австрийское правительство относиться к ним несколько иначе»[6], и теперь им «будет дозволена открытая помощь»[7].

Но вручение Порте Берлинского меморандума даже в таком урезанном виде не состоялось в связи с государственным переворотом в Турции. 18 (30) мая 1876 г. сторонниками Мидхата-паши был свергнут, а затем убит султан Абдул-Азиз, на престол был возведен Мурад V.

---

[1] Записки графа Игнатьева // Исторический вестник. 1914. Т. 12. № 2. С. 445–446.

[2] *Миличевић М.* Одломци дневника // Српски књижевни гласник. Нова серија. N. 6. С. 430.

[3] *Каљевић Л.* Op. cit. С. 20.

[4] Голос. 1876. 9 мая. № 128

[5] РГИА. Ф. 651. Д. 905. Л. 2 об. Эта корреспонденция Монтеверде была напечатана в «Русском мире» (№ 133), и министр внутренних дел Тимашев за «резкие отзывы о деятельности европейской дипломатии для замирения Востока и воззвание к обществу с целью протеста против решений Берлинской конференции. признал нужным объявить этой газете второе предостережение». ОБТИ. Т.1. Док. 109.

[6] Новое время. 1876. 5 мая. № 118.

[7] ОР РГБ. Ф. 332. К.3. Д. 4. Л. 73.

Этот переворот привел к власти в Османской империи ярых противников России и врагов мирного разрешения кризиса. А. М. Горчаков, предполагая возможный отказ турецких властей принять Берлинский меморандум, предложил отсрочить выступление пяти держав до прояснения политической обстановки. Ситуация же складывалась крайне неблагоприятная для балканских славян, так как в Турции росли милитаристские настроения. Русскому посланнику в Константинополе поступают донесения консулов из различных городов Османской империи — Битоли, Рущука, Солуни, Скутари, Янины, Смирны, Трапезунда, Эрзерума с сообщениями об откликах на падение султана Абдул-Азиза и воцарение Мурада V.

В донесениях говорится о всеобщем энтузиазме: «Рассказы о несметных миллионах, оставленных покойным султаном не только на покрытие государственного долга, но и на уплату жалованья и даже ведение войны с Черногориею и Сербиею, особенно пленили воображение обнищавшего мелкого чиновничества и разоренного непомерными налогами простого народа. Отмена новым султаном обещанных Абдул-Азизом реформ в пользу христиан — составляет вторую причину радости мусульман»[1]. Русскому правительству в связи с этими событиями все сложнее было демонстрировать Австро-Венгрии свое стремление удержать Сербию и Черногорию от войны, тем более, что на сербскую военную службу поступил русский генерал М. Г. Черняев и тотчас же принял самое активное участие в военных приготовлениях правительства.

М. Г. Черняев[2], выехал из Москвы в Сербию 7 апреля 1876 г. Поездка эта, принесшая генералу столь громкую славу поначалу и такое множество упреков и обвинений в конце ее, была задумана им давно. Под влиянием славянофильских идей (уже первый номер аксаковского «Дня» — 15.X.1861 г. — произвел на Черняева огромное впечатление), он еще в 1867 г. во время обострения сербо-турецких отношений, в письме к сербскому князю Михаилу предлагал свои услуги «как в мирное, так и в военное время»[3]. Ответное письмо князя Михаила, в котором тот благодарил, просил взять отпуск и приехать в Сербию, было вскрыто в России и о содержании его доложили Д. А. Милютину. Военный министр вызвал генерала и обвинил его в нарушении воинского устава. Черняев вскоре после этого вышел в отставку, но мысли о необходимости личного участия в славянской борьбе за свободу его не оставляли.

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 28. Л. 493 об. — 494.

[2] Генералу Черняеву посвящена монография американского исследователя Дэвида Маккензи, на протяжении многих лет активно изучающего историю русско-сербских отношений и собственно историю Сербии в новое время. См. MacKenzie D. The Lion of Tashkent. N. Y., 1974.

[3] Русский архив. 1914. № 1. С. 26–28; *Ђурковић В.* Односи између Србије и Русије од 1185–1903. Београд, 1903. С. 67.

С началом восстания в Герцеговине, а затем в Боснии Черняев активизировал свою деятельность. Его газета «Русский мир» первой напечатала воззвание жертвовать в пользу герцеговинцев. Публикации газеты по славянскому вопросу содержали открытые призывы к активному вмешательству России в события на Балканах. Газета первая отправила еще летом 1875 г. в Герцеговину своего корреспондента П. А. Монтеверде, сообщения которого, публикуемые в «Русском мире», были наполнены упреками в пассивности в адрес русского правительства, что неоднократно вызывало нарекания в адрес газеты со стороны министерства внутренних дел.

Осенью 1875 г. Черняев помог выехать в Герцеговину первым русским добровольцам[1]. Тогда же, в сентябре И. С. Аксаковым, была предпринята попытка получить деньги у московских купцов на финансирование экспедиции Черняева в Герцеговину во главе отряда из 10 офицеров и 50 солдат[2]. Но большого энтузиазма у московских славянофилов эта идея в то время не вызвала. Зимой 1875/76 г. Черняев пишет Монтеверде: «Оба комитета (Петербургский и Московский — *Л. К.*) выразили желание, чтобы я ехал в Герцеговину для организации военной части... Из моих писем вы могли догадаться об моем давнишнем желании принять участие в этом общеславянском деле, и если я воздерживался до сих пор, то единственно по неимению достаточных средств»[3].

О намерениях Черняева стало известно царскому правительству и по приказу Александра II за ним было установлено секретное наблюдение. 7 февраля 1876 г. шеф жандармов А. Л. Потапов лично объявил Черняеву, «что его величеству неугодно, чтобы генерал Черняев уезжал в Герцеговину и содействовал инсургентам»[4]. Но, узнав о военных приготовлениях в Сербии, Черняев приехал в Москву, где лидеры славянского комитета при посредничестве сербского митрополита Михаила выясняли реакцию сербского князя на возможный приезд генерала в Сербию.

Получив положительный ответ из Сербии, Московский славянский комитет выдал Черняеву 6 тыс. рублей и помог ему тайно выехать в Сербию[5].

В исторической литературе долгие годы существовало мнение, что приезд Черняева явился определяющим фактором для начала войны Сербии и Черногории с Турцией[6]. Документы же неопровержимо свиде-

[1] ОР ИРЛИ (Пушкинский дом). 5370.XXVII. Д. 253. Л. 8 об.

[2] ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Д. 3. Л. 115–117 об.

[3] ОР ИРЛИ (Пушкинский дом). 5370. XXVII. Д. 253. Л. 12 об.

[4] ОБТИ. Т. 1. Док. 85.

[5] Об обстоятельствах отъезда Черняева см.: *Дурново Н.Н.* К истории сербо-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. № 2. Т. XXV. С. 531–537.

[6] См., например, *Карцев Ю. С.* За кулисами дипломатии // Русская старина.1908. Т.133. С. 571; Т. 134. С. 313;. *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. К . II. Београд, 1934. С. 9–23.

тельствуют, что к моменту приезда Черняева в Сербии не только завершились военные приготовления, но и был уже выработан план кампании[1]. С. А. Никитин, говоря о том, что война с Турцией к приезду Черняева была делом решенным, отмечает, однако, что «факт его приезда имел бы неизмеримо меньшее значение, если бы Черняев прибыл сам по себе, без предварительной переписки славянского комитета с сербским правительством»[2]. В сербской историографии также констатируется, что приезд Черняева лишь давал Ристичу дополнительные гарантии русской помощи, во всяком случае со стороны славянских комитетов[3].

Какова же была цель славянских комитетов и почему выбор их пал на Черняева? Ведь Аксаков и другие славянофильские лидеры не переоценивали ни полководческих, ни личных качеств отставного генерала. «Непонятно, как могли люди, близко знавшие его, поставить на высокий административный пост, где практический смысл и выдержка необходимы, удивляться, что он понаделал промахов, а потом преследовать его и колоть этими промахами почти до самой гробовой доски», — писал племянник русского консула в Белграде и исследователь событий кризиса Ю. С. Карцев[4]. Г. К. Градовский в своих воспоминаниях подчеркивал, что когда в Сербию отправился М. Г. Черняев, для него было несомненно, что «кроме позора и бед из этого предприятия ничего не выйдет»[5], об этом же говорится и в его перлюстрированном письме к А. Д. Градовскому от 31 июля 1876 г.[6] И. С. Аксаков же так объяснял свой выбор самому Черняеву: «Тут нужен был человек более хладнокровный, хотя нет сомнения, хладнокровный человек не отважился бы на то дело, которое вы так смело предприняли»[7].

Несомненно одно: славянские комитеты, посылая Черняева, не рассчитывали на длительную самостоятельную борьбу Сербии и Черногории с Турцией, их задачей было заставить более активно вмешаться в балканские события русское правительство. Аксаков излагал Черняеву впоследствии, как он представлял себе цели и задачи деятельности отставного русского генерала на Балканах: «... Снаряжая вас в Сербию и потом, отправляя добровольцев, я имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних комитетов»[8].

---

[1] Записници седница. С. 166–169.

[2] Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 49.

[3] Живот и рад Јована Ристића. Београд, 1985. С. 64.

[4] Русская старина. 1908. Т.134. С. 313.

[5] *Градовский Г. К.* Архистратег славянской рати // Образование. 1909. № I. С. 115–116.

[6] ОБТИ. Т. 1. Док. 189.

[7] Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 208. М. Г. Черняев). Д. 42. Л. 58.

[8] Там же. Л. 9 об.

М. Г. Черняев, несколько преувеличивая свою роль, писал в автобиографии о своем отъезде в Сербию: «... Я поехал в Москву к Аксакову и говорю ему, эти сербы будут Бог знает сколько времени толковать, если им не будет дан толчок, и что я решил ехать туда»[1]. И хотя война была уже решена в Сербии, но приезд Черняева, писал митрополит Михаил Аксакову, придал сербам уверенность в сочувствии России[2].

Совсем иной была реакция на самовольную выходку М. Г. Черняева официального Петербурга. Русское правительство с негодованием восприняло нарушение генералом данного им обещания не ездить на Балканы[3]. В ответ на запрос из Петербурга, поступил ли Черняев в Сербии на службу[4], 8 мая 1876 г Карцов телеграфирует : «Черняев прибыл в Белград 10 дней тому назад, явился ко мне как турист и редактор «Русского мира». Князь Милан просил его подать свое мнение об оборонительных работах и военной организации Сербии. С этой целью Черняев отправился внутрь страны. О поступлении же его на сербскую службу до сих пор не было речи»[5].

Впоследствии Черняеву ставилось в вину то, что ознакомившись с военным потенциалом Сербии, он не отсоветовал князю Милану начинать войну. Следует отметить: и в рапортах Аксакову, и в отчете сербскому князю о поездке на Мораву Черняев неустанно подчеркивал неготовность Сербии к войне[6]. Сразу же после прибытия в Белград он сообщал Аксакову: «Меня приняли здесь очень хорошо, но, к сожалению моему, возлагают на меня слишком большие надежды. Между тем у них для войны недостает многого, прежде всего денег»[7].

Александр II был категорически против поступления Черняева на сербскую службу, и Карцов должен был предупредить генерала об этом. Но 12 мая 1876 г., несмотря на предупреждения, Черняев «принял присягу на сербское подданство и сделан главнокомандующим»[8]. Карцов сообщил в МИД, что он просил Черняева «прекратить со мною всякие сношения до получения о нем резолюции». На полях донесения Карцова, сообщающего о беседе с Ристичем, в которой русский агент назвал «поступок князя Милана легкомысленным и лишенным должного им нашему правительству уважения», Александр II пометил: «Да, по

[1] Там же. Д. 56. Л. 5 об.
[2] ОБТИ. Т. 1. Док. 108.
[3] *Милютин Д. А.* Дневник. М., 1949. Т. II. С. 53.
[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 17. Л. 299.
[5] Там же. Л. 325.
[6] ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 14. Л. 84; Д. 56. Л. 6.
[7] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 14 (Аксаков И. С.). Д. 387. Л. 2 об.
[8] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 16. Л. 328; См. также: Записници седница. С. 174.

меньшей мере, а со стороны Черняева лишающей его всех прав прежнею службою у нас приобретенных»[1]. Было сделано также распоряжение «О вызове генерала Черняева обратно в Отечество»[2]. По-видимому, это не было осуществлено лишь благодаря настойчивым рекомендациям Н. П. Игнатьева, считавшего что после свержения султана Абдул-Азиза, «сербо-черногорская авантюра единственный оставшийся шанс прижать Турцию к стене и заставить ее покориться»[3].

После успешного окончания русско-турецкой войны Александр II предпочел забыть о своем требовании — немедленно вернуть Черняева в Россию, и в отредактированной лично царем статье В. А. Соллогуба (1878 г.) по этому поводу говорилось, что «император не хотел ни торопить событий, ни препятствовать силою тому, что уже было издавна начертано в книге судеб»[4]. Но, по-видимому, в конце мая 1876 г. император еще не до конца уверовал в незыблемость «книги судеб», ибо Сербии 19 мая вновь делается предупреждение о неодобрении Россией военных приготовлений, а 26 мая Карцов объявил князю и Ристичу «решительно, что они не должны рассчитывать ни на какую поддержку России»[5].

Одновременно русское правительство соглашалось на заведомо обреченную на неуспех попытку Ристича сделать предложение Порте отдать Боснию в управление Сербии, а Герцеговину — Черногории «с платою за них дани султану и ручательством от обоих князей быстро водворить мир и спокойствие без обиды для мусульманского населения»[6].

Конец мая 1876 г., таким образом, хронологически стал той критической точкой для определения позиции России по отношению к возможной войне Сербии с Турцией. В это же время рельефно вырисовываются разногласия и в самой царской семье, где в поддержку Сербии высказывались наследник и императрица[7]. О том, что «если государь против войны, его сын-наследник стоит во главе движения»[8], просил не забывать Карцова Горчаков, инструктируя его в конце мая в Эмсе по вопросу о позиции России по отношению к предстоящей войне. Вернувшись из Эмса в Белград, и анализируя ситуацию в княжестве, Карцов доносил Игнатьеву

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 16. Л. 327.

[2] РГИА СССР. Ф. 1282 (Канцелярия Министра Внутренних Дел). Оп. 2. Д. 172. (Дело по канцелярии министра внутренних дел о вызове генерал-майора Черняева из Сербии в Россию).

[3] Русская старина. 1908. Т. 134. С. 72–73.

[4] Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 году. СПб., 1878. С. XI.

[5] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 16. Л. 330.

[6] Там же. Л. 333.

[7] ОР РГБ. Ф. 126 (Киреевы и Новиковы). К. 6. Л.122 об. (Дневник А. А. Киреева).

[8] Русская старина. 1908. Т. 134. С. 70.

31 мая 1876 г.: «Общее мнение таково, что если войны не будет, то произойдет восстание против Милана»[1]. При этом Карцов полагал, «что есть еще возможность выйти из этого ужасного положения и без войны».

Поскольку нет оснований думать о неискренности Карцова в письме своему патрону, можно сделать вывод о том, что в этот решающий для Сербии момент русский дипломатический агент не пользовался доверием Милана и Ристича. По-видимому, полагая, что Карцов в этот момент может помешать военным приготовлениям Сербии, от него, прежде пользующегося доверием князя, скрывается целый ряд важных сербских инициатив. Он и сам признается в этом, телеграфируя в Петербург, что Протич отправлен в Россию «хлопотать о займе» тайно от него, а «сенатор Матич получил другую командировку (в Венецию дли заключения союзного договора с Черногорией — *Л. К.*), цель которой мне неизвестна, так как хранится в глубокой тайне»[2].

Между тем этой «глубокой тайной», а также и другими сербскими планами князь Милан делится с Черняевым, излагая и обстоятельства заключения договора с Черногорией, и откровенно объясняя, что предлагая Турции передать Боснию Сербии мирным путем, «мы не единой минуты не предполагали, что Порта выслушает благосклонно наши предложения, но мы считаем достойнее не нападать на Турцию как разбойники, а предварительно подготовить почву дипломатического разрыва»[3] Закономерно, что Карцов пользовался наибольшим доверием Милана на протяжении всего периода подготовки к войне, т. е. именно тогда, когда русский представитель не противодействовал военным приготовлениям Сербии.

Как и предполагали князь Милан и его первый министр Ристич, турецкие власти отказалась удовлетворить требования о присоединении Боснии к Сербскому княжеству. Отказ этот был выдвинут сербским правительством в качестве casus belli в ноте османскому правительству. Порта не ответила на ноту сербского князя «и ограничилась только заявлением представителям держав в Константинополе, что не нарушит 29-ой статьи Парижского трактата до тех пор, пока сербы сами не начнут наступательных действий. Вслед за тем сербский агент Магазинович выехал из Константинополя и война была объявлена»[4].

Итак, можно констатировать. что с начала боснийско-герцеговинского восстания 1875 г. и практически до окончания сербо-турецкой войны 1876 г., главным вопросом для сербской внешней политики была судьба Боснии, в той же степени, что для Черногории судьба Герцеговины и получение выхода к морю. Босния — это жизненно важная для Сербии тер-

[1] ОБТИ. Т. 1. Док. 119.

[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 16. Л. 342.

[3] Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву // Русский архив. 1914. № 1. С. 36–39. (Письмо князя Милана к М. Г. Черняеву 5. VI.1876 г.)

[4] АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 279 об.– 280.

ритория, и Ристич надеялся, что с помощью России удастся ее получить.

Россия же все это время стремилась к тому, чтобы не дать Австро-Венгрии завладеть Боснией. В сложной политической игре с Австро-Венгрией, Турцией, ее покровительницей Англией — Горчаков и русская дипломатия использовали Сербию. На первом этапе попыток дипломатическим путем решить вопрос о восставших провинциях в России считали преждевременным выступление Сербии, что усложнило бы и переговоры с Турцией, и насторожило бы Австро-Венгрию, решительную противницу роста Сербского княжества. Но «Нота Андраши» ясно представила русскому правительству тайные замыслы Австро-Венгрии — всячески избегать кардинального решения судьбы Боснии и Герцеговины. Ведь автономия провинций — прямой путь к последующему их воссоединению с Сербией и Черногорией, об этом стремлении говорится и в программах боснийских и герцеговинских повстанцев.

Внешне соглашаясь с Австро-Венгрией, а втайне разрабатывая планы противодействия ее намерениям, русская дипломатия начала реально изучать возможность войны Сербии и Черногории против Турции, полагая, что такая угроза сделает последнюю сговорчивее. Пока в Сербии и Черногории шли военные приготовления, на которые Россия смотрела «сквозь пальцы», без энтузиазма присоединяясь к возмущенным демаршам Австро-Венгрии, Горчаков вырабатывал свой план дипломатического урегулирования кризиса, который он повез в Берлин. Центральная его мысль — возврат к идее автономии Боснии и Герцеговины.

Однако Горчакова не поддержал Бисмарк, а Андраши решительно воспротивился русскому проекту и свел его практически к требованиям предложенной им «Ноты». Проведение в жизнь русских планов осложнилось и в связи с переворотом в Турции, где к власти пришли крайне воинственные круги, не склонные к компромиссам с мятежниками. Позиция же Великобритании, определяемая двумя задачами — сохранить свое влияние на Востоке и внести раскол в Тройственный союз, также продолжала служить существенным препятствием усилиям русской дипломатии.

При такой международной ситуации, когда было ясно, что мирным путем решить вопрос не удастся, Россия уже не препятствовала военным устремлениям княжеств. Возникла мысль о том, что благодаря военной угрозе конфликт будет локализован, а последующее энергичное дипломатическое вмешательство позволит добиться от Порты серьезных уступок в деле реформ на Балканах.

Анализ событий августа 1875 — мая 1876 г. дает основания утверждать, что официальная Россия не только не подталкивала Сербию и Черногорию к войне, но, напротив, по крайней мере, до середины февраля 1876 г. решительно осуждала военные настроения в княжествах. Но главная внешнеполитическая задача Сербского княжества — объедине-

ние всех сербов в их этнографических границах — заставляла правительство Сербии с каждым новым проявлением посягательства Австро-Венгрии на Боснию активнее готовиться к войне.

Несостоятельность дипломатических усилий побуждала Петербург в свою очередь смириться с военными приготовлениями Сербии. Но если возможность передачи Боснии в сферу австрийского влияния была для России нежелательна, то усиление австрийского влияния, или тем более оккупации Сербии, были просто недопустимы. На всем протяжении Восточного кризиса Российская империя защищала интересы Сербии, что входило в ее внешнеполитическую программу укрепления позиций на Балканах. Этой же цели подчинены были и усилия русской дипломатии по сглаживанию сербо-черногорских противоречий. Сдерживать Сербию от активных действий мешал и еще один немаловажный фактор — небывалый подъем русского общественного мнения в защиту балканских славян. Данное обстоятельство служило сербским государственным деятелям дополнительной гарантией того, что Россия не останется безучастным зрителем в случае войны.

Канцлер Горчаков прекрасно понимал, что значит для укрепления авторитета правящего кабинета Сербии поддержка России. Еще в 1872 г. он отмечал рост престижа регентов после того как они организовали визит молодого сербского князя к русскому императору. Это дало им основание утверждать, что Россия одобряет их политику[1]. По-видимому, этот опыт заставил Горчакова настоять, чтобы в период правления первого «министерства действия» Александр II отказался принять князя Милана в Ливадии, ведь это дало бы дополнительный козырь Ристичу. Во время же второго министерства действия, накануне вступления Сербии в войну, таким козырем для Ристича явилась поддержка славянских комитетов, приславших для помощи Сербии генерала М. Г. Черняева.

В. Хойбергер

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕНЬЯМИНА КАЛЛАИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Отношения между Габсбургами и османами — это не только растянувшаяся на века череда вооруженных конфликтов, но и история многообразных политических, экономических и культурных связей, в поддержании которых заметная роль принадлежала дипломатам и деятелям науки и культуры. В настоящей статье речь пойдет не о военно-

[1] *Поплыко Д. Ф.* Проблемы освобождения народов Балканского полуострова в русско-сербских отношениях начала 70-х гг. XIX в. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 2. С.187.

стратегических аспектах отношений между Австрией (с 1867 г. Австро-Венгрией) и Османской империей. Конфронтация, войны и другого рода столкновения между Веной и Портой веками были всего лишь одним, пусть и важным, аспектом, но к ним не сводилось все многообразие контактов между двумя империями. Куда интереснее проследить роль, как принято говорить, «политики, осуществляемой пером, а не мечом», вклад дипломатов и тех, кто стоял за ними. Среди тех, кто способствовал развитию как политических, так и научных и культурных связей между Австрией и Османской империей, был Беньямин Каллаи (1839–1903), государственный деятель и ученый.

Восточный вопрос в XIX в. представлял для стран Европы важнейшую проблему, с ним же, в свою очередь, был связан целый ряд на первый взгляд неразрешимых конфликтов. Прогрессировавший политический и экономический упадок Османской империи и его последствия на Балканах, прежде всего в Боснии и Герцеговине — «сердце» ислама и Османской империи, стали для европейских держав узловым вопросом.

Оставаясь, подобно Австрийской и Российской империи, полиэтничным и поликонфессиональным государственным образованием, Оттоманская Порта в начале XIX в. столкнулась с набиравшими силу национально-освободительными устремлениями подвластных ей народов. С конца XVII в., а в полной мере на рубеже XVIII–XIX вв. Османская империя — этот грозный противник и соперник Вены на Балканах — стремительно деградировала, превращаясь во внутри-и внешнеполитически слабое государство. Несмотря на попытки реформ первой половины XIX в., все мероприятия в сфере политики и экономики, в общественной жизни, администрации, армии и системе образования к желаемой стабилизации так и не привели[1]. «Вселенский ужас» превратился в «больного человека на Босфоре», как сформулировал процесс деградации в заголовке своей книги турецкий историк Асли Чиракман, образно определяя его начальные и конечные стадии[2].

Как сказывался политический и экономический упадок Османского государства в целом на его балканских владениях, в особенности с учетом политики Вены по отношению к Порте?

Данный вопрос необходимо тесно увязать с Восточным вопросом в целом, не забывая и о роли России — опаснейшего соперника, чьи экспан-

[1] Хотя реформы танзимата были направлены на уравнивание в правах мусульманского и немусульманского населения, религиозные суды не прекратили своей деятельности. См.: *Kreiser K.* Süß-bittere Erinnerungen an Rumelien. Türkische Dichter, Bürokraten, Ulema und Politiker aus Südosteuropa // Die Staaten Südosteuropas und die Osmanen/Hrsg. von H. G. Majer. München, 1989. S. 271–280, здесь: S. 274 (Südosteuropa Jahrbuch. 19).

[2] *Çırakman A.* From the «terror of the world» to the «sick man of Europe»: European images of Ottoman Empire and society from the sixteenth century to the nineteenth. New York etc, 2002 (Studies in modern European history. 43).

сионистские аппетиты в бассейне Дуная и в направлении Средиземного моря не могли не волновать Вену, а также о национальной политике, прежде всего проблеме южных славян. Что касается внутреннего положения Османской империи в 80-е гг. XIX в., то оно определялось экономическим крахом (6 октября 1875 г. государство объявило себя банкротом) и нараставшими волнениями на Балканах. Для Порты это означало балансирование между попыткой сохранить ореол великой державы и действиями с оглядкой на реально-политическую обстановку. В речи, произнесенной 26 июля 1877 г. в венгерском парламенте, посланник Б. Каллаи дал весьма точную оценку положения Османской империи. Он обрисовал это государство как колосса на глиняных ногах: оно все еще обладает внушительной военной мощью, но во внутренней политике близко к дезинтеграции, экономически крайне слабо, но по-прежнему остается державой, с которой приходится считаться европейской дипломатии. Между тем для Каллаи распад Османской империи представлялся нежелательным, он ясно понимал, что подобный процесс будет трудно контролировать[1]. Вследствие экономической нужды, политической и социальной нестабильности на подвластных османам Балканах в Австро-Венгрию устремился нараставший поток беженцев. Одновременно резко ухудшились отношения между Россией и Османской империей, что в 1877 г. привело к новой войне. На Берлинском конгрессе 1878 г. было решено, что Дунайская монархия получает законное право на оккупацию Боснии и Герцеговины.

После подавления более сильного, чем ожидалось, сопротивления против введения войск Вене пришлось как можно скорее усовершенствовать инфраструктуру этих экономически отсталых областей. Далее предстояло положить конец массовому бегству или исходу около полумиллиона проживавших там мусульман, которых страшила жизнь под властью немусульманского, т. е. христианского правителя.

Оккупировав Боснию и Герцеговину в 1878 г., Габсбурги столкнулись с целым рядом задач, однако решение осложнялось непростой этнической и конфессиональной структурой этих территорий. В 1878–1918 гг. под эгидой австро-венгерского правительства там предстояло провести реформы, направленные на модернизацию экономики, социальной и культурной сферы, осуществление которых вывело бы провинции из состояния стагнации, переживаемого ими в последние десятилетия османского господства. С программой реформ стало неразрывно связано имя и личность Беньямина Каллаи.

Сложные государственно-и международно-правовые импликации, которые принесла с собой оккупация, были урегулированы в Ени-базарской

[1] *Milojković-Djurić J.* Benjamin von Kállay: Consul and Historian in Serbia from 1868–1875 // East European Quarterly. 2003 (January). Vol. XXXVI. № 4. P. 417–440, здесь: P. 435.

(Нови-пазарской) конвенции от 21 апреля 1879 г. В ней, помимо прочего, говорилось, что жизни и собственности мусульман гарантируется безопасность, более того, султан и в дальнейшем остается их сувереном, о чьем благополучии мусульмане и далее должны возносить по пятницам молитвы в мечетях. Хотя османские правители с 1517 г. претендовали на титул халифов, только начиная с конца XVIII и в XIX вв. они стали настойчиво требовать признания соответствующего этому почетному титулу религиозного и политического значения. Маркграф Иоганн Паллавичини (1848–1941), с января 1906 по ноябрь 1918 г. служивший послом Дунайской монархии в Стамбуле и в апреле 1908 г. ставший свидетелем младотурецкой революции, в связи с этим констатировал: по его наблюдениям, для мусульман религия и халифат всегда были самыми значительными понятиями, которые «являлись святыней для турецких мусульман»[1].

Вопрос о международно-правовом статусе Боснии в последующие десятилетия поднимался еще не раз. Примерами тому могут служить распространение на Боснию военного закона 1881 г. или вопрос о паспортах и представительстве жителей Боснии и Герцеговины заграницей. Следовало ли придерживаться законов Австро-Венгрии или Османской империи? В повестке дня также стоял вопрос о новом порядке деятельности религиозных организаций ислама. Всеми этими проблемами предстояло вплотную заняться Беньямину Каллаи и его сотрудникам. Среди последних достаточно упомянуть имя барона Гуго Кучера (1847–1910), в 80-е гг. XIX в. служившего при Каллаи в должности помощника по гражданским делам (*Ziviladlatus*) и отвечавшего за реструктурирование отправления религиозного культа в Боснии. Как и другие чиновники, которых Каллаи выбрал для службы в провинции, он был карьерным дипломатом и вполне профессионально ориентировался в тонкостях Восточного вопроса.

Решающим для проведения программы реформ была та ситуация, которую Дунайская монархия застала в крае — результат многовекового небрежения и из рук вон плохого хозяйствования. Экономика и культура буквально «лежали в руинах», к тому же ожидания трех групп населения от нового, христианского властного порядка были различными. Сербы и хорваты прежде всего хотели скорейшего изменения отношений собственности, находившейся по преимуществу в руках мусульман, в свою пользу. В Вене смотрели на сербов как на «очень мобильный, энергичный, демократичный, упрямый и беспокойный», экономически активный, прежде всего в свободных профессиях и предпринимательстве, народ. Хорваты представлялись «неторопливыми, дружелюбными, послушными светским и духовным властям, уважающими Австрию как мощную ка-

[1] Цит. по: *Bridge F. R.* Die jungtürkische Revolution aus österreichisch-ungarischer Sicht // Österreichische Osthefte. 1996. 38. Jg. Heft 1. S. 23–52, здесь: S. 45.

толическую державу-покровителя»[1]. Для третьей группы, мусульманского населения, изменение образа жизни под властью христиан было связано с большими опасениями. Прежний опыт мусульман в Восточной и Южной Европе, попадавших после отступления Османской империи под власть христиан, был неутешительным. Они боялись выселения, экспроприации и насильственного обращения в христианство: в первое время после оккупации в крае царили чувство неуверенности и страхи, впоследствии не оправдавшиеся[2].

Рассмотрим теперь процессы в духовной жизни, переживания и ожидания мусульман. Босния и Герцеговина считалась, как говорилось выше, «сердцем» Османской империи на Балканах, краем, не одно столетие «поставлявшим» империи выдающихся ученых и искусных государственных деятелей. О важной роли Боснии в Османском государстве писал в своих многочисленных трудах умерший в 2003 г. Смаил Балич[3].

Какие вопросы особенно волновали мусульман Боснии и Герцеговины и вместе с ними административные органы, которым было вверено решение возникавших проблем?

В связи с этим следует упомянуть благотворительные фонды (называемые «вакиф») и новые принципы их функционирования, а также вопрос о деятельности религиозных организаций мусульман. Ислам никогда не был централизованной религией, и к тому же в Боснии не было никаких центральных органов управления культурой. У Стамбула и имевшего там резиденцию шейх-уль-ислама (главного муфтия) были только некоторые центральные функции. Религиозные вопросы регулировались самими общинами, учеными-богословами и чиновниками, такими, как администраторы благотворительных фондов. Назначение чиновников в религиозной сфере происходило от имени султана и шейх-уль-ислама. На территориях, перешедших под контроль Австро-Венгрии, были пересмотрены принципы деятельности трех религиозных общин: мусульман, римских католиков и православных. Для мусульман 17 октября 1882 г. новым главой был назначен сараевский муфтий под именем реис-уль-улема (глава богословов), при котором действовал состоявший из богословов совет

[1] *Neurath O.* Galizien und Bosnien während des Balkankrieges. Wien, 1913. S. 39–42 (Separatabdruck aus dem VIII. (19.) Jahresbericht der Neuen Wiener Handelsakademie).

[2] Отто Нойрат обращает внимание на то, что положение в сфере религии было исключительно стабильным. С 1878 по 1910 г. известно всего о 220 случаях перехода в иную веру, причем не все касались мусульман и автохтонного населения, некоторые относились к переселенцам. Значительное число обращений было связано с браком, заключенным с представителем другой конфессии. См.: *Neurath O.* Op. cit. S. 44–45.

[3] *Balić S.* Bosnien und der deutschsprachige Kulturraum. Eine historisch-zeitgenössische Skizze. Köln, 1992; *Idem.* Das unbekannte Bosnien. Europas Brücke zur islamischen Welt. Köln, 1992;

Idem. Der Islam — europakonform? Würzburg, 1994.

(меджлис-и-улема). Во вновь присоединенной к Австро-Венгрии провинции действовал орган исламского религиозного права — суд шариата[1].

Разнообразные реформы, инициатором которых был главным образом Каллаи, имеют особое значение для другого большого комплекса проблем — поведения мусульман, чья территория надолго оказалась под властью немусульман. Перед мусульманами встал вопрос: уехать или остаться, стараясь наилучшим образом приспособиться к новым условиям. А. Бабуна справедливо указывает на, с одной стороны, экономические, а с другой стороны, политические причины, которые вели к решению покинуть родину и составили отдельную главу в истории отношений между Австро-Венгрией, Боснией и Герцеговиной и Османской империей[2]. Насколько последняя выступала в роли «честного посредника», когда речь шла об интересах балканских мусульман? В качестве примера можно привести позицию Османской империи по вопросу об эмиграции боснийских мусульман. С австрийской стороны была налицо попытка ее сдержать: власти не хотели ни массового бегства, ни массового исхода. Османская же империя рассматривала полмиллиона мусульман (по подсчетам 1879 г. около 450 тыс. человек) как козырную карту в игре. Массовый исход после 1878 г. не был выгоден Порте, потому что таким образом она теряла основания для территориальных притязаний, ведь если бы в Боснии не осталось мусульман, то какие претензии мог выдвинуть султан? К тому же свою роль не одно столетие играли и иные (гео)политические устремления Османской империи. Ф. Аданир писал о том, что в период строительства железной дороги до Багдада в ходе дебатов в османском совете министров возникла идея расселения балканских мусульман вдоль линии железной дороги[3]. В лице Б. Каллаи Австро-Венгерская монархия обрела на период его полномочий, с 1882 по 1903 г., нужного человека в нужном месте. Он был политиком, талантливым ученым и историком, чьи труды свидетельствуют о понимании и прежде всего точном знании южного славянства, в особенности сербов, дипломатом, который, прожив многие годы на Балканах, изъездив полуостров вдоль и поперек, из первых рук знал этот регион. Например, в 1868–1875 гг. Каллаи служил австрийским послом в Белграде. Он был глубоким знатоком истории Балкан и проживавших там народов, их

[1] *Kornrumpf H.-J.* Scheriat und christlicher Staat: Die Muslime in Bosnien und in den europäischen Nachfolgestaaten des Osmanischen Reiches // Saeculum. 1984. 35. Jg. Heft 1. S. 17–30; *Eichler E.* Das Justizwesen Bosniens und der Herzegowina. Wien, 1889.

[2] *Babuna A.* Die nationale Entwicklung der bosnischen Muslime. Mit besonderer Berücksichtigung der österreichisch-ungarischen Periode. Frankfurt am Main etc., 1996. S. 51 (Europäische Hochschulschriften. Reihe XXXI. Politikwissenschaft. Bd. 294).

[3] *Adanir F.* The Formation of a «Muslim» Nation in Bosnia-Herzegovina: a Historiographic Discussion // Ottomans in the Balkans. A Discussion of Historiography / Ed. by F. Adanir, S. Faroqhi. Leiden, 2002. S. 267–304, здесь: S. 273.

духовной, религиозной и культурной жизни. Роль Каллаи как ученого характеризует его труд «История Сербии», который в 1877 г. вышел в свет на венгерском языке, а в следующем, столь значимом для судеб Боснии и Герцеговины, 1878 г. был переведен и опубликован в Лейпциге, в типографии Швикера, на немецком языке. Наконец, в 1882 г., когда Каллаи получил пост министра в общем австро-венгерском министерстве финансов, Гаврило Виктович перевел книгу на сербский язык[1].

Беньямин Каллаи за годы службы в Боснии и Герцеговине снискал немало заслуг. Прежде всего, мусульмане не подвергались никакой дискриминации, но получили широкие возможности модернизировать и развивать свои общественные организации. Служившие в Боснии чиновники и провинциальная администрация в целом заботились о сохранении мусульманских традиций, и несомненной заслугой Каллаи стало то, что ему удалось создать образцовый управленческий аппарат для мусульманских групп населения, находящихся под властью христиан[3].

Пер. с немецкого языка О. В. Хавановой

З. С. Ненашева

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРАГЕ

История появления и функционирования русской православной церкви в Праге практически не исследована, несмотря на то, что эта тема (и связанная с ней проблематика) обеспечена широким кругом достовер-

[1] *Milojković-Djurić J.* Op. cit. S. 434.

[2] См.: *Babuna A.* Op. cit. S. 221–222. Интересный пример приводит врач К. Ульманн. При организации паломничества в Мекку к руководителям, ответственным за религиозно-духовную сферу, придавался также профессиональный врач. Паломники прибывали в Фиуме (совр. Риека) или Триест, где их ждали зафрахтованные суда, и плыли в Мекку. На обратном пути они тоже держались группами. Те, кто прибывал поодиночке или с опозданием, должны были въезжать только через Босански-Брод, где им предстояло пройти медицинское освидетельствование, уклонение грозило крупным штрафом. На пограничном и карантинном пункте в Босански-Броде паломникам вручали медицинское свидетельство. Ближайшие карантинные пункты располагались в Суэце и Триесте, там паломников осматривал врач. Начиная с этого времени число эпидемий пошло на убыль а, например, проказу, считавшуюся для Боснии эндемическим заболеванием, практически удалось победить. См.: *Ullmann K.* Über Entwicklung und den derzeitigen Stand der hygienischen Verhältnisse in Bosnien und der Hercegovina. Nach amtlichen Quellen und den eigenen Wahrnehmungen bearbeitet von Privatdozenten Dr. Karl Ullmann. Vorträge gehalten in dem internationalen Wirtschaftskurse August 1910. Sonderabdruck aus «Beiträge zur Wirtschaftskunde Österreichs». Im Selbstverlage. Wien, 1911. S. 484–501, здесь: S. 494–495.

ных источников. В качестве парадоксального историографического факта можно привести тезис, высказанный в 1999 г., о том, что в конце 90-х гг. XIX века «костел закрыли»[1]. Между тем начало XX в. — это время многогранной деятельности самой яркой фигуры среди служителей Пражской православной церкви — протоиерея Николая Павловича Рыжкова. В 1901 г. он был назначен настоятелем православных храмов в Праге и Карловых Варах и служил в них вплоть до начала Первой мировой войны[2].

В истории церкви св. Николая во второй половине XIX — начале XX века выделяется несколько крупных проблем. Одну из них можно определить, как «трудное начало». Процесс превращения самой идеи появления русской православной церкви в Праге в реальный проект, как и во многих других межславянских начинаниях, оказался крайне сложен. Достаточно сказать, что как чешской, так и российской стороной он подавался в качестве частной инициативы. Лозунгом действий российских инициаторов устройства церкви стали слова «конфиденциальность превыше всего»[3].

В таком контексте становится очевидной значимость второй проблемы — проблемы финансирования. Она оставалась животрепещущей на протяжении всего времени функционирования церкви. Однако события начала 70-х гг. XIX в., когда решался вопрос о реконструкции костела св. Микулаша, одного из древних и красивейших храмов, находившегося буквально в сердце Праги, в Старом Городе, рядом с Ратушей, было определяющим. С другой стороны, этот период, несмотря на достигнутый, в конце концов, результат, сами устроители характеризовали как «время отчаяния». Бремя строительства, обеспечение причта, организация служения потребовали колоссальных сил и средств.

Несколько вводных слов

Толчком к появлению конкретного проекта стала инициатива великой княгини Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I. Речь шла о готовности пожертвовать в домовую православную церковь в Праге иконостас походной церкви в

[1] Tatiana Ivantyšynová. Pravoslávie v rusko-českých vzt' ahoch v 60–70. rokoch 19. storočia // Stredoeuropské národy na krizovatkách novodobých dejín 1848–1918. Prešov-Bratislava-Wien. 1999. S. 109–116.

[2] 7 августа 1914 г. Н. Рыжков был заключен под стражу. 7 мая 1917 г. австрийским военным судом был вынесен приговор: «К смерти через повешение». Приговор не был приведен в исполнение благодаря тому, что российское правительство сумело обменять отца Николая на униатского митрополита Андрея (Шептицкого), попавшего в плен после взятия русскими войсками Львова.

[3] Об этом подробнее см.: *Ненашева З. С.* Русская православная церковь в Праге // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 412–431.

Карлсбаде (Карловых Варах). На наш взгляд, это было чистое, не омраченное никакими политическими целями, пожелание глубоко верующего человека. Но именно оно стало импульсом для конкретных действий со стороны протоиерея русской посольской церкви в Вене Михаила Федоровича Раевского, подключившего к его реализации Славянский благотворительный комитет. Следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, на время начавшейся переписки между Веной и Санкт-Петербургом: май 1868 г. Во-вторых, (об этом прямо свидетельствуют документы) чешские деятели не захотели ограничиваться столь скромным проектом.

Таким образом, первое наблюдение, заслуживающее внимания, состоит в том, что благодаря стечению обстоятельств, на гребень обсуждения довольно узкого круга лиц, как с чешской, так и российской стороны, вынесло идею, казалось бы, не имевшую под собой почвы, крайне далекую от реальности. Однако в этом фантастическом проекте сфокусировались личные амбиции отдельных российских и чешских общественных деятелей.

Начало активной переписки приходится на конец 1869 г. Причем в обсуждение с обеих сторон были включены фигуры, хотя и не первой величины, но деятели чрезвычайно энергичные и целеустремленные. С российской стороны — граф А. Е. Комаровский. С чешской — адвокат Франтишек Браунер. Причем в этот момент — декабрь 1869 г. — чехи пытались отстоять «пакетный принцип»: речь шла об «устройстве в Праге русского консульства и при нем русской церкви»[1]. Однако такой вариант оказался не приемлемым для официальных властей России. Для учреждения консульства были необходимы серьезные политические, экономические обоснования и, что особенно существенно, наличие государственно-правовых договоренностей с Австро-Венгрией. На тот момент их просто не существовало.

9 февраля 1870 г. — вот исходная дата, когда чехами был решен вопрос о появлении русской православной церкви в чешской столице в принципе. На заседании магистрата города Праги было постановлено «передать во владение русских» храм св. Микулаша. И как ни странно это звучит, наступило самое сложное время в реализации этого проекта.

Какие моменты обращают на себя внимание? Прежде всего, бросается в глаза «конфиденциальность» даже в отношениях между С.-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета (А. Ф. Гильфердингом), обер-прокурором Святейшего Синода (графом Дмитрием Андреевичем Толстым) и митрополитом Санкт-Петербургским (Его Высокопреосвященством Исидором). Словами «весьма конфиденциально», «особенная осторожность» пронизана вся переписка между названными ведомствами.

Однако в момент, когда нужно было перейти от разговоров непосред-

[1] Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 218. № 190. А. Е. Комаровский — М. Ф. Раевскому. 26 ноября (8 декабря). 1869 г.

ственно к практическим действиям, в центре событий оказались Св. Синод и Министерство иностранных дел. Они придерживались противоположных точек зрения, что вполне естественно. Позиция МИД была весьма сдержанной в отношении замышлявшегося проекта, поскольку это могущественное учреждение не имело четкого понимания: кому, по большому счету, могла быть адресована новая структура. Значительно ближе по духу к инициаторам проекта был Святейший Синод, носитель фундаментальных православных традиций. Думается, что свою роль в данной ситуации сыграл и следующий фактор: весной 1870 г. от Св. Синода требовалась лишь «нравственная поддержка».

26 июля 1870 г. Петр Аркадьевич Голенищев-Кутузов по поручению С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета заключил договор о найме в аренду храма св. Микулаша на 30 лет для совершения православных богослужений.

Реконструкция храма св. Микулаша

Проблема финансирования реконструкции этого сооружения, несколько десятилетий служившего амбаром, оказалась намного более сложной, чем представлялось в Праге и Вене. На самые неотложные нужды лишь в первые месяцы работы потребовались огромные финансовые вложения.

В то время как в Праге работа продвигалась «очень быстро и энергично», в России вопрос об устройстве православного храма св. Николая был прерогативой нескольких частных лиц[1]. Первоначально в данном факте зачинатели не видели серьезной угрозы проекту. Об этом свидетельствует позиция председателя С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. На очередном собрании его членов 11 мая 1871 г. было заявлено, что благодаря «энергичной деятельности» графа А. Е. Комаровского и «пожертвованиям преимущественно московского купечества» работы велись «весьма успешно». Более того, И. П. Корнилов, замещавший председателя отдела А. Ф. Гильфердинга, заверил присутствующих, что они «будут закончены осенью»[2].

В действительности ситуация не была столь радужной и менялась по мере роста запросов пражских строителей. Требовали урегулирования некоторые субъективные факторы. Имеются в виду отношения между А. Е. Комаровским, «под непосредственным руководством» которого на тот момент находился проект, и председателем С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, известным ученым-славистом Александром Федоровичем Гильфердингом (1831–1872). Они не были уж такими безоблачными. Так, осенью 1870 г. граф был вы-

[1] Например, 13 декабря 1870 г. пожертвование в 100 руб. внес Л. Л. Фейгин. См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА Санкт-Петербурга). Ф. 400. Оп. 1. Д. 198, л.1.

[2] ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 198. Л.1.

нужден в результате «непонятных действий А. Ф. Гильфердинга» возвратиться в Россию[1]. Здесь он развернул широкую кампанию по сбору средств. Однако, несмотря на проявляемую им активность в этом направлении, «денег было собрано очень мало», а сбор их продвигался «очень туго»[2]. На процесс, по мнению эмоционального графа, явно сдерживающее влияние оказывала позиция официального Санкт-Петербурга. Как писал Комаровский, «в северной... столице ветер дует весьма нам неблагоприятно»[3]. Здесь по первому призыву было реально собрано всего 2 000 рублей. Более того, граф допускал, что может последовать запрет на сбор средств. Если сравнить даты высказывания И. П. Корнилова и А. Е. Комаровского, то можно заметить, что разница между ними составляет меньше месяца.

Реконструкция храма, особенно на первых порах, велась весьма интенсивно. В одном из майских писем 1871 г. Ивана Петровича Корнилова (1811–1901) М. Ф. Раевскому тот с большим удовлетворением сообщал, что «устройство церкви производится с большою деятельностию». К этому времени уже заканчивались работы по реконструкции главного купола и созданию системы отопления здания. «Составляется хор певчих. Они в совершенном восторге от Праги»,-замечает автор корреспонденции и с явным удовольствием добавляет: «В первый раз они встретили за границею такое сердечное участие ко всему русскому»[4].

Особенно важным для Корнилова было настроение чешского общества, тот факт, что «народ в высшей степени интересуется этою постройкою»[5]. Создается впечатление, что зачинатели проекта очень нуждались в позитивной информации из Праги[6].

Такой контекст хоть как-то бы объяснял, если не оправдывал, необходимость преодоления тех трудностей, которые нарастали с каждым днем. Заключались они, прежде всего, в сборе значительных средств для реконструкции костела. Инициативной группе предстояло собрать деньги для внутренней отделки здания, для устройства иконостаса и снабжения церкви всем потребным для богослужения. Объективно это была крайне

[1] Зарубежные славяне и Россия. С. 224. № 197. А. Е. Комаровский — М. Ф. Раевскому. 5 июня 1871 г.

[2] Зарубежные славяне и Россия. С. 224. № 197. А. Е. Комаровский — М. Ф. Раевскому. 5 июня 1871 г.

[3] Там же. С. 225.

[4] Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 347. И. П. Корнилов — М. Ф. Раевскому. 25 мая 1871 г. Эта информация была сообщена И. Корнилову в письме от четы Березниковых, находившихся в тот момент в Праге под опекой Патеры.

[5] Там же.

[6] Об этом свидетельствует такой, в сущности, незначительный факт. Взявший на себя «управление делами славянского комитета» Корнилов, подготовил специальную выписку из письма Березниковых, чтобы отправить ее Гильфердингу, уезжавшему в это время в отпуск.

трудная задача. Однако она еще больше осложнялась непомерными амбициями устроителей.

«Дабы православное богослужение могло явиться между чехами в достойном виде», ими было решено устроить церковь «с подобающим благолепием». Для того чтобы реализовать эти замыслы, даже по предварительному плану, на отделку требовалась минимум 30 тыс. рублей[1]. В таких условиях митрополиту Исидору ничего не оставалось делать, как благословить сбор средств сначала частными подписками, а затем и другими способами. В самые критические моменты приходилось прибегать к займам. 3 000 рублей «в надежде будущих благ» выделил в виде беспроцентной ссуды Александр Дмитриевич Башмаков, впоследствии списавший вместе со своим братом Сергеем Дмитриевичем эту сумму[2].

Большой интерес представляет механизм реализации собранных денег и организации строительства. Так, «для покрытия первых расходов» потребовалось «около 15 тыс. руб.»[3]. Только тогда «один из ревностнейших двигателей дела» граф А. Е. Комаровский отправился в Прагу в сопровождении архитектора. Именно этот деятельный человек, взяв в свои руки, по просьбе устроителей, все хозяйство, «пустил в ход все работы по отделке храма»[4]. Контракты с подрядчиками им были заключены с таким расчетом времени, чтобы церковь могла быть освящена, согласно желанию местных жителей уже осенью.

Дата была приурочена к дню празднования памяти «чешского князя Св. Вячеслава», а именно 28 сентября (старого стиля). Художественной частью заведовал «известный знаток искусств и церковной археологии граф А. С. Уваров». Иконостас был заказан в Москве. Предстояло для «совершенного устройства храма» собрать еще, по меньшей мере, около 15 тыс. рублей. Впереди ожидали своей очереди и другие расходы. Например, следовало приобрести «подобающие для столь обширной и красивой церкви утварь и облачения»[5].

Ситуация в Чешском королевстве

Действительно, некоторые из чешских деятелей ожидали освящения церкви в ноябре 1871 г.[6] Этому немало поспособствовал и М. Ф. Раевский. Еще в августе 1870 г. он писал А. Патере о скором освящении

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 41. 2 отделение, 3 стол, дело 114.

[2] ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 198. Л. 3 об.

[3] Именно они, судя по документам, и были собраны в среде московского купечества.

[4] Там же. Л. 11.

[5] Там же. Л. 11 об., 12.

[6] Зарубежные славяне и Россия.С. 87. № 57. Эдуард Георгиевич Валечка — М. Ф. Раевскому. 4 (16) августа 1871 г.

церкви[1]. По-видимому, такие настроения русского священника воспринимались чехами скорее как заявления официального российского представителя в Австро-Венгрии, чем частного лица.

Кроме того, это желание чешских сторонников скорейшего освящения православной церкви в Праге можно объяснить как субъективными пожеланиями отдельных личностей, так и быстро меняющейся динамикой развития чешско-австрийских отношений, интенсификацией переговорного процесса между чешской политической элитой и австрийским правительством. Стремление завершить как можно скорее дело с церковью, может быть даже до заключения чешско-австрийского соглашения, было вполне естественным. Конечно, не следует преувеличивать значение затеи с православным храмом в чешской столице. В то же время она не могла улучшить имидж чешских политиков в глазах Вены.

Но все-таки встает вопрос, насколько реальны были такие сжатые сроки. Конечно, с самого начала они таили в себе заметную долю авантюризма. Причем фактором «давления» в данном случае была чешская сторона. Ввязавшись в эту затею, чехи хотели как можно быстрее покончить с малоприятным на тот момент делом.

Следует указать, что весной и летом 1871 г. шли интенсивные переговоры между наиболее видными деятелями чешской политической элиты и представителями австрийской власти. В это время во главе кабинета министров Цислейтании был К. С. Гогенварт, сторонник расширения национальных прав исторических земель. С чешской стороны переговоры вели известный чешский политик Ф.Л. Ригер и лидер исторического дворянства И. И. Клам-Мартиниц, требовавшие предоставления широкого самоуправления Чешскому королевству[2]. Особенно важными были встречи, состоявшиеся в конце июня 1871 г. А 5 августа Ригер был принят императором. В Вене удалось сформулировать основные статьи чешско-австрийского соглашения. Чешскому сейму, созванному 14 сентября, был вручен рескрипт императора Франца Иосифа I, в котором тот дал согласие на коронацию Чешской короной, что подтвердило бы ее государственно-правовой статус. Сейм получил на свое рассмотрение новый избирательный закон, закон о защите национальностей в Чешском королевстве. Несмотря на протесты немецких либеральных депутатов, их решительный отказ участвовать в работе сейма, 10 октября 1871 г. чешский сейм (без необходимого квалифицированного большинства) одобрил текст Фундаментальных (Основных) статей и оба упоминавшихся выше закона, а также благодарственный адрес императору.

[1] LA PNP. F. Adolf Patera. Michail Fedorovič Rajevskij — Adolfu Pateroví. 10.8. 1870.

[2] Sněmovní adresa a pamětni spis českého zemského sněmu panovnikovi. 14.9.1870 // Politické programy českých národních stran /Editor Pavel Cibulka. Praha, 2000. S. 161.

Фундаментальные статьи были направлены на обретение Чешским королевством автономии в рамках уже состоявшегося дуализма. Будущая система государственного устройства не предусматривала для Богемии статуса равного венгерскому, ее можно рассматривать как вариант субдуализма.

В конце октября император призвал чешских депутатов приступить к работе в рейхсрате. Чехи прислушались к просьбе монарха и заявили о готовности принять участие в выборах в австрийский парламент. Именно там было необходимо получить одобрение Фундаментальных статей. Однако проект соглашения вызвал мощное сопротивление как в империи, так и за ее пределами. Достаточно сказать, что с протестами выступили немецкие депутаты чешского, силезского, штирийского, хорватского сеймов и сейма Нижней Австрии, венгры. Решительный удар нанес Бисмарк, канцлер уже объединившейся Германии. В результате грозной оппозиции чешских немцев, активного противодействия других внутренних и внешних сил заключению чешско-австрийского соглашения, Фундаментальные статьи оказались под серьезной угрозой.

К концу октября 1871 г. стало ясно, что чехи потерпели сокрушительное поражение. Чешский политический лагерь оказался в принципиально новом положении. Отсутствовало единство как среди политиков, так и в обществе, углублялись разногласия по поводу тактических действий.

Конечно, в создавшихся условиях можно было бы ожидать расширения, нарастания антиавстрийских настроений в Богемии. Между тем провал Фундаментальных статей не вызвал массового недовольства, как это было в 1868 г. В такой ситуации рассматривать желание чехов освятить православную церковь в Праге в ноябре 1871 г. как протест против австрийских властей, по меньшей мере, наивно. События развивались достаточно медленно. В чешской среде практически не оказалось крупных меценатов, которые вложили бы свои средства в дело реконструкции церкви. Абсолютно все заказы, будь то перевод молитвенника на чешский язык или какие-то другие виды работ, а их было бесчисленное множество, оплачивались арендатором. В свою очередь, чехи занимались, если можно так сказать, интеллектуальным обеспечением проекта. Продолжалась интенсивная деятельность вокруг публикации сочинений на чешском языке с православной литургией.

Новый кабинет во главе с Адольфом Ауэрспергом проводил курс на «введение конституции и законности во всех областях». На практике в Чешском королевстве были ограничены гражданские свободы, началось преследование периодических изданий, закрывались общественные организации. В ноябре 1872 г. появился «Протест чешских депутатов», в котором обосновывалось их неучастие в работе земского сейма. Накопившиеся разногласия в среде политиков нарастали. Власть из Вены

умело манипулировала настроениями и различиями политических интересов разных национальных представительств. Изменение в 1873 г. избирательного закона в рейхсрат, когда в трех куриях выборы стали прямыми, значительно уменьшало роль сеймов в общеимперской политической жизни, вынуждало к поиску новых методов воздействия на правительство, помимо пассивной оппозиции. Первыми разорвали этот заколдованный, по словам К. Крамаржа, круг моравские депутаты. Все более очевидным становится противостояние между старочехами и младочехами в Чешском королевстве. Логичным разрешением внутрипартийного кризиса стало образование Национальной партии свободомыслящих как самостоятельной политической структуры в декабре 1874 г.

В Санкт-Петербурге. Время отчаяния

Между тем на протяжении почти трех с половиной лет продолжалась «тихо, без всякого шума" грандиозная и дорогостоящая реконструкция здания. Как уже указывалось, средства собирали самыми разными способами. Весьма значительными были пожертвования частных лиц.

Ранее уже говорилось о ссуде в виде беспроцентного займа А. Д. Башмакова. В сентябре 1871 г. последовало пожертвование великих князей (Владимира, Алексея, Сергея и Павла и великой княгини Марии Александровны[1]) в размере 350 рублей[2]. Г. И. Ширяев поместил в журнале «Духовная беседа» специальную статью о Чехии, с целью активизировать российских меценатов. Была открыта подписка на Пражскую церковь в самом С.-Петербургском отделе Славянского благотворительного комитета. Очевидно, что это были вынужденные меры, поскольку постоянно не хватало денег на покрытие уже произведенных работ. А суммы были весьма значительными. Так, в феврале 1872 г. на текущие расходы не хватало 4 000 рублей[3].

1 (13) марта 1872 г. Браунер писал, что идет «достойная отделка церкви»[4]. Предварительные расчеты были перекрыты и устроители нуждались в постоянных финансовых вливаниях, радовались каждому крупному вкладу. В январе 1873 г. Корнилов как о великой удаче пишет М. Ф. Раевскому о пожертвовании 8 тыс. рублей Василием Львовичем Нарышкиным, на которого повлиял «ревностный» А. Д. Башмаков. Располагая полученной суммой, планировалось, «по крайней мере, покончить расчеты с Браунером»[5]. Была объявлена подписка, в том числе и в Вене при посольстве, специально на Пражскую церковь.

---

[1] Речь идет о сыновьях и жене российского императора Александра II.

[2] ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 198. Л. 1 об.

[3] Там же. Л. 2, 3. Сообщение Гильфердинга от 14 февраля 1872 г.

[4] ОПИ ГИМ. Ф. 347. Щ530/4, Щ530/8. Браунер Фр. — М. Ф. Раевскому. 13/1 марта 1872 г.

[5] Там же. И. Корнилов — М. Ф. Раевскому. 6 января 1873 г.

Благодаря средствам, «пожертвованным преимущественно московским купечеством" и собранным по всем иным каналам, начатое предприятие было закончено к 1873 г. Для того чтобы завершить переустройство храма, по одним источникам, потребовалось 35 000 рублей[1], по другим — значительно больше.

Итак, реконструкция храма св. Микулаша потребовала колоссальных средств. Думается, что правильность названной суммы не может вызывать сомнений. В действительности, как свидетельствуют другие документы, она даже занижена. Очевидно, что устроители в начале своего длительного пути не предполагали, что их ждут столь серьезные финансовые издержки. Однако они не роптали по поводу израсходованных средств. Их беспокоили совсем другие вопросы.

Обеспечение причта

Что же касается устройства причта и его содержания, то этот аспект проблемы все больше приобретал чрезвычайный характер. В мае 1871 г. на собрании членов С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета было заявлено, что «строители не вправе рассчитывать на какое-нибудь правительственное пособие»[2] на содержание причта. Между тем его обеспечение, по мнению Корнилова, требовало «важных и настоятельных» расходов[3]. Позднее в письме к М. Ф. Раевскому он сообщал о желании «некоторых влиятельных и сочувствующих лиц», чтобы комитет получал субсидию. Её он мечтал направить на содержание пражской церкви. Вместе с тем, несмотря на трудное положение, Корнилов не оставлял мысли о приобретении храма в собственность. Для этого также следовало «постепенно запасать капитал». Правда он опасался, что православная церковь в Праге, «предпринятая на слишком широкую ногу», будет «сильно истощать» и без того недостаточные финансовые ресурсы Славянского благотворительного общества. В этом он видел прямую угрозу целям, ради которых последний и существовал[4].

Таким образом, в конце 1872 — начале1873 г. вопрос о содержании причта воспринимался как великое затруднение на пути завершения всего проекта. Как показывают архивные материалы, несколько раз «строителей» православной церкви охватывало отчаяние. Именно так, на наш взгляд, можно охарактеризовать состояние, в котором находился И. П. Корнилов в 1873 г. Об этом свидетельствует его частное пись-

[1] РГИА. Ф. 970 (Корнилов И. П.). Оп. 1. Д. 960. Л. 3 об., 6, 6 об., 14. ЦГИА Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 198. Л. 3 об.

[2] Там же. Л. 1 об.

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 347. И. П. Корнилов — М. Ф. Раевскому. 6 января 1873 г.

[4] Там же.

мо М. П. Погодину[1]. В это время ситуация оказалась особенно тревожной, просто бесперспективной. Даже корреспонденция в треугольнике Вена — Санкт-Петербург — Москва шла окружным путем. Так, переписка между Веной и Москвой, Раевским и членом Императорской Академии наук Погодиным велась через Санкт-Петербург, через Корнилова. Причем все участники проекта пользовались услугами своих друзей или благонадежных знакомых.

В свою очередь, Раевский просил «быть как можно осторожнее в сношениях с ним». По его уверениям, письма, отправлявшиеся ему по почте, «без церемоний вскрываются и прочитываются любознательными австрийскими чиновниками»[2]. И. П. Корнилов был возмущен подобной практикой и видел в сложившейся ситуации политическую подоплеку. Он вспоминал время, когда русские «не только не боялись немцев, но даже с видом покровительства посматривали на них, как на слабых, мелкопоместных соседей, которых мы жаловали великодушью и денежками, и подачками». Однако он вынужден был с горечью признать, что положение резко изменилось. Трудно стало не только Раевскому, который, по выражению Корнилова, «сидит в их пасти», но и всем славянолюбам. «Куда девалась наша бодрость и хваленая самоуверенность?», — задает он риторический вопрос своему корреспонденту и весьма нелицеприятно отвечает на него. «Мы теперь боимся даже откровенно и честно выказать самое обыкновенное и вполне законное сочувствие к заграничным единоплеменникам своим потому, что боимся рассердить немцев». Председатель С.-Петербургского отдела Славянского комитета называет и причины подобного поведения: «Если смиренные и добродушные русские позволят себе сказать слово в пользу угнетенных немцами западных славян — то нас сейчас же обвинят в политическом агитаторстве и безумии»[3].

Касаясь главного сюжета, церкви св. Николая, И. П. Корнилов сообщает М. П. Погодину, что «вопрос об учреждении постоянного причта в Праге не продвинулся». Именно «великий страх перед немцами» привел к тому, что «мы даже не решаемся оказать пособие к устройству постоянного причта при Пражской церкви, которая давно готова и на смех и на позорище всему западному христианскому миру и даже евреям, стоит пустою». По его мнению, это обстоятельство доказывало, что «современное русское образованное общество малодушно, утратило чувство государственной и народной чести и равнодушно к достоинству православия».

[1] РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 602.

[2] В данном случае такой оказией, позволившей препроводить пакет из Вены, стал архимандрит Сава Касанович. Там же. Л. 1.

[3] Там же. Л. 1 об.

Для того чтобы активизировать действия московских славянолюбов, Корнилов пытается найти наиболее действенные, на этот раз весьма чувствительные аргументы. По своему содержанию они допустимы лишь в доверительной переписке с ближайшим единомышленником. Так, явно с горечью он замечает, что «жиды постыдились бы забросить свою синагогу так, как мы забросили Пражский храм». Он был убежден, что и «набожные прадеды, конечно, никогда бы не допустили православную церковь до такого унижения и поспешили бы устранить всякий повод глумления над нею». С его точки зрения, промедление с освящением храма означало одно — «компрометировать себя перед славянами и немцами». «Не забавно ли, — заключает автор послания, — устроили великолепную церковь, навесили колокола и заперли на замок. Никакие отговорки не спасут нас от насмешек. Мы сами себе выдали аттестат в глупости и малодушии»[1].

Организация служения

Как уже говорилось, с самого начала реализации идеи устройства в Праге православной церкви на практике встал вопрос о ее функционировании. Представляется целесообразным рассмотреть этот процесс в его хронологической последовательности.

В обращении Голенищева-Кутузова в Пражский магистрат говорилось о появлении православной общины в Праге. В Санкт-Петербурге надеялись на то, что «при церкви образуется своя паства из местных жителей, в числе коих найдется лицо, способное сделаться настоятелем». В переписке между С.-Петербургским отделом Славянского благотворительного комитета и Св. Синодом речь шла о привлечении на первое время Иромского священника. О подобном плане свидетельствует целый ряд оригинальных документов. На наш взгляд, весьма ценные по своему содержанию данные находятся в одном из дел Канцелярии обер-прокурора Св. Синода[2].

18 мая 1871 г. А. Ф. Гильфердинг написал письмо, фактически отчет о проделанной работе. Вся содержащаяся в нем информация носила конфиденциальный характер. «Частным образом» она была передана государственному канцлеру и «доведена до сведения особ императорского двора»[3]. К письму была приложена объемная «Записка об устройстве

[1] Там же. Л. 2.

[2] РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 41. 2 отделение, 3 стол, дело 114. Начато 20 мая 1871, кончено 15 декабря 1872 г. По отношению Председателя Славянского благотворительного комитета касательно принятия устраиваемой в Праге православной церкви, впредь до учреждения при ней особого причта, в ведение причта надгробной Иромской Церкви.

[3] Там же. Л. 1, 1 об.

православной церкви в Праге»[1]. В ней затронуто немало сюжетов, в том числе и проблема причта.

В мае 1871 г., по мнению устроителей, «было бы преждевременно входить в обсуждение вопроса об окончательном учреждении при Пражской церкви особого причта и об источниках его содержания». Тогда им казалось, что решение этого вопроса зависело «от развития, какое примет православный приход в Праге после открытия». Более рациональным представлялся другой вариант: «предоставить совершение богослужения в Праге протоиерею и причту Иромской надгробной церкви». На первое время это было бы «всего проще и удобнее».

Для такого варианта имелись серьезные основания. Важнейшим из них было то, что в Ироме «нет православных прихожан». В подобных условиях «богослужение необходимо не более 2-х раз в году». Существенным доводом в пользу этого плана было и уже имевшееся разрешение иромскому священнику переезжать на летнее время в Карлсбад.

Председатель С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета полагал, что «Синод, благословив почин восстановления православного богослужения в средоточии западного славянства» пойдет на такой шаг, соизволит иромскому священнику «жить в большом и теперь уже посещаемом русскими городе, среди сочувствующего населения и переезжать в положенные дни» в Иром.

Одновременно «по уполномочению обоих комитетов»[2] Гильфердинг просил Святейший Правительствующий Синод о разрешении одному из нынешних иерархов отправиться в чешскую столицу для совершения обряда освящения, а также о снабжении Пражской церкви «полным кругом церковных книг»[3].

Так, Гильфердинг, «в соответствии с мыслью», поданною Толстым, рассчитывал, что освящение церкви будет возложено на его преосвященство Макария Литовского. Предварительные переговоры показали, что тот охотно согласился бы выполнить эту почетную миссию.

Второе пожелание было чрезвычайно существенным, т. к. оно касалось финансовой сферы. Примечательно оно и по своей стилистике, ибо «устроители, не смея прямо просить Св. Синод о денежном пожертвовании», уповали на то, что «по важности этого дела для православия и русского влияния возымеет непосредственно мысль оказать сему предприятию хотя бы единовременную помощь»[4].

[1] Там же. Л. 5–13.

[2] Хотелось бы обратить внимание на то, как с начала 1870-х гг. постепенно председатели Санкт-Петербургского и Московского отделов Славянского благотворительного комитета все чаще определяют себя не как его подразделения, а в качестве самостоятельных общественных организаций.

[3] РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 41. 2 отделение, 3 стол, дело 114. Л. 2, 2 об.

[4] Там же. Л. 4.

Сюжет относительно причта в «Записке» занимает значительное место. Создается впечатление, что устроители пытались убедить Св. Синод, что они нашли такой выход из положения, который не мог вызвать возражений ни в России, ни в Австро-Венгрии. Они подробно излагали задуманный план. Что же касается вопроса об учреждении в Праге особого, постоянного причта, то предположения об этом, с точки зрения автора Записки, «были еще преждевременны». Только будущее могло показать, «сбудется ли предсказание, слышимое от многих чехов, что, после освящения церкви в Праге, скоро образуется православный приход из местных жителей»[1]. Таким образом, можно сделать вывод, что в Санкт-Петербурге заверения Раевского о многочисленных заявлениях чешских жителей о переходе в православие вызывали сомнения.

Завершающий абзац Записки вполне традиционен для такого рода документов. Устроители надеялись довести дело до конца, полагая, «что они посеяли благое зерно, приняв на себя почин учреждения первого православного храма среди западного славянства, в котором так живы сочувствия к церкви православной и к Русскому Государю и Государству»[2].

Следовательно, проанализированный документ был призван убедить официальные структуры в масштабности шагов, предпринятых устроителями. Может быть, это несколько упрощенная, линейная интерпретация действительно очень серьезного начинания петербургских членов Славянского комитета. Бесспорно одно, у его истоков стояла верхушка общества, наиболее активная часть руководства. Но именно они хранили традиции своих предшественников, считали себя в ответе за проводимую Россией политику в отношении славян. Думается, что именно в этом контексте следует трактовать их попытку найти новую линию поведения по отношению к чехам. Была ли это схватка за чехов? Вряд ли. Рассматривали ли они себя как проводника, ретранслятора православной религиозной мысли? И с этой точки зрения задуманный проект мог иметь весьма ограниченное значение. Тем более его нельзя расценивать как дестабилизирующее начало для Чехии, как фактор влияния на ее политическую жизнь.

В борьбе за Иромский причт

Возвращаясь к вопросу об организации богослужения, следует признать, что единственной возможностью для устроителей было привлечение Иромского причта. Они рассчитывали на него изначально и не хотели отказываться от этого замысла.

Краткую информацию о возникновении Иромского причта содержит заметка протоиерея Феофила Кардасевича, опубликованная в журнале

[1] Там же. Л. 12, 12 об.
[2] Там же. Л. 13.

«Церковные ведомости» за 1901. Императорский надгробный храм, и соответственно Иромский причт, появился после смерти Великой княгини Александры Павловны. Старшая из дочерей Павла 1 и императрицы Марии Федоровны в 1799 г. стала невестой эрцгерцога австрийского Иосифа. Это сватовство было вызвано политическими обстоятельствами. Однако замужество за палатином венгерским было недолгим. Смерть наступила после неблагополучных родов. Появившаяся на свет дочь прожила лишь несколько часов. На девятый день начался бред у самой матери, а 4 марта 1801 г. она скончалась «на далекой чужбине, в пределах неприветливой и недружелюбной» Венгрии. Ей было всего 18 лет. Эта весть всех поразила. Надо заметить, что император Павел умер спустя неделю (11 марта 1801) после кончины дочери.

Согласно завещанию Александры Павловны все ее имущество (1 миллион рублей с процентами и все драгоценности, которые она привезла из России) унаследовал Иосиф. Эрцгерцог решил построить храм, пообещав обеспечить его «собственной квартирой, отоплением и другими угодьями». 19 июня 1801 г. состоялась закладка церкви. Храм был построен в 1802 г. на окраине «небольшого немецкого села Ирёма, «в 15 верстах от столичного города Будапешта». После его возведения здесь священнодействовал причт (настоятель и 2 псаломщика) из России[1].

О том, что в начале 1870-х гг. положение Иромского причта было далеко не блестящим, свидетельствуют донесения протоиерея Константина Кустодиева[2]. Осмотревшись на месте своего нового служения, он направил послание в Св. Синод, в котором обращал внимание главным образом на нравственно-церковную сторону положения этой церкви. Ей запрещалось открытое отправление богослужения. Это означало, что протоиерей не имел права вести службу в церкви с открытыми дверями. Причем, священнику воспрещалась не только проповедь, которая рассматривалась как «род пропаганды между туземцами», но и любые частные беседы, рассказы, поясняющие сущность православного вероисповедания и разъясняющие предубеждения против него. По мнению этого священнослужителя, сама архитектура церкви и ее размеры соответствовали этому запрету. Фактически это был уединенный надгробный памятник. Между тем, как пишет Кустодиев, «церковь, где бы она ни была, должна быть церковью; священник уж какой бы он церкви ни был, должен быть служителем религии, в церкви Воинствующей, для живых людей». Клир Иромской церкви своим поведением скоро доказал неестественность своего строго ограниченного нравственного положения. Ему, как уже говорилось, было разрешено летом уезжать в Карл-

[1] Церковные ведомости. 3 марта 1901 г. № 9. С. 319–326.

[2] РГИА. Ф. 797. Оп. 40, отделение 2, стол 3. Д. 165. Канцелярия обер-прокурора, № 169. По письмам протоиерея церкви нашей в Ироме Кустодиева. Начато 21 октября 1870 г., закончено 6 ноября 1870 г.

сбад. Однако на него валились другие несчастья. Протоиерей жалуется, что осенью 1870 г. «эрцгерцог Иосиф всю землю продал вокруг Ирома, что могут со всех сторон запретить доступ к церкви». Появились желающие купить землю и под причтом. Требовалось принимать срочные меры и в этом направлении[1].

В противостоянии с Министерством иностранных дел

20 мая 1871 г. обер-прокурор Толстой направляет его Высокопреосвященству митрополиту Исидору письмо № 1769, в котором изложено ходатайство председателя С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. Следует заметить, что вместе с письмом он посчитал необходимым препроводить подробнейшую выписку из «Записки об устройстве православной церкви». «Испрашивая святых молитв» отца Исидора, Толстой просил известить его отзывом по означенному ходатайству[2]. В своем ответе митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский уже 21 мая 1871 г. заверил Св. Синод, что с его стороны «нет препятствий к поручению Пражской церкви Св. Николая в ведение Иромского причта». Такое решение было бы действительным, по его мнению, «до испрошения в ней особого причта»[3].

Итак, российские церковные структуры согласились с предложением руководства С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. Однако это решение не было окончательным. Требовалось подтверждение Министерства иностранных дел, куда и было направлено 3 июня 1871 г. за № 1972 соответствующее отношение обер-прокурора графа Толстого[4]. Св. Синод просил уведомить, «не встречает ли со стороны МИД каких-либо препятствий к удовлетворению ходатайства» Славянского благотворительного комитета. Думается, что ни устроители, ни их церковные и политические покровители не ожидали, какие аргументы будут выдвинуты против их предложения.

Управляющий Министерством иностранных дел Вейсман указал Св. Синоду, что пражская церковь «по смыслу ст. Высочайше утвержденного 1 мая 1867 г. положения о заграничных церквах православного исповедания не подлежит вовсе заведыванию Министерства иностранных дел»[5]. Исходя из такого положения, этот чиновник верхнего

[1] Там же. Л. 1–3. Следует указать, что 29 октября 1870 г. обер-прокурор обратился в МИД с просьбой рассмотреть это предложение. См.: Там же. Л. 3 об.

[2] РГИА. Ф. 797. Оп. 41, отделение 2, стол 3. Д. 114. Л. 14–15.

[3] Там же. Л. 17.

[4] Там же. Л. 18. Черновик. Управляющему МИДом — обер-прокурор граф Толстой.

[5] Там же. Л. 19. Бланк МИД. Департамент личного состава и хозяйственных дел 9 июня 1871 г. № 1682. Помета к докладу. Господину обер-прокурору.

эшелона МИД не считал себя вправе, «если не последует на то Высочайшее повеление», разрешить состоящему на службе в министерстве причту принять церковь св. Николая «в свое ведение». Фактически это был весьма жестко мотивированный отказ. С одной стороны, пражская церковь оказалась вне компетенции МИД. С другой, Иромский причт не мог иметь постоянное пребывание вне места своего официального служения. Однако главное состояло в том, что, по мнению Вейсмана, «подобная мера способна была бы придать всему предприятию устройства Пражской церкви не принадлежащий ему официальный характер»[1]. Далее автор депеши разъяснял, что данное МИД разрешение настоятелю Иромской церкви отлучаться ежегодно в Карлбад не противоречит подобному тезису. Ведь Карлбадская церковь была «устроена исключительно с целью удовлетворения духовных нужд многочисленного тамошнего русского общества, и потому существенно отличается по идее своего учреждения от Пражской церкви»[2].

Конечно, смириться с такой позицией означало для Славянского комитета окончательно похоронить все дело. В середине июня Гильфердинг обращается с разъяснениями к Юрию Васильевичу Толстому, чтобы еще и еще раз изложить ситуацию. Привлечение Иромского причта означало «наилегчайший способ открыть на первых порах» православную церковь в Праге. Этот вариант нисколько не касался ни существующего положения, ни официальных обязанностей причта и не предрешал вопроса «об окончательном установлении причта для пражской церкви Св. Николая». С точки зрения Гильфердинга, цель могла быть достигнута «без всякого формального изменения в положении Иромского причта»[3].

Надо отдать должное настойчивости председателя С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета. Однако его активная деятельность поставила в буквальном смысле под удар сам Иромский причт. Об этом свидетельствует отношение МИД — обер-прокурору Св. Синода от 18 июня 1871 № 1766[4]. В нем Вейсман придал делу неожиданный оборот и поставил под сомнение само существование причта. В частности, в своей депеше он писал: «Заключая из сего, что духовное ведомство не признает необходимости совершать постоянное богослужение в Иромской церкви, при которой нет вовсе православного прихода, нахожу, что это мнение вполне отвечает существующему в МИД предположению о совершенном упразднении причта при означенной церкви». Он настаивал на передаче самой церкви в ведение причта Венской посольской церкви. Его члены могли «весьма удобно приезжать из Вены по железной дороге в Иром для совершения богослужения в определенные дни». Более

[1] Там же. Л. 19 об.
[2] Там же. Л. 20.
[3] Там же. Л. 21. Бланк СБК. 17 июня 1871 г.
[4] Там же. Л. 23–23 об. На отношение от 3 июня с ходатайством Гильфердинга.

того, высокий чиновник грозился «принять в непродолжительном времени меры к приведению этого предположения в исполнение». В данном случае требовалось лишь заключение обер-прокурора.

Итак, проект, который воспринимался частью петербургского общества как событие достойное всяческой поддержки, для Министерства иностранных дел оказался недружественным шагом в отношении весьма трудного соседа.

Между тем, Ведомство Православного исповедания и Толстой, не ожидая столь негативной реакции МИД на свои запросы[1], поставили вопрос о командировке одного из иерархов в Прагу.

Однако дело приняло слишком серьезный оборот и для обер-прокурора и для Славянского благотворительного комитета. Фактически весь конец июня и июль 1871 г. им пришлось доказывать необходимость существования Иромского причта[2].

В данном случае инициатива МИД имела свою предысторию. Подобное предложение уже было высказано в 1851 г. Тогда Св. Синод «не изъявил своего согласия». В министерство пришел решительный отказ бывшего синодального обер-прокурора (11 марта 1858 г. за №1680). Он был убежден, что священническое место в Ироме имеет особое значение для «окружающих это селение славянских племен, из коих хотя одни уже обращены в латинство, другие в протестанство, третьи в унию, но еще много собственно в Венгрии (более 2-х миллионов) остаются в православии, несмотря на различие вероисповеданий, питают сочувствие к восточному богослужению и православной России».

«В видах поддержания этого родственного и религиозного сочувствия» Св. Синодом даже было признано необходимым доставить священнику в Ироме соответственные средства, «дабы он мог удовлетворять обращающихся с просьбами к нему». Речь шла о доставлении духовно-нравственных книг, учебников на церковнославянском и русском языках, предметов для отправления богослужения. В его же обязанности входило «сообщать единоверцам нашим, для опровержения ложных мнений, истинные сведения о мерах и учреждениях нашей церкви». Обер-прокурор Толстой, так же как и его предшественник, не нашел «возможным согласиться с предложением об упразднении» Иромского причта. Более того, он был убежден, что тот «мог заведовать храмом в Праге, не переселяясь на постоянное местожительство в этот город». Главным же доводом для такого решения был тот факт, что «подчинение пражской церкви заведыванию Иромского причта, во всяком случае, предполагалось лишь в виде временной меры, до изыскания Славянским Ко-

[1] Там же. Л. 24. 24 июня 1871 № 2356 (В дополнение от 9 июня № 1682) на отношение от 3 июня №1972.

[2] Там же. Л. 25. 28 июня 1871 г. № 2439 Управляющему МИД; Л. 27. 28 июня 1871 г. № 2440 Управляющему МИД.

митетом средств к определению особого причта во вновь устраиваемой церкви в Праге»[1].

В ответ на такие настойчивые заявления обер-прокурора Вейсман вынужден был пойти на компромисс. Он состоял в том, что настоятелю надгробной церкви в Ироме было разрешено по окончании Карлсбадского сезона прибыть с причтом в Прагу. МИД, давая это разрешение, оставлял вместе с тем за собой право «потребовать при первой надобности возвращения протоиерея Кустодиева с причтом к месту постоянного их служения»[2]. В том, что касалось командирования иерарха в Прагу, то «удовлетворение такого ходатайства» зависело исключительно от усмотрения духовного ведомства.

Новая фаза финансовой проблемы

Добившись победы в противостоянии с МИД, Славянский благотворительный комитет оказался перед новыми трудностями. Уже в начале августа 1871 г. стало ясно, что окончания работ можно было ожидать не ранее октября, т. е. освящение церкви не соответствовало бы первоначальным предположениям. Причем конкретные сроки для такого действа избрать было крайне затруднительно[3]. Положение осложнялось и тем, что самого Гильфердинга не было в это время на месте.

Между тем процедура освящения церкви была весьма дорогой. В качества примера для выяснения необходимой денежной суммы была взята поездка в Париж в 1861 г.[4]. Финансирование расходов на поездку в Прагу для освящения церкви члена Св. Синода Преосвященного Макария, архиепископа Литовского со свитой, в свою очередь, превратилось в огромную проблему. Согласно нормам от «1 мая 1867 г. для выдачи путевого довольствия лицам духовного звания, отправляемым за границу МИД», на это путешествие следовало выделить 9 971 руб. 80 коп. В эту сумму входили проезд (2 места 1 класса состоящим при архиепископе протоиерею, протодиакону, 2 места 2 класса продиакону и регенту, и проезд 12 певчих) и семидневное содержание.

Подобные расходы оказались весьма разорительными для обоих ведомств, имеющих отношение к вопросам финансирования.

---

[1] Там же. Л. 27, 27 об., 28, 28 об.

[2] Там же. Л. 30. МИД — Обер-Прокурору.14 июля 1871 № 1992 в ответ на отношение от 28 июня № 2439.

[3] Там же. Л. 31 СБК — в Канцелярию обер-прокурора. 5 августа 1871 г. № 437.

[4] Там же. Л. 32. Справка. В 1861 на поездку в Париж на освещение отправился бывший викарий, в начале 1880-х гг. епископ Подольский Леонтий. В свиту вошли четыре священнослужителя, 14 причетников: один архимандрит, один протоиерей, один протодиакон, один иподиакон, 12 певчих. Смета расходов была равна 4 тыс. рублей.

Осенью 1872 активизировать все процессы попытался граф Комаровский. 19 ноября 1872 г. он направляет специальную Записку[1] Толстому. По своему содержанию этот документ представляет собой весьма красноречивое свидетельство тех усилий, которые прилагали строители церкви, чтобы преодолеть вставшие перед ними преграды. Комаровский пишет, что он еще «год тому назад обращался принять православный храм в Праге под высокое покровительство» св. Синода. К осени 1872 г. храм Св. Николая был уже «совершенно отделан и готов к освящению». «Дело только за причтом, или, вернее сказать, за средствами к содержанию оного», — уточняет граф в своем послании.

Далее он сообщает и о других предпринятых им шагах. Находясь абсолютно в безвыходном положении, он решился «вторично беспокоить» великого князя Константина с убедительной просьбой не лишать его и сотоварищи возможности «довершить это дело с такою любовью, трудами и издержками, ведомое в продолжение трех лет». Он полагал, что сам факт появления «первого православного храма, устроенного посреди западных славян», будет достаточным аргументом, чтобы их Сиятельство оказало необходимую помощь.

Таким образом, Комаровский пришел к мысли внести в зависший проект существенные коррективы. Он и его сторонники были готовы отказаться от «общественного», частного характера пражской акции. Для этого граф подключил самые высокие сферы — человека из ближайшего окружения российского императора, великого князя Константина.

Надо отдать должное предпринятым Комаровским действиям[2]. 1 декабря 1872 г. за № 4385 товарищу министра МИД было направлено отношение Толстого, весьма жесткое по своему содержанию. Излагая все аргументы, не раз повторенные строителями, он попытался убедить Министерство иностранных дел оказать «содействие к учреждению и обеспечению содержанием особого причта» при пражской церкви. Толстой обращает внимание на те огромные усилия, «кои были употреблены некоторыми членами СБК для восстановления православного богослужения в средоточии западного славянства». Обер-прокурор страстно пытается убедить своего коллегу в непоправимости ошибки, которую могло совершить министерство в «осуществлении благой мысли». «Конечно, было бы прискорбно, если бы теперь, когда предпринятое с этою целью устройство православной церкви в Праге отдалилось на неопределенное время», — пишет он. По его мнению, такое развитие событий «неизбежно последует, если не окажется возможным ассигновать нужную сумму на содержание при оной причта»[3].

---

[1] Там же. Л. 38. Записка графа Комаровского (вверху листа помета: «Можно написать Кн. Горчакову»).

[2] Там же. Л. 39–40.

[3] Там же. Л. 39 об.

Пытаясь найти выход из создавшегося тупикового положения, Толстой «остановился на мысли о возможности обратить на предполагаемый причт в Праге содержание надгробной церкви в Гааге, с упразднением сего последнего». Основанием для такого предложения послужило соображение, что «православная церковь в Гааге, не имея прихожан, предназначена единственно только для совершения поминовения почивающей в Бозе королеве Анне Павловне». В свою очередь «для отправления поминовений в нарочитые дни мог бы приезжать в Гаагу причт нашей церкви в Брюсселе». Более того, обер-прокурор был готов передать в ее ведение и саму церковь в Гааге, как он в скобках замечает, «за некоторое вознаграждение».

Не ограничиваясь этими действиями, Ненарокомов пишет письмо Александру Алексеевичу Кирееву[1]. В данном случае он явно рассчитывал на его близость с великим князем Константином Николаевичем. По «принимаемому им участию в деле устройства православной церкви в Праге», ему и была направлена копия отношения, отправленного в МИД, «по вопросу об учреждении особого причта при означенной церкви и назначении ему содержания».

Однако сломить позицию МИД оказалось не так-то просто[2]. Управляющий Министерством Вейсман ни на шаг не хотел отходить от существовавших на сей счет инструкций. «МИД поставлено в совершенную невозможность принять в свое ведение православную церковь в Праге» пишет он в Канцелярию обер-прокурора. «Она не может быть подведена ни под один из разрядов тех заграничных церквей, заведывание которыми предоставлено министерству», подчеркивается в срочной депеше. Напротив, «по буквальному смыслу п.11» Высочайше утвержденных 1 мая 1867 г. правил, она «должна оставаться вовсе изъятою из ведения министерства как предприятие частных лиц», — уточняется далее.

Однако, несмотря на бесспорное значение этих ограничений, все-таки более существенными были другие обстоятельства. Вейсман напоминает о своем отношении от 9 июня 1871 г. (№ 1682). В нем были сформулированы соображения, по которым он «полагал необходимым, чтобы правительство наше было вовсе устранено от участия в устройстве и содержании Пражской церкви». По его мнению, они сохраняли всю свою силу. В такой ситуации он считал «неудобным принятие с его стороны какого-либо участия в учреждении и обеспечении содержанием особого причта при означенной церкви».

Что касается предложения об обращении на содержание Пражской церкви сумм, ассигнуемых на содержание церкви в Гааге, то оно было

[1] Там же. Л. 41. 12 декабря 1872 г. за № 4402. Александру Алексеевичу Кирееву — Ненарокомов. Черновик. «Граф Дмитрий Андреевич поручил мне препроводить Вам для доклада Его Высочеству прилагаемую при сем копию с отношения к Тов. МИД от 1 сего декабря за № 4385», — уточняется в письме.

[2] Там же. Л. 42. МИД — обер-прокурору. 9 декабря 1872 г. № 2838.

тоже неприемлемым. Ввиду принадлежащего ей значения надгробной и одновременно посольской церкви, министерство отказывалось принять на себя «ходатайство пред Государем Императором об упразднении причта». Столь же отрицательно оно было настроено и в отношении передачи ее Брюссельской церкви. Она содержалась исключительно на средства частных лиц и могла быть закрыта по их усмотрению в любое время.

Получив такую отповедь, Ненарокомов вновь обращается за помощью к великому князю Константину Николаевичу[1].

В этот момент появляется новая идея — взять кредит на содержание церкви и причта в Праге[2]. Речь шла о кредите в 4 270 рублей. В условиях крайнего дефицита, практически полного безденежья, который испытывал Славянский комитет, это была бы или бесславная афера, или гибель этой общественной организации[3].

Вторая победа

В начале апреля 1873 г. строители пришли к мнению, что лишь государство может спасти положение. На этот раз, как и во многих других случаях, они действовали через обер-прокурора. Именно к нему было направлено обращение «с просьбою о назначении из казны содержания причту». Тот, не сомневаясь, решил поддержать эту инициативу. Используя доводы, содержавшиеся в многочисленных письмах Гильфердинга, в уже упоминавшейся Записке, Толстой пишет на этот раз министру финансов и «покорнейше просит не отказать». Он указывает на настоятельную потребность православного храма в городе Праге. Обер-прокурор подчеркивает, что церковь построена на частные пожертвования, а ее открытие для богослужения «останавливается единственно за неимением средств к содержанию причта». Для того чтобы сразу же ответить на встречный вопрос, почему же Св. Синод не берет ее под свою опеку, Толстой «не лишним считает присовокупить», что тот «сделал с своей стороны значительные пожертвования для означенной церкви устройством ризницы», передал несколько комплектов священных сосудов, других принадлежностей богослужения и книг[4].

Помета «согласиться», имеющаяся на этом документе, свидетельствует об огромной победе, которую одержали все лица, причастные к строительству православной церкви в Праге. 13 апреля 1873 г. министр финансов статс-секретарь Рейтерн вынес положительную резолюцию. «По уваже-

[1] Там же. Л. 44. 15 декабря 1872 г. № 4779. А. А. Кирееву — Ив. Ненарокомов. В дополнение препровождает копию с отношения от товарища МИД.

[2] РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 15052.

[3] Там же. Ф. 796. Оп. 154. Д. 1198. О ежегодном отпуске с 1874 г. 4270 р. на содержание Пражской церкви и причта в Богемии. Ведомство православного исповедания. Хозяйственное управление при св. Синоде. Отд. 2, стол 2. 30 июня 1873.

[4] Там же. Л. 1–2, 2 об. Бланк Ведомства православного исповедания. 3 апреля 1873 г. № 4180. Господину министру финансов.

нию изложенных обстоятельств» «не встречаю препятствия» — вот резолюция этого государственного деятеля. «Но ввиду того, что на содержание причта церквей в большей части Европы при российских миссиях ежегодные ассигнования простираются вообще от 3 700 до 5 670 руб., я полагал бы достаточным — 4 270 — как в Берне»[1], — пояснил он дальше.

Из них предназначалось: священнику жалованье 2 000 руб. и квартирных 500; диакону на причетнической вакансии соответственно — 1 200 руб. и 300; псаломщику — 600 руб. и 150; певчим за 80 годовых служб по 13 гульденов выделялось 900 рублей. Предусматривалась оплата двух сторожей (350 руб.), а также расходов на отопление, просфоры, вино, масло. Всего — 150 рублей[2].

Как настоящий успех можно рассматривать появление представления обер-прокурора Св. Синода «о расходе и содержании причта в Праге (в Богемии)» в «Государственный совет, в Департамент Государственной экономии». Именно там это предложение не встретило «препятствий к ежегодному отпуску испрашиваемой на сей предмет суммы». Вместе с тем, согласно «Высочайше утвержденному 20 января 1873 г. мнению Государственного совета, настоящий расход, как расход штатный, разрешен был к производству лишь с будущего 1874 года». Причем средства следовало отпускать ежегодно из государственного казначейства по 4 270 рублей, с внесением этой суммы в смету Синода. Такой поворот в делах российских чиновников был не случаен.

Для раскрытия обстоятельств принятия решения о финансировании пражской церкви чрезвычайно важно рассмотреть группу документов, вышедших в тот момент из недр Св. Синода[3].

Как уже было не раз, просителем выступил С.-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. Обер-прокурор Синода в своем обращении к государственному секретарю Государственного совета подробно излагает историю вопроса. В данном случае представляет несомненный интерес интерпретация столь высокой инстанцией недавних событий.

---

[1] Там же. Л. 4. Отпуск. Министерство финансов — обер-прокурору. Департамент государственного казначейства. Стол 4-й. 13 апреля 1873 г. № 1547. Весьма красноречивый документ — прилагаемая «Справка по смете МИД на содержание священно и церковнослужителей и церковные расходы в миссиях». Самая большая сумма приходилась на Рим и Штутгарт — по 5670 руб., на Копенгаген, Стокгольм, Флоренцию — по 3770 руб.

[2] Там же. Л. 1 об.

[3] РГИА. Ф. 1152. Оп. 8, 1873 г. Д. 233. О расходе на содержание причта в Праге. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 20 апреля 1873 г. № 4521 с приложением № 4522. Господину Государственному секретарю для внесения в Государственный совет представление о ежегодном отпуске из государственного казначейства 4270 руб. на содержание причта и церкви в г. Праге. № 4522.

Во-первых, в этой группе документов широко используется весьма удачно найденный термин «строители». Он обозначал группу российских деятелей, стоявшую у истоков появления православной церкви в Праге и осуществлявших финансирование ее реконструкции.

Во-вторых, расширился круг инициаторов и сторонников функционирования православного причта в чешской столице. Так, среди них оказались помимо российских путешественников, «давно и настоятельно высказывавшихся» в таком духе, и «православные славяне, получающие образование в Пражских учебных заведениях и лишенные возможности слушать там богослужение на родном языке».

В-третьих, весьма важна ссылка на позитивные настроения в Праге, на то, «что многие из местных чехов отнеслись к устройству храма сочувственно». В этом контексте наиболее весомым было «решение Пражской Городской думы», которая «заявила готовность уступить для этой цели упраздненную церковь св. Николая, некогда принадлежащую монастырю славян-бенедиктинцев восточного обряда».

Далее Государственный совет ставился в известность, что «при горячем сочувствии русского общества к устройству храма в Праге», строители решились принять в свое пользование полуразрушенное здание на 30 лет. За три года неутомимой деятельности «некоторых лиц» была отстроена церковь, «собрав и употребив на это более 40 000 руб.»

Однако главную задачу своего послания в Государственный совет обер-прокурор видел в том, чтобы сообщить об обстоятельствах, беспокоящих строителей. «В настоящее время ожидается освящение храма», но они «не могут к тому приступить, не имея причта, обеспеченного содержанием»,- говорится в документе. Авторы послания, а за ними и обер-прокурор, по-видимому, искренне надеялись, что «по истечении некоторого числа лет, без сомнения, соберется капитал, процентами с которого можно будет содержать храм в Праге». В настоящий же момент они ходатайствовали о назначении содержания в 6500 рублей[1]. Как видим, речь шла о сумме, которая превосходила содержание самых затратных посольских церквей, будь то в Риме, будь то в Штутгарте на 930 рублей ежегодно.

В дискуссию включился министр финансов. В своем отзыве от 13 апреля 1873 № 1547 он уведомил обер-прокурора, что «по уважению обстоятельств, сопровождавших учреждение православной церкви в Праге, он не встречает препятствия к испрошению установленным порядком разрешения на содержание из сумм государственного казначейства». Однако это была лишь преамбула к, в общем-то, весьма сдержанному решению. Как уже говорилось, «ввиду того, что на содержание причта церквей в большей части столичных городов Европы при российских миссиях простираются вообще от 3700 до 5670 руб. он полагал бы

[1] РГИА. Ф. 1152. Оп. 8, 1873 г. Д. 233. Л. 2, 2 об.

достаточным назначить 4270 р., сумму, равную отпускаемой на содержание церкви и причта при миссии в Берне»[1].

Именно его резолюция и стала определяющей. В заключении документа говорится: «представить на рассмотрение Государственного совета 4 270 руб.». Распределение названных средств было предоставлено на усмотрение Св. Синода, «со стороны которого были сделаны значительные пожертвования для означенной церкви устройством в нескольких комплексах ризницы, священных сосудов и других принадлежностей богослужения и отпуском книг»[2]. Последнее уточнение обер-прокурора, а под документом стоит его личная подпись, особенно существенно. Оно свидетельствует о том, что Св. Синод негласно оказал существенную материальную помощь устроителям церкви в особенно сложный момент, на последнем этапе реконструкции, когда денег ощутимо не хватало.

Итак, сумма в 4270 рублей получила одобрение в Департаменте Государственной экономии «как расход штатный» с 1874 г. «со внесением этой суммы по принадлежности в подлежащее подразделение сметы Св. Синода»[3]. В июне 1873 г. это решение было утверждено в самых высоких инстанциях.

В описи к «бумагам в сем деле находящимся» значится, что лист 6 — это «Выписка из мемории». В документе говорится: «Настоящее дело было предоставлено Государю императору в мемории Департаментов Государственного совета за № 17 и его Величество заключение Департамента Государственной экономии Высочайше утвердить изволил в Эме 13(25) июня 1873 г.»[4].

---

[1] Там же. Л. 3.

[2] Там же. Л. 3.

[3] Там же. Л. 4, 5.

[4] В деле на листах 7 и 8 имеются два соответствующих отпуска. Отпуск с Высочайшего повеления.

«Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Департаменте Государственной экономии Государственного совета в расходе на содержание причта и церкви в г. Праге (в Богемии) высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить. Председатель Государственного совета Константин. 13(25) июня 1873 г.». Здесь же на этой странице: «Мнение Государственного совета. Выписано из журнала Департамента Государственной экономии 4 мая 1873 г. «Государственный совет, в Департаменте Государственной экономии, рассмотрев представление обер-прокурора Св. Синода о расходе на содержание причта и церкви в Праге (в Богемии) не встретил препятствий к ежегодному отпуску испрашиваемой на сей предмет суммы с тем, чтобы, согласно Высочайше утвержденному 20 января 1873 г. мнению Государственного совета, настоящий расход, как расход штатный, разрешен был к производству лишь с будущего 1874 г.

Вследствие этого Государственный совет мнением положил:

1. Отпускать ежегодно, начиная с будущего 1874 г., из Государственного Казначейства по четыре тысячи двести семидесяти рублей на содержание православного причта и церкви в г. Праге (в Богемии), со внесением этой суммы, по принадлежности, в подлежащее подразделение сметы Св. Синода; и

21 июня 1873 г. (№ 1154) исправляющему должность обер-прокурора Св. Синода на бланке Государственной канцелярии Отделения Государственной экономии было препровождено «Высочайшее повеление об исполнении последовавшего в Государственном совете мнения о расходе на содержание причта и церкви в г. Праге (в Богемии)».

Практическая реализация этого решения была уже делом рутинным. Летом 1873 г.[1] митрополит Новгородский и С.-Петербургский подал специальный рапорт, который был передан на заключение Хозяйственного управления Св. Синода. Митрополит сообщал, что С.-Петербургский отдел Славянского комитета в поданном 24 апреля прошении для обеспечения церкви в Праге ходатайствовал «об отпуске, кроме 4270 руб., еще 2 230 руб. на десятилетний срок». Это означало, что на содержание храма и причта при нем требовалось как минимум 6 500 рублей. На этот раз отдел просил назначить «такое жалованье, которое могло бы обеспечить достойного священника, пожелавшего занять место в Праге». На оплату его трудов, включая наем квартиры, было необходимо 3 000 рублей. Кроме того, предстояло выдавать жалованье двум псаломщикам, причем один их них — мог быть дьяконом. 1 500 рублей предусматривалось на оплату певчих и на содержание церкви.

Надо отдать должное Св. Синоду. 31 июля 1873 г. своим решением за № 2595 — о распределении дополнительных средств — он добавил настоятелю 1 000 рублей, псаломщикам — по 365 руб. каждому, на содержание церкви и певчих — 500 рублей[2].

Окрыленные успехом устроители стали действовать более решительно.

Правовой статус церкви св. Николая

Упорядочение финансирования выдвигало на первый план другие, не менее острые проблемы. Одной из таких был вопрос о взаимоотношениях «с православной австрийской епархией»[3]. В июне 1873 г. И. П. Корнилов

2. Распределение означенных 4 270 рублей на подлежащие потребности представить усмотрению Св. Синода. Подлинное мнение подписано в журнале Председателем и членами.

С подлинным верно».

Исправ. Должность

Государственный секретарь,

Статс-Секретарь (:подп.) Ренненкампф

Поверян: Помощ. Статс-Секретарь (:подп.) Тукмачев

Верно: за Делопроизводителя (подпись не разборчива — *З. Н.*).

[1] Там же. Л. 4 Ведомство православного исповедания. 14 июля 1874 г. № 7423 Синоду — митрополит Новгородский и С. Петербургский в рапорте от 22 июня 1873 г. за № 2159

[2] Там же, лист 5. См. резолюцию: «Хозяйственное управление не встречает препятствий».

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 347. Щ. 570–634. Иван Петрович Корнилов — М. Ф. Раевскому. 2 (14) июня 1873 г.

стал задумываться о правовом положении готового к открытию храма, о том, вдруг «австрийское правительство вздумает причислить Чехию к какой-нибудь православной епархии». Для того чтобы избежать возможных негативных последствий, он предложил М. Ф. Раевскому «испросить согласие австрийского православного епископа на освящение церкви». Более того, он был готов пригласить его на это торжество.

Как и во многих других случаях, такой сценарий был согласован с МИД. В письме к Раевскому он ссылался на мнение директора Азиатского департамента МИД Петра Николаевича Стремоухова. Именно он советовал обратить внимание на это обстоятельство, «чтобы предупредить возможные недоразумения и столкновения с австрийским правительством»[1]. В связи с этим Раевскому было дано задание собрать и сообщить соответствующие сведения.

Надо отдать должное прозорливости Корнилова. Казалось бы, чего в данном случае можно было опасаться? Ведь в Австро-Венгрии уже действовали православные церкви в Карлсбаде и Ироме. Они находились «в прямой зависимости только от С.-Петербургской епархии». Однако он справедливо, как показало последующее развитие событий, опасался, что австрийское правительство «будет придирчивее к Пражской церкви по тому значению, которое оно, пожалуй, вздумает»[2] ей придать.

Последний аккорд в борьбе за финансы

В данном случае для иллюстрации создавшегося положения как нельзя лучше подходит поговорка «аппетит приходит во время еды». Руководство С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета всеми силами пыталось получить дополнительное финансирование. Для того чтобы добиться желаемого, на этот раз оно обращается в самые высшие инстанции. 13 февраля 1874 (№ 214) «Гофмаршалл Двора Его Императорского Высочества государя Наследника цесаревича» сообщает Михаилу Христофоровичу Рейтерну об их новом ходатайстве. Речь шла о ежегодной прибавке в 2 230 рублей на первые 10 лет. В эту сумму входил взнос «в Пражскую городскую Думу ежегодно по 1 200 рублей за наем церковного здания». Необходимо было и «откладывать на составление капитала для покупки храма, и если возможно, то и дома для церковного причта и производить ремонт строений»[3]. Гофмаршалл В. В. Зиновьев ссылался на мнение «Государя Наследника цесаревича». Как свидетельствует этот документ, тот отнесся к просьбе крайне благожелательно. Более того, «в милостивейшем внимании к насто-

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] РГИА. Ф. 1152. Оп. 8 1873 г. Д. 233. О расходе на содержание причта в Праге. Л. 5, 5 об. Официальный бланк.

ящему положению сооруженной в Праге первой православной церкви, освящение и открытие которой предположено в начале мая сего года» он полагал, что «по крайней мере, за месяц, должны быть посланы на место священник и прочие члены причта». Цесаревич был убежден, что «от суммы зависит избрание достойных и образованных лиц», которые могли бы служить «с подобающим благолепием среди чехов и славян католической страны». Исходя из всех этих обстоятельств, он «соизволил повелеть мне просить взять на себя труд» «исходатайствовать перед Государем императором дарование субсидии»[1]. Судя по дальнейшему ходу развития событий, эта просьба была встречена весьма благосклонно.

С этого момента продвижение бумаг по инстанциям было стремительным. Уже 22 февраля 1874 г. М. Х. Рейтерн уведомил В. В. Зиновьева, что «согласно воле его Высочества» им немедленно будет внесено представление в Государственный совет о 2 230 рублях. 28 февраля этот вопрос был рассмотрен в Министерстве финансов. Со специальной запиской оно обратилось к государственному секретарю для внесения этого вопроса в Государственный совет[2]. Текст записки свидетельствует о том, что в ее основу были положены объяснения строителей церкви. Именно по их уверениям, «в первое время по открытии оной доходы будут самые незначительные». Между тем «на основании самых точных, по местным условиям, расчетов необходимо на содержание причта Пражской церкви 6 500 рублей в год»[3].

Получив поддержку у министра финансов, затем у членов Государственного совета, руководство С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета добилось положительного решения.

Департамент Государственной экономии согласился отпускать искомую сумму «с обращением сего расхода в текущем году на остатки от заключенных смет и со внесением этой суммы, с будущего 1875 г., в подлежащее подразделение сметы Святейшего Синода»[4].

17 апреля последовало высочайшее утверждение Государственного Совета[5]. Теперь предстояло отрегулировать порядок выплаты обозначенных сумм. Этот вопрос и стал темой переговоров между Ведомством православного исповедания Св. Синода и министром финансов. Однако

[1] Там же. Л. 7 об, 8.

[2] РГИА. Ф. 1152. Оп. 22. Д. 93, 1874 г. Л. 1. О расходе на содержание причта православной церкви в Праге. Отношение Министерства Финансов. Департамент Государственного казначейства. Стол 4. 28 февраля 1874 г. № 958.

[3] Там же. Л. 2, 2 об., 3.

[4] Там же. Л. 5. «Представлено Государю в мемории Департаментов Гос. совета за № 9 17 апреля 1874 г.»; Л. 6. См.: Отпуск с обращения к министру финансов от 18 апреля 1874 г. № 585; Л. 7. Отпуск с высочайшего повеления подписал Константин 17 апреля.

[5] Там же. Л. 9–16.

Ю. В. Толстой прежде всего обратился к руководству С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, чтобы выяснить, «какой способ может быть признан удобнейшим для доставления ассигнований»[1].

Как сообщал Ю. В. Толстой в министерство, Корнилов был крайне «озабочен приисканием как достойных духовных лиц для составления причта новой церкви, так и денежных средств». Он предполагал, что расходы на освящение, на путевые расходы и первоначальное обзаведение в Праге членов причта и на удовлетворение настоятельных и постоянных расходов по церкви «не могут быть покрыты из Высочайше назначенной суммы». С точки зрения Корнилова, деньги следовало передать Славянскому благотворительному комитету.

Между тем для подобной проводки нужно было разрешение Государственного контролера. К радости устроителей, со стороны данной инстанции не было высказано никаких претензий. По их мнению, означенная сумма была предоставлена в распоряжение Св. Синода, на его усмотрение. «Святейший же Синод, по вниманию к тому, что православная церковь в Праге устроена стараниями Славянского Комитета», признавал более удобным расходовать 6 500 рублей «чрез посредство сего комитета». Требовалось лишь согласие министра финансов[2]. И здесь зачинателей великого дела встретило полное понимание[3].

Итак, весной 1874 г. вопрос о финансировании деятельности православной церкви в Праге был решен. Оказалось, что последнюю точку в этом сложном деле смог поставить лишь наследник российского трона. В результате многоходовой операции, которую провели устроители, С.-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета получил все, что он считал нужным на содержание пражского причта, от государства. Между тем официально ему удалось сохранить при этом общественный характер этого начинания. Перед группой весьма настойчивых инициаторов не устояла ни одна из многочисленных официальных инстанций. Колоссальных усилий в противостоянии с МИД потребовала организация причта. Создается впечатление, что Министерством иностранных дел проект в целом рассматривался как недружественный шаг в отношении весьма трудного соседа. Причем устроители, в конце концов, получили значительно больше средств, чем наиболее дорогостоящие проекты, финансируемые из казны, в частности, в Риме или Штутгарте. В процесс принятия окончательного решения оказался втянутым импе-

[1] Там же. Л. 17. Ведомство православного исповедания. 14 июня 1874 г. № 6640. Юрий Толстой — министру финансов.

[2] Там же. Л. 18.

[3] Там же. Л. 19. Министр финансов — обер-прокурору. Черновик. 22 июня 1874 г. № 2777.

раторский дом, занявший вполне конструктивную позицию и взявший частично на себя, но в значительно большей степени возложивший на государство, тяжкое бремя финансирования нового православного центра за границей. Значительными были пожертвования членов императорской семьи, которые вносились и позднее. Так, в 1876 г. от «ее императорского величества» церковь получила крупный вклад. Среди подаренных предметов были молебен, облачение, прибор сосудов, иконы как «знак внимания» к храму. При этом священнослужители «скрывали этот факт от газетчиков» из опасений, что те «придадут такое значение этому дару, что могут возбудить неприятные толки в немецких и мадьярских газетах»[1]. Немного позднее, в 1880 г., мастерами гарраховских заводов была изготовлена люстра в виде царской короны весом в 1400 кг. Каждый посетитель храма вплоть до сегодняшних дней восхищается этим даром российского царствующего дома.

При этом церковь в Праге осталась вне прямой компетенции МИД и, соответственно, российской императорской миссии в Австро-Венгрии. При этом она находилась в самом тесном контакте с посольской церковью в Вене.

Подводя итог, невольно задаешься вопросом, какой идеей руководствовались официальные российские институты, вкладывая немалые средства в рассмотренный нами проект. Ведь только для того чтобы закончить переустройство храма, потребовалась колоссальная сумма более 40 000 рублей[2]. Самое простое усматривать в этом проекте намерение со стороны официальной России и отчасти общественных организаций создать в Праге церковно-дипломатический орган. В еще более широком масштабе можно увидеть в открытии церкви действенный инструмент для расширения политического влияния Российской империи в Центральной Европе. Однако анализ значительного блока оригинальных материалов, впервые вводимых в научный оборот, показывает, что подобные умозаключения излишне прямолинейны.

В свою очередь, толковать сам факт появления православной церкви в Праге как фундаментальный почин в деле реализации такой великой идеи, как идея славянская взаимности, также не продуктивно. Представители чешской общественности, наиболее активно задействованные в проекте, а именно старочехи, видели в церкви «тихий приют» для славянского обряда. По их мнению, это был «религиозный институт православных христиан, постоянно или временно находящихся в Праге»[3]. С точки

[1] ЦГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 851. Л. 15–15 об., 16. Письмо протоиерея Лебедева от 14 (26) октября 1876 г.

[2] РГИА. Ф. 970 (Корнилов И. П.). Оп. 1. Д. 960. Л. 3 об., 6, 6 об., 14. Согласно другим данным более 35 000 руб.

[3] Národní archiv, f. Policejní ředitelstvi Praha I — prezídium 1882–1887. Karton 922.

зрения газеты «Покрок», рупора группировки, сплотившейся вокруг Яна Скрейшовского (1831–1883), более существенными были экономические результаты, которые неминуемо последовали бы за этим проектом (рост числа русских путешественников и деловых людей и др.)[1].

Чрезвычайно сложной оказалась ситуация с православным причтом и после открытия храма, состоявшегося 4 (16) августа 1874. Австрийские власти потребовали от протоиерея Александра Лебедева в течение шести недель доказать австрийское гражданство. Благодаря многоходовой операции российского посольства в Вене и официального Петербурга православный храм удалось отстоять, но богослужение могло иметь только частный характер. Именно это обстоятельство и предопределило стагнацию его деятельности, которая наблюдалась в 1880–1890-е гг. Появление полноправной православной общины откладывалось на отдаленное будущее.

Б. Й. Желицки

ИСТОРИЗМ В ВЕНГЕРСКОЙ ЖИВОПИСИ И ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Каждая историческая эпоха, в том числе и вторая половина XIX в., охватывающая годы австро-венгерского дуализма, посредством творчества деятелей изобразительного искусства, вносит свой вклад в художественное отражение действительности. На рассматриваемый нами период приходится творчество многих видных представителей венгерских художников, принадлежавших к различным школам живописи, которые заложили основы художественных направлений в изобразительном искусстве, создали полотна, на которых отражен «дух времен». Созданные ими исторические полотна стали классикой венгерского национального изобразительного искусства. Исторические эпохи, как известно, меняют также формы, средства и стили художественного отображения действительности, которые в равной степени находят выражение как в литературе, так и в архитектуре, скульптуре и живописи. Представители различных направлений изобразительного искусства своими специфическими средствами увековечивают самые различные стороны современной им жизни либо историческое прошлое своего народа. Они нередко запечатлевают именно яркие исторические события, героику или ключевые моменты национальной истории, создают и оставляют последующим поколениям память о них, а также о своих современниках. Увековечивая моменты истории своего народа, создавая образы видных исторических деятелей прошлого, портреты своих современников, художники

[1] Pokrok. № 225. S. 1. 18 srpna.

воскрешают в памяти народа события его истории и тем самим способствуют сохранению памяти о них в сознании будущих поколений. Вместе с тем в произведениях искусства, как правило, находят отражение и определённые художественные стили и направления, характерные для той или другой исторической эпохи. Поэтому историзм неизменно присутствует в художественном творчестве мастеров сменяющих друг друга эпох и направлений, даже независимо от того обращались ли они к историческим темам или нет.

Период становления венгерской живописи приходится на первую половину XIX в., однако условия для ее развития тогда не были благоприятны. Одним из основоположников первого поколения венгерских мастеров пейзажной живописи был художник **Карой Марко** (1791–1861), который вплоть до появления другого, еще более маститого и широко известного в мире Михая Мункачи, считался старейшим и признанным мастером в этой отрасли живописи. Марко жил и творил за рубежами Венгрии, в Италии (там он обосновался еще в 1832 г.), но регулярно приезжал на родину, где также создал немало произведений. Наибольшей известностью пользуется его пейзажное полотно «*Вишеград*», созданное художником около 1826–1830 гг.

Уже в первой половине XIX в., в эпоху реформ и революции, возникли необходимые исторические предпосылки для национального возрождения, в том числе и для развития венгерского национального искусства. Революционные события и национально-освободительная борьба 1848–1849 гг., несмотря на наступившие вслед за ее поражением тяжелые для Венгрии годы неоабсолютизма, способствовали появлению и утверждению в венгерском искусстве ***классического стиля.*** Классицизм, однако, как художественный стиль нашел свое выражение главным образом в архитектуре, тогда как в национальной живописи ему еще предстояло реализоваться. В произведениях венгерской архитектуры и скульптуры классика поэтому наиболее ярко была представлена в архитектурных творениях Фридеша Фестля (здание Вигадо в Будапеште), Эдена Лехнера (Музей прикладного искусства, с его художественной отделкой, отражающей влияние венгерского народного творчества), в прекрасных скульптурных образах и композициях Миклоша Ижо (на них изображены сцены из народной жизни — «*Взгрустнувший пастух*», «*Крестьянский танец*») или в ансамбле памятника «*Тысячелетие*», связанного с именем Дёрдя Залы. К этой же серии великолепных памятников искусства относятся работы Алайоша Штробля (Мавзолей Лайоша Кошута, памятник поэту Яношу Араню и др.). Перечень созданных в указанный период классических произведений венгерской архитектуры и скульптуры можно бы продолжить, однако, мы намерены сосредоточиться исключительно на анализе произведений *мастеров венгерской живописи.* В этой области художественного творчества на протяжении второй поло-

вины XIX в. появилась целая плеяда мастеров, утвердился и развивался классический стиль, и на этом же историческом отрезке времени создавались также работы художников, обратившихся к исторической тематике и национальной героике, произведения живописи, проникнутые духом романтизма и реализма. Анализ этого художественного процесса и историзма в творчестве великих мастеров венгерской живописи, их вклада в развитие искусства, проблемы смены поколений и стилей и является предметом настоящей статьи.

Во второй половине XIX в. именно живопись стала своеобразным «локомотивом» изобразительного искусства Венгрии, в ней происходили такие глубинные и весьма существенные сдвиги, которые, наряду с литературой, стали определяющими для культурной и творческой жизни страны в послереволюционную эпоху, для развития всех остальных сфер искусства до самого конца века. Именно в живописи, в этой ведущей отрасли изобразительного искусства, выросло и творило несколько поколений весьма известных, именитых и талантливых мастеров, наиболее яркие из которых посвятили свое творчество столь важной для того периода тематике, как национальный героизм и романтизм. Появление этих мастеров, обратившихся к трагическим и героическим урокам прошлого в истории народа и страны диктовалось самим временем.

Историзм, как форма или средство художественного выражения идей. мысли, национальной трагедии или героики нашел свое яркое приоритетное отражения в целом ряде полотен мастеров венгерской живописи середины и второй половины XIX в., написанных прежде всего на исторические сюжеты. Обращаясь к историческому прошлому и темам национальной героики, художники искали и находили в них наиболее подходящие для отображения на холсте сюжеты, чтобы при помощи художественного воздействия на чувства своих современников, заставить их задуматься над проблемами современности. Эти произведения создавались в духе романтизма, а затем и романтического реализма. И это неудивительно, ведь историческая тематика в венгерской национальной живописи вполне закономерно выдвинулась на передний план именно после поражения национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. После революции исторические события прошлого живописцы вполне закономерно избрали предметом художественного отображения, и они оставались в центре их внимания еще на протяжении долгих десятилетий. Историческая тематика еще долгое время оставалась одной из важных ориентиров в художественном творчестве венгерских живописцев рассматриваемой эпохи. Целесообразно при этом отметить также, что в послереволюционных условиях торжества реакции и подавления венгерских национальных устремлений во стороны Вены, именно национальная живопись смогла сохранить свою относительную независимость, наиболее оперативно и остро реагировала на новые вызовы времени. Она, наряду с богатой

художественной литературой, обратившись к урокам прошлого, сумела наиболее ярко и объемно выразить национальные чувства и внутренний мир венгров того времени, вследствие чего живопись приобрела общенациональное значение. В результате как в условиях австрийского неоабсолютизма, так и в эпоху дуализма (1867–1918 гг.) именно живопись различных стилей и направлений получила наиболее значительное и многостороннее развитие. Характерно, что уже в годы временного торжества баховского режима, прежде всего за пределами Венгрии, а затем и в самой стране, появились превосходные мастера живописи, создавшие не только свои художественные произведения, но и целые школы, которые обретали известность и приумножали славу венгерского изобразительного искусства. Им-то и принадлежит заслуга утверждения и развития различных художественных стилей и национальных традиций в изобразительном искусстве страны.

Возникновение и формирование школ национальной живописи стало характерным явлением по всей Европе. Представители венгерских школ и художественных направлений, создавая свои произведения преимущественно на исторические и жанровые сюжеты, ориентировались на классицизм и бидермайер, нередко обогащая их элементами романтизма.

Венгерские художники второй половины XIX в. начали творить прежде всего, в стиле *венского бидермайера*, после кратковременного господства которого постепенно совершился переход к реализму при попутном формировании собственного национального романтизма, ставшего преобладающим вскоре после подавления национально-освободительной борьбы в Венгрии. В рамках этого процесса 60–70-е гг. XIX в. уже ознаменовались утверждением и расцветом исторической живописи, становлением критического реализма в искусстве на романтической основе и зарождением самостоятельной пейзажной живописи. Такое направление развития сохранялось вплоть до середины 1890-х гг., когда в художественной жизни и творчестве художников начались поиски новых форм и стилей, проводились различные эксперименты, ведущие к искусству модерна. При этом характерно, что сразу же, вслед за началом расцвета венгерской живописи, которым отмечались 60-е гг. XIX в., дали о себе знать эти творческие поиски.

Учитывая сказанное, обратимся к рассмотрению тех конкретных исторических факторов, под влиянием которых происходили наиболее существенные изменения в венгерской живописи, формировавшие ее основные направления и школы, что предопределяло или обуславливало выбор тем и творческого направления в деятельности отдельных, наиболее значимых венгерских мастеров искусства. Новая историческая обстановка, ситуация, которая возникла в Венгрии и в венгерском обществе в целом после подавленной революции 1848–1849 гг., а затем в результате заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г., безусловно, не могли

не отразиться и на творчестве художников, на венгерском искусстве в целом. Если первая половина XIX в. ознаменовалась стремлением деятелей искусства создать что-то единое в идейном отношении, что объединяло бы всю нацию, то после 1867 г. началось разделение художников на два лагеря, представлявших, с одной стороны, «официальную Венгрию», а с другой, национально-патриотическую. Но во второй половине 1860-х и в начале 1870-х гг. еще была свежа память о революции и национально-освободительной борьбе, и это закономерно приводило к тому, чтоб мастера живописи нередко обращались в своем творчестве к идее национального сопротивления в историческом прошлом, отражали ее на своих полотнах, если не в непосредственной форме, то в виде исторической параллели или прибегая к символам. Идеи революции органически вводились художниками в «кровообращение» всего изобразительного искусства и впоследствии продолжали жить и существовать в творчестве ряда мастеров. Правда, спустя некоторое время наметился определенный перелом и неизбежный отход от такой формы пассивного по своей сущности протеста или сопротивления. Были, конечно, отдельные художники, которые, приспосабливаясь к меняющимся условиям, поставили свое искусство на службу примирившихся с Габсбургами политических кругов и смирились по необходимости с новой обстановкой, заслуживали их признание. Но таких оказалось меньшинство. Большинство же венгерских живописцев после подавления национально-освободительной борьбы сразу же выехало из страны либо ушло в оппозицию к официальной Вене.

Названными факторами и объясняется то обстоятельство, что целый ряд венгерских художников начиная с конца 1840-х гг. обратился именно к исторической тематике, создавая свои художественные произведения в стиле и в духе *национального романтизма,* изображая прежде всего героизм и единство народа в борьбе с врагами родины. Полотна живописцев данного направления и стиля, написанные на исторические темы, появляются уже в 1850-е гг. Они, как правило, так или иначе отражали протест автора баховскому режиму, т. е. свидетельствовали об оппозиционности Вене и отражали его отношение к революционным событиям 1848–1849 гг. В годы дуализма историческая тематика продолжала оставаться одной из важнейших в художественном творчестве венгерских мастеров живописи. Этот фактор оппозиционности, выражения протеста художественными средствами, присутствуя в искусстве, посредством творчества художников активно воздействовал на широкие слои венгерского общества. Венгерское общество делилось на тех, кто принимал и на тех, кто отвергал революцию и Соглашение 1867 г. Идентичный процесс наблюдался и в художественной среде.

Память о революции и национально-освободительной борьбе для значительной части деятелей искусства, в том числе художников, активно творивших в годы дуализма, не иссякал и потому, что она сохраняла

пережитое, ведь многие живописцы на собственном жизненном опыте знали о событиях 1848–1849 гг. Так, художник **Берталан Секей** в молодости писал портреты в лагере гонведов, **Мор Тан** служил военным художником в отрядах генерала Дамянича, скульптор **Миклош Ижо** сам воевал и был ранен, художник **Шома Орлаи-Петрич**, вернувшись на родину из Венской академии художеств, создал известный портрет своего знаменитого родственника Шандора Петефи... Такой выдающийся мастер живописи, как **Виктор Мадарас** открыто признавал, что на его творчество определяющее влияние оказала революция, а всемирно известный **Михай Мункачи** впоследствии сам указывал, что исторические события 1848–1849 гг. сыграли в формировании его судьбы и духовности решающую роль.

Эти и многие другие мастера венгерской живописи, творившие в эпоху дуализма, не забывали о долге художника перед народом, и потому они в своих произведениях в той или иной художественной форме выражали свое личное отношение к наиболее существенным, памятным событиям венгерской истории, что нередко в иносказательной форме явилось выражением отношения как к революции и национально-освободительной борьбе, так и к политике венского двора, т. е. к Соглашению с австрийскими Габсбургами. Сказанное позволяет констатировать: основная масса венгерских художников и после 1867 г. далеко не сразу отнеслась положительно к примирению венгерского политического класса с Веной, подавившей в крови вместе с войсками царской России освободительную борьбу венгров. Для примирения, начавшегося в 1867 г., потребовалось несколько десятилетий.

В созданных венгерскими художниками живописных полотнах на исторические темы прямо или косвенно присутствует выражение осуждения авторами габсбургского режима. И таких произведений живописи, созданных в годы неоабсолютизма и дуализма было немало. Чтобы понять в чем и в какой форме выражался этот протест основной массы художников Венгрии против политики венского двора, как реагировали отдельные мастера живописи на попытку примирения политических классов Австрии и Венгрии, обратимся непосредственно к анализу творческого пути и деятельности наиболее известных венгерских мастеров кисти.

Значительная часть венгерских художников ещё ранее, при режиме Баха, покинула Венгрию. Они обучались и начинали свою творческую деятельность, как правило, за рубежом — в основном в Италии, Англии, Германии и Франции. Большинство из них, естественно, стремилось в Париж, который стал во второй половине XIX века подлинным центром европейской культуры.

Безусловно, из этого общего правила были и исключения. Отдельные художники оставались на родине и после поражения революции. К их

числу принадлежал, в частности, **Миклош Барабаш** (1810–1898), получивший художественное образование ещё до революции в Венской академии художеств. Но он не уехал из страны, и достиг творческих успехов на родине. Художник всю свою долгую творческую жизнь работал в Венгрии и посвятил себя отображению ключевых событий венгерской истории и созданию целой портретной галереи своих современников — выдающихся людей эпохи, видных представителей политической и культурной жизни Венгрии. Барабаш по праву считается подлинным основоположником венгерской национальной живописи, особенно портретной. Именно М. Барабаш начиная с 1840-х гг. при активной поддержке великого реформатора графа Иштвана Сечении (1791–1860) организовал в Пеште — Буде первые публичные художественные выставки отечественных художников, считая изобразительное искусство общенациональным делом. Организаторские устремления и творческая активность художника с особой силой проявились в условиях революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., когда им были созданы многочисленные графические портреты генералов армии гонведов (*венг.* защитников родины).

Именно благодаря творчеству Барабаша стали известны последующим поколениям венгров образы многих знаменитых людей страны. Кстати, среди его работ имеются портреты руководителя венгерской революции Л. Кошута и поэта-революционера Ш. Петефи, а работа художника *«Портрет супруги Иштвана Бито»(1874)* по праву считается одним из красивейших женских портретов того времени. Задумчивое, благородное лицо зрелой женщины, тщательно выписанная прическа свидетельствуют о высоком художественном мастерстве художника. Этот выдающийся мастер кисти писал и жанровые полотна в стиле бидермайер. Несколько из них были выставлены в Вене и принесли художнику широкое признание. Из его произведений в стиле бидермайер особенно выделяются и запоминаются картины *«Дети-попрошайки»* и *«Голубиная почта»*. И хотя поражение венгерской революции было воспринято художником с неподдельной горечью, потрясло его и не могло не повлиять на творчество мастера, оно оставалось реалистическим и не лишенным оптимизма, которым были проникнуты и многочисленные акварели этого великолепного мастера.

В портретной живописи наряду с Барабашем, в качестве продолжателя начатого им дела, выдающихся успехов добился и другой мастер, **Йожеф Боршош** (1821–1883). Художественному ремеслу он также учился в Австрии у преподавателей Венской академии художеств, известных австрийских мастеров реалистической живописи Леопольда Купелвизера и Фердинанда Вальдмюллера. Боршош своим творчеством переносил на венгерскую почву манеры и стиль этих мастеров кисти, создав при этом реалистические образы своих соотечественников. Начиная

с 1850-х гг. Боршош написал ряд портретов в духе реализма, в том числе, представителей национально-освободительной борьбы 1849 г., среди которых выделяется такое весьма заметное произведение живописца, как *«Национальный гвардеец»* (с повязкой из венгерского триколора на рукаве). Но кисть художника запечатлела и немало блестящих жанровых сцен сентиментального характера из повседневной жизни, написанных в стиле венского бидермайера (в частности, картины *«Письмо»*, *«Девушки после бала»*).

Оба эти мастера живописи, хотя и учились и получили специальность в Вене и впоследствии выезжали за рубеж, все же предпочли обосноваться и творить на родине. При этом начальный период творчества обоих мастеров приходился еще на первую половину XIX в, но их основные зрелые работы создавались ими уже во второй половине столетия. Талантливейшим венгерским мастером живописи, лишь пять лет творческой деятельности которого приходились на вторую половину века, был **Карой Броцки** (1807–1855), который после творческой поездки в Италию и в Париж, обосновался и работал в Лондоне, посвятив свое творчество главным образом мифологическим темам, удачно сочетая в картинах элементы классицизма и богатого венецианского колорита. Наряду с основными произведениями художника — портреты созданные маслом и пастелью, — особым успехом у английской аристократии пользовались написанные им с тонким психологизмом прекрасные и чувственные обнаженные женские фигуры, а также произведения на мифологические темы. Автопортрет художника в красном относится к числу красивейших портретных произведений венгерской живописи XIX в. На исторические темы К. Броцки создал лишь одну художественную композицию, посвященную поворотному моменту средневековой Венгрии — *«Обнародование Золотой буллы»*, однако эта работа до наших дней не сохранилась.

Венгерское изобразительное искусство, его видные представители в эпоху дуализма сумели поднять национальную живопись на уровень лучших европейских образцов. Высокие достижения венгерских мастеров объясняются тем, что молодое поколение художников после подавления освободительной борьбы выехало из страны и именно в Западной Европе приобретало высокие профессиональные знания, знакомилось с новыми течениями, направлениями и новациями в европейском изобразительном искусстве, внося и своё собственное видение в его дальнейшее развитие. Не удивительно поэтому, что венгерское искусство рассматриваемой эпохи тесно перекликается и сплетается с европейским искусством и в сфере живописи. При этом следует отметить, что австрийская и германская школы живописи диктовали строгий *академический стиль* художественного отображения действительности, а более демократическая французская, парижская школа, — а ей вослед и венгерская — предоставляла гораздо больше свободы творчества и выбора для художника. Именно по

этой причине Париж и стал более привлекательным местом для художественного творчества венгерских художников разных поколений.

Характерно, что в венгерском изобразительном искусстве представлены оба направления западноевропейского искусства — строгого академического и вольного стиля, не соблюдающего строгие каноны названных школ. Влияние Вены в меньшей мере, в большей — Мюнхена и особенно Парижа, несомненно сыграло весьма важную роль в формировании взглядов и направлений на развитие стилей молодого поколения венгерских живописцев 60–80-х гг. XIX века. Влияние Мюнхена оказалось важным и продолжительным, однако, венгерские художники, изучавшие и усвоившие в этой школе художественные приемы, несомненно, вносили впоследствии национальное своеобразие в развитие этого, в целом академического направления и стиля. Их отказ от строгого академизма и воздействие на них Парижа, определяли формирование новых школ, направлений, стилей и художественного вкуса среди венгерских мастеров, равно, как и демократизма в национальной живописи Венгрии, что становилось со временем весьма значительным и весомым. И это понятно, ведь именно в Париже, — творческой лаборатории, — где собирались художники со всего континента, бурлила художественная жизнь, проводились эксперименты, регулярно проходили выставки произведений лучших мастеров. Туда приезжали учиться и приобретать опыт художники разных стран, получая возможность знакомиться с последними достижениями изобразительного мастерства. Именно в Париже на смену академическому стилю, господствовавшему в 1850–1860-е гг., пришло более свободное, вольное искусство, не отягощенное канонами школ. Такая атмосфера художественной жизни и творчества привлекала молодых венгерских художников, ибо она больше соответствовала их послереволюционному мировоззрению, духу и творческим устремлениям. Необходимо указать и на еще одну важную характерную черту творчества венгерских живописцев, обучавшихся либо творивших далеко от родины: их искусство по своей сущности оставалось глубоко национальным, оно так или иначе было связано с Венгрией, ее историей, народом и родной природой.

Одним из определяющих факторов в развитии венгерского изобразительного искусства рассматриваемого периода явился расцвет так называемой исторической живописи. Она и привела к созданию венгерскими художниками известных и масштабных полотен на исторические темы. Обращение к историческим сюжетам в живописи и появление социальной тематики в их творчестве стали важными и характерными сторонами их творчества, изобразительного искусства в целом 1860–1880-х гг. XIX в. Правда, это было свойственно не только венгерской, но и всей европейской живописи тех десятилетий.

Историческая живопись — это один из наиболее значимых этапов в развитии изобразительного искусства. Она отражала героику событий,

увековечила исторических деятелей прошлого, она интересовала, привлекала венгерских художников, которые в своем творчестве прибегали при этом также к историческим аналогам и параллелям, выражая свое отношение к политике Вены. Созданные венгерскими мастерами живописи художественные произведения на исторические темы нередко посвящались освободительной борьбе против турок и Габсбургов в прошлом, выражались боль, горечь и переживания венгерского народа, утратившего свободу. Искусство венгерских художников вновь и вновь напоминало о прошлом, заставляло задуматься и переживать, беречь память о великих славных делах или горестных событиях исторического прошлого и в результате становилось важным элементом выражения оппозиционности политическому режиму неоабсолютизма или даже неприятию соглашения господствующих классов Австрии и Венгрии 1867 г.

В целом ряде произведений венгерской живописи на *исторические темы* можно проследить выражение подобных аллюзий либо выражение скрытого или даже открытого протеста художников. Здесь достаточно назвать хотя бы такие наиболее известные полотна на исторические темы, как «*Битва под Мохачем*» Мора Тана, «*Взятие Буды*» Шандора Вагнера, «*Титус Дугонич*» или «*Женщины Эгера*» Берталана Секея, выражавшие героизм венгерского народа в борьбе против турок или картины Виктора Мадараса «*Плач по Ласло Хуняди*» или «*Илона Зрини в замке Мункач*» и т. п. К этой же серии работ относятся произведения художника Шандора Козины, написавшего портрет революционного премьер-министра Берталана Семере. Часть названных полотен была написана ещё до австро-венгерского соглашения 1867 г., однако, критический настрой, обращение к этим традициям и вообще к исторической тематике мастеров продолжали жить и в последующие годы, когда в венгерской живописи утвердился стиль классицизма.

В эпоху дуализма достигло своего расцвета творчество немалого числа известных мастеров живописи, которые решали свои профессиональные задачи на весьма высоком художественном уровне и сумели приумножить славу венгерского изобразительного искусства. В новых условиях продолжали творить как старые, уже известные мастера кисти и пера, так и представители нового поколения живописцев, большинство из которых уже завершило школу высокого профессионализма в демократическом Париже.

К старшему поколению художников относился видный представитель исторической живописи **Виктор Мадарас** (1830–1917) со своим ближайшим окружением. В молодости он сам участвовал в борьбе за национальную независимость и впоследствии глубоко переживал трагедию 1849 г. Своим творчеством он выражал вполне определенные, осуждающие политику Венского двора взгляды, и посвятил его памяти революции и национально-освободительной борьбы. В эмиграции Мадарас

встречался с Л. Кошутом и в своих картинах стремился выразить идеи и ментальность вождя венгерской революции. Учиться ремеслу живописи художник начал в Вене у Вальдмюллера, но вскоре, не удовлетворившись его сентиментализмом и натурализмом, перебрался в Париж, где примкнул к группе художников *романтической школы*. Еще будучи молодым живописцем, Мадарас выделился среди других и первым из «парижских венгров» обратился к исторической тематике. Обучаясь у французских мастеров, он с характерным для раннего творчества вдохновением и стремлением к монументальности создал портрет Миклош Зрини, позднее однако в работах на исторические темы начало преобладать сочетание театральности и академизма. Художник сумел в своих произведениях передать атмосферу страдания и боли венгерского народа лишившегося национальной независимости.

Уже первые полотна Мадараса созданы в лучших академических традициях европейской живописи и отмечены большой силой художественной выразительности. Его историческое полотно «*Плач по Ласло Хуняди*» (1859), считающееся главным произведением мастера, было написано в стиле классицизма, по всем законам жанра. Картина отражала общее настроение венгров после поражения национально-освободительной борьбы. Всем, кто хотя бы мало мальски знаком с произведениями венгерского изобразительного искусства, запомнилась эта, написанная на характерном контрасте светотени, полная драматизма картина В. Мадараса: в готической церкви на холодном каменном полу лежит тело героя, покрытое белым покрывалом, освещенное с двух сторон высокими свечами. В приглушенной полутени вырисовывается фигура скорбящей матери, возлагающей венок к ногам погибшего сына. В этой картине все естественно, нет никакой театральности, все подчинено выражению глубокой скорби — горя матери и народа. Художник, который сам не раз являлся свидетелем подобных драм, сумел написать эту трагическую сцену естественно, очень выразительно и с высокой художественной силой. Это историческое полотно Мадараса недаром заслужило широкое признание французской критики и было удостоено в выставочном Салоне Парижа «Золотой медали». Оно тут же принесло мастеру широкую международную известность.

Духом выразительности и атмосферой сопротивления веет и от такого исторического полотна художника В. Мадараса, как «*Илона Зрини перед габсбургским судьей*». Это настоящий гимн героической женщине, которая сумела на протяжении трех лет противостоять Габсбургам и защищать крепость Мункач (ныне Мукачево в Украине) от превосходящих сил австрийских императорских войск. Мадарас, как и некоторые другие мастера живописи, живо откликнулся и на подписание соглашения между Венгрией и Австрией. Его ответом стало создание таких известных работ, как «Народ Дожи» и «Добози».

Из последующих живописных полотен мастера выделяется картина, также написанная на историческую тему — «*Зрини и Франгепан в винернойштадтской тюрьме*» *(1864)*. Это картина о прощании в марте 1671 г. двух патриотов — хорватского бана Петера Зрини и Ференца Франгепана — перед казнью, участников антигабсбургского заговора М. Вешшелени, направленного на восстановление конституционных прав венгров. Весьма уместно отметить, что к этой картине, которая в 1866 г. была выставлена на родине художника, началось по словам современников, «настоящее шествие народов». Творческая деятельность Мадараса, проникнутая духом патриотизма и преданности автора своему народу, вызывала живой интерес. И тем не менее художник, которого после заключения австро-венгерского соглашения с радостью встречали на родине, в новых условиях, в изменившейся политической атмосфере не сумел найти себе достойного места, что не могло не отразиться и на его дальнейшем творчестве.

На заключение австро-венгерского Соглашения 1867 г. отреагировали и другие венгерские художники новыми произведениями, в которых выражалось явная критика политики Габсбургов. В этом отношении наиболее показательными стали 1867–1870-е гг., когда мастерами живописи был создан ряд обращенных к исторической тематике произведений именно антигабсбургского характера. Эти художники особенно активно работали в 1867–1868 гг. Ведь наступление времени дуалистического правления далеко не сразу изменило отношение художников к Вене, процесс их примирения с Габсбургами оказался более продолжительным, чем достижение самого политического согласия между представителями господствующих классов Венгрии и Австрии.

В это же время, наряду с Мадарасом, работавшим в жанре исторической живописи, завершил работу над известной впоследствии живописной картиной «*Женщины Эгера*» (1867) другой талантливый мастер венгерского изобразительного искусства, **Берталан Секей** (1835–1910). Он учился в Мюнхене у знаменитого немецкого мастера реализма, директора Мюнхенской академии художеств, представителя академического направления в живописи, Карла Пилоти. Получив отличную подготовку, Секей создавал впоследствии художественные композиции в духе академизма, писал монументальные произведения, хотя при этом далеко не всегда придерживался строгих рамок и единого академического стиля. Ему удавалось избежать при этом характерной театральности и декоративности изображаемых сюжетов, свойственных мюнхенской школе, равно, как и эклектики. И все же дух этой школы всегда присутствовал в его произведениях и художественном творчестве в целом, хотя сам художник тяготел к классицизму.

Секей, подобно Мадарасу, посвятил свое творчество национально-освободительной борьбе венгерского народа. Будучи философской нату-

рой, лично участвуя в освободительной борьбе, пережив ее поражение, художник сумел передать свои исторические впечатления, сосредоточив внимание зрителей на важных драматических событиях венгерской истории. В своих полотнах на исторические темы, чтобы добиться максимального эффекта на зрителя, он использовал также элементы символики и литературы. Секей по праву считался выдающимся мастером композиции и рисунка, а в набросках и этюдах к большим монументальным картинам и пейзажам проявлял себя как прекрасный колорист. Этюды, сделанные художником в Барбизоне под Парижем, свидетельствуют даже о том, что в принципе ему удавалось преодолеть строгие грани усвоенного им академизма. Правда, следует признать, что академизм форм и романтический пафос его отдельных исторических произведений иногда снижали драматизм, заложенный концепцией художника в эти работы.

Обращение художника Б. Секея в первой же своей исторической картине к теме поражения венгров под Мохачем, к этому трагическому сюжету венгерской истории 1526 г., было вполне закономерным. Изображение момента обнаружения тела погибшего короля Лайоша после кровавой битвы с турками давало художнику возможность в аллегорической форме подвести зрителя, напомнить ему сюжетом своей картины об исторической параллели — о подавленной борьбе за национальную свободу и независимость в 1849 г. Б. Секей был последним художником старшего поколения венгерских мастеров кисти, который свято хранил традиции 1848–1849 гг.

Последующий, второй этап творческой деятельности Секея начался в 1880 г., когда художник все чаще обращался к настенной живописи, написанию фресок. Такого рода его живописные работы украшают, как известно, Оперный театр и церковь Матьяша в Будапеште, городскую ратушу в г. Кечкемете и т. д., но монументализм в творчестве художника находит наиболее яркое отражение в фресках Печского кафедрального собора. Характеризуя творчество Секея, нельзя не отметить, что современники художника ценили прежде всего его историческую живопись, хотя в его творческом наследии имеется и немало ценных портретов (в частности, *«Автопортрет»*, 1860), многочисленных жанровых полотен, среди которых своим прекрасным, почти рембрантовским колоритом выделяется картина *«Танцовщица»* (1875), а также пейзажи.

Секей, как и Мадарас, по сути были последними из представителей поколения венгерских художников, сохранивших непосредственные и живые впечатления и традиции освободительной борьбы 1848–1849 гг. Они никогда не стали фаворитами официальных властей. Правда, было время, когда казалось, что Секей уже якобы склонялся принять условия австро-венгерского Соглашения. Некоторые искусствоведы необоснованно считали, что об этом свидетельствовали сделанные художником во время

коронации королевы зарисовки и акварельные наброски для ее альбома. Однако это было ошибочным представлением. Секей действительно сделал такие наброски, и на него в самом деле начала оказывать влияние политика «умиротворения» Венского двора, прежде всего, официальное объявление и видимость предпринимаемых начинаний со стороны официальных кругов после 1867 г., — имитация подготовки к изданию произведений поэта-революционера Шандора Петефи. У Секея они вызвали некоторые иллюзии, которые быстро развеялись. Ярким подтверждением тому стали последующие произведения мастера, в которых выражено явное разочарование и даже презрение к политике официальной Вены. Чтобы понять это, достаточно обратить внимание на его полотна «*Тёкели*» и «*Прорыв Зрини*» (1870), проникнутые именно этим чувством, не говоря уже о призыве художника к своим соотечественникам-венграм не ждать милостей от монарха, а самим решать свою судьбу. При этом однако необходимо отметить, что Секей не принадлежал к числу бунтарей. В своих картинах он выражал лишь собственное мнение и видение проблем, преданность и любовь к прошлому своего народа, к его истории и великим историческим деятелям родины.

В картине «*Ласло V и Циллеи*», посвященной королю Ласло V, художник ради контраста изобразил молодого, но слабого монарха, сидящим за богато накрытым столом, в окружении танцовщиц и шута. Он в такой обстановке подписывает важный документ государственного значения, который подает ему хитроватыё Циллеи. Вот в такой трактовке выразил своё отношение Секей к монарху. Картина была показана в Венгрии в 1869 г. Газета «Пешти Уйшаг» не без иронии писала, что художник мастерски, весьма умело уловил самую «главную характерную черту правления короля» из дома Габсбургов. От картины исходил дух иронии и нелицеприятной критики в адрес официальной Вены. Конечно, критика художником королевской власти была весьма неприятна для бюрократии и официальных кругов от культуры и в самой Венгрии, где также попытались его опорочить, обвинив в консерватизме. Между тем, если с таким обвинением в адрес политических взглядов художника отчасти можно и согласиться, то в сфере художественного творчества оно было явно несостоятельным и совершенно несправедливым. Чтобы обосновать данное утверждение достаточно обратить внимание на одно из красивейших художественных произведений в венгерском изобразительном искусстве, на картину «*Рыжеволосая девочка*», написанной мастером уже в зрелом возрасте. Портрет изображенной на этой картине девочки со слегка печальным выражением лица был написан в 1870 г., следовательно, уже после периода увлечения мастера исторической живописью. Картина не только четко передаёт внешность, но и характер девочки, уже не говоря о блестящем колорите портрета. Этот портрет и ряд других работ созданных кистью Б. Секея посвящены актуальным темам из повседневной

жизни венгров того времени, — а он на изображение именно таких сцен концентрировал свое внимание в последующие годы, — напрочь опровергают выдвинутое официозными кругами обвинение о консерватизме его творчества.

Об оппозиционности художников по отношению к власти, о затянувшемся их противостоянии Габсбургам свидетельствуют, кстати, и результаты конкурса, объявленного в 1870 г. министром культов и образования Венгрии Йожефом Этвешем. Деятели изобразительного искусства того времени по-прежнему охотно обращались к исторической тематике, чтобы с ее помощью, хотя и опосредованно, выразить свои антигабсбургские настроения. Работы, выставленные на конкурс в 1870 г., по сути лишний раз показали, что фактически все венгерские художники были не удовлетворены соглашением, не приняли его и не соответствовали тем ожиданиям на которые надеялась новая культурная политика. В своих произведениях мастера живописи выражали негативное отношение к политике властей. Среди подавляющего большинства художников считалось неприличным отказываться от оппозиционности по отношению к Вене.

Но в то же время уже выходили на арену творчества художники, которые постепенно начали завоевать расположение и признание официальных кругов. К их числу принадлежали **Дюла Бенцур** (1844–1920) и **Карой Лотц** (1833–1904), писавшие исторические, торжественные и проникнутые романтизмом возвышенно-лирические, чувственные произведения, все больше отвечавшие вкусовым потребностям утверждавшегося буржуазного общества, включая портретную и салонную живопись. Из этих двух несомненно талантливых мастеров венгерской живописи, в итоге добившихся популярности и в какой-то степени ставших даже модными художниками класса буржуа, именно Бенцур продолжил традиции исторической живописи, внося в свои картины этого жанра сюжеты и характерную для исполнения манеру особой торжественности. Лотц же был лиричным и гораздо более тонко чувствующим, склонным к романтизму художником, творчество которого хорошо воспринималось высшими слоями общества в условиях утверждения буржуазного строя.

Из представленных на конкурс в 1870 г. художественных работ официальное жюри по живописи, естественно, отдало предпочтение не протестовавшим художникам, а именно последним, среди них проекту Д. Бенцура на историческую тематику — «*Крещение Вайка*». Объяснение этому — послужила сцена присвоения Вайку имени Иштвана, которая была поставлена художником в центр картины. Жюри сочло возможным истолковать ее как восхваление и подчеркивание роли церкви и императора Священной Римской империи. Данное решение жюри было принято вопреки преобладающим откликам широкой венгерской общественности и печати, согласно которым, как по силе художественной выразитель-

ности, так и по качеству исполнения, более совершенной являлась уже почти готовая картина художника Б. Секея, посвященная Ласло V.

Произведения Д. Бенцура, в отличие от работ Б. Секея, — хотя и они выполнены в академическом стиле и тоже посвящены исторической теме, — не выделялись столь четкой оппозиционностью к власти и не были проникнуты национальным романтизмом. Бенцур однако, как и художники Шандор Лицен-Майер, Шандор Вагнер, более терпимо относился к наступившим переменам в отношениях между Веной и Будапештом, принимал и признавал их, оставаясь приверженцем академического стиля в живописи. Сцены и сюжеты, изображенные этими художниками на исторические темы, написаны, как правило, с большой выразительностью и изобразительной силой, но при этом их картины были наполнены лирическими чертами и носили несколько идиллический характер, что больше устраивало официальных представителей культурной политики. Наиболее профессиональным представителем этого направления в венгерской живописи стал безусловно Бенцур, на которого и сделали ставку официальные круги Венгрии после заключения австро-венгерского Соглашения.

Бенцур, вернувшийся на родину из Мюнхенской академии, работал в созданной специально для него государственной школе живописи, являясь наиболее видным и ярким представителем мюнхенского направления исторической и портретной живописи в Венгрии. Он, подобно своему учителю К. Пилоти, создавшему крупномасштабные полотна на темы европейской истории с подчекнутой театральной композицией, считал важным увековечить исторического значения события в своей стране. Он уже в молодости проявил свои способности к созданию композиций и изображению образов, людей (доказательством тому является, в частности, картина *«Прощание с Ласло Хуняди»* на выставке 1867 г. в Пеште). Впоследствии художник продемонстрировал редкостный талант изображения драматических и торжественных моментов, мастерски передавал фактуру тканей одежды и оказывал решающее влияние на формирование художественных вкусов тогдашнего общества. Мировоззрение картин Бенцура, разумеется, удовлетворяло прежде всего аристократические круги тогдашней Венгрии, заключившие соглашение с Габсбургами, и соответствовало их вкусам. При этом, несмотря на споры вокруг оценки его несомненного таланта, Бенцур, конечно, внес свой весомый вклад в развитие прогрессивных традиций венгерской исторической живописи. Его творчество высоко ценили не только в Мюнхенской академии, где у него было много учеников и последователей, в которой он с 1876 г. также преподавал, но и во всей Европе. Следует отметить также, что с 1883 г. он стал директором будапештской Школы мастеров.

Среди многочисленных произведений художника Д. Бенцура наибольшей известностью пользуется картина *«Взятие Будайской крепости»*,

посвященная освобождению совместно с австрийскими войсками Буды от турок, написанная в 1896 г. Однако, по мнению искусствоведов, наибольшую художественную ценность представляют созданные им портреты современников. Кстати, наряду с исторической живописью и написанными художником многочисленными портретами, Бенцур обращался и к жанровым сценам, и в этой тематике также создал немало интересных произведений. Среди последних своей красотой особенно выделяется картина *«Читающая женщина»* (1875), на которой изображена лежащая под деревьями на опушек леса дама с книгой в руках.

Творческая деятельность другого мастера живописи, **Кароя Лотца**, также принятого и признанного, поддержанного как властями, так и многочисленными заказами в условиях австро-венгерского дуализма, начиналась с романтического изображения жизни родины — венгерской низменности. Художник учился в Вене у Карла Рахна и мастеров ренессанса, вырос на их творчестве, связанном с различными темами из мифологии. Сам Лотц начинал с пейзажной живописи, создав великолепные картины венгерского Альфёлда. Он писал пейзажи и жанровые картины обитателей венгерской пусты, запечатлевая в своих произведениях пастухов и табунщиков с овцами и табунами лошадей, тихие и гармоничные, навеянные покоем и тишиной трогательные романтические картины. К их числу принадлежит характерный лирический пейзаж *«Закат»* (1870). Но затем эти поэтические пейзажи и сцены из жизни были постепенно вытеснены из творчества Лотца более веселыми и декоративными фресками, которыми он сам увлекался, а впоследствии стали основными в его творчестве. С 80-х гг. XIX в. художник получал и выполнял заказы на роспись общественных зданий и, обладая богатой фантазией, он наполнял их своими радостными изображениями с богатой цветовой гаммой. В Будапеште он оформил и украсил купол здания Оперного театра, стены и потолок Национального музея, различные церкви и дворцы.

Говоря о живописи и художниках, отражавших исторические события на своих полотнах, нельзя пройти мимо имен таких великих венгерских мастеров живописи, какими являлись **Михай Мункачи** (1844–1900) и **Михай Зичи** (1827–1906). Эти художники значительную часть своей сознательной жизни провели заграницей, где и создали большинство своих великолепных художественных произведений. Первый из них жил во Франции, второй — в царской России, но их творчество теснейшим образом связано с Венгрией.

М. Мункачи — наиболее широко известный миру мастер венгерской живописи второй половины XIX в., которого можно сравнить разве что с наиболее выдающимися деятелями европейского изобразительного искусства. Начав свой путь в живопись в качестве украшавшего мебель подмастерья, он благодаря своему природному дарованию сумел поднять-

ся не только на уровень крупнейшего художника Венгрии, но и вырос в выдающегося, всемирно известного мастера живописи, расцвет блестящего таланта и популярности которого пришелся именно на годы дуалистического правления в Венгрии.

Выросший без отца М. Мункачи, в юности слушал рассказы гонведов 1848–1849 гг. о боях и освободительной борьбе за независимость родины. Эти рассказы давали ему яркое представление о жизни и нелегкой судьбе венгерского народа. Из детства и юности он вынес массу полезных впечатлений, которые впоследствии помогали ему в творчестве и нашли отражение в произведениях уже зрелого мастера. На ранних работах художника преобладали мрачные тона, да и сами картины писались им на холсте с темной, асфальтовой грунтовкой, что в комплексе усиливало эффект контрастности деталей и пятен, написанных светлыми красками.

Мункачи учился в Вене, Мюнхене, Дюссельдорфе, а затем в Париже, где впитал опыт тамошних школ, но не подражал им, а создал свой собственный оригинальный стиль и по сути собственную школу драматического реализма в венгерской живописи. Он не принадлежал непосредственно к поколению художников, которые, как Секей и Мадарас, создавали свои картины на исторические темы под прямым воздействием событий 1848–1849 гг., удачно сочетая при этом романтизм с академическим стилем творчества. Мункачи черпал вдохновение для своих полотен, в том числе связанных с историей национально-освободительной борьбы, из рассказов старшего поколения и воспоминаний своей не легкой юности, которые так или иначе также базировались на личных впечатлениях и наблюдениях отдельных жанровых сцен непосредственно из жизни народа. Мункачи, хотя в академизме и уступал выше названным предшественникам (да собственно и не стремился к соблюдению академических традиций), в своей основной области творчества — в жанровой живописи сумел найти столье выразительные средства, формы и язык художественного изображения близких ему идей той же революции 1948 — 1849 гг., что зрители сразу же обратили внимание на его экспрессивное реалистическое творчество, поражавшее оригинальным стилем, так и характерным для него психологизмом и драматизмом.

Композиция полотен, изображенные художником сюжеты, их неподдельный драматизм, вся напряженная атмосфера, излучаемая картинами, посвященными подавленной революции, удачная контрастная техника светотени и манера письма не могли не привлечь к себе внимания художественной общественности. И это происходило не только в Париже, где созданные им произведения нередко раскупались прямо с мольберта. Уже первая его картина, написанная им в двух вариантах «*Камера смертника*» (1869), выставленная в 1870 г. в Салоне французской столицы,

сразу сделала его знаменитым, принесла поразительный успех. Художнику было всего 26 лет, когда он получил большую золотую медаль самого почетного в Европе парижского Салона. На картине изображен приговоренный к смертной казни молодой бунтарь в последние часы перед казнью. Тема этого живописного полотна была близка Мункачи, ведь его отец, некогда снабженец войск гонведов, был арестован и погиб. От картины веет мрачным духом безысходности, она передает настроения, воцарившиеся во всем венгерском обществе после революции. Ей присущ сдержанный драматизм, выраженный глубокими тенями и контрастными белыми красками. При этом игра света и тени, крупные решительные мазками кисти художника, вызывают чувство трепета, создают напряженность. Кстати, эти признаки характерны и для других произведений художника: в частности, картине «Осужденный» (1871–1873), портрету «Милтон» (1877), где слепой поэт изображен диктующим своей дочери стихотворение, равно как и масштабному холсту художника *«Христос перед Пилатом»*.

В многочисленных произведениях Мункачи, исполненных, как правило, на высоком техническом уровне с большой художественной выразительностью, написанных понятным для всех языком, передается реальная, а не театральная напряженность, кроме того они отражают также и быт и жизнь жителей венгерского села. Для художника особенно плодотворным оказался 1873 г., накануне которого им были созданы такие шедевры, как *«Ночные бродяги»*, *«Прощание»*, *«Щипательницы корпии»*, *«Девушка с хворостом»*. Все они поражают высоким мастерством и талантом живописца. Эти и многие другие работы принесли художнику огромную популярность и всемирную известность, а венгерской живописи — славу. Даже в такой работе, как *«Женщина, сбивающая масло»* (1873), выражается отношение художника к народу, а сама картина свидетельствует о глубоком знании автором предмета изображения, т. е. народного быта, нелегкой народной доли и понимания всех сложностей и трудностей сельской жизни. Художник в данном случае сосредотачивает внимание зрителя не на процессе изготовления масла, а на образе работающей сельской женщины, на ее судьбе. Атмосферу картины создает именно выделяющийся на темном фоне освещенный образ пожилой крестьянки и наблюдающей за ее работой девочки. Впечатление лишь усиливается благодаря изображению открытого огня, бело-серой стены, темного колорита двери, яркого света на лице и одежде женщины и характерных для художника крупных мазков кисти, изображению пятен света и тени.

Разумеется, Мункачи писал работы и другого характера, передающие иные настроения. Имеется в виду, в частности, портрет жены, натюрморты и пейзажи, которые радуют глаз. Кстати, к пленэрной, пейзажной живописи привлек его молодой и весьма одаренный венгерский художник-пейзажист Ласло Паал, с которым он познакомился еще в мо-

лодом возрасте, путешествуя по Трансильвании, затем связала их искренняя дружба. Именно Мункачи пригласил Паала во Францию, где талантливый пейзажист в Барбизоне под Парижем создавал свои оригинальные шедевры живописи. К числу пейзажных работ Мункачи, наряду с известной *«Аллеей»*, относится *«Пыльная дорога»* (1883), написанная в стиле пленэрного этюда в 1874 г. на базе впечатлений от путешествия художника из Франции в Венгрию. В отличие от других работ Мункачи, в картине чувствуется влияние импрессионизма, однако это вполне реалистическое произведение.

Другим известным венгерским художником, творившим в основном за пределами Венгрии, был замечательный мастер романтизма **Михай Зичи**. Он относительно рано выехал из страны, работал главным образом в технике графики, а его талант и тонкое живописное мастерство ставят его в ряд выдающихся мастеров венгерского изобразительного искусства. Им создано множество технически совершенных филигранных графических иллюстраций к произведениям венгерских, австрийских и русских поэтов, в частности, к *«Трагедии человека»* Имре Мадача, к балладам поэта Яноша Араня, к стихотворениям Ш. Петефи и М. Ю. Лермонтова. Зичи десятилетиями работал в России при царском дворе в качестве придворного художника, создавая многочисленные портреты коронованных особ и знати. Ему принадлежат изящные иллюстрации к произведению великого грузинского поэта Шоты Руставели *«Витязь в тигровой шкуре»*. Одновременно художник в Париже также добивался признания в мире искусства своими символического, антиклерикального и радикального политического содержания картинами (в частности, работой «Гений разрушения») и завоевал международную известность. Его критиковали на родине, где он подвергался нападкам за свое свободомыслие. Именно поэтому, несмотря на ряд попыток, оставаться дома не мог, хотя его профессиональная подготовка и передовое мышление могли бы оказать прогрессивное воздействие на художественный творческий процесс в самой Венгрии.

Здесь уместно напомнить еще об одном венгерском мастере кисти, который также долгое время жил и работал в России. Это венгерский портретист и выдающийся мастер живописных миниатюр Шандор Козина (1808–1873), творчество которого ещё не достаточно полно изучено исследователями.

Следует отметить, что к 90-м гг. XIX в. историческая живопись, точнее историческая тематика в изобразительном искусстве, пришла к своему закату. Правда, это не помешало тому, чтобы и впоследствии продолжали появляться работы, посвященные историческим событиям и социальной проблематике. Так, среди учеников великих мастеров исторической живописи следует назвать, прежде всего, **Яноша Торму** (1870–1937), продолжившего их лучшие реалистические традиции и

развившего арсенал средств выражения реализма, примененных в произведениях Мункачи. Художник сначала учился в Пеште в Школе образцового рисования Б. Секея, затем в Мюнхене, где продолжал традицию своего учителя и усердно работал над созданием венгерской национальной школы реалистической живописи европейского уровня. Будучи представителем молодого поколения художников, Торма в конце 1880-х гг. оказался в Париже, где примкнул к группе венгерских художников, отказавшихся от академизма в живописи. При этом Торма, отталкиваясь от натурализма, сохранил верность исторической тематике, что нашло отражение в его творчестве в 1890-е гг. В Париже художник добился успеха и признания, а затем, готовясь к миллениуму венгерской государственности, снова зажег лампаду вокруг революционных событий 1848–1849 гг. Темой задуманного им масштабного полотна Торма избрал мученическую смерть 13 арадских генералов. Он несколько лет делал наброски, писал этюды, ездил в город Арад, изучал место казни, беседовал с очевидцами, сам присутствовал на казни осужденных. Созданное им произведение *«Арадские мученики»*, как по духу, так и по атмосфере выразительности соответствовали времени того исторического события. В картине использовано много серого цвета, нет света и ярких пятен. От нее веет удушьем, гнетущей атмосферой, безнадежностью и безысходностью.

На юбилейную выставку официальные власти картину не допустили, но художник не смирился и нашел выход: за свои деньги он снял танцзал, а затем ресторан, в которых все же продемонстрировал ее зрителям, имея грандиозный успех у публики. После миллениума о картине забыли, а официальным кругам она не была нужна. Картина долго лежала свернутой в рулон вплоть до 1930 г., когда характерным образом смерть великого российского художника И. Репина обратила снова внимание на это произведение Тормы. Тогда венгерские газеты сообщали весть о том, что русский художник также планировал написать полотно о мученической смерти 13 венгерских генералов. В 1931 г. картина Я. Тормы все же была куплена государством.

Успех «Арадских мучеников» вдохновил художника, и он, после написания известной картины об отправке добровольцев в гонведскую армию («Первое октября»), в 1897 г. приступил к созданию нового полотна, посвященного революции 1848 г., под названием *«Вставай, мадьяр!»*. Его он считал своим главным произведением и работал над картиной до конца жизни. Художник тщательно изучал все детали событий 15 марта, одежду и архитектуру того времени, делал этюды и в конечном счете сумел передать в этом полотне подлинный дух, настроение, энергию революционного порыва масс.

Таким образом, годы дуализма в изобразительном искусстве Венгрии характеризовались таким ускоренным развитием не только монументаль-

ной и исторической живописи, классицизма и национальной романтики, но и пейзажной живописи и в области импрессионизма, поиска новых художественных форм на рубеже веков.

Ярко выраженными представителями венгерской *пейзажной живописи*, как самостоятельного направления в изобразительном искусстве, во второй половине века стали два великолепных мастера, **Геза Месёй** (1844–1887) и уже упоминавшийся Ласло Паал. Они почти одновременно, первый на родине, второй за ее рубежами стали подлинными мастерами этого художественного жанра на подобие французских художников-пейзажистов Барбизона.

Геза Месёй, который учился в Вене и Мюнхене, после героики и романтизма в венгерской живописи первым обратился к красоте родной природы и в этом смысле стал подлинным новатором. Он создавал свои картины под непосредственным впечатлением от природы, красоту которой он увековечивая на холсте. Независимо от французских пейзажистов, он самостоятельно пришел к пониманию и раскрытию поэтической красоты пейзажа и в результате заслуженно стал мастером «интимного пейзажа». Его считали и певцом красоты Балатона, что нашло выражение в одноименной картине *«Осень на берегу Балатона»* (1875), проникнутой духом красоты природы и покоя. Для пейзажиста были характерны приглушенные ради гармонии тона, что в определенной степени напоминает лирическую тональность картин художника К. Коро. Одно из наиболее известных и крупных по своим размерам пейзажных полотен *«Рыбацкий хутор на Балатоне»* (1877) заказал художнику Венгерский Национальный музей. Для Месёя характерным было реалистическое, не приукрашенное, хотя при этом все же поэтическое изображение природы, гармония ее красоты и колорита. Именно в таком исполнении была создана его картина *«Сельская околица»* (около 1877–1882), на которой наряду с природной изображены и крестьянские дети.

Как упоминалось, в Барбизоне, вблизи Парижа, творил другой талантливый венгерский пейзажист родом из Трансильвании **Ласло Паал** (1846–1879), который за свой короткий век — прожил он всего 33 года — успел создать более 120 шедевров пейзажной живописи. К живописи приобщил его М. Мункачи, ведь художник именно под воздействием таланта этого великолепного мастера взял в руки кисть и начал писать. Он учился в Вене, в 1870 г. был в Голландии, затем в Лондоне, Дюссельдорфе, а с 1872 г. обосновался во Франции, в Барбизоне, где и проходили годы его блестящего творчества. Как художник, он интересовался исключительно пейзажами, которые создавал с натуры. Пейзажная живопись — романтика леса, проникающие через листву лучи солнца, живая природа — стала страстью и предметом изображения для этого мастера. Хотя он писал на пленэре, выражая свои непосредственные впе-

чатления, не стал импрессионистом поскольку это направление не привлекало его.

Паал сумел прекрасно передать в чудесных лесных пейзажах контрасты, игру света и тени, написать переливание солнечного света, пятна зелени и тени. Большинство картин этого мастера было создано в 1870–1877 гг. Художник писал страстно и энергично, запечатлевая пастбища, луга, опушки леса, одинокие деревья, сам лес — дубравы, поляны и ручьи. Одним из несомненных шедевров мастера является картина «*После дождя*» (1873), на которой фигуру с зонтиком написал Мункачи. Художников связывала дружба и взаимопонимание, а в своем творчестве они влияли друг на друга, что находит подтверждения и в похожем характере техники их письма, в крупных мазках и световых пятнах, несмотря на то, что работали в различных жанрах. Картина Паала «*Болото лягушек*» (1874), исполненная в зелено-коричневых тонах, с темными зелеными пятнами, хорошо передает игру света и тени. Этот пейзаж, как и картина «*Лесная дорога в Фонтенебло*» (1876), захватывают, радуют зрителя своей зелено-золотистым колоритом и проникающими через листву световыми пятнами от солнца. Последняя исключительно гармонична, представляет собой классический пейзаж.

Не менее видным мастером-колористом был **Пал Синеи Мерше** (1845–1920), отличающийся от остальных художников страны, как самим предметом изображения, так и изобразительным языком. Он был выдающимся мастером передачи ярких, жизнерадостных красок, цветов и гармонии. Художника, написавшего в 1873 г. главное произведение жизни — «*Майский пикник*» (или «*Маёвка*») — в 27-летнем возрасте, привлекало изображение лугов, полян, холмов и пахоты — всего того что он знал досконально с самого детства. Картины художника создают веселое, радостное настроение.

Синеи Мерше, как и большинство его товарищей, учился в Мюнхене у знаменитого Пилоти, но будучи выходцем из семьи богатого землевладельца, не заинтересовался ни жанровой, ни исторической живописью. Его больше тянуло к изучению жизнерадостных световых и цветовых гамм, солнечной природы, излучающих радость пейзажей. Испытав влияние барбизонцев, он быстро стал самостоятельным художником-пленэристом, отказался от романтического академизма, принятой коричневой тональности и приглушенной цветовой гаммы вообще. Мерше обратился в своем творчестве к ярким, сочным тонам в изображении, картины создавал на природе. Свою знаменитую, запоминающуюся картину «*Майский пикник*» (1872–1873) он писал под Мюнхеном, опираясь на свои воспоминания о природе своего родного края и воспользовавшись кристально чистыми, жизнеутверждающими красками.

Картина Синеи Мерше «*Майский пикник*» является одним из первых шедевров европейской пленэрной живописи, созданном еще до становле-

ния классического импрессионизма. Для нее характерны до этого неиспользованные в живописи приемы и формы и цветовые решения художественного изображения. Венгерский художник своей картиной по сути и положил начало новому художественному направлению — импрессионизму, несколько даже опережая его официальное появление в качестве самостоятельного течения в изобразительном искусстве. И произошло это тогда, когда во Франции художники лишь начинали искать путь, ведущий к импрессионизму. Синеи Мерше же в Мюнхене, не ведая об этих поисках французов, своими средствами, самостоятельно решил эту проблему. Правда, на его полотне, в отличие от картин будущих классиков импрессионизма, еще не вполне исчезли реальные очертания предметов. У Синеи Мерше посреди свежей сочной майской зелени, наоборот, присутствует изображение вполне реальных, беззаботных, радостно отдыхающих фигур. «На своей картине я не хотел изобразить ничего, кроме красивого весеннего дня, когда веселая городская компания выходит наслаждаться им», — писал позже художник. На этой картине с весьма жизнеутверждающей цветовой гаммой компания отдыхающих, озаренная ярким весенним солнцем, кажется красочным букетом на фоне свежей зелени холма.

Следует однако отметить, что новаторского, пленэрного характера картину Синеи Мершее *«Майский пикник»* постигла, как это довольно часто случается с нововведениями и открытиями, судьба недопонимания: она не была тогда принята и не получила заслуженного признания. Её посчитали заблуждением, знаменующим тупиковый путь в развития живописи. В результате другая, написанная художником два года спустя, также известная впоследствии картина *«Женщина в лиловом»*, уже носит на себе определенные отпечатки, свидетельствующие о сомнении самого художника в своем творчестве, в верности направления, правильности избранного им пути. В ней наблюдался некоторый отход от заложенных им же в прежней работе принципов и приемов нового направления. В итоге разочарованный художник более чем на десятилетие вообще отошел от творческой деятельности и жил уединенно в своем имении в Ерне. Характерно, однако, что в других, более ранних и менее известных работах художника, как *«Качели»* (1869) или *«Сушка белья»* (1869) также проявились его новаторские начинания. Они также были написаны свежими, сочными и радостными красками, были наполнены солнечным светом и исполнены крупными разноцветными пятнами, что также говорит об их родстве с подобными произведениями французских художников, хотя Синеи не был знаком с их работами.

Лишь в конце XIX в. в Венгрии возникла группа художников, искавших новое современное направление в искусстве. Она уже полностью отвергала мюнхенский стиль и эталон академизма, ориентировалась ис-

ключительно на пленэр в живописи, что изменило настроения и отношение к творчеству Синеи Мерше. Эти художники собрались во главе с **Шимоном Холлоши** (1857–1918) и в 1896 г. выехали на окраину небольшого живописного шахтерского городка Надьбаня в Трансильвании, где делали этюды с натуры, писали свои картины и основали новую современную школу изобразительного искусства, которая вошла в историю венгерской живописи, как Школа художников Надьбани. Сам основатель школы, впрочем, как и его ученики в 1890-х гг. ориентировались сначала на творчество мюнхенского мастера Вильгельма Курбе и французского реалиста Густава Лейбля, но затем все больше стали проявлять интерес к утонченному натурализму французского мастера живописи Жуля Бастиена-Лепаже. Под влиянием творчества последнего Холлоши написал ряд портретов и известное жанровое полотно *«Чистка кукурузы»* (1885), после чего перешел к пленэру. Синеи Мерше — признание к нему пришло в 1896 г., после того как представители молодого поколения художников и критиков побывали в Париже и открыли для себя родство творческих поисков этого венгерского мастера с французскими импрессионистами — также вернулся к творчеству. Более того, он стал директором Высшей школы изобразительного искусства. Новые картины этого венгерского предшественника импрессионистов (среди них *«Таяние снега»*), по-прежнему проникнуты импрессией и полны света и воздуха, характеризовались яркими, радующими глаз цветовыми решениями.

Таким образом, подводя некоторые общие итоги становления и развития венгерской живописи второй половины XIX в., следует прежде всего отметить, что она за полвека прошла весьма успешный путь формирования и упрочения позиций, стала самостоятельной и весьма важной, даже определяющей областью изобразительного искусства. В ее развитии были различные этапы и стили, развились отдельные параллельно присутствующие или сменившие друг друга направления, среди представителей которых ведущая роль принадлежала мастерам, обращавшимся к исторической тематике, к героике национально-освободительной борьбы. Венгерская живопись второй половины столетия дала стране и миру немало выдающихся мастеров, произведения которых достойно представляли венгерское изобразительное искусство во всех направлениях его исторического развития. Ими были созданы известные не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами полотна, как в сфере исторической и романтической, так и реалистической и современной живописи, причем некоторые из них по праву вошли в сокровищницу мирового искусства. Для венгерской живописи годы австро-венгерского дуализма, несмотря на продолжавшуюся оппозиционность основной части деятелей искусства, были не только исключительно плодотворны в творческом плане, но и организационно принесли некоторые существенные сдвиги. Создавались хранилища для художественных произведений, строились

выставочные залы, столь необходимые для показа широкой общественности стремительно растущего числа произведений живописи мастеров. В 1871 г., например, была создана Государственная картинная галерея, в 1896 г. по случаю миллениума вышел указ о создании Музея изобразительных искусств, который открылся в 1906 г., но уже в 1900 г. приобрел 11 полотен М. Мункачи, а затем и картины Б. Секея, Л. Паала, П. Синеи Мерше и других выдающихся мастеров венгерской живописи второй половины XIX в.

Что же касается направлений и стилей, имевших место в венгерской живописи в изучаемый период, то необходимо отметить, что утвердившийся в 1870–1880-х гг. академизм под влиянием меняющихся общественно-политических и экономических условий постепенно начал уступать свои приоритеты и главенствующее место другим художественным направлениям и стилям. Происходило это в полном соответствии с переменами во вкусах и запросах со стороны зарождавшегося венгерского буржуазного общества. Наметившиеся изменения проявились прежде всего в том, что на задний план стали отодвигаться произведения живописи, созданные в духе академизма и обращенные к героическим, национальным и романтическим темам. Художники, реагируя на новые потребности в менявшемся венгерском обществе, начали выбирать другие темы и жанры, которые соответствовали бы вызовам нового времени и именно им отдавали свое предпочтение. Мастера живописи, в поисках выхода из ситуации, приспосабливались и обращались к жанровой тематике и натурализму в изобразительном искусстве. И хотя в конце 1880-х гг. академизм еще сохранял свое господствующее положение в живописи, как сфере изобразительного искусства, последняя треть века уже явно свидетельствовала о стремительном переходе к реализму, к реалистическому отражению действительности и природы. Этот процесс вместе с тем создавал предпосылки заметных сдвигов не только от романтизма к реализму, но и к раннему появлению первых венгерских произведений отечественного импрессионизма.

Все отмеченные изменения и процессы находили наиболее ощутимое отражение прежде всего в жанровой (М. Мункачи) и пейзажной живописи (Г. Месёй, Л. Паал, П. Синеи Мерше). Наряду с ними первыми художниками, осуществившими полноценный переход к пленэру, а в последующем и к современному искусству, были выходцы из Мюнхенской школы живописи, которые во главе с Шимоном Холлоши и его венгерскими учениками основали школу в Надьбане.

В заключение несколько фраз следует посвятить перспективам развития венгерской живописи и в начале XX в., ибо основы поисков изобразительного искусства нового времени были заложены именно еще в конце XIX столетия. Новый век ознаменовался, как известно, дальнейшими

поисками в венгерском художественном творчестве, окончательным переходом к современному искусству, к его новым направлениям. Живопись становилась все более многогранной, характеризующейся большим многообразием форм и цветовых решений. Воспитанники Школы художников в Надьбане во главе с **Ш. Холлоши**, опираясь на натурализм, работали без каких-либо строгих предписаний и канонов. Свободное творчество привело этих художников (Янош Торма, Иштван Рети, Карой Ференци, Бела Грюнвалд, Оскар Глатц, Иштван Чок, Дюла Руднаи и др.) к выработке своего собственного стиля, а объектами их творчества становились главным образом жанровые сцены из жизни народа.

Самостоятельную группу живописцев составляли художники, не связанные со школой Надьбани, но также обратившиеся к народным корням в своем творчестве. Из последних, считающихся уже исключительно художниками начала XX в., выделялись своими произведениями Йожеф Риппл-Ронаи, Йожеф Костка, Тивадар Чонтвари Костка, Янош Васари, Адольф Фенеш и др., внесшие весомый вклад в развитие искусства живописи. Анализ произведений этих и других мастеров преимущественно реалистического направления в живописи, уже не является предметом нашего исследования однако все же следует отметить, что ими было представлено многообразие художественных устремлений в новых исторических условиях, которые требуют специального исследования.

Использованная литература:

1. Magyar festészet a XIX. században. Bp., 1970
2. *Pogány Ö. Gábor.* Magyar festészet a XIX. században. Bp.,1970
3. A magyarországi müvészet története. Szerk.: Fülep L., Dercsényi D., Zádor A., 1. Köt. Bp., 1970
4. A Magyar Nemzeti Galéria gyűjteményei. Bp., 1975
5. *Berkovics Ilona.* Zichy Mihály élete és munkássága. Bp., 1964
6. *Farkas Zoltán.* Paál Láaszló. Bp., 1954
7. *Lyka Károly.* Festészeti életünk a milleniumtól az első világháborúig. Magyar művészet, 1896–914. Bp., 1983
8. *Végvári Lajos.* Munkácsy Mihály. Bp., 1961
9. *Végvári Lajos.* Szinyei Merse Pál 1845–1920. Bp., 1986
10. *Bernáth Mária.* Szinyei Merse Pál. Bp., 1981
11. *Devényi István.* Thorma János. Bp., 1977
12. *Székely András.* Munkácsy. Bp., 1977
13. *Székely Zoltán.* Madarász Viktor. Bp., 1954
14. *Németh Lajos.* Hollósy Simon és kora művészete. Bp., 1956
15. Művészeti Kislexikon. Bp., 1980
16. Tájképek a Magyar Nemzeti Galériában. Bp., 1973

П. Пейковска

БОЛГАРО-ВЕНГЕРСКИЕ СВЯЗИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОБЩЕНИЯ (XIX ВЕК)

Интерес венгерских ученых к Болгарии ведет истоки с XVIII века. Но о болгаро-венгерских научных связях в современном понимании можно говорить только применительно к последней четверти XIX в., когда в Болгарии складываются основы современной государственности, а вслед за этим по образцу западноевропейских стран утверждается, институционализируется и профессионализируется современная наука. Плодотворное общение и творческое взаимодействие ученых двух стран происходили и до этого. Они, как правило, не носили официального характера, хотя некоторым авторитетным ученым удавалось заручиться поддержкой своего правительства. Развитие связей в большой степени определялось личными научными интересами, инициативой и возможностями отдельных ученых и нашло отражение главным образом в документах личного происхождения — корреспонденциях, дневниках, рукописях, несущих на себе яркий отпечаток авторской индивидуальности. В последней четверти XIX в. венгеро-болгарские научные связи становятся интенсивнее, что было связано с возникновением в Болгарии культурной политики, уделявшей большое внимание исторической науке, которая оказалась в тесной взаимосвязи с внешнеполитическими устремлениями молодого государства.

***

Болгарская тема и связи между венграми и болгарами в Средние века нашли отражение в венгерских хрониках Средневековья и эпохи гуманизма XV в. (особенно в хрониках Анонима и Я. Туроци)[1]. В Венгрии историография, основанная на критике источников, берет свое начало в середине XVIII века, возникнув под влиянием идейных течений Западной Европы. Как в католической, так и в протестантской среде возникают исторические школы, обратившиеся к изучению истоков венгерской церковной истории на основе сбора и анализа определенного круга источников[2]. В процессе изучения венгерской истории в той или иной мере затрагивались балканские народы и в том числе болгарский. Таким образом, в эту эпоху научный интерес к болгарской истории был неотделим от исследования средневековых взаимоотношений между венграми и восточноевропейскими, балканскими народами. В 1787 г. выдающий-

[1] Самая старая венгерская хроника, принадлежащая Анониму, хронисту короля Белы III, датируется приблизительно 1200 г.

[2] *Gunst P. A* magyar történetírás története. Bp., 2000. P. 142–143.

ся историк-иезуит Дьердь Прай[1] получает от Венского двора поручение обосновать историческими аргументами балканскую политику австрийского императора и венгерского короля Иосифа II и претензии венгерской короны на те или иные земли[2]. А в конце XVIII в. последний выдающийся историк этой эпохи Янош Энгел[3], представитель просвещенного протестантизма, посвящает отдельную книгу болгарской истории, причем средневековая Болгария рассматривается им в духе тогдашней историографии как провинция венгерской короны[4].

В конце XVIII в. молодой Ласло Горове[5] — студент Коложварского университета[6], начинает собирать сведения об истории банатских болгар-католиков[7]. В отделе рукописей Венгерской национальной библиотеки имени Сечени хранится его рукопись 1799 г., в которой говорится о поселении болгар в Банате[8]. В 1837 г. в авторитетном научном издании «*Tudományos gyüjtemény*» [«Научное собрание»] он публикует пространную штудию об их истории, демографическом состоянии и промыс-

[1] Дьердь Прай (1723–1801) — венгерский историк немецкого происхождения. Вступает в Орден иезуитов в 1740 г. В середине XVIII в. преподаватель в Венском Терезиануме. Сочинения: Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum. Vindibonae, 1761; Annales regum Hungariae. Vol. I–V. Viennae, 1763–1770; Historia regum Hungariae. Vol. I–III. Budae, 1801.

[2] *Gunst P.* A magyar történetírás. P. 159.

[3] *Янош Керестей Энгел* / Johann Christian von Engel (1770–1814) — венгерский историк немецкого происхождения. Сочинения: Geschichte des Ungarischen Reiches und seiner Nebenlander. Vol. I–IV. Halle, 1797–1804; Monumenta Ungarica. Viennae, 1809; Geschichte des Ungarischen Reichs. Vol. I–IV. Wien, 1813–1814.

[4] *Engel J. Ch.* Geschichte des Ungarischen Reiches und seiner Nebenlander. Erste Theil. Geschichte des alten Pannoniens und der Bulgarien, nebst einer allgemeinen Einleitung in die Ungarische und Illyrische Geschichte. Halle, 1799.

[5] *Ласло Горове* (1780–1839) — венгерский писатель, член Венгерской Академии наук.

[6] Сегодня университет «Бабеш-Бояй» в г. Клуж-Напока, Румыния.

[7] Речь идет о переселенцах, покинувших Северную Болгарию после Чипровского востания (1688) и поселившихся в области Банат. На долю болгарской общности, живущей в Банате по сегодняшний день, выпали те же исторические повороты, которые претерпела сама эта область. Банат находился в составе венгерского королевства со времени его возникновения и до османского нашествия на Балканы в XV в.; в 1552–1718 — турецкий вилает; в 1718–1777 — земли австрийской короны; в 1778–1848 вновь земли венгерской короны; в 1849–1860 гг. вновь в ведении Австрии; в 1860 г. возвращены в состав Венгрии. После Первой мировой войны большая часть Баната передана Румынии, меньшая Югославии, небольшая часть осталась принадлежащей Венгрии. На протяжении веков банатские болгары обособились в отдельную болгарскую религиозно-культурную общность: они католики, пишут латынскими буквами и имеют самобытную культуру; долгие годы находятся под хорватским влиянием посредством церкви (См. *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (далее: Сб. НУНК). LI. 1963.

[8] Országos Széchényi Könyvtár, Kézirattár (OSZKK). Fol. Hung., 1364.

лах[1]. В 1838 г. в этом же издании он публикует грамоту Марии Терезии «об истории болгар»[2]. Ласло Горове занялся своей темой по заказу Венгерского научного общества (Magyar Tudós Társaság). Для сбора сведений об истории и тогдашнем состоянии банатских болгар он предпринимает летом 1836 г. поездку в Банат[3] Местные болгары показали ему старинные грамоты, дававшие им привилегии, а также письма-прошения, дополненные отрывками из хроник[4]. В сущности Л. Горове был первым венгерским исследователем банатских болгар, опубликовавшим результаты своих изысканий. Как видно из его автобиографии, он вполне осознавал оригинальность своих исследовательских усилий[5]. При всех его личных амбициях, его интерес к банатским болгарам не может быть поставлен вне контекста венгерских культурно-политических взглядов на Темешский Банат, присоединенный к Венгрии в 1778 г. приказом Марии Терезии. После этого область начинают активнее заселять венгры, а в сфере просвещения и культуры предпринимаются попытки преодолеть хорватское влияние среди болгар, поддерживая их усилия в изучении и развитии болгарского языка, а также в приобщении болгар к венгерской культуре через изучение венгерского языка в болгарских школ (Последнее было осуществлено в Бешеневе в 1793 г.). И первая болгаро-банатская книга была напечатана именно венгром, Имре Берецем в 1851[6].

Сочинение Ласло Горове о банатских болгарах остается незнакомым для болгарской исторической науки, но оно было известно просветителям банатского болгарского возрождения второй половины XIX века. В одной из своих рукописей отец Еусебий Ферменджин отмечает, что «поселение болгар описано великолепно ученым Горове в *'Tudományos Gyüjtemény'* ['Научное собрание']»[7].

---

[1] *Gorove L.* A bánsági bolgárok hajdani 's mostani állapotuk // Tudományos Gyüjtemény, 1837. Vol. VIII. P. 3–65. Vol. IX. P. 3–63.

[2] *Gorove L.* Egy a' Bolgárok történeteihez tartozó oklevél // Tudományos Gyüjtemény, 1838. Vol. VIII. P. 34–45. Публикация содержит грамоту, которой Мария Терезия дарит имение Мако первому епископу и главному ишпану комитата Чанад Николе Станиславовичу как вознаграждение за преданность фамилии австрийскому двору.

[3] Материал о его пребывании хранится в отделе рукописей библиотеки Венгерской Академии наук. См.: Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára. Kézirattár (далее: MTAKK). RAL. 85/1836. Отчет Ласло Горове о пребывании среди болгар в Темешском Банате, 9.08.1836.

[4] Ibidem.

[5] MTAKK, RAL, K 1231: 23. P. 9.

[6] *Милетич Л.* Книжнината и езикът на банатските българи // Сб. НУНК, 1900. Кн. XVI–XVII. С. 341.

[7] Budapesti Ferences Levéltár, Fermendzsin, *E. Adversaria.* Tom I. hic adnotata sunt mulsa, quo ego, adhuc clericic. Theol. Studem anno 1868, tempore feriarum, collegi, descripsi velescrips. Vukovarini, 1872. IV. 6. P. 77.

Интерес к болгарскому историческому прошлому XVIII века и первой половины XIX века был связан с болгаро-католической школой, которая тогда развивалась вследствие научного климата, существовавшего в Габсбургской империи. Во второй половине XIX века представители болгаро-католической литературы (как Еусебий Ферменджин) творят в венгерской духовной среде. С другой стороны, литературная деятельность болгарских католиков-францисканцев в Трансильвании находится в преемственности католической литературе в Болгарии до 1688 г.[1]

В отличие от Венгрии, где во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в. историография, хотя и питается идеей национальной независимости, но развивается уже на основе критики источников, в болгарской романтической историографии этого времени преобладает восхваление прошлого, не требующее научного потверждения и доказательств[2]. Критическое отношение к источникам становится методом только в исследованиях Спиридона Палаузова[3], который работал в России в середине XIX в. В своей работе о Яноше Хуняди[4] Спиридон Палаузов первым среди болгарских авторов предпринимает попытку изучить болгаро-венгерские отношения в Средние века.

Расцвет научной историографии в Венгрии начинается в десятилетия после Соглашения 1867 г. Именно тогда возникают институции исторической науки; особое влияние на ее развитие оказало создание Венгерского национального архива. В историческом познании утверждается позитивизм, основанный на кропотливом изучении архивных источников по венгерской истории и их публикации. В Болгарии создание институтов и модернизация историографии приходятся на более поздний период — после Освобождения (1877–1878). Начало современной болгарской исторической науке положили чех Константин Иречек[5] и Ма-

[1] Основные характеристики болгаро-католической литературы: латинский или «иллирийский» (литературный хорватский) язык; участие творцов иного национального происхождения, поддержавших идею восстановления политической независимости Болгарии; наличие элементов новой мифологии в историческом рассказе; использование новых форм, в том числе в исторических описаниях (См.: *Проданов Н.* Материали по българска историография. Т. I. В. Тырново, 1993). Инонациональное (в том числе венгерское) влияния на эти исторические описания представляли бы интерес для самостоятельного исследования.

[2] *Ников П.* Задачата на днешната българска историография // Годишник на Софийския университет, историко-филологически факултет [далее: Год. СУ — ИФФ]. XVII. 1920–1921. С. 299; *Цанев Д.* Българската историческа книжнина през Възраждането. XVIII — първата половина на XIX в. София, 1989. С. 194–195.

[3] Спиридон Палаузов (1818–1872) — историк, общественный деятель.Учился в Одессе, Бонне, Гейдельберге, Мюнхене, Москве и Петербурге. Основоположник современной болгарской медиевистики.

[4] Янош Хуняди (Историческа характеристика) // *Палаузов Сп.* Избрани трудове. Ред. В. Гюзелев, Хр. Коларов. Т. I. София, 1974. С. 360–499.

[5] Константин Иречек (1854–1918) — историк, славист. Жил в Болгарии с 1879 до 1884 г., был министром просвещении Болгарии (1881–1884).

рин Дринов[1], который был воспитанником Московского университета. В Болгарии исследование и публикация источников по национальной истории ведутся менее организованно и более медленными темпами, нежели это происходит в Венгрии.

* * *

Научная традиция венгерской историографии развивается после Соглашения 1867 г., с одной стороны, под влиянием имманентных исторической науке факторов, а с другой стороны, в соответствии с австро-венгерскими интересами на Балканах, которые требовали соответствующей направленности в исследовании прошлого. В 1874–1875 гг. в Венгрии начинается создание Национального архива; с его возникновением выходят в свет многие новые источники, существенно менявшие представления венгерских историков о развитии страны; однако все еще недоставало подготовленных исследователей, которые могли бы пересмотреть и переосмыслить венгерскую историю. Вот почему в этот переходный период на первый план, что вполне естественно, выходят публикации архивных документов. В то же время изменение приоритетов внешней политики теперь уже двуединой Австро-Венгерской монархии, переориентация ее в направлении Балкан вызвали необходимость в собирании и публикации источников об исторических связях (династических, политических и торговых) венгров с балканскими народами в Средние века, а также о судьбе венгерской эмиграции в Османской империи. Концепцию венгерской культурной политики на Балканах (и в том числе в Болгарии) разрабатывают историки и политики Беньямин Каллай и его воспитанник Лайош Таллоци. Они считали, что надо изучать исторические связи Венгрии с Балканами в Средние Века постольку, поскольку венгерские экономические, торговые интересы на Балканах являются традиционными и популяризация достигнутого здесь исторического опыта будет способствовать защите этих интересов.

Применительно к болгарам первым продуктом новой тенденции в венгерской историографии можно считать том серии «*Árpádkori új okmánytár*» [«Новые документы из эпохи династии Арпадов»] (1870)[2], составитель которого Густав Вензел[3] подготовил его по заказу Комиссии

[1] Марин Дринов (1838–1906) — болгарский историк, филолог. Учился в Киеве, окончил Московского университета (1876). Член Петербургской академии наук (1898), один из основателей Болгарской литературной общество. Професор славяноведения в Харьковском университете (1873–1906).

[2] Árpádkori új okmánytár. A MTA Történettudományi Bizottság megbízásából közzéteszi Wenzel Gusztáv. Vol. VIII. 1261–1272. Bp., 1870. P. 422–479.

[3] Густав Вензел (1812–1891) — венгерский юрист, член ВАН. Впервые в Венгрий читает лекции об истории европейского права на Юридическом факультете Будапештского университета. Сыграл важную роль в публикации источников по венгерской истории.

по истории Венгерской академии наук. В приложение включены документы об Охридской и Тырновской епархиях. В имеющем программный характер введении подчеркивается необходимость системного изучения истории соседних стран, которые до османского нашествия были «настолько связаны с Венгрией, как будто бы представляли собой провинции венгерской короны... Старая слава нашей родины и ее давние державные позиции, — утверждает автор, — основаны на существовавших тогда взаимоотношениях с этими странами», в том числе с Болгарией[1]. Документы, входящие в приложение, заимствованы из публикаций русских и греческих ученых. Густав Венцел опубликовал источники на языке оригинала (церковнославянский, старогреческий и латинский) и в переводе на венгерский. Как видно из введения, он знал сочинения Павла Шафарика, Василия Априлова, Юрия Венелина и Спиридона Палаузова по истории Болгарии.

Перемены на Балканах после Русско-турецкой войны (1877–1878) и политика Австро-Венгрии, направленная на проникновение в экономику региона, способствовали полноценному развитию упомянутой тенденции в венгерской историографии в 80-е гг. XIX в. и позже. Она связана с культурно-политическими взглядами Беньямина Каллая и с деятельностью венского кружка венгерских историков. Его организатором и вдохновителем был историк Лайош Таллоци, которого поддерживали другие историки нового поколения, воспитанные в семинаре Хенрика Марцали[2] К ним относились Ласло Фейерпатаки, Калман Тали, Альберт Бержевици, Шандор Домановски, Антал Ходинка. Благодаря их деятельности были не только опубликованы некоторые источники о болгарской истории, но и переведены на венгерский язык два наиболее значительных для своего времени обобщающих научных труды: «*A bolgárok története*» [«История болгар»] (*Nagybecskerek*[3], 1889) Константина Иречека и «*A szerbek és a bolgárok története*» [«История сербов и болгар»] (Nagybecskerek, 1890) А. Гильфердинга. В венгерской науке этого периода были исследованы прежде всего связи между венграми и болгарами в средневековые времена. Им было уделено значительное место в монографии историка Дюлы Паулера «*A magyar nemzet története az Árpádházi királyok korában*» [«История венгерского народа во время королей Арпадской династии»], выпущенной в 1893 г., которой присудили большую награду Венгерской академии наук. В венгерской историографии второй половины XIX века были специально исследованы походы против турок христианской коалиции во главе с императором Священной Римской империи

[1] Árpádkori új okmánytár. Pest, 1870. P. 422.

[2] Хенрик Марцали (1856–1940) — венгерский историк, член ВАН, один из основоположников современной венгерской исторической науки.

[3] Надьбечкерек — сегодня Зренянин (Сербия).

Сигизмундом (как венгерский король — Жигмонд) и битва при Никополе 1396 г., равно как и походы польско-венгерского короля Владислава III Ягелло и трансильванского воеводы Яноша Хуняди (1443–1444), в том числе битва при Варне[1].

В Венгрии интерес к болгарской истории развивается одновременно с зарождением современной болгарской исторической науки после освобождения. В результате этих двух параллельных процесов в последней четверти XIX века устанавливаются первые личные связи и возникает творческое сотрудничество между венгерскими историками и основоположниками болгарской исторической науки по ряду направлений: обмен знаниями по проблемам болгарской, венгерской и балканской истории, совместное установление источников по болгарской истории и по истории болгаро-венгерских связей, совместная популяризация научных достижений. О межличностном общении в исторической науке, о творческом научном обмене между болгарскими и венгерскими историками и об их взаимовлияниях свидетельствует богатое документальное наследие Лайоша Таллоци, Адолфа Шрауса, Еусебия Ферменджина, Ивана Д. Шишманова, Константина Иречека.

* * *

В основу своей научной программы Лайош Таллоци ставил изучение исторических связей между Венгрией и балканскими странами. Он ввел в научный оборот неизвестные до тех пор источники и собрал сведения, при помощи которых пытался убедительно представить облик средневекового венгерского королевства и историю его отношений с соседними славянскими народами, чтобы дать ответы на вопросы, диктуемые современной ему эпохой. Считая себя последователем Прая и Энгела, Таллоци написал обобщающую работу о болгаро-венгерских взаимоотношениях в Средние века. Она была опубликована в 1898 г. под названием «*A magyar-bulgár összeköttetések történetéhez*» [«К историю венгеро-болгарских связей»] в авторитетном научном журнале «Századok» [«Столетия»] — органе Венгерского исторического общества. Работа Л. Таллоци состояла из трех глав: «Обретение родины и болгары», «Королевская династия Арпадов и Болгария» и «Лайош Великий и болгары». В последней главе он использовал открытые им источники, относящиеся к 1360–1369 гг., в которых представил неизвестные до тех пор подробности эпохи Лайоша Великого, а также из истории Видинского банства. Эти грамоты, общим числом 13 число, Таллоци опубликовал также отдельно в «Történelmi Tár» [«Исторический сборник»] — приложении вышеназванного журна-

[1] *Szalay L.* Magyarország története. Vol. III. Bp., 1853; *Teleki J.* Hunyadiak kora Magyarországon. Vol. I–IV. Pest, 1852–1854; *Fraknói V.* A Hunyadiak és a Jagellók kora 1440–1526. Bp. 1896.

ла[1]. Через два года была опубликована еще одна его работа — «*Nagy Lajos és a bulgár bánság*» [«Лайош Великий и болгарское банство»] (Századok, 1900). Там Таллоци привел новые факты из истории Видинского банства во времена Лайоша Великого. В приложении он опубликовал 14 грамот, относящихся к периоду 1368–1374 гг. Они раскрывают более полно деятельность видинских банов — братьев Петера и Бенедикта Химфи.

Хотя интерес Л. Таллоци к болгарскому средневековью не занимал центрального места в его научном творчестве, он сопутствовал ему всю жизнь, зародившись в молодые годы, во время поездки в Леванту в 1881 г., когда он посетил новоосвобожденное Княжество Болгария и Восточную Румелию. Записки из дневника Таллоци свидетельствуют о том, что возникновению этого интереса содействовал замечательный чешский историк-болгарист Константин Иречек, труд которого «*Geschichte der Bulgarien*» [«История болгар»] (Prag., 1876) он знал хорошо. С Иречеком Таллоци впервые встретился в бытность того болгарским министром просвещения, в сентябре 1881 г. в Софии[2]. Он считал его «самым серьезным славянским ученым», «человеком, увидевшим многое, обдумавшим многое и давшим верные оценки»[3]. На самом деле Иречек становится для Таллоци не только примером в научной деятельности, но и очень близким личным другом. Их переписка[4] с 1888 г. до самой смерти венгерского историка в 1916 г. расскрывает их богатое творческое сотрудничество в изучении прошлого Сербии, Дубровника, Албании и т.д. Около двадцати из писем, которыми обменялись между собой Таллоци и Иречек, затрагивают проблемы болгарской и отчасти сербской истории (венгерские фрагменты в легенде о Кирилле и Мефодие, библиография работ о Мефодие, вопрос о «болгарских войнах» 893 г., вопрос о западной болгарской границе в XIV в.).

В первом десятилетии XX в. Л. Таллоци интересуется проблемами болгарской средневековой истории главным образом в связи с исследованиями взаимоотношений между Венгрией и Дубровником. В своих письмах он затрагивает вопрос о сухопутных торговых дорогах, проходивших через Венгрию во времена Сревневековья, который очень часто ставился для обсуждения австрийскими и немецкими учеными. В своем

[1] *Thallóczy L.* Oklevelek a magyar-bulgár összeköttetések történetéhez. 1360–1369. — Történelmi Tár, II. 1898. № IV. P. 355–367.

[2] *Thallóczy L.*, Utazás a Levantéban. A keleti kereskedelem története. Bp., 1882. P. 19.

[3] OSZKK, Quart. Hung. Vol. I. P. 302.

[4] Научный архив Болгарской Академии наук [далее: НА-БАН]. Ф. 3к. Оп.1, а.е. [ед. хр.] 793, Л. 1–102. Письма Лайоша Таллоци Константину Иречеку. Вена, 11.06. 1889–12.12.1916; OSZK. Levelestár. F XI/499. F. 1–51. Письма Константина Иречека Лайошу Таллоци.

письме 1905 г.[1] Таллоци высказал мнение, что в период Средневековья Венгрия оживленно торговала с Востоком не только по реке Дунай, а по суше — по торговой дороге Белград — Константинополь, через Софию и Филипополь[2].

Лайош Таллоци имел прямую связь с Болгарией и через своего близкого друга, генерального консула Австро-Венгрии в Софии Иштвана Буриана. Осенью 1890 г. он проявил желание сотрудничать с новым научным изданием болгарского Министерства просвещения «*Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*» [«Сборник народных умотворении, науки и письменности»][3], который начал выходить за год до этого под редакцией Ивана Д. Шишманова[4]. Таллоци намеревался подготовить исследование для четвертого тома «*Сборника*». Но это желание осталось неосуществленным.

* * *

Во второй половине XIX века историки францисканского ордена усиленно изучают прошлое южнославянского католицизма. Среди них был и самый выдающийся исследователь болгарского католицизма, банатский болгарин Еусебий Ферменджин[5] — член ордена Св. Франциска. В своей научной работе Ферменджин следовал традиции болгарской католической литературной школы, которая во второй половине XIX в. развивалась в условиях венгерской литературной среды. В Венгрии его считали одним из самых выдающихся южнославянских ученых своего времени, превосходным знатоком истории южных славян. Когда в 1887 г. в Загребе выходит монументальный труд Ферменджина «*Acta Bulgariae... ecclesiastica*» (полное собрание писем и докладов болгарских католических священников в Конгрегацию в Риме), Таллоци пишет рецензию, где признает большую значимость этого труда и дает ему высокую оценку: «Многие из [опубликованных документов] — настоящие жемчужины для изучения истории католицизма и в целом истории религии на Балканском полуострове в XVI–XVIII веках... Без них мы бы не могли

[1] OSZK, Levelestár. F XI/499. F. 78.

[2] Сегодня Пловдив.

[3] Письмо хранится в отделе писем Венгерской национальной библиотеки: OSZK, Levelestár. F XI/166. F. 34, 36, 44. Письма Иштвана Буриана Лайошу Таллоци, 25.01., 30.10., 5.11.1890.

[4] Иван Д. Шишманов (1862–1928) — болгарский литературный историк и критик, фольклорист, этнограф, общественный деятель, член БАН. Учился в Вене (1882), Йене (1884), Женеве (1885–1886), Лейпциге (1888). Министр просвещения (1903–1907).

[5] Еусебий Ферменджин (в миру Мартин Луков Ферменджин) (1845, Винга — 1897, Нашич, Хорв.) — историк, член Загребской академии наук (1890). Потомок болгарских поселенцев в Винге. В Орден вступил, когда ему было 17 лет. Преподавал в Венском университете. Жил в Риме с 1888.

понять общество Балкан и Дунайского бассейна во времена османского владычества»[1], пишет Таллоци об источниках, включенных в книгу.

В документальном наследии Таллоци содержатся документы, проливающие свет на творческие связи обоих историков. Как Л. Таллоци упоминает в своем дневнике, они встретились впервые в июле 1890 г. в Дубровнике, где оба вели в это время работу в тамошних архивах[2]. В середине 90-х гг. XIX в. в связи со своими исследованиями Таллоци обращается за советом к Еусебию Ферменджин относительно наличия источников о венгерской истории и о венгеро-боснийских связях в итальянских архивах, а также в Ватикане[3]. Ферменджин, в то время уже признанный авторитет по истории южнославянского католицизма, дал венгерскому коллеге подробную информацию. С аналогичным запросом к Ферменджину обратился и близкий друг Лайоша Таллоци историк Антал Ходинка. Из письма от 26-го октября 1895 года явствует, что Ферменджин, изучив тома кодексов из Архива Конгрегации о распространении веры, выявил немногочисленные сведения о Венгрии и венграх[4].

В то время среди болгарских ученых интерес к истории католицизма в Болгарии проявлял Любомир Милетич. В 1895–1897 г. он исследовал документальные свидетельства об этой проблематике в Венгерском национальном архиве и в Францисканском архиве в Будапеште, также в архиепископском архиве в Темешваре, в городском и епархиальном архиве в Винге, в специальном архиве в Бешеневе, в финансовом и Военном архиве в Вене[5]. Его настойчивая исследовательская работа увенчалась серьезными результатами — был создан основополагающий труд «*Заселението на католическите българи в Седмиградско и Банат*» [«Поселение католических болгар в Семиградском и Банате»][6], который и для современного исследователя является ценным источником. Любомир Милетич знал лично отца Ферменджина и дал высокую оценку его работе[7].

Впрочем во второй половине XIX в. и в первой четверти XX в. болгарский католицизм и вообще болгарское присутствие в Банате рассматриваются более или менее подробно в разработках венгерских авторов по истории этой области в целом, которые, однако, не доходили до болгарских

[1] Ll-l [Thallóczy L.], Fermendzsin E. Acta Bosnae // Századok. Bp., 1893. P. 609.

[2] OSZKK, Quart. Hung. Vol. I. P. 302.

[3] OSZK, Levelestár. F XI/300. F. 1, 2, 3. Письма Эусебия Ферменджина Лайошу Таллоци, 20.05.1894 — 14.10.1895.

[4] MTAKK, Ms. 4816/34.

[5] *Дамянов С.* Любомир Милетич и неговите проучвания за българите в Седмиградско и Банат // Милетич Л. Изследвания за българите в Седмиградско и Банат. Съст. Рунтова М. София, 1987. С. 12–13.

[6] Сб. НУНК. Кн. XIV. София, 1897. С. 284–543.

[7] *Милетич Л.* От. Еусебий Ферменджи // Български преглед, 1897. № 4. С. 148–150.

ученых[1]. Достаточно напомнить самый значительный монументальный труд священника-историка Ене Сентклараи[2] «*Száz év Dél-Magyarország újabb történetéből. (1779-től napjainkig)...*»[3] Вопрос об истории развитии Баната, края, который после своего освобождения из-под османского владычества (1718) принадлежал то Австрии, то Венгрии, становится актуальным в венгерской историографии в 1860 г. после очередного возвращения Баната к Венгрии. После Соглашения 1867 г., когда восточная часть Монархии (в том числе и Банат), принадлежа к Венгерской короне, управлялась венгерским правительством, область начинает называться «Южная Венгрия», а живущие там католические болгары — южновенгерскими болгарами. Изучение прошлого Баната, его пестрого этнического состава и история его заселения разными этносами имело целью способствовать приобщению этого края к Венгрии.

* * *

В начале 90-х гг. XIX в. венгерский экономист, фольклорист и дипломат Адольф Штраус[4] кладет начало систематическим исследованиям в области болгаро-венгерских исторических связей. Он посетил Болгарию впервые в 1884 г., когда по поручению венгерского министерства торговли начал изучать экономическую ситуацию в этой стране. С тех пор Адольф Штраус регулярно проезжал через Болгарию с различными научными и дипломатическими миссиями. Он был личным другом министра-председателя Стефана Стамболова и Ивана Д. Шишманова, «grata persona» князя и «большим другом болгар»[5]. Несколько его писем[6] Ивану Д. Шишманову и Стефану Стамболову раскрывают его деятельность по исследованию в разных архивах болгаро-венгерских связей

[1] *Böhm L.* Geschichte des Temesser Banats. Leipzig, 1861; На венг. яз.: Dél-Magyarország vagy az un. Bánság külön történelme. Pest, 1867. Vol. I. Vol. II; *Bodor A.* Délmagyarországi telepítések története és hatása a mai közállapotokra. Bp., 1914.

[2] Ене Сентклараи (1843–1925) — венгерский историк, член Венгерской академии наук.

[3] *Szentkláray J.* Száz év Dél-Magyarország újabb történetéből. (1779-től napjainkig). Tekintettel a III. Károly és Mária Terézia korabeli előzményekre. A Dél-Magyarországi vármegyék visszakapcsolásának százados évfordulójára. Temesvár, 1879.

[4] Адольф Штраус (1853–1944) получил юридическое образование в Будапештском университете и закончил также военную Академию Людовика; был офицером генерального штаба. В конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. венгерское правительство несколько раз посылает его с официальными миссиями в восточные провинции монархии. В 1866 г. покидает армию чтобы отдаться научным занятиям. С 1892 г. преподает в Восточной торговой академии в Будапеште.

[5] *Róna J.* Egy magyar müvész élete. Vol. II. Bp., 1929. P. 625.

[6] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 13, 14, 16, 19, а.е. 1715. Л. 25; Ф. 19к. Оп. 1, а.е. 966. Л. 4.

и одновременно с этим вводят новые факты, свидетельствующие о начальных шагах болгарской исторической науки.

Во время поездки по Болгарии в 1890 г. Адольф Штраус собрал сведения о жизни Лайоша Кошута и других венгерских эмигрантов в Шумене, вступив в контакт с Василем Д. Стояновым — одним из основателей Болгарского просветительского общества в Брэиле[1]. Тогда же он связывается с Иваном Д. Шишмановым, прося его содействия в исследованиях материалов по этому вопросу. Результаты своих изысканий он опубликовал в марте следующего года в газете «*Pester Lloyd*»[2]. 7-го февраля 1892 г. Штраус сообщает Ивану Д. Шишманову из Будапешта, что собирает сведения о «мадьярско-болгарской эпохе 1848 года»[3]. Имелись в виду шесть месяцев с конца августа 1849 г. до середины февраля 1850 г., когда после разгрома венгерской революции ее вождь Лайош Кошут и его соратники нашли убежище на болгарской земле — в Видине и Шумене. «Некоторые современники все еще живут среди нас и возможно дадут мне немало сведений», пишет Адольф Штраус[4]. Работой по сбору сведений он занялся во время новой своей поездки в Софию, летом 1891 г.

Помимо Кошутовой эмиграции в Болгарии А.Штраус занимался выявлением источников из истории болгарско-венгерских общественных связей в конце XVII в. — первой половине XVIII в. В середине ноября 1891 г. он сообщает Ивану Д. Шишманову о том, что ожидает получить дневник из семейного архива одного венгерского аристократа. Речь идет о графе Имре Текели, князе Трансильвании, который в 80-х гг. XVII в. участвовал в османских походах против Австрии, а в 1688 г. помогал туркам подавить Чипровское востание. За эти свои заслуги в 1695 г. он получил от султана титул вали-паша Видина[5]. В этом месте Штраус упоминает и о документах, связанных с миссиями венгерских эмигрантов из окружения Ференца Ракоци II на Балканы во время австро-венгерских войн начала XVIII в. На эти архивные материалы обратил его внимание венгерский историк Кальман Тали, который во второй половине XIX в. раскрыл большое количество источников по истории эпохи Ракоци, и кроме того на протяжении многих лет пытался решить вопрос о переносе останков Ракоши из Турции на родину. От него Штраус

[1] *Миятев П.* Спомени за пребиваването на унгарската емиграция в България през средата на миналия век. БАН. Архивен институт Шишманова. П. 13е. С. 317.

[2] *Strauss, A.* Aus der Geschichte der Emigration. Beilage des Pester LLoyd. Zur № 87 (29. 03.1891).

[3] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 19. Письмо Адольфа Штрауса Ивану Шишманову, 7.02.1892.

[4] Ibidem.

[5] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 13–14. Письмо Адольфа Штрауса Ивану Шишманову, 15.11.1891.

узнал, что документы находятся в Пресбурге[1] и посредством Шишманова искал содействия болгарского министра просвещения чтобы получить к ним доступ[2].

Письмо Адольфа Штрауса от 6-го июля 1893 г.[3] Стефану Стамболову потверждает, что его всерьез занимала мысль о выявлении архивных материалов не только о болгаро-венгерских связах, но шире — о болгарской истории османского периода. На рубеже 80-х и 90-х гг. XIX века выдающийся венгерский тюрколог Армин Вамбери добился разрешения турецкого правительства на то, чтобы Стамбул посетила комиссия Венгерской академии наук с целью изучения архивов[4]. Комиссия, в которую входили Вилмош Фракной, Калман Тали, Янош Чонтоши (все — ученые круга Таллоци) не ограничивалась в своей деятельности только проблемами венгерской истории. Она разыскивает и славянские рукописи, интересовавшие венгерских ученых в контексте изучения южнославянско-венгерских связей. Штраус также пытался получить разрешение на доступ к фондам, в которых содержались документы из Софии и Видина[5]. Он добивался содействия министра-председателя Стамболова в получении кредита от болгарского банка.

Вряд ли все это было инициативой одного только Штрауса. Более вероятно, что сама идея возникла во время разговоров с Шишмановым. И. Шишманов считал, что болгарская историческая наука не располагает достаточной источниковой базой для изучения периода османского владычества (особенно до середины XVIII в.), и был уверен в необходимости дополнить ее документальными источниками иностранного происхождения[6]. Он внимательно следил за работой коллег по выявлению новых документов в соседних странах, с похвалой отозвался о деятельности вышеупомянутой комиссии[7]. Между тем, как раз в это время, в 1888 г. безуспешно завершилась поездка Йоакима Груева в целях работы в турецких архивах и библиотеках. Получить доступ к Константинопольским архивам было трудно, потому что турецкие власти относились с подозрением ко всем подобного рода начинаниям, не веря, что речь идет о сугубо научных мотивах. Трудности объяснялись и плохими усло-

[1] Пожонь (венг.), сегодня Братислава (Словакия).

[2] НА-БАН. Ф.11 к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 16.

[3] НА-БАН. Ф.19 к. Оп. 1, а.е. 966. Л. 4. Письмо Адольфа Штрауса Стефану Стамболову, 6.07.1893.

[4] Сб. НУНК, 1891. Кн. IV. С. 321.

[5] НА-БАН. Ф. 19к. Оп. 1, а.е. 966. Л. 4.

[6] *Шишманов Ив.* Стари пътувания през България в посока на римския път от Белград за Цариград // Сб. НУНК, 1891. Кн. IV. С. 320; *Гълъбов Г.* Османотурски извори за българската история // Год. СУ — ИФФ, 1937/1938. Кн. 34. С. 8–9.

[7] Сб. НУНК, 1891. Кн. IV. С. 321.

виями сохранения[1]. У венгров было больше возможностей для успеха, нежели у болгар, из-за традиционно хороших турецко-венгерских отношений. В сохранившейся корреспонденции нет больше сведений о судьбе этого совместного болгаро-венгерского начинания. Известно лишь, что венгры снова получили доступ в турецкие архивы уже в 1907 г.

Адольф Штраус и позже занимался поиском источников по болгарской истории. По просьбе[2] Ивана Д. Шишманова он ищет сведения о наличии документов о «болгарской эмиграции» (имеются ввиду банатские болгары[3]) в венском государственом архиве, вступив для этого в контакт с венгерским историком Ене Сентклараи, которого в это время знали в Венгрии как автора работ по истории южных провинций и Баната. В Венском архиве последний нашел много «актов», представляющих большой интерес с точки зрения изучения прошлого болгар-католиков[4].

Как явствует из переписки с Шишмановым[5], именно Штраус был инициатором первой публикации в Болгарии работы венгерского историка. Речь идет о штудии Дюлы Паулера (тогда директора Венгерского национального архива), посвященной походам короля Стефана V против Болгарии[6]. Она являлась частью книги Паулера «*A magyar nemzet története az Árpádházi királyok korában*» [«История венгерского народа во времени крали Арпадской династии»]. Сам Штраус тоже собирался подготовить для «*Сборника*» историческое исследование — о венгерской эмиграции в Турции со времени Ференца Ракоци II и Лайоша Кошута[7], однако судьба этого исследования неизвестна.

* * *

К концу первого десятилетия XX в., когда в болгарских научных кругах снова обсуждается вопрос о необходимости выявления османотурецких источников по болгарской истории и об их археографической разработке, на венгерские архивохранилища обращает свой взор один из первых специалистов по османскому источниковедению, дипломатике и

[1] *Тодоракова М.* Издирване на документи за българската история в Цариградските архиви и основни проблеми при тяхното публикуване 1878–1944 // Известия на държавните архиви. Т. 68, 1994. С. 5–6.

[2] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1715. Л. 25. Письмо Адольфа Штрауса Ивану Шишманову, без даты.

[3] *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Бит и култура на банатските българи... С. 3–4..

[4] Ibidem.

[5] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 15. Письмо Адольфа Штрауса Ивану Шишманову, 11.12.1891.

[6] *Паулер Д.* Българските военни походи на Стефан V // Сб. НУНК. Кн. VII. 1892. С. 428–437.

[7] НА-БАН. Ф. 11к. Оп. 3, а.е. 1713. Л. 13–14, 19. Два письма Адольфа Штрауса Ивану Д. Шишманову, 15.11. 1891, 7.02.1892.

палеографии Диаманди Ихчиев — организатор турецкого архива в Народной библиотеке в Софии (1900–1908). В конце октября 1907 г.[1] от обратился к Иречеку с вопросом о наличии в библиотеках Вены и Будапешта турецких документов, имеющие отношение к болгарской истории, и о том, какие усилия можно было бы предпринять в целях их выявления[2]. Именно в это время, в середине первого десятилетия XX в. венгерские политические и научные круги вели активные переговоры с турецким правительством: сначала в целях получения разрешения перенести в Венгрию бренные останки князя Ференца Ракоци II, который умер в эмиграции, а затем, чтобы получить доступ в турецкие архивохранилища. В то время, когда Д. Ихчиев писал К. Иречеку, венгерский монах-ориенталист Имре Карачонь уже в течение нескольких месяцев знакомился с хранившейся в турецких архивохранилищах документацией. В Болгарии, при дворе Фердинанда, знали об этих венгерских инициативах[3]. Можно предполагать, что болгарская сторона пыталась искать содействия венгров в вопросе о доступе в турецкие архивы.

* * *

Таким образом, именно в первой половине XIX в. было положено начало венгерской исторической болгаристике, сосредоточившейся на изучении банатских болгар. В это же время появляется венгерская тема в болгарских исторических сочинениях, с которыми связано зарождение научно-критического направления в национальной историографии. Болгарская тема присуствовала и в венгерских исторических трудах второй половины XIX в. Исследователи обращались к изучению ключевых моментов в истории контактов двух народов в Средние века. Их привлекали такие темы, как возникновение венгерского государства в соседстве с болгарским, династические связи между болгарскими и венгерскими королями, венгерское государственно-политическое присутствие в северозападных болгарских землях, христианская коалиция центральноевропейских народов против османского нашествия и ее поддержка балканскими народами. До появления первых болгарских специалистов вен-

[1] Български исторически архив при Народна библиотека «Св. Кирил и Методий». Ф. 533, а.е. 2. Л. 1. Письмо Диаманди Ихчиева Константину Иречеку, 27.10.1907. Черновка.

[2] Там же, а.е. 3. Л. 6. Письмо К. Иречека Д. Ихчиеву, 10.11.1907.

[3] При переносе бренных останков князя Ференца Ракоци II представитель болгарского князя Фердинанда дважды встречался с Вилмошем Фракной, который был во главе венгерской делегации в Турции (в Стамбуле, а также на пути делегации в Венгрию, в Констанце, 25 октября 1906 г.). См.: [Thallóczy L.] Úti napló. 1906. október 5 — november 7. II. Rákóczi Ferenc fejedelem és bujdosó társai tetemeinek hazahozatalával megbízott országos küldöttség egy tagjának magánfeljegyzései. Vol. II. Bp., 1906. P. 48–49.

герские историки сотрудничали по вопросам изучения Болгарии с учеными Габсбургской монархии — славистами и болгаристами (такими, как чехи Павел Шафарик и Константин Иречек, хорват Вартослав Ягич) и в том числе с представителями банатской болгарской школы. Начало непосредственного болгаро-венгерского сотрудничества между историками приходится, как свидетельствуют документы личного происхождения, на 90-е гг. XIX в. Чех К. Иречек явился важным посредником между учеными Будапешта и Вены и делавшими первые шаги после освобождения болгарской исторической наукой. Для болгарских ученых (работавших в Болгарии или в России) важным посредником при соприкосновении с проблемами венгерской истории была продукция русских ученых.

Ар. А. Улунян

МИРОВАЯ ВОЙНА МОГЛА НАЧАТЬСЯ НА БАЛКАНАХ В 1902 г.?

К началу XX в. межимперские противоречия распространились на бóльшую часть мировых регионов, среди которых одними из главных были Балканы и Центрально-Восточная Европа[1]. Формирование военных союзов не закончилось к этому времени, но их будущие основные участники уже определяли для себя потенциальных противников, не исключая военное столкновение с ними. Особое место в этом процессе занимали оценки и прогнозы вероятных действий оппонентов, влиявшие на выработку военных планов. Окончание Первой мировой войны и официально закрепленная в Версальском и Трианонском дооворах однозначная точка зрения на Германию и её союзников как основных виновников развязывания мирового военного конфликта, с течением времени, в связи с расширением источниковой базы, переставала быть доминирующей, так как большинство исследователей получило возможность работать с до-

[1] Подробнее об интерпретации геоисторической дефиниции региона см: *Исламов Т. М., Фрейдзон В. И.* Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах. М., 1992; *Ash T. G.* Does Central Europe Exist? // Ash T. G. The Uses of Adversity. Essays on the Fate of Central Europe. New York, 1990; *Ash T. G.* Mitteleuropa? // Daedalus. Winter 1990. Vol. 119; *Bojtar E.* Eastern or Central Europe? // Cross Currents. V. 7. 1988; *Bugge P.* The Use of the Middle: Mitteleuropa vs. Stredni Evropa // European Review of History. 1999. Vol. 6. № 1; *Meyer H. C.* Mitteleuropa in German Political Thought and Action. The Hague, 1955; *Neumann I. B.* The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999; *Sporluk R.* Defining «Central Europe»: Power, Politics and Culture // Cross Currents. A Yearbook of Central European Culture. № 1. 1982.

кументами основных участников противостоявших блоков. Вопрос об ответственности трансформировался в проблему изучения военных планов и процесса их выработки политическими и военными кругами не только государств австро-германской коалиции, но и Антанты. Дискуссии на эту тему составили особое направление мировой историографии Первой мировой войны. Одним из аспектов данной темы является влияние института официальных военных представителей соответствующих стран за рубежом, известных как военные атташе (в России они назывались военными агентами), выполнявших и разведывательные функции, в информировании руководства военного ведомства и политического руководства в целом[1].

Объективная заинтересованность военных агентов в сборе информации, имеющей «конфликтную» составляющую, обуславливалась их профессиональным подходом к поиску наиболее слабых, а потому и более чувствительных с военно-политической точки зрения мест в общественно-политической жизни государств. Специфика «оборонного сознания» военных разведчиков определялась одним из элементов общего аналитического подхода к явлениям и фактам: степенью их негативных последствий как в конкретный хронологический период, так и на перспективу. К концу XIX — началу XX вв. поиск угроз для большинства оборонных ведомств ведущих мировых держав был обусловлен рядом военных конфликтов в значимых с геостратегической точки зрения существовавших империй зонах. В российской интерпретации это означало наличие опасностей практически по всему периметру государственных границ. Однако особую значимость в начале XX в. играло так называемое балканское направление. В представлениях русских военных агентов, находящихся в балканских странах, перспектива возможного серьезного военного конфликта отождествлялась с обострением отношений между Веной и Белградом при активном участии Турции, стремящейся не допустить своего вытеснения из региона и потери европейских владений.

Поэтому, несмотря на «исключительно сердечные»[2] (как они выглядели со стороны) отношения между Австро-Венгрией и Россией в период 1897–1907 гг. внимание российских военных агентов — представителей военной разведки за рубежом концентрировалось на потенциально конфликтных проблемах: «События последнего времени в Австрии: парламентский кризис, являвшейся последствием чешской обструкции, направленной против Карберовского закона о языках, и отречение от престола эрцгерцога Франца Фердинанда за своё потомство, вызванное его морганатическим браком с графиней Хотек, настолько занимали обще-

[1] Подробнее об этом см: *Сергеев Е. Ю., Улунян Ар. А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты российской Империи в Европе и на Балканах. 1900–1914 гг. М., 2003.

[2] *May Ar. J.* The Hapsburg Monarhy, 1867–1914. Cambridge, 1951. P. 392, 393.

ственное мнение, что временно отодвинули остальные вопросы...К тому же происшествия на Дальнем Востоке дали новый материал и послужили даже поводом в проявлении обеими половинами монархии присущего им чувства антагонизма»[1]. При этом сам образ Австро-Венгрии как дуалистической монархии в их сознании имел отчетливо проявлявшиеся черты австро-центризма, когда даже само название государства отождествлялось прежде всего с его «главной» частью — Австрией. Имея в виду распространившиеся в начале XX в. среди военных специалистов и государственных политиков воззрения на передовые для того времени средства коммуникации — железные дороги и морской транспорт как важные инструменты реализации военно-стратегических и внешнеполитических планов, вполне объяснимым становится тщательно прорабатываемые российскими военными агентами вопросы строительства великими державами, и в частности Австро-Венгрией, железнодорожных магистралей за пределами собственной территории. В специальном аналитическом материале, составленном в январе 1901 г. на основании оперативных данных, включая и материалы военных агентов, направленном в Главное Управление Генерального Штаба, отмечалось, что, благодаря интенсивному строительству железных дорог «Будапешт и Вена соединены теперь с Салониками через Сербию, а с Константинополем — через Сербию и Болгарию...[2]» Этот технический на первый взгляд вопрос, являвшийся своего рода одним из значительных разведывательных признаков военно-политического проникновения, давал повод для серьезных заключений и прогнозов относительно целей австро-венгерской политики, чреватых, по мнению авторов представленного анализа, для России серьезными последствиями. Своей беспристрастностью эта констатация оказывала эмоциональное воздействие на тех, кому был адресован данный документ: на военное и внешнеполитическое руководство Российской Империи, так как в нём делался преднамеренный акцент на скрытое сопоставление слабых позиций Санкт-Петербурга и сильных Вены. При составлении информационно-аналитических материалов, их авторы — офицеры Генерального Штаба, использовали в определенной степени критерии получавших распространение в начале XX в. идей геополитического порядка, изложенных в 90-х гг. XIX в. американским адмиралом Мэханом о значении военно-морских сил в процессе приобретения государством статуса великой державы[3]. При этом выявился и конкретный элемент стратегического прогноза — «попытка окружения» России на юго-западном фланге на суше и на море: «Обеспечение себе морско-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 687. Л. 1. Военный агент в Австро-Венгрии В. Х. Роop — в Главный Штаб. 5.7. 1900 г.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 758. Л. 2об. Железнодорожное строительство австрийцев и наши интересы на Балканском полуострове. Записка полковника А. И. Гиппиуса . Январь 1901 г.

[3] *Mahan A.* The Influence of Seapower upon History, Washington, 1890.

го берега есть не только понятная, но в наше время, совершенно, можно сказать, необходимая потребность всякого государства, а в особенности великой державы... Вытесненная из Италии, Австрия могла надеяться утвердиться только на западном побережье Балканского полуострова. Занятие Боснии и Герцеговины, придавая коммерческую и военную ценность Далматинской береговой полосе, составляло, таким образом, для Австро-Венгрии живую и, можно сказать, жизненную государственную задачу...Обладание Боснией и Герцеговиной представлялось для Австро-Венгрии государственной необходимостью; но это обладание вызывало новые заботы об обеспечении границ новых владений. Прежде всего, следовало опасаться сближения восточной границы Черногории с западной границей Сербии, дабы на юге новых австро-венгерских владений не могли соединиться силы двух одноплеменных княжеств для совместных действий против Австро-Венгрии.... представляется странным, что наша и славянская печать почему-то только теперь стала усматривать в австро-венгерских железнодорожных проектах на Балканском полуострове новые происки Австрии, или точнее: австрийских немцев против славян. Настоящий образ действий Австрии на Балканском полуострове есть логичное следствие положения, созданного, между прочим, и нашими собственными усилиями 22 года тому назад на Берлинском конгрессе»[1]. Важность прочного положения на море для решения территориальных вопросов суши осознавалась и малыми государствами региона. Румынские правящие круги рассматривали этот вопрос достаточно конкретно и российский военный агент в своем сообщении не оставлял сомнений относительно планов Бухареста в самом недалеком будущем: «В последнее время румыны усиленно работают над съёмкою побережья и промером глубин Черного моря у берегов Добруджи и вблизи устьев Дуная для составления гидрографической карты Черноморского побережья, принадлежащего Румынии»[2].

Общая картина, вырисовывавшаяся в информационных сообщениях из Белграда, свидетельствовала о нарастании напряженности вокруг Сербии и высокой степени конфликтности ситуации, испытывавшей на протяжении первых двух лет XX в. на себе влияние этнических, территориальных и межгосударственных противоречий по линиям Сербия — Австро-Венгрия; Сербия — Турция; сербы — албанцы.

Юго-западный фланг российской стратегической обороны во многом зависел от внешнеполитических амбиций Бухареста, которые представлялись в виде дилеммы — будет ли он выдвигать претензии в час «Х» к своим соседям в Балканском регионе или, войдя в союз с противни-

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 758. Л. 3об., 4об.

[2] Там же. Д. 792. Л. 2. Е. А. Леонтович — В. П. Целебровскому, Бухарест, Белград, 15.5, 1901 г.

ками России, постарается удовлетворить свои территориальные претензии за счёт последней. Становление государств полуострова как региональных держав сопровождалось обострением отношений между ними, что, в свою очередь, было чревато более серьезными конфликтами, так как каждый из участников внутрирегионального «спора» стремился заручиться поддержкой отдельной великой державы или их группы. Поэтому обострение отношений между Болгарией и Румынией подробно анализировалось русским военным агентом полковником Леонтовичем, а краткая версия его сообщения была направлена в виде доклада начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Сахарова Николаю II, ознакомившемуся с ним 21 февраля 1901 г. Логика подачи материала и анализ фактов свидетельствовали о стремлении русского военного разведчика определить главные направления развития ситуации: возможный союз Румынии с Турцией против Болгарии; «Румыния окончательно примкнула к Тройственному союзу»[1]. В этой связи было важным показать причинно-следственную связь конкретных шагов Бухареста, что требовало от военного агента не только хорошей осведомленности, но и понимания особенностей румынского национального характера, традиций и истории страны, господствующих в то время в разных слоях румынского общества представлений об «идеальных» целевых установках внешнеполитических устремлений страны. Объяснения Е. А. Леонтовича отвечали на большинство поставленных вопросов: «Болгария — величайший враг Румынии; за спиной Болгарии стоит Россия... Нынешняя Сербия также если не враг, то и не друг Румынии, покровительствуется Россией и дружит с Болгарией... Словом, Румыния видит себя окруженной со всех сторон враждебными ей славянскими государствами, а при таком взгляде и при известных симпатиях короля Карла слухи о заключении договора с Тройственным союзом делаются весьма правдоподобными... Румыны заявляют, что они не потерпят увеличения Болгарии на счет Македонии и что если это случится, то они потребуют «компенсации» в виде присоединения четырехугольника Рущук-Силистрия-Варна-Шумле»[2]. В то же время, несмотря на достаточно подробный разбор румынских интересов, военный агент не смог определить спорные аспекты в отношениях Вены и Бухареста — стремление последнего превратить Тройственный договор в Четверной.

В оценках и прогнозах развития положения, а также в констатационной части сообщений русских военных агентов из стран региона и близких к нему Австро-Венгрии и Италии доминировали алармистские моти-

[1] Процесс присоединения Румынии к Тройственному союзу начался 17 октября 1883 г. с подписания правительством И. Братиану секретного договора с Австро-Венгрией. В 1892 г. этот договор был пролонгирован.

[2] РГВИА. Ф. 2000.Оп. 1. Д. 797. Л. 37 об, 37б. Доклад генерал-лейтенанта Сахарова Николаю II из сообщений военного агента Леонтовича. 19.2. 1901 г.

вы. Анализ ситуации в последней, дававшийся русским военным агентом в Риме подполковником Генерального Штаба Е. К. Миллером, не оставлял сомнений относительно итальянских планов в регионе: «При настоящем положении дел Италия должна искать в тройственном союзе гарантию целости и неприкосновенности своей государственной территории, защиту своих племенных и торговых интересов на Адриатическом море и охранения своего нравственного влияния на Балканском полуострове — одним словом обеспечении своего материального и морального достояния от поползновений на него своей невольной союзницы — Австрии... Племенная рознь, ирредентистское движение надолго ещё останутся очагом всяких недоразумений, готовых всегда при малейшем попустительстве властей принять размеры серьезного конфликта. С другой стороны, борьба за преобладание на Адриатическом море становится с каждым годом упорнее. Итальянцы, пользуясь симпатиями своих соплеменников в Истрии и Далмации, желали бы превратить Адриатическое море в Итальянское, чему конечно австрийские руководящие круги противятся с должной энергией»[1].

Ожидание на протяжении всего 1902 г. в самом скором будущем «силовой» развязки ощущалось в высших военных инстанциях Российской Империи, что обнаружилось во внутриведомственной переписке, когда со ссылкой на оперативные данные сообщалось, что «в Морском Генеральном Штабе имеются указания, что военные агенты балканских государств сообщают тревожные сведения о политическом положении к весне нынешнего года»[2]. Имея в виду активность австро-венгерской внешней политики в регионе и настойчивое стремление Вены как можно быстрее решить вопрос об окончательном включении Боснии и Герцеговины в пределы Дуалистической монархии, используя при этом ситуацию на полуострове, русская военная разведка стремилась определить характер и формы воздействия на положение дел в наиболее «перспективных» с точки зрения потенциала конфликтности местах балканского геополитического пространства. Отношения между и Белградом и Веной являлись в представлении российских военных агентов ключевыми для понимания происходящих событий в одной из частей полуострова ввиду её близость к австро-венгерским границам и соседству Турции — возможного союзника Дунайской монархии. Объяснение образа действий последней делалось в достаточно прагматичном виде: «[Австрия] сама является инициатором происходящих ныне на Балканском полуострове столкновений, дабы иметь впоследствии обоснованное право вмешаться в них; к тому же, некоторые газеты прямо указывают на то, что появившиеся воору-

[1] РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Т. 1. Д. 577. Л. 6об, 7, 7об. Е. Миллер — в Главный Штаб, Рим. 13.1.1902 г.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2987. Л. 1. Начальник Морского Главного Штаба — Начальнику Главного Штаба Я. Г. Жилинскому, 8 февраля 1902 г.

женные банды [в Сербии] происходят из Боснии»[1]. Полученная от военных агентов информация, а также данные из военных округов дали основания для военных аналитиков в русском Генеральном штабе составить прогноз о вероятном развитии событий на Балканах в ближайшее время.

Аналитический отчет генерал-квартирмейстерства, озаглавленный «К событиям на Балканском полуострове», включал широкий спектр политических, военных и стратегических факторов, критерии которых определялись господствовавшими в начале XX в. представлениями, отраженными в стиле и лексике прогностических материалов, приобретавших черты современных научных аналитических разработок. Как логика, так и мотивация действий возможных участников будущего конфликта давалась в следующем виде: серьезной преградой распространения австрийского влияния на Балканах выступит Сербия, которая и станет главным противником. Она будет превращена в основной театр военных действий[2].

Достаточно знаменательными стали утверждения русского военного аналитика о жизненности географического пространства; выделении как особой пространственно-политической единицы региона Средней Европы (термин, использовавшийся наиболее часто в Германии); замкнутой обособленности центральных частей государственной территории (использование определения зона) и т. д.: «Моравская долина является в полном смысле слова жизненным нервом всей Сербии... Сербская железнодорожная артерия, разделяющаяся в Нише на две ветви и служащая удобнейшим и кратчайшим путем сношений Средней Европы с Константинополем и Салониками.... Отсюда ясно, что овладение этой центральной зоной сербской территории, именно районом Белград — Крагуевац — Ниш может принудить Сербию прекратить борьбу, а потому, по всей видимости, и составит ближайшую цель австрийских операций; при этом охватывающее положение австрийских владений значительно облегчает достижение этой цели, допуская концентрическое наступление несомненно превосходных сил австро-венгерской армии»[3].

Австро-германская политика на Балканах в 1902 г. давала для военных разведчиков и аналитиков русского Генерального Штаба, готовивших материалы в генерал-квартирмейстерстве, основания, базирующиеся на информации из стран полуострова и прежде всего Сербии, для тревожных выводов и прогнозов, а ситуация внутри этого государства свидетельствовала о разраставшемся политическом кризисе: «По поводу волнений в Старой Сербии... никакой агитации со стороны Сербии в пользу христианского населения, подвластного Турции, нет. Общественная мысль занята исключительно внутренними неурядицами и в настоящее

[1] Там же. Д. 6834. Л.26. В. Х. Рооп — в Главный Штаб, Вена. 26.3. 1902 г.

[2] Там же. Л. 28а, 28б. Аналитическая записка Части генерал-квартирмейстерства Главного Штаба б. д. (конец марта — начало апреля 1902 г.).

[3] Там же. Л. 28 б-об, 29.

время сербов главным образом волнуют следующие вопросы: борьба короля со скупщиною; стремление его, не взирая на конституцию, править самостоятельно; постоянная смена министров; вопрос о престолонаследии; неудавшаяся поездка королевской четы в Россию. Этот последний вопрос получил настолько важное значение, что в нём, как в фокусе, сосредоточилась вся внутренняя и отчасти внешняя политика страны, все вопросы, волнующие теперь сербов, более или менее связаны с этим последним вопросом и получают в зависимости от него разрешение, — таково в Сербии значение России... Неоднократно также слышно от сербов, что будто в деле македонского восстания действует тайная рука Австрии, желающей разжечь пожар на Балканском полуострове, для того, чтобы занять Ново-Базарский санджак и продвинуться к Салоникам»[1]. Значимость Сербии как потенциального барьера на пути реализации балканских амбиций Вены требовала от военных агентов внимательного отношения к внутриполитическому положению в этой стране и прежде всего происходившей в её руководящих кругах борьбе. Информация и заключения военного агента в Белграде полковника Леонтовича легли в основу «Доклада Императору по Сербии от военного министра», составленного генерал-лейтенантом Сахаровым и поданного на высочайшее имя 26 апреля 1902 г. Важность происшедшего в этой балканской стране лишали Россию каких-либо надежд на перемены в её пользу: «Генерал Сречкович непосредственно заменил в должности главнокомандующего Милана, причём выбор короля остановился на нём, как на человеке искренно преданном интересам Сербии, сторонике сближения с Россией и обладавшем взглядами по отношению к Австро-Венгрии, диаметрально противоположными взглядам своего предшественника. Вновь назначенный главнокомандующий, генерал Цинцармаркович, напротив того, является горячим сторонником Австро-Венгрии; в прошлом он был правой рукой Милана и, по-видимому, до настоящего времени проникнут убеждением, что счастье Сербии зиждится на союзе с империей Габсбургов»[2].

Стремясь не допустить окончательного ухудшения отношений между Болгарией и Россией, Фердинанд попытался использовать как информационный канал воздействия на российские руководящие круги институт военной агентуры, полагая, что Генеральный Штаб интересует военно-стратегическая составляющая внешней политики Софии, а не сугубо бюрократическая игра дипломатов. Генерал-майор Протопопов — русский военный агент в Софии был избран болгарским правителем для передачи в Санкт-Петербург по каналам военного ведомства информации, способной заинтересовать и успокоить Россию. В специальном срочном рапор-

[1] Там же. Д. 826. Л. 22 об, 13. Записка, составленная на основании сообщений русского военного агента в Сербии и Черногории подполковника И. Н. Сысоева. Декабрь 1902 г.

[2] Там же. Д. 6834. Л. 55.

те военный разведчик сообщал: «Видимо взволнованный, он [Фердинанд] продолжал говорить о том, что наша дипломатия впала в большую ошибку, считая его не тем, кто он есть в действительности; она приписывает ему цели, которых он вовсе не преследует и, исходя из этого и противодействуя его намерениям, направленным не во вред, а в пользу общеславянской идеи, достигает лишь того, что Россия начинает постепенно терять симпатии южных славян. Этим, по его словам, наша дипломатия и лично граф Ламсдорф «сами создают то, в чем обвиняют и что приписывают Фердинанду Князю Болгарскому», т. е. отталкивают от России славян, а в особенности болгар, в сторону Запада и, как наиболее близкой соседки их, — Австрии...»[1]. Являясь одной из попыток малых государств Балканского полуострова не допустить расширения конфронтации в этом регионе Великих держав, подобный шаг Фердинанда не мог изменить общей алармистской атмосферы.

Писхологически обусловленная алармистская картина мира давала, на первый взгляд, основания для многих из выводов, изложенных как в информационных, так и аналитических материалах российских военных представителей за рубежом. Хроника 1902 г. изобиловала «настораживающими» событиями: 30 января — оформление англо-японского союза; 20 марта — франко-российская декларация по Китаю; 28 июня — возобновление Тройственного союза; сентябрь — османская империя разрешает четырём торпедоносцам проход через Проливы, реанимировав, таким образом, вопрос о черноморских проливах и создав условия для окончания Средиземноморской Антанты; ноябрь — германо-турецкие консультации о Багдадской железной дороге и активизация военной помощи со стороны Германии Османской империи; декабрь — восстание в османской империи против султана Абдул Азиза и подавление этого выступления. Драматизм оценок и характеристик, а также дававшихся российскими военными агентами прогнозов свидетельствовал о том, что 1902 г. мог стать, если следовать логике развития процесса формирования представлений о происходящем, временем начала не только региональной, но и мировой войны. Чем больше говорили о войне, тем, как это ни парадоксально выглядит, больше привыкали к мысли о ней. В действительности, ни одна из сторон не была готова нанести превентивный удар и большинство как военных, так и политических деятелей склонялись к необходимости обороны. Однако «ментальные планы» войны уже начинали формироваться.

[1] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 763. Л. 20. Н. И. Протопопов — в Главный Штаб, София. 15.12. 1903 г.

И. В. Крючков

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ВЕНГРИИ В ДОНЕСЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Процессы, происходившие в Австро-Венгрии, всегда занимали одно из ведущих мест в деятельности МИД Российской империи. И это объясняется не только тем, что Дунайская империя относилась к разряду «супердержав», определявших облик мировой политики XIX — начала XX вв., но и тем, что у России были свои «счеты» с соседней империей. Геополитические интересы империй пересеклись на Балканах, оба государства вели активную борьбу за «умы и сердца» южных и западных славян, империи оказались в разных военно-политических союзах. О напряженности отношений между двумя государствами свидетельствует хотя бы тот факт, что их общественность вполне допускала возможность начала войны между ними, если не в ближайшее время, то, по крайней мере, в отдаленной перспективе. Правда, и в Вене, и в Будапеште, и в Санкт-Петербурге были те силы, которые понимали опасность такой конфронтации для двух империй, при чем это было присуще не только элите, но и «обывателю».

Интерес к Австро-Венгрии подогревался еще и тем, что обе империи относились к числу многонациональных государств. Отсюда опыт решения национального вопроса у «соседа» всегда вызывал повышенный интерес. К тому же исторически сложилось так, что поляки и украинцы (русины) оказались разделенными государственной границей Австро-Венгрии с Россией. Поэтому решение национальных проблем традиционно вызывало «ревность» и взаимные подозрения.

Центрами сбора информации о стране пребывания традиционно являлись посольства, но при этом нельзя игнорировать роль консульств, которые были зачастую ближе к эпицентрам событий, что позволяло им давать интересные аналитические материалы. К разряду таковых, безусловно, относится Генеральное консульство России в Будапеште. Консульство традиционно очень внимательно следило за межнациональными отношениями в Венгрии, понимая, что от того, насколько успешным будет решение национального вопроса в стране, зависели в конечном итоге не только судьбы Венгрии, но империи Габсбургов в целом. Тем более в условиях, когда с 1908 г. ситуация на Балканском полуострове начала вновь обостряться. События в Османской империи нарушили равновесие сил на полуострове, после чего Австро-Венгрия и Болгария приступили к решению своих внешнеполитических (и отчасти национальных) задач. Это могло привести к серьезным осложнениям, вплоть до начала «малой», балканской войны или даже «большой» войны с участием России и возможно других «супердержав».

В начале XX в. самой проблемной территорией Венгрии оставалось Триединое королевство (Хорватия и Славония), которое, несмотря на получение автономии в 1868 г. было недовольно своим статусом в рамках Венгерского королевства. Поэтому начало 1908 г. вновь привлекло внимание российских дипломатов к событиям, происходившим в Триедином королевстве. Очередные выборы в сабор завершились уверенной победой сербо-хорватской коалиции и поражением сербских радикалов и униатистов, сторонники А.Старчевича также добились определенного успеха. Дипломаты выразили в целом свое удовлетворение итогами выборов. В самой победе коалиции они не видели ничего устрашающего и для единства Венгерского королевства. При этом дипломаты опирались на слухи, циркулировавшие в Венгрии и Сербии[1], согласно которым коалиция была настроена отрицательно не к Будапешту, а к ненавистному ей бану П. Рауху. То есть коалиции не были присущи сепаратистские настроения и все ее антимадьярские заявления были ничем иным, как средством давления на правительство Венгрии с целью устранения неугодного бана.

В данной связи возникает вопрос, а почему дипломаты использовали слухи во время подготовки довольно серьезного донесения в МИД России? Это, очевидно, свидетельствует о том, что российские дипломаты, находившиеся в Венгрии, имели с оппозиционными силами страны довольно узкие контакты, дабы не скомпрометировать себя в глазах венгерских властей, которые очень ревностно относились к любым связям россиян с национальной оппозицией. Кстати из Санкт-Петербурга на этот счет не раз приходили циркуляры, призывавшие к предельной осторожности.

Российские дипломаты традиционно относились с подозрением к деятельности хорватских националистов. Поэтому любые их действия против коалиции воспринимались отрицательно. В частности и тогда, когда националисты устроили обструкцию в саборе, после того как он принял обращение под названием «К народу», а не «К хорватскому народу»[2].

В это же время появляются очередные разговоры о сербо-хорватском сближении. И Генеральное консульство в Будапеште признавало наличие данной тенденции. Однако, на его взгляд, это сближение могло привести только к двум последствиям. Первое --это поглощение католиками православных и реализация идей «Великой Хорватии». Второе, соответственно, — поглощение православными католиков с реализацией идеи «Великой Сербии»[3]. Другой альтернативы генеральный консул России в Будапеште В. фон Штрольборн не видел. Отсюда, он не верил во все разговоры о югославянском единстве. Национализм и клерикализм являлись основными мотивами, определявшими поведение хорватов и сербов, и это исключало возможность создания некоего братского союза.

[1] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582. Ч. 1. Л. 12.
[2] Там же Л. 15.
[3] Там же. Л. 31.

Одним из главных событий в политической жизни Триединого королевства и Венгрии в целом в 1908 г. стала публикация Г. Настичем брошюры «Финал»[1]. В ней сербское и отчасти хорватское национальное движения обвинялись в связях с «великосербскими» кругами в Белграде и распространении сепаратистских настроений. Сам Г. Настич некоторое время входил в состав одного из югославянских кружков, что дало основание властям заявить о достоверности фактов, изложенных в брошюре. Бан П.Раух использовал эту брошюру для репрессий против оппозиции, в частности были арестованы такие видные деятели сербохорватской коалиции как братья С. и В. Прибичевичи. Вскоре по этому делу начинается громкий судебный процесс, который, по мнению его организаторов, должен был разоблачить антигосударственную деятельность сербо-хорватской коалиции[2].

Генеральное консульство попыталось разобраться в создавшейся сложной ситуации. Кстати, один экземпляр брошюры Г. Настича был отправлен в Санкт-Петербург. Уже в первых донесениях генеральный консул выразил уверенность в том, что опус Г. Настича является фальшивкой, политической провокацией, которую очевидно организовал П. Раух для расправы над оппозицией[3]. В качестве одного из доводов приводился тот факт, что венгерская пресса довольно быстро потеряла интерес к этому процессу, почуяв неладное[4]. Через некоторое время эти предположения получили свое подтверждение. Сам судебный процесс завершился бесславно, а П. Раух был снят с должности бана Триединого королевства.

К П. Рауху и его сторонникам российские дипломаты относились как к нечистоплотным политикам, которые готовы пойти на любую ложь и провокации, лишь бы достичь сиюминутных успехов. Когда в феврале 1909 г. в некоторых населенных пунктах Триединого королевства появились прокламации с призывами к вооруженному восстанию, что привело к аресту сербов, дипломаты не на минуту не сомневались, что это проделки самого Рауха и что сербы к этому не имеют никакого отношения[5]. Позже один из сторонников Рауха проговорился, что данная провокация действительно было подготовлена «франковцами» с ведома Рауха.

Среди донесений Генерального консульства России в Будапеште традиционно доминировали депеши, которые реагировали на те или иные крупные события во внутриполитической и внешнеполитической жизни

[1] Nastitsch G. Final... Budapest, 1908–91 S.

[2] Северокавказский край. 1910. № 68. С. 2; Терские ведомости. 1912. № 234. С. 3–4.

[3] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 41. Л. 3.

[4] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582. Ч. 1. Л. 63.

[5] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582. Ч. 2. Л. 19.

Венгрии и империи Габсбургов в целом. В тоже время среди них встречаются очень интересные аналитические записки об истории отдельных народов Венгрии и их современном положении в стране. В январе 1908 г. такая аналитическая записка была посвящена истории и современности румын Венгрии. Она содержала подробный отчет об истории румынского населения Венгрии. По мнению дипломатов, румыны Венгрии за период дуализма добились значительных успехов в экономике и поднятии своего культурного уровня, о чем свидетельствовал рост образовательных, культурных учреждений румын в стране. Налицо были и политические достижения: если с 1881 по 1905 гг. румыны бойкотировали выборы в парламент Венгрии, то на выборах 1906 г. они сразу провели 16 депутатов (для сравнения: сербам удалось провести только трех, а словакам восемь депутатов[1]). Кроме этого справка содержит очень интересную статистику об уровне образованности румын, о численности незаконнорожденных детей, об истории румын-католиков и т. д., то есть все то, что не потеряло интерес и для современных исследователей.

Возникал логичный вопрос: чем же объясняются столь впечатляющие достижения румын? На взгляд российских дипломатов, это можно объяснить тем, что румынские лидеры в отличие от сербских были очень осторожны по отношению к Будапешту, выступая единым фронтом, и не допуская внутренних конфликтов, присущих сербскому национальному движению[2]. Румыны очень трепетно относились к автономии румынской православной церкви, не делая ее заложницей при сведении политических счетов друг с другом. Дипломаты оценивали положение румынского населения Венгрии как одно из благоприятнейших с точки зрения реализации его национальных требований, хотя они здесь были далеки от идеализации ситуации.

Второй очерк такого рода, отправленный в депеше от 13 января 1908 г., был посвящен «саксам» и «швабам» Венгрии. Саксов дипломаты относили к числу «старейших» народов Венгрии, поселившихся здесь еще в XII в. Целью их размещения было освоение пустующих территорий и поднятие культурного уровня населения Венгрии. И с одной, и с другой задачей саксы, по мнению российских дипломатов, справились с успехом. Опираясь на статистику и прочие данные, Генеральное консульство приходило к заключению, что саксы — самый развитый в экономическом и культурном отношениях народ Венгрии, обходящий по этим показателям и самих венгров (мадьяр)[3]. По уровню жизни саксы занимали первое место среди национальных групп страны и это тоже говорило о многом.

[1] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 582. Ч. 1. Л. 266.
[2] Там же. Л. 268.
[3] Там же. Л. 299.

При этом дипломаты обратили внимание на приверженность саксов немецкой культуре и языку. Находясь в окружении румын, венгров и славян, они не ассимилировались, сохранив свою национальную самобытность, свой «саксонский» патриотизм, поэтому такое явление, характерное для многих народов страны в период дуализма, как мадьяризация, им не было присуще. Большую роль в этом играла постоянная связь саксов с немецким населением Австрии и Германии. Дети саксов получали образование только в университетах Германии и Австрии. Существенные позиции саксы занимали в парламенте Венгрии, при численности населения в 400 тыс. чел они имели 12 депутатских мест и их представители последовательно отстаивали интересы саксонского населения. Дипломаты особо восхищались культурными достижениями этого народа, подробно описывая все музеи, просветительские общества и учебные заведения саксов.

Для них саксы, кроме всего прочего, отличные и храбрые воины, которые не раз доказывали свою верность династии Габсбургов[1]. Конечно во многом залогом успеха саксов стали их компактное проживание в Трансильвании и та широкая автономия, которую они получили еще в эпоху средневековья от венгерских королей[2].

Российские дипломаты не могли не остановиться и на такой проблеме, как взаимоотношения саксов с окружающим их румынским населением. По их мнению, эти отношения складывались довольно сложно. Саксы относились к румынам весьма враждебно. Эта вражда, с одной стороны, подкреплялась чувством культурного превосходства саксов над румынами, а с другой стороны воспоминаниями саксов о той резне и погромах, которые организовали румыны в саксонских населенных пунктах во время событий 1848–1849 гг. Все это не мешало румынскому населению успешно перенимать у саксов технологии и другие навыки[3].

Положение второй категории немецкого населения Венгерского королевства — «швабов» российские дипломаты оценивали не столь радужно. В своем развитии швабы по всем показателям уступали саксам. Это привело помимо всего прочего к их повсеместной мадьяризации. Правда, в Торонтальском, Темешварском и Бачском комитатах швабы смогли объединиться в деле сохранения своей национальной идентичности, создав «Немецкий крестьянский союз», что вызвало серьезные опасения среди венгерской политической элиты и ее заявления «о руке Берлина», который стремится разжечь противоречия между венграми и немцами. Российские дипломаты воздерживались от своих комментариев по данному поводу, но в то же время они отметили одну особенность

[1] Там же. Л. 298–299.
[2] Там же. Л. 298.
[3] Там же. Л. 299.

политической жизни Южной Венгрии: когда швабы были не в состоянии провести своего депутата в парламент Венгрии, они голосовали за кого угодно, но только не за венгра[1].

Донесение от 13 января 1908 г. уникально во многих отношениях: кроме того, что оно содержит интересные рассуждения о немцах Венгрии, в нем В. фон Штрольборн постарался проанализировать перспективы развития народов Венгрии. По его мнению, румыны имеют большие перспективы для своего развития в составе Венгрии, что приведет к расширению их прав и свобод в рамках Венгерского королевства[2]. Немцев Венгрии не ждут, по его мнению, резкие перемены, правда генеральный консул прогнозировал рост среди них симпатий к пангерманизму. Значительных успехов, как он считал, сумели бы добиться словаки в союзе с румынскими движениями, а также социал-демократами, тем более что словаки всегда отличались, по его мнению, упорством и инициативой, чего он не мог сказать о двух других славянских народах. Это относилось к сербам и украинцам (русинам), с одной стороны, эти народы были в империи довольно малочисленны, а с другой стороны, сербские и русинские рабочие и крестьяне инертны и пассивны. Результатом всего этого станет, по предсказанию российского дипломата, весьма скромная роль сербов и русин в политической жизни Венгрии в будущем[3].

В 1909 г. Генеральное консульство по-прежнему активно интересовалось событиями, происходившими в Хорватии. Ситуация там обострялась, что могло в любой момент дестабилизировать положение не только в Триедином королевстве, но и в соседних регионах Дунайской империи и за ее пределами. К этому времени в донесениях в МИД Российской империи дипломаты не особенно стеснялись в выражениях, называя П. Рауха провокатором, а его режим антиконституционным[4]. Общественность Венгрии была возмущена, когда по приказу Рауха был арестован за критику бана депутат парламента Венгрии от Хорватии М. Новосел, обладавший депутатской неприкосновенностью. Парламент страны принял обращение к премьер-министру Венгрии, чтобы тот разобрался в данной ситуации, и чтобы впредь такие случаи не повторялись. Сотрудники консульства в этих событиях в очередной раз усматривали проявление произвола Рауха, который не гнушался нарушать даже конституцию Венгрии, не говоря уже о конституции Триединого королевства. Кроме этого внимание Санкт-Петербурга в данном случае обращалось на появившиеся в Будапеште слухи о возможности компромисса венгров и южных славян на основе соблюдения ими конституции Венгрии и отстранения Рауха. К концу года Генеральное консульство отме-

[1] Там же. Л. 300.
[2] Там же. Л. 302.
[3] Там же.
[4] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д 582. Ч. 2. Л. 77.

чало, что политика Рауха завела хорвато-венгерские отношения в тупик. К тому же дипломаты обратили внимание на использование многими австрийскими политиками конфликта Венгрии с Хорватией в своих целях, они стремились завоевать расположение южных славян и оторвать их от Венгрии, что вызывало большие опасения в Будапеште[1].

Поэтому отставку П. Рауха и назначение новым баном Триединого королевства Н. Томашича в российском Генеральном консульстве встретили с одобрением. По мнению консульства, премьер-министр Венгрии К. Куэн-Хедервари осознал необходимость компромисса с Хорватией, за что выступала и большая часть венгерской политической элиты[2]. Она боялась того, что политика Рауха заставит хорватов отвернуться от Будапешта, обратив свои взоры и надежды на Вену. Премьер-министр сделал первый шаг, отстранив от власти Рауха. Какие шаги, на взгляд, дипломатов дали бы надежды на возможность компромисса между Будапештом и Загребом в ближайшей перспективе? Здесь они выделяли следующие факторы: 1) восстановление автономии Триединого королевства; 2) план проведения избирательной реформы в Триедином королевстве; 3) план реформы сельских общин; 4) замораживание закона о введении на хорватских железных дорогах венгерского языка; 5) формирование правительства Хорватии и Славонии из числа представителей сербо-хорватской коалиции. По мнению дипломатов, Томашич хотел заручиться поддержкой коалиции в проведении своей политики или, по крайней мере, ее нейтрализовать. В качестве взаимной уступки Куэн-Хедервари выговорил обязательное прохождение на следующих выборах в сабор нескольких проправительственных кандидатов. В целом на ближайших выборах дипломаты предсказывали победу сербо-хорватской коалиции и провал хорватских националистов в виду сомнительной репутации их лидера И. Франка[3].

Большое внимание Генеральное консульство уделило личности самого нового бана. Н. Томашич вызывал определенные симпатии, его относили к числу сторонников хорватской автономии и нормализации хорвато-венгерских отношений. Дипломаты обратили внимание и на тот факт, что Томашич в свое время принял православие, правда, тут же добавив ремарку, что сделал он это, по слухам, для того чтобы, наконец, развестись с первой женой[4]. Одним словом, с приходом к власти нового бана Генеральное консульство оценивало дальнейшее развитие Хорватии и Славонии с умеренным оптимизмом.

Этот же оптимизм был присущ и российскому консулу в Фиуме

[1] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 41. Л. 12.

[2] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп .482. Д. 583. Л. 30.

[3] Там же. Л. 45.

[4] Там же. Л. 30.

Сальвиати. Он высоко оценивал первую программную речь нового бана в саборе, которая получила поддержку всех политических сил Триединого королевства, кроме «франковцев». Сальвиати подробно изложил в записке в МИД Российской империи содержание речи бана, акцентировав внимание сотрудников МИДа на призывы бана к достижению компромисса Загреба с Будапештом, и его заявление о равноправии хорватов и сербов в Триедином королевстве[1]. Консул в Фиуме ставил вопрос, что это: «новый курс» или политический маневр? Он все же склонялся к первой оценке, делая при этом ремарку, что все еще очень зыбко и что в любой момент ситуация в Хорватии и Славонии может вновь взорваться.

В депеше от 12 апреля 1910 г. российские дипломаты попытались в целом проанализировать последние события в национальной политике Венгрии. В этой связи они выделили следующие события: 1) компромисс с Хорватией; 2) прекращение «аграмского процесса»; 3) созыв очередного сербского национально-религиозного собора; 4) прекращение судебного преследования ряда оппозиционных газет, принадлежащих национальным меньшинствам Венгрии; 5) появление слухов о возможном открытии «Матицы словацкой». Все это говорило об определенном повороте в национальной политике Будапешта, инициированном премьер-министром К. Куэн-Хедервари. В данном повороте некоторые дипломаты увидели начала реальной борьбы правящих кругов Венгрии с германизацией (!) страны, через сохранение самобытности ее народов и нахождения с ними компромисса[2]. Этот компромисс должен был укрепить позиции Будапешта в деле отстаивания независимости страны перед Веной и Берлином.

Здесь следует подчеркнуть, что среди российских дипломатов было очень распространено мнение об угрозе германизации для Венгрии. На их взгляд, это проявлялось как в проникновении в страну австрийского капитала, политических, культурных традиций, так и в том, что династия Габсбургов являлась, при всех оговорках, прежде всего немецкой династией. Кроме того, они смотрели на эту проблему с точки зрения анализа политической ситуации в Европе в начале XX в. В России опасались того, что Австро-Венгрия в целом все больше попадает в зависимость от Германии.

В июле 1910 г. российский дипломатический корпус привлек внимание Санкт-Петербурга к речи в венгерском парламенте И. Тисы. Эта речь была действительно примечательной, особое звучание она приобрела еще и потому, что ее произносил не второразрядный политик, а че-

[1] Там же. Л. 50.
[2] Там же. Л. 69.

ловек, который во многом определял политический облик Венгрии в начале XX в. В своем выступлении И.Тиса призвал политическую элиту страны отказаться от мелочной опеки национальных меньшинств и мадьярского шовинизма, так как все это ведет не к гармонизации межнациональных отношений, а наоборот, толкает умеренных национальных политиков в объятия сепаратистов. Тиса ратовал за компромиссы[1].

Дипломаты, разумеется, занялись изучением реакции венгерской общественности на выступление И. Тисы. В целом они констатировали весьма благожелательное отношение большинства газет страны на речь политика, исключением стали социал-демократы и некоторые представители левых радикалов, которые кроме всего прочего извратили речь Тисы, перепечатав ее на страницах своих изданий[2]. Анализ реакции общественности был очень важен, потому что речь Тисы была, как лакмусовая бумажка, которая должна была продемонстрировать отношение венгров к возможным уступкам национальным меньшинствам. И этот тест летом 1910 г. венгры выдержали с успехом.

Однако все эти радужные настроения среди российских дипломатов доминировали недолго. Уже с сентября 1910 г. в Санкт-Петербург пошли донесения совсем другого рода. Все началось в Хорватии и Славонии, где начинают обостряться взаимоотношения бана Н. Томашича с сербо-хорватской коалицией. Причину этого дипломаты видели в безуспешных попытках бана расколоть коалицию[3]. Бан не выполнил всех своих обещаний. Многие креатуры Рауха по-прежнему занимали высокие должности, хотя Томашич обещал их сместить, не было реализовано на практике большинство обещанных реформ, полностью не прекратились преследования сербских политиков. Все это, по мнению дипломатов, свидетельствовало только об одном — о крахе «нового курса» в Триедином королевстве. Это не помешало им обратить внимание на заявления бана перед избирателями г. Осиек (Эссек), в котором бан призывал к братскому согласию с Сербией и справедливому решению сербской проблемы, но этим словам дипломаты уже не придавали серьезного значения[4].

Российское посольство в Вене попыталось подытожить результаты политики «нового курса» К. Куэн-Хедервари. По мнению дипломатов, все заигрывания венгерского правительства с национальными меньшинствами были тактической уловкой накануне парламентских выборов, разумеется, после выборов никто не собирался выполнять предвыборные обещания[5]. Ярким тому свидетельством являлась ситуация в Хор-

[1] Там же. Л. 128.
[2] Там же. Л. 130.
[3] Там же. Л. 137.
[4] Там же. Л. 151.
[5] Там же. Л. 184.

ватии и Славонии, где сербо-хорватская коалиция выполнила все свои обязательства, а бан проигнорировал выполнение большинства ранее взятых им на себя обязательств. Несмотря на все его уловки бану не удалось расколоть коалицию, тем более заручиться ее поддержкой. Провал бана Томашича между прочим, на взгляд автора депеши, заключался и в том, что он не учел то, что сами сербо-хорватские политики изменились в течение начала XX в. Это уже не были запуганные и наивные дилетанты XIX в., их уже невозможно было провести «на мякине»[1].

В то же время дипломаты продолжали уверять МИД России в том, что среди политической элиты Венгрии растет недовольство политикой мадьяризации, которая приводит абсолютно к противоположным результатам в виде роста среди национальных меньшинств страны националистических и сепаратистских настроений. В качестве довода Генеральное консульство в Будапеште приводило слова И. Тисы, произнесенные в парламенте Венгрии 23 марта 1911 г.: «Не будем делать иллюзию. Обучая инородцев венгерскому языку, мы вовсе их не омадьяриваем»[2]. Далее И. Тиса призвал отменить ограничения на изучение языков национальных меньшинств, и, более того, И. Тиса рекомендовал венгерской элите и чиновничеству самим приступить к изучению языков немадьярских народов Венгрии. Следует подчеркнуть, что консульство передало в Санкт-Петербург полный текст «революционного» выступления И. Тисы в качестве одного из подтверждений недовольства части политической элиты Венгрии политикой мадьяризации. При это консульство подчеркнуло, что искренность слов И. Тисы не вызывает сомнения, что это выступление отражает истинные взгляды И. Тисы на проблему межнациональных отношений в стране[3].

Дипломаты проанализировали в данной связи реакцию политических сил Венгрии на выступление И. Тисы. Реакция мадьярских шовинистов была вполне предсказуема. Они всегда полагали, что любые уступки национальным меньшинствам будут означать только одно-распад Венгрии. Но против речи И. Тисы выступили и многие лидеры национальных меньшинств, в частности румын. Дипломаты это объясняли следующим образом. На их взгляд, лидеры румын были настроены радикально, они стремились добиться выполнения максимальных требований (в частности, введения всеобщего избирательного права), поэтому они не были готовы к компромиссам. К тому же политика компромиссов могла привести к падению популярности националистических сил среди населения, в данном случае румынского[4].

[1] Там же. Л. 185–186.
[2] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 584. Л. 41.
[3] Там же. Л. 42
[4] Там же. Л. 43.

Здесь необходимо заметить, что российские дипломаты были склонны к идеализации национальных движений в империи Габсбургов, не замечая их слабостей и просчетов.

Они уловили главную особенность национальных движений в Средней Европе на рубеже XIX–XX вв. и в прилегающих к ней регионам, а именно-крайний радикализм и нежелание идти на компромиссы с умеренными кругами титульных наций. Поэтому угроза стабильности в регионе исходила не только от немецких или венгерских националистов, но и от представителей всякого рода «национальных возрождений».

На этой почве в конце 1911 г. среди дипломатических миссий России, работающих в Венгрии, произошла острая дискуссия. Консульство в Фиуме, анализирую итоги последних выборов в хорватский сабор, докладывало в Санкт-Петербург о грубом давлении правительства Венгрии на избирателей с целью проведения в сабор своих кандидатов. Эта информация просочилась на страницы российской прессы, где началась очередная антимадьярская компания[1]. Генеральное консульство в Будапеште было возмущено таким поворотом дел. В своей депеше Генеральное консульство обвиняло, по сути, консульство в Фиуме во лжи и некомпетентности. По его мнению, события в Хорватии и Славонии во время выборов развивались абсолютно по противоположному сценарию. Действия правительства Венгрии во время выборов не отличались от действий других правительств во время выборов, произвол оно не чинило и тем более не прибегало к давлению на избирателей. Ввод войск на территорию Триединого королевства во время выборов консульство считало вполне оправданным, так как на его территории готовились широкомасштабные беспорядки, что могло привести к срыву выборов. И даже, несмотря на ввод войск, в некоторых местах эти беспорядки все же произошли. И спровоцировала эти беспорядки в большинстве случаев именно оппозиция, которой так восхищался консул в Фиуме и российская пресса. Оппозиция сама прибегала к тактике распространения дезинформации и насилия, в том числе проповедуя антисемитские лозунги. Генеральное консульство отметило все зарегистрированные им факт неправомерных действий оппозиции в ряде населенных пунктов[2].

В пользу того, что правительство Венгрии на выборах в Хорватии заняло в принципе лояльную позицию, на взгляд российских дипломатов, говорил хотя бы тот факт, что за национальную оппозицию голосовали многие государственные чиновники, и никто из них не подвергся преследованию, и все они остались на своих местах.

---

[1] Северокавказский край. 1912. № 243. С. 2; Северокавказский край. 1912. № 250. С. 3; Северокавказский край. 1912. № 263. С. 3; Кубанские областные ведомости.1912. № 157. С. 3; Терские ведомости.1912. № 102. С. 4. и др.

[2] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 584. Л. 122.

Заключение этой депеши получилось сенсационным, конечно это была абсолютно секретная информация, и если бы данные высказывания стали бы достояние общественности в Австро-Венгрии, то они могли привести к серьезному дипломатическому конфликту России с империей Габсбургов. Генеральный консул в Будапеште полагал, что Загреб, и Будапешт имеют все основания не доверять оппозиции и что они должны принять все меры по защите территориальной целостности Венгрии и это их естественное право. Более того, национальная оппозиция для него-эта группа сепаратистов, которая стремится с помощью триализма добиться отделения Хорватии и Славонии от Венгрии и ее присоединения к Австрии, а это будет ударом не только по интересам Венгрии[1]. Это будет удар по православному населению Венгрии и по интересам России, которая всегда видела в православии основу для распространения своего влияния в Центрально-Восточной Европе. Венгрия для консула страна, где национализм и стремление к ассимиляции иных народов были слабо выражены. Это присуще только восточным культурам, а для консула Венгрия страна восточной культуры, что есть основа для развития поликультурности и многонациональности страны[2]. Таким образом, Австрия в восприятии консула страна западной культуры, которая ориентирована на подчинение и ассимиляцию всего инородного.

В завершении депеши консул ставил вопрос, а следует ли России поддерживать хорватскую оппозицию и использовать это для ослабления Венгрии? Ответ был следующим — нет! Консул допускал только одно условие, при котором стоило поддерживать хорватскую оппозицию-это война с Австро-Венгрии, но это не планировалось и не предвиделось. Поэтому оппозиции, как губителю православия, стоили отказать в оказании любой помощи[3]. Отсюда напрашивался вывод, что консульству в Фиуме следовало быть более избирательным в подборе союзников и друзей России.

Начало 1912 г. ознаменовалось отставкой Н. Томашича с должности бана Хорватии. Генеральный консул России в Будапеште Приклонский видел в этом вполне закономерный шаг венгерского правительства, так как, по его мнению, Томашич, забыв о своих прямых обязанностях, успешно решая финансовые проблемы своих родственников[4]. О новом бане у него была скупая информация. С. Цувая он называл честным и хорошим чиновником, хорватом не говорящим по-венгерски. В тоже время С. Цувай для Приклонского человек К. Куэн-Хедервари, который будет удобным проводником политики мадьяризации. Консул позволил себе сделать предположение, что Цувай скорее всего временная фигу-

[1] Там же. Л. 123.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 13.

ра, которую в ближайшее время заменит на посту бана Хорватии граф Пеячевич[1].

Однако события в Хорватии стали развиваться довольно драматично. Королевство захлестнули беспорядки, правительство Венгрии временно ограничивает автономию Триединого королевства и распускает сабор, ограничивает действие политических прав граждан, и вводит так называемый комиссариат. В России пошла новая волна обвинений в адрес венгерского правительства в том, что оно «загубило» автономию Хорватии, что оно подавляет национальное движение югославянских народов и т. д.[2] Волна критики в адрес Будапешта захлестнула Францию, Великобританию и другие европейские страны.

В этих условиях Приклонский в Санкт-Петербург направляет депешу, в которой акценты расставляются иначе. Он полагает, что во всех бедах Хорватии виновно не правительство Венгрии, а хорватские националисты, дестабилизировавшие ситуацию в регионе, посеяв среди населения панику и ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Отсюда Будапешту ничего не оставалось, как ввести комиссариат. Само введение комиссариата прошло спокойно, население, уставшее от политических неурядиц, ни как не отреагировало на призывы к неповиновению новой администрации[3]. Таким образом. Приклонский полностью оправдывал введение комиссариата в Хорватии.

Свое неприятие к действиям хорватской оппозиции генеральный консул попытался объяснить в депеше от 16 июля 1912 г. Он четко выразил свое негативное отношение к планам федерализации Австро-Венгрии, а триализм как раз и являлся первым шагом на пути федерализации империи Габсбургов. Почему же Приклонский не мог допустить возможности кардинальной реформы Дунайской империи? С одной стороны, «...с образованием одной или двух государств западнославянского и югославянского, престиж России, как единой, великой славянской державы погиб бы невозвратно...», то есть это привело бы к падению авторитета России в регионе и, прежде всего среди славянского населения[4]. Приклонский полагал, что угнетенные славяне России более выгодны в ее противостоянии с Габсбургами, чем славяне, получившие от Вены свободу. С другой стороны, «Федерализация Австро-Венгрии может послужить сигналом для федерализации России...»[5]. Приклонский прямо говорит, что в условиях федерализации Дунайской империи, малороссы (украинцы) и

[1] Там же.

[2] Северокавказский край. 1912. № 304. С. 3; Северокавказский край. 1912. № 306. Приложение; Северокавказский край. 1912. № 307. С. 3; Терские ведомости.1912. № 76. С. 2.

[3] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 27.

[4] Там же. Л. 90.

[5] Там же.

поляки России, либо потянуться к Австро-Венгрии, либо потребуют таких же прав в рамках Российской империи.

Для Приклонского самый выгодный вариант развития Австро-Венгрии-это сохранения дуализма при котором немадьярские и ненемецкие народы чувствуют себя обделенными и угнетенными. «Этот гнет быть может есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России...», — отмечает Приклонский[1]. Поэтому для Приклонского положение славян в Австрии в несколько раз опаснее для России, по сравнению с положением славян в Венгрии. Это объяснятся тем, что славяне Австрии получили значительные свободы и автономию и чувство угнетенности у них начинает исчезать, а это уже вновь удар по позициям России в Средней Европе. В Венгрии положение с правами славянского населения, на взгляд консула, выглядело хуже, и это было хорошо для геополитических интересов России, так как среди славян Венгрии симпатии к России могли и дальше развиваться.

В России и за ее пределами в начале XX в. ходили устойчивые разговоры о постепенной славянизации Австро-Венгрии, как гарантии ее возможного разрыва союза с Германией и Италией. Приклонский также полагал, что славянизация Дунайской империи опасна для России по тем же соображением, что и в случае с федерализацией[2]. К тому же где гарантия, что славянская Австро-Венгрия не станет центром притяжения для всех славянских народов Европы, в том числе проживающих на территории Российской империи. Славянизация Дунайской империи в его представлениях выгодна только Франции в ее противостоянии с Германией.

Возникал вопрос, а что же является стратегической целью России в Средней Европе и прилегающих к ней регионах? Приклонский по этому поводу писал: «Их политические стремления (славян Австро-Венгрии — *прим. И. К.*) могли быть удовлетворены лишь тогда, когда и Россия одновременно могла бы удовлетворить окончательно требования своего национального развития. Достигнув своих предначертанных *исторических границ* (курсив — *И. К.*)»[3]. Одним словом это предполагало экспансию России в Центрально-Восточной Европе и в районе черноморских проливов с созданием, очевидно марионеточных славянских государств под эгидой России, разумеется с красивыми разговорами о всеславянской братстве, а как же иначе. Об этом говорит и ремарка консула о том, что он против создания югославянского государства, если это только не будет сделано под контролем России[4]. Вот это и есть решение славянского

[1] Там же. Л. 92.
[2] Там же. Л. 90.
[3] Там же. Л. 92.
[4] Там же. Л. 90.

вопроса в представлениях Приклонского, кстати, еще довольно умеренного сторонника проведения Санкт-Петербургом решительной внешней политики внутри МИД Российской империи. Взгляды Приклонского на проблему развития Австро-Венгрии и славян империи Габсбургов во многом отражали с некоторыми коррективами доминирующие в российском обществе и политической элите страны геополитические воззрения.

В триализме российских дипломатов пугало еще одно обстоятельство. По их мнению, истинное значение триализма заключалось не в сохранении национальной, то есть славянской самобытности хорватов, а в их отделении от Венгрии и присоединении к Австрии. Результатом этого станет «окатоличивание» и «хорватизация» населения в Хорватии, Боснии и Герцеговине с усилением католического клерикализма[1]. Россия не могла допустить гибели близкой ей по духу сербской православной церкви, а католической церкви в России никогда не доверяли. Кроме этого еще в 1909 г. консульство выразило сомнении в жизнеспособности государственного объединения южных славян в случае реализации идеи триализма. Во-первых, это придет к обострению противоречий между хорватами и сербами, во-вторых, данное государство не сможет существовать без экономической помощи Венгрии или Австрии[2]. Таким образом, ни о какой поддержке Россией идей триализма не могло быть и речи.

Однако в тоже время из консульства в Фиуме приходили со всем противоположные оценки триализма. Консул в Фиуме не скрывал своего положительного отношения к триализму в котором он видел, прежде всего, его антимадьярскую и антигерманскую направленность, что Россия может использовать в собственных интересах. «В Хорватии-Славонии все усилия славян направлены против мадьярской гегемонии, на всех поприщах общественной жизни...», — отмечал в одной из депеш консул[3]. Триализм для него естественный результат социально-экономического, политического и культурного развития южных славян. Консул сообщал о постепенной славянизации Далмации, Истрии и других районов региона. Особо консул отмечал перелом в настроениях хорватом, которые осознали важность и необходимость союза с сербами, а это стало существенным фактором, способствующим успехам южных славян. В данной связи дипломат выделял еще одного союзника, а скорее попутчика в борьбе южных славян с Будапештом. Некоторые политические круги Вены, не сочувствую южным славянам, были готовы их

[1] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 51. Л. 20.

[2] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 41. Л. 15–16.

[3] Там же. Л. 10.

использовать в своей борьбе с Венгрией. Поэтому дипломат призывал не верить в искренность псевдо славянофильских сообщений некоторых австрийских политиков[1]. Ибо их устроил только триализм, предполагающий разрыв хорватов с сербами и ориентацию Триединого королевства на Австрию, а это невыгодно не южным славянам, ни России. В дуализме образца 1867 г. консул видел главный тормоз для развития южных славян[2]. Поэтому для дальнейшего возрождения южных славян следовало существующий конституционный строй Австро-Венгрии полностью изменить, а, скорее всего, ликвидировать саму империю Габсбургов, хотя сам консул на прямую об этом не писал.

С 1912 г. новой «горячей» точкой на карте Венгрии становиться Подкарпатская Русь, где были отмечены факты перехода униатов в православие. Эти события вызвали большой резонанс в Венгрии и России. В Будапеште возникли подозрения, что в этом деле вполне мог ли быть замешены эмиссары из России, на страницах венгерских газет появились новые публикации о происках панславистов в регионе. В Венгрии возникли подозрения, что русские панслависты оказывают финансовую помощь, тем лицам, которые призывали жителей Подкарпатской Руси к переходу в православие. В качестве подтверждения этих опасений выступил тот факт, что в одном из банков в Марамарош Сегете на счет поступают значительные суммы в российской валюте, при бедности местного населения такие суммы не могли не вызвать вполне обоснованные подозрения.

В этих условиях Санкт-Петербург потребовал от Генерального консульства в Будапеште дать исчерпывающую информацию о причинах перехода русин (украинцев) в православие и ответить на вопрос, откуда в Подкарпатской Руси появляются столь значительные средства? МИД России не хотел очередных дипломатических осложнений с Австро-Венгрией. Генеральное консульство сразу столкнулось с одной проблемой, а именно полное не знание специфики региона и особенностей этнического облика русин. Для изучения ситуации на месте, Генеральный консул с ведома венгерских властей совершил инкогнито поездку в Подкарпатскую Русь[3]. Для сравнения, такая поездка Генерального консула в Боснию и Герцеговину не была рекомендована Будапештом.

После этого консульство сразу же подготовило соответствующую депешу в МИД. По мнению консульства, переход русин в православие объясняется только процессами, происходящими внутри русинского общества и, прежде всего моральным обликом самого униатского духовенства. Последнее выжимает из населения огромные деньги за совершение

[1] Там же. Л. 13.
[2] Там же. Л. 12.
[3] Там же. Л. 15.

религиозных обрядов и это при нищете местных жителей[1]. Стяжательство духовенства вызывало возмущение русин и привело к их разочарованию в униатстве. Это и способствовало поиску русинами «лучшей» веры и среди таковых оказалось православие, очень понятное русинам, и в принципе близкое им по духу. Сложнее, оказалось, ответить на вопрос о финансирование православных русин. Консульство, сразу отвергнув «русский след» выдвинуло предположение, что деньги поступали от румын Венгрии, которые были также заинтересованы в распространении православия в стране. Однако «русский след» все же просматривался. С одной стороны, консульство имело информацию, что крупный бессарабский помещик В. Строеску перечислял румынам Венгрии довольно крупные денежные суммы. С другой стороны, дипломаты вполне допускали, что некоторые средства в Подкарпатскую Русь могли поступить от ряда частных лиц и небольших общественных организаций России. В чем они было точно уверено так это в том, что деньги, приходившие из России были мизерны[2]. Поэтому дипломаты предупреждали МИД, что такие действия россиян, кроме вреда ни чего не приносят России и русинам Венгрии. Следовательно, прелагалось срочно установить список этих лиц и организаций и принять меры по предотвращению их дальнейших противоправных действий.

Возможность помощи славянам Австро-Венгрии со стороны России в российских дипломатических кругах возникала постоянно. Свое отношение к данным планам в начале 1912 г. выразило и Генеральное консульство России в Будапеште. На взгляд, консула активная помощь славянам возможна только при условии подготовки России в ближайшей перспективе к войне с Австро-Венгрией. Однако таких планов у Санкт-Петербурга не было. Имеющуюся помощь, консул оценивал, как незначительную и неспособную стимулировать развитие русофильских настроений среди славян Венгрии. Здесь важен тот факт, что какие-то деньги для славян поступали из России, и это признавалось на официальном уровне. Консул полагал, что от данной помощи будет только больше вреда, чем пользы в случае обнаружения этих фактов венгерскими властями[3]. Поэтому дипломат предлагал оказывать помощь славянам Венгрии только с ведома Будапешта и по возможности сотрудничая в данном вопросе с венгерскими властями[4].

К осторожности Генеральное консульство призывало и в 1914 г. в разгар судебного процесса в г. Марамарош Сегете над группой русин, принявших православие и обвиненных, по сути, в государственной из-

[1] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 98.
[2] Там же. Л. 101.
[3] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Ед. хр. 51. Л. 19.
[4] Там же. Л. 20.

мене. Консул призывал не вмешиваться во внутри венгерские дела, что, прежде всего, может негативным образом сказаться на развитии венгеро-российских взаимоотношений и на участи самих православных русин[1]. Сам консул действовал предельно осторожно. С целью привлечения внимания венгерской общественности к процессу он дал анонимное интервью одному из венгерских журналистов, в котором он отверг все обвинения в адрес официальной России, возложив всю вину за переход русин в православие на само униатское духовенство, которое своей алчностью толкнули людей на такой шаг как смена вероисповедания. В этом интервью консул попытался убедить венгерскую общественность в том, что смена вероисповедания не приводит к сепаратизму, ссылаясь на пример Японии, где православные японцы не меньшие патриоты своей страны по сравнению с японцами других вероисповеданий[2].

В сентябре 1912 г. Генеральному консульству пришлось вновь заняться уже несколько подзабытым «словацким вопросом». В это время наблюдается некоторая активизация словацкого национального движения. В Мартине состоялся словацкий съезд, принявший специальный меморандум в котором словацкая оппозиция сформулировала основные требования к венгерскому правительству. Консульство дает свое видение положения словаков в Венгрии и сути требований словацкой оппозиции. Словаки, по мнению консульства, сыграли огромную роль в историческом развитии Венгрии, о чем свидетельствовал внушительный список словаков, занявших видное место в истории страны. Отсюда словаки имели все права требовать улучшения своего положения, которое оценивалось российскими дипломатами как очень тяжелое: политические права словаков попирались, экономический кризис поразил словацкие районы страны, развитее здравоохранения, и образования у словаков не соответствовало реалиям начала XX в. при чем правительство не усердствовало в деле улучшения положения словаков[3]. Бедность и необразованность населения стали главными пороками словацкого общества в дуалистической Венгрии. Все это привело к массовому оттоку словаков в Северную Америку. Анализируя причины активизации борьбы словаков за свои права, консульство полагало, что здесь важную роль сыграли успехи югославянских народов, которые стали ориентиром для словаков.

****

Во время защиты кандидатской диссертации в одном из ВУЗов Северного Кавказа в 2006 г. возникла дискуссия по вопросу, на сколько объективны донесения российских дипломатов, работавших в Австро-Венгрии?

[1] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 586. Л. 2–4.
[2] Там же. Л. 4.
[3] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 109.

Один из ученых обвинили российского консула в Сараево в необъективности лишь на том основании, что, на взгляд, этого ученого, консул не защищал интересы южных славян и имел основания положительно оценивать многие мероприятия Дунайской империи в Боснии и Герцеговине. К сожалению, данная дискуссия показала, на сколько в российской историографии еще доминируют устоявшиеся клише и стереотипы при оценки исторического прошлого империи Габсбургов. Все то, что не вписываются в концепцию «тюрьмы народов» вызывает недоверие и критику. Зачастую, все споры о соотношении объективности и субъективности не имеют своего разрешения.

Представленный очерк показывает, что российские дипломаты, в Венгрии, несмотря на то, что они не относили Австро-Венгрии к числу «друзей» России, стремились посмотреть на этнополитические процессы, происходившие в стране многосторонне, выделяя как успехи, так и провалы Будапешта в решении национального вопроса. Прекрасно понимая, что любое приукрашивание информации, дабы угодить панславистским кругам Санкт-Петербурга, будет для России иметь самые негативные последствия, российская политическая элита должна бала знать весь спектр информации. К своему делу дипломаты относились профессионально, что и дает основание даже в начале XXI в. некоторым исследователям обвинять их в некомпетентности на том основании, что они не давали об империи Габсбургов только негативные сведения.

Разумеется, не следует все сообщения российских дипломатов принимать за «чистую монету». Они, безусловно, имели свои симпатии и пристрастия, к тому же им как современникам исторического факта, зачастую было трудно рассмотреть весь контекст события и тем более его последствия. Некоторые дипломаты давали политически ангажированную информации и это, прежде всего, относится к российскому консульству в Фиуме.

В целом анализирую сообщения российских дипломатов из Венгрии, не возникает ощущения, что они предрекали фатально неизбежный крах империи Габсбургов в целом и Венгрии в частности. Они признавали возможность трансформации империи в новые структуры, которые помогут ей приспособиться к реалиям начала XX в. Кроме этого дипломаты в той же Венгрии находили те политические силы, которые были способны на компромиссы с национальными меньшинствами страны. Другой вопрос, на сколько это было выгодно самой России? Все же провалы Венгрии в национальной политике вызывали у российского дипломатического корпуса больше положительных эмоций. Все же «образ врага» довлел даже над теми дипломатами, которые стремилась подходить всестороннее к анализу этнополитических процессов в Австро-Венгрии.

Я. Шимов

«ИСКАЛ МИРА И НАШЕЛ ЕГО В БОГЕ». КАРЛ I АВСТРИЙСКИЙ: НАБРОСОК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПОСЛЕДНЕГО КОРОНОВАННОГО ГАБСБУРГА

Полузабытый император

Падение любой монархии, как правило, связано с крупными переменами в жизни общества. Личность, находившаяся на вершине власти в тот момент, впоследствии неизбежно привлекает внимание каждого, кто, анализируя события прошлого, пытается понять, в чем были причины краха прежнего и появления нового социально-политического строя, насколько велика оказалась роль субъективного фактора в случившемся и существовали ли иные варианты развития событий. Ответить на все эти вопросы невозможно, не понимая логику поступков, способ мышления, а значит — характеры и личности людей, принимавших наиболее ответственные решения государственно-политического характера. Правитель, государь становится поэтому одним из главных объектов исторических исследований, посвященных краху великих империй и династий. Именно по этим причинам существует огромная историческая литература, посвященная, например, Людовику XVI или Николаю II, хотя ни последний (перед Великой французской революцией) Бурбон, ни последний Романов не были сильными и многогранными личностями.

Карлу Францу Иосифу Габсбургу (1887–1922), вошедшему в историю как Карл I (в качестве императора Австрийского) и Карл IV (в качестве короля Венгерского), в этом плане повезло меньше. Личность и судьба последнего монарха двуединой Австро-Венгрии долгое время не были объектом подробных исследований даже центральноевропейских историков, не говоря уже о специалистах из стран, не связанных напрямую с бывшей монархией Габсбургов. Причин тому можно назвать несколько. Во-первых, правление Карла было совсем недолгим — лишь два года (с ноября 1916 по ноябрь 1918 г.). Поскольку его предшественник Франц Иосиф I, наоборот, был у власти невероятно долгих 68 лет, его царствование «заслонило» небольшой исторический эпизод, которым могло показаться правление Карла. Во-вторых, Карл пришел к власти в разгар Первой мировой войны, к развязыванию которой он не имел отношения и стремился прекратить ее и тем самым спасти монархию, однако добиться этой цели ему было не суждено — да в исторических условиях 1916–1918 гг. это, наверное, было уже невозможно. Таким образом, молодой император с самого начала царствования попал в ситуацию, когда всё, включая печальную судьбу его государства, казалось, было решено до него и за него. А потому он сам мог восприниматься скорее как объект,

нежели субъект исторического процесса, не заслуживающий в силу этого особого внимания. (Хотя, как мы попытаемся показать, подобные суждения чрезвычайно поверхностны). В-третьих, Карл умер молодым всего через три с небольшим года после того, как лишился трона и через несколько месяцев после своей последней политической акции — попытки реставрации в Венгрии. Все эти факторы сыграли свою роль в том, что Карл Австрийский, или «Карл Последний» (Karl der Letzte), как нередко называли его после краха империи, «ушел в тень», и место этой фигуры в исторической памяти европейцев долго оставалось весьма скромным.

В первые десятилетия после распада дунайской монархии о Карле I нередко упоминали в своих воспоминаниях политики, принимавшие активное участие в событиях 1916–18 гг. — в частности, граф О. Чернин[1], бывший министр иностранных дел Австро-Венгрии, сыгравший роковую роль в царствовании Карла. В этих мемуарах зачастую содержались тенденциозные, искаженные сведения о последнем императоре, его семье, политических взглядах, поступках и планах. Это было связано как с тогдашней политической обстановкой — в 20-е — 30-е гг. минувшего столетия вопрос о реставрации Габсбургов в Австрии, Венгрии или даже в обеих этих странах оставался относительно актуальным, — так и с личными мотивами некоторых мемуаристов. Например, фельдмаршал Ф. Конрад фон Гетцендорф в своих многотомных воспоминаниях[2] неоднократно отзывается о Карле как о неопытном человеке, который не годился для столь высокой миссии, находился под сильным влиянием жены, мало что понимал в военном деле и не желал слушать умудренных опытом военачальников — к их числу Конрад причислял прежде всего себя. Причины столь нелестной и явно необъективной характеристики лежат на поверхности: именно Карл I положил конец карьере Конрада, вначале сместив его с должности начальника Генштаба австро-венгерской армии (март 1917 г.), а затем отстранив от командования армейской группировкой на Итальянском фронте и отправив в отставку (сентябрь 1918 г.). С другой стороны, некоторые соратники «Карла Последнего» также опубликовали воспоминания, в которых пытались донести до общественности свой взгляд на недавние события и роль в них бывшего монарха. Заслуживают упоминания прежде всего записки А. Польцер-Ходица, одного из ближайших сотрудников Карла I, вышедшие еще при жизни императора[3].

Достаточно тенденциозными были характеристики последнего габсбургского монарха, встречавшиеся в межвоенный период в истори-

[1] *Czernin. O.* Im Weltkriege. Berlin — Wien, 1919.

[2] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit. Bd. 1–5. Berlin — Wien — München, 1921–1925.

[3] *Polzer-Hoditz A.* Kaiser Karl Aus der Geheimmape seines Kabinettchefs. Zürich — Leipzig — Wien, 1921.

ческой литературе и прессе стран-преемниц Австро-Венгрии: господствовавшая в этих странах националистическая идеология позволяла говорить о габсбургской эпохе лишь в критических тонах[1]. Несколько особняком здесь стояла собственно Австрия, где в 30-е годы шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками «аншлюса» — присоединения к Германии. В кругах, выступавших за сохранение национальной независимости, росли симпатии к Габсбургам как носителям традиции австрийской государственности. В связи с этим начали появляться публикации о династии и, в частности, последнем ее коронованном представителе, носившие апологетический характер. Однако были и издания, имеющие действительную историческую ценность — в частности, вышедшая в середине 30-х работа Г. Вивиана о Карле I и его семье[2], содержавшая фрагменты ранее не публиковавшегося дневника Э. Стратта — британского офицера, который был прикомандирован Лондоном к низложенному императору в конце 1918 г., провел с Карлом и его семьей несколько очень непростых месяцев их жизни и стал преданным другом императорской четы.

Только в послевоенные годы личность последнего австрийского императора и венгерского короля и перипетии его недолгого правления постепенно стали предметом достаточно объективного анализа. Можно отметить, например, вышедшую в 50-е гг. работу Р. Лоренца[3], посвященную последним годам дунайской монархии, и появившуюся позднее биографию Карла I, написанную Г. Брук-Шеппардом[4] — с явной симпатией к последнему императору. После того, как «габсбургский вопрос» был снят с политической повестки дня Австрийской республики[5], интерес австрийских историков и общественности к последним Габсбургам

[1] В качестве примера можно привести книгу чешского журналиста Й. Пенижека о последнем императоре, написанную скорее в жанре памфлета: *Penížek J.* Poslední Habsburk. Praha, 1922.

[2] *Vivian H.* Kreuzweg eines Kaisers. Karl I. von Österreich. Mit Auszügen aus den Tagesbüchern des St.-Cl. E. Strutt. Wien, 1935.

[3] *Lorenz R.* Kaiser Karl und der Untergang der Donaumonarchie. Graz, 1959.

[4] *Brook-Shepherd G.* Um Krone und Reich. Die Tragedie des letzten Habsburgerkaisers. Wien — München, 1968. Тому же автору принадлежит подробное жизнеописание императрицы Зиты: G. Brook-Shepherd. Zita. Die letzte kaiserin. Biographie. Wien, 1993.

[5] В 1961 г. сын и наследник Карла I, эрцгерцог Отто (р. 1912), официально отказался от претензий на трон. Австрийская республика отменила принятый после свержения монархии закон, запрещавший находиться в Австрии всем членам бывшего императорского дома, официально не присягнувшим на верность республике. В 1966 г. Отто получил возможность вновь посетить Австрию, а 16 лет спустя в своих бывших владениях побывала и вдова Карла I, императрица Зита (1892–1989). Позднее она была похоронена в Вене, в гробнице Габсбургов в церкви Капуцинов. Похороны Зиты стали своего рода символом примирения республиканской Австрии с монархическим прошлым.

приобрел более академический характер, что способствовало объективному и беспристрастному исследованию падения дунайской монархии и роли основных участников тогдашних событий. Большое значение имела публикация в 80-х гг. сборника документов, связанных с жизнью и деятельностью Карла I, его дневниковых записей и заметок на политические темы[1].

В 80-е гг. произошло несколько событий, способствовавших появлению новых работ о последнем императоре и его времени, — столетие со дня рождения Карла, приезд в Австрию его вдовы Зиты, ее смерть и похороны в Вене в 1989 г., ставшие заметным общественным событием. В 1996 г. в замке Поттенбрунн (земля Нижняя Австрия) прошла выставка «Последний император — Карл I», которую посетили десятки тысяч людей, что свидетельствовало о большом интересе общественности к последним Габсбургам и их эпохе. В 1997 г. увидела свет, наверное, наиболее полная на сегодняшний день научная биография Карла, принадлежащая перу известного австрийского историка П. Броуцека[2]. Появились и другие интересные работы[3], благодаря которым последний император окончательно «вышел из тени» и занял подобающее ему место среди заметных исторических деятелей драматичной первой четверти XX века. Следует также отметить роль Карла Австрийского как фигуры, чтимой римско-католической церковью. Причисление Карла к лику благословенных, совершенное папой Римским Иоанном Павлом II в 2004 г., способствовало дополнительному росту интереса к личности последнего государя дунайской империи не только среди верующих-католиков, но и у широкой общественности во всей Европе и за ее пределами.

Наконец, распад социалистического лагеря более 15 лет назад привел к тому, что куда более интенсивными стали контакты между Австрией и другими странами-преемницами дунайской монархии, большинство из которых находилось в 40–80-е гг. по восточную сторону «железного занавеса». Последующее развитие проекта европейской интеграции с включением в состав Евросоюза большей части ареала бывшей Австро-Венгрии вызвало в странах этого региона огромную волну интереса к эпохе до 1918 г., когда на просторах Центральной Европы существовал

[1] *Feigl E. (Hg.)* Kaiser Karl I. Persönliche Aufzeichnungen, Zeugnisse und Dokumente. Wien, 1987.

[2] *Broucek P.* Karl I. (IV.). Der politische Weg des letzten Herrschers der Donaumonarchie. Wien — Köln — Weimar, 1997.

[3] Упомянем лишь две из них: E. Feigl. Kaiser Karl I. Ein Leben für den Frieden Steiner Völker. Wien — München, 1994; E. Demmerle. Kaiser Karl I. Wien, 2004. Последняя работа, написанная молодым австрийским историком, близким к Отто фон Габсбургу и членам его семьи, интересна использованием большого числа ранее не публиковавшихся документов из семейного архива Габсбургов, а также содержит в качестве приложения любопытное интервью Отто фон Габсбурга.

другой наднациональный проект, кое в чем перекликающийся с нынешним ЕС. Неудивительно, что в историография стран-преемниц пережила настоящий «габсбургский бум». Не остались забыты и последние представители династии, в том числе Карл I. Так, из работ чешских историков заслуживают упоминания прежде всего недавно вышедшая в свет капитальная монография Я. Галандауэра[1] и работа И. Пернеса[2] о последнем императоре и его семье.

В историографии России и других стран бывшего СССР габсбургские монархи, к сожалению, до сих пор являются темой, разработанной не слишком подробно — хотя об Австро-Венгрии в целом существует ряд интересных публикаций[3]. В своих статьях, посвященных истории дунайской монархии[4], Т. М. Исламов подробно проанализировал внешнюю и внутреннюю политику Австро-Венгрии в последние годы ее существования, не обойдя вниманием и личность ее последнего государя. О деятельности Карла, главным образом как главнокомандующего и неудачливого миротворца, упоминается в вышедших в России в последние годы многочисленных работах, посвященных Первой мировой войне[5]. Статья австрийского историка Г. Румплера[6] о Карле I помещена в сборнике «Кайзеры», русский перевод которого вышел в 1997 г. Фигуре последнего императора уделил внимание и автор этих строк в своей монографии[7], посвященной дунайской монархии. Тем не менее в целом «Карл Последний» по-прежнему относится к числу исторических персонажей, не слишком хорошо знакомых российским специалистам и любителям истории. Возможно, данная статья поможет в какой-то мере исправить эту ситуацию. Жизнь и деятельность Карла I/IV не только помогает лучше понять суть и последствия трагедии, пережитой Центральной Европой во время и после Первой мировой войны, но и напоминает нам

[1] *Galandauer J.* Karel I. Poslední český král. Praha, 2004.

[2] *Pernes J.* Poslední Habsburkové. Karel, Zita, Otto a snahy o záchranu císařského trůnu. Brno, 1999.

[3] См., напр.: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Сборник статей. М. ИСБ РАН. 1995; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Сборник статей. М. ИСБ РАН. 1997.

[4] Исламов Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // «Новая и новейшая история». 2001. № 3. С. 11–40; Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // «Новая и новейшая история». 2001. № 5. С. 14–46.

[5] См., напр.: Первая мировая война: пролог XX века. Под ред. В. Л. Малькова. М., 1998; Последняя война императорской России. Под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002; А. И. Уткин. Первая мировая война. М., 2002 и мн. др. Упор на военно-историческую проблематику сделан и в работе И. И. Черникова (Гибель империи. М., 2005).

[6] *Румплер Г.* Карл I Австрийский, 1916–1918. В сб.: Кайзеры. Под ред. А. Шиндлинга, В. Циглера. Ростов-на-Дону. 1997. С. 461–477.

[7] *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003.

о ряде непреходящих социальных и духовных ценностей — таких, как вера, семья, мир и ответственность правителя, будь он наследственный или выборный, перед Богом, своим народом и историей.

Воспитание принца

17 августа 1887 г. в замке Персенбойг в Нижней Австрии появился на свет мальчик. С первых секунд своей жизни он был человеком высокопоставленным — членом австрийского императорского и венгерского королевского дома, эрцгерцогом, да вдобавок внучатым племянником императора и короля Франца Иосифа I. Более того, волею судьбы маленький Карл (всего у него было семь имен, не так уж много для эрцгерцога — Карл Франц Иосиф Людвиг Губерт Георг Мария) родился почти в один день с августейшим родственником: Франц Иосиф праздновал день рождения 18 августа — на день позже, чем его будущий преемник. О том, что именно этот младенец станет следующим монархом Австро-Венгрии, тогда, однако, не догадывался никто. Был еще жив единственный сын императора, кронпринц Рудольф, а также все стоявшие за ним в гипотетической очереди к габсбургской короне — эрцгерцог Карл Людвиг, младший брат императора, и его сыновья — Франц Фердинанд и Отто. Последний и был отцом маленького Карла. Этот 21-летний легкомысленный, но обаятельный симпатяга, юбочник и пьяница был известен всей Вене как «красавчик Отто» (Otto der Schöne).

В январе 1889 г. кронпринц Рудольф при загадочных обстоятельствах покончил с собой в замке Майерлинг под Веной. Шесть лет спустя, напившись во время паломничества к святым местам воды из реки Иордан, умер от кишечной инфекции Карл Людвиг. В 1900 г. новый наследник трона, Франц Фердинанд женился по любви на чешской графине Софии Хотек, и неравный брак вынудил его официально отказаться от прав наследования для своих будущих детей. Наконец, «красавчик Отто» умер в 1906 г. в 40-летнем возрасте от разложения гортани, вызванного, судя по всему, сифилисом — следствием его специфического образа жизни. После этих событий именно Карл оказался олицетворением будущего династии, *вторым* наследником престола — до рокового дня 28 июня 1914 г., когда в Сараево пули Гаврилы Принципа оборвали жизнь Франца Фердинанда и его жены.

Однако в 1887 г. до всех этих трагедий было еще далеко, поэтому, хотя о рождении маленького эрцгерцога и сообщалось в газетах, крупным общественным событием оно не стало. К тому же роды оказались непростыми, и мать с ребенком долго приходили в себя. Матерью будущего императора была Мария Йозефа, принцесса из саконской династии Веттинов, сестра последнего короля Саксонии (в составе Германской империи) Фридриха Августа III. Женщина набожная и скромная, она оказала большое влияние на Карла и его младшего брата Максимилиана (1895–

1952), воспитывая их в духе скромности и преданности католической вере. Самой эрцгерцогине, впрочем, эти достоинства не принесли особого счастья: слишком уж несхожим был ее характер с бурной натурой «красавчика Отто». В великосветских кругах Вены конца позапрошлого столетия много говорили о выходках императорского племянника — в том числе об инциденте, когда нетрезвый эрцгерцог в компании приятелей поздно вечером пытался проникнуть в спальню жены, выкрикивая: «Пойдемте, я покажу вам эту монашку!». И только увещевания и сопротивление собственного адъютанта отвратили Отто от этого умысла[1].

О детстве и ранней юности Карла известно не очень много. Сохранившиеся воспоминания воспитателей и учителей юного эрцгерцога говорят о том, что он рос умным, симпатичным и покладистым ребенком. Впрочем, есть сведения и о том, что принца изрядно баловали, а его воспитатель граф Валлис (теплые отношения с ним Карл сохранил на всю жизнь) чрезмерно опекал своего подопечного, особенно по части истинных и мнимых угроз здоровью мальчика. Тревоги эти, правда, не были беспочвенными: от природы Карл не обладал крепким телосложением и был подвержен простудным заболеваниям (что в конце концов стало для него роковым). Известно также, что в подростковом возрасте у Карла были определенные психологические проблемы, и чтобы избавиться от них, он даже проходил курс лечения у некоего доктора Гуггенберга на альпийском курорте Бриксен.

Как бы то ни было, позитивные отзывы о натуре Карла — как в детстве, так и в зрелом возрасте, — преобладают. Священник-доминиканец Н. Геггерле, принимавший активное участие в духовном воспитании эрцгерцога, вспоминал: «Скромность оставалась его характерной чертой и в последующей жизни. Я никогда не видел его разъяренным, взбалмошным, надменным или непримиримым по отношению к кому-либо... Его замечательными чертами были верность и благодарность»[2]. Несложившиеся отношения между родителями вряд ли могли остаться не замеченными Карлом, и в конфликте между отцом и матерью его симпатии, очевидно, принадлежали последней. Впрочем, несмотря на всю свою непутевость, Отто уделял внимание детям и заботился об их воспитании, находя в этом отношении общий язык с супругой. Помимо достаточно неплохого домашнего образования, Карл в течение нескольких

[1] См., напр.: *Hamannová B.* Habsburkové. Životopisná encyklopedie. Praha, 1996. S. 351. Как отмечает австрийская исследовательница, большой знаток династии Габсбургов Б. Хаманн, «еще больший урон репутации династии нанес другой скандал — когда пьяный и совершенно голый Отто (на себе он имел лишь орден Золотого руна и саблю) привел в ужас посетителей венского отеля Sacher. Отто не скрывал своих многочисленных любовных похождений. Его супруга мужественно терпела и молилась за спасение его души». (Там же).

[2] *Rieder H.* Kaiser Karl. Der letzte Monarch Österreich-Ungarns 1887–1922. München, 1981. S. 28.

семестров посещал пользовавшуюся хорошей репутацией Шотландскую гимназию в Вене.

Получал он и первичные основы военных знаний — ведь в случае предполагаемого вступления на престол (а после 1900 г., как уже было сказано, эта перспектива становилась все более реальной, хоть и казалась отдаленной) Карлу предстояло быть главнокомандующим австро-венгерской армией. В конце концов, и отец Карла в молодости был достаточно неплохим кавалерийским офицером. Правда, к тому времени, когда его старший сын тоже стал офицером (формально он был произведен в лейтенанты и причислен к 1-му уланскому полку уже в 16-летнем возрасте), дни «красавчика Отто» были уже сочтены. Он умирал в своей венской вилле от болезни гортани, вызванной сифилисом. 1 ноября 1906 г. его не стало.

Вскоре после похорон отца 19-летний Карл переезжает в Прагу, где становится студентом Карло-Фердинандова (ныне Карлов) университета. Возможно, в Вене рассчитывали, что присутствие в Праге второго по очередности наследника габсбургского трона поможет сблизить династию и ее все менее лояльных чешских подданных, а самому Карлу позволит лучше узнать обстановку и настроения в одной из самых важных провинций монархии. Карл не был обычным студентом: он не ходил на занятия, наоборот — профессора приезжали с лекциями к нему на квартиру. При этом строго соблюдался паритет между преподавателями из обеих частей разделенного по этническому принципу университета — чешской и немецкой. (Карл, кстати, неплохо владел чешским и венгерским языками, кроме того, свободно говорил по-французски, вполне сносно — по-английски, мог объясниться по-итальянски; всё это, естественно, в «дополнение» к родному немецкому).

Университетскую программу с определенными изменениями будущий император освоил за два года. Говоря современным языком, Карл получил гуманитарное образование с упором на юриспруденцию, историю и экономику, причем его преподаватели старались придать этому образованию характер практический, дабы полученные знания могли помочь их студенту в будущем, когда ему суждено будет принять бразды правления империей. Антонин Резек — один из ведущих профессоров Карло-Фердинандова университета, составивший концепцию обучения молодого принца, писал: «Знания в области государственного устройства, хода и особенностей государственного механизма были бы весьма ценными для господина эрцгерцога Карла и пригодились бы ему тогда, когда Провидение позовет его на австрийский трон. Полагаю, что способ преподавания и обучения не должен быть абстрактно-теоретическим, скорее следует применять живой, сократовский метод. Следует демонстрировать... практическую сторону каждого учебного материала»[1]. И записки

[1] Цит. по: *Galandauer J.* Karel I. S. 29.

самого императора, и большинство воспоминаний знавших его людей (даже тех, кто не был к нему благожелательно настроен) не указывают на какие-либо серьезные пробелы в образовании Карла I.

Человек № 3

Годы, проведенные в Праге и затем в небольшом чешском городке Брандысе-над-Лабем, куда Карл был отправлен для прохождения военной службы летом 1908 г., оказали, по мнению большинства биографов последнего императора, заметное влияние на формирование его характера и политических взглядов. Карл испытывал недоверие к абстрактному теоретизированию, предпочитая общаться и сотрудничать с людьми, готовыми предложить ему не отвлеченные схемы, а конкретные меры по решению той или иной проблемы. Либерализм некоторых профессоров, с которыми Карл общался, передался ему, что в сочетании с врожденной мягкостью характера привело к развитию у него куда более умеренных взглядов, нежели у императора Франца Иосифа и наследника престола Франца Фердинанда. Третий человек в габсбургской иерархии, каковым Карл стал после 1906 г., не был склонен ни к консерватизму старого императора, который лишь нехотя и под давлением обстоятельств приспосабливался к новым социальным и политическим веяниям, ни к авторитарному реформаторству наследника, который готов был добиваться реализации своих взглядов самыми жесткими методами. Пребывание в Чехии с ее неспокойной политической обстановкой и острыми национальными проблемами выработало у Карла достаточно реалистические представления о серьезных проблемах, стоящих перед монархией. В то же время общение с представителями разных народов империи — немцами, чехами, венграми и др. — помогло молодому эрцгерцогу понять, что у каждого из этих народов есть определенный набор требований, одновременное удовлетворение которых невозможно, поскольку многие из них противоречат друг другу. И именно здесь должна проявиться роль монархии как модератора и объединителя.

Итак, в 1908 г. эрцгерцог Карл, которому исполнился 21 год, приступил к службе в рядах 7-го драгунского полка, расквартированного в Брандысе-над-Лабем (примерно в 20 км от Праги). В начале следующего года он был произведен в ротмистры и назначен командиром 5-го эскадрона. Судя по всему, эрцгерцог был толковым и старательным офицером. В городских газетах, часто сообщавших о разного рода местных мероприятиях, посещенных Карлом, сохранились и упоминания о тактичном подходе эрцгерцога к национальным чувствам чехов. «Эрцгерцог Карл Франц Иосиф разговаривает у нас только по-чешски, как офицер он обращается по-чешски к своим солдатам», — чуть ли не с умилением писала одна из газет[1].

[1] См.: *Pernes J.* Ук. соч. S. 45.

Карл не был чужд увеселениям, свойственным молодым людям его возраста и его круга. Возможно, иногда даже перегибал палку, о чем есть глухие упоминания и в биографической литературе: «Переход к самостоятельной жизни — не самое простое время для Карла... [Он] участвует в разного рода выходках (в которых ему помогают всегда к этому готовые «друзья»), чего за ним не замечалось ни раньше, ни позднее, во взрослой жизни»[1]. Впрочем, сын «красавчика Отто» и близко не мог сравниться по этой части со своим отцом, к тому же печальная участь Отто, вероятно, была для Карла примером, заставляющим образумиться. Возможно, свою роль сыграла здесь и воспитанная в нем матерью набожность. Но, как бы то ни было, у императора, очевидно, возникли некоторые опасения за судьбу Карла, олицетворявшего теперь будущее династии. Франц Иосиф I принял решение: молодого эрцгерцога следует поскорее женить. О том, в какой форме было изложено Карлу это решение, вспоминала впоследствии — со слов самого Карла — его вдова императрица Зита:

«– Карл, пришло тебе время поискать подходящую невесту. Но запомни: это должна быть невеста из императорского или королевского рода. Никто иной в расчет не принимается.

– Но, Ваше Величество, я уже...

– Повторяю, это приказ. Ты должен искать, если до сих пор еще не нашел никого, кто бы тебе подошел. Лучше всего взять Готский альманах[2], выписать имена всех, кто может подойти, и начать искать [среди них] невесту

– Но, Ваше Величество, я...

– Это приказ, даю тебе полгода сроку. Если ты сам в Готском альманахе не разбираешься, что вполне вероятно, пусть граф Валлис тебе поможет.

Приказ есть приказ, так что Карл и граф Валлис, его бывший воспитатель, а ныне просто друг, сидят и листают Готский альманах. Главу за главой, страницу за страницей, там, где указаны императорские высочества, королевские высочества... Через какое-то время Карл сказал: «Дорогой граф, закройте-ка эту книгу. Можно листать ее как угодно, но я все равно вижу только одно имя...»[3].

---

[1] *Polzer-Hoditz A.* Ук. соч. S. 125.

[2] Готский альманах — генеалогический сборник с указанием родословных всех ведущих дворянских родов Европы.

[3] *Feigl E. Zita.* Kaiserin und Königin. Wien, 1991. S. 170–171. Разговор между императором и молодым эрцгерцогом выглядит особенно забавно, если учесть, что сам Франц Иосиф I в молодости отнюдь не листал Готский альманах в поисках невесты, а женился по любви. Правда, в его случае — как, впрочем, и у Карла — предмет любви, к счастью, обладал подходящей родословной: будущая императрица Елизавета (1837–1898) происходила из младшей ветви баварского королевского рода.

Имя это было — Зита, принцесса де Бурбон-Парма. Она родилась 9 мая 1892 г. в семье Роберта, герцога Пармского (1848–1907), родом из младшей ветви французской королевской династии Бурбонов, и его второй супруги Марии Антонии де Браганца (1862–1959), происходившей из португальской королевской династии. Роберт еще ребенком, в 1859 г., лишился пармского престола в результате объединения Италии, и его семья жила в изгнании в Австрии. (Изгнание, впрочем, было условным — герцог и его многочисленное семейство могли свободно посещать Италию, что и делали каждое лето). Зита была с детства знакома с Карлом, с которым они были дальними родственниками — что, впрочем, в европейских королевских домах обычное дело. Теплое чувство к симпатичной, умной и живой девушке возникло у юного эрцгерцога, судя по всему, уже в 1909 г., когда он вместе со своей матерью навестил Зиту и ее родственников, отдыхавших во Франценсбаде[1]. Постепенно симпатия переросла во влюбленность, Карл старался бывать на тех светских мероприятиях, на которых появлялась пармская принцесса. Его встревожили слухи о том, что Зите сделал предложение испанский принц Хайме — правда, получил отказ.

Карл решил форсировать ситуацию и летом 1911 г., во время охоты, устроенной в имении его бабушки эрцгерцогини Марии Терезии, оставшись наедине с Зитой, сделал ей предложение, которое было принято. Сама императрица Зита впоследствии вспоминала, что в тот момент чувствовала к Карлу скорее симпатию, чем любовь, которая пришла позднее и привела к появлению одной из наиболее гармоничных семейных пар среди европейских монархов. Женитьба на Зите (свадьба состоялась 21 октября 1911 г. в замке Шварцау под Веной) стала одним из главных событий в жизни Карла: его супруга, во многих отношениях обладавшая более сильным характером, чем он сам, поддерживала его в трудных ситуациях и была, наверное, самым преданным и надежным из приближенных последнего императора. Зита интересовалась политикой и государственными делами, и Карл, став императором, советовался с супругой — что, видимо, и привело к появлению сплетен о «государе, пляшущем под дудку жены-итальянки» (намек на пармское происхождение Зиты, хотя большинство членов ее семьи считало себя французами, сама же она после замужества всегда называла себя австрийкой).

Люди, близко знавшие Карла и Зиту, отмечали гармоничность их отношений, в которых сложно было говорить о подчинении одного из партнеров другому. Биограф Зиты, австрийская писательница Т. Гриссер-Печар, приводит со слов Шарлотты, одной из дочерей императорской четы, следующий случай, относящийся к 1917 г.: «Однажды кто-то из министров пришел к императору за утверждением смертного приговора

[1] Ныне Франтишковы Лазне в Чехии.

по одному делу. Карл колебался... Его жена (которая часто присутствовала в кабинете императора при разного рода переговорах, но крайне редко в них участвовала — *Я. Ш.*) умоляющим жестом дала ему понять, что просит о помиловании [преступника]. Император в конце концов так и сделал. Позднее, однако, слегка отчитал супругу: «Когда речь идет о смертных приговорах, не ходи сюда! Я не могу тебе отказать, но должен брать во внимание и соображения справедливости»[1]. Эта история хорошо отражает характер взаимоотношений Карла и Зиты: императрица оказывала влияние на мужа, но принимать государственные решения он стремился самостоятельно.

20 ноября 1912 г. Зита произвела на свет сына, полное имя которого было Франц Иосиф Отто Роберт Мария Антон Карл Макс Генрих Сикстус Ксавье Рене Людвиг Каэтан Пий Игнатий. В историю он войдет под куда более скромно звучащим именем — Отто фон Габсбург. В день рождения принца венская газета «Нойе фрайе прессе» писала: «В этом новорожденном император Франц Иосиф видит будущего носителя монаршей власти в Австро-Венгрии; императора, который, вероятно, лишь в последней четверти XX века будет призван вершить судьбу этого государства — будем надеяться, во времена более спокойные, чем нынешние»[2]. Времена действительно наступали тревожные. Маленькому Отто не исполнилось и двух лет, когда началась война, лишившая его и будущей короны, и той страны, которой по праву рождения ему, казалось, суждено было править.

Наследник трона

Отношения Карла и Зиты с его дядей, наследником престола Францем Фердинандом, и супругой последнего, «не равной родом» своему мужу герцогиней Софией фон Гогенберг, урожденной Хотек, были теплыми. Оба семейства часто навещали друг друга. Известно, что оба эрцгерцога беседовали о политике, о проблемах страны, хотя Карл, подчеркнуто лояльный старому императору, все же не входил в круг сотрудников Франца Фердинанда, готовивших широкомасштабные реформы, осуществить которые планировалось после восшествия эрцгерцога на престол. В эти планы Карл, вероятно, не был до конца посвящен. Хотя он также понимал уязвимость существующего устройства империи, но в отличие от Франца Фердинанда не был готов к радикальным силовым решениям, что и показали его действия по отношению к Венгрии после восшествия на престол в конце 1916 г.

Франц Фердинанд доверял Карлу и его супруге — в противном случае трудно объяснить, почему именно с ними он поделился странным и

[1] *Griesser-Pečarová T.* Zita, poslední císařovna. Praha, 1994. S. 17.

[2] Цит. по: *Demmerleová E.* Císař Karel I. Praha, 2006. S 56–57.

страшным предчувствием, посетившим его незадолго до роковой поездки в Сараево. Императрица Зита вспоминала об этом: «...Когда герцогиня София ушла, чтобы уложить в постели детей, наследник престола сказал: "Должен сообщить вам одну вещь... меня убьют!". Эрцгерцог произнес это тихо, но четко и ясно... Мы оба с ужасом посмотрели на Франца Фердинанда...»[3]. После того, как Карл попытался возразить, наследник строго заметил: «Не надо ничего говорить! Я совершенно четко это знаю. Через несколько месяцев я буду убит». Несколько секунд было тихо, потом он добавил, обращаясь к Карлу, — тихим, спокойным тоном: «Я оставил для тебя в своем сейфе кое-какие бумаги... они предназначаются только тебе, после моей смерти возьми их. Это планы, мысли, некоторые идеи... может быть, они будут тебе полезны»[4].

Зита не могла не помнить и о другом загадочном событии — в 1911 г., незадолго до свадьбы, она с матерью побывала на аудиенции у папы Пия X, который, говоря о Зитином женихе, назвал его «следующим императором». Когда Зита попыталась его поправить, напомнив о существовании старшего наследника, папа ясно сказал, что, по его мнению, именно Карл будет преемником Франца Иосифа[5]. Как бы ни относиться к достоверности обоих этих пророчеств, ясно, что в последние годы перед началом Первой мировой молодая пара не могла не задумываться над тем, что Карлу, возможно, придется принять бразды правления страной гораздо раньше, чем это могло бы быть при естественном ходе событий. Францу Иосифу было уже за 80, а у Франца Фердинанда с его неуживчивым характером было много врагов... Можно предполагать, что телеграмма из Сараево об убийстве наследника и его супруги, полученная Карлом 28 июня 1914 г., была для эрцгерцога страшным, роковым известием, но не таким уж громом среди ясного неба.

Главная проблема заключалась не столько в том, что Карл был слишком молод для серьезной государственной роли, сколько в отсутствии у него реального политического опыта и надлежащей практической подготовки к роли второго, а, учитывая возраст императора, в очень скором времени и первого лица в государстве. Франц Иосиф был достаточно ревнивым правителем, который весьма неохотно делился властью — и Францу Фердинанду лишь после многолетней упорной борьбы удалось отвоевать для себя заметные полномочия по крайней мере в одной сфере государственного управления — военной. Что же касается Карла, то он и вовсе оставался в стороне от ключевых политических решений. Весьма точно охарактеризовал положение наследника баварский посланник в Вене Г. фон Тухер, который писал своему королю Людвигу III: «Нынешний наследник трона до сих пор был малозаметен, и люди плохо зна-

[3] Feigl. Zita... S. 122.
[4] Ibid. S. 122–123.
[5] См., напр.: Griesser-Pečarová. Zita... S. 46.

ют его. Он представляется мне прилежным и сознающим свою новую ответственность, но мало подготовленным к важной миссии и не слишком одаренным. Необходимо окружить его подходящими людьми и постепенно посвятить в государственные дела»[1].

Однако в дни июльского кризиса 1914 года — со дня сараевского убийства до объявления Австро-Венгрией войны Сербии — новый наследник трона не был допущен к принятию политических решений. Пожалуй, наиболее заметным его поступком в эти дни было участие в похоронах убитого эрцгерцога и его супруги. Обер-гофмейстер императорского двора князь Монтенуово, ранее конфликтовавший с Францем Фердинандом, составил протокол погребальной церемонии с намерением унизить покойных: гроб герцогини Софии стоял на постаменте куда более низком, чем гроб ее мужа, еще раз, уже после смерти, подчеркивая неравный характер их брака; присутствие членов императорской семьи при встрече тел покойных, доставленных из Сараево, не предусматривалось. Карл, однако, побывал и на венском Южном вокзале, и на церемонии похорон. Более того, новый наследник лично обратился к Францу Иосифу с просьбой внести изменения в протокол, что и было сделано.

Однако в последующие дни, решающие для судеб Европы, Карл оставался в стороне от большой политики. Некоторые историки полагают, что старый император, предчувствуя неблагоприятный исход войны, намеренно не допустил участия наследника в переговорах, которые вели к ее началу. Этого мнения придерживалась впоследствии и Зита: «Император рассуждал так: если война будет успешной, Карлу совершенно не повредит тот факт, что он не участвовал в ее объявлении. Если же события будут развиваться иначе, а этого Франц Иосиф опасался с самого начала, будущий молодой император не должен был быть каким-либо образом связан с войной... [В результате] Карл позднее мог с полным основанием утверждать, что не имеет с развязыванием войны ничего общего»[2]. Достоверность этой версии, однако, вызывает определенные сомнения, если учесть, что во время июльского кризиса многие члены политического и военного руководства дунайской монархии полагали, что дело в конечном счете ограничится локальной войной с Сербией, непродолжительной «карательной экспедицией».

В Вене сознательно шли на конфликт, невзирая на хрупкость внутреннего устройства самой Австро-Венгрии. Разрешение давней проблемы отношений с Сербией позволило бы габсбургской монархии сохранить статус великой державы и даже расширить свою сферу влияния на Балканах, что после 1903 г., когда в результате государственного пере-

[1] Geheimes Staatsarchiv München. Die Bayerische Gesandschaft Sien. F. 1756, der Brief von 10. Juli 1914.

[2] Feigl. Zita... S. 135.

ворота[1] Сербия сменила свою прежнюю проавстрийскую ориентацию на прорусскую, стало для Австро-Венгрии вопросом жизни и смерти. В то же время сами австрийские и венгерские политики и генералы чувствовали себя загнанными в угол, полагая, что уступить сербам даже в мелочах означало бы потерю лица и в перспективе — возможный повод для панславистской революции в славянских провинциях монархии. Вероятно, именно поэтому Вена отвергла вполне умеренный ответ Белграда на предъявленный ему ультиматум и выбрала силовой вариант разрешения кризиса.

В первых числах августа 1914 г. Австро-Венгрия и Германия уже находились в состоянии войны с Сербией и Россией, а несколько позднее — и с остальными державами Антанты и их союзниками. Случилось то, чего в Вене опасались сильнее всего. Как отмечал Т. М. Исламов, «крупнейший стратегический просчет Франца Иосифа и его советников состоял в том, что вся военно-политическая концепция строилась на убежденности, что в случае нападения на Сербию Россия не обязательно вмешается в конфликт, а если это и случится, то Англия ее не поддержит, ибо англичане боятся российской экспансии и будут приветствовать неудачу русских. В отличие от безответственного российского руководства Австро-Венгрия, несмотря на безусловную поддержку могущественного германского союзника, отчетливо сознавала грозную опасность для самого существования монархии вооруженного конфликта с северным соседом»[2]. Неизвестно, насколько ясно понимал это молодой наследник трона, но можно предположить, что подобные мысли приходили ему в голову — под влиянием бесед с Францем Фердинандом, который был известен своим резко негативным отношением к возможности войны между Австро-Венгрией и Россией.

Тем не менее с первых дней войны эрцгерцог Карл выполнял то, что считал своим долгом как члена правящей династии и австро-венгерского офицера. Он неоднократно посещал фронты — вначале русский, в Галиции, а после мая 1915 г., когда в войну с блоком Центральных держав вступила Италия, и итальянский. Карл быстро продвигался вверх по ступеням воинской иерархии — к генеральскому, а весной 1916 г. и генерал-фельдмаршальскому званию. Однако продвижение это было сугубо формальным и не отражало реальных военных заслуг Карла: наследник престола просто не мог оставаться в капитанском или даже полковничьем чине. Более того, у Карла, который не хотел мириться

[1] В ночь на 11 июня 1903 г. группа сербских офицеров убила молодого короля Александра Обреновича (1876–1903) и его непопулярную супругу Драгу. На сербский трон был призван Петр I Карагеоргиевич (1844–1921), представитель династии, издавна конкурировавшей с Обреновичами.

[2] *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // «Новая и новейшая история». 2001. № 5. С. 16–17.

со своей преимущественно церемониальной ролью в штабе действующей армии, возникли трения с начальником генштаба Ф. Конрадом фон Гетцендорфом, фактическим командующим австро-венгерскими войсками. (Франц Иосиф I не мог быть главнокомандующим в силу преклонного возраста и возложил эти обязанности на одного из старших членов императорского дома — эрцгерцога Фридриха, который, однако, был лишь формальным командующим, фактически уступив свои полномочия Конраду). По ряду свидетельств, Карла раздражали как беспомощность Фридриха, так и чрезмерный авторитаризм и самоуверенность Конрада, сознательно отодвигавшего наследника на задний план. Г. Румплер — австрийский историк, достаточно критически оценивающий последнего габсбургского монарха, — не исключает, что «такое пренебрежительное отношение во многом способствовало развитию у Карла антипатии и недоверия ко всему и всем, кто в Австрии определял политику и военную стратегию. В свою очередь, такая его позиция или даже подозрение в таковой давали повод для попыток отстранить его от процессов принятия политических и военных решений»[1].

Только в 1916 г. Карлу наконец были поручены серьезные военные задачи. Вначале он был направлен на тирольский участок Итальянского фронта, где стал командующим 20-м армейским корпусом, которому предстояло участвовать в наступлении в южном Тироле. Целью операции было вытеснение итальянских войск с горных перевалов и проникновение в равнинные области на севере Италии. В результате возникла бы угроза выхода австро-венгерских войск в тыл основным силам итальянцев, сосредоточенным у реки Изонцо[2]. Карл ответственно подошел к возложенной на него задаче. В то же время приказ, изданный им 11 мая 1916 г., накануне начала наступления, говорит о весьма необычном гуманистическом подходе наследника к ведению боевых действий: «Лучше, когда атака длится дольше, нежели когда она проведена быстро, но за это заплачено тяжелыми потерями... Возлагаю на каждого командира обязанность приложить все усилия для того, чтобы раненым была оказана вся необходимая помощь... Отдавать приказ "Пленных не брать" — запрещаю. Для хорошего солдата позор — убийство безоружного неприятеля, который уже сдался. Такие случаи будут жестко караться... Категорически запрещаю кражи, грабежи и бесцельное уничтожение имущества»[3].

Конрад фон Гетцендорф был крайне недоволен таким «миндальничаньем» со стороны эрцгерцога. Христианские чувства, которыми руководствовался Карл, делая упор на необходимость избегать чрезмерных по-

[1] *Румплер Г.* Карл I Австрийский (1916–1918). В сб.: Кайзеры. Под ред. Шиндлинга А., Циглера В. Ростов-н-Д. 1997. С. 465.

[2] Словенское название — Соча; ныне — на границе Словении и Италии.

[3] Цит. по: *Galandauer.* Karel I. ... S. 95.

терь, были чужды начальнику генштаба, который бравировал своим атеизмом. В то же время Конрад не мог не признать, что со своей задачей Карл справился: его войска успешно продвигались вперед, пока в июне 1916 г. наступление не было остановлено по причинам, не зависевшим от наследника. Дело в том, что одновременно резко осложнилась ситуация в Галиции, где началось крупное и успешное наступление русских войск под командованием генерала А. Брусилова. Выяснилось, что Конрад допустил серьезную ошибку, перебросив в мае в Тироль с Восточного фронта несколько дивизий, которых теперь там так не хватало. Только своевременная помощь Германии и несогласованность в действиях русского командования спасла летом 1916 г. габсбургскую монархию от полного разгрома.

Между тем в августе у Австро-Венгрии появился новый противник — Румыния, которая после долгих колебаний решила вступить в войну на стороне Антанты. Румынские войска начали наступление в Трансильвании. После непродолжительного и скорее формального участия в боевых действиях против русских войск в Галиции (в должности командующего армейской группой, названной его именем — «Эрцгерцог Карл»), наследник был переведен на Румынский фронт. Операция здесь оказалась чрезвычайно успешной: румыны были не только отброшены, но и полностью разгромлены, австро-венгерские и пришедшие им на помощь германские войска заняли к концу 1916 г. большую часть территории Румынии. Переоценивать роль эрцгерцога Карла в этих событиях, однако, вряд ли стоит: решающую роль в разгроме Румынии сыграли действия германских войск под командованием генерала А. фон Макензена. Хотя победа над Румынией имела позитивное стратегическое и морально-психологическое значение для Австро-Венгрии, население которой все сильнее страдало от тягот затяжной войны, она показала, что и в военном, и в политическом плане дунайская монархия становится все более зависимой от Германии, и это положение сложно будет изменить даже в случае победоносного исхода войны, который, однако, становился все менее вероятным.

Эрцгерцог Карл не мог этого не понимать. Заключение мира становилось для него главной политической задачей — как только в его руках окажутся властные полномочия. Ждать этого оставалось совсем недолго.

Молодой император в поисках мира

11 ноября 1916 г. Карл, вернувшийся из инспекционной поездки на фронт в свой штаб в трансильванском городе Сегешвар (ныне Сигишоара в Румынии), получил телеграмму из Вены. В ней сообщалось о серьезной болезни престарелого императора и говорилось о необходи-

мости присутствия наследника в столице. Карл немедленно выехал в Вену.

Последняя болезнь 86-летнего Франца Иосифа I была недолгой: 21 ноября император скончался, 30-го в Вене прошли его похороны. Смерть монарха, который 68 лет стоял во главе центральноевропейской империи, произвела гнетущее впечатление на австро-венгерское общество, и без того настроенное на третьем году тяжелейшей войны не слишком оптимистично. Казалось, что уходит эпоха, а может быть, и сама империя, которая многим представлялась невозможной без авторитета старого императора, за долгие годы своего царствования превратившегося в символ незыблемости государственного устройства и габсбургской традиции. Новый монарх Карл I вступал на престол в неблагоприятной психологической атмосфере.

О том, что перемены неизбежны, свидетельствовала уже церемония похорон скончавшегося императора. Вопреки традиционному протоколу, новый монарх шел за гробом предшественника не в одиночестве, а вместе с супругой, с головы до пят закутанной в траурное одеяние с густой черной вуалью, и маленьким наследником Отто. (Всего у Карла и Зиты к тому времени было четверо детей, еще четверым предстояло родиться). В своем первом выступлении перед членами австрийского правительства Карл взял деловой тон: «Я рассчитываю на вас. Перед нами стоят большие задачи. Самой важной из них для каждого, кто чувствует ответственность за судьбу монархии, должно стать скорейшее достижение почетного мира. Другой, столь же важной задачей является обеспечение достаточного количества продовольствия для населения... Прежде всего должен быть сохранен порядок и спокойствие; я желаю, чтобы мое правление было справедливым, добродетельным, но энергичным...»[1]. Уже из этих суховатых фраз ясно, в насколько серьезном положении находилась Австро-Венгрия на исходе 1916 г. — и 29-летний император полностью сознавал это. У Карла не было иллюзий относительно явлений и событий. Но, как выяснилось, у него было слишком много иллюзий относительно окружающих его людей — по крайней мере некоторых.

Как уже отмечалось выше, в опалу быстро попал давний противник Карла — Ф. Конрад фон Гетцендорф, замененный на посту начальника генштаба генералом А. Арцем фон Штрауссенбергом. Еще до этого, 2 декабря 1916 г., Карл лично взял на себя обязанности верховного главнокомандующего. Произошли и другие изменения в руководстве страны. Наиболее близким советником императора стал начальник его канцелярии А. фон Польцер-Ходиц, с которым Карл сблизился уже давно. На должность министра иностранных дел Австро-Венгрии был назначен граф О. Чернин, который поначалу разделял убежденность императора

[1] Цит. по: Demmerleová. S. 89.

в необходимости скорейшего заключения мира. Как выяснилось впоследствии, это решение было роковым: Чернин стал своего рода злым гением Карла и Зиты, сыгравшим негативную роль в ходе «аферы Сикстуса» (см. ниже). Наконец, Карл дал понять премьер-министрам обеих частей монархии — Э. фон Кёрберу в Австрии и графу И. Тисе в Венгрии, — что он намерен принимать куда более деятельное участие в делах государственного управления, нежели его престарелый предшественник.

Далеко не все считали действия монарха продуманными. Так, посол Германии в Вене граф Ф. Ведель писал в декабре 1916 г.: «Молодой император слишком примитивно представляет себе власть. Таким темпом дело дальше не пойдет и, несмотря на его популярность, появляются опасения относительно возможного слишком индивидуального правления (zu persönnliche Regierung)»[1]. Желание сосредоточить в своих руках побольше власти было вызвано не авторитарными склонностями Карла I (их у него, в общем, не было), а отсутствием вокруг него достаточного числа единомышленников и доверенных лиц. Это, в свою очередь, было следствием отстраненности Карла в бытность его наследником от большой политики. В результате даже в самом важном вопросе — о заключении мира — Карл решил опереться не на профессиональных дипломатов, а на собственную семью. Точнее, на семью своей супруги.

Начало мировой войны раскололо многочисленное семейство де Бурбон-Парма, к которому принадлежала императрица Зита. Этим принцам, полиглотам и космополитам, чувствовавшим себя в равной мере дома во Франции, Австрии и Италии, было нелегко встать на ту или иную сторону в разгоревшемся конфликте. Одни члены семьи остались в габсбургской монархии, другие — братья Зиты, принцы Сикстус и Ксавье — сделали выбор в пользу родины предков, Франции. Старый император проявил джентльменство и позволил им выехать через Швейцарию в Париж. Однако во Франции существовал закон, запрещавший членам свергнутых монархических династий служить в армии Французской республики. Тогда Сикстус и Ксавье, использовав родственные связи в бельгийском королевском доме, получили разрешение вступить в качестве офицеров в армию этой страны. Именно братьев Зиты, находившихся по другую стороны линии фронта, решил использовать Карл для налаживания контактов с западными державами — дабы прозондировать возможность заключения мира, в необходимости которого император не сомневался ни минуты[2].

[1] Aussenamt Berlin, Politisches Archiv. Österreich 86, Nr. 1 secr. Bd. 4. AS 4699.

[2] Об «афере Сикстуса» существует обширная историческая литература. Уже по горячим следам, в 1920 г., вышла работа А. Демблина, посвященная этому скандалу (A. Demblin. Czernin und die Sixtus-Affäre. München, 1920). В настоящее время одной из наиболее известных и авторитетных считается работа *Р. Кана.*

В январе 1917 г. через посольство Австро-Венгрии в Швейцарии были установлены контакты с обоими бурбонскими принцами. В марте братья императрицы тайно прибыли в Вену, где встретились с Карлом и Зитой. Там им было вручено первое письмо императора, формально адресованное Сикстусу, но предназначавшееся для передачи руководителям Франции. В послании, написанном по-французски, в частности, содержалась фраза о готовности императора Карла «использовать все личное влияние на моих союзников, дабы выполнить справедливые французские требования (justes revendications francais) относительно Эльзаса и Лотарингии»[1]. В письме также отмечалось, что император согласен, чтобы условия будущего мира включали в себя восстановление независимости Бельгии и Сербии — при обязательстве последней поддерживать добрососедские отношения с габсбургской монархией. Относительно условий мира с Россией Карл не говорил ничего, поскольку письмо было вручено Сикстусу 24 марта 1917 г., когда будущее послереволюционной России оставалось неясным.

Наиболее скандальной в послании Карла была, несомненно, фраза об Эльзасе и Лотарингии. Получалось, что ближайший союзник Германии считает справедливым требование врага этого государства — Франции, одной из главных военных целей которой являлся возврат указанных территорий, утраченных в 1871 г.! Несомненно, Карл действовал неосмотрительно: утечка информации о содержании письма могла бы иметь необратимые последствия для отношений между Австро-Венгрией и Германией. Более того, Карл не заручился однозначной поддержкой своего министра иностранных дел О. Чернина, который знал о контактах монарха с Антантой, но выступал против каких-либо сепаратных мирных соглашений, подчеркивая, что любая договоренность с противником должна быть достигнута только с ведома и при участии Германии. Об этом говорилось, в частности, в специальном меморандуме, составленном Черниным для императора. Документ этот министр, однако, не скрепил своей подписью — а значит, с формальной точки зрения оставался не причастным к рискованным дипломатическим контактам Карла.

Между тем первая реакция западных держав на переданное им Сикстусом письмо была обнадеживающей. В отличие от Германии и ее

Kann R. A. Die Sixtus-Affäre und die geheimen Friedensverhandlungen Österreich-Ungarns im ersten Weltkrieg. Wien, 1966. Можно отметить также труды австрийских и французских историков: *F. Engel-Janosi.* Die Friedensbemühungen Kaiser Karls mit besonderer Berücksichtigung der Besprechungen des Grafen Revertera mit Conte Armand // XIIe Congrés international des Science Historiques. Paris, 1965. Vol. IV. P. 279–296; *F. Charles-Roux.* La Paix des Empires Centraux. Paris, 1947. Воспоминания о тех событиях оставили и их непосредственные участники — О. Чернин и сам принц С. де Бурбон-Парма (Sixtus von Burbon-Parma & G. Manteyer. Austria's Peace Offer. London, 1921).

[1] *Kann R. A.* Die Sixtus-Affäre... S. 413.

взбалмошного кайзера, ни Австро-Венгрия, ни ее молодой император не вызывали в Париже и Лондоне идиосинкразии. Премьеры Франции и Великобритании А. Бриан и Д. Ллойд Джордж с большим вниманием отнеслись к мирной инициативе Карла I. Однако вскоре ситуация изменилась. Во Франции на смену правительству Бриана пришел кабинет во главе с А. Рибо, настроенным в пользу «войны до победного конца». Кроме того, обе западные державы имели ряд обязательств перед Италией, которой в 1915 г. на тайных переговорах в Лондоне был обещан ряд принадлежавших Австро-Венгрии территорий — в качестве награды за вступление в войну на стороне Антанты. Итальянское правительство категорически отказалось рассматривать какие-либо мирные предложения Австро-Венгрии, не учитывавшие условий Лондонского договора. Карл попытался спасти положение, передав 9 мая через Сикстуса второе письмо, в котором намекал на возможность уступки итальянцам южного Тироля — но Рим остался непреклонен[1]. Несколько новых поездок Сикстуса в Париж и Лондон успеха не имели, и 25 июня 1917 г. старший из бурбонских принцев уведомил Карла и Зиту о том, что прекращает свою деятельность в качестве посредника.

К тому времени стало ясно, что Карлу I не удастся убедить своего союзника Вильгельма II и его генералов в необходимости заключить мир. Переговоры, которые в начале апреля 1917 г. Карл провел в Германии, показали, что немцы не теряют уверенности в конечной победе. Даже вступление в войну США, спровоцированное объявлением Германией «тотальной подводной войны» в Атлантике, не избавило германское руководство от необоснованного оптимизма. На Карла и особенно его жену, не скрывавшую своих пацифистских взглядов, в германской ставке смотрели как на молодую, неопытную и мало что понимающую в делах войны и политики пару и вовсе не желали прислушиваться к их аргументам. Переговоры в немецком Бад-Хомбурге закончились безрезультатно. Австро-Венгрия продолжала катиться в роли прицепного вагона за немецким локомотивом, на всех парах летевшим к пропасти[2].

[1] К слову, в конечном итоге Италия после войны получила значительно меньше, чем предусматривали условия лондонской сделки.

[2] Карл, кстати, хорошо понимал, с кем имеет дело. Позднее, уже в изгнании, в своих записках он дал следующую характеристику Вильгельму II: «...По-своему [это был] верный друг Австрии, но на всё смотрел глазами пруссака. Будь его воля — германизировал бы Австрию, а о наших внутренних делах не имел... и малейшего представления. Он не был таким разрушителем, каким представал в своих речах перед началом войны. И в ходе нее был за мир, но его бряцающие саблями генералы (Гинденбург и Людендорф) препятствовали ему в заключении мира. В генеральном штабе он был полным нулем, а не бестией, ответственной за развязывание войны, каким его пытались представить державы Антанты. Был добродушным, но, выступая, часто забывал о том, что он император, а не какой-нибудь обер-лейтенант». (Цит. по: *Demmerleová*. S. 266).

Конец миссии Сикстуса, однако, не означал конца аферы, получившей его имя. Западные державы почти год хранили тактичное молчание о своих контактах с Карлом I. Однако 2 апреля 1918 г. министр иностранных дел О. Чернин, выступая перед членами венского магистрата, заявил: «Господин Клемансо[1]... обратился ко мне с вопросом, не согласны ли мы на [мирные] переговоры и если да, то на какой основе. По согласованию с Берлином я немедленно ответил, что согласен и не видим со стороны Франции иных препятствий, кроме требования о [возвращении] Эльзаса-Лотарингии. Из Парижа я получил ответ, что на таких условиях о переговорах речи быть не может»[2]. Чернин имел в виду контакты австрийских и французских представителей, которые имели место в Швейцарии во второй половине 1917 г., уже по окончании миссии Сикстуса. Министр допустил невероятный для дипломата промах: без каких-либо причин предал огласке информацию о тайных переговорах, к тому же исказив ее (французский представитель на этих переговорах граф Арман не имел поручений непосредственно от Ж. Клемансо). Все это позволило французскому премьеру через прессу обвинить О. Чернина во лжи, а когда тот продолжал отпираться — в качестве ответного удара обнародовать копию первого из двух писем, отправленных Карлом I западным лидерам через Сикстуса.

Разгорелся колоссальный скандал. Чернин утверждал (ложно), что ничего не знал о письмах Карла, затем, потеряв голову, начал угрожать самоубийством... Императору ничего не оставалось, кроме как отправить в отставку незадачливого министра (который, кстати, и раньше отличался экстравагантным поведением и нервными срывами). Затем Карл неубедительно отмежевался от собственных писем, назвав их фальшивками, и отослал Вильгельму II, разъяренному предательством союзника, пафосную телеграмму: «В момент, когда австро-венгерская артиллерия гремит на Западном фронте вместе с немецкой, думаю, не нужно никаких лишних доказательств того, что я сражаюсь и намерен и далее сражаться за твои провинции (имелись в виду Эльзас и Лотарингия — *Я. Ш.*) с той же решимостью, с какой защищаю собственную страну»[3]. Вряд ли эти заверения звучали убедительно для германского кайзера и его генералов. В глазах же правительств Антанты Карл как потенциальный партнер для мирных переговоров скомпрометировал себя. Не будет преувеличением утверждать: афера сыграла если не решающую, то весьма значительную роль в том, что в западных столицах стало преобладать мнение о необходимости ликвидации дунайской монархии, а политиче-

[1] Жорж Клемансо (1841–1929) с ноября 1917 г. возглавлял правительство Франции.

[2] Demblin. Czernin... S. 59.

[3] *Brook-Shepherd G.* Um Krone und Reich. Die Tragedie des letzten Habsburgerkaisers. Wien — München, 1968. S. 177.

ские акции чехословацких и югославянских эмигрантских кругов, добивавшихся именно такого исхода, заметно выросли в цене.

«Персональная дипломатия» Карла I оказалась фатальной ошибкой. Конечно, не будь безответственного поведения графа Чернина, подробности миссии пармских принцев, возможно, стали бы достоянием гласности лишь после войны. Однако, пускаясь в эту авантюру, молодой император изначально рисковал слишком многим. Тексты писем, особенно первого, содержали обещания, которые Карл поспешил дать, еще не получив представления о планах и настроениях западных партнеров. Закулисный характер переговоров и участие в них родственников императрицы крайне отрицательно повлияли на общественное мнение в самой Австро-Венгрии. Зита с ее франко-итальянским происхождением стала восприниматься ура-патриотической частью общественности, особенно австрийских немцев, как агент влияния Антанты в императорском дворце. Искреннее стремление австрийского императора к миру в сочетании с неудачными средствами, избранными им для достижения этой благородной цели, привели Карла к тяжелейшему политическому поражению.

Внутренняя политика: благие намерения, ведущие к краху

Увы, и внутри страны император следовал тем же путем. Ровно через месяц после вступления Карла I на престол в Будапеште состоялась его коронация в качестве венгерского короля. Тем самым молодой император с легкостью необыкновенной перечеркнул планы покойного дяди: Франц Фердинанд, как уже говорилось выше, намеревался после вступления на трон реорганизовать империю, отбросив принцип дуализма и невзирая на возможное сопротивление венгерской политической элиты. Коронация перечеркивала эти планы, поскольку новый король обязан был присягнуть на верность конституции Венгрии, которая предусматривала нерушимость границ «земель короны св. Стефана» и верность «традиционным свободам венгерского народа». Это означало, во-первых, что национальные меньшинства Венгерского королевства, в совокупности составлявшие к тому времени более половины (!) всего населения страны[1], могли распрощаться с надеждой на изменение своего статуса и прекращение многолетней политики мадьяризации. Во-вторых, это осложняло демократизацию ультраконсервативной политической системы Венгрии, где власть была до сих пор сосредоточена в руках высшей аристократии.

[1] Подробнее см., напр.: *Kontler L.* Dějiny Maďarska. Praha, 2001. S. 254–279; P. Lendvai. Die Ungarn. München, 1999. S. 228–249; *Серапионова Е. П.* Словакия в составе Венгерского королевства в начале XX века // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 32–43, и мн. др.

Великолепный коронационный обряд, состоявшийся в Будапеште 30 декабря 1916 г. при огромном скоплении народа и, по мнению большинства наблюдателей, при совершенно искреннем всеобщем ликовании, наверное, не мог не наполнить надеждой сердца Карла и Зиты — двух еще совсем молодых людей, не чуждых возвышенно-романтическим настроениям. Однако с точки зрения политики как «искусства возможного» речь шла о серьезном поражении Карла, причем поражении, которое он потерпел практически без боя, уступив давлению авторитарного венгерского премьер-министра И. Тисы. Много лет спустя императрица Зита так проанализировала ситуацию: «Император знал, что делает, он понимал, каковы будут последствия [этого шага] для вынашиваемых им планов реформ. Но правовые аргументы были неопровержимы, и нужно было поторопиться. Он согласился, потому что стремился как можно скорее закончить войну. Тиса и его окостеневшие представления об устройстве Венгрии, конечно, означали крушение всех планов императора. Межнациональная напряженность была главной проблемой монархии. Но император полагал, что решение этих вопросов можно отложить до наступления мира. Во время войны Венгрия оставалась опорой дуалистической монархии. А Тиса был железным человеком, на котором держалась Венгрия»[1]. Решая венгерскую проблему, Карл впервые столкнулся с безвыходной ситуацией, которая была характерна для его правления в целом: не делать ничего, оставить все как есть было опасно, но начинать широкомасштабные реформы в условиях войны, экономического истощения и нарастающих национальных проблем — еще опаснее.

Если в вопросе о Венгрии император решил не форсировать ситуацию, то при решении других проблем внутренней политики он предпочел сделать ряд достаточно рискованных шагов. В мае 1917 г. было объявлено о созыве рейхсрата — парламента западной части монархии, не собиравшегося с 1912 г., когда он был распущен из-за столкновений между представителями национальных депутатских клубов, фактически парализовавших работу законодательного органа. С тех пор император и кабинет министров управляли западной частью монархии посредством указов и постановлений (между тем в Венгрии парламент, избранный на основе сильно ограниченного избирательного права, функционировал). Созыв рейхстрата, по мысли Карла I, должен был продемонстрировать добрую волю монарха, его стремление придерживаться закона и дать возможность представителям разных народов свободно обсудить свои проблемы. Однако радикально настроенные депутаты, в первую очередь из числа чехов и южных славян, народов, чувствовавших себя ущемленными, а свои национальные интересы — поставленными под угрозу

[1] Цит. по: *Griesser-Pečarová* S. 102–103.

усилившимся в годы войны пронемецким курсом властей, истолковали этот шаг как проявление слабости, дающее им возможность перейти в контрнаступление.

Еще в декабре 1916 г. приветственные адреса, направленные Карлу I по случаю его восшествия на престол чешскими, югославянскими и галицийскими (польскими и украинскими) политиками, были выдержаны в весьма верноподданническом духе, хоть в них и выражались робкие надежды на либерализацию. Но уже полгода спустя, когда либерализация действительно началась и был созван рейхсрат, тон выступлений многих славянских депутатов заметно изменился. Так, один из лидеров чешского парламентского клуба А. Странски в своем выступлении заявил о солидарности с находившимися в заключении чешским политиком К. Крамаржем и другими осужденными по обвинению в государственной измене — за поддержание контактов с проантантовскими эмигрантскими кругами. Конец выступления Странского был выдержан в примирительном, но все же однозначно националистическом духе: «Молодой император не виновен в войне, он лишь унаследовал ее и не повинен в ее ужасах. Мы счастливы черпать здесь надежду на то, что в великий исторический момент, *когда свободная воля народов определит форму государственного устройства* (здесь и далее курсив мой — *Я. Ш.*), молодой монарх, верный своему чистому, незапятнанному прошлому, *не встанет на пути осуществления воли нашего народа..., но поставит себя на службу этой воле* и этой свободе...»[1].

Атмосфера на заседаниях рейхсрата накалялась. Претензии чехов и югославян, требовавших отмены военно-полевых судов, изменения национальной политики и в перспективе — федерализации империи, наталкивались на яростное противодействие австрийских немцев. Последние, однако, выступали не как лоялисты, а скорее как проводники шовинистического великогерманского курса и сторонники окончательной привязки габсбургской монархии к Германии, вплоть до присоединения к ней населенных немцами австрийских территорий. А этого Карл и его советники опасались ничуть не меньше, чем сепаратизма славян. Дебаты в рейхсрате, о которых активно писала пресса, заметно изменили атмосферу в стране. С одной стороны, общество, и без того уставшее от войны и экономических трудностей, получило дополнительный заряд радикализма, с другой — монарху не удалось добиться главной политической цели, к которой он стремился, созывая рейхсрат: создать в Австрии правительство, которое опиралось бы на парламентское большинство и таким образом обладало бы демократической легитимностью. Раздоры между национальными фракциями в парламенте сделали это невозмож-

[1] Národní listy, 14.VI.1917.

ным. Новый кабинет Э. Зайдлера был назначен Карлом без поддержки депутатов.

«Императорская перестройка», как удачно назвал начатую Карлом либерализацию чешский историк И. Шедивы[1], действительно в чем-то напоминает реформы конца 80-х гг. минувшего века в СССР. В обоих случаях высшая власть пыталась реализовать свои благие намерения, не просчитав в достаточной мере возможных последствий этих шагов. Нельзя не отметить также, что между политикой Карла в Венгрии и попытками либерализации в Австрии имелось явное противоречие. В первом случае император-король избрал умеренно консервативный курс, отложив необходимые радикальные реформы до заключения мира, во втором — попытался приступить к преобразованиям, не дожидаясь решения главного вопроса — о мире. Дальнейшим шагом на этом пути явилась объявленная в июле 1917 г. амнистия осужденным за политические преступления. На свободу вышли более двух с половиной тысяч человек, в том числе К. Крамарж и другие радикальные чешские деятели, ранее приговоренные к смертной казни. Однако и эта мера не способствовала умиротворению страстей. По мнению Г. Румплера, благодаря амнистии «удалось добиться того, что национальные государственные декларации ограничились требованием автономии под эгидой Габсбургов, а требования националистов-эмигрантов... о разрушении монархии пока еще не нашли отклика в странах Антанты»[2]. Не Бог весть какой результат, если учесть, что в момент вступления Карла I на престол власти, пусть и военно-полицейскими методами, все же полностью контролировали ситуацию в стране. Что же касается отношения к Австро-Венгрии со стороны Антанты, то на момент объявления амнистии оставался еще почти год до «аферы Сикстуса» (точнее, аферы Чернина — Клемансо), которая подорвет престиж дунайской монархии в гораздо большей степени, чем его могли бы укрепить либеральные меры во внутренней политике.

Вопрос о бытии или небытии австро-венгерской монархии теперь напрямую зависел от исхода войны. 1917 г. принес Центральным державам как огорчения, так и надежды. С одной стороны, Западный фронт безнадежно увяз в позиционной войне, перевес в которой после вступления в войну США однозначно склонялся на сторону Антанты. На Балканах на сторону западных держав встала Греция, где высадились французские, британские и сербские войска, образовался Салоникский фронт. С другой стороны, осенью австро-германские войска отбросили итальянскую армию, прорвав ее фронт при Капоретто — поражение, от фатальных последствий которого Италию спасла только военная помощь запад-

[1] См.: *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S. 289.

[2] *Румплер Г.* Ук. ст. С. 473.

ных союзников. Еще раньше, в июне – июле, провалилась организованная Временным правительством попытка наступления русской армии на Восточном фронте. Последовавшая вскоре большевистская революция привела к подписанию в марте 1918 г. Брестского мира, который стал выдающимся успехом Центрального блока. В Австро-Венгрии, все сильнее страдавшей от нехватки продовольствия, особенно большие надежды возлагались на «хлебный мир» с обретшей независимость Украиной, откуда предполагались крупные поставки зерна. Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться — как и многим иным.

В 1918 г. императорская чета совершила несколько поездок по стране. По воспоминаниям Зиты, особенно запомнилось посещение Пожоньи (ныне Братислава), где население выражало Карлу и его супруге вполне искреннюю симпатию. Проявления таких чувств, однако, становились все более редкими, особенно после «аферы Сикстуса», подорвавшей престиж императорской четы. Летом захлебнулось австро-венгерское наступление на реке Пьява, с помощью которого в Вене рассчитывали добиться решающего перевеса на Итальянском фронте. В конце июля Карл снова сменил премьера западной части монархии: новым главой кабинета стал профессор-юрист М. фон Хуссарек. Но рокировки на высших правительственных должностях уже не могли ничего изменить, особенно после того, как правительства стран Антанты признали права эмигрантского Чехословацкого национального комитета во главе с Т. Г. Масариком и Э. Бенешем в качестве де-факто союзного правительства, чьи силы (чехословацкие легионы на Западном фронте, в Италии и России) воевали на стороне западных держав против Германии и Австро-Венгрии.

Важным событием, показавшим, что радикальные национальные движения народов Австро-Венгрии приобретают все больший вес в глазах Антанты, стал «съезд угнетенных народов», состоявшийся в Риме в апреле 1918 г.. Место его проведения было выбрано не случайно: из всех западных союзников Италия занимала наиболее последовательную антигабсбургскую позицию. Съезд принял заявление, в котором, в частности, говорилось: «Каждый из [угнетенных] народов считает австро-венгерскую монархию орудием германского господства и главным препятствием на пути к осуществлению своих чаяний и устремлений»[1]. Одновременно с активизацией антигабсбургских эмигрантских кругов происходило угасание активизма — лояльного трону течения в славянской, но также и австро-немецкой политической среде. Когда пару месяцев спустя, 12 октября 1918 г., Карл принял делегацию Чешского союза (объединения чешских политиков), он, по воспоминаниям одного из присутствовавших на аудиенции — Ф. Станека, заявил: «Вы получите самостоятельность (очевидно, имелась в виду максимально широкая ав-

[1] Цит. по: *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Praha, 1927–1928. Sv. II. S. 109.

тономия — *Я. Ш.*) Чехии, Моравии и Силезии — при условии, что выскажетесь в пользу моей династии и [единства] империи»[1]. Еще полтора года назад такое предложение было бы встречено чехами с ликованием, но теперь оно не вызвало никакого воодушевления: эмигранты и поддержавшая их Антанта сулили гораздо больше. Такой же неудачей окончились и переговоры императора с югославянской фракцией рейхсрата.

В начале августа 1918 г. немцы потерпели решающее поражение на Западе. Начальник германского генштаба Э. фон Людендорф, еще недавно самоуверенно провозглашавший, что шансы Центрального блока на победу велики, признал, что война не может быть выиграна и необходимо искать пути к перемирию. А после того, как в конце сентября вышла из войны Болгария, и армии Антанты, почти не встречая сопротивления, покатились с Балкан к южным границам Австро-Венгрии, стало ясно, что дни дунайской монархии сочтены. Последней безнадежной попыткой спасти империю стал манифест, изданный Карлом I 16 октября. Его название в тогдашних условиях звучало иронически — «Моим верным австрийским народам». В нем провозглашалось, что «Австрия должна стать, в соответствии с желаниями ее народов, государством федеративным, в котором каждая народность образует свое собственное государство на территории, которую населяет... Этот новый порядок, который никоим образом не нарушает целостность земель святой короны Венгерской, должен принести каждому национальному государству самостоятельность; в то же время он будет охранять их общие интересы... К народам, на самоопределении которых будет основана новая империя, обращаюсь Я — дабы участвовали в сем великом деле посредством национальных советов, которые, будучи составлены из депутатов [рейхсрата] от каждого народа, должны представлять интересы оных народов в их отношениях между собой и с Моим правительством. Да выйдет наше Отечество... из военных бурь как союз свободных народов»[2].

Время для подобных шагов, однако, было упущено. Карл уже не мог удержаться на ускользавшем от него троне, зато помог своим манифестом избежать возможного кровопролития. «Слово императора... легитимизировало национальные советы и тем самым дало возможность многим чиновникам и офицерам, воспитанным в духе верности монархии, без внутренней борьбы начать служить национальным советам, в руки которых переходила власть», — отмечает чешский историк Э. Ирманова[3]. Национал-радикалы же не нуждались в благословении последне-

[1] См.: *Pernes J.* Ук. соч. S. 184

[2] Wiener Zeitung, 17.X.1918. Подробнее о подготовке, значении и последствиях манифеста о федерализации см.: *H. Rumpler.* Das Völkermanifest Kaiser Karls vom 16. Oktober 1918. Letzter Versuch zur Rettung des Habsburgerreiches. Wien. 1966

[3] *Irmanová E.* Konec starého světa // Slovanský přehled. 2001. Č. 4. S. 445–446.

го Габсбурга: Антанта несла им на штыках государственный суверенитет. Не подлежит сомнению, что наиболее слабым местом манифеста 16 октября было то, что его действие не распространялось на Венгрию, поскольку Карл, верный данной им королевской присяге, не мог пойти на федерализацию унитарного Венгерского королевства. Даже на краю политической гибели династия оказалась не в состоянии пойти наперекор мадьярским аристократам-консерваторам.

Поражения, изгнание, смерть

Во второй половине октября 1918 г. распад Австро-Венгрии приобрел стихийный, неконтролируемый характер. Как и предусматривал манифест Карла I, власть в отдельных провинциях империи переходила к национальным советам, но о каком-либо подчинении Вене или консультациях с ней они уже не хотели слышать. 21 октября 210 депутатов рейхсрата из числа австрийских немцев, собравшись в Вене, заявили о намерении создать на населенных немцами землях габсбургской империи государство Немецкая Австрия (Deutsch-Österreich); вопрос о форме государственного устройства и отношениях с Германией был пока оставлен открытым. 28 октября в Праге было объявлено о создании Чехословацкой республики (что означало прямой конфликт с Венгрией, т. к. словацкие земли были ее частью). Днем позже в Загребе Народное вече объявило о создании «Государства словенцев, хорватов и сербов» на населенных этими народами территориях дунайской монархии[1]. 31 октября грянула революция в Венгрии, к власти пришло левое правительство во главе с «красным графом» М. Карои, надеявшееся (как оказалось, напрасно) договориться с Антантой о сохранении исторических границ венгерского государства. В ходе беспорядков солдатами-мародерами был убит бывший венгерский премьер, «железный» И. Тиса. 1 ноября во Львове, занятом украинскими повстанческими частями, была провозглашена Западноукраинская народная республика (ЗУНР), предъявившая претензии на восточную часть Галиции, Буковину и Закарпатье. Несколькими днями позже в Варшаву из немецкого заключения вернулся вождь польского национального движения Ю. Пилсудский, провозглашенный 10 ноября главой независимой Польши, в состав которой из земель, принадлежавших Габсбургам, вошли Краков и Галиция.

Все это время в Вене формально существовало императорское правительство (последним его главой стал профессор Г. Ламмаш), а в Шёнбрунне оставался глава уже фактически не существующего госу-

[1] Месяц спустя это новорожденное государственное образование присоединится к Сербии и Черногории — так возникнет Королевство сербов, хорватов, словенцев (СХС), с 1929 г. — Югославия. Подробнее см., напр.: *Ю. А. Писарев.* Создание югославского государства в 1918 г.: уроки истории // «Новая и новейшая история». 1992. № 1.

дарства. От имени этого государства 3 ноября было заключено перемирие с Антантой. Между тем новые национальные правительства отзывали «свои» подразделения императорской и королевской армии с фронта, в результате чего в прифронтовых областях возник хаос. Тем не менее часть воинских соединений Итальянского фронта еще в первой половине ноября сохраняла лояльность и управляемость, и их командующий фельдмаршал С. Бороевич по телеграфу обратился к императору с предложением перебросить эти войска в Вену для восстановления там порядка. Карл I, резонно опасавшийся, что такой шаг мог бы привести к началу в Австрии гражданской войны, отказался. Это было важное решение, весьма характерное для Карла: добиваясь мира с внешними противниками, он ни в коем случае не хотел войны и с противниками внутренними. Власть не представляла для него абсолютной ценности, во имя которой стоило проливать кровь. Будучи глубоко верующим человеком, Карл не собирался отказываться от исполнения монаршего долга, который, согласно его мировоззрению, был возложен на него Богом, однако не считал насилие по отношению к подданным составной частью этого долга. Монархия имела смысл лишь до тех пор, пока народы желали ее сохранения. Карл I верил, что наступившая смута — лишь временное явление, и, переболев национализмом, «его» народы поймут преимущества совместного существования под скипетром древней династии.

Фактически низложенный, но формально не отрекшийся монарх был для новых властей серьезной политической проблемой. 10 ноября после переговоров премьер-министра Ламмаша с властями Немецкой Австрии стало ясно, что на предстоящем голосовании по вопросу о будущем государственном устройстве большинство депутатов выскажется в пользу республики. Социал-демократы и часть националистов потребовали отречения Карла I. На следующий день Г. Ламмаш и министр внутренних дел Ф. Гайер приехали в Шёнбрунн. Прочитав проект манифеста, предложенного ему министрами, император воскликнул: «Но это же отречение!». Ламмаш, Гайер и секретарь императора К. Веркман убеждали его в том, что разработанный ими документ предполагает отказ Карла не от короны, а от участия в государственных делах, что оставляло Габсбургам возможность вернуться на трон в будущем, когда обстановка станет более благоприятной. После продолжительных бурных дебатов с участием Зиты, призывавшей мужа не отрекаться, Карл подписал-таки манифест, в котором говорилось: «С момента вступления на трон Я неустанно пытался избавить свои народы от бед войны, в начале которой нет Моей вины. Не колеблясь, Я восстановил конституционный порядок и открыл всем народам путь к самостоятельному развитию. Руководствуясь, как и прежде, неизменной любовью ко всем Моим народам, не желаю, дабы Моя особа служила препятствием на пути их свободного развития. За-

ранее признаю решение, которое примет Немецкая Австрия о своем будущем государственном устройстве. Народ посредством своих представителей взял власть в собственные руки. В связи с этим Я отказываюсь от участия в государственных делах в какой-либо форме, одновременно освобождая от обязанностей назначенное Мною австрийское правительство. Пусть народ Немецкой Австрии создаст новый [государственный] порядок и объединится вокруг него. Счастье Моих народов всегда было Моим самым горячим желанием. Только внутренний мир способен залечить раны, нанесенные войной. Карл. Вена, 11 ноября 1918 года»[1].

Несколько дней спустя переговоры Карла с венгерской правительственной делегацией также завершились подписанием подобного документа. С юридической точки зрения отказ от участия в государственных делах не был равнозначен отказу от титула и полномочий монарха. Последний Габсбург «лишь» приостановил исполнение этих полномочий — но, несомненно, рассчитывал вернуться к власти. Эта надежда не покидала его и после того, как 23 марта 1919 г. по настоянию австрийского республиканского правительства и с согласия держав Антанты императорская семья была вынуждена покинуть родину и перебраться в Швейцарию. Карл Первый и Последний ни на минуту не допускал мысли о том, что многовековое царствование династии Габсбургов кончилось навсегда, а он сам, 32-летний молодой человек — уже не более чем часть европейской истории.

Несмотря на непростое положение, в котором оказалась императорская семья в изгнании (большая часть имущества Габсбургов была конфискована новыми властями, а некоторые драгоценности, вывезенные Карлом и Зитой, похитил мошенник, которому они доверились), Карл внимательно следил за происходящим в странах-преемницах Австро-Венгрии и постепенно установил сеть контактов со сторонниками монархии. Он размышлял над будущим Центральной Европы, и сохранившиеся заметки императора содержат прозорливые выводы о перспективах региона — выводы, правоту которых, увы, подтвердили события 30-х — 40-х гг.: «...Малые государства, возникшие в результате нашей катастрофы, политически и экономически вредны для Европы. Они являются источниками постоянных внутри-и внешнеполитических проблем. Во внешней политике — во-первых, потому, что конфликтуют друг с другом, а во-вторых, потому, что если нынешняя политика будет продолжена, они рано или поздно упадут в объятия Великогермании (Grossdeutschland). Причины, по которым отношения между этими государствами плохи, нетрудно понять: [историческая] Венгрия была разделена между румынами, чехами и сербами[2]... Австрия была разделена, и многие ее немецкоязычные регио-

[1] Wiener Zeitung, 11.XI.1918.

[2] По условиям Трианонского мира 1919 г.

ны отошли соседям. Маленькие «победители» нетерпеливо ожидают возможности окончательно свести счеты с маленькими «проигравшими»; те же, в свою очередь, ждут, когда «победители» ослабеют настолько, чтобы отобрать у них хотя бы часть их добычи... И над всем этим хаосом встает угрожающий призрак Великопруссии (Grosspreussen)»[1].

Особое внимание Карла привлекала Венгрия. Во-первых, в этой стране, потерявшей в результате Трианонского мира более 70% территории, была особенно сильна ностальгия по габсбургским временам. Во-вторых, в Венгрии Карл IV формально оставался королем: после победы контрреволюционных сил в гражданской войне 1919 г. страна была вновь провозглашена королевством, а исполнение обязанностей главы государства в ранге регента было — на время пребывания монарха за пределами Венгрии — возложено на адмирала М. Хорти, бывшего командующего австро-венгерским флотом. Хорти и Карл вступили в переписку, в которой адмирал заверял короля в лояльности и утверждал, что лишь ожидает подходящего момента для передачи власти. По мнению Карла, такой момент настал весной 1921 г., когда он через своего эмиссара во Франции[2] получил устные заверения А. Бриана, вновь ставшего главой французского правительства, в том, что в случае возвращения Габсбурга на венгерский трон Франция не предпримет против него враждебных действий и окажет соответствующее влияние на Великобританию[3]. Бриан не рисковал ничем: в случае успеха Карла он приобретал важного союзника в Центральной Европе, а в случае неудачи — мог не бояться компрометации, т. к. никаких письменных доказательств контактов между ним и Карлом не существовало.

25 марта 1921 г. Карл тайно, с документами на чужое имя, через Францию, Германию и Австрию отправился в Венгрию. Поездка была организована настолько дилетантски, что удивительно, как Габсбургу удалось избежать задержания по пути. Тем не менее 27 марта король Карл IV был в Будапеште — сам, без сопровождения своих сторонников, которых в тот момент в венгерской армии и политических кругах было немало и на которых он мог бы опереться. Но не стал, наивно надеясь на то, что Хорти, как и обещал, добровольно уступит власть законному монарху. Дальнейшее, по воспоминаниям самого Карла, выглядело так: «Хорти вышел мне навстречу с растерянным выражением лица. В своем (ранее моем) кабинете он сразу же сказал мне: «Это катастрофа, Вашему Величеству следует немедленно вернуться обратно в Швей-

[1] *Feigl E.* (Hg.) Kaiser Karl I. Persönliche Aufzeichnungen, Zeugnisse und Dokumente. Wien, 1987. S. 454–455.

[2] В этой роли вновь выступил принц Сикстус де Бурбон-Парма.

[3] Подробнее см., напр.: *K. H. Rieder.* Kaiser Karl. Der letzte Monarch Österreich-Ungarns 1887–1922. München, 1981. S. 307.

царию!». Я дружески объяснил ему, что ни о чем подобном не может быть и речи, поскольку своим отъездом я сжег за собой мосты. Последовала борьба за власть, дискуссия, продолжавшаяся более двух часов, в результате которой я, не располагавший, в отличие от моего оппонента, никакой вооруженной поддержкой, несмотря на все отчаянные усилия, вынужден был уступить в высшей степени предательскому и низменному властолюбию Хорти... В соглашении, к которому мы пришли к концу нашего разговора[1], я видел признак того, что регент все же склоняется к идее реставрации... Однако я утратил эту надежду после того, как узнал, что еще в тот же день он пригласил к себе представителей держав Антанты и сообщил им обо всем, о чем был обязан молчать»[2] (имелась в виду информация об обещаниях А. Бриана, которую Карл сообщил Хорти во время их разговора).

В мемуарах адмирала М. Хорти акценты, естественно, расставлены по-другому. Хорти утверждает, что предложил Карлу связаться с Брианом через дипломатического представителя Франции в Будапеште и заявил, что в случае подтверждения французских гарантий готов немедленно передать власть королю. Это, несомненно, была уловка: посулы премьера Франции потому и давались в устной форме, что не предназначались к огласке. Как только Хорти — после отъезда Карла и без его ведома — сообщил дипломатам Антанты о появлении короля и своем разговоре с ним, последовала та реакция, которой и следовало ожидать и на которую, очевидно, рассчитывал Хорти: опровержение Парижем слов Карла и дружное предостережение западных правительств (а также Чехословакии, Румынии и Югославии) против попыток реставрации Габсбургов на венгерском престоле.

«Я должен отметить, — пишет Хорти, — что прежде чем мы расстались, Его Величество выразил мне свою глубокую признательность и наградил меня Большим крестом ордена Марии Терезии, кроме того, произведя меня в герцоги... Должен также отметить, что впоследствии я никогда не носил этой награды и не пользовался герцогским титулом. Жест Его Величества, тем не менее, лучше всяких слов говорит о том, что он был уверен в моей доброй воле и что мое поведение было обусловлено осознанием моей ответственности и долга»[3]. Читая эти строки, трудно избавиться от ощущения, что старый адмирал (Хорти писал мемуары в 50-е гг., живя в португальском изгнании) пытался оправдаться перед собой, общественностью и перед давно умершим соперником-

[1] Речь шла о данном Хорти обещании в течение трех недель подготовить условия для передачи власти королю.

[2] Цит. по: *Freiherr von Werkmann K.* Aus Kaiser Karls Nachlass. München, 1925. S. 54–56.

[3] Admiral Nicholas Horthy, Regent of Hungary. Memoirs. London, 1956. P. 120.

королем за собственное не слишком красивое поведение. В то же время, учитывая тогдашнюю ситуацию в Венгрии и вокруг нее, нельзя не признать, что в отказе Хорти вернуть власть Карлу IV была своя логика. Судя по всему, человеческая правда в тот момент была на стороне короля, политическая же — на стороне регента.

Разочаровавшись в Хорти, Карл несколько месяцев спустя, в октябре 1921 г., предпринял новую попытку вернуть себе венгерский престол. Это был первый и последний раз, когда в борьбе за власть он прибегнул к военной силе. Прибыв в Венгрию в сопровождении беременной супруги на аэроплане, который едва не потерпел аварию над Германией (авантюристический дух был еще более характерен для второй попытки реставрации, чем для первой), Карл выступил на Будапешт во главе нескольких воинских частей, давших ему присягу. Поначалу ситуация складывалась благоприятно для короля: его войска, почти не встречая сопротивления, подошли к окраинам столицы. Однако регенту Хорти удалось мобилизовать часть армейских подразделений и вооруженное ополчение — в том числе и благодаря намеренно распространяемым слухам, что на Будапешт якобы наступают чехословацкие войска. Роковую роль сыграл и генерал Хегедюш, который был поставлен Карлом во главе верных ему войск, но в решающий момент перешел на сторону хортистов. Самому Карлу не хватило решимости для проведения боевой операции, в которой у легитимистов были шансы на успех: вновь не желая излишнего кровопролития, король согласился на переговоры и попал в ловушку. Хортисты нарушили заключенное перемирие и перешли в контратаку. Карл отдал приказ прекратить сопротивление. Вторая и последняя попытка реставрации закончилась крахом.

Западные лидеры, не исключая и А. Бриана, немедленно отмежевались от Карла и выразили поддержку М. Хорти. Оценивая причины поражения последнего Габсбурга в 1921 г., трудно не согласиться с выводами А. Стыкалина: «Реставрация некогда могущественной династии на венгерском престоле не устраивала державы-победительницы, привыкшие видеть в Габсбургах надежных союзников Германии... Опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор сторонникам Карла... Вскоре Национальное собрание приняло акт, лишивший дом Габсбургов прав на венгерский престол»[1]. Впрочем, даже в случае победы шансы Карла сохранить за собой трон, очевидно, были не слишком велики: очень уж негативной могла быть реакция на реставрацию Габсбургов со стороны соседей Венгрии, держав «малой Антанты»[2], а равно и стоявшей за ними Антанты «большой».

[1] *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор и идеи возрождения Венгрии. В сб.: Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 65.

[2] Чехословакия, Югославия, Румыния.

По решению западных держав Карл Габсбург и его семья были отправлены на португальский остров Мадейра. Низложенный император с супругой прибыли туда 19 ноября 1921 г.. Вскоре к ним присоединились их дети, доставленные из Швейцарии. Здоровье Карла, от природы не слишком крепкое, было к тому времени подорвано лишениями и стрессами последних лет. К тому же многочисленное семейство, страдавшее от недостатка средств (Антанта и не подумала позаботиться о своих пленниках), поселилось в крайне неудобной вилле, которая была предоставлена Карлу одним из местных жителей и находилась на высоте нескольких сот метров над уровнем моря. Летом там было приятно, но в холодное время года обитатели дома страдали от холода и сырости. Графиня Меннсдорф, входившая в немногочисленную свиту низложенного монарха и его супруги, писала: «Если бы только найти кого-то, кто имел бы достаточное влияние у Антанты, дабы императору дали возможность нанять нормальную виллу... Я в отчаянии... Не могу допустить, чтобы эти невинные люди долго жили в настолько неподходящих условиях. Нужно протестовать... На стенах нашей домашней часовни то и дело образуется плесень. В комнатах вообще нельзя было бы находиться, если бы все время не топились камины. Мы все, конечно, пытаемся как-то справиться с трудностями, но временами приходим в отчание. Только терпение, с которым император и императрица все это переносят, придает энергии и воли...»[1].

9 марта 1922 г. Карл отправился пешком в город Фуншал, чтобы купить игрушки для одного из сыновей — Карла Людвига, которому на следующий день исполнялось 4 года. Было тепло, и император не стал надевать плащ. Однако на обратном пути погода испортилась, и Карл сильно простудился. 21 марта лечивший его доктор Монтейро обнаружил симптомы воспаления легких. Поскольку Карл страдал врожденным пороком сердца, положение было особенно опасным. Состояние больного быстро ухудшалось. Методы лечения, применявшиеся в те годы, до начала массового применения антибиотиков, скорее приносили больному дополнительные мучения, нежели помогали. Как отмечается в записках графини Меннсдорф, 27 марта Карл принял последнее причастие. При этом он произнес: «Прощаю всех своих врагов, всех, кто когда-либо нанес мне оскорбление и всех, чьи действия так или иначе были направлены против меня». Затем велел позвать старшего сына, кронпринца Отто: «Бедный мальчик, лучше бы ему этого не видеть. Но нужно его позвать: он должен знать, как следует вести себя в такой ситуации католику и императору»[2]. После этого состояние больного вновь ухудшилось.

[1] Цит. по: *Zessner-Spitzenberg H. K.* Kaiser Karl. Salzburg, 1953. S. 268.
[2] Ibid. S. 275–276.

В бреду он узнавал только жену и несколько раз произнес, обращаясь к ней: «Почему нас не пускают домой? Я хочу уехать с тобой домой...». По воспоминаниям Зиты, в последние часы перед смертью Карл вновь пришел в себя и долго молился, прося Бога не оставить в беде его супругу и детей. Последний ребенок, Елизавета, появится на свет уже после смерти отца, наступившей в 12 часов 23 минуты 1 апреля 1922 г. Карл I похоронен на Мадейре, в церкви Носса Сеньора ду Монте. Позднее в Капуцинской гробнице в Вене, месте захоронения большинства Габсбургов, начиная с императора Матиаса, умершего в 1619 г., был установлен его мраморный бюст.

Ровно через 6 лет после смерти Карла, в первый апрельский день 1928 г., в венской церкви св. Михаила была открыта мемориальная доска в честь последнего императора. На небольшой бронзовой табличке значатся слова: «Искал мира и нашел его в Боге». Вероятно, это лучшая эпитафия Карлу Последнему — человеку, который наверняка был бы весьма неплохим правителем в спокойные, мирные годы, но чьи лучшие качества — порядочность, набожность, искренность и миролюбие — оказались не востребованными эпохой, в которую ему довелось жить и править. Карл I не был выдающимся политиком в том смысле, в каком обычно принято трактовать политическое мастерство — в умении добиваться реализации своих интересов даже в весьма затруднительных обстоятельствах. Карл олицетворяет другой, все реже встречающийся тип государственного деятеля — такого, который, по словам его сына Отто фон Габсбурга, «воспринимает свои политические задачи как миссию» и испытывает «чувство ответственности перед Богом»[1]. Это чувство было для последнего монарха Австро-Венгрии источником духовной силы и позволяло ему до конца бороться за идею европейского единства и мира — идею, в значительной мере реализованную сейчас, спустя много десятилетий после смерти Карла I.

Т. Краус

ЛЕНИН И ЕВРЕИ

Одно из направлений компрометирующей Ленина кампании, начатой различными политическими течениями, от либерального до крайне правого, связано с вопросом *происхождения* основателя советского государства[2]. Предлогом для этого послужило то, что на основании наконец-то опубликованных архивных документов стало совершенно ясно, что один

[1] Demmerleová. S. 259.

[2] Эта статья является одной из глав подготавливаемой мной книги.

из дедов Ленина был евреем[1]. Здесь играет роль то обстоятельство, что в сталинскую эпоху по различным «тактическим» причинам тема «Ленин и евреи» была «табуирована» и не стала предметом легального изучения даже после смерти Сталина. Погромы 1918–20-х гг. и усиление антисемитских настроений в Советском Союзе в начале 1920-х гг., подталкивали Сталина к «замалчиванию» этой проблематики. В противовес Крупской и другим Сталин нашел «решение» не в публичном обсуждении, а в «заглушении» упомянутой темы. В итоге получилось так, что историки, изучавшие родословную Ленина, а также члены его семьи в течение десятилетий пользовались словом «врач» для определения национальности А. Д. Бланка, деда Ленина по материнской линии. Значение этого вопроса хорошо иллюстрируется тем, что, по имеющимся в нашем распоряжении данным, Ленин, вероятно, не знал о том, что один из его дедов был евреем, больше того, не слишком хорошо знал свое генеалогическое древо и не проявлял к этой теме никакого интереса. В научной литературе скорее подчеркивается то, что на жизнь семьи в большей степени повлияли не еврейские, а немецкие корни матери Ленина[2].

Из всего того, что «замалчивалось» в советскую эпоху, современные антисемиты пытаются извлечь аргументы для дискредитации Ленина как «еврея», в то время как либеральные историки, наоборот, обвиняют Ленина в «бесчуственности» по отношению к еврейскому вопросу, будто бы он «объективно» содействовал усилению антисемитизма. С другой стороны, происхождение Ленина считается в либеральной историографии важным вопросом именно в интересах борьбы против антисемитских предрассудков[3]. Однако беспристрастное исследование исторических фактов заставляет историка сделать вывод, что Ленина, политика-революционера, который не был исследователем еврейского вопроса, время от времени интересовала эта проблематика, например, с точки зрения проблем развития еврейского рабочего движения и его отношения к РСДРП, погромов как нового явления «функционирования» самодержавия и вопросов борьбы с этим явлением, роли евреев в революции и борьбы с антисемитизмом в первые годы гражданской войны и советской эпохи. Среди его первых друзей и соратников, в редакции «Искры»

[1] Быть может, самая основательная работа о родословной Ленина: *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., ВИРД, 1997.

[2] *Сервис Р.* Ленин. Минск, 2002. С. 42. Ссылаясь на архивные рукописные воспоминания Анны Ильиничны, он пишет, что в конце 1890-х гг., находясь в ссылке, Ленин мог узнать от своей сестры, что один из его дедов был еврейского происхождения.

[3] Уже цитированный петербургский историк, ссылаясь на юнгово «коллективное бессознательное», считает проблему происхождения важным социально-психологическим фактором. Ср.: *Штейн М. Г.* Указ. соч. С. 6.

было много евреев или революционеров еврейского происхождения: Мартов и Троцкий, Каменев и Зиновьев, партийные борцы-нелегалы, Таратута и Розалия Землячка, Свердлов и Урицкий, Литвинов, Ярославский[1]. Хотя в партии большевиков было меньше революционеров-евреев, чем среди меньшевиков, Ленин имел возможность достаточно хорошо изучить способности и привычки еврейских революционных интеллигентов, их «душевные особенности», если таковые имелись, словом, их образ жизни.

Хотя Ленин и не вел самостоятельных исследований по «еврейской тематике», из его многочисленных высказываний вырисовываются контуры связной, хотя и подверженной внутренним изменениям и уточнениям теоретической и политической позиции. Как выясняется из его ранних работ, он уже в молодости познакомился с посвященной евреям интеллигентской литературой и данными официальной статистики. Статистические ежегодники стали важными источниками его исследований уже с 1890-х гг. Прежде всего он, конечно, знал данные переписи населения 1897 г., которые указали на некоторые важные особенности развития российского еврейства. Он получил широкую информацию по этому вопросу в результате систематического изучения ведущих журналов того времени, не говоря о его знакомстве с наиболее значительными марксистскими трудами по еврейскому вопросу, с работами Каутского (хотя статья Маркса о еврейском вопросе и была частью российского социал-демократического дискурса, Ленин не откликнулся на нее, не проявил к ней интереса, зато ее высоко ценил Луначарский)[2]. Несмотря на свои симпатии к евреям, он совершенно не интересовался еврейской философской и религиозно-мессианской традицией, не занимался и ее специфическими марксистскими тенденциями[3].

Одной из составных частей «еврейского вопроса» как исторической, политической и теоретической проблемы была та особенность, что в России еврейство было единственным многочисленным народом, кото-

[1] Б. Пинкус отметил, что абсолютное большинство революционеров-евреев, присоединившихся к партии большевиков, составляли интелиигенты, пролетарское происхождение имел лишь Лазарь Каганович, который в 1917 г. был еще незначительной фигурой. Все они нашли в централизованной партии интернационалистское сообщество, которое в полной мере приняло их в свои ряды. См.: *Pinkus B.* The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. P. 77–79.

[2] *Nedava J.* Trotsky and the Jews. Philadelphia, The Jewish Publication Society of America, 1971. P. 69.

[3] См. интересную статью о сочетании еврейского мессианизма и революционного мышления: *Löwy M.* Zsidó messianizmus és anarchista utópiák Közép-Európában (1905–1923) // Zsidókérdés Kelet-és Közép-Európában. Budapest, ELTE ÁJTK, 1985. P. 213–244.

рый мог считаться т. н. экстерриториальной национальностью[1]. На рубеже столетий половина 10–11 милионного еврейства жила в царской империи, подавляющее большинство — в т. н. черте оседлости на западной окраине империи благодаря антисемитскому законодательству, многочисленным предписаниям государственного антисемитизма и сотням законодательных ограничений[2]. Согласно переписи населения 1897 г., около двух миллионов, почти 40% из 5 215 805 евреев работали в сфере торговли, а примерно 35,5% — в промышленности. 6,61% евреев работали домашней прислугой, 3,35% — в сельском хозяйстве, 5,22% состояли на государственной и общественной службе (в сфере торговли было занято 1,7% русских и 2,5% поляков). Евреи составляли абсолютное большинство населения в некоторых губернских городах, в сравнении с социальным составом других национальностей структура российского еврейства отличалось ярко выраженным «буржуазным» характером, что уже само по себе было чревато столкновением с традиционными социальными и политическими структурами[3].

Ленина сильно занимал тот факт, что накануне мировой войны, в 1914 г. около трети (600 тыс. чел.) экономически активного еврейского населения принадлежало к пролетариату[4]. В Петербурге, среди почти двухмиллионного населения проживало 35 127 евреев, многие из которых вступили на путь ассимиляции, ведь для 16 000 из них родным языком был русский, что, конечно, не обязательно свидетельствовало об отказе от иддиша, но могло быть признаком этого явления. По данным 1900 г., 47,8% петербургских евреев были рабочими, 8,8% — служащими, а 35,2% — самостоятельными «хозяевами» (предпринимателями, купцами и т. д)[5].

---

[1] Этой тематикой я подробно занимался в ходе моих прежних исследований: Krausz T. Bolsevizmus és nemzeti kérdés. Adalékok a nemzeti kérdés bolsevik felfogásának történetéhez 1917–1922. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1989. P. 49–80.

[2] Первая обобщающая работа в обширной литературе: Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. 1.2. Ленинград, 1925–26. (Репринт, Москва-Иерусалим, 1993). О литературе см.: *Кельнер В.* Русская интеллигенция и «еврейский вопрос» в начале XX века. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2004. № 4–5; *Kiler J.* Imperial Russia's Jewish question, 1855–1881. Cambridge, 1995.

[3] На венгерском языке об этом см.: Sz. Bíró Z. Az orosz elhivatottság és a zsidók. In: Zsidók Oroszországban 1900–1929. Felelős szerk.: Krausz T. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, MTA Judaisztikai Kutatócsoport, 1995. P. 9–26.

[4] *Трайнин И. П.* СССР и национальная проблема. По национальным республикам и областям Советского Союза. Москва, 1924. С. 5–6; *Будницкий О. В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва, 2005. С. 30–33.

[5] *Трйнин И. П.* Указ. соч. С. 5; Народное хозяйство СССР, 1972; *Червякова М. М.* Политическое банкротство Бунда после победы социалистической революции // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917–1922 гг. II. Мо-

С еврейской проблематикой Ленин столкнулся относительно рано, в начале своей политической карьеры. В сентябре 1903 г. в кругу редакторов «Искры» Плеханов вспылил из-за Бунда и «еврейского шовинизма», настаивая на удалении бундовцев из РСДРП. Ленин тоже выступавший против «сепаратизма» Бунда, решительно отверг «нетерпимость» Плеханова и его грубый и с организационной точки зрения бесплодный подход к этому вопросу[1]. Ленин опубликовал статью о евреях в «Искре» в феврале 1903 г. В статье шла речь о борьбе с антисемитизмом и об условиях этой борьбы в связи со спором между екатеринославским комитетом партии и Бундом. Уже тогда он представлял себе эффективную борьбу с антисемитизмом только в сотрудничестве с русскими рабочими и отвергал сепаратитстскую позицию Бунда, считавшего себя единственным представителем еврейских рабочих[2]. Хотя, как представляется ныне, Ленин несколько недооценил значение тех групп русского рабочего класса, которые были заражены антисемитскими предрассудками, вряд ли можно найти убедительные аргументы против целесообразности совместной, национально неразделенной борьбы «еврейских» и «христианских» рабочих с антисемитизмом.

1 июня 1903 г. Ленин во второй раз выступил по данной тематике в «Искре» в связи с кишиневским погромом (6–7 апреля 1903 г.) Ленин подчеркивал «выдающуюся» роль определенных групп русской интеллигенции и членов правительства, чувствовал возникновение определенного сотрудничества, без которого погромы были бы невозможны. Уже «эпидемия погромов» 1881 г. поставила вопрос о своего рода совместной деятельности интеллигенции и властей по развертыванию погромов. Уже тогда важную роль играло «образованное общество», а именно часть интеллигенции, непосредственно взявшая на себя духовно-психологическую подготовку и оправдание погромов. «Кишинев» дал этому еще одно, однозначное доказательство. Видя в этих погромах признак «разложения самодержавия», разложение «государственного порядка, Ленин сформулировал тем самым положение, важное с точки зрения позднейшей истории погромов. В конечном итоге аналогичный признак он заметил и в развитии зубатовского полицейского социализма, который служил манипуляции рабочего движения в интересах властей путем использования средств тайной полиции. За кампанией антисемитских погромов Ленин увидел, что указанные силы «вполне сознательно,

сква, 1977. С. 151; *Юхнева Н. В.* Евреи Петербурга: историко-этнографические исследования. Ленинград, 1989. Изложение книги Юхневой на венгерском языке: Bebesi Gy. A pétervári zsidók // Zsidók Oroszországban. P. 32.

[1] Этот эпизод приводится в кн.: *Nedava J.* Trotsky and the Jews. P. 51.

[2] *Ленин В. И.* Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату? // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 7. С. 117–122.

с хладнокровным расчетом, разжигают племенную и религиозную борьбу для того, чтобы отвлечь народные массы от социального и политического протеста, на путь которого они уже начали вступать».

Ленин понял, что министр внутренних дел Плеве и руководство полиции и армии сознательно опирались на кишиневский и вспыхнувшие позже другие погромы, делая ставку на «инстинкты» массы в борьбе с революционным движением. Стремясь найти противовес этим устремлениям властей, Ленин подчеркивал, что в противостоянии антисемитскому, погромному самодержавию еврейские рабочие не выиграют от организационного обособления Бунда от РСДРП. В еще меньшей степени показывает правильную перспективу сионизм, который отвлекает евреев от революционной борьбы во имя утопических устремлений[1]. Сионизм отвлекает от социал-демократии «довольно культурные силы еврейского пролетариата». Однако, по мнению Ленина, антисемитские выступления, «мобилизация реакционных сил содействует мобилизации сил реакции». С этой достаточно механистической точкой зрения перекликается преувеличенное утверждение Ленина, согласно которому «сионистское движение непосредственно гораздо более грозит развитию классовой организации пролетариата, чем антисемитизм, и, так как для нас, социал-демократов, не существует "избранных" и "неизбранных" народов, то мы никак не можем отказаться от задачи борьбы с "предрассудками еврейской массы." Бунд, по-видимому, хотел бы, чтобы эта задача была признана его специальной монополией». По мнению Ленина, борьба с антисемитизмом и погромами будет успешной только в том случае, если на защиту «панически настроенных» евреев активно выступят «русские пролетарии»[2]. Ленин видел своего рода конкуренцию между своей партией и политическими силами, заинтересованными в существовании обособленной организации евреев, прежде всего Бундом[3]. За

[1] *Ленин В. И.* Мобилизация реакционных сил и наши задачи // Ленин Н. О еврейском вопросе в России. Предисл.: П. Лепешинский; Введение: С. Диманштейн. Запорожье, Коммунар, Кооп. издат. «Пролетарий», 1924. С. 27–37. «Организация реакционных лавочников, приказчиков и темных босяков под флагом,на котором написано "бей жидов!", является естественным дополнением к той организации темных рабочих, которою, с легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и "националисты" из общества. Боевые дружины для избиения евреев превращаются за пределами черты оседлости в отряды мясников и извозчиков для избиения "студентов" и рабочих-демонстрантов, как это было Саратове 5 мая 1902 г. и в Томске 19 февраля 1903 г.». Там же. С. 30.

[2] Там же. С. 32–36.

[3] Социальная основа сильной организованности Бунда определялась прежде всего тем фактом, что еврейский пролетариат с самого начала учился классовой борьбе в многонациональных российских городах. Чисто еврейских городов никогда не существовало. По данным, характеризующим период после победы революции, на Украине советские граждане еврейской национальности состав-

организационной конкуренцией опять-таки стояла реальная проблема: защитит ли русский пролетарий евреев? Знаток этого вопроса, руководитель еврейской секции большевистской партии С. Диманштейн верно заметил, что русское рабочее движение сильно страдало от нехватки кадров, и Ленин вступил в борьбу с Бундом также и с целью привлечь на свою сторону интернационалистски настроенных бундовцев[1].

В третий раз Ленин «столкнулся» с еврейской проблематикой во время проведения II съезда (летом 1903 г.), когда была выдвинута цель основания единой и централизованной социал-демократической партии, независимой от национальной принадлежности ее членов. В противовес этому Всеобщий еврейский рабочий союз России, Польши и Литвы, Бунд, представлял идею создания РСДРП как федеративной партийной организации, стоящей на почве национальной автономии. Принципиальной основу такого представления составляло то, что в России евреи были «национальностью» (как это уже раньше было сформулировано на IV съезде Бунда), и только Бунд может с полным правом представлять еврейский пролетариат. После продолжительной и страстной дискуссии большинство созванного летом 1903 г. II съезда, включавшее Плеханова, Ленина и Мартова, отвергло сепаратизм бундовцев[2], не оказавшись, однако, достаточно восприимчивым к своеобразию положения евреев в империи (в основу аргументации большинства были поставлены иные, считавшиеся более важными проблемы). Ленин, превзойдя на съезде и без того характерный для него страстный стиль ведения спора, подчеркнул, что «большинство поступило правильно, поставив вопрос о положении Бунда в партии на первое место», поскольку бундовцы, предлагавшие сделать *федерацию* основой организционного строения партии, по мнению Ленина, намечали перспективу разложения партии, ее дробления по национальному признаку. Ленин ни в коем случае не собирался отказываться от тезиса «теснейшего единства». Организационное единство казалось более важным, чем свобода национального обособления, поэтому в сформулированном Лениным постановлении съезда говорилось о том, что существующее положение однозначно «выходу Бунда из РСДРП»[3]. То, что

ляли 22,7% населения, а в Белоруссии этот показатель равнялся 40,2%. Ср.: *Зингер Л.* Дос бенайте фолк. М., 1941.

[1] См. введение С. Диманштейна к брошюре: Ленин Н. О еврейском вопросе в России. С. 11.

[2] О партийной дискуссии по этому вопросу см.: Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. Москва, 1959. С. 51, 60–107.

[3] Там же. С. 89–90; Ленин В. И. ПСС. Т. 7. М., 1972. С. 300. На съезде была отклонена предложенная Бундом формулировка (§ 2 устава Бунда), которая звучала следующим образом: «Бунд есть социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности какими-либо районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в партию в качестве его единственного представителя». Там же. С. 501.

казалось однозначным по логике революционной партии, представлялось Бунду двусмысленным с точки зрения предполагаемых особых интересов еврейства, особенно еврейского пролетариата.

Не следует забывать, что в период распространения погромов сложилось исключительное положение,на что было очень ясно указано в одном из документов одесской организации Бунда в апреле 1903 г.[1] Суть этого документа в том, что еврейство является наиболее преследуемым народом в России, против которого ведется погромная кампания, ответственность за которую лежит, между прочим, и на правительстве. Губернатор, окруженный военными и полицейскими отрядами, провел два дня вдали от событий в полном бездействии. Заместитель начальника полиции за день до погрома цинично говорил в клубе о том, что готовится хорошая шутка. Лицемерный иерарх не пожелал приказать священникам, чтобы они уговаривали народ воздержаться от нарушения порядка. Говорят, он был убежден, что евреи используют христианскую кровь для своих жертвоприношений[2]. Ленин придерживался ясной и последовательной позиции, однако в данной конкретной ситуации, несмотря на то, что во многих случаях «русские пролетарии» «спешили» на защиту евреев, они не смогли предотвратить погромы, к тому же «темные и невежественные» рабочие в немалом количестве присоединялись к погромщикам в надежде на поживу.

В то время как на II съезде РСДРП в Брюсселе обсуждался вопрос объединения с Бундом, погромы вспыхивали в новых местах. После завершения съезда в Лондоне Ленин, знакомый с уроками погромов, посвятил отдельную статью проблемам отношения Бунда к СРДРП и положения евреев в России. Обобщая опыт дискуссии с Бундом, он изложил и свою теоретическую позицию по «еврейскому вопросу»[3]. Его концепция опиралась на современную ему, главным образом марксистскую литературу, на работы немецких, французских и австрийских авторов, но при этом он, несмотря на жизнь в эмиграции, был знаком и с отношением русской интеллигенции и властей к российским евреям. Несмотря на то, что исходные посылки рассуждений Ленина неизменно лежали в области рабочего движения (в основном р[illegible] шла об отношении к Бунду) и политики, в процессе изложения своих мыслей он старался выявить и теоретическую основу своей точки зрения.

Главным образом его заставила задуматься та тенденция аргументации Бунда, которая «состоит в аппеляции к идее еврейской нации». Ссы-

[1] Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России. Bund Archives, New York. На венгерском языке: Zsidók Oroszországban. P. 65–67.

[2] Там же. P. 66.

[3] Положение Бунда в партии // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 8. М., 1972. С. 65–76. (Впервые статья была опубликована в «Искре» от 22 октября 1903 г.).

лаясь на авторитет Каутского, Ленин практически отождествлял политические последствия еврейского сепаратизма с антисемитскими устремлениями властей и крайних правых, поскольку и те и другие приводят к одинаковому результату, отрицают ассимиляцию еврейства: «К сожалению только, эта сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности. "Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории," — говорит один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 "Искры" и отдельный оттиск из него: "Кишиневская резня и еврейский вопрос", стр. 3).... Бундовцам остается разве только разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости.... Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются против ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность? Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность?... Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение "гетто"»[1]. Ассимиляция — «это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности»[2].

Смотря на это глазами современного человека, живущего спустя шестьдесят лет после холокоста, можно сказать, что Ленин и, конечно, Каутский явно преувеличили готовность и способность российского (и европейского) общества «принять» евреев. Однако исторический подход к вопросу все же подводит к выводу, что в свое время позиция Каутского и Ленина в наибольшей степени воплощала главное направление «решения» проблемы, что проявилось в дальнейшей истории революций, когда после буржуазно-демократического зигзага 1917 г. Бунд под непосредственным влиянием погромов по существу присоединился к коммунистической партии[3].

[1] Там же. С. 72–74.

[2] Там же. С. 75.

[3] Согласно конечному выводу Ленина, «ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того, чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию». Там же. С. 76.

В противоположность Ленину «отец русского марксизма», Плеханов продумал сионистскую перспективу и в качестве реальной альтернативы. Ему казалось, что такая перспектива была бы хуже возможности европейской ассимиляции евреев. Сравнив возможность создания еврейского государства с возникновением Либерии, он указал на то, что оно не решило проблем негров, живущих в Северной Америке. В интервью, данном в октябре 1905 г. руководителю российских сионистов Владимиру Жаботинскому («Хроника еврейской жизни»), Плеханов высказал следующее мнение по поводу еврейского государства в Палестине: «Что касается меня, то я не верю в сионизм, но не потому, что он неосуществим. Я не верю в сионизм как в средство спасения еврейских масс. Предположим, что в Палестине уже есть еврейское государство с двухтрехмилионным населением. Такое государство не смогло бы принять все еврейские мыссы в целом. Оно также было бы неспособно защитить еврейский народ от антисемитизма.... Полное решение еврейского вопроса невозможно в условиях существующей социальной системы.... Я уже много раз обращал внимание бундовцев на то, что они — сионисты, боящиеся морской болезни»[1].

В работах Ленина, написанных во время революции 1905 г., разрастающийся антисемитизм и погромы были показаны как ряд событий, процесс, организуемый сверху. По мнению Ленина, царское правительство и царские официальные органы пытались замаскировать свое участие в погромах с целью представить их естественным взрывом народного гнева, направленного против «еврейских бунтовщиков», «еврейских революционеров». Ленин считал погром одной из составных частей, органическим атрибутом «техники» управления контрреволюцией. В статье, написанной буквально на другой день после начала революции, в феврале 1905 г., он поставил «разжигание национальной вражды» и организацию черных сотен в связь с ослаблением полицейской власти. «Ослабели пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную расовую вражду, надо организовывать "черные сотни" из наименее развитых слоев городской (а затем, разумеется, и сельской) мелкой буржуазии, надо пытаться сплотить на защиту трона все реакционные элементы в самом населении, надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народы. Именно так поступает теперь правительство, натравливая татар на армян в Баку, пытаясь вызвать новые еврейские погромы, организуя черные сотни против земцев, студентов и крамольных гимназистов.... Мы знаем, что на разжигании расовой вражды правительство уже не выедет теперь, когда рабочие стали организовывать вооруженный отпор погромщикам...»[2].

[1] *Nedava J.* Trotsky and the Jews. P. 194, 272.
[2] *Ленин. Н.* Указ. соч. С. 42.

В февральской статье 1905 г., написанной еще в швейцарской эмиграции (и по неизвестным причинам не опубликованной в полном собрании сочинений) Ленин писал не только о «разжигании расовой вражды», но и о ее сознательно спланированной форме, конечной целью которой была организация гражданской войны, то есть подавление революции. В свою очередь, Ленин считал, что именно гражданская война предотвратит победу контрреволюции и приведет к власти, находящейся в руках кучки привилегированных тунеядцев, многомиллионные массы угнетенных, которые положат конец всякому угнетению, в том числе и национально-расовому. Ленин удивительно рано почувствовал значение «еврейского вопроса» в борьбе между революцией и контрреволюцией. Для Ленина имели важность все случаи, когда рабочие сами выступали против погромщиков, поскольку в боевых отрядах черносотенцев[1] было много рабочих, которые как правило представляли не организованный пролетариат крупной промышленности, но были составной частью организованного базиса контрреволюции. В августе 1905 г. Ленин писал о соглашении большевиков с Бундом и меньшевиками в борьбе против погромов: «...на время горячих событий... произошло соглашение у большевиков и с меньшевиками и с Бундом. "Общие сборы денег на вооружение, общий план действий и т. д."»[2]. В то же время, не только Ленин, но и остальные российские марксисты хорошо знали, что во многих места, в том числе и в центре России, между черными сотнями и «отсталыми», привязанными к земле и своим деревням, неграмотными слоями пролетариата возникла органичная связь, что учитывалось принадлежащими к социал-демократии рабочими при разработке различных форм революционной борьбы[3].

Тема организованной сверху черносотенно-антисемитской контрреволюции встречается и в других работах Ленина. В статье, опубликованной 20 сентября 1905 г., он подчеркнул, что в пределах черты оседлости самодержавие и контрреволюция превратили еврейство в «революционную среду», именно еврейство поставляло «главные кадры» революционеров, что подтверждается и данными современных исторических ис-

[1] Взвешенный анализ истории черносотенства осуществил Дёрдь Бебеши: *Bebesi Gy.* A feketeszázak. Az orosz szélsöjobb kialakulása és története a századelön. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, 1999. Если Ленин слишком сближал черные сотни с самодержавием и правительством, то это вытекало из практических устремлений политика. Но все же такая связь, несомненно, существовала, хотя и, конечно, и не распространялась на множество мелких частностей.

[2] *Ленин В. И.* Черные сотни и организация восстания // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 11. М., 1972. С.189–193. («Пролетарий», 29 августа 1905 г.).

[3] *Омельянчук И. В.* Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история, 2004, № 2. С. 87–89.

следований[1]. Ленин уже в 1905 г. понял, что угнетенные массы евреев, именно в силу своих культурных и социальных «способностей», становятся опорой революции. Он, быть может, был первым, кто обратил внимание на то, что в рамках контрреволюции лозунг «бей евреев», то есть антисемитизм и погромы, смыкаются с враждебностью к социал-демократии, к левым силам. «Еврейство, — писал он, — несло семя социализма в более отсталую русскую рабочую массу. Этого было достаточно, чтобы слово "еврей" стало символом революции в глазах правительства.... За кишиневскими погромами шли десятки других еврейских погромов; борьба против революции перекинулась внутрь России»[2].

В конце ноября Ленин вернулся в Россию и смог вблизи наблюдать за событиями, однако он и тогда не изменил своего мнения, а лишь уточнял его или документировал на более обширных материалах. После подавления московского вооруженного восстания (в декабре 1905 г.) контрреволюция во всей России, в Белостоке, Луганске, Вологде и т. д., еще охотнее разыгрывала карту антисемитизма и погромов. Картина, вырисовывающаяся в работах Ленина, однозначна: погромы — организованное явление, которое стимулируется сверху, погромщики действуют под влиянием подстрекательств и подкупа. При оценке белостокского погрома Ленина опирался на телеграмму выборщика белостокских граждан: «Начался еврейский погром, *подготовленный заранее*.... Погром усердно агитировался уже две недели; по улицам, в особенности по вечерам, раздавались прокламации, призывающие к избиению не только евреев, но и интеллигенции; *полиция смотрела на это сквозь пальцы*»[3].

Комментируя давно знакомую картину, Ленин отметил, что «в правительственных типографиях печатаются воззвания об избиении евреев», «полиция бездействует в начале погрома». Более того: «Войска молча смотрят на подвиги черной сотни. А потом, — потом та же полиция продолжает комедию суда и следствия над погромщиками.... Подлое подстрекательство, подкуп и спаивание подонков нашей проклятой капиталистической "цивилизации", зверское избиение вооруженными безоружных...»[4]. Подавление революции привело к дальнейшему укоре-

[1] Эта тенденция выявилась уже в годы, предшествовавшие революции 1905 г. и подтверждается данными, согласно которым в 1901–1903 гг. среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 29,1% (2269 человек), а в 1905 г. евреи составляли 34% всех политических арестантов. Ср.: *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 53.

[2] *Ленин Н.* Указ. соч. С. 44–45. (Этой статьи Ленина по неизвестным причинам нет в полном собрании сочинений, в 11 том которого она должна была быть включена).

[3] *Ленин В. И.* Реакция начинает вооруженную борьбу // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 13. М., 1972. С. 199.

[4] Там же.

нению антисемитизма во все более широких слоях общества, особенно в черте оседлости и на соседних с ней территориях.

Сепаратизм или ассимиляция

«В годы реакции», т. е. в период от поражения революции до начала первой мировой войны, взгляды Ленина по данному вопросу практически не изменились, хотя использованная им аргументация подвергалась уточнениям в соответствии с повседневными политическими вопросами. Идеологически и теоретически он всегда решал данную проблему под знаком тезиса о «демократической и добровольной ассимиляции», хотя его ответы всегда вырастали из таких вопросов, которые скореее указывали на невозможность ассимиляции. Исходной точкой рассуждений Ленина было утверждение, что данном случае ориентиры дает развитие Запада с его буржуазно-демократическими структурами и традициями. «Средневековая» Россия и «сепаратистский» Бунд, которые, собственно говоря, предполагали существование друг друга, не поддавались рациональным и революционным аргументам Ленина, что в его понимании говорило не против, а как раз за революцию. Революционное «решение» данной проблемы может быть совершенно убедительно до тех пор, пока вспыхнувшая революция не оказалась в тисках всемирно-исторического воздействия, которое Ленин не сумел учесть в необходимой степени. Он подходил ко всемирной истории и России, в том числе и к «еврейскому вопросу», лишь с точки зрения революции и социализма. Хорошо зная экономическую и, отчасти, социальную историю современной ему России[1], он понимал, что социальный фон деятельности Бунда образовывали «объективно» изолированные еврейские рабочие с их мелкопроизводственными корнями и своеобразной психологией[2].

Организационно-политическая борьба Ленина против Бунда продолжалась в течение всего упомянутого периода за исключением короткого времени революции 1905 г. Во время революции сплочение между рабочими партиями непроизвольно возрастает, а после поражения берут верх разложение и распад. По существу это дало о себе знать и в связи с национальным вопросом. 8 мая 1913 г. Ленин в «Правде» обобщил ход этой борьбы таким образом: «Из истории марксизма в России известно

[1] Об этом см.: *Krausz T.* 1905 a lenini paradigmában — adalékok. Lenin kapitalizmus-elemzése és a forradalom // Eszmélet, 68. 2005. tél. 155–181.

[2] Это важное обстоятельство подчеркивал в 1924 г. и С. Диманштейн, издавший работы Ленина, касающиеся еврейского вопроса: «Недостаточное участие еврейских рабочих в крупном производстве, их близость к мещанской среде в мелком производстве и национальный гнет самодержавия сделали возможным господство Бунда среди еврейских рабочих "черты оседлости", тем паче, когда наша партия из-за языка (не зная идиша — *Т. К.*) не была приспособлена к еврейской работе». *Ленин Н.* Указ. соч. С. 13.

далее, что, когда Бунд в 1906 году снова вернулся в партию, партия ставила условием прекращение сепаратизма, т. е. объединение на местах рабочих-марксистов *всех и всяких* национальностей. Условие это *не было* выполнено бундовцами, несмотря на *специальное* подтверждение его особым решением партии в декабре 1908 года»[1]. Как известно, национальный сепаратизм в определенном смысле был «уязвимой точкой» всего восточноевропейского рабочего движения. Российские социал-демократы никогда не отрицали первичности организационных и политических целей рабочего движения, причем наиболее последовательным среди них был именно Ленин.

Борьба Ленина с национализмом не ограничивалась лишь бескомпромиссными выступлениями против великорусского шовинизма[2]. Неизменным требованием практической революционной деятельности оставалось независимое от национальной принадлежности политическое объединение угнетенного населения, необычайно пестрого по своему национальному составу. Ленин находил связь между самыми различными формами национализма[3]. Он видел «сходные» устремления в официальном национализме царского самодержавия и национальном сепаратизме еврейских организаций, прежде всего, конечно, Бунда. Как Бунд, так и официальная Россия выдвигали перспективу системы образования, разграниченной по религиозно-национальному признаку. В 1913 г. внимание Ленина сосредоточилось на подчеркивании различий в подходе к этой проблеме в России и Западной Европе. Западная Европа являлась для него своего рода примером, поскольку политическая жизнь в России характеризовалась применением «средневековых» средств[3]. Военные конфликты только углубили корни «этнического сепаратизма» в России и за ее пределами .

---

[1] *Ленин В. И.* Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 23. М., 1973. С. 123.

[2] В опубликованной в «Правде» от 21 мая 1913 г. статье, полемизирующей в том числе и с Бундом, Ленин писал: «Политика правительства вся пропитана духом национализма. "Господствующий". Т. е. великорусской национальности стараются предоставлять всяческие привилегии, — хотя великороссов в России *меньшинство* населения, именно: только 43%. Все остальные нации, населяющие Россию, стараются все более урезать в правах, обособить одну от другой и разжечь вражду между ними». *Ленин В. И.* Национализация еврейской школы // Ленин В. И. ПСС. Т. 23. М., 1973. С. 375.

[3] В августе 1913 г. в польской деревушке Поронино большевики под руководством Ленина организовали партийную конференцию по национальному вопросу. В принятом постановлении в соответствии с политикой «национально неограниченного классового единства» подчеркивалась «реакционность» разделения школьного образования по национальностям. См.: Az SZKP kongresszusainak, konferenciáinak és KB plénumainak határozatai. I. rész. Budapest, 1954. P. 363.

[4] «Крайнее проявление современного национализма, — писал Ленин, — это — проект национализации еврейской школы. В чем же состоит эта на-

В начале 1910-х гг. уже по всей Европе умножились признаки приближающейся мировой войны. Далекими казались русско-японская война, опыт тяжелого поражения; в «сердцах народов» пылало чувство национальной гордости и величия, источниками которого были великодержавные амбиции, экономические устремления и империализм, о котором Ленин так много писал в это время. В такой «атмосфере» одна из политических тенденций сохранения «средневековых» элементов развития выражалась в усилении «черной сотни» популистских крайне правых сил[1], которые представляли собой смесь современных и архаичных черт развития. Это явление указывало на то, что «антисемитизм пускает все более глубокие корни в низших слоях», и этот процесс направлялся сверху, о чем свидетельствовал киевское дело Бейлиса, которое в конце концов окончилось в 1913 г. оправдательным приговором[2].

Кажущаяся ригористичной позиция Ленина по вопросу национального сепаратизма основывалась на сделанном из анализа капиталисти-

---

ционализация? В том, что евреев хотят выделить в *особые* еврейские учебные заведения (средние). Во все же остальные учебные заведения, и частные, и правительственные, двери для евреев хотят закрыть совершенно. В довершение этого "гениального" плана предполагается ограничить число учащихся в еврейских гимназиях знаменитой "процентной нормой"! Во всех европейских странах подобные меры и законы против евреев существовали только в мрачную эпоху средних веков, инквизиции, сожжения еретиков и прочих прелестей. В Европе евреи давно получили полное равноправие и все больше сливаются с тем народом, среди которого они живут. Интересы рабочего класса — как и вообще интересы политической свободы — требуют, наоборот, самого полного равноправия всех без исключения национальностей данного государства и устранения всяческих перегородок между нациями... Пример передовых стран всего мира — хотя бы Швейцарии в Западной Европе или Финляндии в Восточной Европе — показывают нам, что только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей *без* искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям»; *Ленин В. И.* Национализация еврейской школы. С. 375–376. («Северная правда», 18 августа 1913 г.).

[1] «На востоке Европы есть страна, где до сих пор возможны дела вроде дела Бейлиса, где евреи осуждены гг. Пуришкевичами на положение хуже негров. В этой стране возник недавно в министерстве проект *национализации еврейской школы*. К счастью, эта реакционная утопия едва ли осуществится. В Австрии культурно-национальная автономия осталась в значительной степени литературной выдумкой, которую не взяли всерьез сами австрийские с.-д. Зато в России ее приняли в программу все буржуазные партии еврейства и несколько мещанских, оппортунистических элементов разных наций...» *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 24. М., 1973. С. 135.

[2] Царь считал «Протоколы сионских мудрецов» блестящей книгой, пока Столыпин не сообщил ему, что речь идет об обыкновенной подделке. Министр внутренних дел Макаров во время процесса поддерживал черносотенную партию «Союз российского народа». См. об этом: *Лакер У.* Черная сотня. М., 1994. С. 62–63; Bebesi Gy. A feketeszázak. См. также: *Лебедев С.* Русские идеи и русское дело. СПб., 2007.

ческих отношений выводе о том, что, международный капитал, всегда достигающий экономических соглашений в России и в других местах, в то же время на рынке рабочей силы и в повседневной жизни противопоставляет *труд* по национально-этническому признаку. «Остается, — писал Ленин в «Критических заметках», — та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»[1].

Ленин горячо нападал на скрывавшиеся за лозунгом «национальной культуры», устремленные в прошлое взгляды, проявившиеся в стремлении к еврейскому сепаратизму и разрушавшие революционный потенциал, заложенный в еврействе благодаря его социальному положению и культуре: «Но есть другие элементы в еврейской культуре и во всей истории еврейства. Из 10,5 миллионов евреев на всем свете немного более половины живет в Галиции и России, отсталых, полудиких странах, держащих евреев *насилием* в положении касты. Другая половина живет в цивилизованном мире, и там нет кастовой обособленности евреев.... Кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской "национальной культуры", тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого* и *кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа. Наоборот, те евреи-марксисты, которые сливаются в интернациональные марксистские организации с русскими, литовскими, украинскими и пр. рабочими, внося свою лепту (и по-русски и по-еврейски) в создание интернациональной культуры рабочего движения, те евреи — вопреки сепаратизму Бунда — продолжают лучшие традиции еврейства, борясь против лозунга "национальной культуры"»[2].

По той же логике для Ленина была неприемлемой и навеянная австромарксизмом, прежде всего Отто Бауэром, идея *культурно-национальной автономии*, которая, по мнению Ленина, прокладывала в рабочем движении путь к национализму[3]. Он считал, что в противовес точкам зрения, высказываемым в партийных образованиях, ему удастся найти более широкий круг союзников в тех слоях рабочего класса, которые осознают реакционные социально-политические и культурные последствия, скрывающиеся в сепаратизме.

Революционная перспектива в некоторых отношениях ослепила Ленина постольку, поскольку он считал пример «развитых, цивилизованных стран» пригодным для подражания. Упоминая Нью-Йорк в качестве

[1] *Ленин В. И.* Критические заметки. С. 125.

[2] Там же. С. 122–123.

[3] *Ленин В. И.* О «культурно-национальной» автономии // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 24. М., 1973. С. 174–178. («За правду», 28 ноября 1913 г.); *Ленин В. И.* О национальной программе РСДРП. Там же. С. 223–229.

примера объединения переселенцев из различных народов, которое может произойти в любом крупном городе и промышленном населенном пункте, он явно преувеличивал существующую тенденцию. Однако когда Ленин в своем знаменитом докладе о революции 1905 г., сделанном 9 (22) января в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи, говорил о России рубежа столетий, ему самому могла броситься в глаза именно неизменность позиции самодержавия по еврейскому вопросу, ухудшение положения дел в стране. Он обрисовал уже ранее упомянутую перспективу, согласно которой антисемитская, погромная политика царизма бросит значительные массы еврейства в объятия революционных левых сил: «ненависть царизма направилась в особенности против евреев. С одной стороны, евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистического течения по сравнению с другими народами.... С другой стороны, царизм умел отлично использовать гнуснейшие предрассудки самых невежественных слоев населения против евреев. Так возникли *погромы*, в большинстве случаев поддержанные полицией, если не руководимые ею непосредственно, — в 100 городах за это время насчитывается более 4000 убитых, более 10 000 изувеченных, — эти чудовищные избиения мирных евреев, их жен и детей, вызвавшие такое отвращение во всем цивилизованном мире. Я имею в виду, конечно, отвращение действительно демократических элементов цивилизованного мира, а такими являются *исключительно* социалистические рабочие, пролетарии»[1].

В 1917 г. вместе с войной, гражданской войной, революцией и контрреволюцией на сцене истории появились ранее неизвестные методы геноцида евреев, который к тому же приобрел невиданную до этого массовость[2]. Все это было связано с тем фактом, что «социалистических пролетариев» все же было мало. Бунтовщиков было гораздо больше.

От мировой войны до гражданской

Возглавив Совет Народных Комиссаров, Ленин буквально с первого дня после октябрьской революции был вынужден уделить серьезное внимание вопросам, связанным с евреями. Два обстоятельства пролили свет на эту проблему. С одной стороны, Ленин ясно понимал, что сама империалистическая война привела в действие массовый террор про-

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 30. М., 1973. С. 324.

[2] Причиной самого геноцида как такового в 1915 г. также стала первая мировая война. Известен факт, что в обстановке военных поражений турецкие войска и вооруженные банды уничтожили сотни тысяч, а по некоторым данным, полтора миллиона армян.

тив евреев, с другой стороны, сотни тысяч, а по некоторым данным, по крайней мере миллион евреев, выселенных или эвакуированных из-за военных действий или антисемитских предрассудков, были вынуждены работать в заводской промышленности, перемещенной с западных окраин вглубь России. Наряду с этим «из-за войны значительное количество еврейской средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен»[1]. В результате такого «распыления» «революционных кадров» не только усилилось преследование евреев и возрос антисемитизм, но и на самом деле продвинулась «подготовка» революционного лагеря.

Верховное командование поставило под подозрение все еврейское население. Пропаганда превратила евреев в козлов отпущения во всем, что касалось военных поражений и ухудшения условий жизни («предатели, шпионы, виновники повышения цен, спекулянты» и т. д.). Погромы всегда и везде вспыхивали для удовлетворения мстительности и грабительских инстинктов солдат, отступающих частей, казаков. Должны были пройти годы, чтобы гражданское население, прежде всего определенные группы крестьянства присоединились к этой вакханалии антисемитских убийств, которая лишь временно смягчилась в год революций, в 1917 г., чтобы затем с новой силой вспыхнуть в ходе гражданской войны, когда классовые противоречия обострились до крайнего предела[2].

Ленин и большевики уже с первых дней революции выступали против антисемитских эксцессов, которые, естественно, затрагивали и их собственный «лагерь». Антисемитские предрассудки не просто распространялись среди рабочих и крестьян, но распространялись быстро, часто принимая патологические формы под влиянием погромной агитации. II Всероссийский съезд Советов, состоявшийся на второй день после октябрьской революции, с 8 на 9 ноября, в «Постановлении о борьбе с контрреволюцией» предписал местным советам выступать против «"антиеврейских" и каких бы то ни было погромов», тем более, что Дума и

[1] См. цитированное вступление комиссара советского правительства по еврейским делам С. Диманштейна к сборнику работ Ленина о еврейском вопросе. *Ленин Н.* Указ соч. С. 17.

[2] См.: *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 286–287, 290. «Политика преследования евреев явилась не только результатом личного антисемитизма главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича и в особенности начальника его штаба генерала Н. Н. Янушкевича. Эта политика предусматривалась военной теорией; сведения о вредных и полезных элементах населения офицеры получали в военных училищах и академиях. Евреи очень подходили на роль виновников военных неудач и материальных неурядиц. В то же время они были совершенно беззащитны». См. еще: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 55. См. также: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. М., РОССПЭН, 2007.

Временное правительство оказались неспособны применить эффективные меры против этой «болезни».

Выражением соответствующей политики большевистского руководства было особое постановление Московского совета от 28 апреля 1918 г. «Об антисемитской погромной агитации в Москве и Московской области». Из-за «антисемитской погромной агитации и фактов антисемитских погромов» в некоторых городах Московской области советы должны были провести «специальные заседания, посвященные еврейскому вопросу и борьбе с антисемитизмом». В конкретных исторических условиях кампания против антисемитизма в то же время была направлена и на укрепление советской власти, поскольку, как подчеркивалось в постановлении, необходимо обратить особое внимание «на черносотенную антисемитскую агитацию духовенства, являющейся частью его «контрреволюционной деятельности». Строго соблюдая классовую точку зрения, совет считал излишним «создание особой боевой еврейской организации»[1].

Ленин в качестве председателя Совнаркома требовал радикальных мер в борьбе против антисемитизма, который глубоко проник в лагерь его сторонников, включая сюда, разумеется, и его солдатскую опору[2]. Под влиянием его усилий Совнарком 27 июля 1918 г. опубликовал свой знаменитый декрет, проект которого первоначально был внесен Свердловым. Ленин не только во многих местах проредактировал текст декрета, но и сделал «более радикальным» выступление советской власти против антисемитизма, предписав всем советам «пресекать в корне антисемитское движение». Документ ставил вне закона всех лиц и организации, ведущие погромную агитацию. Эти замечания Ленин особо написал на документе красными чернилами[3]. Опубликованный декрет в конце концов получил название «О пресечении в корне антисемитского движения». В нем говорилось о том, что контрреволюционные погромы как правило вспыхивают в прифронтовой полосе, таким образом, подчеркивался их «военный характер». Подписавшие декрет (кроме председателя Совнаркома Ленина его подписали Бонч-Бруевич и Горбунов) советские руководители указали на историческую тенденцию, выражавшуюся в своеобразном переплетении антисемитизма и контрреволюции.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Krausz T.* Bolsevizmus és nemzeti kérdés. P. 54–55.

[2] Ср.: *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 119. Первые погромы после октябрьской революции были осуществлены весной 1918 г. в Черниговской губернии формировавшимися, еще не знакомыми с дисциплиной и строгим военным порядком отрядами Красной армии, отступавшими с Украины под натиском германских войск. В г. Мглине командир одного из отрядов красных, крестьянин Зорин, услышав о первых ужасах погрома, застрелил на месте двух погромщиков, однако затем вынужден был спасаться бегством.

[3] *Луначарский А. В.* Об антисемитизме. М.-Л., 1929. С. 38; *Бонч-Бруевич В.* Об антисемитизме // Против антисемитизма. Л., 1930. С. 13.

Антисемитизм был для контрреволюции средством приобретения опоры в массах, что, согласно этому и другим документам, воплощалось в «антисемитской агитации черносотенного духовенства». «Еврейские буржуа враги нам не как евреи, а как буржуа. Еврейский рабочий нам брат.... Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудовой народ Социалистической России всеми средствами бороться с этим злом. Национальная вражда ослабляет наши революционные ряды, разъединяет единый, без различия национальностей, трудовой фронт и на руку лишь нашим врагам»[1].

В июле 1918 г. Совнарком выделил 100 000 рублей в помощь бездомным массам евреев, а в 1919 г. в результате погромов вынужден был снова оказать помощь части еврейского населения. В конце 1919 г. Ленин поставил задачу подготовить особый доклад для ЦК РКП о положении еврейских рабочих и трудящихся и о задачах советской власти в области работы среди евреев. Были рассмотрены причины и размеры враждебности по отношению к евреям, а также выдвинутые населением прогрессивные предложения по исправлению положения и учтены социальные силы, которые могли быть мобилизованы на борьбу с антисемитизмом[2]. Для большевиков стало неожиданностью переходящее в геноцид распространение погромов на Украине и в России в 1918–1920 гг. В относящейся к нашей теме части подготовленного документа подчеркивалось, что на Украине «погромная волна в конец испортила отношения между крестьянством и евреями и вообще отравила всю общественную жизнь края ядом антисемитизма»[3]. Большинство из сотен погромов были осуществлены Добровольческой армией генерала Деникина и украинскими бандами петлюровцев от имени Директории «Украинской народной республики» (по числу совершенных убийств последние далеко «превзошли» деникинцев). Рейды погромщиков привели к зверскому уничтожению многих десятков тысяч, а по некоторым данным, двухсот тысяч человек[4]. Антисемитизм и погромы были идеологической цементи-

[1] Политика советской власти по национальному вопросу за три года 1917–1920. Народный Комиссариат по делам национальностей. Москва. Государственное издательство, 1920. С. 31. Народным комиссаром по еврейским делам был назначен Семен Маркович Диманштейн, заместителем Илья Григорьевич Добковский, декрет подписали Ленин, Сталин и Бонч-Бруевич.

[2] *Krausz T.* Bolsevizmus és nemzeti kérdés. P. 54–55.

[3] Докладная записка Центрального бюро Еврейских коммунистических секций при ЦК РКП и Главного бюро Еврейских коммунистических секций при ЦК КПУ // Ленин Н. Указ. соч. С. 85–86.

[4] О. Будницкий на основании литературы и широкой базы источников приводит следующие цифры: в 1918–1920 гг. на Украине в 1300 населенных пунктах произошло свыше 1500 еврейских погромов. По разным оценкам, были убитыот 50–60 до 200 тыс. евреев. Около 50 тыс. женщин стали вдовами, около 300 тыс. детей остались сиротами. Были совершены много сотен страшнейших убийств

рующей силой белогвардейско-офицерской диктатуры, символизируемой именами Деникина или Колчака, и белогвардейской контрреволюции в целом. Сходным было и положение на петлюровской Украине, где свержение советской власти также предполагало привлечение иностранной, после поражения немцев в мировой войне прежде всего польской помощи для защиты «национальной независимости».

К традиционным определениям «злого еврея» — «христоубийцы», «предатели», «шпионы», «виновники повышения цен», «спекулянты» и т. д. — пропагандистский центр Добровольческой армии (Осваг) и его идеологические «переводчики» добавили фигуру «советского комиссара-коммуниста». В результате убийства «алчных евреев», кто бы их ни совершал — казаки или петлюровцы, всегда сопровождались массовыми грабежами, что получало моральное «оправдание» в белогвардейской агитации и пропаганде: «Бей жидов — спасай Россию».

Из массы документов и исследований однозначно выясняется, что белые, учитывая международную реакцию, старались «скрыть» сам факт погромов[1], в то время как большевики, как раз наоборот, с самого начала сообщали о погромной агитации и погромах, осуществленных Красной армией и предали это явление самой широкой гласности. Ленин и узкое большевистское руководство имели точные сведения о погромах, знали страшные факты, связанные с антисемитизмом; Диманштейн информирова о происходящем лично Ленина[2].

и изнасилованы тысячи женщин и девочек. Зверство пыток и убийств превзошло любую человеческую фантазию, только холокост может «соревноваться» с этими ужасами. См. об этом: Багровая книга, 1922. (С предисловием Горького). См. также: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. М., РОССПЭН, 2007.

[1] *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 69–70, 268–271, 344–346. Окружавшие Деникина кадетские политики и интеллигенты практически без возражений приняли к сведению, что его войска только на Украине совершили более 200 погромов. Либералы все подчиняли достижению военных побед, пожертвовав всей своей программой ради офицерской диктатуры, которую часто называли «национальной диктатурой». Больше того, в ноябре 1919 г. на харьковской конференции кадетской партии акцент в выступлениях многих участников было перенесен на «защиту русской национальности»: «Россия прежде всего для русских». Либеральная интеллигенция вновь вернулась к своим консервативным корням: национальности, православной вере и государству. На конференции в конце концов ограничились осуждением погромов, а не антисемитизма вообще, что указывало на то, что его причину многие искали в самих евреях. (Там же. С. 354–361). Необходимо учитывать, что политический антилиберализм Ленина и большевиков сложился именно на этой почве.

[2] «Мне, как комиссару по еврейским национальным делам, приходилось неоднократно беседовать с Лениным на еврейские темы в связи с погромами и разрушением хозяйственной жизни еврейского населения или ростом антисемитизма или использования еврейского общественного мнения за границей и т. п.». Ленин Н. Указ. соч. С. 16–17.

Реакция Ленина, Троцкого и других советских руководителей на погромы была решительной, опиравшейся на убеждения и обдуманной, но в то же время и гибкой, приспосабливавшейся к быстро изменявшейся ситуации и нацеленной на поиск оптимальных решений. Позиция Ленина и Троцкого в связи с национальным составом Красной Армии состояла в том, что Красную армию, как и партию, нецелесообразно организовывать на национальной основе, ведь интернационалистская революция не должна отравляться тем самым национализмом, который является идеологией, объединяющей белых. Деникин и Врангель охотно видели бы на месте большевистского режима своего рода «модернизованную монархию»[1]. Ленин, как и все большевики, постоянно подчеркивал, что белые находятся «на содержании» у Запада, опираются на его поддержку, что дискредитировало их «национальную» пропаганду. Ленин смог оставаться интернационалистом и при этом встать на «оборонческую позицию», на позицию, нового, социально обоснованного «государственного патриотизма» и защиты нового отечества, что позволило ему представить белых в качестве представителей «французского, английского и американского капитала»[2].

Следуя политическим и теоретическим соображениям Ленина, большевистские руководители стремились органически ввести вооруженную самооборону евреев в рамки Красной Армии. По декрету Совнаркома от 17 ноября 1918 г. был закрыт «Союз евреев-воинов», после чего произошло вхождение евреев в Красную армию. (Необходимо отметить, что этот «Союз» был создан еще при Временном правительстве, поэтому было бы ошибкой недооценивать существовавшее по отношению к нему политическое недоверие, неприятие и криминализацию буржуазного либерализма). Советская власть стесняла деятельность еврейских сепаратистских и национальных (сионистских) организаций явно буржуазного характера. После закрытия упомянутого «Союза» было ликвидировано «Центральное бюро еврейских общин», а его имущество было передано местным советам, тем самым был положен конец существованию параллельного советам властного центра, опиравшегося на национальные «корни». Как подчеркивалось в декрете, Бюро и еврейские общины «ведут вредную политику, направленную к затемнению классового самосознания еврейских рабочих масс», и, «беря на себя исполнение правительственных функций», осуществляют эту деятельность «в антипролетарском духе», поэтому эти организации решено «закрыть навсегда». Вытеснение еврейских буржуазных и сионистских организаций из поли-

[1] Историческую характеристику белых генеральских диктатур и устремлений их вождей см.: *Halász I.* A tábornokok diktatúrai — a diktatúrák tábornokai. Fehérgárdista rezsimek az oroszországi polgárháborúban 1917–1920. Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, 2005, главным образом: P. 109, 246.

[2] Подробнее см.: *Krausz T.* Bolsevizmus és nemzeti kérdés // Világosság, 1980, № 11. P. 681–688.

тической жизни компенсировалось оказанием социальной помощи массам бедных евреев, условия жизни которых ухудшились отчасти из-за экономической политики военного коммунизма[1]. На облегчение жизни евреев был нацелен целый ряд декретов и практических мер. Руководящую роль в этом играл Наркомнац, его Еврейский комиссариат и Еврейская секция большевистской партии, которую активно организовывало само Политбюро[2]. Власти не препятствовали легальной деятельности сионистских социалистических организаций (Поалей Цион), больше того, когда весной – летом 1919 г. советская власть оказалась на краю гибели, были приложены усилия для привлечения в Красную армию как можно большего количества евреев с пострадавших от погромов территорий. К весне 1919 г. в ЦК Бунда получили перевес силы, выступавшие за сосуществование с коммунистической партией[3]. Об этом намерении они сообщили телеграммой, направленной в апреле в Москву, и одновременно с этим ЦК Бунда мобилизовал членов своих организаций в возрасте от 18 до 25 лет в ряды Красной армии[4]. Подобные акции были особенно необходимы потому, что среди красноармейцев велась сильная антисемитская агитация в духе белогвардейско-черносотенной пропаганды.

Когда волна белогвардейских и петлюровских погромов достигла кульминации, изменилась как политика большевиков, так и еврейских, главным образом, сионистских рабочих организаций. Это в концентрированной форме продемонстрировал VII съезд советов (декабрь 1919 г.), на котором различные еврейские партии единодушно встали на сторону советской власти, но, в отличие от большевиков еврейской национальности, питали иллюзорные надежды на создание в будущем в Палестине еврейского социалистического государства, а с другой стороны — на реализацию т. н. экстерриториальных национальных прав[5]. Представитель Бунда А. И. Вайнштейн выступил от имени всего еврейского пролетариата и призвал к урегулированию политических разногласий в интересах

[1] Об этом подробно пишет *Г. В. Костырченко*. Указ. соч. С. 60–87.

[2] Постановление Наркомнаца об оказании помощи «Сетмассу». Жизнь национальностей, 1 августа 1920 г. и Политика советской власти. С. 34–35.

[3] Где были те времена, когда Бунд после февральской революции, как и раньше, поддерживал политику меньшевитского течения в РСДРП и в соответствии с этим настаивал на сотрудничестве с Временным правительством? Белогвардейская контрреволюция, погромы и преследования евреев поставили Бунд на сторону большевиков.

[4] Ср.: *Krausz T.* Bolsevizmus és nemzeti kérdés. P. 52–54.

[5] Этот вопрос был поднят и на II съезде Коминтерна, однако его участники отдельно не занимались внесенным еврейскими революционными организациями (Бундом, центральным бюро еврейских секций РКП и Поалей Цион) предложением о признании экстерриториальных национальных прав. *Kővágó L.* A Komintern és a nemzetiségi kérdés a 20-as években // Századok, 1981. P. 758; *Рафес М. Г.* Очерки еврейского движения. М., 1919.

защиты советской власти. По его словам, Бунд твердо стоит на позиции принципиального признания советской власти как единственной формы диктатуры пролетариата и трудящихся масс и призывает еврейский пролетариат по мере сил принять участие во фронтовой деятельности в составе Красной армии, а также с строительстве социализма в тылу[1].

В конце 1919 г. в уже цитированном нами обобщающем документе, подготовленномеврейской секцией при ЦК РКП, утверждалось, что вместо прежних надежд и ожиданий реставрации капитализма широкие круги еврейской мелкой буржуазии также начали искать способ приспособиться к новым политическим и экономическим условиям. Таким образом, несмотря на ограничение, а потом и упразднение иудаизма и религии вообще, началось приспособление все более широких слоев еврейского населения к новым, советским условиям. В 1923 г. 5,2% членов партии составляли евреи[2], Этот процесс может быть показан единственной цифрой: в 1920 г. доля смешанных браков (между евреями и неевреями) составляла примерно 34%, что, пользуясь понятием, часто употреблявшимся Лениным, называли ассимиляцией. В массовых масштабах перед евреями открывались такие жизненные возможности, о которых ранее нельзя было и мечтать.

Красные и антисемитизм

Наиболее «эффективным» и «успешным» приемом белогвардейской пропаганды среди бойцов Красной армии, вероятно, было утверждение, что евреев «слишком много» в невоюющих частях и почти не видно в окопах. Цель белогвардейской пропаганды состояла в том, чтобы противопоставить красноармейцев «засилию еврейских комиссаров». Евреи изображались исключительно как представители советской власти. Погромы оказались такой катастрофой, что они и годами позже дискредитировали антибольшевистскую борьбу еврейских буржуазных организаций, присоединившихся к белой эмиграции[3].

---

[1] Седьмой всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1920. С. 22–24.

[2] В 1918–1923 гг. прибл. 15% делегатов съездов составляли лица еврейской гациональности (*Béládi L.* A bolsevik párt kongresszusai a számok tükrében 1917–1939 // Világtörténet, № 3. P. 86–89). Однако верно утверждение, что большинство еврейских руководителей уже не знало еврейского языка, и это относится и к Диманштейну, который в начале столетия начал свою карьеру раввином. Об этой тенденции см.: *Агурский С.* Еврейский рабочий в коммунистическом движении. Минск, Белор. Госиздат, 1926.

[3] Из секретного обзора ГПУ, подготовленного для высшего советского руководства несколько лет спустя, 18 августа 1923 г., мы узнаем, что созданное в Париже «Общество друзей еврейской культуры», которое поставило своей целью объединение различных течений еврейской эмиграции, возложило ответственность за преследование еврейской национальной школы в России на еврейские секции РКП (надо сказать, не без оснований). Здесь шла речь об одной из форм

Число евреев в рядах большевиков, в том числе и на высших властных постах, не было столь велико, каким его старалась представить белогвардейская пропаганда[1]. Не намного больше соответствовал истине и также популярный пропагандистский лозунг «еврейской ЧК»[2]. Ленин знал, что как у белых, так и у красных служило много бойцов и командиров, побывавших в обеих армиях и распространивших в них пропаганду обеих сторон, на что каждая армия реагировала по-своему. Известно, что наркомвоенмор Троцкий с одобрения Ленина откликнулся на антисемитскую пропаганду в особом приказе.

«чрезмерной компенсации» коммунистов-евреев, однако эмигранты чувствовали и то, что борьба против сионизма в Советской России наталкивается на столь слабое сопротивление именно из-за борьбы против антисемитизма. В то же время из обзора выясняется и то, что существовала и другая эмигрантская организация, «Лига по борьбе с антисемитизмом в России», куда входили известные националисты-евреи из России и литераторы Мережковский, Гиппиус, Куприн и другие. Целью лиги была борьба с большевизмом среди евреев. В воззвании к русскому народу лига указала, что «все усиливающаяся реакционная пропаганда связывает освобождение России от советского ига с еврейскими погромами, что укрепляет позиции большевиков в глазах цивилизованного мира. Русские евреи вместе со всем русским населением находятся под религиозным, культурным и экономическим игом большевизма». См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. Том 1. Часть 2. М., 2001. С. 901.

[1] См. данные О. В. Будницкого. Касаясь политической репрезентации еврейства, он пишет: «По нашим подсчетам — при всей их условности — в политическую элиту России в 1917 — первой половине 1918 г. входило немногим более трех тысяч человек. К политической элите нами отнесены депутаты Учредительного собрания, члены ВЦИК, участники Демократического совещания, члены Временного Совета Российской Республики (Предпарламента), Центральных комитетов общероссийских партий. Т. е. наиболее значительных представительных органов 1917 — первой половины 1918 г. Хронологические рамки определяются Февральской революцией, с одной стороны, и установлением однопартийной диктатуры в Советской России в июле 1918 г. — с другой. В политическую элиту входило свыше трехсот евреев, присутствовавших во всем спектре российских политических партий и течений — от крайне левых (анархисты, большевики) до оказавшихся на правом фланге кадетов. Евреи входили в ЦК практически всех значительных политических партий России. Причем в Центральных комитетах левых партий — большевиков и эсеров — евреи составляли, как правило, от четверти до трети их членов». *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 77–78.

[2] Хотя евреи были нужны советской власти и в ЧК, ведь всего менее 1% ее работников имели высшее образование, немало из них попали в ЧК «случайно», нередко среди них встречались и преступные элементы. В сентябре 1918 г. в центральном аппарате ВЧК служили 781 сотрудник и служащий. Евреи составляли 3,7% общего числа сотрудников. Более высокой была доля евреев среди руководства ВЧК (8, 6%). В конце 1920 года во всех губернских ЧК работали приблизительно 50 тыс. сотрудников. Доля чекистов различных национальностей была следующей: русские — 77,3%, евреи — 9,1%, латыши — 3,5%, украинцы — 3,1%, поляки — 1,7%, немцы — 0,6%, белорусы — 0,5%. Примерно такое же соотношение различных национальностей наблюдалось и в аппарате советов. Ср.: *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 137–138.

Рассмотрим политическую и эмоциональную позицию Ленина, которая хорошо отражается в случае с листовкой Максима Горького «О евреях»[1]. По свидетельству Диманштейна, во время одной из встреч с Лениным он попытался убедить председателя СНК в том, что Горький перестарался, «перехвалил» евреев, его листовка, как говорят ныне, «контрпродуктивна», и ее распространение следует задержать[2]. Необходимо указать на тот известный факт, что интернационалисты-евреи или еврейского происхождения действительно приняли участие в борьбе с религией, православием, но при этом никто в Советской России не боролся решительнее их с «затемняющими классовое сознание» еврейскими религиозными организациями или с сионизмом. Несмотря на свойственную такому поведению «чрезмерную компенсацию», оно было характерно и для общего подхода Ленина к национальному вопросу, согласно которому коммунисты каждой национальности должны воевать с националистическими и религиозными предрассудками и идеологиями прежде всего в рамках собственной национальности.

Ленин высоко ценил поддержку со стороны части еврейской интеллигенции, оказанную именно в самые критические моменты революции, когда забастовали важные группы старого чиновничества. Между прочим Ленин не использовал в тактических целях национальную принадлежность своих коллег в том смысле, что он никогда не оглядывался на то, «что скажут по этому поводу массы». Известен рассказ Троцкого из его мемуаров «Моя жизнь» о том, как после Октябрьской революции Ленин хотел назначить его наркомом внутренних дел, но Троцкий возражал, ссылаясь на то, что было бы тактически неправильным предоставить руководство внутренними делами лицу еврейского происхождения. В конце концов он стал наркомом по иностранным делам, а позже, с весны 1918 г., наркомом по военным и морским делам.

Именно Ленин «законспирировал» роль Троцкого в деле изъятия церковных ценностей, поскольку еврейская национальность последнего могла подстегнуть антисемитские «настроения». В январе 1921 г., по инициативе Ленина, Троцкий возглавил комиссию, руководившую изъятием. Его задачей, наряду с изъятием ценностей и их использованием в интересах смягчения тяжелейшего голода, было нанесение решающего удара по Русской православной церкви и «черносотенному духовенству», которое считалось главной опорой самодержавия, средн вековых религиозных верований и белогвардейской контрреволюции. В г. Шуе духовенство «подняло мятеж» против сбора церковных ценностей («мятеж рабовладельцев»)[3].

[1] Об отношении Горького к евреям см.: Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. Сост.: Агурский М., Шкловская М. Иерусалим, 1986.

[2] *Ленин Н.* Указ. соч. С. 16.

[3] См соответствующие документы в кн.: Политбюро и церковь 1922–1925. Архивы Кремля. Ред.: Покровский Н. Н., Петров С. Г., М. РОССПЕН, 1977.

«Благотворительная акция» превратилась в политическую битву. Ленин в «строго секретном» письме членам Политбюро (19 марта 1922 г.) формально выдвинул на передний план Калинина, который должен был выступать в печать, в то время как Троцкий не должен был играть в этом деле никакой публичной роли, хотя именно он и был духовным вдохновителем всей операции[1]. Таким образом, Ленин намеревался вести антицерковную борьбу не в этническо-религиозной, а в социальной плоскости, доказав, что церковь не желает пожертвовать своими ценностями ради ликвидации голода[2].

Ленин смотрел на свое «отношение к евреям» с политической и «классовой» точки зрения и, придавал особую важность переходу все большего числа еврейской интеллигенции и рабочего класса на советскую сторону. Диманштейн подчеркнул: «Надо сказать, что в разговорах со мной Ленин неоднократно подчеркивал все значение евреев для революции не только в России, но и в других странах, и насколько важно для революции скорее ликвидировать результаты несправедливости к еврейским трудовым массам из-за грехов капиталистического и религиозного мира»[3]. Быть может быть, именно поэтому Ленин не согласился с Диманштейном, который считал, что «неимоверный дифирамб» Горького евреям и их роли в революции лишь подольет масла в огонь антисемитизма. И хотя Ленин признал, что преувеличенное выделение этих моментов может принести вред, он в то же время согласился с содержанием листовки Горького и не видел надобности в ее конфискации[4]. Важность для Ленина этого вопроса показывает и то, что в конце марта 1919 г. он записал на грамофонную пластинку речь «О погромной травле евреев», которую, правда, не очень-то пропагандировали после его смерти. В этой речи он попытался дать такую социальную, политиче-

(Н. Н. Покровский поместил в книге обзорную статью, в которой с большим «пониманием» характеризует поведение церкви. См.: С. 7–109). В «Письме членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви», которое было опубликовано только после смены режима, В. И. Ленин писал: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью. Кроме того главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей. Т. е. эсэрам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства». Там же. С. 142.

[1] «Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печате, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий». Там же.

[2] О нападении Ленина на церковь во время голода 1922 г. см.: *Krausz T.* Kutatás közben. Megjegyzések a Lenin-tematikához az «új» dokumentumok fényében // Krausz T. Lenintől Putyinig. Budapest, Laventana, 2003.

[3] *Ленин Н.* Указ. соч. С. 16.

[4] Там же. С. 17.

скую и классовую характеристику антисемитизма и погромов, которая была бы понятна даже самим простым рабочим. «Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев.... Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочего, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся — от капитала. Вражда к евреям держится прочно только там, где кабала помещиков и капиталистов создала беспросветную темноту рабочих и крестьян».

Конечно, в направленной против антисемитизма агитационной речи невозможно взвешенно осветить проблему, но ленинский метод и без того ясен: вместо национально-этнических и религиозных компонентов в центр внимания поставлены классовые противоречия, поскольку именно таков был единственный путь к изменению режима и победе на фронте. Ленин особо выделил этот момент, указав на то, что он защищает не евреев как таковых, а «массы еврейских трудящихся», являющиеся такими же жертвами режима, как русская беднота: Не евреи враги трудящихся». Ленин и в этом случае имел в виду шаблонную в кругах марксистов истину, согласно которой у капитала нет ни национальности, ни религии. «Враги рабочих — капиталисты всех стран.Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм». В то же время Ленин подчеркивал, что «среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди всех наций. Капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы.... Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран, в союзе друг с другом, давят, гнетут, грабят, разъединяют рабочих.... Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям»[1].

Строгий, иногда несколько упрощенный классовый подход и интернационализм Ленина отражались в повседневных событиях гражданской войны. Прежде всего это относится к тому, что еврейство было сильно разделено не только в политическом, но и в социально-экономическом отношении. Евреев можно было встретить почти в каждой партии и во многих армиях от отрядов Махно до Добровольческой армии Деникина (пока их не удалили оттуда), а влиятельные группы еврейской крупной буржуазии финансировали военные предприятия белых.

Белогвардейцы и петлюровцы с помощью цензуры не допускали в прессу информацию о погромах и в то же время не хвастались и тем, что, хотя в колчаковской Сибири и на деникинском юге России антисемитизм был существенным атрибутом диктатуры, местные группы ев-

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. М., 1974. С. 242–243.

рейской буржуазии, прежде всего еврейские общины Уфы и Томска, сотрудничали с Колчаком, и, вероятно, поэтому там не были запрещены буржуазные течения сионистских организаций. Еврейские капиталисты финансировали и первые «авантюры» Добровольческой армии. Представители еврейской крупной буржуазии Ростова спасли стоявшие на грани провала первые эксперименты белого движения и предложили поддержку контрреволюционному выступлению ростовского казачества, которое стало одним из исходных пунктов антисемитских злодеяний[1].

Когда армия Колчака весной 1919 г. начала наступление на восточном фронте, высшему партийному руководству пришлось особо заниматься проявлениями антисемитизма в Красной Армии. На заседании Политбюро в начале апреля 1919 г. было обсуждено упомянутое выше донесение наркомвоенмора, в котором говорилось, что большой процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых Исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, в то время как непосредственно на фронте этот процент невелик, поэтому среди красноармейцев ведется шовинистская агитация, встречающаяся с определенным сочувствием. Исходя из этого, Троцкий считал необходимой перегруппировку партийных сил в интересах более равномерного распределения трудящихся всех национальностей[2]. Меры такого рода оказались недостаточными, началась мобилизация еврейской молодежи в бывшей черте оседлости, которую возглавили организации Бунда и Поалей Цион. У евреев больше не было выбора, с конца 1918 г. единственная возможность выжить открывалась только на стороне советской власти. Большинство антибольшевистски настроенной еврейской интеллигенции, поддерживавшей белых и «преданной русскому патриотизму», постепенно дрейфовали в сторону советской власти, причем, видимо под влиянием собственного опыта, а не призывов Ленина и большевиков. В качестве примера можно назвать Илью Эренбурга, будущий «прототип» коммунистической еврейской интеллигенции.

Среди большевиков мнения разделились лишь относительно того, имеет ли смысл формировать еврейские части, как это предлагала организация Поалей Ционб или же евреям следует влиться в красные русские отряды. Поначалу и сами советские руководители колебались, целесообразно ли формировать отдельные еврейские полки и более мелкие отряды, — формирование более крупных национально однородных соединений совершенно исключалось. 28 апреля Политбюро ЦК РКП(б) заслушило ходатайство Главного комитета Поалей Цион о разрешении формирования еврейских батальонов в смешанных полках или национальных полков в смешанных бригадах. Однако советскому руководству

[1] Ср.: *Krausz T.* Bolsevizmus és nemzeti kérdés. P. 54; *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 185–186.

[2] The Trotsky Papers. Vol. I. Hague-Paris, 1971. P. 730.

пришлось принять к сведению разачаровывающий практический опыт. От имени руководства Евсекции Диманштейн отметил: «Наши враги выступают против нас с националистической армией; идея национальной армии у нас обанкротилась, — мы имеем только коммунистическую армию. Стоило бы нам иметь большие еврейские армейские части, как наша армия изображалась бы врагами чисто еврейской, как было в начале с латышскими стрелками...»[1]. В итоге было принято решение о прекращении экспериментирования с еврейскими полками, поскольку местное население во многих местах начало поговаривать о еврейском характере Красной Армии, что оказывало деморализующее влияние на отнюдь не свободных от антисемитизма красноармейцев и не ослабило, а усилило антисемитизм. Обе армии вербовали бойцов из одного и того же общества, из одних и тех же социальных слоев: главным образом из крестьянства. Более того, это «сходство» распространялось и на военное руководство. Значительная часть военного руководства Красной армии состояла из бывших офицеров царской армии и из военнопленных, а также перешедших к красным офицеров Добровольческой армии (что, как правильно подчеркнул О. В. Будницкий, уже само по себе опровергает ненаучный тезис об «инородческом» характере Красной Армии). Бывшие офицеры царской армии составляли 85% командующих фронтами, 82% командующих армиями, 70% начальников дивизий, 100% начальников штабов фронтов, 83% начальников штабов армий и более половины начальников штабов дивизий[2]. Ленин и Троцкий, в противоположность Сталину, выступали за создание регулярной армии, которая смогла бы противостоять хорошо обученным офицерским армиям. Евреи были необходимы и здесь, хотя присутствие еврейских комиссаров и интеллигенции на командных и политических должностях нередко вызывало в Красной армии напряженность. Литературным пособием в этой области по сей день является непревзойденный шедевр Исаака Бабеля «Конармия». В этом цикле новелл вскрыты сами эти проблемы и показано, как бойцы Первой Конной армии впутались в антисемитские погромы во время советско-польской войны летом-осенью 1920 г.[3] Позиция Ленина в связи с этими событиями может быть реконструирована

[1] *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 454–455.

[2] Там же. С. 473. Общая численность военных специалистов в Красной армии составляла приблизительно 70–75 тыс. человек, причем около 8 тыс. вступили в армию добровольно, 48,5 тыс. были призваны по мобилизации и 12 тыс. перешли к красным из армий белых или были мобилизованы из числа военнопленных. Подробнее см.: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генштаба на службе в РККА. СПб., 2009.

[3] На венгерском языке хорошим исходным пунктом для исторической реконструкции является уже упомянутый сборник Zsidók Oroszországban, в зарубежной литературе этому вопросу посвящено большее внимание.

достаточно хорошо и дает возможность для извлечения некоторых теоретических выводов.

Первая Конная и погромы

Поражение Красной армии под Варшавой было последним крупным столкновением в советско-польской войне, которое, помимо своего влияния и значения в международной политике, получило известность благодаря деморализованности и погромным настроениям истощенных войск[1]. То, что погромы, несмотря на все усилия Ленина и советского правительства, перекинулись даже на некоторые дивизии легендарной красной конармии, ясно показало советскому правительству: погромный антисемитизм — это тот вирус, распространение которого в данной исторической ситуации даже в собственных рядах нельзя будет остановить с помощью экономических и социальных мер, хотя именно тогда в серьезной форме начались *размышления* о ликвидации военного коммунизма. (Не только белыми, но и поляками «двигал» тот антисемитизм, представители которого отождествляли советскую власть, Советскую Россию, Красную Армию и «коммунизм» с евреями).

В распоряжении руководства имелись подробные отчеты о погромах, представители центральной власти и сами изучали источники, рассказывавшие об ужасах погромов, и делали их доступными для широкой публики. Как мы уже подчеркивали, в отличие от белых, у которых погром не считался преступлением, на территориях, контролировавшихся советской властью, погромы, по указанию Ленина, считались тяжелейшими преступлениями. Ленин и большевистское руководство уже и ранше чувствовали приближение «беды». В июне 1920 г. член Реввоенсовета Республики А. П. Розенгольц сообщил членам ЦК, в первую очередь Троцкому и Ленину, об усилении антисемитской агитации, которую вели поляки видя поддержку со строны местного населения. Предложенное решение проблемы опять состояло в мобилизации евреев в действующие на фронте части Красной Армии. В связи с предложением Розенгольца Троцкий направил в Оргбюро ЦК РКП(б) записку о необходимости мобилизации еврейскими коммунистическими организациями еврейских рабочих в Красную Армию на западном и юго-западном фронтах, а также на Украине, и создания из них взводов, максимум рот для включение в действующие части. Оргбюро немедленно постановило мобилизовать 500 рабочих[2].

Отдельные части отступавшей Конармии совершили целую серию массовых убийств, сопровождавшихся грабежами, известия о которых

[1] Об этом см.: *Krausz T.* Lenin és a lengyel-szovjet háború // Életünk Kelet-Európa. Tanulmányok Niederhauser Emil 80. születésnapjára. Szerk.: Krausz T., Szvák Gy. Budapest, Pannonica, 2003. P. 120–126.

[2] *Будницкий О. В.* Указ. соч. С. 474–475.

очень быстро дошли до Кремля, и в результате вмешательства сверху виновные были осуждены в конце октября в Елизаветграде на открытом процессе.

Американский консервативный идеолог и историк Р. Пайпс попытался доказать, что Ленин написал «в архив» на подготовленной 18 ноября 1920 г. записке Центрального бюро Евсекций о погромах, совершенных бойцами Первой Конной армии в районе Житомира[1]. Историк умолчал лишь о том, что большинство виновных (ок. 400 человек) еще за три недели до этого были казнены или приговорены к принудительным работам.

В полную противоположность утверждениям Пайпса, Ленина настолько интересовало дело погромов, учиненных отрядами Первой Конной армии, что он лично встретился с ее командирами. Начальник Политотдела Конармии И. В. Вардин (Мгеладзе) даже «похвастался» этим на страницах официальной конармейской газеты «Красный кавалерист», издаваемой Политотделом. Ленина лично информировали о разоблачении и осуждении убийств и грабежей, совершенных 31-м, 32-м и 33-м полками 6-й дивизии[2]. Из номера «Красного кавалериста» за 5-е октября выясняется, что командующий армией С. М. Буденный лично встретился с Лениным. Уже в номере за 10-е октября, то есть более чем за месяц до появления упомянутого документа, говорилось об активной борьбе против антисемитских погромов. В статьях «Красного кавалериста» сообщалось о том, что погромы, проходившие под лозунгом «Бей жидов и коммунистов», привлекли внимания высших органов. 2-го октября Реввоенсовет 1-й Конной армии разоружил 31-й, 32-й и 33-й полки. Солдаты добровольно выдали всех главных виновников, которые предстали перед судом по обвинению в попытке «свержения рабоче-крестьянской власти» и ослаблении боевой готовности. Главные виновники погромов были расстреляны, а остальные участники были приговорены к принудительным работам сроком от 5 до 20 лет. В следующих номерах газеты также отводилось много места появлению в армии национальной вражды и юдофобии и «укреплению международной солидарности рабочих».

В номере «Красного кавалериста» от 5-го октября 1920 г. Вардин занял позицию, соответствовавшую «инструкциям сверху». Практически дословно воспроизводя ленинские тезисы из речи 1919 г., он писал, что для усиления классовой ненависти бедных к богатым и разгрома организованных сил буржуазии необходимо ликвидировать последние остатки национальной вражды. Однако враги внушают нам, — продолжал он, — что надо бить не их, а евреев, которые отвечают за все. Эта ложь поддерживалась армиями Колчака, Деникина и Юденича, на лозунг не-

[1] Thr Unknown Lenin: From the Secret Archive. Ed. R. Pipes. New Haven and London, 1996. P. 117–118.

[2] Красный кавалерист, 10 октября 1920 г. На венгерском языке см.: Zsidók Oroszországban. P. 77.

нависти к евреям опиралась армия панов и Врангеля, а также подонки махновские и петлюровские подонки. Без этого белая армия не могла бы существовать. Господа вынуждены бросить своим холопам «еврейскую кость», чтобы, грызя ее, они служили делу угнетателей. Поэтому антисемитизма и ненависть к евреям являются верой и религией глупцов и опасным оружием в руках подлых авантюристов и всех тех, кто пытается обмануть темные, невежественные массы в интересах богачей[1]. (Первоначально белогвардейский лозунг «Бей евреев и комиссаров — спасай Россию» еще и годами позже бытовал в группах морально разложившихся красноармейцев, не говоря о широких слоях советского общества)[2].

В 1920 г. году по западным территориям Советской России пронеслась новая волна антисемитских погромов. Ленин твердо реагировал на это явление в не публиковавшейся в советское время телеграмме, адресованной советскому военному руководителю Э. М. Склянскому. Эта телеграмма Ленина датируется поздней осенью 1920 г., когда, несмотря на заключенные с Советской Россией договоры, вооруженные отряды Бей-Булак-Булаховича беспрепятственно вторгались из прибалтийских государств и Финляндии в приграничные районы страны и терроризировали местное население. Наряду с другими дипломатическими протестами, 28 октября за подписью Л. Б. Красина была направлена нота правительству Великобритании, в которой говорилось, что «военные силы под командованием Булак-Булаховича и Петлюры снабжаются снаряжением и вооружением державами Антанты, поэтому эти державы являются главным образом ответственными за продолжающие страдания и кровопролития...». В телеграмме Ленина, отправленной в конце октября или начале ноября, намечались следующие контрмеры: «Недостаточно послать дипломатический протест.... Принять военные меры, то есть постараться наказать Латвию и Эстляндию военным образом, например, "на плечах" Балаховича перейти где-нибудь границу хоть на 1 версту и повесить там 100–1000 их чиновников и богачей»[3].

Много раз цитированный отрывок из другого документа, также адресованного Склянскому, звучит так: «Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пройдем на 10–20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100 000 рублей за повешенного»[4]. Этот документ — страшный продукт психоза гражданской войны, и это, конечно, не отменяется и вызвавшей его причиной. Однако эта причина все же не

[1] На венгерском языке см.: Zsidók Oroszországban. P. 80.

[2] См. анализ соответствующих документов из архива ГПУ в кн.: *Krausz T.* Antiszemitizmus — holokauszt — államszocializmus. Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó, 2004. P. 23–40.

[3] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 399–400.

[4] Там же. С. 400.

второстепенна, хотя о ней-то Пайпс и умалчивает, несмотря на то, что история становится историей в том случае, если мы связываем между собой события, которые были связаны и в действительности. В. Т. Логинов, опубликовавший ленинские документы, напомнил читателям о нескольких немаловажных обстоятельствах. Он, например, пишет о погромах деникинцев, оставивших после себя десятки тысяч убитых евреев, или о результатах «набегов» с прибалтийских территорий на советскую землю, о которых сообщала и зарубежная пресса того времени: «Балахович вступил в Плотницу 2 октября, немедленно собрал всех евреев и потребовал денег. После того как евреи отдали все свои вещи, начались самые дикие убийства и пытки. У Моисея Плотника оторвали нос, а затем повесили его. Путерман, у которого изрубили шашками все семейство, сошел с ума и начал танцевать, а потом был расстрелян. Ефрему Поляку сначала отрубили руку, а потом с него живого содрали кожу. Илья Финкельштейн сожжен живьем. Всех женщин и девушек в городе, вплоть до 9-летних детей, изнасиловали. 600 беженцев из Плотницы находятся сейчас в Пинске в невообразимой нужде». В октябре — ноябре 1920 г. похожие ужасы наблюдались и во многих других городах, заставив вспомнить кровавые события 1918–1919 гг. Поистине невообразимые зверства Балаховича и его белогвардейцев, сравнимые только со зверствами нацистов, вызвали в то время отклики практически во всей Европе. За укрывание и поддержку этих белогвардейцев Ленин грозил жестокими репрессиями, взятием заложников и казнями[1].

У Ленина и большевиков было довольно смелости для ведения борьбы с антисемитской политикой и идеологией, затопившим в крови XX век, в свете последовавшего позже холокоста это может считаться важной исторической заслугой[2]. Вероятно, Будницкий прав, утверждая, что, с одной стороны, эти погромы были предвестниками холокоста, поскольку белогвардейцы и петлюровцы физически уничтожали массы евреев независимо от пола, возраста и социальной принадлежности последних. В деятельности деникинцев и петлюровцев одновременно проявились военный характер уничтожения и расистский элемент отбора среди военнопленных, а также подключение к насилию местного населения. В идеологии белогвардейцев все это определялось в качестве цели

[1] См.: *Ленин В. И.* Неизвестные документы. С. 587–590.

[2] Не без влияния указанной выше деятельности интеллигенции антисемитизм пустил крайне глубокие корни в почве бывшей империи. Это положение хорошо отражается в подготовленной летом 1926 г. по просьбе Комсомола сводке ГПУ. Из этого документа выясняется, что даже и в середине 1920-х гг. невежественные слои населения во многих местах верили в кровавому навету, согласно которому евреи используют кровь христианских детей для приготовления мацы. Нередко распространялись ложные слухи о детоубийствах такого рода. Ср.: Zsidók Oroszországban. P. 176–178.

гражданской войны, предпосылки спасения России. С другой стороны, Будницкий прав и в том, что нацисты самостоятельно пришли к холокосту и не нуждались в «инструкциях» русских крайне правых, вопреки мнению Пайпса и Лакера[1]. Пайпсу, идущему по следам Нольте, «связь с Россией» нужна, чтобы вывести нацизм, больше того, сам холокост из истории русской революции. Однако беспристрастное изучение фактов заставляет сделать иные выводы.

А. Колонтари

«ОДНА ИЗ САМЫХ СТАБИЛЬНЫХ ГРАНИЦ В ЕВРОПЕ»[2] К ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1939–1941 гг.

Вследствие присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту в феврале 1939 г. Москва, ссылаясь на утрату Венгрией самостоятельности, предложила последней закрытие дипломатических миссий в обеих столицах. По советской инициативе были отозваны чрезвычайный и полномочный посланник венгерского Королевства, Михай Юнгерт-Арноти и временный поверенный в делах СССР, Виктор Плотников. Полноценное дипломатическое сношение было восстановлено только в сентябре того же года, после подписания пакта Молотова-Риббентропа. За данный период на политической карте Европы произошли существенные изменения, в результате чего Венгрия и СССР стали непосредственными соседями.

В середине марта 1939 г. венгерская армия одновременно с немецкой оккупацией Чехии и Моравии заняла , с молчаливого согласия Берлина, Закарпатскую Украину (Рутению), бывшую часть «исторической Венгрии». Значение созданной венгерско-польской границы заключалось не столько в прорыве кольца Малой Антанты, сколько в другом: по мнению венгерской политической элиты, эта общая граница могла способствовать ослаблению угрожающего давления Третьего Рейха на Венгрию.

---

[1] См. критические замечания Будницкого. *Будницкий О. В.* Указ. соч., 498–500; а также: *Budnitskii O.* Jews, Pogroms and the White Movement: A Historiographical Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Fall. Vol. 2. № 4 P. 752–753. Автор правильно указывает на то, что Нольте, быть может, первым сформулировал разрушительный тезис, согласно которому «Освенцим — ответ на русскую революцию». Так Ленин превратился в предшественника Гитлера, и это относится к новому этапу истории исторической науки, который свидетельствует о значительном снижении нравственного уровня нашей науки.

[2] Выражение первого зама наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкина на встрече с венгерским посланником Й. Криштоффи. Архив Внешней Политики Российской Федерации (далее АВП РФ) Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 15. Л. 23.

23-го августа 1939 г. в секретном протоколе Москва и Берлин разделили свои сферы влияния в «Срединной Европе». С этим соглашением борьба между двумя великими державами за гегемонию в этой части Европы вступила в новую фазу. 1 сентября Германия напала на Польшу, началась вторая мировая война. 17-го сентября Молотов передал Вацлаву Гжибовскому, посланнику Польши, ноту следующего содержания: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам. Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными». Войска Красной Армии поэтому получили приказ перейти польскую границу и взять под защиту жизнь и имущество проживающих там украинцев и белорусов[1]. Одновременно данную ноту получили все государства, имеющие дипломатические представительства в Москве. В сопровождающей ноте, подписанной Молотовым в качестве народного комиссара по иностранным делам, говорилось о том, что Советский Союз впредь намерен проводить политику нейтралитета по отношению к ним[2].

Советское правительство, имея в виду будущую советско-венгерскую границу, считало нужным информировать и Будапешт, поэтому вышеупомянутые ноты были доставлены и в МИД Венгрии. Пока не ясно, по какому каналу, ведь Будапешт попросил агреман для назначенного на пост посланника Криштоффи только 20-го сентября. Не исключено, что в Москве поручили парижскому полпреду, Якову Сурицу, курировавшему в то время «венгерские дела», довести до сведения своего венгерского коллеги Шандора Кун-Хедервари советскую позицию.

Войска Красной Армии 17-го сентября перешли установленную рижским миром 1921 г. линию советско-польской границы. Для венгерского политического и военного руководства данная акция не явилась неожи-

[1] Документы внешней политики (далее ДВП). Т. 22. кн. 2. Москва, 1992. С. 96.

[2] ДВП Т. 22. Кн. 2. С. 96–97. Ноту получили в том числе и правительства Финляндии, Румынии, Балтийских стран, которые спустя несколько месяцев на своей собственной шкуре могли испытать своеобразное толкование Молотовым термина нейтралитета.

данностью. Начальник Генерального Штаба Хенрик Верт уже в начале сентября информировал министра иностранных дел о сосредоточении советских войск на польском и румынском участках госграницы СССР. «Мы должны считаться с тем, что в установленное заранее время, или после того, как немецкая армия займет определеные территории, Россия нападет на Польшу. Одновременно представляется вероятным нападение на Румынию с целью возврата Бессарабии (В этом прогноз Верта оказался преждевременным — *А. К.*)»[1].

Венгерская разведка следила за продвижением советских войск. Первые советские части вышли на венгерскую границу 25–26 сентября и установили контакт с венгерскими погранзаставами. Несмотря на несколько мелких инцидентов все это произошло без серьезных конфликтов. 25-го сентября после полудня на бывшей польской стороне Бескидского туннеля началась перестрелка между венгерским погранотрядом и вооруженной группой из 20–25 украинцев, одетых в штатскую одежду. В сводках о перестрелке упоминается и один советский танк, который — по одной версии — открыл огонь по зданию венгерской погранчасти, по другим же версиям именно появление советского танка заставило украинцев отступать и отпустить плененного венгерского пограничника[2]. В течение 27–28 сентября во многих точках (Татарский перевал, перевал Верецкеи, Бескидский туннель) был установлен официальный контакт. Венгры показали прибывшим советским военным точную линию границы, а советские офицеры высказывали свои пожелания в связи с режимом охраны госграницы. Они настаивали на полном закрытии границы как для военных, так и для гражданских лиц, на том, чтобы стороны взяли на себя письменное обязательство возвратить тех, кто нелегально перешел границу. Кроме этого они выдвигали требование своим венгерским собеседникам о том, чтобы никто не делал фотоснимков советской территории, и чтобы венгерские пограничники не вступали в контакт со своими советскими коллегами. В официальный контакт могли вступать только командиры охраняющих госграницу подразделений (комбаты и командиры рот)[3]. Предложение о полном закрытии госграницы получило согласие венгерских военных руководителей.

---

[1] Magyar Országos Levéltár (Венгерский Национальный Архив, далее ВНА) K-64-1939-24/ № 848/ res pol. Начальник Генерального Штаба опасался, что если Румыния будет вовлечена в советско-польский конфликт, то маневры румынской армии могут нарушить неприкосновенность венгерских границ. Во избежание подобной ситуации Верт считал необходимым отмобилизовать пограничные войска и вывести их к госграницe.

[2] Hadtörténeti Levéltár (Венгерский военно-исторический Архив; далее ВИА) VKF 1. (1. Отделение Генерального Штаба) 1939.

№№ 4791/eln. и 4805/eln.

[3] ВИА VKF 1. 1939. №№ 4812/eln., 4823/eln. 4825/eln.

В сводке Министерства Обороны от 20-го октября 1939 г. говорилось, что на данном участке число так называемых «двойных владельцев»[1] и пограничное движение настолько незначительно, что решить все проблемы можно без большого ущерба интересов. Одновременно Министерство иностранных дел было осведомлено о том, что начальник генерального штаба приказал осуществить герметическое закрытие госграницы с созданием военно-технических преград на путях сообщения[2].

После этого вплоть до июня 1941 г. на границе царило относительное спокойствие. Мелкие инциденты удавалось урегулировать на месте или дипломатическим путем. Например, 15-го октября 1939 г. на станции Ужок советскими пограничниками был задержан состав и экипаж венгерского пассажирского поезда, потому что во время ранжировки вагоны на 10–12 метров перекатились на советскую территорию. 17-го октября состав и экипаж был передан венграм[3]. Были случаи, когда патрули (вольно или невольно) нарушали границу или обстреливали чужую территорию. 3-го ноября 1939 г. группа советских солдат, преследуя польских беженцев, перешла на венгерскую территорию и там открыла огонь по полякам. По этому поводу венгерский посланник Йожеф Криштоффи выразил протест замнаркому Потемкину, категорически настаивая на том, чтобы захваченные на венгерской территории поляки были переданы венгерским властям[4]. В апреле 1940 г. советское правительство протестовало против того, что в районе Ивашковца группа в составе 21 вооруженного венгра перешла границу, с венгерской стороны они получили поддержку пулеметным огнем. Вторгшиеся были отбиты советскими пограничниками, на месте перестрелки венгры оставили часть своей амуниции[5]. В одном из докладов венгерского Генерального штаба от октября 1940 г. отмечалось, что советские фугасовые гранаты попадали на венгерскую территорию, вследствие чего семь человек было ранено[6]. В течение 1940–1941 гг. с усилением разведывательной деятельности с обеих сторон возросло нарушение границ воздушным путем. 20-го апреля 1940 г. венгерский военный самолет к югу от Ворохты на 1,5–2 км вторгся в советское воздушное пространство. Советская сторона просила обследовать инцидент, после чего венгерское министерство иностранных дел в дипломатической ноте выразило свое сожаление по этому поводу, обещая привлечь к ответственности экипаж самолета.

В вопросе закрытия границ очевидно не было полного согласия между Министерством обороны, руководствовавшимся исключительно сооб-

[1] Лица, имеющие земельные владения на обеих сторонах границы — *А. К.*
[2] ВНА K-69-757. cs.-I-e-1939/ № 54871. Л. 36.
[3] ВИА. VKF 1. 1939. №№ 4959/eln., 4970/eln.
[4] АВП РФ Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 60. Л. 5.
[5] АВП РФ Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 2. Л. 23.
[6] ВИА VKF 1. 1940. № 4826/eln.

ражениями военной безопасности и Министерством иностранных дел, учитывающим интересы внешней торговли. Криштоффи уже в ноябре 1939 поднял вопрос о заключении соглашения об урегулировании пограничного режима и движения. В Москве ему ответили, что если венгерское правительство действительно заинтересовано в этом, то ему следует официально обратиться к советскому правительству[1]. Криштоффи на одной из встреч с замнаркомом Потемкиным подчеркнул, что на Западной Украине имеется развитая железнодорожная сеть, важнейшие линии которой направлены на Венгрию. Через них Советский Союз мог бы поддерживать наиболее удобное и краткое сообщение с Южной и Юго-Восточной Европой. Венгерский посланник считал ненормальным, что граница между двумя странами закрыта. В записи Потемкина, в направленном Молотову экземпляре у этой части имеется помета наркома: «Почему не открыть?»[2] 1-го декабря 1939 г. венгерский министр иностранных дел Иштван Чаки в беседе с полпредом СССР Н.И. Шароновым заявил о намерении венгерского правительства отправить делегацию в Москву. Целью поездки было обсуждение возможностей развития экономических отношений, заключения торгового соглашения, а также урегулирование железнодорожной связи и пограничного режима. По мнению Шаронова, после того, как между двумя странами восстановилось нормальное дипломатическое сношение, подобное стремление венгерского правительства не встретит никаких препятствий[3]. Но несмотря на выраженное обоюдное желание, соглашение в вопросе о железнодорожной связи было достигнуто лишь весной 1941 г. 3-го марта после длительных переговоров в Москве был подписан договор об урегулировании железнодорожного движения между СССР и Венгерским Королевством[4]. Из трех существовавших в то время между странами железнодорожных путей решили открыть линию Мункач (Мукачево) — Волоц (Воловец) — Лавочне — Львов. В марте в Бескидском туннеле на советской стороне удалили деревянную стенку. В середине месяца Криштоффи телеграфировал в Будапешт, что первый советский поезд на венгерскую границу отбудет из

[1] АВП РФ Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 60. Л. 3–4.

[2] АВП РФ Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 60. Л. 6.

[3] *Péter J.* A magyar-szovjet diplomáciai kapcsolatok történetéből. Будапешт, 1987. С. 77.

[4] Переговоры шли с 24-го января по 3 марта 1941 г. С советской стороны их возглавлял заместитель наркома путей сообщения Багаев, во главе венгерской делегации стоял заместитель директора Венгерской Государственной Железнодорожной Компании Миклош Таркеи. По итогам переговоров было подписано пять соглашений — о технических вопросах открытия движения пассажиров и грузов, о железнодорожных тарифах, о режиме пропуска железнодорожных составов через границы и т. д. (ВНА K-69-1941-758. cs.-I-j/ № 50966/4)

Москвы вероятно 20-го марта[1]. На основе двустороннего соглашения поезда из Венгрии дошли бы до станции Лавочне, а советские составы до станции Волоц (Воловец). На венгерской стороне требовалось примерно три месяца, чтобы данный участок железнодорожного пути перестроить на широкую колею для советских поездов[2]. Любопытно отметить, что работы закончились к июню 1941 г. Венгерский премьер-министр и министр иностранных дел Ласло Бардошши 16-го июня поручил Криштоффи осведомить Наркоминдел, что 20-го июня можно открыть железнодорожное движение на участке госграница-Воловец. Бардошши просил одновременно организовать отправку советского паровоза в Венгрию для проверки перестроенной венграми линии[3]. Мы не располагаем данными о том, удалось ли венгерскому посланнику передать это сообщение в НКИД. События в те дни приняли совершенно иной оборот. Немецкое нападение на СССР и присоединение к этому Венгрии сделали невозможной передачу в эксплуатацию железной дороги по первоначальному назначению.

Появление Советского Союза у Карпат — кроме имеющих место пограничных инцидентов — поднимало новые вопросы в советско-венгерских отношениях. Если раньше с обеих сторон подчеркивалось, что кроме идеологических разногласий у них нет никаких противоположных интересов, то с осени 1939 г. между Москвой и Будапештом вольно-невольно появился новый потенциальный очаг конфликта: Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина)[4] Край площадью 12 800 кв. километров до 1918 входил в состав исторической Венгрии, его земли относились к 4 комитатам: Унг, Берег, Угоча, Марамарош. В архивных документах, в прессе того времени, в исторической литературе мы встречаемся с разными названиями этой территории, большинство из которых отражало определенную политическую концепцию: Рутенфелд,

[1] ВНА К-74-30. d.-1941-III./ № 454. Л. 41. В действительности первый советский поезд с возвращенными Венгрии знаменами революции 1848–1849 гг. прибыл на границу 23-го марта.

[2] С марта 1941 г. венгерские поезда уже могли добраться до Лавочне, а воловецкий участок (как об этом выше говорилось) на венгерской стороне должны были перестроить. Из имеющихся технических возможностей избрали наиболее дешевый вариант, вдоль двух рельсов на соответствующую колею положили третий. Таким образом, не надо было расширять Бескидский туннель и перестраивать железнодорожные мосты. Следует отметить, что в Будапеште исходили из весьма низкого уровня железнодорожного движения, поэтому считали излишней постройку двух параллельных путей. (ВНА К-69-1941-758. cs.-I-j/ № 50966/4)

[3] ВНА К-69-758. cs.-1941-I-j/ Л. 3.

[4] Различие в названиях объясняется отчасти разницей в географических точках зрения: если смотреть из Москвы, данный край находится за Карпатами, глядя же из Будапешта (равно как из Праги) он располагается под хребтами Карпат.

Руска Крайна, Угорская Русь, Закарпатская Украина, Подкарпатская Русь и т. д.[1] По данным переписи населения 1930 г. (в составе Чехословакии) 63% местного населения считало себя русинами и украинцами, 15,4% венграми, 12,8% евреями, 4,8% чехами и словаками. Цифры не совпадают с данными переписи 1910 г., по которой 54,5% населения составляли русины, 30,6% — венгры[2].

Желание присоединить этот край к России проявилось уже в политических планах панславизма, стремившегося к расчленению Австро-Венгерской Монархии и исторической Венгрии. Иван Аксаков историческим призванием Романовых считал освобождение всех славянских народов. По его мнению, одним из первых и само собой разумеющихся шагов к достижению этой цели явилось бы присоединение Галиции и Карпатской Руси к России[3]. Николай Данилевский в своей книге «Россия и Европа», вышедшей в свет в 1871 г. — которую будущие поколения справедливо считают «библией панславизма» — представлял себе такую федерацию славянских народов под русским руководством, где венгры («этот маленький, властолюбивый народец») вынуждены раствориться в славянском море[4]. Подобно Аксакову он тоже настаивал на том, что Галиция и Карпатская Русь должны войти в состав России[5].

После октября 1917 г. пришедшие к власти большевики тоже проявили немалый интерес к судьбе данного края. В советских дипломатических кругах уже в начале 1920-х годов ходили слухи о том, что Бенеш готов передать Карпатскую Русь Советской России. Одним из самых активных распространителей подобных версий был представитель Украинской Со-

[1] В венгерских документах того времени данная территория часто упоминалась как Рутенфелд, Русинско, Руска Крайна. В советских документах — в том числе исходивших от самого Сталина — чаще всего употреблялись названия Карпатская Украина, Закарпатская Украина. В Чехословакии официальное административное название края было «Подкарпатска Русь». В данной статье я буду употреблять термин «Карпатская Русь», потому что считаю его наиболее нейтральным вариантом с географической и политической точек зрения.

[2] *Марьина В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. Москва, 2003. С. 5.; *Zseliczky B.* Kárpátalja a cseh és a szovjet politika érdekterében. Будапешт, 1998. С. 13. и С. 22.

[3] *Gecse G.* Bizánctól Bizáncig. Epizódok az orosz pánszlávizmus történetéből. Будапешт, 1993. С. 99.

[4] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.

[5] Параллельно с этим в связи с интервенцией войск Паскевича в 1849 г. в Карпатской Руси усиливалось русофильское, великорусское направление среди местных русин, потерявшее свою почву после Соглашения между Венгрией и Австрией 1867 года. В первые десятилетия XX-го века его сменила проукраинская ориентация, возникшая отчасти благодаря встрече русинской и украинской эмиграции в США. В эпоху дуализма деятельность венгерского правительства была направлена на создание самостоятельного национального сознания русин и оттеснение на задний план великорусского влияния на них (Zseliczky, 1998. С. 20–21.)

ветской Республики в Вене Михаил Левицкий (бывший офицер австро-венгерской армии)[1]. Этот вопрос ставился во весь рост только позже, осенью 1939 г. на лондонских переговорах И. Майского с находившимся тогда в эмиграции Э. Бенешем. Советский полпред в одном из своих писем интерпретирует слова бывшего чехословацкого президента следующим образом: Подкарпатская Русь (Рутения) «непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословакии Бенеш мысленно всегда считал «Рутению» будущей частью СССР»[2]. В другой раз Бенеш высказался менее категорично. 21-го ноября во время завтрака с советским дипломатом он подчеркнул важность создания общей советко-чехословацкой границы. Это может быть достигнуто таким образом — заявил он — если Прикарпатскую Русь присоединяют то ли к Чехословакии, то ли к СССР. Для него безразлично, какая из этих двух альтернатив осуществится. Бенеш был точно уверен только в одном: «Венгрия ни малейшего права не имеет на Карпатскую Украину»[3].

В марте 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) обсуждались вопросы, связанные с Карпатской Русью. Поводом для этого служила берлинская встреча дипломата Л. Б. Красина с «представителем русин», неким Леонтьевым. До сих пор не удалось установить личность последнего, автору данной статьи неизвестно, кто скрывался под этим псевдонимом — Европа того времени кишела авантюристами разных наций. Однако из приложения к протоколу Политбюро выясняется, что переговоры начались примерно за год до этого, а значит речь идет не просто об эпизоде. Со слов Красина, по мнению Леонтьева в Карпатской Руси любое русское правительство заслужит доверие и карпато-русы готовы предоставить все свои силы к услугам советской власти. Он говорил о том, что русины нуждаются в православном епископе, и хотят, чтобы он был рукоположен в свой сан патриархом Тихоном. Затрагивался также вопрос о возможностях присоединения к Советской России Бессарабии[4]. Для уточнения деталей Леонтьев хотел поехать в Москву. По предложению Троцкого Политбюро согласилось на это, «так как это исходный пункт плана и так как мы при этом ничем не рискуем». Подготовку акции поручили М.Литвинову и И.Уншлихту. Из обнаруженных мною архивных документов неизвестен дальнейший ход событий. С точки зрения нашей темы немаловажен тот факт, что из-за этнического состава

[1] *Беседовский Г. З.* На путях к термидору. Москва, 1997. С. 45.

[2] *Марьина В. В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 146.

[3] ДВП Т. 22. Кн. 2 1992. С. 327.

[4] Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (далее РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 163. Д. 261. Л. 22–25. Протокол № 109. заседания ПБ от 8-го марта 1920 г.

ее населения и стратегического расположения Карпатская Русь время от времени становилась объектом внимания советской внешней политики. В анализируемый нами период можно выявить два таких момента: начало 1920-х гг. и годы 1938–1941. В первом случае, видимо в связи с иллюзиями относительно надвигающейся мировой революции, в Москве полагали, что эта территория после занятия Галиции может стать коридором, открывающим путь к Карпатскому бассейну и Центральной Европе. В. Марьина указывает на то, что в Карпатской Руси влияние КПЧ в 1920–30-е гг. всегда было сильным. В структурах Коминтерна жителей края считали украинцами. Вместе с тем позиция КПЧ претерпевала эволюцию: «сначала коммунисты связывали решение украинского вопроса с пролетарской революцией и Советским Союзом, но во второй половине 30-х годов встали на позиции защиты ЧСР»[1].

В 1938–1939 гг. территориальные преобразования в регионе, советско-германское соперничество, разграничение сфер интересов и связанный с этим «украинский вопрос» вновь нацеливали внимание Москвы на Карпатскую Русь. В дипломатических беседах и в прессе после мюнхенской конференции и первого венского арбитража все чаще встречалось выражение «Украинский Пьемонт». За ним скрывалась идея «Великой Украины», находящейся под влиянием Германии, и Карпатской Руси была отведена такая же роль, какую играл Пьемонт в объединении Италии в XIX веке[2]. Все это шло вразрез с планами венгерского правительства, стремившегося создать общую границу с Польшей. Вопрос о подкарпатском крае в контексте советско-венгерских отношений был поднят именно в таком аспекте осенью 1938 г. Тогдашний венгерский посланник Юнгерт-Арноти в своих беседах с М. Литвиновым и В. Потемкиным довел до сведения советских дипломатов позицию венгерского правительства следующим образом: вопрос о принадлежности территории к тому или иному государству надо решить на правовой основе, с учетом самоопределения местного населения (речь шла о необходимости референдума). С другой стороны посол подчеркнул естественные и

[1] *Марьина В.* 2003. С. 6.

[2] *Szentiványi D.* A trianoni Magyarország külpolitikájának vázlata. MOL K-63–472. Cs. 75/4. t./ 52. l. Осенью 1938-го и в первые месяцы 1939-го годов наблюдалась весьма активная немецкая деятельность в Карпатской Руси. К власти пришли германофильски настроенные украинские националисты под руководством Волошина. Берлин поддерживал их через генеральное консульство в городе Хуст. С этого момента официальное название «автономного государственного образования» было Карпатская Украина, официальным языком стал украинский, и приняло всеобщий характер вывешивание украинского национального флага желто-голубого цвета. Все это сопровождалось насильственным оттеснением на задний план остальных политических устремлений (провенгерского, русинского, прорусского), с преследованием и интернированием их руководителей. (*Zseliczky B.* 1998. 44–45. old.)

традиционные экономические связи Карпатской Руси с так называемой «Венгерской Низменностью»[1].

Одновременно с этим Юнгерт старался узнать советские намерения по отношению к Карпатской Руси. «Здесь судьбе Рутенфелда (Карпатская Русь — *А. К.*) уделяется особое внимание. Руководители внешней политики убеждены, что Русинско в сегодняшней его форме нежизнеспособно, оно может существовать только за счет финансовой поддержки Германии, если последняя в интересах осуществления своих антисоветских планов решится закрепить там свои позиции. Этот вариант вызывает серьезные возражения в Москве, так как это означало бы откровенное выражение наступательных планов (Гитлера — *А. К.*) против СССР. Второе возможное решение, то есть присоединение края к Венгрии не встретило бы возражений со стороны здешних кругов, если оно не привело бы к созданию польско-венгерской границы. В общей границе между Венгрией и Польшей они видят непосредственное ущемление своих собственных интересов и угрозу на будущее»[2]. Все это — по мнению Юнгерта — является невралгическим пунктом для Москвы, ведь курс русской/советской внешней политики по отношению к Польше начиная с Ивана Грозного является неизменным. Венгерский дипломат утверждал, что Иван IV требовал у поляков, чтобы они избрали его королем после смерти Стефана Батория, «ибо между двумя народами не будет дружбы и покоя, пока у них не будет общего государя» (на самом деле Стефан Баторий пережил Ивана Грозного)[3].

Любопытно отметить, что на события XVI века ссылались и в советской прессе в статьях о Карпатской Руси. «Венгерский фашизм претендует на Словакию и на часть Прикарпатской Руси, на создание общей границы с панской Польшей, очевидно в целях более удобных охотничьих визитов. Тогда за рюмочкой старой водки и бокалом токайского можно будет предаваться воспоминаниям о том, как венгерский трансильванский князь, Стефан Баторий стал королем Речи Посполитой, и ругать чехов за то, что они в 1920 г. не пропустили венгерских дружин на помощь панскому собрату против СССР»[4]. В те дни в газете «Известия» появилось краткое, но заслуживающее серьезное внимание сообщение. ТАСС, цитируя свой парижский источник («Пти паризьен») сообщил: «На самом деле Закарпатская Украина населена русскими. Единственная держава, которая по этническому принципу могла бы заявлять претензии — это СССР. Но СССР не хочет создавать затруднений и еще больше ослабить Чехо-

[1] *Pastor P.* A moszkvai magyar követség jelentései. 1935–1941. Будапешт, 1992. С. 159, 164.

[2] *Pastor*, 1992. С. 167.

[3] *Pastor*, 1992. С. 170.

[4] Известия, 22 сентября 1938 г. С. 2.

словакию и не заявляет никаких претензий на Закарпатскую Украину»[1]. В строго контролируемой политической властью советской прессе такое сообщение не могло бы быть размещено без согласия сверху, и оно было предназначено для того, чтобы внушать справедливость советских претензий отечественному общественному мнению.

10-го марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) Сталин во внешнеполитической части своего отчета уделил значительное внимание проблеме Закарпатской Украины. Его искусно построенная речь была адресована не столько делегатам, сколько Германии и Гитлеру, вождь СССР дал III-му рейху сигнал о готовности к сближению. Шумиху вокруг Карпатской Руси и Украины он назвал результатом интриг Англии и Франции, которые делают все возможное, чтобы разжечь ненависть в Советском Союзе против Германии и спровоцировать конфликт между двумя странами. «Конечно, вполне возможно — продолжается ход сталинских мыслей — что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смирительных рубах для таких сумасшедших»[2]. Цель сталинской едкой иронии, на наш взгляд, однозначна: показать миру, что в СССР не принимают всерьез слухов, распространяющихся в западной прессе относительно немецких планов в связи с Украиной. «...Разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к т. н. Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: «Эх ты, братец ты мой. До чего мне тебя жалко...Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил — какая эта жизнь...Нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне....Ну что же, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории»[3].

К этому времени (к марту 1939 г.) Гитлер «заморозил» свои замыслы относительно создания Великой Украины, потому что они препятствовали соглашению со Сталиным. Фюрер уже в январе 1939 г., разговаривая с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым, намекнул на то, что у Германии нет таких планов по отношению к Украине, которые могли бы задеть интересы Москвы[4]. Из этой перспективы Карпатская Русь — во всяком случае временно — потеряла прежнее внешнеполитическое значение для Германии. Изменения в международной обстановке способ-

[1] Известия, 21 октября 1938 г. С. 2.

[2] Правда, 11 марта 1939 г. С. 2.

[3] Там же.

[4] *Наджафов Д. Г.* СССР в послемюнхенской Европе // Отечественная история. 2000. № 2. С. 80–81.

ствовали тому, чтобы венгерские войска, с молчаливого согласия Берлина заняли территорию, являвшуюся до 1920 г. частью исторической Венгрии, которая — как мы видели — привлекала к себе внимание двух великих держав, определявших судьбы Срединной Европы. Советская дипломатия в связи с разделом Чехословакии выразила протест против венгерской акции. В ноте, переданной Литвиновым послу Германии Шуленбургу 18-го марта, создание Чехо-Моравского Протектората и самостоятельной Словакии назывались актом, противоречившим международному праву и чехословацкой конституции. 6-й пункт ноты гласил следующее: «Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения»[1]. Но тон протеста не был особенно острым. В этом, по всей вероятности, сыграло роль и то обстоятельство, что занятие венграми края в конечном счете означало осуществление наименее плохого сценария для Москвы, ведь Карпатская Русь в руках Венгрии не могла стать «украинским Пьемонтом». М. Мельтюхов в своей книге пишет даже о том, что исход событий успокоил СССР[2]. В одной из записок Венгерской Королевской Жандармерии о коммунистической деятельности в Карпатской Руси, составленной в декабре 1938 г., то есть за несколько месяцев до занятия венграми края, отмечалось в той же связи следующее: «если Венгрия препятствовала бы гитлеровской экспансии на Восток, то Советский Союз, в согласии с Польшей был бы готов содействовать всей своей силой передаче Руской Крайны (Карпатской Руси — *А. К.*) Венгрии»[3]. Согласно данному документу в последнее время в агитации венгерских коммунистов на передний план выдвинулось создание общей польско-венгерской границы. Составитель записки объяснял это изменением советской позиции. Что касается активной советской поддержки венгерских стремлений, то в этом отношении оценка венгерского чиновника оказалась ошибочной.

С осени 1939-го года для венгерского правительства было важно выяснение того, остановится ли советская экспансия на линии Карпат (для современников это вовсе не было однозначно), признает ли СССР восстановленную в марте 1939 г. северо-восточную историческую границу Венгрии. В связи с этими вопросами я считаю необходимым обратить внимание на следующее. С одной стороны, официальные советские заявления могли успокоить венгерских политиков, но с другой стороны, по разным каналам до них дошли такие сведения, которые вряд ли дали повод для оптимизма в Будапеште.

[1] Правда, 20 марта 1939 г. С. 11.

[2] *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Москва, 2002. С. 47.

[3] ВНА К-63-1938-37/ № 7365 Записка следственного отделения венгерской королевской жандармерии о тактике Коминтерна по русинскому и румынскому вопросу от 20-го декабря 1938 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин при вручении верительных грамот подчеркнул венгерскому посланнику Криштоффи, что у Советского Союза нет никаких претензий к Венгрии. Заместитель народного комиссара по иностранным делам В. Потемкин, говоря о венгерско-советской границе, заявил, что она является одной из самых стабильных во всей Европе[1]. Венгерский министр иностранных дел Иштван Чаки в своей речи в Палате Депутатов говорил о корректности и нормальности венгерско-советских отношений, он повторил слова Калинина о том, что между двумя народами нет никаких противоречий[2]. В феврале 1940 г. Чаки принял советского полпреда Н. Шаронова. Венгерский министр в первую очередь выразил свою удовлетворенность выше упомянутыми словами Потемкина. Посланник Шаронов — цитируя слова Чаки, сказанные итальянскому министру иностранных дел Чиано — констатировал, что Венгрия совершенно спокойна за свои карпатские границы. На события, происходящие на границе (здесь Чаки имел в виду мелкие, но довольно частые пограничные инциденты — *А. К.*), венгры даже не обращают внимание, потому что граница является еще новой[3]. Эти мотивы повторяются в нескольких официальных заявлениях Чаки. Так, Шаронов в своем политическом дневнике упоминает о выступлении министра во внешнеполитической комиссии Парламента в июне 1940 г., после возвращения его (а также премьера-министра П. Телеки) из Берлина. Члены комиссии аплодировали, когда Чаки говорил о том, что у СССР нет никаких планов в отношении Карпатской Руси[4]. Также успокаивающе могли действовать на венгерское общественное мнение слова полковника А. В. Герасимова, главы делегации, сопровождавшей в Будапешт венгерские революционные знамена: «Венгрия никогда не должна бояться того, что СССР претендует на малейший кусок сегодняшнего Русинско. Совершенно напрасно трогать нынешнюю естественную границу ради получения нескольких пядей земли, когда везде добиваются возвращения к естественным границам. Двухсотмиллионной России русины не нужны»[5].

Но в противоположность всему этому некоторые моменты свидетельствуют о том, что все эти декларации не в полной мере соответствовали реальным советским планам. В номере от 24-го декабря 1939 г. газеты «Спутник агитатора» была опубликована небольшая статья о Венгрии с приложенной картой. На карте трианонские границы и границы возвращенных Венгрии в результате первого венского арбитража территорий

[1] АВП РФ Ф. 06. Оп. 3. П. 36. Д. 466. Л. 31. и АВП РФ Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 15. Л. 23.

[2] ВНА К-63-472. cs.-73. t./35., 280. l.

[3] АВП РФ Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 15. Л. 23. См. также: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000. С.23.

[4] АВП РФ Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 4. Л. 29.

[5] Цит. по.: *Zseliczky,* 1998. С. 61.

были обозначены толстой линией. Карпатская Русь (на карте Закарпатская Украина) была изображена за пределами Венгрии, от СССР она была отделена только тонкой линией, и в статье была упомянута как оккупированная венгерскими войсками территория. Венгерский посланник Й. Криштоффи, обратив внимание венгерского МИД-а на статью, не без волнения прибавил, что Бессарабия, которую СССР никогда не признавал частью Румынии, таким же образом изображается на советских картах[1].

Благодаря тому обстоятельству, что для реализации своих внешнеполитических целей советское руководство могло опираться не только на НКИД, но и на Коминтерн, Москва и по отношению к Карпатской Руси могла ловко применять тактику «двойственной дипломатии». Официальные межгосударственные отношения поддерживались через Народный Комиссариат Иностранных Дел и через дипломатические представительства. Все, что не входило в эти рамки — пропагандистская деятельность, руководство компартиями других стран, организация различных кампаний в рабочем движении, привлечение разных социальных слоев и национальных групп данных стран на сторону СССР — все это входило в компетенцию Коммунистического Интернационала. Коминтерн и Наркоминдел ревниво смотрели друг на друга, в 1920-е гг. нередко происходили острые конфликты между ними. Но с усилением единоличной власти Сталина оба ведомства становились простым исполнителем инструкций генсека. С 1939 г. советская внешняя политика — исключая все остальные факторы — управлялась Сталиным и Молотовым, которые в зависимости от сиюминутных интересов СССР могли использовать ту или другую организацию в целях реализации своих внешнеполитических устремлений. В случае Карпатской Руси положение советского руководства было облегчено тем, что на этой территории — не в последнюю очередь из-за отсталости края — коммунистическое влияние было традиционно сильно еще с чехословацких времен, КПЧ имела здесь хорошо разветвленную сеть[2]. Хотя венгерские власти после овладения этой территорией жесткими методами стали бороться с коммунистической пропагандой, полностью пресечь ее не удалось. Бела Желицки в своей книге упоминает, что венгерская полиция 13–15 октября 1939 г. конфисковала больше 10 тысяч листовок в Карпатской Руси. Не исключено, что среди документов

[1] *Pastor*, 1992. С. 222. Советский Союз никогда не отказывался от претензий на Бессарабию, по его мнению Румыния незаконно оккупировала эту территорию. В соответствии с этим в каждом издании, от атласов мира до школьных карт и контурных карт в прессе, Бессарабия была тщательно отграничена от Румынии, но от СССР она была отделена только тонкой линией.

[2] По данным В. Марьиной, на выборах 1935-го года КПЧ получила 26,5% голосов в регионе. *Марьина*. 2003. С. 6.

венгерского военно-исторического архива сохранился один из экземпляров именно этих листовок. Венгерский перевод датируется 20-м октября. Ценность источника немножко уменьшает отсутствие в папке оригинала на русинском языке. Документ адресован «забытому русскому народу» Карпатской Руси, призывает его сбросить с себя тысячелетнее венгерское иго, расправиться со средневековым венгерским варварством. В своей борьбе карпато-русы, как отмечалось, не будут одинокими, ведь на Карпатах стоит на посту Советский Союз. Текст заканчивается лозунгами: «Да здравствует Сталин! Да здравствует Молотов»[1]! В качестве другого примера в этом ряду можно упомянуть обнаруженный в РГАСПИ документ венгерской компартии под заглавием «Воззвание к трудовому народу Карпатской Руси». Трудящиеся Венгрии и Карпатской Руси — отмечается в воззвании — радуются, что СССР продвинул свои границы до Карпат и стал непосредственным соседом Венгрии. После многолетнего угнетения открылась возможность, чтобы трудящиеся Карпатской Руси «выразили свою волю через своих истинных представителей, к какому государству они хотят принадлежать и какой общественный строй выбирают себе.»[2]

Коммунистической деятельностью на месте руководил Золтан Шенхерц, председатель нелегального партийного комитета г. Кашша (Кошице), а из Москвы координировал ее Олекса Борканюк, бывший член руководства областного КПЧ в Закарпатье[3]. Золтан Шенхерц в октябре 1939 г. поехал в Москву за инструкциями и вернулся в Венгрию в декабре. В советской столице он встретился в том числе с Г. Димитровым, Д. Мануильским и К. Готвальдом. Указания, полученные «в штабе» Коминтерна, по всей вероятности были согласованы с политическим руководством, с Молотовым или Сталиным. О результатах своей поездки Шенхерц рассказывал Миклошу Ротману, секретарю областного комитета карпатского края. Он подчеркнул, «какое чрезмерное значение придают московские товарищи карпатско-украинскому вопросу» — они выработали даже отдельную программу специально для этой территории. Исходной ее точкой служили соседство с СССР и определенная автономия Карпатской Руси, признанная и венгерским правительством. Подпольная коммунистическая деятельность должна была усилить эту обособленность. В конечном счете процесс должен был бы привести к созыву народного национального собрания, которое было бы призвано вынести решение о государственной принадлежности края в соответствии с «ленинским принципом самоопределения народов». Для прикрытия подпольной деятельности планировалось создавать крестьянские общества, союзы и легальную крестьянскую политическую партию. В случае успеха своей

[1] ВИА HL Eln. A. II. tétel № 57292/1939
[2] *Zseliczky*, 1998. С. 63.
[3] *Zseliczky*, 1998. С. 56. и С. 63.

деятельности Олекса Борканюк переехал бы в Венгрию, чтобы из Будапешта руководить коммунистическим движением карпатского края[1].

В венгерских передачах московского радио, если верить архивным документам, тоже прозвучали такие заявления, которые в Будапеште могли расцениваться как открытая угроза. Слушатели радиопередачи от 12 декабря 1939 г. могли узнать о следующем: «Новая общая граница (с Венгрией — *А. К.)* на хребтах Карпат дала воможность, чтобы Красная Армия продемонстрировала свою дружбу не только своим русским собратьям (карпатским русинам — *А. К.)*, но и несчастному и угнетенному венгерскому народу». В передаче венгерское правительство подвергалось острой критике из-за возведения новых укреплений на Карпатах, несмотря на то, что с этой стороны ему никто не угрожает. «Советский Союз никогда не мечтал вмешиваться во внутренние дела Венгрии, но не потерпит существования «второй Финляндии» на Карпатах»[2]. Составители передачи 15-го января 1940 г. применяли характерный для того времени прием советской пропаганды. Англия и Франция были представлены как поджигатели войны, которые делают все возможное для расширения конфликта, ведут усиленную антисоветскую кампанию в Венгрии и Румынии. В своих целях они главным образом используют польских беженцев, обладающих влиянием в венгерских политических кругах. «Мы знаем, что новое угнетение в Карпатской Руси объясняется этим влиянием»; «Венгрия, которая борется против угнетения зарубежных венгров, сама стала угнетателем своих национальных меньшинств»[3]. В июле 1940 г. в сводке Министерства Внутренних Дел было обращено внимание на то, что в последнее время с советской стороны наблюдается усиленный интерес к проживающим в основном в Карпатской Руси гуцулам. Во Львове (Лемберг) сняли фильм о их жизни, в мае в Киеве была открыта выставка гуцульского искусства. С венгерской точки зрения считали тревожным этот новорожденный «гуцульский культ», полагая, что Москва хочет использовать в своих политических целях этот маленький народ[4].

В противоположность этому советские дипломаты вели себя весьма сдержанно всякий раз, когда тема затрагивалась в политических разговорах. В сентябре 1939 г. З. Фирлингер, московский посланник расчлененной уже к этому времени Чехословакии — подобно Бенешу — выразил свою надежду на то, что Красная Армия скоро захватит этот край, и таким образом будет создана общая чехословацко-советская грани-

[1] О коммунистической деятельности в Карпатской Руси см. воспоминания Миклоша Ротмана. Tanúságtevők T. 4/b (Под редакцией: PETRÁK, Katalin) Будапешт, 1984. С. 444–456.

[2] ВНА К-30-7. cs.-B/95/a/ Л. 28.

[3] ВНА К-30-7. cs.-B/95/a/ № 180/1940. Л. 13.

[4] ВНА К-63-21/28-1940/ № 3902 Л. 25–26.

ца. Прага — сказал он — уже раньше хотела этого, но вклинивающиеся польские территории препятствовали осуществлению такого плана. Александров, заведующий 2-м Западным Отделом НКИД-а, в своем ответе сослался «на политику нейтралитета, которую советское правительство проводит и в отношении стран, имеющих с нами дипломатические отношения, и в частности в отношении к Венгрии»[1]. Генеральный консул СССР в Праге Куликов в своих записках сообщает в Москву о хождении представителей и разнообразных делегаций «прикарпатскорусов» в генконсульство со своими петициями, в которых они не только просили, но даже требовали присоединить «этот последний большой кусок Украины к Советскому Союзу». Куликов выразил свое мнение о том, что учитывая международную обстановку и мирную политику СССР, это не сбудется[2].

Беседы подобного рода неоднократно имели место между Н. Шароновым и его коллегами-дипломатами в Будапеште. С особым удовольствием касался этого вопроса словацкий посланник Ян Спишияк. Он часто делился информацией и своими представлениями о Карпатской Руси с советским полпредом. На встрече 20-го декабря 1939 г. он заявил, что Карпатская Русь заселена исключительно русскими и украинцами, что там всегда было сильное желание присоединиться к Советскому Союзу. Советский полпред уклонялся от обсуждения этой темы, заявляя, что эти земли никогда не входили в состав России или СССР, «и мы о присоединении их не думаем»[3].

Кроме Спишияка активный интерес проявили к советским планам относительно Карпатской Руси дипломаты других славянских стран, в частности югославский и болгарский посланники, Рашич и Стойлов. Оба они ввели в разговор панславистские мотивы. По мнению Стойлова, если завтра Сталин выдвинет лозунг панславизма, то народы Югославии и Болгарии все как один пойдут за ним. И прибавил, что в Карпатской Руси тоже живут славяне. Шаронов повторил заявление, сделанное им Спишияку,

---

[1] *Марьина*, 2003. С. 19.

[2] *Марьина*, 2003. С. 18.

[3] АВП РФ Ф. 011. Оп. 6. П. 36. Д. 15 / Л. 6. Словацкие политические деятели надеялись на то, что с помощью Советского Союза они могут вернуть потерянные решением первого венского арбитража территории. «Словаки ждут от нас больше, чем мы можем им дать» — пишет в связи с этим советский полпред в Словакии Г. Пушкин. В интересах создания общей советско-словацкой границы словацкие политики — подобно Бенешу и Фирлингеру — поощряли Москву к занятию Карпатской Руси. Словацкий министр иностранных дел Ф. Дюрчанский особенно часто интересовался у Пушкина, когда СССР наконец-то возьмет этот край. Советский полпред — как явствует из его политического дневника — уклонялся от обсуждения этой темы. *Марьина В. В.* «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии // Война и политика. М., 2001. С. 476–479.

что данная территория никогда не входила в состав СССР[1]. Еще более категорично выразился он перед своим югославским коллегой: у Советского Союза нет империалистических намерений, «нашего нападения никому не дождаться. Венгрия в этом уверена.» Мы «только смеемся над слухами, часто провокационными о «советской опасности» на Дунае»[2].

В своих политических записях советский полпред уделяет большое внимание проблематике Карпатской Руси. Кроме памяти о Венгерской советской республике и кроме непосредственного соседства СССР, венгерские опасения относительно Закарпатья он считает таким фактором, который решающим образом определяет характер советско-венгерских отношений. Одно из главных устремлений венгерской внешней политики Шаронов видит в том, чтобы Венгрия обезопасила себя от угроз с другой стороны Карпат. Советский полпред в своих письмах подробно пишет о высказываниях венгерских политиков и прессы о близкой возможности советской экспансии, угрожающей странам Дунайского бассейна. Он подчеркивает, что в венгерской прессе Карпаты часто называются границей цивилизаций. По информации Шаронова, Чаки перед зарубежными дипломатами говорил о том, что единственное государство, которое может напасть на Венгрию — это СССР, что за хорошего соседа СССР надолго нельзя считать, и если необходимо выбрать между Германией и СССР, то лучше выбрать первую, но не «русских варваров»[3].

По некоторым сведениям, после аннексии балтийских стран заведующий Отделом Прессы Венгерского МИД-а Антал Уллейн-Ревицки, выступая перед западными журналистами, выразил свои опасения относительно того, что после Балтии настанет очередь Венгрии. Эти сведения не совпадали с успокоительными заявлениями венгерских дипломатов на их двусторонних встречах с Шароновым о стабильности венгерско-советских отношений и о спокойствии Венгрии за свои границы на Карпатах. Шаронов не забыл информировать об этой двойственности своих начальников.

Характеризуя венгерскую администрацию в Карпатской Руси, Шаронов подчеркивал жандармский террор, насильственную мадьяризацию и массовое бегство населения. Советский полпред с особым вниманием

[1] АВП РФ Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3 / Л. 33.

[2] АВП РФ Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3 / ЛЛ.16–17. Шаронов отрицал наличие элементов панславизма в советской внешней политике. Панславизм он назвал реакционным политическим движением, однако признал, что по причине общности языка, культуры и традиций в Москве чувствуется определенная симпатия к родственным народам. (Там же. Л. 59.) См. также: Трансильванский вопрос. С. 32.

[3] АВП РФ Ф. 06. Оп. 3. П. 36. Д. 466 / Л. 31. См. также: Трансильванский вопрос. С. 37.

следил за спором по поводу законопроекта об автономии для Карпатской Руси. Он присутствовал в Палате Представителей во время внесения законопроекта[1]. В рамках полуфеодального венгерского государства, в условиях фашизации страны он исключал возможность введения всякой, даже культурной автономии[2]. Шаронов подробно докладывал о концентрации венгерских войск и о постройке укреплений вдоль советской границы. В мае 1940 г. он интересуется у заместителя министра иностранных дел Я. Вернле, почему венгры мобилизовали один корпус, и почему проводят маневры именно на территории Карпатской Руси. Остроумный, но малоубедительный ответ Вернле вряд ли удовлетворил Шаронова. Заместитель министра сказал, что проводить маневры на западной границе, в условиях, когда Германия ведет войну не на жизнь, а на смерть, в Венгрии считали невозможным. А маневры на румынской или югославской границах могли бы привести к политическим осложнениям. Советский Союз — по словам Вернле — единственное государство, на границе с которой венгерская армия может спокойно проводить маневры, ведь всем известно, что СССР не боится Венгрии[3].

Осенью 1939 г. в дипломатических кругах Англии и Франции часто встречалось предположение, что Советский Союз в ближайшее время оккупирует Карпатскую Русь, об этом Москва уже ведет переговоры с Берлином. Венгерский посланник в Софии М. Юнгерт в декабре 1939 г., ссылаясь на информацию из болгарского МИД-а, сообщил в Будапешт, что во время второй поездки Риббентропа в Москву, при разграничении сфер интересов советская сторона предъявила претензию на «Рутенфелд» (Карпатская Русь — *К. А.*), но немцы дали решительный отпор этой попытке[4]. 25-го июня 1940 г. В. Молотов в беседе с Шуленбургом мотивируя претензии СССР на никогда не являвшуюся частью России Буковину, ссылался на то, что там большинство населения составляют украинцы. С этим объединение Украины за небольшими исключениями можно считать завершенным. Потом он прибавил, что «Советский Союз не ставил перед Венгрией вопрос о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»[5]. Исходя из употребленных Молотовым слов, можно согласиться с мнением В. Марьиной о том, что Москва таким образом давала

[1] ВНА К-64-86. Cs. 1940 / Л. 103.

[2] АВП РФ Ф. 06. Оп. 3. П. 36. Д. 466 / Л. 8.

[3] АВП РФ Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 3 / Л 57. О мобилизации и о военных маневрах в мае 1940 г. венгерская сторона информировала НКИД через Криштоффи, подчеркивая, что мобилизация не имеет политического значения, ее единственной целью является проверка подготовки лиц призывного возраста на возвращенных к Венгрии территориях. См. также: Трансильванский вопрос. С. 30.

[4] ВНА К-63-1940-21/28/ № 163

[5] 1941 год (под ред. А. Н. Яковлева). Том 1. Москва, 1998. С. 53.

понять Берлину, что со временем он может стать актуальным[1]. Такую возможность внушал зам. наркома А. Я. Вышинский венгерскому посланнику Й. Криштоффи в апреле 1941 г., когда из-за вступления Венгрии в войну против Югославии советско-венгерские отношения становились весьма напряженными. Вишинский от имени своего правительства выразил протест в связи с участием Венгрии в агрессии на стороне Германии. Он не принял аргументацию Криштоффи, что Венгрия находилась точно в той же ситуации, как СССР в сентябре 1939 г., и была вынуждена взять под защиту своих венгерских собратьев, проживающих в Югославии. «Не трудно понять — сказал заместитель наркома венгерскому дипломату — в каком положении оказалась бы Венгрия, если бы она сама попала в беду и ее стали бы рвать на части, так как известно, что в Венгрии также имеются национальные меньшинства»[2]. «Хотя — пишет Криштоффи в Будапешт — во время моего пребывания в Москве до сих пор ни разу не ссылались на национальные меньшинства Венгрии, уже прошлой осенью я сообщил свои опасения, что поднятие в подходящий момент рутенского вопроса является задней мыслью советского правительства по отношению к нам. Сделанный сейчас (Вышинским — *А. К.*) определенный намек должен нас толкать к тому, чтобы мы считались с такой возможностью и подготовились к ней»[3]. В Венгрии — как об этом Шаронов информировал своих начальников — заявление Вышинского оценивали, как предупреждение в связи с Карпатской Русью, и оно усиливало опасения, что Красная Армия переходит Карпаты[4]. Эти пессимистические ожидания не оправдались. В апреле – июне 1941 г. в тени надвигающегося немецко-советского столкновения СССР не хотел больше обострять отношения с Венгрией из-за Югославии. Москва удовлетворилась применением «классических дипломатических средств», таких как устный протест и решение отозвать домой на время советского полпреда Шаронова.

В совокупности о советском поведении по отношению к Карпатской Руси по имеющимся данным можно сказать следующее. Советский Союз в двухсторонних отношениях официально не ставил вопрос о территориальной принадлежности края, потому что, по словам Молотова, не считал его актуальным. Однако по неофициальным каналам он старался создать подходящую атмосферу для того, чтобы поставка этого вопроса на повестку дня не оказалась неожиданной для советского, прикарпатского и мирового общественного мнения.

[1] *Марьина*, 2003. С. 15.
[2] ДВП. Т. 23. Кн. 2. 1998. С. 553.
[3] *Pastor*, 1992. С. 303–304.
[4] АВП РФ Ф. 06. Оп. 3. П. 36. Д. 466 / Л. 80.

А. Ф. Носкова

СТАЛИН И СОЗДАНИЕ ПОЛЬСКОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ: ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ В НУЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Разгром гитлеровской Германии повлек за собой принципиальные перемены в облике восточноевропейского региона. Во второй половине 40-х гг. XX века здесь произошла смена общественного строя. Был совершен «скачок» от многообразия форм собственности и переходного народно-демократического режима к монопольной партийной диктатуре и абсолютному преобладанию государственной собственности. Понятно, что такой коренной и стремительный переворот и в особенности его изначальная точка — в той или иной мере изменение политического облика национальной власти в момент освобождения от фашизма — в послевоенной историографии устойчиво занимали и занимают ключевое место. Причем, суждения и оценки исследователей из стран «реального социализма» длительный период характеризовались идеологической заданностью, мифологизацией событий, находились в рамках, определяемых политической цензурой. Лишь временами идейно-политический контроль компартий ослабевал, чтобы в 80-е гг. XX века постепенно, под давлением общественных настроений, исчезнуть вовсе, уступив место другим идеолого-политическим ценностям.

После демократических революций рубежа 80–90-х гг. уровень объективности в изложении истории установления послевоенной власти в странах Восточной Европы, и в особенности роли СССР в этом процессе, несомненно, возрос. Этому способствовали открывшийся доступ к архивным фондам в бывших социалистических странах Европы и высокий профессиональный уровень историков. Тем не менее, наука не избежала воздействия сложившейся тогда национально-политической конъюнктуры и влияния идеологии новых элит, закреплявшихся у власти, в частности, не столько путем восстановления исторической правды о прошлом, сколько огульным чернением и разоблачением политики своих предшественников. Недавние политические герои теперь превращались в отрицательные персонажи истории и даже объявлялись преступниками, появлялись новые общественные кумиры и привлекательные идейные концепции, основанные на всеобъемлющем отрицании того, чем характеризовались 40 с лишним послевоенных лет.

В таких условиях остается актуальным научное переосмысление пути, пройденного странами Восточной Европы после Второй мировой войны, что требует углубления знаний по истории установления в регионе режимов советского типа и невозможно без введения в научный оборот но-

вых документальных источников. Для российских ученых речь идет, прежде всего, о выявлении и изучении архивных материалов советского происхождения, ибо способы утверждения власти в регионе и ее облик во многом были производными от установок советской внешней политики, призванной на каждом этапе непрерывно изменявшихся международных условий обеспечивать национально-государственные интересы страны.

Распад Советского Союза и приход к власти в России постсоветской политической группировки с иными идеологическими представлениями об интересах нового государства и путях его движения к демократии, повлекли за собой активное переосмысление представителями разных общественных наук и политиками всего советского этапа в новейшей истории нашего государства. Естественно, что прошедшие 20 лет отмечены в российской исторической науке обсуждениями самого широкого круга проблем недавнего прошлого, и в частности, внешней политики Москвы в годы и после Второй мировой войны. Непрерывные, порой бурные дискуссии шли и идут вокруг определения стратегических целей СССР в Европе. Одни историки считают целеполагающей мотивацией внешнеполитических действий Москвы идеологию, т. е. внедрение социализма «по Сталину» за пределами СССР. Другие видят стратегическую задачу советского руководства в обеспечении внешнеполитической безопасности государства, а на послевоенном отрезке правления Сталина — его личной власти, с которой тогда ассоциировалась прочность советского строя. К способам достижения этой цели они относят те усилия Москвы, которые принято именовать классовыми принципами ее внутренней и внешней политики[1].

Сторонники этой, второй, точки зрения признают приоритет национально-государственного над идеологическим, рационализма над абсолютизацией руководством СССР классовых интересов в советской политике за рубежом, что, как считается, отчетливо проявилось в пери-

[1] См., напр.: *Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Советский фактор в послевоенной Восточной Европе. 1945–1948 // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1948): Новое прочтение. М., 1995. С. 74; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.*. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 27–57; *Гибианский Л. Я.* Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблема изучения источников // Russian history/ Histoire russe. The Soviet global impact: 1945–1991. Idyllwild, California. 2002. Vol. 29. Nos. 2–4. 197–216. Анализ дискуссий в российской историографии см.: *Naimark N.M.* Post-Soviet Russian Historiography on the Emergence of the Soviet Bloc // Kritika: Explorations in Russian History 5, 3 (Summer 2004). 561–580; *Носкова А.Ф.* Польша в политике Москвы. 1943–1945 // Польша — СССР. 1945–1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 94–95.

од войны и в первые послевоенные годы. Так, известный российский историк-международник В. О. Печатнов подчеркивает: «...советская политика на протяжении 1940-х гг. не претерпела радикальных изменений и носила — при всей ее несомненной жесткости — во многом последовательный и оборонительный характер... Она была нацелена на то, чтобы создать защитный пояс просоветских государств вдоль западных границ СССР, получить свободный выход в Мировой океан и обеспечить максимальную глубину обороны по всему периметру государства. ... В Кремле считали, что решающим вкладом в победу над общим врагом Советский Союз завоевал себе право на равную безопасность, признание своих интересов и справедливую долю геополитических "трофеев"»[1]. Пример тому теперь широко известная записка И. М. Майского от 10 января 1944 г. Руководивший Комиссией НКИД СССР по вопросам послевоенного устройства автор документа, исходя из принципа «цель в очень значительной степени определяет средства», назвал «этой конкретной целью» советской внешней политики «гарантирование безопасности СССР и сохранение мира минимум на 30, максимум на 50 лет»[2].

Как известно, решение идеологических задач не бывает скорым. Оно предполагает немалый «запас» времени и происходит поэтапно в подходящих для этого внутриполитических условиях и внешнеполитических обстоятельствах. Жизнь, по меньшей мере, двух поколений тот же Майский отвел на то, чтобы «континентальная Европа успела стать социалистической».

Подобной позиции при субординации внешнеполитических задач советского руководства придерживается и коллектив Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе. За десять последних лет исследователями Центра было выявлено в архивах и опубликовано около двух тысяч ранее неизвестных документов. Еще недавно сугубо секретные эти документы раскрывают намерения высших советских властей в отношении восточноевропейского региона[3]. Они подтверждают, что первостепенной задачей Кремля было создание на долгое время прочного «пояса»

[1] *Печатнов В.* Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике. Т. 4. № 2. 2006. С. 13–14.

[3] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 23.

[2] Там же.

[3] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1–2. Москва–Новосибирск, 1997, 1998; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1–2. М., 1999, 2002; НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994; «Из Варшавы. Москва. Товарищу Берия...» Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. Москва-Новосибирск, 2001; Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. М., 2000.

безопасности из стран, расположенных вдоль европейских советских границ. Поэтапно применяемые идейно-политические концепции народной демократии, национальных путей к социализму и, наконец, «социализма по Сталину» выступают лишь средствами, инструментами, нацеленными на устранение возможной внешнеполитической угрозы в Европе, закрепление влияния СССР в мире, обретение им политического статуса великой державы, как гарантии от возможных покушений извне.

С этой точки зрения исходным моментом для советского руководства было стартовое решение о том, какие политические силы и *с каким отношением к СССР* придут к власти после разгрома Германии в ключевом тогда для Москвы регионе — от северной Балтики до Балкан включительно. Причем, более благоприятным виделось решение этой проблемы коллективное, в рамках договоренностей глав великих держав, что в условиях продолжавшейся войны было достижимо, ведь речь шла в первую очередь о недопущении новой германской агрессии. На этот счет разногласий среди союзников пока не было.

Каковы были главные постулаты советских представлений об облике послевоенной власти в регионе? Профашистские, антидемократические силы, понятно, в расчет не принимались. Не принимались и откровенно антисоветские группировки, к какому бы политическому спектру они ни относились. Уровень антисоветизма в той или иной стране, распространенность антисоветских настроений среди населения оказывали непосредственное воздействие на степень доверия Москвы к формирующейся власти. Кремль не отвергал взаимодействия с королями (Румыния) и графами (Венгрия), стремившимися вывести свои страны из войны с наименьшими потерями, а иногда и с прибылью, если они принимали советские условия послевоенного геополитического бытия.

Немалое значение в Москве придавалось контактам с либерально-демократическими группировками антифашистской (антигерманской) национальной политической элиты большинства стран региона. Прежде всего, речь шла о той ее части, которая соотносила возможности обеспечения собственных национально-государственных интересов с объективной, в первую очередь внешнеполитической, реальностью. В расчетах Москвы такая часть элиты рассматривалась как олицетворение преемственности и легитимности национальной власти. Эти группировки, со своей стороны, были вынуждены учитывать уникальный факт истории, а именно совпадение во времени силы СССР (военные победы) и его международного политического авторитета (по меньшей мере, равенства в «большой тройке»), в том числе и морального[1].

[1] См. подр.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948. М., 1993.

Вместе с тем гарантией от возможных политических неожиданностей на заключительном этапе войны Москва считала участие во власти коммунистов — своих классовых и идейных союзников. Благодаря участию в движении Сопротивления и роли СССР в войне, они почти везде стремительно выходили на политическую авансцену и одновременно могли исполнять роль своеобразного политического посредника между национальной элитой и Москвой. Сразу после окончания военных действий политическая палитра власти в странах, куда пришел советский солдат, была достаточно разнообразной, но присутствие в ней коммунистов было почти повсеместным, хотя и с разными властными возможностями. Все «упростилось» позднее и в других внешнеполитических условиях. Идеологический фактор вышел на авансцену стран Восточной Европы и «заработал» в полную силу в конце 40-х гг. XX в.

Названные исходные постулаты советской внешней политики в годы войны в полной мере применимы и в отношении Польши, занимавшей особое место в системе внешнеполитических приоритетов СССР на западноевропейском направлении. Реализация же их протекала в весьма специфических условиях. Ни с одной из стран региона у Москвы не было такой отягощенности двусторонних отношений историческим прошлым, в том числе и событиями первой половины XX в., как с Польшей. Это воздействовало на характер взаимоотношений между двумя соседними странами. Но в условиях войны, когда задача разгрома Германии их объединяла, особенно зримым стало несовпадение в понимании советской и польской политическими элитами национально-государственных интересов и способов обеспечения безопасности их стран в послевоенном мире. Важно отметить: за каждой элитой стояла поддержка абсолютного большинства населения, что придавало твердость их позиции, делало стороны неуступчивыми. Возможности компромисса непрерывно сужались, увеличивая тем самым не только шансы, но и меру участия во власти периферийных польских политических сил, поддерживавших намерения Москвы. Это были, главным образом, коммунисты, но не только они.

Применительно к Польше советское руководство видело свою геополитическую задачу не только в сохранении приобретенных в 1939–1940 гг. территорий. В расчетах Москвы Польша рассматривалась как ключевое звено всего «пояса» безопасности СССР из надежных внешнеполитических соседей — государств, находящихся под влиянием, а еще лучше — контролем Москвы. В самом начале 1944 г. И. М. Майский, называл внешнеполитической целью СССР «создание независимой и жизнеспособной Польши», но не «слишком большой и слишком сильной»[1]. Позиция И. В. Сталина была несколько иной. На встречах, переговорах и в переписке с лидерами антигитлеровской коалиции он настаивал на превращении

[1] Советский фактор... Т. 1. С. 29.

Польши после войны в сильное, однонациональное и дружественное (по его терминологии) государство — партнера СССР по обеспечению безопасности обеих стран после войны. Гарантии этого Москва связывала с удалением от власти в Польше антисоветских и крайне правых деятелей, т. е. с изменением спектра польских политических сил, представленных в будущем правительстве и со снижением «порога» антисоветизма в обществе. Причем, жесткой «сцепки» советских планов безопасности с заранее определенной формой послевоенного политического режима в Польше, как и в других странах, не делалось.

Польская элита, со своей стороны, при всей ее политической многоликости, была едина в представлениях об интересах страны на восточном направлении — опираясь на союз с западными державами, не допустить СССР в Польшу и Европу, оттеснив его на довоенные рубежи. Отсюда главная задача — отстоять польско-советскую границу межвоенного времени — этот геостратегический фактор независимости, безопасности и лидерства страны в Восточной Европе, а также важнейший инструмент контроля над собственным обществом[1]. Советскую концепцию послевоенных отношений с Польшей элита этой страны, естественно, расценивала как посягательство на национальную независимость, территорию и внешнеполитическую ориентацию на Запад.

Понятно, что при столь глубоких расхождениях в понимании будущего почву обретали непримиримый антисоветизм одной — польской — стороны и глубочайшее недоверие вплоть до неприязни другой — советской стороны.

Разрыв отношений между советским и польским правительствами в апреле 1943 г. в полной мере отразил эти противоречия. Одновременно, в условиях, когда Советский Союз входил в наиболее благоприятную фазу для внешнеполитической деятельности и обеспечения законных интересов собственной безопасности, вставали и иные вопросы. Перед польским правительством обозначилась объективная проблема его возвращения в страну, о чем, по сведениям советского посла при правительствах ряда стран в эмиграции в Лондоне А. Е. Богомолова, уже тогда задумывались У. Черчилль и Ф. Рузвельт[2]. Для советского руководства возникала проблема польского партнера не только в двусторонних отношениях, но и в «треугольнике»: западные державы — СССР — Польша. Этот «треугольник» был для Москвы чрезвычайно важен, поэтому Сталин почти весь период войны не закрывал возможности контактов с легитимной властью Польши, поставив их в зависимость от исполнения своих жестких условий (линия Керзона, реконструкция правительства). Подтверждение тому содержится в многочисленных опубликованных со-

[1] См. подробнее: *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999.

[2] Архив Президента РФ (Далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 65.

ветских документах, в том числе в записях неоднократных позднее бесед И. В. Сталина и В. М. Молотова с главой польского правительства в эмиграции Ст. Миколайчиком[1].

Нараставшая с 1942 г. напряженность в двусторонних отношениях и ситуация, создавшаяся вследствие разрыва отношений, влекли за собой повышенное внимание советского руководства к той части польской эмиграции, которая находилась на незанятой гитлеровцами территории СССР, была политически представлена в первую очередь коммунистами, а также деятелями некоторых других политических направлений. По советским данным, в СССР на 13 января 1943 г. проживал 215 081 бывший польский гражданин, если считать их эмигрантами. Из них 92 224 человека были поляками по национальности, остальные — евреи, украинцы, белорусы[2].

Пребывание польских граждан в СССР для советского руководства в будущем могло стать аргументом при создании некоего представительного органа, альтернативного правительству в эмиграции. Но пока, на рубеже 1942–1943 гг., вопрос в Москве так не ставился, хотя интерес к использованию этой части польской диаспоры в ограниченных политических целях и проявился.

22 декабря 1942 г. главный редактор журнала для польского населения в СССР «Нове Виднокренги», известный теоретик польского коммунистического движения А. Лямпе обратился с запиской к заместителю наркома иностранных дел А. С. Лозовскому. Пафос записки — устранить притеснения поляков, которых не призывают в Красную Армию, ограничивают в приеме на работу на военные заводы и фабрики, т. е. «относят к неполноценным гражданам». «Вопрос имеет серьезное политическое значение, — писал Лямпе. — Наши противники оперируют аргументом, что это — отрицательное отношение к полякам вообще, а не только к полякам антисоветски настроенным», а также к украинцам, белорусам, евреям из западных районов Украины и Белоруссии[3].

Следствием его обращения в НКИД стало появление еще двух документов: записки Лозовского Сталину и письма Лямпе и депутата Верховного Совета СССР, польской писательницы, политической деятельницы и в то время члена ЦК ВКП (б) В. Л. Василевской В. М. Молотову — наркому иностранных дел, второму человеку в «узком» советском руководстве. Оба документа датированы 4 января 1943 г. и объединены главной идеей — провести организационно-политические мероприятия,

[1] Документы и материалы по истории советско-польских отношений (Далее — ДМИСПО). М., 1974. Т. VIII. Док. 4, 6, 9, 11, 13, 15, 22, 26 и др.; Советский фактор... Т. 1. Док. 9, 10, 11; Восточная Европа в документах... Т. I. Док. 8; Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 121–153.

[2] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 17.

[3] Там же. Л. 14.

чтобы объединить «все действительно левые польские элементы, всех тех, кто вместе с СССР готов драться за свободную, демократическую, независимую Польшу». С этой целью предполагалось создать «Комитет борьбы за независимую, демократическую Польшу (человек 25–30) из левых социалистов, демократов, коммунистов и беспартийных». Назывались имена — Путрамент, Клапоух, Дробнер, Парнас, Василевская, Лямпе, Ендриховский и «несколько поляков — офицеров Красной Армии». В документе, вышедшем из польской коммунистической среды, понятно, предусматривалась ведущая роль ее представителей, для реализации которой излагалась просьба создать при ЦК ВКП (б) специальный отдел, который руководил бы всей «польской работой»[1].

Названные документы были поддержаны советской стороной и инициировали постепенное оформление в первой половине 1943 г. не Комитета, а достаточно широкой общественно-политической организации — Союза польских патриотов (СПП), находившейся под руководством коммунистов. К настоящему времени история создания Союза, деятельность и идейно-политическая ориентация его организаторов во многом исследованы учеными[2].

Для нашей темы важно отметить, что замыслы учреждения некоего представительного органа, претендующего на власть в освобожденной Польше, зарождались в кругах политического актива польской эмиграции в СССР, в том числе среди офицерского корпуса пехотной дивизии имени Т. Костюшко, формировавшейся в мае – июне 1943 г. Польские историки связывают первые упоминания о Национальном комитете именно с дискуссиями о будущей Польше среди командного состава этой дивизии летом-осенью 1943 г. и появлением так называемых тезисов № 2, датируемых осенью 1943 г.[3].

На сегодняшний день исследователи не располагают документами, отражающими отношение советского руководства к этим дискуссиям. Но новые материалы из фондов ЦК ВКП (б) подтверждают факт обсуждения в это время идеи создания в Москве Польского национального комитета (ПНК) командованием дивизии и руководством СПП, кадровый состав которых во многом совпадал.

Одним из наиболее активных сторонников идеи немедленного формирования на территории СССР альтернативных правительству в эмигра-

[1] Там же. Л. 3–5.

[2] См., например: ДМИСПО. М., 1973. Т. VII. С. 406, 408, 415, 429; *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 123–124 и др.; *Czubiński A.* Dzieje Najnowsze Polski do roku 1945. Poznań, 1993. S. 553; *Friszke A.* Polska. Æosy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003. S. 91 и др.

[3] *Syzdek E.* Sprawa powołania Polskiego Komitetu Narodowego w Moskwie (grudziec 1943 — styczeń 1944) // Archiwum ruchu robotniczego. Warszawa, 1984. T. IX. S. 36.

ции польских государственно-политических структур был командующий дивизией генерал С. Берлинг[1], тогда не коммунист, а скорее антикоммунист. На рубеже лета и ранней осени 1943 г. он попытался, под воздействием, скорее всего, настроений в дивизии оказать достаточно сильное давление на возглавлявшую СПП В. Василевскую, которая была вхожа в высшие круги советского руководства. Возникла острая конфликтная ситуация. О далеко непростых отношениях между ними хорошо известно из польской научной литературы и мемуаров самих Берлинга и Василевской. Данный конфликт важен не только потому, что обнажает позиции сторон. Он показывает отношение Москвы к замыслу создания ПНК.

В чем же состояли разногласия между Берлингом и Василевской? Это можно выяснить на основании агентурного донесения одного из польских офицеров в окружении Берлинга в НКГБ СССР от 18 сентября 1943 г.[2]

Судя по документу, генерал во время неоднократных встреч между ними в конце августа — первой половине сентября 1943 г. стремился убедить Василевскую, а также заместителя наркома иностранных дел СССР А. Е. Корнейчука, в ряде случаев присутствовавшего при разговорах, поставить в Кремле два главных, по мнению генерала, вопроса. Или же, считал Берлинг, «удобный момент будет упущен». Речь шла о советско-польской послевоенной границе и о создании в Москве центра исполнительной власти, а именно ПНК. Генерал предлагал Василевской выяснить заблаговременно советские планы в отношении Польши, ибо, как передавал агент слова Берлинга, «когда Красная Армия возьмет Польшу и пойдет в Германию, для Советского Союза будут существовать более серьезные вопросы, чем вопрос, какой быть Польше, — демократической или советской».

Поднимая вопрос о границе, Берлинг опирался на состоявшуюся летом 1943 г. беседу с Корнейчуком, который якобы ему сказал, что хорошему польскому правительству может быть отдан Львов и 200–300 км вдоль границы. Генерал имел в виду и свою встречу со Сталиным в Кремле, возможно, 11 августа 1943 г.[3] Тогда, по словам Берлинга, Сталин ему якобы обещал продумать вопрос о восточной границе[4]. Как сле-

[1] В. Василевская в своих мемуарах называет Берлинга тем человеком, «который всеми силами и всеми возможностями вел дело к тому, чтобы создать какую-то власть или в форме ПНК или что-то иное, и чтобы ту власть осуществлять». (Wspomnienia Wandy Wasilewskiej // Archiwum ruchu robotniczego. Warszawa, 1982. T. VII. S. 429).

[2] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 2–8.

[3] Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 3.

[4] Проверить эту информацию не представляется возможным, ибо запись беседы 11 августа 1943 г. в российских архивах пока не обнаружена. В. Василевская, участвовавшая в этой встрече с советским лидером, в своих воспоминаниях воспроизводит позицию Сталина по-иному: «Не понимаю, что вы нервничаете, ведь если речь идет о друзьях, то безразлично, пройдет ли эта граница на 200–300 км

дует из донесения агента, сам Берлинг уверял Корнейчука, что Львов его не интересует, но полагал, что таким способом можно «выбить оружие из рук ген. Сосновского и иметь всех поляков на своей стороне». Василевская и Корнейчук, разделяя настроения в Кремле, отказывались даже обсуждать вопрос о границе. Корнейчук настаивал, что «СССР не уступит», а Василевская грозила, что «лучше уйдет в отставку, чем будет поддерживать Берлинга».

На продолжавшихся встречах с Василевской генерал постоянно возвращался к проблеме советско-польской границы, увязывая ее с вопросом ПНК. 29 августа 1943 г. во время посещения Василевской Селецких лагерей, где располагались польские воинские части, Берлинг настоятельно требовал поставить этот вопрос в Кремле. Причем, он жестко объединял интересовавшие его вопросы. «В связи с созданием Польского Национального Комитета, — писал агент, — советское правительство, по его (т. е. Берлинга. — *А. Н.*) мнению, должно будет сделать заявление об аннулировании договоров, касающихся Польши, начиная с 1939 г.», и пообещать, «что вопрос восточной границы будет обсуждаться на основе (довоенных. — *А. Н.*) границ 1939 г.»

Ванда Василевская, зная твердость советской стороны в вопросе о границе, соглашалась обсудить в Кремле только проблему ПНК. На встрече, состоявшейся 13 сентября 1943 г., Берлинг вновь поставил перед ней вопрос о ПНК, требовал выяснить позицию Молотова, настаивал на опубликовании заявления о польско-советской границе. Кроме того, он выдвигал идею передачи Союзу польских патриотов «руководства нелегальной работой в Польше», которое осуществлялось по линии ЦК ВКП (б) и советской внешней разведки. Василевская вновь обещала по вопросу ПНК переговорить с Молотовым, но, как выяснилось 14 сентября, все еще не переговорила. Она мотивировала это тем, что вопрос «преждевременный», а момент «неподходящий» по внешнеполитическим соображениям: «разногласия между Англией, Америкой и Советским Союзом настолько большие, что Советское правительство даже задержало ответ на требования Англии и Америки о роспуске польских дивизий».

Резко реагируя на слова Василевской («он ей не верит»), генерал усиливал свою аргументацию: «...Польские солдаты обеспокоены тем, что после распада Италии[1] создалась обстановка, в результате которой Англия и войска генерала Андерса будут в Польше раньше, чем советские войска». Берлинг убеждал собеседницу, что может возникнуть необходи-

восточней или западней...Следовало бы спросить, что об этом думают украинские товарищи». Василевская в мемуарах настаивает, что Берлинг понял слова Сталина как поручение провести переговоры с украинским правительством, что неверно (См.: Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 393–394).

[1] Италия капитулировала 3 сентября 1943 г. 9 сентября был создан Комитет национального освобождения.

мость «организации в Польше восстания против Германии и ген. Сосновского», вследствие чего ускорится развитие событий «в пользу СССР и Польши». «Для этого, — настаивал Берлинг, — уже сейчас необходимо создать Национальный Комитет, сделать заявление о восточной границе и приступить к подготовке восстания в Польше».

Категорически отвергнув предложения генерала как политически непродуманные, Василевская на встрече с ним 16 сентября изложила мнение Молотова по вопросу о создании ПНК: «...Принципиально он согласен с нашими предложениями, но считает, что нужно выждать некоторое время, так как сейчас обстановка неблагоприятная»[1].

Без сомнения, Молотов учитывал международную ситуацию: систематическое давление союзников, чтобы принудить СССР к восстановлению отношений с эмигрантским правительством, на что в Москве не соглашались без принятия Польшей предварительных условий; протесты союзников против призывов к активной борьбе с оккупантами, звучавших на волне радиостанции имени Т. Костюшко, вещавшей на оккупированную Польшу; наконец, подготовка к конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве, которая состоялась 19–30 октября 1943 г. и предваряла встречу глав великих держав в Тегеране[2].

Информация Василевской о весьма сдержанной реакции Кремля на предложение создать ПНК была резко отрицательно воспринята Берлингом, который обвинил главу СПП в отсутствии патриотизма. Василевская парировала заявлением, что «безоговорочно примет все указания, которые ей даст советское правительство», что ее позиции с позициями Берлинга «никогда не сойдутся». Реагируя на эти слова, Берлинг доказывал, «что он стал коммунистом с совершенно другим содержанием». Слова генерала агент записал следующим образом: «Я стал коммунистом только лишь потому, что считаю, что будущность Польши связана с Советским Союзом и что Польша может быть более счастлива только как одна из республик Советского Союза».

---

[1] В. Василевская, упоминая в своих мемуарах об этом инциденте с Берлингом, несколько иначе описывает свой контакт с Молотовым. Уступая давлению генерала и обвинениям, что она ничего не делает, «чтобы создать польское правительство или польскую власть и что не хочет разговаривать с советскими товарищами на эту тему», Василевская в присутствии Берлинга позвонила Молотову. На ее вопрос, какие возможности есть для создания в настоящее время некоего польского представительства, «которое имело бы более широкие компетенции, чем СПП», Молотов ответил: «Я ничего не понимаю. Откуда Вам это пришло в голову. Это же абсолютно неподходящее время». См.: Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 429.

[2] См., например, меморандумы, врученные послами США и Великобритании Сталину 16 июня и 11 августа 1943 г.; ДМИСПО. Т. VII. Д. 286, 291, 301; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 159–161, 170–171; Д. 26. Л. 14–15.

Если информатор НКГБ достоверно передал смысл этого заявления, то в данном случае налицо было или политическое лукавство Берлинга, или генерал размышлял о такой, уходившей «за политический горизонт» перспективе, которая советским руководством вообще не рассматривалась. Допустимо предположить и третье — агент сознательно искажал позицию генерала.

На следующий день, 17 сентября 1943 г., состоялась еще одна встреча Берлинга и Василевской. Она началась с угроз генерала самому пойти к Молотову, но «после продолжительной беседы и упреков» завершилась примирением сторон.

В тот же день имела место беседа генерала с офицером, написавшим донесение в НКГБ СССР. Берлинг признал, что «неправильно поставил вопрос». Посетовав, что «удобный момент для создания ПНК упущен», он высказал опасения, что «мы вновь прозеваем этот момент». Поэтому Берлинг поддержал идею формирования небольшого, но «крепкого политического костяка» в СПП во главе с В. Василевской, ибо «никого лучше мы не имеем».

Таким образом, первая, исходившая вовсе не от коммунистов, попытка в августе – сентябре 1943 г. заручиться согласием Москвы на немедленное создание в советской столице политического центра польской эмиграции, претендовавшей на власть в стране, была неудачной. Тем не менее, она получила некоторое развитие.

22 сентября 1943 г. комиссар госбезопасности Г.С. Жуков, курировавший польские «дела» по линии этого ведомства, направил вышеизложенное агентурное донесение Сталину. Советский лидер, несомненно, ознакомился с документом[1]. Через Г. С. Жукова он, скорее всего, дал некие указания руководству СПП. 4 ноября 1943 г. Жуков направил Сталину новый документ. Это был ответ В. Василевской, вероятно, на какие-то предварительные договоренности. Василевская извещала советского руководителя о намечаемом персональном составе исполнительного или представительного органа власти — Национального комитета Свободной Польши[2]. Список, представленный Василевской, содержал имена 15 польских граждан[3], находившихся на территории СССР. Кроме того, Василевская предлагала пригласить для участия в Комитете поляков, проживавших в Америке: экономиста О. Ланге и выдающегося

[1] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 1.

[2] Там же. Д. 26. Л. 24.

[3] В составе Комитета значились: З. Берлинг, офицеры К. Сверчевский, В. Сокорский, М. Метковский, деятели СПП — людовец А. Витос, социалист Б. Дробнер, эндек В. Шталь, адвокат Э. Зоммерштайн, профессора Л. Хвистек и Я. Парнас, ксендз В.Ф. Кубш, инженеры С. Грубецкий (вероятно речь шла о Я. М. Грубецком) и М. Скотницкий, журналист С. Ендриховский, наконец, В. Василевская (См.: АП РФ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 26. Л. 25).

польского поэта Ю. Тувима. Судя по воспоминаниям В. Василевской, к этому времени они уже имели контакт с СПП[1]. В документе содержалась просьба к Сталину: публично объявить о создании Комитета к 11 ноября, т. е. дню провозглашения независимости Польши в 1918 г. (Эта просьба советской стороной не была принята во внимание.)

Содержание письма Василевской Сталину дает основания считать, что осенью 1943 г. идея создания Комитета, за которым закрепилось название «Польский национальный комитет», вызывала некоторый интерес в Кремле. Возможно, этот интерес был связан с предстоявшим крупным международным событием, и Сталин хотел иметь некий запасной «ход», альтернативный варианту простого восстановления отношений с польским правительством без изменения его состава. На изменении этого состава настаивала советская сторона.

Продолжение событий последовало в Москве за две недели до встречи глав великих держав в Тегеране (28 ноября — 1 декабря), где, как известно, «будущее Польши обсуждалось без Польши» и были достигнуты договоренности по «польскому вопросу» (на востоке граница по этнографической линии Керзона, на западе приращения за счет Германии)[2]. 14 ноября 1943 г. Г. С. Жуков, вряд ли без прямых указаний вождя, направил в Кремль информационные материалы о лицах, названных в письме Василевской[3]. В Кремле эти материалы, вероятно, приняли к сведению, но работа по созданию ПНК активизировалась лишь после встречи в Тегеране, а именно в конце декабря 1943 г.

Замедление в развитии событий, на наш взгляд, объяснялось, в первую очередь, занятостью советских руководителей международными делами: переговорами сначала министров иностранных дел в Москве, затем глав великих держав в Тегеране и визитом президента Чехословакии Э. Бенеша в Москве (11–23 декабря 1943 г.). Оказывало некоторое воздействие и другое обстоятельство. С середины ноября 1943 г. до конца января 1944 г. отсутствовала связь Отдела международной информации (ОМИ) ЦК ВКП (б) (Г.М.Димитров) с подпольным руководством Польской рабочей партии (ППР) в Варшаве[4]. Но активизация процесса оформления ПНК произошла еще до восстановления этой связи.

В Москве были весьма удовлетворены итогами прошедших советско-чехословацких переговоров по широкому кругу вопросов, включая формулу будущей коалиционной власти в Чехословакии с участием пред-

[1] Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 399.
[2] ДМИСПО. Т. VII. С. 492–493.
[3] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 25–37.
[4] Озабоченность советского руководства отсутствием этих связей отражают дневники Г. М. Димитрова (См.: *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 394).

ставителей компартии. Заключенный договор создавал оптимальную для СССР модель послевоенных отношений двух стран[1].

В Кремле не исключали похожего варианта нормализации советско-польских отношений, но одновременно продолжили контакты с поляками-сторонниками создания политического центра в Москве. 24 декабря 1943 г., на следующий день после отъезда Бенеша, состоялась известная по научной и мемуарной литературе встреча представителей руководства СПП со Сталиным[2]. Как утверждает В. Василевская, это «было большое собрание у Сталина, и там первый раз в разговоре вообще возникает проект создания ПНК и в этом широком составе дискутируется»[3].

Вероятно, проект получил одобрение советского лидера, потому что следствием этой встречи стало заседание на следующий день, 25 декабря 1943 г., организационной комиссии по созданию Комитета. Затем, 27, 28, 30 декабря 1943 г. и 3 и 4 января 1944 г., комиссия рассматривала проект Декларации, структуру и персональный состав ПНК[4].

Дело не ограничилось только этими организационными мероприятиями. Видимо, под воздействием бесед с Э. Бенешем в Москве спешно приступили к проработке возможных контактов с некоторыми представителями польской эмиграции в США. 4 января 1944 г. советский консул в Нью-Йорке Е. Д. Киселев получил «особую, вне очереди» шифртелеграмму от заместителя наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова. Киселеву поручалось «направить одного из надежных сотрудников консульства в Чикаго» и «подходящим образом» передать профессору О. Ланге письмо представителей СПП следующего содержания: «Телеграфируйте немедленно согласие войти в состав Польского Национального Комитета, который в ближайшее время создается в Москве,...Вам предлагаем руководить внешними делами Комитета... согласны ли Вы сразу приехать в Москву? Витос, Василевская, Дробнер, Скшешевский, Берлинг, Хвистек». Важно отметить, что советскому консулу Москва рекомендовала постараться «тактично, но быстро получить ответ»[5].

Письмо было вручено Ланге 7 января. На следующий день, 8 января, профессор дал ответ, поступивший в НКИД 10 января 1944 г. Ланге поддерживал идею создания ПНК, но свое участие в нем обуславливал, будучи гражданином США, согласием американского правительства.

[1] См. подробнее: Переговоры Э. Бенеша в Москве. Публ. В. В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1.

[2] *Czubiński A.* Op.cit. S. 556; Relacja Andrzeja Witosa o Polskim Komitecie Narodowym // Archiwum ruchu robotniczego. Warszawa, 1984. T. IX. S. 84; Relacja Jakuba Bermana o okolicznościach prac nad powołaniem Polskiego Komitetu Narodowego // Ibid. S. 87.

[3] Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 425.

[4] Документы опубликованы: *Syzdek E.* Op.cit. S. 36–84.

[5] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 38.

Одновременно Ланге предлагал в состав ПНК ряд кандидатур из США (Ю. Тувим, Л. Кшивицкий, ксендз Ст. Орлеманьский, Б. Завадский) и Англии (М. Келецкий). Предлагались также Ст. Миколайчик, Я. Станьчик, В. Баначик из состава польского правительства в Лондоне[1].

Исследователи не располагают материалами, свидетельствующими, что Москва приняла персональные рекомендации Ланге. Но 19 января 1944 г. Киселев направил с пометой «вне очереди» Сталину, Молотову, Вышинскому, Деканозову письмо Орлеманьского, полученное 17 января «обычной почтой». Ксендз, как и Ланге, активно поддержал проект ПНК и, что важно отметить, иные границы страны: «Я за то, чтобы: 1. Россия взяла территории, ей принадлежащие. 2. Территориальные потери на Востоке поляки возместят на Западе. 3. Я за создание нового польского правительства в России...хотел бы поехать в Россию, установить контакт с польскими патриотами, переговорить со Сталиным[2], вернуться обратно в Америку и помочь новому польскому правительству завоевать признание среди американских поляков»[3].

К сожалению, у историков России нет возможности познакомиться с теми указаниями, которые получил консул из Москвы в связи с письмом Орлеманьского. Однако взаимодействие с Ланге и Орлеманьским на время было отложено. Оно стало актуальным весной 1944 г. в несколько иных обстоятельствах.

Параллельно с этим «внешним», американским, направлением польскими коммунистами в Москве прорабатывалось «внутреннее» — польское направление. Уже 26 декабря 1943 г. Димитров имел телефонный разговор с Молотовым «в связи с возможными кандидатурами (из Польши, СССР и заграницы) для создающегося Польского Национального Комитета». Он просил Молотова «принять Василевскую и Бермана по этому вопросу»[4]. 28 декабря вопрос о составе ПНК, который «должен иметь характер временного польского правительства», вновь был предметом обсуждения у Димитрова с его заместителем по ОМИ ЦК ВКП (б) Д. З. Мануильским и Я. Берманом. Последний в 1973 г., вспоминая эту беседу, уточнил, что речь тогда шла о том, кто «от ППР и других партий, в особенности от людовцев и социалистов», может быть выдвинут в состав ПНК. Говорилось и о том, что «запросы на этот счет уже отправлены в страну, но никакими согласованными именами мы не располагаем, т. к. нет актуальной информации».

[1] Там же. Л. 40–43.

[2] Встречи Орлеманьского и Ланге со Сталиным и Молотовым состоялись весной 1944 г. См.: Восточная Европа в документах... Т. I. С. 19–28, 36–42; Советский фактор... Т. 1. С. 58–62.

[3] Там же. Л. 54–55.

[4] Информация о такой встрече в архивах России не обнаружена.

В связи с этими сведениями выглядит вполне понятной сделанная в тот же день запись Димитрова в дневнике. Речь шла о просьбе к начальнику 1-го Управления (внешняя разведка) НКГБ СССР П.М. Фитину «выяснить срочно по своим каналам в Варшаве», кто из людовцев (конкретно речь шла о Багиньском) и социалистов готов сотрудничать с СПП. Димитрова интересовало, «мог ли кто-либо из них прибыть в Москву на переговоры по этому вопросу», а также «свободны ли наши товарищи». Далее перечислялся ряд имен, среди них Ф. Юзвяк[1].

Беседы у Димитрова получили продолжение в Москве и Варшаве.

Одной из причин организации в Москве в январе 1944 г. Центрального бюро коммунистов Польши называлась необходимость руководства работой коммунистов в связи с созданием ПНК. Считалось, что «все органы Польского Национального Комитета, создаваемые на территории освобожденных районов Польши», будут испытывать несомненные трудности, так как существующие на территории СССР политические организации и воинские части могут быть использованы антисоветскими силами[2].

Выступившая с идеей создания Польского партизанского штаба В. Василевская 18 января 1944 г. писала Молотову, что штаб будет действовать от имени ПНК, будет связан с ним «после его создания через Отдел внутренних дел», а руководство штабом будут осуществлять Я. Берман и Е. Шир «по поручению Оргкомиссии Польского Национального Комитета»[3].

Помимо этих мероприятий на территории СССР, в январе – феврале 1944 г. предпринимались попытки обсудить вопрос создания ПНК с коммунистами, находившимися на оккупированных гитлеровцами польских землях. Как утверждает в своих мемуарах Я. Берман, руководству ППР «окольным путем», скорее всего по каналам советской разведки, были направлены шифровки с вопросом, кто персонально мог бы войти в ПНК не только от ППР, но и от людовцев и социалистов. Имеются документальные подтверждения, что Москва совершала в этом направлении конкретные шаги. 12 февраля Фитин уведомил Димитрова о получении от «нашего корреспондента» из Варшавы телеграммы «от ППР». В ней сообщалось, что «некий Попель[4] как делегат от Ванды Василевской ведет

[1] *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София, 1997. С. 399–400.

[2] Relacja Jakuba Bermana... S. 87; СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. М., 1995. С. 13–14.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (Далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 434. Л. 19–20.

[4] Видимо, речь идет о М. Попеле — коммунисте, члене Правления СПП, участвовавшем в заседании Организационной комиссии ПНК 25 декабря 1943 г. и «с 1944 г. деятеле ППР» (Archiwum ruchu robotniczego. T. VII. S. 88).

переговоры с РППС»[1]. Хотя текст телеграммы весьма краток, в ней просматривается определенная тревога руководства ППР в связи с действиями посланца В. Василевской, которая направляла своего представителя вести переговоры по поводу ПНК с левыми социалистами.

Между тем из Варшавы в Москву начала поступать принципиально важная информация, имеющая прямое отношение к замыслам создания ПНК. В конце января 1944 г. по «линии связи» НКГБ было доставлено известное историкам письмо нового секретаря ЦК ППР В. Гомулки к польским коммунистам. Оно датировано 12 января 1944 г. Приложенные к письму материалы (программа ППР, Манифест, уведомлявший страну о создании 31 декабря 1943 г. Крайовой рады народовой, принятые ею документы) свидетельствовали, что на территории оккупированной Польши учреждается власть, альтернативная польскому правительству и дружественная СССР. Одновременно Гомулка подтверждал получение руководством партии известия об организации «за пределами страны политического представительства польского народа». Он расценивал создавшуюся ситуацию как совпадение двух независимых друг от друга инициатив — внутренней (ППР) и внешней (СПП), которые могут друг друга «прекрасно дополнять при выполнении определенных условий». А именно: московское представительство, как считал Гомулка, не может претендовать на правительственные функции, создателем правительства должна выступать КРН[2]. Это было в высшей степени важное политическое заявление.

Вскоре из Варшавы пришел еще один сигнал. Позиция руководства ППР по поводу ПНК была четко сформулирована в телеграмме, переправленной в Москву по каналам советской разведки. 9 февраля 1944 г. Фитин доложил Молотову ее содержание: «Какой характер имеет новый центр, организованный "СПП". В ППР и "Крайовой Раде Народовой" считают:

1. Создание политического представительства необходимо.

2. Но должно быть создано на базе "КРН". Это усилит патриотов и "КРН".

3. Должно быть представительство, а не правительство.

4. Дайте подробности для ориентировки ППР и "КРН"»[3].

Владислав Гомулка, судя и по его мемуарам, соглашался на создание лишь польского политического представительства в СССР. Он представлял себе сценарий возможного развития событий по мере освобождения страны Красной Армией и понимал, что в Москве не могут допустить, чтобы при вступлении советских войск в Польшу «там не было никакой признаваемой ими польской государственной власти». «Если ППР не

[1] РГАСПИ Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 8; Relacja Jakuba Bermana...S. 91

[2] Polska Partia Robotnicza. Dokumenty programowe. 1942–1948. Warszawa, 1984. S. 199.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 1.

проявит инициативы в деле создания правительства внутренними силами», то, как предполагал Гомулка, «инициативу возьмет СПП, действуя по подсказке или просто по поручению советских властей», и тогда вместе с польской армией под командованием Берлинга в страну войдет предварительно созданное в СССР правительство[1]. Подобного сценария развития событий в Польше В. Гомулка стремился избежать. Он учитывал особую чувствительность поляков к вопросу национальной независимости страны от России, и опасался неизбежной в таких условиях изоляции партии в обществе.

В Москве, по мере накопления в феврале – марте 1944 г. сведений о персональном составе руководства ППР, а также поступления из Варшавы все более подробной информации, происходило осознание политической роли КРН и повышение интереса к этому органу власти. Тому есть документальные свидетельства. 15 марта 1944 г., т. е. еще до получения Москвой известий о направлении в СССР делегации КРН, заведующий Отделом американских стран НКИД СССР Г.Н. Зарубин вручил советнику посольства США Гамильтону меморандум. До сведения американской стороны доводилась информация о создании КРН. В меморандуме подчеркивалось, что в состав КРН «вошли представители влиятельных политических партий и групп, ведущих активную борьбу с немецкими захватчиками»[2]. Таким образом, Москва, хотя и не на самом высоком дипломатическом уровне, но представила американскому союзнику своего потенциального польского партнера, с которым может быть установлен официальный контакт при вступлении Красной Армии на территорию Польши, и тем самым решена важнейшая для советской стороны проблема — избежать учреждения советского оккупационного режима в Польше.

В польской и российской научной литературе распространены суждения о том, что в начале 1944 г. работа по формированию ПНК была прекращена советским руководством по двум причинам — международным и собственно польским. Некоторые историки и мемуаристы считают, что работа над организацией ПНК была остановлена главным образом потому, что из Варшавы пришла информация о создании КРН[3]. Анализ доступных советских и польских материалов дает основания считать, что интерес советского руководства к идее ПНК не исчезал. Но проявлялся он с разной интенсивностью. Это зависело от ряда обстоятельств, в том числе от подходов союзников к «польскому вопросу» в каждой конкретной ситуации, за чем в Москве следили с пристальным вниманием. Позднее, в мае 1944 г., беседуя с О. Ланге в Кремле, Сталин откровенно

[1] *Gomulka WI.* Pamiętniki. Warszawa, 1994. T. II.S. 340.

[2] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 437. Л. 15; Д. 435. Л. 42, 43; Д. 431. Л. 49–51; АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 111–112.

[3] *Gomulka WI.* Pamiętniki. T.II. S. 383; *Syzdek E.* Op. cit. S. 39; Relacja Andrzeja Witosa. S. 86–87; Relacja Jakuba Bermana... S. 94.

сказал, что в январе 1944 г. работы по созданию ПНК были отложены после получения вышеупомянутого письма, в котором Ланге увязывал свое согласие на участие в ПНК с мнением американского правительства[1]. Действительно, Сталин, с одной стороны, не был заинтересован фактом создания ПНК провоцировать обострение отношений с союзниками, которые признавали польское правительство, и в январе – марте 1944 г. активно понуждали Кремль к восстановлению отношений с ним. С другой стороны, поскольку в Москве все еще не исключали возможность контактов с польским правительством при выполнении последним известных советских условий[2], ПНК мог быть использован как инструмент давления и на польское правительство, и на союзников.

В середине февраля 1944 г. интерес Москвы к созданию ПНК, вероятно, возрос. 21 февраля советский посол А. А. Громыко обратился к президенту США Ф. Д. Рузвельту с просьбой оказать содействие в получении О. Ланге и Ст. Орлеманьским согласия американской стороны на поездку в СССР[3].

Вряд ли произошло простое совпадение событий, но 25 февраля 1944 г. в Секретариат И.В. Сталина поступила записка В. Василевской, адресованная «Дорогому Иосифу Виссарионовичу». Василевская сообщала, что направляет проекты декларации ПНК и декрета о его организационной структуре, а также список персонального состава Комитета, подчеркнув, что «все указанные документы приняты единогласно Комиссией»[4].

Предположение, что такой шаг был сделан Василевской по собственной инициативе, едва ли уместно. Несомненно, имела место просьба Сталина[5]. Возникает вопрос, почему были затребованы названные документы? Возможно, в связи с предполагаемым визитом Ланге и Орлеманьского. Но, скорее всего, это следует связывать с поступлением в Москву материалов КРН в конце января 1944 г., которые Сталин получил только месяц спустя.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 43

[2] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1957. В 2-х т. Т. 1. С. 193–205; Т. 2. С. 118–121.

[3] РГАСПИ. Ф.82. Оп. 2. Д. 1042. Л. 50; Переписка...Т. 2. С. 136, 288. Положительный ответ из США был получен Москвой 25 марта 1944 г., 21 апреля гости прибыли в Москву, 24 апреля Ланге, а 26 апреля Орлеманьский были приняты Молотовым, а затем Сталиным и Молотовым: 28 апреля, 4 мая (Орлеманьский), и 17 мая (Ланге).

[4] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 65.

[5] Контакты Василевской с советским лидером были регулярными, они не ограничиваются теми датами, что зафиксированы в журналах посетителей кремлевского кабинета. Одно время Василевская имела возможность звонить Сталину прямо в кабинет, минуя секретарей.

Возвращаясь к документам В. Василевской, нужно отметить, что они оказались в конце февраля 1944 г. все-таки невостребованными, хотя есть подтверждение, что записку Василевской Сталин прочитал. Он не оставил на документах никаких помет и вряд ли потому, что это были только их проекты. Более вероятно другое. Внимание советского лидера в это время занимало внешнеполитическое «звучание» польского «вопроса». 27 февраля в Москве было получено специальное послание Черчилля, посвященное советско-польским отношениям, с которым солидаризировался Рузвельт. Сталина стремились принудить к восстановлению отношений с польским правительством, несколько скорректировавшим свою позицию. 3 марта последовал резкий советский ответ[1].

В марте – начале апреля 1944 г. в обсуждении идеи создания ПНК в Москве, по-видимому, вновь наступила некоторая пауза. Как подчеркивал в июле 1944 г. А. Витос, обсуждение с советским руководством проблемы создания ПНК, начатое в конце 1943 г., «осуществлялось с перерывами»[2]. Теперь для Кремля и деятелей СПП на первый план выдвинулись проблемы укрепления Польской армии, создания Польского партизанского штаба. Кроме того, появилось дополнительное, весьма важное обстоятельство. 17 марта 1944 г. Димитров уведомил Молотова (а значит и Сталина) о получении телеграммы от ЦК ППР. В ней извещалось о направлении в Москву делегации КРН, которая «даст исчерпывающий ответ о ситуации в стране и точно ответит на Ваши вопросы». 29 марта нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов направил Сталину, Молотову и Берии дополнительные информационные материалы о КРН[3]. Днем раньше, 28 марта, делегация КРН была уже за Бугом. Она прибыла в расположение советских партизанских отрядов, вместе с ними через 10 дней приблизилась к линии фронта. В начале апреля был установлен контакт с Москвой. 11 апреля делегация двинулась к реке Припять, пытаясь перейти линию фронта[4].

Можно с уверенностью утверждать, что информация о продвижении делегации по пути в Москву регулярно поступала к Сталину, державшему развитие польских дел под личным контролем. Без его согласия в середине апреля 1944 г. не мог быть решен и вопрос о направлении самолета в партизанские края за этой делегацией.

В условиях ожиданий прибытия делегации КРН в Москву, о чем Василевской было известно заранее[5], 13 апреля 1944 г. состоялся пленум

[1] Переписка... Т. 1. С. 202–205, 208; Т. 2. С. 126–127.

[2] ДМИСПО. Т. VIII. С.141.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 435. Л. 46, 55.

[4] Эти попытки не сразу дали результаты. В начале мая 1944 г. делегация была вывезена специальным советским самолетом, и 16 мая вечером прибыла в Москву (См.: ДМИСПО. Т. VIII. С. 165–170).

[5] Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 405.

Главного правления СПП. Обсуждались итоги деятельности и программные положения Союза[1]. 15 апреля 1944 г. в Секретариате Сталина зарегистрировали поступление еще двух документов, которые в Архиве Президента РФ образуют единый блок с материалами, полученными от Василевской 25 февраля.

Теперь Сталину были представлены «Декларация Польского Национального Комитета» и обращение «К польскому народу». Сталин ознакомился с документами между 15 и 23 апреля 1944 г., о чем свидетельствует делопроизводственная дата. Оба документа имеют правку Сталина. Что касается Декларации ПНК[2], то советский лидер сделал на ней ряд помет и замечаний. Он расставил знаки препинания, как редактор поправил текст в соответствии с русским правописанием и устранил неединожды встречающиеся полонизмы, свидетельствующие, что текст Декларации составлен и переведен на русский язык поляками, хорошо, но не идеально владевшими русским языком. Имеются на полях текста и существенные пометы. Так, напротив пункта о расширении границ Польши на западе, Сталин написал: «А восточные?» Опережая этим вопросом знакомство с зафиксированным несколько ниже признанием советско-польской границы 1941 г., Сталин продемонстрировал свое особое политико-психологическое реагирование на проблему.

Вниманием Сталина отмечен еще ряд положений Декларации. В раздел о правах и социальном страховании он предлагал добавить пункт о страховании по безработице, что учтено в Манифесте ПКНО. Сталин отчеркнул по левому полю весь абзац о переустройстве аграрной системы Польши и написал «Обдумать». Эта ремарка также учтена в Манифесте, где устранен принцип всеобщности ликвидации латифундий и помещичьих угодий через введение, прежде всего, ограничений по площади; де-факто выведены из аграрной реформы церковные земли; усилена патриотическая мотивация при изъятии земли; предусмотрены возмещения за нее.

Весьма симптоматично, что над дважды встречающимися словами «доморощенные реакционеры» Сталин дважды написал: «Кто это?» Наконец, он зачеркнул название «Польский Национальный Комитет» и предложил свой вариант — Национальный Комитет Освобождения Польши, чем подчеркнул временный характер его существования.

Важно отметить, что Сталин уделил пристальное внимание именно Декларации как документу программному с конкретным идейно-политическим содержанием. Он не внес никаких изменений в концепцию создания Временного правительства «при участии в нем предста-

[1] Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1988. С. 444–445; ДМИСПО. Т. VIII. С. 80–99.

[2] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 91–110.

вителей всех сил общества, которые боролись с оккупацией». Он не опротестовал и намерение «немедленно после изгнания немцев приступить к восстановлению органов польской государственности».

Что касается обращения «К польскому народу», то здесь правка Сталина ни в коей мере не носила принципиального характера и была лишь редакционной[1]. Но есть и существенный момент: в Обращении впервые было использовано название «Польский Комитет национального освобождения», которое Сталин оставил без каких-либо замечаний, и которое вошло в историю послевоенной Польши.

Принципиально важно и то, что в середине апреля 1944 г., т. е. за месяц до прибытия делегации КРН, в Москве уже был готов вариант признания КРН верховным органом власти, которому «подчинялись организации поляков за границей, и в первую очередь Союз Польских Патриотов и созданная им Армия».

Хотя оба документа, полученные Секретариатом Сталина 15 апреля 1944 г., не датированы, имеются свидетельства, что Декларация более раннего происхождения, и между документами есть существенные различия в формуле установления послевоенной власти. В Декларации констатировалось намерение создать представительный центр, претендующий на организацию правительства в освобожденной Польше. Обращение же предавало гласности факт создания законной представительной и исполнительной властей в форме КРН и ПКНО. Польский народ уведомлялся о том, что «Национальный Совет Польши, Временный парламент польского народа создал Польский Комитет Национального Освобождения как законный временный орган исполнительной власти для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности».

Возникает вопрос, к какому из двух представленных документов склонялся Сталин? По-видимому, решение в Кремле все еще не было принято. Как вспоминала Василевская, сохранялось «убеждение, что следует повременить с созданием правительства, хотя и временного, потому что еще, может быть, удастся это правительство расширить на основе некоего соглашения с эмигрантским правительством, не собственно с ним, а с отдельными лицами из него...»[2].

Доступные документы подтверждают слова Василевской. Есть фактические свидетельства, что и после приезда в Москву 16 мая 1944 г. делегации КРН решение о передаче власти в руки польских коммунистов и их немногочисленных союзников опять таки не было еще принято. Иначе, беседуя 17 мая с О. Ланге, который находился в СССР уже около трех недель, советский лидер не уделил бы столько внимания об-

[1] Там же. Л. 130–138

[2] Wspomnienia Wandy Wasilewskiej. S. 409.

суждению проблемы создания власти на освобожденных польских землях и не демонстрировал бы свою заинтересованность в участии в новой власти в Польше отдельных «выходцев» из польского правительства. Он предлагал собеседнику для размышлений различные варианты решения: «Нужно постараться создать единое правительство из поляков, проживающих в Англии, Америке и России»; «Самым лучшим было бы создание в районе Польши некоторого временного правительства вроде национального Комитета, которое заставило бы Англию и Америку признать себя». Последние слова Сталина Ланге поддержал, сказав, что «именно такова и его идея», что Комитет должен представлять собой «временный орган власти», который «приглашает других поляков принять в нем участие». Сталин продолжал объяснять свою позицию: «Национальный Комитет нам нужен с чисто военной точки зрения. Мы не будем поступать в Польше так, как действовал АМГОТ[1] в Италии. Должен существовать какой-то польский орган власти. Польскую армию мы тоже не хотим обременять обязанностями гражданского управления. Необходим орган власти, который поговорил бы с польским крестьянством, интеллигенцией, рабочими»[2].

В ходе разговора Сталин выдвинул идею возобновления советско-польских переговоров. Поинтересовавшись, не будет ли Ланге в Лондоне, где он «мог бы поговорить с Миколайчиком и другими поляками», глава СССР предложил ему «сказать полякам, что мы вовсе не против того, чтобы начать переговоры с лондонским правительством». Если принять во внимание, что беседа происходила на следующий день после прибытия делегации КРН в Москву для ведения переговоров о создании альтернативного польскому правительству органа власти, то продемонстрированное Сталиным стремление к возобновлению контактов с польским «Лондоном» было существенным политическим заявлением. Это подтверждается той настойчивостью, с какой Сталин убеждал Ланге «заехать в Лондон» до возвращения в США и стать, строго говоря, эмиссаром Москвы: «Ланге может заявить полякам в Лондоне, что он, тов. Сталин, сказал ему, что нужно создать новое польское правительство с включением в него людей из польской эмиграции, находящихся в Америке, России и Англии.... Хорошо было бы переговорить непосредственно с кем-либо из поляков. Он, тов. Сталин, вовсе не считает, что Сосновский не может измениться. Он, тов. Сталин, с известной оговоркой считает Сосновского и других поляков польскими патриотами. Ланге мог бы сказать полякам в Лондоне, что у нас нет предвзятого мнения, что с ними нельзя разговаривать. Но мы хотим разговаривать с живыми поляками, а не с Черчиллем или с

[1] Военно-административный орган из представителей США и Великобритании, управлявший освобожденными территориями. Создан летом 1943 г.

[2] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 57–61.

Иденом. Ланге может объяснить им, что мы воевать с ними не хотим. Мы на известных условиях хотим с ними договориться....»[1].

Таким образом, имея в Москве делегацию КРН и запланированные встречи с ней, Сталин не упускал из вида и параллельные переговоры с представителями признанного в мировом сообществе, за исключением СССР, польского правительства. Этот политический «ход» накануне вступления Красной Армии на польские земли мог означать признание Москвой необходимости перед принятием «резких» решений о власти в Польше еще раз выяснить возможности диалога с «лондонскими» поляками. Причем, советскую сторону, по-видимому, устроили бы любые, положительные или отрицательные, итоги диалога.

В это время (случайных совпадений в политике не бывает) в Лондоне были налажены неофициальные контакты между представителями польского руководства и советским послом при эмигрантских правительствах ряда «малых» стран В. З. Лебедевым. Последовавшие три встречи с председателем Госсовета Польши С. Грабским начались 20 мая, т. е. через три дня после беседы Сталина и Ланге. Они показали, что изменений в позициях сторон по главному вопросу — о советско-польской границе не происходит.

Что касается Ланге, то он выполнил просьбу Сталина, но не в Лондоне, а в США. В научной литературе имеются сведения, что, видимо в начале июня 1944 г., Ланге встречался и беседовал с премьер-министром Польши С. Миколайчиком, который находился с визитом в США с 5 по 14 июня. Встреча была организована при содействии Государственного департамента. Ланге рассказал собеседнику о приеме у Сталина, изложил представления советского лидера о возможных вариантах создания нового польского правительства и передал предложение о прямых переговорах представителей СССР и польского правительства[2].

Как сообщил на заседании польского правительства 19 июня Миколайчик, президент США Ф. Д. Рузвельт убеждал его в необходимости договориться с русскими и говорил: «Поляки не имеют ведь шансов в борьбе с Россией, а ни англичане, ни американцы воевать с Россией не будут». На следующий день состоялась первая из трех (20–22, и 23 июня) безрезультатных бесед Миколайчика и Лебедева[3]. Как и предыдущие, состоявшиеся в мае – июне 1944 г., переговоры вновь «уперлись» в противостояние сторон по вопросу о границе.

---

[1] Там же. С. 60–63. Подробнее см.: Сталин и Польша. 1943–1944 годы. (Из рассекреченных документов российских архивов) // Новая и новейшая история. 2008. № 3.

[2] *Buhler P.* Polska droga do wolności. 1939–1995. Warszawa, 1999. S. 65.

[3] *Duraczyński. E.* Rząd Polski na uchodźstwie. 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 339, 341, 344.

Для нас в данном случае важно констатировать другое важное обстоятельство. Искушенный политик, Сталин стремился иметь в своем распоряжении не одну, а две политические «площадки» для тактически максимально удобного и стратегически минимально уязвимого варианта решения вопроса о новом польском политическом представительстве. Прежде всего, его интересовала проблема сохранения стабильности отношений внутри антигитлеровской коалиции и только во вторую очередь состав польского органа власти. Во имя решения первой задачи он шел на публичное признание «польским патриотом» даже такой фигуры в польском правительстве, как генерал К. Соснковский, к которому, судя по источникам, относился крайне отрицательно.

Документальные материалы, находящиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют, что как после прибытия в Москву делегации КРН и неоднократных встреч советского лидера с ней, так и после закончившихся 23 июня 1944 г. переговоров посла Лебедева с польским премьер-министром, окончательное решение в Кремле все еще не было принято. Отвечая 24 июня 1944 г. на письмо Рузвельта о встрече последнего с Миколайчиком, Сталин писал: «Советское правительство видит важнейшие предпосылки этого (речь идет о «правильном решении вопроса о советско-польских отношениях». — *А. Н.*) в реорганизации эмигрантского польского правительства, которая обеспечила бы участие в нем как польских деятелей в Англии, так и польских деятелей в США и СССР, и особенно польских демократических деятелей, находящихся в самой Польше»[1]. Нетрудно заметить, что Сталин уже модифицировал свою формулу реорганизации польского правительства в эмиграции с учетом факта существования КРН.

Таким образом, опираясь на известные исследователям документы, можно сделать вывод, что летом 1944 г. Сталин, как известно, мастер многоходовых комбинаций, имел в виду различные варианты решения вопроса о признаваемой им власти в Польше. И вряд ли следует расценивать только как исключительно тактический прием демонстрацию советским лидером в конце июня 1944 г. приверженности идее реконструкции правительства в эмиграции. Думается, что Сталина весьма устроило бы повторение поляками чехословацкого опыта организации на легитимной основе власти, ориентированной на СССР. Это не вносило бы лишних противоречий в отношения Москвы с западными союзниками и, как показало ближайшее будущее, было бы положительно встречено значительной частью польского общества.

Но стойкость польских либерально-демократических кругов в отстаивании восточной довоенной границы страны, в неприятии советской концепции безопасности и перехода Польши в сферу интересов и контроля СССР оставляла Кремлю слишком узкий политический «коридор» для

[1] Переписка... Т. 2. С. 147.

маневра. Когда вопрос о власти переходил в практическую плоскость, ставка на польских коммунистов все более становилась не только единственно возможной, но и неизбежной. Причем, отчетливо просматривалось стремление Сталина, отдавая власть в руки коммунистов, придать ей коалиционный характер, допуская к власти тех социалистов, людовцев, демократов, кто признавал единственно реальный в тех условиях путь к власти — переориентацию на СССР.

Параллельно и почти одновременно с переговорами, которые вел Лебедев с поляками в Лондоне, Сталин продолжал «прорабатывать» иную «формулу» польской власти, приемлемую для взаимодействия с ней советской военной администрации. Начиная с 19 мая, он не единожды принимал членов делегации КРН, руководителей СПП и действовавшего в Москве Центрального бюро коммунистов Польши (ЦБКП). Были организованы специальные встречи делегации с деятелями СПП, а также с английскими и американскими дипломатами.

К сожалению, не представляется возможным на документальной основе реконструировать позицию Сталина на происходивших в мае – июле 1944 г. переговорах с делегацией КРН и деятелями СПП и ЦБКП. (Записи этих переговоров в российских архивах не обнаружены и, скорее всего, вообще не велись.) Если же исходить из воспоминаний польских участников, например, В. Василевской и Я. Ханемана, то обсуждалась концепция создания не Комитета, а Временного правительства. Сталин, по-видимому, публично не противился такому развитию событий (может быть, считая их ход удобным для отношений с западными партнерами), иначе не появилось бы известное письмо будущего главы ПКНО Э. Осубки-Моравского и В. Василевской от 15 июля 1944 г. с предложением создать Временное правительство. Вечером того же дня Василевская вручила письмо Сталину[1]. Сведениями о содержании ответа Сталина на это письмо мы, к сожалению, не располагаем. Но вряд ли без санкции Сталина Василевская, Осубка-Моравский, Завадский и Роля-Жимерский направили бы через два дня, 17 июля 1944 г., известную телеграмму Гомулке, которого извещали о том, что «вопрос формирования временного правительства в форме Национального Комитета является непосредственно актуальным». Гомулке предлагалось срочно прибыть в Москву во главе большой делегации и сообщалось, что «к организации перелета приняты все меры»[2].

Приведенные конкретно-исторические материалы показывают, что Сталин, будучи крайне осторожным и расчетливым политиком, «прорабатывал» одну и ту же проблему в рамках разных подходов. Такой ана-

[1] Wspomnienia Wandy Wasilewskiej... S. 409; ДМИСПО. Т. VIII. С. 131–133, 172–173; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1996. № 4. С. 81

[2] Восточная Европа в документах. Т. 1. 1944–1948. С. 48.

лиз, как известно, весьма продуктивен, ибо способствует стереоскопическому видению цели. Советский лидер не упускал из виду различные варианты установления власти в Польше. Он затягивал решение, выбирая для него точное время. По доступным источникам и последовавшему ряду событий можно заключить, что Сталин не отбрасывал и возможность реализации какого-то промежуточного варианта, что вскоре и произошло. Как математик, он высчитывал недели и даже дни для принятия оптимального, соответствующего его интересам решения.

18 июля 1944 г. ситуация на советско-германском фронте изменилась. До вступления Красной Армии на польскую землю оставались считанные часы, когда на совместном заседании представителей КРН и Главного правления СПП, о чем Сталин, несомненно, знал, было принято решение создать исполнительный орган, временно замещающий правительство, — «Делегатуру КРН для освобожденных земель». 19 июля членов Делегатуры принял Сталин. Он выказал благожелательное отношение к этому решению[1].

Между тем советские и польские войска форсировали Буг и пересекли межгосударственную границу. 21 июля 1944 г. командующий 1-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовский получил директиву Ставки Верховного главнокомандующего об овладении городом Люблином[2]. Поздним вечером этого дня Сталин встречался с большой делегацией из представителей КРН, СПП и ЦБКП. Без сомнения, именно на этой встрече и было все окончательно решено. Возник Польский комитет национального освобождения. Был также утвержден отредактированный специальной комиссией во главе с Ю. Борейшей, до этого времени не участвовавшем в переговорах со Сталиным, текст Манифеста ПКНО. В основе Манифеста лежало «Обращение к польскому народу», с которым в апреле 1944 г. знакомился Сталин, о чем есть соответствующая делопроизводственная помета на документе: «Опубликовано 25 июля (в «Известиях». — *А. Н.*). В измененной редакции»[3]. Важно отметить и другое: эта помета свидетельствует, что с апреля 1944 г. никакой другой вариант Манифеста через Секретариат Сталина не проходил. Хотя исключить, что со Сталиным периодически консультировали какие-то варианты, тоже нельзя.

Участники встречи в Кремле вышли из кабинета Сталина в 0 час. 50 мин 22 июля 1944 г., пробыв там около полутора часов[4]. В тот же день Манифест был оглашен в освобожденном польском городе Хелме.

---

[1] ДМИСПО. Т. VIII. С. 141.

[2] АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 104. Л. 76; Русский Архив. 14 3 (1). Великая Отечественная 3 (1). М.1994. СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. С. 198.

[3] АП РФ, Ф, 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 138.

[4] Посетители... // Исторический архив. 1996. № 4. С. 82; *Czubiński A.* Op. cit. S. 575.

Таковым было участие Москвы и лично Сталина в организации приемлемого для него властного политического партнера по межгосударственным отношениям с Польшей. Дав согласие на создание исполнительной польской власти в форме Комитета, а не правительства, даже временного, советский лидер решал ряд задач. Он обеспечивал взаимодействие командования Красной Армии с признаваемой им польской гражданской администрацией и избегал варианта установления прямого оккупационного управления страной, что с политической точки зрения было для Москвы крайне желательно. Кроме того, теперь Сталин располагал весьма выгодными исходными позициями в предстоявшей борьбе, как в самой Польше, так и на международной арене за характер власти и ее удержание. Причем, сделал все это он вопреки намерениям и замыслам союзников, которые не могли предотвратить происходившие события.

После создания ПКНО Сталин обретал дополнительный «аргумент» при разрешении разногласий с союзниками по польскому «вопросу». Вместе с тем вставала проблема легитимности новой власти, ее социальной базы и международного признания. Поэтому возможность коллективных решений союзников на этот счет и соглашения с представителями польского правительства в Лондоне советским лидером все еще полностью не исключалась. Откликаясь на просьбу Черчилля принять Миколайчика в Москве, Сталин 23 июля 1944 г. не только уведомил его и Рузвельта об установлении Москвой контакта с ПКНО, «который создан недавно Национальным Советом Польши», но одновременно предлагал дальнейшие переговоры: «Польский Комитет не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования временного правительства из демократических сил»[1]. Тем самым была обозначена исторически краткосрочная «жизнь» этого органа власти и прагматизм самого согласия Москвы на учреждение ПКНО.

В октябре 1944 г. состоялась еще одна попытка урегулировать советско-польские отношения, придать коалиционный характер власти на освобожденных польских землях путем введения в состав ПКНО представителей польского правительства. Но двусторонние и многосторонние встречи в Москве с участием Сталина, Черчилля, Миколайчика, будущего президента страны коммуниста Б. Берута и других окончились неудачей[2]. Тем не менее, октябрьские переговоры повлекли за собой кризис этого правительства и выход из него либерально-демократических деятелей во главе с Миколайчиком. Весной – летом 1945 г. они, руководствуясь при обеспечении национально-государственных интересов своей страны тактическим принципом «достижения возможного», признали но-

[1] Переписка... Т. 1. С. 244–245; Т. 2. С. 151.

[2] *Ржешевский. О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. Гл. 7.

вые границы и новую власть, придав ей на время облик межпартийной коалиции, хотя и с властными преимуществами рабочих партий и, прежде всего, коммунистов.

Таким образом, изложенный в статье фактический материал подтверждает, что конкретные политические шаги Сталина на польском направлении в 1943–1944 гг. так же, как и во всем восточноевропейском регионе, были следствием сугубо политического расчета. Движимый, прежде всего, задачей сохранения советского государства, строя и своей личной власти в СССР, он демонстрировал готовность к взаимодействию с разными политическими партнерами, если это не разрушало сложившихся отношений в руководстве антигитлеровской коалиции и продвигало вперед проблему обеспечения внешней безопасности СССР. Она правомерно и постоянно считалась советским руководством первостепенной в иерархии национально-государственных интересов. Идеологические ценности, классовые принципы внешней политики страны «реального социализма», не исчезая, отходили на второй план, оказывались подчиненными решению задачи не допустить повторения внешней, как тогда полагали германской, угрозы. По мере перехода от войны к миру, по мере явного и принципиального изменения международных условий (от сотрудничества партнеров по антигитлеровской коалиции к конфронтации и «холодной войне») идеологическая составляющая советской политики в Польше и в регионе в целом приобретала все больший вес. Она расценивалась как важнейший инструмент установления нового общественного строя, политического режима советского типа, модернизации и милитаризации экономики и «переделки» общественного сознания. Важно, что и на новом этапе идеология не утрачивала защитной функции в деле обеспечения внешнеполитической безопасности СССР и всего советского блока, к концу 40-х гг. в скрепленного системой межгосударственных договорных политических, оборонных и экономических отношений.

Г. П. Мурашко

СУДЬБЫ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В процессе работы над темой «Москва и Восточная Европа: государственно-церковные отношения в условиях общественных трансформаций в 40–50 гг. XX в.» коллективу Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе удалось выявить в фондах российских архивов документы, которые дают возможность исследователям просле-

дить роль и место «советского фактора» в формировании конфессиональной политики первых послевоенных элит. Представляется, что введение в научный оборот ранее недоступных советских документальных материалов позволит дать более многосторонний ответ и на вопрос, почему судьба такой относительно немногочисленной в рассматриваемом регионе конфессии, как католицизм восточного обряда (греко-католики) превратилась в одну из острых послевоенных политических проблем, а ее решение новые власти Польши, Румынии, Чехословакии искали в ликвидации греко-католической церкви, как института.

В условиях послевоенного мира причину такого подхода легче всего искать в гегемонистских устремлениях советского политического руководства, в использовании им русской православной церкви в качестве активного проводника своего влияния в регионе и видеть в переводе греко-католиков в православие, зачастую откровенно принудительном, прежде всего наступление русской православной церкви на католицизм. Но вряд ли подобный ответ будет исчерпывающим. При таком подходе за пределами внимания исследователей волей или неволей остается комплекс внутренних проблем, порождаемых в одних странах (например, в Польше) национально-территориальными противоречиями, в других, как в Румынии, решением вопросов формирования (после присоединения Трансильвании) единой нации. Думается, что в Чехословакии внутренний фактор также играл активную роль, побуждая политиков предпринимать шаги, направленные на ликвидацию греко-католической церкви. Коллекция материалов, связанных с послевоенной историей греко-католической церкви в Словакии, собранная в фондах ГА РФ, а также документы из Архива Внешней политики РФ и Архива Президента РФ расширит историкам возможности проследить взаимодействие и взаимосвязь внутреннего и внешнего факторов в конфессиональной политике чешской и словацкой политических элит в конце 40-х начале 50-х гг.

Как свидетельствуют документы Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР, а также материалы Архива президента РФ, вопрос о судьбах греко-католической церкви стал предметом советско-чехословацкого обсуждения 17 июня 1946 г. в Праге на встрече президента Э. Бенеша с председателем Совета по делам РПЦ при Совмине СССР Г.Г. Карповым., куда последний был приглашен чехословацким правительством. В настоящее время мы располагаем двумя вариантами записи этой беседы, сделанными советской стороной. Из обоих документов вытекает, что вопрос о политике в отношении греко-католической церкви как в Словакии, а так и в Восточноевропейском регионе оказался центральным. При этом важно отметить, что не Карпов, а именно президент Чехословакии был инициатором его обсуждения. 28 июня 1946 г. Карпов в информационном письме И. В. Сталину сообщал: «Президент в

беседе со мной интересовался положением православной церкви в Советском Союзе, функциями возглавляемого мною Совета и историей перехода западных областей Украины в православие. Со своей стороны президент заявил, что правительство Советского Союза правильно разрешило религиозный вопрос, и он предполагает провести в Чехословакии аналогичные реформы. Кроме того, он высказал намерение осуществить мероприятия по переводу униатов Словакии в православие»[1]. Обсуждая проблему ликвидации Брестской унии Бенеш заявил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос, а церковный вопрос есть почти национальный, и Вы, господин Карпов, умело осуществляете большое государственное дело»[2]. Свое видение судеб униатской церкви Э.Бенеш сформулировал следующим образом: «Я думаю, что это (перевод в православие — *Г. М.*) очень скоро будет и у нас, что первыми присоединятся к православной церкви униаты. Там есть хорошие люди, хотя католики в Словакии очень злые (активные). Начинать надо с Вашей Закарпатской Украины, затем в Румынии, а потом уже у нас»[3].

Предложенная программа действий, по-видимому, была «домашней заготовкой» президента. Как искушенный политик и дипломат, он понимал, что внешне политическая переориентация на СССР потребует внесения определенных корректив в государственные отношения с Ватиканом и с католической церковью внутри страны. Поэтому его интерес к положению православной церкви в СССР, к функциям Совета по делам РПЦ, возглавляемого Карповым, был отнюдь не случаен. По всей вероятности его внимание к этим сюжетам обуславливалось тем, что в случае расширения позиций православия в ЧСР, укреплялось бы положение той церкви, которая как и в Советском Союзе зависела бы прежде всего от государства. Предлагавшаяся им очередность ликвидации униатской церкви в регионе, свидетельствовала, что Бенеш связывал результативность этой акции с наличием в той или иной стране сильной православной церкви. Поэтому он на первый план выдвинул СССР и Румынию. Однако он не упомянул Польшу, где в это время в межнациональной войне поляков и украинцев происходило разрушение организационных структур греко — католической церкви. Бенеш же ориентировался на решение этого вопроса в мирных формах.

Приведенный материал свидетельствует, что позиция относительно будущего греко-католической церкви была сформулирована президентом однозначно и в тональности, устраивающей советскую сторону. Поэтому неудивительно, что Карпов довел до сведения первых лиц советского государства настроения пражской политической элиты и предложил

[1] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 5. Л. 95
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 19. Л. 1 66.
[3] Там же

план дальнейших действий в церковной политике в регионе, в котором предлагалось «принять меры к разложению униатской церкви в Словакии и постепенному ее переводу в православие»[1]. При этом, формулируя конечную цель политики по отношению к униатской церкви, он не указывал конкретных сроков и ориентировался на достаточно длительный период перехода униатов в православие.

Но если Бенеш, ставя вопрос о необходимости перевода грекокатоликов Словакии в православие, рассматривал эту меру прежде всего как внутриполитическую, как шаг к ослаблению позиций словацкого католицизма, продемонстрировавшего Праге на парламентских выборах свою силу, то Карпов же подходил к решению вопроса о судьбах униатов в Словакии с иных позиций. В воссоединении двух конфессий он видел прежде всего шанс укрепления позиций православия в лице русской православной церкви, а следовательно и советского влияния в регионе.

Внутренний и внешний фактор здесь замыкались друг на друга, и обе стороны — и пражская политическая элита и Москва оказывались взаимно заинтересованными в реализации этой акции.

Если принять во внимание это обстоятельство, то становится понятным, почему с 1946 г. деятельность греко-католического епископа П. Гойдича стала объектом пристального внимания не только государственных органов Чехословакии. Москва также достаточно регулярно получала информацию на этот счет. Так в конце мая 1947 г. в Совет по делам РПЦ поступила информация, что П. Гойдич «выступил резко против единения чехов и словаков» и что якобы в левых кругах правительства появилась идея организации процесса над ним, что бы, используя «формальную опрометчивость Гойдича, нанести генеральный удар по униатам, а потом закрепивши за православием позиции, перейти в наступление против католицизма»[2]. Управляющий делами экзархата Московской патриархии Б. Л. Черкес, активный приверженец идеи участия чешской православной церкви в акциях против униатов, весьма настойчиво добивался личных консультаций в Москве в Совете по делам РПЦ по поводу изложенных им планов.Однако здесь к полученной информации отнеслись весьма осторожно, и, судя по пометам на документе, он просто остался в архиве Совета.

Развитие событий в Словакии летом-осенью 1947 г. показало, что план нанесения удара по словацкому католицизму через воссоединение униатской церкви с православной остался невостребованным. Причины этого следует видеть не столько в слабости позиций чешской православной церкви, не столько в укорененности католицизма и авторитете этой конфессии в словацком обществе, сколько в том, что главным по-

[1] АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д .5. Л. 99

[2] ГАРФ. Ф. 69991. Оп 1. Д. 273. Л. 34–36.

лем борьбы общественных сил являлась не конфессиональная, а политическая сфера. Удар по политическому оплоту словацкого послевоенного католицизма — Демократической партии был нанесен ее противниками — коммунистами способом уже апробированным ими в других странах: через разоблачение, так называемого, антигосударственного заговора и обвинение ведущих лидеров Демократической партии в причастности к этому заговору.

Практическое решение вопроса о будущем словацкой греко-католической церкви, в отличие от Польши и Румынии, проходило уже на принципиально ином этапе общественного развития — после установления монопольной власти коммунистов, когда во всем регионе началось формирование политических режимов советского типа а перед коммунистической элитой встала задача определения места конфессиональных институтов в структурах формировавшихся авторитарно-тоталитарных режимов. Для Чехословакии речь прежде всего шла о месте католических церквей обоих обрядов в новой системе политического устройства и об отношениях с Ватиканом, как руководящим центром католического мира.

Как известно, основы новой конфессиональной политики были изложены в документе, одобренном на совещании в ЦК КПЧ 30 августа 1948 г. С точки зрения рассматриваемой проблемы этот документ представляет интерес потому, что его разработчики, казалось, вернулись к позиции Э. Бенеша, сформулированной им в беседе с Г. Г. Карповым.

Но если тогда воссоединение униатов Словакии с православной церковью рассматривалось Бенешем прежде всего как необходимость, продиктованная сложившейся после выборов 1946 г. реальностью, то во второй половине 1948 г. речь шла о принципиально иной перспективе. Превратившись в монопольно правящую, компартия ставила теперь задачу отрыва обеих католических церквей от Ватикана, превращения прежде всего римско-католической церкви как наиболее влиятельной в национальную, независимую от Святого престола. Это рассматривалось новой политической элитой не только как мера по ограничению идеологического влияния Запада на умы и настроения в чешском и словацком обществе, но и как важнейший шаг на пути подчинения церкви государству через включение ее институтов в структуры политической системы авторитарно-тоталитарного типа и, тем самым,превращения в инструмент государственной политики КПЧ. Такие же подходы стали теперь определять судьбу и греко — католической церкви в Словакии.

В документе, одобренном 30 августа 1948 г., было записано: «В Словакии мы имеем также еще проблему с греко-католической церковью, которая по литургии аналогична православной, а по вероучению однако тождественна римско-католической и папу признает своим главой, Эту проблему можно решить также, как проблему римско-католической церк-

ви, но с тем отличием, что эта церковь не будет больше существовать как самостоятельная, поскольку будет присоединена к православной»[1].

Советская сторона, судя по документам российских архивов, уже в ноябре 1948 г. располагала сведениями о начавшейся в партийно-государственных кругах ЧСР подготовке конкретных мер, направленных на ликвидацию греко-католической церкви. В частности Совет по делам РПЦ получил сообщение о встрече Я. Гавелки — секретаря церковной комиссиии ЦК КПЧ, отвечающего за предстоявшую акцию с управляющим экзархатом Московской патриархии Б.Л.Черкесом. Гавелкой был поставлен вопрос об опасности, которую представляет греко-католическая церковь, ибо она «поддерживает движение бандеровцев и имеет вредное влияние на массу сравнительно малосознательных и малограмотных людей, населяющих эту часть территории Чехословакии»[2].

Аналогичные сведения поступали в Москву и по дипломатическим каналам. 27 ноября 1948 г. зам. министра иностранных дел СССР В. А Зорин, курировавший конфессиональные проблемы в Восточной Европе, направил на имя Карпова срочную информацию о том, что правительство ЧСР разработало ряд мер по дискредитации греко-католической церкви. Среди них центральное место будут занимать судебные процессы над священнослужителями как пособниками ОУН — УПА. При этом, судя по пометам на документе, Зорин специально звонил Карпову с просьбой срочно сформулировать отношение Совета по делам РПЦ к намеченным чехословацким правительством акциям, с тем, чтобы заранее определить «позицию православной церкви в период постановки вопроса о закрытии некоторых приходов греко-католиков в стране, которые могут быть переданы православной церкви»[3].

Не разбирая подробно ответ Совета по делам РПЦ (документ уже нами опубликован), подчеркну только, что главный вывод сводился к тому, что мероприятия по ликвидации греко-католической церкви «являются для Чехословакии преждевременными и могут привести к нежелательным результатам, то есть переходу греко-католиков к римокатоликам, а репрессивные меры против греко-католического духовенства, уличенного в связях с националистическим подпольем, вряд ли вызовут значительный отход группы униатских верующих от церкви»[4].

Из этого документа со всей очевидностью вытекает, что план мероприятий «по дискредитации и разложению греко-католической церкви», разработанный в Праге не получил в Москве позитивной оценки. Фактически он был оценен как тактически неадекватный реальной си-

[1] Cirkevní komise ÚV KSČ 1949–1951. Edice dokumentů. Brno 1994. S. 23.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 13–14.
[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 423. Л. 185.
[4] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 423. Л. 187.

туации, и Праге в весьма осторожной форме[1] через посольство СССР рекомендовалось развернуть снизу, среди демократически настроенной части рядового греко-католического духовенства и мирян движение против греко-католической иерархии, прочно связанной с Ватиканом. Это движение должно было «осуждать связи реакционного духовенства с Ватиканом и буржуазно-националистическим, террористическим подпольем в стране»[2] и выдвинуть требования разрыва греко-католической церкви с Ватиканом, что и рассматривалось как одна из важнейших предпосылок для перехода униатов в православие.

Другой важнейшей предпосылкой должно было стать укрепление позиций православной церкви. Эта мысль неоднократно и настойчиво подчеркивалась Советом и в других документах. К сожалению, мы не располагаем прямыми документами, свидетельствующими о реакции чехословацкой стороны на позицию Москвы. Исследования же наших словацких коллег (в частности М. Барновского) показывают, что хотя в Праге греко-католическая церковь рассматривалась «как боевая реакционная сила», вопрос об отношении к ней в начале 1949г. стал рассматриваться в несколько ином ключе. Теперь речь шла о том, чтобы не допустить латинизации униатов, развивать в их среде движение за возвращение к православию и поддерживать православную церковь. Однако, нужно сказать, что из Словакии, судя по материалам советского генконсульства, продолжала поступать информация в Москву о намерениях словацкого партийного руководства вести курс на ликвидацию греко-католической церкви по причине ее тесных связей с бандеровским движением. Именно с такими планами развалить и ликвидировать униатскую церковь на Прешовщине (путем закрытия греко-католических монастырей и церквей) приходил к генконсулу Теплову первый секретарь ЦК КПС В. Широкий в апреле 1949 г.[3] Отмечая некоторую корректировку позиции в Праге, по-видимому можно предположить, что кроме позиции Москвы действовал и еще один фактор, продиктовавший необходимость более осторожного подхода властей в решении вопроса об униатах. С весны 1949 г. в действиях властных структур католических стран советского блока стала отчетливо прорисовываться тенденция к

[1] Как отмечалось в подготовленном Советом документе «неудобно ставить перед чехословацким правительством вопрос о сути и целесообразности» разработанных мероприятий, «тем более, что правительство не обращалось с этим вопросом». Тем на менее, Совет считал необходимым довести до сведения чехословацкой стороны ряд соображений с тем, чтобы они были, «если неудобно послу СССР обращать внимание правительства», высказаны министерству просвещения и культов или руководителю департамента культуры. (ГАРФ. Ф. 6961, Оп. 1. Д. 429. Л. 184)

[2] Там же Л. 188.

[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 1. Д. 579. Л.97.

координации действий в конфессиональной сфере. Свидетельством этого было совещание представителей компартий, состоявшееся в марте 1949 г. по вопросам будущей конфессиональной политики. Наши зарубежные коллеги считают, что оно было организовано под эгидой Комиформбюро, и называют разные даты и место его проведения.

Попытки, предпринятые нами, чтобы отыскать в соответствующих архивах Российской Федерации какие-либо материалы о нем, позитивных результатов не дали. Лишь в фондах ТАСС удалось найти информацию Лондонского радио от 27 марта 1949 г. о том, что вблизи Варшавы состоялась конференция, где принимали участие «партийные лидеры стран — саттелитов СССР». На этой конференции обсуждался вопрос о тактике борьбы против христианства и, прежде всего, против католической церкви. Здесь был выработан план «расколоть ряды католиков и направить верующих против священников, а священников против епископов, а также организовать движение, направленное на создание автокефальной католической церкви[1].»

В рамках выработанных на этом совещании установок в реорганизованной церковной комиссии ЦК КПЧ, по-видимому, и стала разрабатываться акция, направленная на раскол римско-католической церкви. Речь идет о так называемой «католической акции», подготовка к которой в определенной мере и могла отодвинуть проблему униатов временно на второй план. Однако, к концу лета 1949 г. стало очевидно, что попытка отколоть низовое римско-католическое духовенство от епископата, несмотря на оптимистические реляции чехословацкого партийного руководства в Москву, не достигла поставленных целей.

Можно предположить, что именно необходимость «взять реванш» побудила руководство церковной комиссии ЦК КПЧ вновь обратить внимание на греко-католиков. Встреча А. Чепички, как главы этой комиссии, с экзархом Московской патриархии митрополитом Елевферием 22 августа 1949 г. подтверждает эту версию. Инициатором встречи был Чепичка. По информации, полученной Советом по делам РПЦ по дипломатическим каналам «... министр Чепичка ...высказал предложение об активизации работы православной церкви в Словакии против униатов. Чепичка сказал, что в настоящее время для православной церкви создались благоприятные условия для своей деятельности, чтобы перевести несколько сот тысяч верующих униатов в православие. ... Елевферий на это министру ничего не ответил»[2].

Осторожная реакция митрополита на предложение Чепички объяснялась в немалой степени тем, что ранее, в мае 1949 г, будучи в Москве, он обсуждал проблему перевода униатов Словакии в православие с председа-

[1] АВП РФ. Ф. 568. Оп. 116. П. 461. Д. 479. Л. 162163.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 579. Л. 189.

телем Совета по делам РПЦ Карповым. Последний тогда очень четко зафиксировал позицию Совета: «Единственную возможность роста для православной церкви в Чехословакии я вижу в перспективе перехода греко-католических (униатских) приходов в православие по опыту, имеющемуся в Румынии, но для этого еще не созданы благоприятные условия»[1].

Сопоставляя позиции чехословацкой стороны в лице церковной комиссии ЦК КПЧ и советской, представленной Советом по делам РПЦ, нельзя не видеть различий в подходах к решению униатской проблемы. Коммунистическому руководству в Праге на фоне неудач с реализацией «католической акции», был весьма важен успех именно в этой части республики. В связи со сложившейся обстановкой оно рассчитывало использовать православную церковь, хотя и располагавшую весьма ограниченным влиянием среди населения, но политически лояльную новому режиму, в качестве инструмента для раскола единого католического фронта, игравшего роль легальной оппозиции власти коммунистов. Такой шаг открывал возможность правящей элите возможность активного использования «советского фактора» в своих политических интересах.

Совет по делам РПЦ и соответственно Московская патриархия не торопились, однако, форсировать события, направленные на ликвидацию Ужгородской унии, понимая возможные негативные последствия слабости позиций православной церкви в Словакии.

Опыт ликвидации Брестской унии на территории Западной Украины наглядно свидетельствовал, что с помощью административно-репрессивных методов достигалось только чисто внешнее восприятие населением новой конфессии. Даже в Румынии, где православная церковь имела прочные позиции в обществе и активно поддерживала политику властей, направленную на воссоединение униатов с православной церковью, налицо было негативное отношение к этой акции не только со стороны священнослужителей, но и немалой части румынского населения Трансильвании. Опыт же Закарпатской Украины, особенно после того, как Мукачевскую православную епархию возглавил в 1948 г. митрополит Макарий, убеждал Совет РПЦ, что провозглашение завершения существования унии с Римом в августе 1949 г. прошло наименее безболезненно (по сравнению с районами Западной Украины и Румынией) именно благодаря длительной разъяснительной работе с униатскими священнослужителями.

Однако предложение А. Чепички митрополиту Елевферию активизировать деятельность православной церкви против униатов было весьма позитивно воспринято советским посольством. От его имени в Совет по делам РПЦ уже 2 сентября 1949 г. была представлена целая программа мер по работе среди греко-католиков. К сожалению, современное состояние документальной базы не позволяет раскрыть процесс разработ-

[1] Там же. Л. 126.

ки этой программы, например установить были ли в этот период встречи членов церковной комиссии ЦК КПЧ с представителями посольства и кто персонально работал над текстом документа, который поступил в МИД СССР за подписью посла Силина.

В нем предлагалось обязать митрополита Елевферия назначить срок (не далее второй половины сентября 1949 г.) для переговоров об условиях активизации работы православной церкви Словакии по переходу униатов в православие; выделить специального уполномоченного православной церкви для работы в Словакии, вменив ему в обязанность разработку практических мероприятий; разработать канонические условия для предлагаемого перехода; договориться с министром Чепичкой о выделении необходимых ассигнований для проведения указанной кампании. Посольство предлагало также «получить специальное благословение от патриарха православной церкви и Всея Руси Алексия»[1].

Эта программа и была направлена МИД СССР в Совет по делам РПЦ с просьбой о срочном ее рассмотрении. 7 сентября Карпов сообщил в МИД СССР что со стороны Совета «не встречается возражений против предложений Советского посольства в Праге по вопросу проведения мероприятий по усилению деятельности православной церкви в Словакии против униатов.»[2] Данная формулировка означала, что «добро» на реализацию составленной посольством программы было получено на уровне курировавшего вопросы конфессиональной политики заместителя председателя правительства В. М. Молотова.

Таким образом, вновь инициированный во второй половине 1949 г. церковной комиссией ЦК КПЧ вопрос об ускорении перевода грекокатоликов в православие получил официальную поддержку советских высших инстанций, одобривших план по активизации работы православной церкви среди униатов, разработанный в советском посольстве в Праге. Теперь «советский фактор» в конфессиональной политике правящих кругов ЧСР становился важной составляющей и весьма активно использовался последними. Это наглядно было продемонстрировано уже во время подготовки и пребывания в стране делегации Московской патриархии в феврале 1950 г.

Официально объявленной целью визита делегации, возглавляемой митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, являвшимся вторым лицом после патриарха, было рукоположение двух православных епископов в Оломоуце и Прешове. Однако уже на стадии подготовки визита М. Силин получил 13 января 1950 г. из МИД СССР указание обратить внимание чехословацкой стороны на то, что некоторые деятели комитета, курировавшие конфессиональную политику (имелось в виду

[1] Там же. Л. 189.
[2] Там же. Л. 190

Государственное управление по делам церквей, возглавляемое А. Чепичкой) «придает через чур большое значение мероприятиям, связанным с созданием православной епархии в Прешове,»[1] Что же могло вызвать такую реакцию МИД СССР?

Советская сторона к началу 1950 г располагала информацией о негативной реакции Г. Гусака — главы словацкого правительства, в декабре 1949 г. на попытки митрополита Елевферия активизировать деятельность православной церкви в Прешовском крае. Г. Гусак при встрече с митрополитом 12 декабря 1949 г. назвал эти попытки акцией «политического характера» и подчеркнул, что назначение православного епископав Прешовскую епархию «неприятно будет униатскому епископу Гойдичу, так же как и оживление православной там деятельности». 4 января 1950 г. такая жесткая позиция Гусака, расходившаяся с планами Праги, обсуждалась на заседании церковной комиссии ЦК КПЧ, где было принято специальное решение придать пребыванию делегации Московской патриархии «характер торжественности» и «обеспечить православной церкви поддержку партии и органов власти, включая министерство внутренних дел и управление внутренних дел Словакии.»[2]. По-видимому, такое решение ведомства Чепички и вызвало обеспокоенность советской стороны, о чем и говорил Силин в беседе с генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским 14 января 1950 г.

Кроме того посольство располагало информацией об интенсивной подготовке партийных и государственных органов к переводу униатов в православие, для чего якобы правительство ЧСР создало три специальные комиссии (в Праге, Братиславе и Прешовском крае). Советскую сторону в полученной информации насторожило то,что во все комиссии были введены представители министрства внутренних дел. Посол выразил явное беспокойство, что «в дела религиозные хотят вмешать органы безопасности и министерства внутренних дел». В ходе беседы Р. Сланский опроверг имевшуюся в посольстве информацию относительно создания комиссий и подчеркнул, что чехословацкая сторона понимает «сколь сложно и длительно должна вестись работа по переводу униатов в православие, что кампанией тут дела не решить»[3]. Таким образом, взаимопонимание, казалось, было достигнуто.

Однако А. Чепичка, как политик, курировавший конфессиональную политику и по партийной, и по государственной линии вновь попытался «включить» советский фактор для форсирования темпов наступления власти на униатов. В первой же беседе с главой делегации РПЦ митрополитом Николаем он весьма четко определил, чего ожидает чехословацкая сторона от этого визита. Он заявил, как отмечал митрополит

[1] АВП. РФФ. 0138. Оп. 32. П. 178. Д. 10. Л. 8.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. Д. 579. Л. 2. Cirkevni komise UV KSC....S. 327.
[3] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 32. П. 1178. Д. 10. Л. 10

Николай в информации Совету по делам РПЦ, что приезд делегации рассматривается чехословацкой стороной «как начало кампании против греко-католической церкви, которую они намерены в скором времени начать»[1]. Такой подход к приезду делегации ставил в программу ее пребывания еще один весьма существенный вопрос — согласование плана мероприятий православной церкви по работе среди греко-католиков. Как писал по приезде в Москву митрополит Николай, им совместно с архиепископом Мукачевским Макарием, митрополитом Елевферием и секретарем посольства Н. Кравченко был проведен ряд совещаний и согласован план конкретных действий, во главу угла которого ставилась постепенная подготовительная работа в низовых массах, «для выявления инициативной группы для работы среди униатов руками самих униатов. Намечены лица для этой работы»[2]. Было очевидно, что иерархи, понимая сложность положения православной церкви в ЧСР, прежде всего ее слабое влияние среди населения и необеспеченность кадрами подготовленных священнослужителей, считали необходимым акцию по переводу униатов в православие проводить постепенно, предваряя ее широкой разъяснительной кампанией. Посол же Силин, принимавший участие в этих совещаниях, придерживался иной, более энергичной позиции. Как писал митрополит Николай в Совет по делам РПЦ: «он полагает что работу нужно начинать теперь и не бояться, что фанатики униаты свяжут ее с пребыванием нашей делегации.»[3] Такая позиция главы посольства могла быть с одной стороны обусловлена реакцией на результаты пребывания делегации в Прешовском крае, где семь униатских сел заявили о своем желании перейти в православие, что было расценено посольством как большой успех. Но с другой стороны такая позиция могла диктоваться складывавшейся новой ситуацией в государственно-церковных отношениях Чехословакии. Здесь, как известно, после принятия парламентом церковных законов, к реализации которых правительство интенсивно приступило уже с конца с 1949 г., начала формироваться юридическая база для наступления власти на оппозиционный ей католический епископат. По-видимому оба эти обстоятельства могли обусловить определенную подвижку в позиции советской стороны, а именно МИД СССР, в сторону ускорения темпов проведения кампании по по переводу униатов в православие, в чем и пытался убедить Силин православных иерархов. Советская сторона в лице МИД очевидно не имела возражений против стремления Праги совместить пик нажима на римско-католический епископат с антиуниатской акцией.

Поэтому не удивительно, что на заседании церковной комиссии ЦК КПЧ 27 февраля 1950 при подведении итогов визита делегации Мо-

[1] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 722. Л. 12.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 735. Л. 112.
[3] Там же

сковской патриархии акцент был сделан на вопросе о судьбе греко-католиков. «Визит православной делегации ... создал объективные условия для того, чтобы приступить к проведению акции по переводу униатов в православие и тем самым перечеркнуть план Гойдича перетянуть греко-католиков на сторону Ватикана и римско-католической церкви»[1].

В тот же день на заседании президиума ЦК КПЧ было принято решение немедленно начать кампанию по переводу униатов в православие.

Совет по делам РПЦ моментально отреагировал на это решение. 1 апреля 1950 г. Г. Г. Карпов, как глава Совета, направил на имя зам. министра иностранных дел В. А. Зорина специальное письмо, где писал: «По информации Московской патриархии гражданские власти Словакии начинают активную работу по ликвидации Унии и намерены закончить ее в течение 1,5–2 месяцев. Совет высказывает опасения, как бы такая поспешность не усилила переход населения в римо католичество». Далее от имени Совета Карпов ставил МИД СССР в известность, что православный экзарх располагает очень слабыми кадрами, что разъяснительная работа среди униатов крайне не эффективна, что большинство агитационных листовок напечатано на русском языке «вместо словацкого и карпаторосского», а в ряде изданных «на русском языке материалов употребляются откровенно антисемитско-черносотенные выражения»[2]. В заключении письма Карпов просил Зорина дать распоряжение ознакомить посольство СССР в Праге с точкой зрения Совета. К сожалению, мы не располагаем ответом Зорина и не можем установить в силу ограниченной доступности документов АВП РФ, было ли мнение Совета доведено до сведения посольства СССР в Праге.

Но если исходить из того, как развивались события в Словакии в марте – апреле 1950 г. по подготовке собора для отмены Ужгородской унии, то можно сделать вывод, что опасения Совета по делам РПЦ за успех готовящейся акции не были приняты в расчет. Сейчас не представляется пока возможным выяснить, где в Москве (в стенах МИД СССР) или в Праге позиция Совета была проигнорирована.

Как сообщал патриарху Московскому и Всея Руси Алексию митрополит Елевферий «акция по возвращению в православие населения Пряшовщины началась со стороны местных административных органов гражданской власти». При этом он отмечал, что в переходе униатов в православие было очень заинтересовано правительство Чехословакии. Причину такой заинтересованности митрополит видел в том, что греко-католический епископат, во всем послушный Ватикану, проводил политику, продиктованную последним. «Этим самым греко-католический епископат и фанатично настроенные, верные ему священники сильно

[1] Cirkevni komise...S. 389.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 721. Л. 112–113.

скомпрометировали себя перед правительством и народом. Было решено помочь народу воссоединиться с православной церковью и встать под духовное руководство епископов и духовенства., верных правительству»[1]. Как свидетельствуют материалы, поступавшие к К. Готвальду по линии Государственного управления по делам церквей, помощь эта обеспечивалась действиями краевых организаций КПС, которые мобилизовали в поддержку акции по переходу униатов в православие 4000 коммунистов из Кошиц, Прешова и других районов Словакии. Их усилиями была обеспечена та атмосфера энтузиазма и ликования, о которой сообщалось в Москву в начале мая 1950 г. как по дипломатическим каналам, так и по линии экзархата православной церкви.

Однако, как показывает сопоставление этих документов с информацией, поступавшей в те же дни К. Готвальду, реальность была иной. В. Экарт-представитель Государственного управления по делам церквей сообщал из Прешова, что только 50% священников Прешовщины более или менее решительно высказываются за переход в православие; 20% решительно настроены против, а 30% не занимают какой-либо определенной позиции. Сообщалось также, что среди униатского населения в Кошицком и Прешовском краях, особенно после закрытия монастырей и изоляции греко-католических епископов П. Гойдича и В. Гопко широкое распространение получило движение по защите священников от визитов представителей органов безопасности и местных властей разных уровней. Дома священников охранялись прихожанами[2].

К осени 1950 г. информация, поступавшая в Москву из Праги и Братиславы, все больше свидетельствовала, что, несмотря на провозглашенную 28 апреля 1950 г. ликвидацию Ужгородской унии, переход униатов в православие вступил в стадию застоя, что в свою очередь усиливало стремление властей к использованию административно-репрессивных методов для достижения поставленных целей. Такая тенденция достаточно четко уже обрисовалась в беседе Зд. Фирлингера, сменившего А. Чепичку на посту главы Государственного управления по делам церквей, с Силиным. Разбирая итоги летних месяцев, Фирлингер сообщил, что из 259 униатских священников лишь 100 человек, причем некоторые под сильным давлением приняли православие; 65 священников арестовано, а 94 являются потенциальными кандидатами на арест из-за нежелания менять конфессию[3].

В ходе беседы выявилась и другая, весьма обеспокоившая советскую строну тенденция. Анализируя сложившуюся ситуацию, Фирлингер заявил, что он вполне допускает возможность перехода униатов Словакии

[1] ГАРФ. Ф. 6991 Оп. 1 Д. 735. Л. 112.
[2] Statni Ustredni Archiv F. 100/24. Sv.49. F.J.871/ L/15–18.
[3] Восточая Европа в документах российских архивов. М., 1998. Т. II. С. 417.

в римо-католическую веру. «Фирлингер не видит беды в том, что униаты переходят не в православие, а в католицизм, лишь бы присоединялись к прогрессивным католикам», — писал в Москву из Праги советский посол[1]. Он увидел здесь тревожный симптом, свидетельствовавший, что чехословацкие власти начали утрачивать интерес к православной церкви, как силе, способной перетянуть униатов на свою сторону. Для Москвы это означало, что перспектива укрепления позиций православия, а следовательно и Московской патриархии в ЧСР в результате такого развития может утратить почву.

Если принять во внимание эти две тенденции, ставшие к концу 1950 г. для политиков той и другой стороны очевидной реальностью, то можно понять, почему международный отдел ЦК ВКП (б) обратился в Совет по делам РПЦ с просьбой сформулировать свои оценки и предложения относительно ситуации в Словакии. Г. Г. Карпов в своем ответе, напомнив об опасениях Совета в марте 1950 в успехе и реальности плана ускоренного перевода униатов в православие, считал необходимым,прежде всего, прекратить практику административно-репрессивного принуждения униатов к воссоединению. Исходя из курса на укрепление позиций православной церкви в ЧСР, он предлагал рекомендовать чехословацким органам власти оказать митрополиту Елевферию реальную помощь в подготовке кадров православного духовенства, специально подчеркнув, что направление священнослужителей из СССР будет тактически нецелесообразным и даст повод обвинять Московскую патриархию в экспансии. И, наконец, он считал необходимым поставить на рассмотрение руководства ЧСР рекомендацию о создании чешской автокефальной православной церкви, рассчитывая, что обретение нового юридического статуса православной церковью станет дополнительным стимулом для перехода униатов[2].

Однако развитие событий в 1951–1952 гг. показало, что сколь-нибудь существенных перемен в решении униатской проблемы, как рассчитывали в Москве, не наступило. Митрополит Елевферий прекрасно осознавал всю призрачность результатов акции по ликвидации греко-католической церкви в Словакии, где, по его словам, из 258 священников-униатов 150 отказались перейти под управление Московской патриархии и были выселены в Моравию, а еще 50 наиболее активных униатских священнослужителей были арестованы[3].

Причины сложившейся ситуации нужно, по-видимому.искать в том, что по мере того как через Государственное управление по делам церквей властям удалось установить контроль за деятельностью католической церкви,.сломить репрессивными мерами сопротивление

[1] Там же. С. 418.
[2] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 727. Л. 13.
[3] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1 Д. 1101. Л. 193, 193 об.

римско-католического епископата, принудив его, как показало последующее развитие событий, временно отказаться от роли легальной оппозиции коммунистическому режиму, для правящей элиты проблема греко-католической церкви и униатства,. так же как и проблема необходимости укрепления позиций православной церкви стала утрачивать прежнее значение. К 1954 г. в словацком руководстве произошло осознание иррациональности политики, проводимой в отношении униатов. К. Бацилек, будучи первым секретарем ЦК КПС, в беседе с советским генконсулом В. Д. Карякиным откровенно заявил, что в 1950 г. была допущена серьезная ошибка. «Не надо было переводить неподготовленное, религиозное до фанатизма, отсталое крестьянское населения в другую религию, а если переводить, то не надо было торопиться. Теперь старую ошибку нужно исправлять..., возврата к официальному разрешению униатской церкви в Словакии нет, но трудно что-нибудь придумать для удержания этих людей (всего около 200 тыс. семей) в православии»[1].

С. А. Романенко

«ХОРВАТСКАЯ ВЕСНА» И СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 1960–1970-х гг.

Что такое «Хорватская весна» и «маспок»?

Спустя десять лет после трагических событий в Венгрии и Польше 1956 г., во второй половине 1960 — начале 1970-х гг. обе среднеевропейские социалистические федерации — Чехословакия в 1968 г. и Югославия в 1970–1972 гг. — пережили серьезный кризис, связанный с необходимостью экономических, социальных и национально-политических реформ. В обоих государствах были предприняты обусловленные их внутренним развитием, но исторически тесно связанные между собой попытки преобразований существовавшей социально-экономической системы и политического строя, осуществляемых мирным путем. Одной из центральных проблем, стоявших перед обоими обществами, государствами и правившими коммунистическими партиями, был национальный вопрос — необходимость переустройства федерации, которое как форма национального самоопределения перестала удовлетворять родственные, «братские» славянские народы. Однако сразу возникла проблема: возможно ли осуществить эти реформы в рамках «социалистического выбора» или же они логически ведут к «изменению существующего строя» и распаду существовавших государств?

[1] ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д. 1321. Л. 31.

Обе попытки потерпели поражение. В Чехословакии реформы Александра Дубчека были подавлены извне интервенцией войск государств Варшавского договора, приведшей к замене реформистов, оказавшихся во главе всей Компартии Чехословакии (КПЧ) и государства. В Югославии президент государства и глава Союза коммунистов Югославии (СКЮ) Йосип Броз Тито сумел собственными силами, не допустив вмешательства извне, нанести поражение реформаторам, возглавившим республиканские партийные организации и учреждения государственной власти, первоначально — не без его поддержки. Хотя нельзя отрицать, что «советский фактор» сыграл значительную роль в разгроме как хорватских «националистов» в 1971 г., так и сербских «либералов» и словенских «технократов» в 1972 г.

Драматический парадокс ситуации рубежа 1960 и 1970-х гг. в Югославии состоял в том, что реформаторские идеи, иногда выходившие за рамки или даже противоречившие официальной доктрине, выдвигали не антититовская эмиграция и не противники коммунизма. Положение титовской Югославии и тенденции ее развития перестали удовлетворять молодое поколение партийных деятелей, т. е. тех, кого Тито воспитывал с особой заботой и тщательностью. В конце 1960-х гг. происходит смена поколений в Союзах коммунистов Словении, Хорватии и Сербии. На руководящие посты пришли Марко Никезич и Латинка Перович в Союзе коммунистов Сербии (СКС), Савка Дабчевич-Кучар, Перо Пиркер и Мика Трипало в Союзе коммунистов Хорватии (СКХ), Стане Кавчич в Союзе коммунистов Словении (СКСл) и правительстве Словении. Им было присуще иное восприятие марксистской политической науки и окружающего мира, нежели Йосипу Брозу Тито, Эдварду Карделю и их соратникам. Нараставшие экономические, социальные и национальные проблемы Югославии «молодые» хотели решать на путях демократизаии и продолжения процесса национального самоопределения в новых формах.

О «Хорватской весне» и сербских либералах 1971–1972 гг. отечественному читателю практически ничего неизвестно. Причины этого вполне ясны — до 1991 г. в СССР объективные исследования югославского опыта, тем более кризиса 1970–1972 гг., были невозможны по политикоцензурным и психологическим причинам. Мало что изменила в этом отношении даже «перестройка»: советские руководители и их эксперты не понимали сути национальных противоречий в СФРЮ и опасались «обидеть» руководство СКЮ. Да и еще не пришло тогда время пересмотра оценок, данных руководством КПСС и СКЮ событиям 1970–1972 гг.: это была уже история, но все же слишком близкая, порождавшая множество аналогий (степень их обоснованности и корректности — иной вопрос). Югославские реформаторы 70-х гг. XX в. — независимо от их национальной и республиканской принадлежности — так и не стали «своими»

для «архитекторов перестройки», не говоря уже о ее «прорабах». А после 1991 г, после исчезновения с политической арены обеих правивших коммунистических партий и распада обоих многонациональных государств события недавнего прошлого отошли на второй план перед лицом трагического распада Югославии и войн 1991–1995 гг[1].

В отечественной историографии до сих отсутствуют монографические исследования, посвященные кризису 1971 г. Впрочем, это относится практически ко всем важнейшим проблемам истории Югославии 1950-х — начала 1990-х гг. Поэтому приоритет в изучении данной проблематики принадлежит, естественно, историкам Хорватии, Сербии и Словении, Словении, Боснии и Герцеговины, а также и зарубежным исследователям[2]. По вполне понятным причинам до 1990–1991 г. в югославской официальной исторической и политической литературе была представлена единственная точка зрения и только одна оценка, основанная на выступлениях Тито и решениях партийных органов разных уровней, прежде всего, начавшегося с совещания Президиума ЦК СКЮ с представителями ЦК СК Хорватии, переросшего в XXI пленум Президиума СКЮ в местечке Караджорджево 30 ноября — 2 декабря 1971 г. При этом негативная оценка Хорватской весны была свойственна как представителям СКЮ, по-прежнему придерживавшимся концепции «пролетарского югославизма», так и последователям концепций сербского этнического национализма. В произведениях исследователей обеих этих групп «Хорватская весна» (или «маспок» — сокращенное название от слов «masovni pokret» (хорв.) — массовое движение) были оценены су-

[1] См.: *Романенко С. А.* Югославия, Россия и «славянская идея. М., 2002. С. 354–368.

[2] Об общей ситуации в Югославии в середине 60 — начале 70-х гг., предпосылках, месте и традициях хорватского национального движения в зарубежной литературе, напр., см.: *Djordjevic D.* The Yugoslav Phenomenon. In: The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. Josef Held ed. NY, 1992. P. 334. *Matković H.* Povijest Jugoslavije. Hrvatski pogled. (1918–1991). Zagreb, 1998. S. 361–371; *Šošić H.* Slom hrvatskog komunističkog proljeća. 1971. Zagreb, 1997. S. 159–163; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povjiest. Zagreb, 1999. S. 553–668; *Зечевић М.* Југославија. 1918–1992. С. 164–165; *Jović D.* Jugoslavija — država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad četvrte Jugoslavije. 1974–1990. Zagreb-Beograd, 2003; *Allock J. B.* Explaining Yugoslavia. London, 2000; *Tanner M.* Croatia. A Nation forged in War. Second edition New Haven and London, 2001. P. 202; *Judah T.* The Serbs. History. Myth & the Destruction of Yugoslavia. New Haven and London, 2000. P 146; *Garde P.* Život i smrt Jugoslavije. Prevod sa francuskog. Zagreb—Mostar, 1996. S. 98. *Cuvalo A.* The Croatian National Movement. 1966–1972. Columbia University Press, 1990; *Pavlovitch S.K.* The Improbable Survivor. Yugoslavia. and Its Problems. 1918–1988. Columbus, 1988. P. 48–77, 95–111; *Ramet S. P.* Nationalism and Federalism in Yugoslavia 1962–1991. Second edition. Bloomington and Indianapolis, Indiana University Press, 1992. P. 81–213; *Vujica S. M.* Razmatranja o sadašnjosti Hrvata. Chicago, Ill, 1968. P. 169–185.

губо негативно как националистическое движение, угроза целостности Югославии и т. д.[1]

События в Югославии на рубеже 1960–1970-х гг. были первым серьезным общегосударственным кризисом в развитии коммунистического федеративного государства южных славян, поставившим под вопрос и единство СКЮ, и его роль и официальную концепцию «братства и единства наций и национальностей», восходившую как к традициям югославизма второй половины XIX — начала XX вв., так и к «пролетарскому интернационализму», и само существование федеративного государства. Кризис в межнациональных отношениях был связан с обострением нескольких «национальных вопросов» — словенского, сербского, хорватского и албано-косовского, каждый из которых имел свои особенности и динамику развития. Например, финансово-экономические и культурно-языковые требования были важной составляющей национальных требований лидеров Хорватской весны.

Кризис СФРЮ и СКЮ второй половины 1960 — начала 1970-х гг. был связан не толь ко с нарастанием внутренних противоречий, но и с развитием международной ситуации. Существенным элементом и того, и другого были югославско-советские — межгосударственные и межпартийные отношения.

Характер «Хорватской весны» был двойственным. С одной стороны, это было движение коммунистических реформаторов молодого поколения, стремившихся к большей общественной свободе не выходя за рамки социалистического строя (их возглавляли С. Дабчевич-Кучар и ее товарищи по руководству ЦК СКХ). Весна начала расцветать в январе 1970 г., когда на X пленуме ЦК СКХ при поддержке Тито было провозглашено, что главное сопротивление реформам оказывают «унитаристскоцентралисткие силы». С другой, — активное участие в «маспоке» приняли антикоммунистические и националистические элементы, занимавшие сильные позиции в обществе «Матица Хрватска», связанные с националистически настроенным крылом хорватской эмиграции. Первые выступали за реформу социалистической федерации, вторые — за создание независимой некоммунистической Хорватии.

Двойственность «Хорватской весны» проявляется при попытке поставить ее в исторический контекст. С одной стороны, ее, безусловно, можно поставить в ряд движений за демократизацию социалистического строя и против подчиненного положения по отношению к СССР в ГДР 1953, в Венгрии и Польше 1956 и Чехословакии 1968 гг. С другой, — она относится и к наиболее ярким проявлениям борьбы хорватского народа за национальную свободу — «весне народов» 1848 г. и подъему хорватского национального движения в 1883 и 1903 гг.

[1] Напр. см.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. 1918/1984. Zbirka dokumenata. Beograd, 1985. S. 990–991, 1003–1104

Несколько слов на языке эпохи

За прошедшие без малого сорок лет со времени событий, о которых пойдет речь в данной статье, политико-идеологическая и научная терминология претерпела значительные изменения. Поэтому для точного понимания содержания дебатов в период «Хорватской весны» 1971 гг. между сторонниками реформ и их противниками необходимо составить своего рода краткий словарь понятий, которым пользовались оба лагеря.

Одним из ключевых понятий той полемики было слово «национализм», поскольку на Балканах национальное практически тождественно этническому, а гражданские нации в 1960–1970-х гг. не сформировались. Политическая жизнь на Балканах, где многие народы живут смешанно или чересполосно и не имеют «своей» «чистой этнической территории», и долго не имели своей национальной государственности, с середины XIX в. возникла и развивается прежде всего в форме национальных, а не социальных, движений. А окружающий мир народами региона воспринимается прежде всего в этнических категориях. В югославской (как, впрочем, и в советской) политической идеологии и тесно связанными с ней общественных науках тех лет термин «национализм» в соответствии с ленинской, а затем и сталинской традицией в коммунистическом движении использовался исключительно в негативном смысле[1]. Авторы «Политического словаря», изданного в Белграде в 1979 г. охарактеризовали «национализм» как «буржуазную и реакционную идеологию, которая собственную нацию и ее интересы противопоставляет интересам других наций. Эта идеология постоянно подчеркивает 'приоритеты' собственной нации — экономические, политические, культурные и военные, принижает интересы и ценности других наций и оправдывает их недооценку»[2].

Идеологическая доктрина СКЮ пыталась соединить в себе критику как социализма, созданного в СССР, так и «буржуазной демократии» стран Западной Европы и США. Созданная в условиях советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. теория югославского социализма исходила из

[1] Российский исследователь В. В. Коротеева справедливо считает, что сама эта традиция негативной трактовки термина «национализм» «возникла не в советское время и марксизм не имеет к ней никакого отношения». (См.: *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 10.) Однако в данном случае важно, что именно негативная трактовка термина «национализм» была присуща коммунистической идеологии и политической практике двух правящих партий в многонациональных федерациях — СКЮ в СФРЮ и КПСС в СССР. Зачастую власти объявляли «национализмом» взгляды, представлявшие для них угрозу, но не имевшие к настоящему национализму никакого отношения. Это был один из политических ярлыков, вроде «троцкизма», «ревизионизма» и т. д.

[2] Politički leksikon. Beograd, 1979. S. 255.

критики «сталинизма», который определялся югославской официальной наукой как «бюрократическая деформация социализма и догматическая ревизия основных научных положений марксизма и ленинизма»[1], а также «этатизма» — «политического принципа, исходящего из того, что влияние государства должно быть максимально распространено на все области жизни нации»[2]. Так определяли содержание этих понятий авторы «Международного политического лексикона» изданного в 1960 г. в Загребе. Этим изданием, несомненно, пользовались участники событий 1970–1972 гг[3].

В то же время, критиковался и «либерализм» — «политическая доктрина и идеология господствующей буржуазии защищает тезис о том, что общество для своего развития должно быть абсолютно свободным, а это, прежде всего, означает, что государство не должно вмешиваться в его развитие»[4]. Однако термин «либерализм» применительно к коммунистической идеологии в 1960–1970-е гг. имел иное значение, которое не было строго научным. «Либералами» тогда называли коммунистов — сторонников ослабления авторитаризма и репрессивной политики, введения ограниченных гражданских свобод, распространения рыночных принципов в экономике. В большинстве своем они и не помышляли об отказе от «руководящей роли партии и «коммунистических идеалов».

Досталось также и технократам. «Технократы требуют, — утверждали хорватские авторы,– чтобы принципы функционирования техники применялись не только для организации экономики, но и распространялись на все общественное устройство в целом. Эту индустриально-техническую реорганизацию должны осуществлять технические специалисты»[5]. Таким образом, несмотря на все различия, в глазах Тито и его ближайших сподвижников все три концепции — «национализм», «либерализм» и «технократизм» представляли собой опасность не только для коммунистического режима, но и для власти группы людей, с 1945 г. осуществлявших в Югославии верховную власть от имени как «трудящихся», так и «наций и национальностей».

И еще два ключевых для понимания полемики тех лет термина «Централизм» трактовался как система государственного устройства, в котором главные прерогативы власти сконцентрированы в одном центре. В отли-

[1] Politički leksikon. S. 447.

[2] Međunarodni politički leksikon. Zagreb, 1960. S. 157. Любопытно, что в данном издании определение термина «национализм», равно как и «либерализм», отсутствует. Также см.: Politički leksikon. Beograd, 1979. S. 109

[3] Хотя между изданием обоих словарей прошло почти двадцать лет, идеологически и концептуально они принадлежат к одной эпохе и содержат практически одинаковую трактовку анализируемых терминов.

[4] Politički leksikon. S. 222.

[5] Međunarodni poilitički leksikon. S. 509.

чие от федерализма, где они разделены». А «унитаризм» загребские авторы понимали как «стремление к усилению центрального управления, в противовес федерализму, который требует децентрализацию»[1].

Пражская весна и советско-югославские отношения

Общее отношение Йосипа Броза Тито к СССР в 60–70-е гг. определялось несколькими обстоятельствами. Конечно, большую роль играли его «эмоциональные воспоминания о молодых годах, проведенных в сибирском плену, когда он сделал выбор в пользу революции и идеологии коммунизма». С другой стороны, имея «чуждый любому догматизму характер», он не мог не признаться самому себе «советская система не приносит людям свободу и благосостояние». Наконец, «будучи политиком мирового масштаба, он отвергал внешнюю политику СССР, пролетарский интернационализм и доктрину ограниченного суверенитета»[2]. Все эти три компонента, а также не менее эмоциональные воспоминания о Коминтерне и Национально-освободительной войне, как и привычка властвовать вкупе с опытом повседневной борьбы за сохранение власти в своих руках, практически всегда присутствовали при принятии Тито конкретных политических решений. Так было и в 1968 г., во время подавления СССР и государствами Варшавского договора «Пражской весны», когда отношения между двумя странами подверглись новому испытанию.

1 июня 1966 г. на IV пленуме ЦК СКЮ исключил из партии всемогущего, как тогда казалось, вице-президента СФРЮ и главу спецслужб Александра Ранковича, считавшегося сторонником авторитаризма и великосербского национализма. Его обвинили в приверженности «антисамоуправленческим, унитаристским бюрократически-централистским взглядам, во фракционной борьбе за власть»[3]. 31 декабря того же года был досрочно освобожден из тюрьмы помилованный диссидент Милован Джилас, которого, однако, не восстановили в гражданских правах[4].

Тито наносил удары по любой возможной оппозиции не столько во имя «социализма», в который он верил, сколько во имя сохранения и упрочения своей власти и системы, которая эту власть обеспечивала,

---

[1] Međunarodni poilitički leksikon. S. 94, 524; Politički leksikon. S. 54, 480.

[2] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. (1967–1973). Pogled svrha i iznutra. Zagreb, Globus; Rijeka, Adamić, 2001. S. 146–147.

[3] Наряду с вышеупомянутыми авторами подробнее об этом см.: *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjeve in Titove Jugoslavije. Koper, 1995; *Gleni M.* Balkan: 1804–1999: Nacionalizam, rat i velike sile. Deo 2. Prevod s engleskog. Beograd, 2001. S. 277–282.

[4] *Matković H.* Jugoslavija. 1918–1991. S. 350–353; *Pirjevec J.* Jugoslavija S. 252–259; Ђилас М. Пад нове класе. Повест о саморазарању комунизма. Београд, 1994. С. 335.

во имя узкой группы личных друзей и все более расширявшегося слоя бюрократии. А с начала 60-х гг. конфликты как с внутрипартийной, системной, так и диссидентской и эмигрантской, внесистемной оппозицией множились и все более обострялись. В марте 1967 г. была разработана и опубликована «Декларация о названии и положении хорватского литературного языка», взорвавшая политическую жизнь не только Хорватии, но и всей СФРЮ. Сербские культурные деятели подготовили свой ответ («Предложения к обсуждению»). Хорватская декларация подверглась резкой критике в официальной печати, а ее авторы и инициаторы были исключены из Союза коммунистов Хорватии[1]. Даже крупнейший писатель не только Хорватии, но и всей Югославии и личный друг Тито Мирослав Крлежа был вынужден расстаться с положением члена ЦК СКХ.

Внутреннее развитие Югославии и СКЮ было тесно связано с событиями в социалистических странах, входивших в Варшавский договор и СЭВ, в «Восточный блок». Не только в Югославии, но и в Чехословакии постепенно обострялись межнациональные и межреспубликанские противоречия, что требовало конституционных реформ социалистических федераций. Предстояло найти ответ на один из главных, если не главный вопрос: возможны ли подобные реформы, представляющие собой новый этап в процессе национального самоопределения, в рамках коммунистической идеологии и существовавшей авторитарной политической системы, или же они приведут к распаду этих федераций и к изменению социально-экономического строя.

Описывая пленум ЦК КП Чехословакии, проходивший с 28 марта по 5 апреля 1968 г. один из руководителей СКС в те годы, «либерал» Латинка Перович замечает, что его суть состояла «не в отрицании роли партии, а в отрицании ее совершенно определенной роли. Особое место занял национальный вопрос, т. е. вопрос о взаимоотношениях чехов и словаков. Разумеется правящий режим и это сферу. В обосновании своей программы деятельности, [Александр] Дубчек подчеркнул, что права Словакии были практически сведены к нулю. Созрела потребность в проведении конституционных реформ. Симметричная модель государственно-правового устройства не могла бы ограничивать единый национальный рынок, ни прогрессивную экономическую интеграцию, во всей стране, основанную на рациональном экономическом расчете»[2].

Помимо сторонников главы КПЧ Антонина Новотны — «консерваторов» и сторонников Отто Шика — «реформаторов», на декабрьско-

[1] См.: Deklaracija o hrvatskome jeziku s prilozima i deset teza. Drugo izdanje. Zagreb, Matica Hrvatska, 1991; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 513–518.

[2] *Perović L.* Zatvaranje kruga. Ishod političkog rascepa u SKJ 1971/1972. Sarajevo, 1991. S. 67, 69–70.

январском пленуме ЦК КПЧ 1968 г. выступила и «словацкая» группировка, лидером которой был первый секретарь КП Словакии А. Дубчек. Ее позиция определялась «раздражением» словацких партийных функционеров тем, что в начале 60-х гг. А. Новотны урезал республиканские полномочия, и словацкие учреждения оказались в прямой зависимости от центральных общефедеральных учреждений в Праге[1]. Любопытно, что несмотря на это, А. Дубчек считался «просоветским» и его кандидатура на пост главы КПЧ первоначально устроила Кремль. Более того, Л. И. Брежнев не только аттестовал А. Дубчека как «очень честного человека», но и признал уточнение статуса Словакии проблемой, требующей неотложного решения[2].

Й. Броз Тито, несмотря на публично выраженную поддержку чехословацким реформаторам[3], не без тревоги следил за развитием событий в Чехословакии. Его позиции в 1968 г. по отношению к Пражской весне была свойственна та же двойственность, что и в 1956 г. по отношению к восстанию в Венгрии. Что будет с его властью, если поддержку Москвы получат молодые хорватские и словенские партаппаратчики, мыслившие в границах социализма и если их настроения совпадут по направленности с тенденцией национального самоопределения? Наверняка он задавал себе этот вопрос. Еще в середине 1930-х деятели хорватского и словацкого национальных движений проводили параллели между положением хорватов и словаков, соответственно, Югославии и Чехословакии[4]. И проблемы власти, и проблемы межнациональных отношений напрямую касались и созданного им славянского социалистического федеративного государства, в котором также постепенно нарастали и трудности, и противоречия, и его правящей партии, в которой с течением времени вызревали и поднимали голову реформистские тенденции, требовавшие пересмотра системы национально-политических отношений в стране. Среди прочего, это отразилось и в студенческих демонстрациях июня 1968 г., идеи и требования которых, выдвинутые их собственной организацией (констатация социального неравенства, безработицы и наличия сильной бюрократии, а также требования улучшения материального положения университетов, равноправного участия студентов в решении актуальных общественных проблем, осуждение появления «кланов» и «монополий» на факультетах и кафедрах, переизбрания всех преподавателей демократическим путем и свободной записи на факультеты) с большой тревогой

[1] *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах М., 2003. С.293.

[2] *Латыш М. В.* «Доктрина Брежнева» и «Пражская весна» 1968 года. (Реализация тоталитарных принципов через партийную дипломатию» // Советская внешняя политика (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 304.

[3] *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. S. 1042.

[4] *Maček V.* Vođa govori. Zagreb, 1936. S. 270

обсуждались Тито и ближайшим кругом его соратников по Президиуму и Исполкому ЦК СКЮ[1].

В условиях нарастания напряженности в социальных и национальных отношениях, готовой вот-вот перекинуться в политику, внешние события помогли Тито сохранить и укрепить свою власть. Однако он не пошел по пути осуждения Пражской весны, предложенному ему из Кремля. Как вспоминает видный деятель СКЮ и СКХ тех лет С. Дабчевич-Кучар, в 1968 г. советское руководство хотело, чтобы Тито «образумил» чехов, то есть вел с ними переговоры якобы для того, чтобы избежать военного вмешательства. По ее мнению, это был блеф; план вторжения был уже разработан, и опять, как и в 1956 г., Москва просто использовала Тито для пропагандистских целей[2].

Сам Тито связывал «Пражскую весну», по его словам — «прогрессивное движение, ведущее к демократизации не только в Чехословакии, но и во всем Восточном блоке», — с конфликтом, начавшимся в 1948 г. между КПЮ и ВКП(б), а также с подчиненным Сталину, но имевшим и свои амбиции Коминформом[3]. (Точно также он воспринимал и венгерские события 1956 г.). Он, как и все югославское руководство не только не мог, но и не хотел «образумить» А. Дубчека и открыто поддержал «Пражскую весну» (в отличие от восстания в Венгрии 1956 г.). Когда же его попытка убедить Л. И. Брежнева не вмешиваться в развитие событий потерпела неудачу и произошла интервенция в ЧССР сил Варшавского договора, Тито был «разочарован и озабочен судьбами мира и отношениями внутри Восточного блока, в котором, таким образом, советская гегемония усиливалась»[4].

«Пражскую весну» за Кремлевской стеной оценивали принципиально иначе, чем в Белграде, исходя из сталинских принципов и по отношению к социал-демократии, и по отношению к Югославии. На заседании Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1968 г. возражая председателю КГБ Ю. В. Андропову, считавшему, что руководство КПЧ «борется за свою шкуру» и защищая свое совместное с генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым (на тот момент — более умеренное) предложение о проведении двусторонней встречи руководства СССР и ЧССР, чтобы попытаться воздействовать на последних чисто политическими мерами, председатель совета министров СССР А. Н. Косыгин сказал: «[Правые во

[1] Подробнее об этом см.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. S. 956–967.

[2] *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. Zagreb, 1997. S.600.

[3] На наш взгляд, широко распространенное мнение о том, что у Тито уже в 1948 г. была своя собственная, отличная от сталинской, концепция построения социализма, — естественно возникший и сознательно культивируемый политико-пропагандистский миф более позднего происхождения.

[4] См.: *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S. 58.

главе с Дубчеком] борются за социал-демократическую программу. Вот суть их борьбы. Они борются с остервенением, но за ясные для них цели, за то, чтобы на первых порах превратить Чехословакию в Югославию, а затем в что-то похожее на Австрию»[1]. К этому можно добавить, что антиюгославские настроения в СССР отнюдь не были изжиты.

Сложности в советско-югославских отношениях в конце 1960-х гг. не ограничивались идейными разногласиями. Свое слово сказала и геополитика. В Москву по строго конфиденциальным каналам стала поступать информация о попытках Румынии, Чехословакии и Югославии наладить более тесные связи, выходящие за границы принятых в Восточном блоке межгосударственных и межпартийных отношений. Возникал призрак очередного варианта более независимого от СССР объединения стран Средней и Юго-Восточной Европы — не только «славянской (или балканской) федерации», но и даже Малой Антанты. Свидетельством этого стало заявление Л. И. Брежнева, сделанное им 19 июля 1968 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС: Время работает «не в нашу пользу, против нас. Сейчас в Праге ждут приезда Чаушеску и Тито, идет разговор о каким-то дунайском сговоре, дунайской встрече»[2]. «Правда» 25 августа 1968 г. в статье, написан ной по лекалам времен венгерского кризиса 1956 г., обвинила Югославию и Румынию в «оказании актив ной помощи чехословацким антисоциалистическим силам. Именно в Белграде и Бухаресте политические авантюристы из Праги в этот период плетут интриги». Стремление наладить региональное сотрудничество было для югославского руковод ства не только и не столько данью исторической традиции, сколько вполне реальными опасениями, что если советские войска войдут и в Румынию, то они будут «развернуты сразу на двух участках югославской границы» — не только на венгерском, но и на румынском направлениях[3].

Все это вносило дополнительную остроту в советско-югославские отношения, и без того ухудшившиеся в результате вторжения в Чехословакию армий стран Варшавского договора. В Югославии ожидали, что «тем же ударом» СССР покончит не только с поисками новой государственной политики странами Средней и Юго-Восточной Европы и с «социализмом с человеческим лицом», но и с югославским «ревизионизмом» или «правым оппортунизмом», как его называли в советских партийных документах[4]. В Кремле, однако, не забывали, что массовые реформатор-

[1] «Я ведь инженер, а не политик» // НГ — Фигуры и лица. 14.12. 2000.

[2] Цит. по: *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. С. 307.

[3] *Лавренов С. Я., Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. С.332.

[4] См.: *Улунян Ар. А.* Старая площадь и «единая Восточная Европа» в 50–90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика // История

ские движения зачастую начинались с литературных дискуссий, как, например, в Венгрии в 1956 г. и, несмотря на все политико-идеологические расхождения, вовсе не хотели смены «родственного» им вопреки всему режима Й. Броза Тито.

Москва не могла не учитывать и нормализацию китайско-югославских отношений. «До мая 1968 г. китайская пресса вообще замалчивала существование Югославии, а в мае даже произошел всплеск антиюгославской пропаганды в связи с негативными оценками президентом Тито «культурной революции»,– пишет российский исследователь Борис Кулик. Начиная с 1970 г., процесс улучшения китайско-югославских отношений набирает быстрые темпы. В 1970 г. КНР и СФРЮ обменялись послами (до этого в течение 12 лет они поддерживали дипломатические связи на уровне временных поверенных в делах). В июне 1971 г. состоялся визит в КНР правительственной делегации СФРЮ во главе с государственным секретарем по иностранным делам М. Тепавцем»[1]. Однако реформистское крыло СКЮ, в том числе и будущих лидеров Хорватской весны, не вдохновлял не только советский, но и китайский опыт социалистического строительства.

Над отношениями двух партий и стран вновь стали витать призраки 1948–1953 и поздней осени 1956 гг. В очередном письме Л. И. Брежнева от имени ЦК КПСС, посвященном позиции югославских товарищей (17 октября 1968 г.), содержались и стандартные обвинения югославской стороны в отходе от «марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма», и резкая критика «непрекращающейся в СФРЮ кампании против Советского Союза и других социалистических стран». «В вашей стране, — утверждали советский генсек и его аппарат,– наряду с извращением сущности событий в Чехословакии активно распространяются провокационные и безосновательные измышления об угрозе нападения на Югославию со стороны социалистических государств»[2]. Письмо закачивалось обычными уверениями в том, что СССР заинтересован в сотрудничестве и позитивном развитии двусторонних отношений. Советская печать также либо замалчивала события в Югославии и точку зрения ее руководства на внутреннюю и внешнюю политику СССР, либо представляла ее в далеком от реальности виде.

Дополнительную остроту советско-югославским отношениям в тот момент придавали два обстоятельства. Во-первых, руководство КПЧ, предвидя интервенцию, передало Президиуму ЦК СКЮ стенограмму своих переговоров с советским руководством в городке Чиерна над Тисой.

европейской интеграции (1945–1994). Под редакцией А. С. Намазовой, Б. Эмерсон. М., 1995. С. 209.

[1] *Кулик Б. Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 470

[2] *Mićunović V.* Moskovske godine. 1969 /1971. Beograd, 1984. S. 13.

Во-вторых, американские дипломаты проинформировали правительство СФРЮ, что в случае непосредственной опасности США окажут помощь Югославии[1]. На советско-югославские отношения неизбежно накладывалась и калька «холодной войны» — идеологического и военнополитического противостояния двух блоков.

Спор вокруг Чехословакии для СССР и СФРЮ стал политическим конфликтом в борьбе за сферы влияния в Средней и Юго-Восточной Европе, а для КПСС и СКЮ — идеологическим столкновением вокруг трактовки «ленинизма» и «сталинизма», в те годы реанимировавшегося в Москве. О свойственной в те годы как политикам, так и интеллектуалам и в СССР, и в Югославии попытке отделить Ленина от Сталина и противопоставить их друг другу свидетельствует одна из фотографий Белграда в августе 1968 г.: на одном плакате под портретом Сталина было написано: «Он бы так поступил!»; на соседнем, под портретом Ленина надпись утверждала: «Он бы так не поступил!»[2].

В Югославии начала создаваться атмосфера истерии. Председатель Исполкома СКЮ Миялко Тодорович наряду с советской политикой публично резко раскритиковал и генерала Раде Хамовича, только в конце 1967 г. сдавшего пост начальника Генерального штаба ЮНА, за то, что тот не прервал свой отпуск в Дубровнике и не оказал помощь Генштабу в проведении мобилизации и развертывании сил на северо-восточном направлении. Вскоре после этого генерал был уволен из армии и долгое время подозревался в «работе на русских»[3]. Однако главной целью выступлений некоторых политиков, как считает бывший союзный секретарь по делам обороны Бранко Мамула, был сам президент Тито, не допускавший вмешательства партийных функционеров в руководство армией[4]. Кроме того, совсем немного времени прошло после снятия со всех постов А. Ранковича[5].

Создавшуюся в Югославии осенью 1968 г. атмосферу ярко характеризует история с задержкой в белградском аэропорту Сурчин самолета Аэрофлота под «благовидным», а на самом деле шитым белыми нитками, предлогом. Как вспоминает бывший сотрудник югославской секретной службы и дипломат Милан Трешнич, Тито якобы сообщили, что

[1] *Tripalo M.* Hrvatsko proljeće. Zagreb, 1990. S. 104; Mićunović V. Moskovske godine. S. 40.

[2] См.: *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 80–81 (вклейка).

[3] Р. Хамович, занимавший тогда пост заместителя начальника Генерального штаба, наряду с другими высокопоставленными югославскими военными присутствовал на встрече делегации во главе с Й. Брозом.Тито со Сталиным 27–28 мая 1946 г. // Исторический архив, 1993, № 2. С.29.

[4] *Mamula B.* Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000. S. 27–28; *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 34.

[5] *Matković H.* Jugoslavija. S. 350–353; Pirjevec J. Jugoslavija. S. 252–259.

этим обычным пассажирским рейсом в Белград будет доставлен «штаб сил вторжения войск Варшавского договора, который из советского посольства в Белграде будет руководить вторжением в Югославию», как это было в Чехословакии. Поэтому выход пассажиров из самолета был задержан, что позволило югославским спецслужбам проверить поступившую (дез)информацию[1].

Обстановку неуверенности и страха 1968 г. в Югославии на всю жизнь запомнил и тогдашний школьник Егор Гайдар, живший с родителями в Белграде. Его воспоминания о советско-югославских отношениях свидетельствуют о столкновении романтических иллюзий с суровой политической реальностью. «В Сербии традиционно доброе отношение к русским, здесь их любят, пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире, может быть, за исключением Черногории, — вспоминает он. — Но сейчас, после пражских событий, отношение настороженное. Опасаются, что за вторжением в Прагу наступит очередь Югославии»[2].

Более того, в 1968 г. сербский коммунист М. Трешнич (да и он ли один?!) фактически воспринимал СССР как фашистскую Германию: «Если будет война, я опять буду знать свое место в строю, как это было в тысяча девятьсот сорок первом»[3]. По всей стране проходили многотысячные митинги протеста против действий СССР и его союзников, и солидарности с народом Чехословакии. И это тоже была славянская солидарность[6]! Впрочем, и советская пропаганда тех лет называла ввод войск в ЧССР помощью «славянским братьям».

«Хорватская весна»-71: новая попытка реформы социалистической федерации

Период 1968–1971 гг. никак нельзя отнести к спокойным и плодотворным в советско-югославских отношениях. На них не могли не отразиться не только события в Праге, но и общий поворот советского руковод-

[1] *Trešnjić M.* Vreme razlaza. Od Briona do Karađorđeva. Beograd, 1989. S. 63–66. В данном случае даже не важно, послала ли в этот раз спецгруппу, собиралась в другой раз послать или вовсе не имела этого намерения Москва. Важно восприятие СССР и представление о его намерениях и возможностях в Югославии.

[2] *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед // Сочинения в двух томах. Том первый. М., 1997. С. 191.

[3] *Trešnjić M.* Vreme razlaza. S.61. Важна характеристика атмосферы в стране и отношения к СССР, в том числе и «православных сербов». Поскольку его воспоминания вышли в 1989 г., надо полагать, он не изменил свою позицию.

[4] Спустя тридцать лет, в 1999 г., во время бомбардировок Косово, в общественном сознании чехов и словаков ожили воспоминания о том, как многие туристы, оказавшиеся в момент вторжения в ЧССР в Югославии, в 1968 г. получили у югославских властей приют и впоследствии возможность уехать на Запад.

ства в сторону «мягкой реабилитации» Сталина и сталинизма. Немалую роль играл в этом М. А. Суслов, так и не отказавшийся от духа и буквы известных резолюций и писем 1948–1949 гг. Хотя Марко Врхунец, бывший шеф кабинета Й. Броза Тито, характеризуя этот период, утверждал, что «Советы сохранили с нами нормальные отношения», Велько Мичунович, вновь назначенный послом в СССР[1] и прилетевший в Москву поздней осенью 1969 г., едва сойдя с трапа самолета, на себе почувствовал резкую перемену в отношении к Югославии по сравнению с 1956 г. и разницу между Н. С. Хрущевым, при котором югославское направление было приоритетным во внешней политике СССР, и Л. И. Брежневым. Не говоря о резких спорах по принципиальным идеологическим и геополитическим вопросам, советская сторона пользовалась и тактикой «мелкого фола», унижая югославских дипломатов, часто себе же во вред (например, послы СФРЮ долгое время не могли добиться приема у высших руководителей или вручить Л. И. Брежневу личные и срочные послания президента Й. Броза Тито и т. д.). Впрочем, в ноябре 1969 г. антиюгославская кампания в советской печати в связи с позицией СФРЮ и СКЮ по отношению к событиям в Чехословакии и IX съездом СКЮ была свернута, но недовольство югославской прессой со стороны советских руководителей высказывалось при каждом удобном и неудобном случае[2].

Раздражение Москвы против политики СКЮ и СФРЮ вновь возросло в 1970 г. в связи с решениями Первой конференции СКЮ и визита в СФРЮ (в том числе и в Хорватию) президента США Ричарда Никсона. Югославская сторона, в свою очередь, мягко говоря, не высказывала восторга раздававшимися из Кремля требованиями вступить в СЭВ и «доктриной ограниченного суверенитета» («доктриной Брежнева»), сформулированную и провозглашенную осенью 1968 г.[3]

В июле 1970 г. председатель Союзного исполнительного веча (правительства) СФРЮ Митя Рибичич посетил Москву, где был принят Председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным. Косыгин сказал, что югославы смотрят на свет идеалистически только в теории, а на практике колеблются между блоками и используют обе стороны. В доказательство своих слов Косыгин привел точную цифру, сколько миллионов долларов было получено от Вашингтона и размер долгов Западу и пророческим тоном добавил, что государство, которое легко делает долги, оказывается в трудном положении. Слова Косыгина имели результат, обратный ожидаемому, считает современный словенский историк Й. Пи-

[1] Впервые В. Мичунович был послом Югославии в СССР в 1956–1968 гг. Интересно, что после отъезда В. Мичуновича в Москву югославские власти предоставили его квартиру семье Т. А. Гайдара — отца Е. Т. Гайдара.

[2] *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 37–38, 65, 72.

[3] См.: *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 91–115; Tripalo M. Hrvatsko proljeće. S. 179.

рьевец — Югославия постаралась укрепить [свои] связи с Западом и свою роль в Движении неприсоединения[1].

Идеологическое соперничество между Москвой и Белградом в коммунистическом движении и геополитическое — в Средней и Юго-Восточной Европе, начавшееся во второй половине 40-х гг., продолжалось и в 60–70-е гг. «Югославия не принадлежала к числу покорных русских сателлитов, — пишет С. Дабчевич-Кучар. — Югославию Москва рассматривала как своеобразную «тампон-зону» по отношению к Западу»[2]. Последствия 1948–1953, 1956 и 1968 г. сказались и в 1971 г., когда Л. И. Брежнев и его товарищи по Политбюро ЦК КПСС оказывали сильное давление на Тито, чтобы он подавил хорватское (да и не только хорватское) национально-демократическое (или «либеральное» — в рамках СКЮ) движение.

К тревожным событиям в Москве отнесли и прошедший 14–17 января 1970 г. в Загребе X пленум ЦК СКХ, опубликование в Загребе полного текста секретного доклада Хрущева[3] и появление «Исламской декларации» Алии Изетбеговича распространявшейся нелегально и тогда все же не оказавшей большого влияния, активизацию национального движения боснийских мусульман, события в Косово[4]. Нельзя было игнорировать и постоянных оппонентов из эмигрантского — прежде всего сербского и хорватского лагерей, разделенных на радикальных националистов, исповедовавших идеи моноэтничных государств и немногочисленных демократов-югославистов[5].

Дополнительный драматизм событиям 1971–1972 гг. придавала неразрешенность проблемы со все еще существовавшей в СССР югославской «революционной эмиграцией», пытавшейся активно действовать во враждебном политике Тито и СКЮ духе. Еще в 1969 г. глава СКС М. Никезич следующими словами охарактеризовал политику и методы «информбюровцев», в конфликет 1948–1955 гг. сохранивших верность Сталину: «Они будут считать, что ослабляют нас изнутри. Поэтому я считаю. что более чем когда либо с 1948 г. происходящее сейчас будет советским вмешательством чтобы нас продырявить изнутри. И они пойдут на все возможные комбинации. Они скажут в Хорватии — нет судостроения без заказов в СССР. Черногорцам они скажут: ваш алюминий и все

[1] *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 314.

[2] *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. S. 597, 598.

[3] Tajni referat N. S. Hruščova. Zagreb, 1970.

[4] См.: *Izetbegović A.* Islamska deklaracija. Sarajevo, 1990; *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 229–250; *Duraković.* Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993. S. 166–168; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 553–668; *Matković H.* Povijest Jugoslavije. S. 363–371; *Pavličević D.* Povijest Hrvatske. S. 486–491; *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 275–310; *Зечевић М.* Југославија. С. 162–166.

[5] Напр., см.: *Galić M.* Politika u emigraciji. Demokratska alternativa. Zagreb, 1990.

остальное, ваши перспективы связаны с нами. Сербским националистам они скажут: ваше положение было бы совсем иным, если бы Югославия опиралась на Советский Союз; тогда вы были бы «главной нацией» на подобие того, как русские являются «главной нацией» в СССР... Сербские националисты могут симпатизировать или не симпатизировать русским, но русская модель организации государства должна быть им близка. Они не должны хотеть видеть русских в Белграде, но такое стечение обстоятельств, как внешнеполитическое, так и внутриюгославское, которое обеспечило бы более сильное русское влияние, они должны учитывать. Таким образом, я считаю, что русские будут присутствовать в гораздо большей степени, и это надо иметь в виду в наших схватках ... Важен тот факт, что у нас все еще существует база государственного социализма»[1].

Безусловно, ни Й. Броз Тито, ни Л. И. Брежнев, принимая решения в 1971 г., не упускали этот существенный с политической точки зрения фактор из виду. Немногочисленная община югославских коммунистов, принявших в 1948 г. сторону Сталина и оказавшихся в СССР, довольно продолжительное время оказывала негативное влияние на взаимоотношения двух партий и государств, изображая из себя некую «просоветскую» альтернативу курсу СКЮ и СФРЮ, группу, готовую придти к власти. Политическое наследие 1948–1953 гг. в значительной мере было преодолено только в 1975 г., после визита в Москву идеолога СКЮ Э. Карделя. 27 ноября 1975 г. «Правда» в передовой статье за подписью «И. Александров», что было псевдонимом высшего руководства КПСС, резко раскритиковала «различные эмигрантские группировки и отдельных ренегатов, как в самой Югославии, так и за ее пределами, которые демагогически пытаются представить себя в качестве «самых верных» последователей социализма в СФРЮ, а в действительности борются против политики СКЮ и единства народов Югославии в борьбе за социализм»[2].

Отражением нараставшего кризиса национально-политического устройства стали и предложенные изменения в конституции СФРЮ, бурно обсуждавшиеся и принятые летом 1971 г[3].

Примерно в это же время формируется концепция реформистского движения в рамках СКЮ в Сербии. 10 января 1969 г. на семинаре в белградском Институте политических исследований М. Никезич, отвечая на вопрос о «советской теории и практике национальной независимости», в частности, сказал: «[Русские] сейчас выдвинули теорию, поскольку каким-то образом им надо легитимизировать то, что они совершили.

[1] *Nikezić M.* Srpska krhkla vertikala. S. 126–129.

[2] *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990. S. 248.

[3] См.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. S. 975–981.

Но не только то, что они совершили в Чехословакии, но и то, что они совершали уже в течение многих лет.... У них со всеми странами Восточной Европы, социалистическими странами, происходил конфликт, в тот или иной момент, когда кто-то пытался в большей или меньшей степени эмансипироваться. Но эмансипироваться не для того, чтобы выйти, не за рамки социализма, поскольку в конце концов социализм остался сущностью всех этих обществ... Они стремились эмансипироваться от неравноправных межгосударственных отношений. В этом вся суть. Любому, кто пытался из этого высвободиться, говорили, что он занимает антисоциалистические позиции. Поскольку ведущей силой социализма является Советский Союз, быть против Советского Союза то же самое, что быть против социализма. И такое же клеймо ставили и на целые партии, и на любое движение, которые стремились к изменению этих взаимоотношений в направлении равноправия».

Отвечая на связанный с предыдущим вопрос о том, как в современной теории и практике ставится вопрос борьбы за национальный суверенитет при социализме, М. Никезич заметил: «Мы и сейчас убеждены, что только социалистическая революция может решить национальный вопрос. Но тот факт, что только она может его решить, не означает (и практика это подтвердила), что она, только потому, что произошла, тем самым и решила этот вопрос. Революция произошла в целом ряде стран, где сохранились неравноправные отношения между нациями. Например, чехи и словаки, нации экономически, культурно и социально наиболее развитые, после новой революции, решили первый раз создать федерацию. И надо сказать, что «старшие братья» смотрели на эту федерацию с одобрением, хотя сам Советский Союз также является крупной федерацией, но федерацией особой. Не хочу говорить об особом положении, которым обладает русская республика, РСФСР. Откровенно говоря, особое положение занимает и русская нация. Да и Сталин этого не скрывал»[1].

Описывая ситуацию, сложившуюся в СФРЮ и СКЮ в 1971–1972 гг., Л. Перович характеризует ее как «попытки демократизации партии, которые впервые после Джиласа, привели к внутренним дискуссиям и оформлению различных течений. (...) Но разрыв со Сталиным в партии (т. е. СКЮ — *С. Р.*) никогда не был ясно проартикулирован. Это отвечало и тем, кто удовлетворился организационной независимостью, и тем, кто стремился идеологически дистанцироваться. И догматики, и реформисты с полным правом ссылались на одни и те же источники и одну и ту же линию (...) Демократическая ориентация осталась в тени господствующей концепции, выросшей из того же корня, что советский строй»[2].

Все это не могло не встревожить Кремль. СССР проводил антиюгославскую кампанию под лозунгом «общего кризиса в Югославии из-за

[1] *Nikezić M.* Srpska krhkla vertikala. Beograd, Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2003. S. 118–119.

[2] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 424.

роста межнациональных противоречий и национализма», что официально объяснялось «озабоченностью за целостность и безопасность Югославии». Тито на встречах высших руководителей страны в самом узком кругу говорил об опасности интервенции со стороны СССР. Советские руководители все более открыто сравнивали Югославию с Чехословакией периода Пражской весны, упрекая Тито за поддержку А. Дубчека. Вовсю использовалась концепция «ограниченного суверенитета», которую распространяли и на Югославию. Это сопровождалось ссылками на решения Ялтинской конференции 1945 г. и передвижением войск около границ Югославии. Как пишет С. Дабчевич-Кучар, советская пропаганда активнее всего действовала в Сербии, Черногории и части Боснии и Герцеговины. Активную роль в распространении советской позиции, по ее мнению, играли Дом советской культуры в Белграде, а также бывшие информбюровцы. (Оставшись в СССР, они впоследствии получили право приезжать в Югославию, где «по секрету» сообщали о том, что Югославия развивается по капиталистическому пути и что возможна советская интервенция). С советской стороны также активно критиковались планы конституционных реформ СФРЮ, а руководство ЦК СК Хорватии изображалось «западной агентурой». Распространялись слухи, что руководство хорватских коммунистов, лидеры Хорватской весны связаны с эсташской эмиграцией[1].

Среди «прозападно настроенных» деятелей СКЮ упоминались даже Владимир Бакарич и Эдвард Кардель, а также партийные руководители Сербии Марко Никезич и Латинка Перович, Македонии — Крсто Црвенковски и Хорватии — Мико Трипало и Савка Дабчевич-Кучар[2]. Впрочем, «либерал», «реформатор» и «борец со сталинизмом» Э. Кардель приклеил хорватскому руководству тех лет ярлык «дубчековцев» и «контрреволюционеров» и повторял: «Лучше русские танки в Загребе, чем ваша "дубчековщина". В этом его позиция нисколько не расходилась с позицией Л. И. Брежнева или М. А. Суслова[3]. Под этими словами охотно подписался бы в 1948–1953 гг. и сам И. В. Сталин (ему надо было бы лишь поменять термин на «титовщина» или «карделевщина» и

[1] *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. S. 601–603.

[2] *Джилас М.* Тито — мой друг и мой враг. Париж, 1982. С. 20, 88.

[3] Знали ли об этих словах югославского «реформатора» советские партийные либералы, многие из которых в 1968 г. поплатились за свою критическую позицию по отношению к интервенции в Чехословакию? Концепции Э. Карделя — «главного теоретика югославского рыночного социализма» были «особенно созвучны [их] тогдашним поискам новой марксистской истины». См.: *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., Московская школа политических исследований, 2001. С. 119. Однако существенным недостатком этих поисков было недостаточное внимание (связанное не в последнюю очередь с практически полным блокированием информации и с советской, и с югославской стороны) к проблемам межнациональных отношений в принципе, и в Югославии, в частности.

Загреб на Белград), не говоря уже об осевших в СССР «информбюровцах». Все это подтверждает мысль М. Джиласа о том, что «титоизм, титовский марксизм по своей функции ничем не отличается от марксизма или марксизмов в остальных коммунистических странах — он освящает и обосновывает власть»[1].

Главный редактор «Правды» М. В. Зимянин заговорил об «интернациональном долге», о разжигании националистических страстей и разрушении Югославии как единой социалистической страны, о стратегическом значении Югославии для СССР, об оппозиции Тито, которая является средоточием антисоветизма и антикоммунизма. «Спокойно наблюдать за распадом Югославии — значит предать принципы интернационализма и принципы Маркса и Энгельса», — заключил один из главных идеологов КПСС[2].

В геополитическом плане уже упоминавшийся М. Трешнич увязывал ситуацию в Хорватии в 1971 г. с пресловутым «разделом» Югославии «пятьдесят на пятьдесят» между Черчиллем и Сталиным. Эта договоренность в тот момент трактовалась (по крайней мере, частью сотрудников югославских спецслужб) как право «в случае третьей мировой войны на вступление вооруженных сил одной из сторон на территории, с которых против них велась война». Иначе говоря, утверждал М. Трешнич, речь шла о том, кто первый — Восток или Запад — займет Словению, Хорватию и часть Боснии. Однако на следующей странице он же писал, что «реализация доктрины «пятьдесят на пятьдесят» не принималась во внимание, поскольку в 1971 г. не было ни войны, ни конфликта сверхдержав[3].

Впрочем распространение психологии и идеологии национализма было характерно и для других республик. М. Никезич на совещании с представителями редакции газеты «Коммунист» еще 8 апреля 1969 г. заявил: «Для нас в Сербии главный вопрос — опасность объединения этнического национализма и тенденции к государственному социализму. Говоря об этом, я не утверждаю, что корень всех зол в государственном социализме, а считаю, что для нас в нашем нынешнем состоянии и в целом и в среднем это — возвращение прошлого .... Конечно, у определенных слоев жива ностальгия по гегемонии. Она жива у этих слоев и у определенной части интеллигенции.... А это только форма в высказаться против имеющегося у нас типа федерации. Иногда подобные манифестации выглядят почти патологическими, потому что, конечно, все эти игры и соревнование, кто что приобрел, и кто что потерял, никак не связаны с жизнью обычных людей, какую республику ни возьми. Они живут своим трудом, не прекрасно, но как работаешь, так и живешь. (...)

[1] *Джилас М.* Тито — мой друг и мой враг. С. 57. Также см. С.73–74, 87.
[2] *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. I. S.560.
[3] *Trešnjić M.* Vreme razlaza. S.161.

[Национальности] естественно тянутся к русским не из-за славянства. Нет речи и о том, что каждая из них хотела видеть русских в [нашей] стране. Но хотела бы управлять этой страной на русский манер. Со многими из этих людей мы даже могли бы вместе бороться против Информбюро, но теперь, после демократизации, на этом этапе нашей борьбы против Коминформа, поскольку представляется, что он все еще существует, это немного трудно, поскольку это отечественные автократы! Разумеется, и здесь ситуация изменилась. Не только потому, что русские «исправились». К сожалению, прогресс настолько минимален, что Россия из-за этого вынуждена оставаться закрытой; она не прячется, потому что не хочет показывать свои чары, а потому, что осознает свое значение (...)[1].

Делегация СКЮ присутствовала на XXIV съезде КПСС 30 марта — 9 апреля 1971 г. 30 апреля 1971 г. Брежнев позвонил Тито на о. Бриони во время пленума ЦК СКЮ. Он «выразил озабоченность ситуацией в Югославии, где, по его мнению, основы социализма и единство государства находятся под угрозой», и предложил помощь во имя спасения социализма в стране. Когда Тито сообщил об этом, в зале наступила мертвая тишина. Собравшихся, не забывших ни 1948 г., ни 1956 г., ни интервенцию в Чехословакию, словно «сразил удар молнии». Имевший большой опыт общения с советскими руководителями Тито не растерялся и пригласил Брежнева приехать в страну и самому оценить обстановку. По его словам, он твердо сказал: «Мы свои проблемы решим сами»[2]. Но объективно этот звонок помог ему в борьбе с представителями «реформистских» течений в СКЮ, до того пользовавшихся его поддержкой или, хотя бы именем, и грозивших стать реальной оппозицией. Тито заявил, что в сложившейся обстановке необходимо единство партии, поскольку «без СКЮ наше содружество и наша общность не выживет и не сможет развиваться»[3].

А вот как описывает тот же эпизод Л. Перович: «Одно обстоятельство ускорило принятие решений и завершение пленума. На третий день, на послеобеденном заседании Тито проинформировал Президиум о телефонном разговоре с Брежневым. Согласно его версии, Тито позвонил Брежнев и поинтересовался, что обсуждается три дня на Президиуме СКЮ, какие воинские части движутся к Белграду. Тито ответил, что мы обсуждаем проблемы внутреннего положения, что занимаемся самокритикой, но сохраняем единство. 'Ни каких войск нет', — ответил он. Мы приня-

[1] *Nikezić M.* Srpska krhkla vertikala. S. 126–129.

[2] *Dabčević-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. I. S. 561.

[3] Некоторые функционеры СКЮ предполагали, что звонок Брежнева придумал сам Тито. Однако, скорее всего, этот звонок действительно имел место. См. напр.: *Trešnjić M.* Vreme razlaza. S. 163–165, 172–179; *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 129.

ли эту информацию молча. Заседание закончилось принятием решений, которые для общественности стали первой информацией о трехдневном секретном заседании высшего партийного органа»[1].

Особой проблемой были взаимоотношения между хорватскими и сербскими реформаторами. Особого доверия между ними не было, не говоря уже о сотрудничестве. «В конце заседания, к нам пришла Савка Дабчевич-Кучар, — вспоминает Л. Перович.– Она мне сказала: "Вы нам очень помогли". "Но поймите и вы нас",– ответила я. "Кое-кто, — продолжала она, — действует и против нас и против вас". Кажется, что они (т. е. руковод ство СКХ — *С. Р.*) только тогда поняли, что сербы (т. е. руководство СКС — *С. Р.*) не имеют ничего общего с "заговором" (против руководства СКХ — *С. Р.*) (...) Решения Семнадцатого пленума Президиума СКЮ были опубликованы 3 мая 1971 г.»[2].

Этот эпизод затронул самые основы югославской политики и политической системы того времени. Сам Тито воспринял звонок из Москвы и как отражение деятельности «некоторых офицеров, которые ждут советскую интервенцию», и той части его белградского окружения, которое «считало, что его время истекло» и критиковало его за «прорусскую политику, вспоминая визит в Москву в июне 1967 г. по приглашению Л. И. Брежнева для обсуждения со странами Варшавского договора вопроса о военной помощи Египту[3].

Давление нарастало. 8 июля посол СССР Владимир Степаков посетил Тито на о. Бриони. 24 июля последовало личное послание Брежнева Тито.18 августа югославского лидера в его резиденции на Бриони посетил поверенный в делах Дмитрий Севьян. Апогеем этого давления стал визит в Югославию Л. И. Брежнева 22–25 сентября 1971 г., когда пере говоры Й. Броза Тито с Л. И. Брежневым продолжались с глазу на глаз в течение нескольких часов.

В самом начале официальных переговоров советская делегация выдвинула свои «семь пунктов» — углубление политического сотрудничества и преодоление всех разногласий; развитие экономических отношений; расширение сотрудничества с СЭВ; углубление межпартийного сотрудничества, в особенности в борьбе против империализма и колониализма; усиление совместного сотрудничества с развивающимися странами; наблюдение за прессой, чтобы не допускать слишком критических материалов друг о друге, поскольку у обеих сторон есть сильные и слабые стороны; и, наконец, о принятие позиции советской историографии относительно Национально-освободительной борьбы народов Югославии.

[1] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 251

[2] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 251–252.

[3] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S. 244; *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 302.

При этом Л. И. Брежнев утверждал, что «деятельность информбюровцев» практически прекращена. Он чуть ли не «со слезами на глазах» опроверг и «распространяемое в Югославии мнение о том, что Советский Союз намеревается [на нее] напасть»[1].

Возможно, у этих переговоров был и еще один, третий план. На первый взгляд трагикомический случай произошел в августе 1971 г. В. Мичунович обсуждал с Л. И. Брежневым ситуацию в Югославии. Советский генсек (как утверждает В. Мичунович), имея в виду осевших в СССР югославов — сторонников Сталина, «информбюровцев», сказал: «СССР никогда не поддерживал этих усташей». Лишь присутствовавший на переговорах сотрудник ЦК КПСС, большой знаток Югославии Ю. П. Островидов помог разъяснить недоразумение и избежать опасного конфуза в и без того натянутых отношениях[2].

Однако этот эпизод имел более глубокий подтекст, поскольку в Сербии в тот момент все чаще начали распространяться высказывания о том, что «хорватских националистов поддерживает Москва, которая хочет вызвать распад Югославии, разделить сербский народ и укрепить свои позиции на Адриатике»[3]. Основанием для этого стало открытое письмо одного из лидеров правого крыла хорватской эмиграции Бранко Елича одному из руководителей СКХ Владимиру Бакаричу, в котором он утверждал: «Нам нечего ждать от Запада, но мы можем рассчитывать на помощь Советского Союза. СССР считает, что хорваты, как и любой народ, имеют право на независимость»[4]. Позднее, как утверждает С. Дабчевич-Кучар, стало известно, что это было результатом деятельности некоторых функционеров СКЮ и спецслужб. Впрочем, на словах они были готовы принять помощь и от США. Однако, по ее мнению, «в то время никакая русская помощь в деле независимости Хорватии для нас (лидеров «хорватской весны» — *С. Р.*) была неприемлема, поскольку [они] считали советскую модель коммунизма еще хуже нашей, также несовершенной!»[5].

М. Трешнич утверждал, что в августе якобы «проговорившийся», а на переговорах в Белграде 22–25 сентября 1971 г. «отлично подготовленный Брежнев категорически опроверг слухи о том, что советские граждане поддерживают контакты с усташской эмиграцией»[6]. Несмотря на

[1] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S. 113, 288.

[2] *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 134–135; *Trešnjić M.* Vreme razlaza S. 171–179.

[3] *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 296.

[4] *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 298.

[5] См.: *Dabčevic-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. I. S. 160, 181. Об этом также см.: Tanner M. Croatia. P. 195

[6] См.: *Trešnjić M.* Vreme razlaza. S. 164, 171–179; *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 147. *Вукмановић С.* Зашто се и како распала Југославија. Београд, 1996. С. 95. Заметим, что сам В. Мичунович написал, что Л. И. Брежнев «думал

непримиримость, версии хорватских сторонников «весны» и сербских ее противников сходились в одном — в ответственности СССР. Разница состояла лишь в том, что первые возлагали на Советский Союз вину за поражение движения, а последние — за то, что оно возникло и достигло столь внушительных масштабов. В то же время, на этих переговорах Л. И. Брежнев подтвердил признание советской стороной Московской декларации 1956 г.[1]

После изложения на переговорах советской платформы (в составе официальной делегации СКЮ не было ни одного представителя Хорватии[2]), Тито пришел к заключению, что «русские нас опять хотят не мытьем так катаньем вернуть в Восточный блок». Югославская же платформа исходила из идеи дальнейшего развития Белградской декларации. «Брежнев нас немного поругал, но мы уже к этому попривыкли»,— сказал Тито своему окружению. Естественно, в ответной речи он защищал свою внутреннюю политику и пытался успокоить гостя, предлагавшего четыре месяца назад «братскую помощь»: «в Югославии отсутствует дезинтеграция, а национальные права основываются на ленинских принципах. Никто не требует отделения наиболее развитых республик от, например, Черногории. Наши эмигранты на Западе никакие не террористы и не поджигают леса и предприятия». Тито также опроверг распространенное утверждение, что «исключительно он, Тито, сохраняет единство Югославии», назвав такими факторами также СКЮ, президиум СФРЮ, и правительство[3].

Был затронут и «македонский вопрос»: в ответ на слова Л. И. Брежнева о том, что он уже сказал, что македонская нация существует, югославский руководитель попросил его «сказать об этом громче». Позднее сам Тито рассказывал, что на встрече с глазу на глаз советский генсек попросил его во время предстоящего визита в США намекнуть президенту Р. Никсону, что СССР хочет хороших и дружественных отношений с США согласен при гарантиях Израиля уйти из арабских стран[4].

В подписанном после визита заявлении содержались общие слова о верности принципам документов 1955 и 1956 гг.[5] Практически ничто не выдало истинного смысла визита и содержания переговоров! Чуть позд-

о наших (т. е. югославских — *С. Р.*) информбюровцах» и вовсе не думал истолковывать этот эпизод как доказательство сотрудничества СССР с усташской эмиграцией.

[1] *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 315.

[2] *Mićunović V.* Moskovske godine S.143–156; *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S.112; Текст совместного заявления см.: Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. Priredio Momir Stojković. Tom III. 1946–1996. Beograd, 1996. S. 381–385.

[3] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S. 115.

[4] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom, S.116.

[5] Текст совместного заявления см.: Balkanski ugovorni odnosi. Tom III. S. 381–385.

нее, «в начале октября на Бриони состоялось заседание Исполнительного бюро Президиума СКЮ, на котором присутствовали председатели и секретари республиканских центральных и областных комитетов. Тито сделал доклад о переговорах с советской делегацией. У всех присутствующих чувствовалась известная сдержанность»[1].

В Белграде считали, что визит Л. И. Брежнева, а также проведенные 2–10 октября крупнейшие в истории Югославии маневры «Свобода-71» (в них приняло участие около 400 000 военнослужащих и служащих территориальной обороны и была опробована система общенародной обороны — все это способствовало тому, что был отведен меч, висевший над Югославией». О степени «удовлетворенности» Тито переговорами с Брежневым свидетельствовал и сам факт проведения маневров[2]. А 28 октября — 2 ноября 1971 г. состоялся ответный визит Тито в США[3].

30 ноября — 1 декабря 1971 г. в резиденции в местечке Караджорджево состоялось заседание Президиума СКЮ, 2 декабря перешедшее в его XXI пленум. Тито напомнил его участникам о «советских танках». «Советскую угрозу», которая в тот момент отнюдь не была политико-пропагандистским штампом, он использовал для сохранения собственной власти и нанес окончательное поражение не только сторонникам «хорватской весны», но и в более широком смысле всем поднявшим было голову реформистским силам в СКЮ — хорватским «националистам», сербским «либералам», словенским «технократам»[4]. Пускать в Югославию советские войска он не мог, и не собирался, по его собственным словам, играть роль А. Дубчека[5].

«Сербские либералы восприняли эти действия без воодушевления. Так случилось, что Никезич и Перович не защищали загребских коллег, но протестовали в принципе "против давления сверху", — пишет словенский историк Й. Пирьевец[6].

---

[1] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 304.

[2] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom, S. 122. *Pirjevec J.* Jugoslavija, S. 302. Даже спустя столько лет словенский гражданин М. Врховец подробно не рассказывает об обсуждении на переговорах «хорватского вопроса» и ни словом не подтверждает сербскую версию о поддержке Москвой «хорватской весны» и эмигрантов-усташей.

[3] См.: Balkanski ugovorni odnosi. Tom I I I. S. 385–387.

[4] *Джилас М.* Тито — мой друг и мой враг. С.88. Подробнее об этом см.: Sječa Hrvatske u Karađorđevu 1971. 21 sjednica. Autorizirani zapisnik. Zagreb, 1994; *Tripalo M.* Hrvatsko proljeće. S. 190–202; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, S. 553–668; *Matković H.* Povjest Jugoslavije. S. 354–375; *Đukić S.* Slom srpskih liberala. Tehnologija političkog obračuna Josipa Broza. Beograd, 1990; *Šošić H.* Slom hrvatskog komunističkog proljeća 1971. Zagreb, 1977; *Ramet S. P.* Nationalism and Federalism in Yugoslavia. P. 98–134; *Garde P.* Život i smrt Jugoslavije. Zagreb-Mostar, 1996. S. 96–99.

[5] *Dabčevic-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. I. S.562.

[6] *Pirjevec J.* Jugoslavija. S. 305–306.

После разгрома Хорватской весны — руководители СКХ подали в отставку. В Хорватии начались преследования наиболее активных участников «маспока». Согласно данным М. Трипало, из партии вышло или было исключено около 50 тысяч человек, своих должностей лишились около 5 тысяч экономических и партийных руководителей, по обвинению в преступлениях против государства и народа было осуждено около 2000 человек. Несколько иные данные приводит С. Дабчевич-Кучар — из партии было исключено около 70 тысяч членов СКХ, лишились работы примерно 60–70% руководителей предприятий и партийных функционеров за три года — с 1969 по 1971 было возбуждено всего 1449 уголовных дел, а в первую половину 1972 — 3 606, причем 2 289 приходилось на Хорватию[1].

Либеральные (в коммунистическом понимании тех лет) идеи проникли даже в «святая святых» режима — в армию. Это, по мнению адмирала Б. Мамулы, занимавшего в 70–80-е гг. высшие военные посты, «поставило под сомнение единство вооруженных сил». Фактически в ЮНА сложились две группировки, но победа, так же, как и в СКЮ, досталась «консерваторам». Приверженцы «либеральных» теорий вынуждены были один за другим либо выйти в отставку, либо перейти на незначительные должности[2]. «В 1948 г. в момент столкновения с СССР Тито и узкий круг его ближайших соратников отвергли сталинистские методы, а теперь сами их использовали для того, чтобы нанести поражение силам, возглавлявшим битву за реформы», — пишет хорватский историк Х. Маткович[3]. После этого главный идеолог КПСС и «серый кардинал» ЦК М. А. Суслов мог вздохнуть спокойно и выразить удовлетворение тем, что «югославские товарищи подавили хорватский национализм и его руководителей»[4].

Обобщая рост национализма в СССР и СФРЮ, М. Джилас в октябре 1971 г. охарактеризовал их как «бюрократический национализм, свойственный, конечно, в разных национальных вариантах, коммунистическим партиям, даже тем из них, которые не находились у власти». По мнению югославского диссидента, «бюрократический национализм имманентен коммунизму и переживает свою скрытую эволюцию. Его предшествующей стадией был так называемый «национальный коммунизм». Этот термин стал использоваться в период конфликта Югославия — СССР». В ситуации начала 70-х гг. «состоялось объединение бюрократического национализма и шовинизма. Партийная бюрократия не эволюционирует, а распадается и по большей части превращается в новые

[1] См.: *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 655–656.
[2] *Mamula B.* Slučaj Jugoslavija. Podgorica, CID, 2000. S. 29–33.
[3] *Matković H.* Povijest Jugoslavije. S. 367.
[4] *Dabčevic-Kučar S.* '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. S.602–603.

авторитарные структуры»[1]. А. Н. Шелепин, занимавший тогда пост председателя партий негосударственного контроля, по некоторым сведениям, еще в 1965 г. подготовил для Л. И. Брежнева проект доклада, в котором Югославия по-прежнему называлась «рассадником ревизионизма и реформизма»[2].

В известном смысле в советско-югославских отношениях повторилась ситуация 1948–1953 гг. — не раздувая ка тогда, но и не придавая значение проявлениям, великорусского национализма, советские руководители лозунгом «пролетарского интернационализма» и «борьбы с национализмом» занимались подавлением либеральных и демократических тенденций не только в «своей» стране, но и в других «социалистических странах». Однако в этом случае официальные Москва и Белград оказались по одну сторону баррикад. Кремль не мог допустить победы реформистов в Югославии. Поэтому быстро выясни лось, сколь близки оказались — несмотря ни на что — сталинский «государственный» и титовский «самоуправленческий» — социализм. По сравнению с Л. Перович и С. Дабчевич-Кучар, П. Пиркером и М. Никезичем Й. Броз Тито для Л. И. Брежнева, главного идеолога и «серого кардинала» Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслова и их товарищей по Политбюро ЦК КПСС явно казался не только «меньшим злом», но и «своим», «социально близким». В то же время, в 1971 г. Й. Броз Тито учел также «венгерский» и «чешский» опыт не только в отношениях с СССР — не допустил «братской», «пролетарской», «интернациональной» и «славянской» помощи — интервенции извне, но и не позволил выйти из-под контроля событиям внутри своих «собственных» партии и государства.

Период 1968–1971 гг. был, вероятно, самым острым моментом в отношениях между СССР и СФРЮ наряду с конфликтом Сталин – Тито и событиями в Венгрии. Для полного успокоения Москвы (как, впрочем, и для своего собственного) 5–10 июня 1972 г. Й. Броз Тито посетил советскую столицу уже с официальным визитом. Зная хотя бы часть подноготной событий тех лет, можно предположить, что стояло за безликой протокольной формулировкой о том, что «стороны подчеркнули большое значение Заявления от 25 сентября 1971 г. и констатировали, что его реализация уже приносит значительные положительные результаты, что отношения между СССР и СФРЮ стали еще более дружественными»[3].

Заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС А. С. Черняев записал в своем дневнике: «В контексте Никсона прошел

---

[1] *Ђилас М.* Бирократски национализам // Ђилас М. Пад нове класе. С. 285–286.

[2] *English R. D.* Russia and Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals and the end of the Cold War. New York, 2000. P. 59; *Бурлацкий Ф.* Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990. С. 284–285.

[3] Правда, 1972, 11 июня.

у нас и Тито. (Речь идет о визите президента США Р. Никсона в СССР 22–30 мая 1972 г. во время которого, в частности, был подписан Договор ОСВ-1 — *С. Р.*). Демонстративное радушие, дружба, уважение, даже некоторое почтение к нему — событие примечательное. Английская газета «Observer» писала, что визит означает, что в новой обстановке, когда 'великие' договорились о status quo, Тито уже невозможно будет так ловко балансировать между 'двумя', как этот он делал 20 лет с лишним. Вот он и сделал выбор (учитывая свои внутренние трудности). Может быть, может быть... Однако, я вижу и другое: отныне югославский ревизионизм перестает быть фактором нашей внутренней идеологической политики. Им теперь можно пугать только на ушко! А ведь Тито не пошел в Канноссу. В своей публичной речи на «Шарикоподшипнике», опубликованной в «Правде», он трижды говорил «о самоуправлении», очень много — о невмешательстве и суверенном праве каждого, один раз, но веско — о разнообразии форм социализма, о социализме вне границ как общемировом явлении, а не как о системе государств, и т.д., и ни разу о заслугах Советского Союза в мировых делах, о советско-американском сдвиге»[1].

Естественно, советские руководители и их помощники рассматривали положение в Югославии сквозь призму проблем собственной страны. К 50-летию СССР в декабре 1972 г. был подготовлен доклад Л. И. Брежнева, посвященный в основном межнациональным отношениям. Наличие национальной проблемы было в нем отмечено «в очень взвешенной форме», как заметил А. С. Черняев. «А между тем — открытый, наглый антисемитизм по всей Украине, да и в Москве тоже, антируссизм в Литве etc. Что-то будет с нашей великой дружбой народов лет через двадцать? Спасение только в выведении благосостояния повсеместно хотя бы на уровень Западной Европы и резкий рывок в сфере культуры народа: она, кажется, в массе образованного населения падает. Иначе выход — в новой диктатуре», — записывал в свой дневник вполне «диссидентские» мысли А. С. Черняев[2].

Этот визит югославское руководство, со своей стороны, считало «концом советской иллюзии о том, что Югославия могла бы отойти от самоуправления и неприсоединения». Тито решил, что на новой встрече не следует возвращаться ни к обсуждению «открытых вопросов», ни к тому, что «давно известно как принципы нашей политики», и надо заранее сообщить «русским, что об этом мы не будем вести переговоры», что система самоуправления не является препятствием к хорошим отношениям на ленинских принципах». Во время переговоров и сам Тито, и секретарь ЦК

[1] *Черняев А. С.* На Старой площади. Из дневниковых записей // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 129.

[2] *Черняев А. С.* На Старой площади. С. 135.

СКЮ Стане Доланц коснулись «проблемы националистических и антисоциалистических элементов в Хорватии», подчеркивая «укрепление СКЮ, экономическую стабилизацию и дальнейшую демократизацию политической системы». С. Доланц упомянул также и о том, что деятельность «информбюровцев» препятствует «сотрудничеству по всем направлениям», на котором настаивала Москва. В целом югославы были довольны тем, что в отличие от переговоров в сентябре прошлого года, «русские не выдвигали своих требований и не использовали метод давления»[1].

Как вспоминает Л. Перович, «в начале июня (1972 г.) Тито ездил в СССР. В делегацию входил и Драго Стаменкович. После возвращения он рассказал Никезичу и мне, что Брежнев воздал должное Тито за его энергичные действия в случае с Хорватией, а Тито на это ему ответил: "С этим еще не покончено! Меня ждет Сербия!"»[2]. А советское руководство сербский «либерализм», в отличие от хорватского «национализма», сильно не встревожил.

И «Сербская осень» наступила. 9 октября 1972 г. началось продолжавшееся четыре дня совещание «верхов» СКЮ с участием партийных работников из Сербии и обоих автономных областей — Косово и Воеводины. Линия М. Никезича — Л. Перович потерпела поражение и была осуждена. Оба деятеля подали в отставку. Затем, как и в Хорватии, последовали «чистки». Работы лишилось около 60 тысяч человек — самая образованная часть сербского общества[3]. Подобные же мероприятия были проведены в Словении и Македонии[4].

«В конфликте 1971–1972 гг. потерпело поражение течение в Союзе коммунистов Сербии, квалифицировавшеся как «советофобское», антититовское, оппортунистическое, техноменеджерское, элитарное. Было сказано, что это был троянский конь классового врага в Союзе коммунистов Югославии,— пишет одна из активных участниц событий тех лет Л. Перович. — Позднее все это вошло в термин 'либералы'. Это не было случайностью. Либерализм был известной ересью в международном коммунистическом движении: этим термином всегда обозначали течения, которые тяготели не только к критике деформаций и исправлению системы, но и постепенному пересмотру целей. (...) Для нас, кто сформировался в то время, присоединение к (коммунистическому) движению совпало с разоблачением уродливой сущности сталинизма. Мы верили, что являемся

[1] *Vrhunec M.* Šest godina s Titom. S. 139, 141–145.

[2] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 394. О расправе с сербской оппозицией в 1972 г. напр., см.: *Đukić S.* Slom srpskih liberala. Tehnologija političkih obračuna Josipa Broza. Beograd, 1990; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. S. 992–1004.

[3] *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 661–664.

[4] *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. S. 992–1004.

современниками и участниками начала его конца»[1]. «Тито знал, что мы были лояльны (по отношению к нему — *С. Р.*), — продолжает она. — Но нас и нашу позицию он со своей точки зрения чувствовал как позицию противника, поскольку мы, стремясь к изменениям системы, подрывали и основы личной власти. Мы одновременно были и лояльны Тито, и боролись за изменение системы. Наши критики перевернули это с ног на голову: они назвали нас антититоистами, защищавшими систему»[2].

4 апреля 1972 г. под давлением Э. Карделя была отстранена от своих должностей и группа словенских «технократов» во главе с председателем правительства Словении Стане Кавчичем[3].

Подавление реформистских сил, отстранение их от власти и преследования означали окончание периода «демократического правления» Тито. Вот какой представилась Югославия стороннему наблюдателю, человеку проницательному и абсолютно незаинтересованному — известному советскому писателю Юрию Нагибину, который посетил Югославию в 1977 г., спустя пять лет после победы над реформаторами. Вот его впечатления, зафиксированные в сугубо личном дневнике, увидевшем свет много лет спустя: «Малые народы, населяющие эту небольшую страну, люто ненавидят друг друга.....Как-то не получается с социализмом. Не прививаются людям эти идейки, не соответствуют биологической природе человека. А вообще — будь поменьше портретов — обычная западная страна второго сорта, с южным привкусом»[4].

В. Л. Мусатов

К 40-ЛЕТИЮ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ». О ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИЦИИ СССР И ЕГО СОЮЗНИКОВ

События Пражской весны занимают видное место в череде бурных перемен памятного для всего мира 1968 г. В разгаре была война во Вьетнаме, в США против нее нарастали антивоенные общественные выступления. Одновременно в Америке усиливалась борьба негритянского населения за свои права. Во Франции, Италии и ФРГ бурлили студенческие акции под революционными лозунгами. Даже в социалистическом лагере, единство которого подрывали советско-китайские разногласия и сепаратистские шаги Румынии, начали проявляться попытки реформ, прежде всего в экономической и социальной сфере. Но наиболее выпукло стрем-

[1] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 8–9, 21.
[2] *Perović L.* Zatvaranje kruga. S. 174.
[3] *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 661–664.
[4] *Нагибин Ю. М.* Дневник. М., 2005. С. 419.

ления к переменам нашли выражение в Чехословакии. В начале января 1968 г. в Праге было обновлено высшее партийно-государственное руководство. А. Дубчек, избранный первым секретарем ЦК КПЧ начал проводить «реформы, сущность которых которых заключалась в эмансипации самого главного богатства страны — человеческого потенциала[1]».

Программа широких преобразований, нацеленная на создание «социализма с человеческим лицом», не была реализована, ее прервала в августе совместная военная интервенция СССР и еще четырех стран-членов Варшавского Договора. Идеи Пражской весны были задавлены танками, но они изменили политический климат в социалистическом лагере, оказали сильное и длительное воздействие на внутренние процессы развития Чехословакии и кардинальный поворот в ее судьбе в 1989 г. в ходе «бархатной революции». Пражская весна, связанный с ней выброс общественной энергии повлияли в значительной мере на политику СССР и его ближайших союзников, хотя первоначально эффект был скорее негативным. То, что происходило в Праге, заставило лидеров социалистического блока проявлять большую гибкость в политике и внимательнее относиться к вопросу о назревших реформах.

В сфере внешней политики, несмотря на провозглашение Л. И. Брежневым доктрины ограниченного суверенитета, которая была призвана продемонстрировать Западу решимость Советского Союза всеми средствами, вплоть до военных, защищать целостность социалистического содружества началась постепенная эволюция международных отношений в сторону разрядки, сокращения вооружений и даже признания важности прав человека. Процесс этот проходил противоречиво, периодически наблюдались рецидивы холодной войны, обострялось противостояние двух блоков, продолжалась стагнация социализма, но в итоге мир претерпел к 90-м гг. такие огромные изменения, которые даже и не снились реформаторам 60–70 гг. Но их заслуги имеют историческое значение. Об этом надо прямо сказать в связи с юбилеем. Хотелось бы одновременно, исходя из нынешних представлений, опровергнуть некоторые сложившиеся мифы и легенды о Пражской весне.

Прежде всего, Пражская весна 1968 г., считавшаяся до 1989 г. антисоциалистическим, контрреволюционным явлением, не была контрреволюцией, она появилась на свет не как результат империалистической идеологической диверсии, хотя американская и в целом западная пропаганда на все 100% использовала события в ЧССР. Пражская весна представляла собой внутренний процесс (его даже нельзя считать революцией, поскольку она не успела развернуться), вызревавший в обществе с конца 50-х гг. и ускорившийся под влиянием XX съезда КПСС, кризисных событий 1956 г. в Польше и Венгрии. Этот процесс преобразований

[1] *Гринберг Р. С.* Мир перемен, 2008. № 1.

имел целью демократизацию строя «реального социализма», освобождение общественной жизни от деформаций сталинизма, обеспечение свободы слова, печати и собраний, осуществление экономической реформы на рыночных принципах, создание гарантий равноправного статуса Чехословакии и ее независимости в отношениях с Советским Союзом, проведение самостоятельной внешней политики.

Кто были отцы реформ? Процесс преобразований зародился внутри компартии и в кругах либеральной интеллигенции, он не был привнесен извне, но несомненно подпитывался идеями европейской социал-демократии о демократическом социализме, учитывал опыт существования буржуазной, масариковской Чехословакии. Начало преобразований, особенно после отстранения от власти А. Новотного (а в его уходе были заинтересованы политические силы самой различной ориентации, эта цель их объединила) и избрания А. Дубчека на главный пост в КПЧ, было поддержано широкой общественностью. Документы того времени носили довольно общий и компромиссный характер, отражая позиции различных политических сил и форумов (Программа действий КПЧ, проект устава партии, манифест «2000 слов» и др.). На поверхности ведущую роль играли члены КПЧ — реформаторы, но не менее активными были внепартийные силы. В стране постепенно оформлялся политический плюрализм. Впервые в истории социалистических стран большое воздействие на ход событий оказывали телевидение и другие СМИ.

Поскольку в событиях в Праге проявлялись одновременные тенденции реформирования как политической системы социализма (с выходом на многопартийность), так и его экономической основы (рыночная по сути реформа О. Шика), а в перспективе речь могла пойти о коррекции внешнеполитической ориентации (о чем Дубчек и товарищи говорили осторожно, но думали об этом), то можно понять, что в Москве и других столицах стран — членах ОВД все это было встречено с большой настороженностью. Надо иметь в виду, что в постсталинский период все соцстраны, прежде всего Советский Союз, лихорадило, шло мучительное приспособление к новым реалиям, обострение принимало конфликтные формы (1953 г. — ГДР, 1956 г. — Польша и Венгрия, борьба с «антипартийной группой» внутри руководства КПСС, отстранение от власти Н. С. Хрущева и т. д.). Эксперименты допускались только в экономической сфере и в ограниченных масштабах. Недавно закончился военный конфликт на Ближнем Востоке. Шла война во Вьетнаме, в разгаре был советско-китайский конфликт. У Москвы имелись трудности в отношениях с Югославией. Таков был внешний фон для анализа событий в Чехословакии.

Л. И. Брежнев, пришедший к власти в 1964 г., вначале не хотел вмешиваться и разбираться с определением курса политики нового лидера А. Дубчека. Думали, что Дубчек — свой парень, долго живший в Совет-

ском Союзе, окончивший ВПШ при ЦК КПСС в Москве, с ним можно будет договориться. Первая встреча с А. Дубчеком в Москве в январе 1968г. прошла в дружественной атмосфере. Но дальнейшие события заставили генерального секретаря ЦК КПСС активнее заниматься чехословацкими делами. Он подталкивал и остальных коллег из соцстран. Если в феврале они все вместе были в Праге на праздновании годовщины коммунистического переворота, то в марте в Софии во время заседания ПКК ОВД состоялась неофициальная встреча с А. Дубчеком, но уже без Н. Чаушеску. В дальнейшем чехословацкую проблему обсуждали с чехами или без них, но Румыния заведомо исключалась.

Влиять на политику нового руководства КПЧ, лично на А. Дубчека пытался сам Л. Брежнев, то же самое делали Гомулка, Ульбрихт, Кадар и Живков. Шел обмен информацией. Состоялись встречи в Дрездене и Москве, наносили визиты Дубчек, Черник и Смрковский. Но разворачивались два процесса — демократизации в Праге и консолидации консервативного лагеря во главе с Москвой. При этом внутри этой группировки существовала определенная разница позиций. Имелся так называемый «северный ярус» Варшавского договора — Польша и ГДР, отличавшийся наиболее резкой позицией. У Венгрии была гибкая, компромиссная позиция, что объяснялось стремлением Я. Кадара сохранить свою политику, экономическую реформу, начавшуюся с января 1968 г., демократические послабления, допущенные после трагедии 1956 г. Промежуточную позицию занимал Т. Живков, который впрочем точно следовал изменениям позиции Л. И. Брежнева. Н. Чаушеску с начала и до конца был против вмешательства в дела Чехословакии, опасаясь что следующей мишенью будет Румыния. В какой-то момент «ястребы» начали критиковать Я. Кадара за симпатии к Праге, но венгерский лидер отбил эти наскоки, подчеркивая необходимость более тщательного анализа ситуации. Спор шел вокруг оценки ситуации — наступает ли контрреволюция или проявляются только опасные тенденции. Могут ли чехословацкие коммунисты справиться с проблемами самостоятельно? Обеспокоенность развитием ситуации в Чехословакии была общей.

В мае стало ясно, что влиять только политическими средствами недостаточно. Л. И. Брежнев поставил перед военными задачу разработки операции по спасению Чехословакии. Но политического решения о вторжении тогда еще не было. Приняли решение, согласовав его с союзниками, о проведении командно-штабных учений Варшавского Договора на территории Чехословакии. Пражское руководство было вынуждено согласиться с этим предложением, не подозревая, что по существу идет репетиция будущей интервенции. Присутствие определенного количества союзных войск на территории ЧССР Москва использовала, как рычаг политического влияния. К июлю взаимоотношения обострились. Дубчеку и его соратникам надоело выслушивать постоянные упреки со

стороны Москвы и ее ближайших союзников, поэтому Прага отклонила приглашение прибыть в Варшаву на коллективную встречу «шестерки». Не помогли увещевания Я. Кадара. А. Дубчек вместо коллективной встречи предложил двустороннюю встречу с Москвой. В итоге союзники собрались в Варшаве без чехов и констатировали явное ухудшение обстановки в Чехословакии, ослабление позиции компартии и опасную активизацию антисоциалистических, контрреволюционных сил. К этому добавились подозрения, что, мол, Прага сближается с Бухарестом и Белградом, заигрывает с Пекином, расширяет связи с «еврокоммунистами». Прозвучали предложения о вводе на территорию Чехословакии войск стран Варшавского договора, как о последнем средстве удержания ЧССР внутри содружества и сохранения руководящей роли компартии. В. Ульбрихт и В. Гомулка, были наиболее активными сторонниками силового варианта.

Такие же тревожные оценки и предложения звучали в июле и на заседании Политбюро ЦК КПСС, но руководящяя тройка — Брежнев, Косыгин и Подгорный, тогда еще не была готовы к принятию решения о крайних мерах и сочла необходимым еще раз попытаться повлиять на позицию А. Дубчека. Так родилась идея встречи в Чиерне-над Тисой в конце июля. Известно, что в беседах с глазу на глаз между Брежневым и Дубчеком чехословацкая сторона в связи с готовившимся съездом партии дала под советским давлением определенные обещания о кадровых перестановках в ЦК и Правительстве и о наведении порядка в СМИ и в целом в идеологической сфере. По утверждениям советских участников Дубчек обещал сменить министра внутренних дел Павела и разделить это министерство на два (внутренних дел и государственной безопасности). Встреча закончилась на примирительной ноте, хотя доверия друг к другу у партнеров уже не было. Встреча в Братиславе 3 августа с участием союзников была информационной, но в ее документе говорилось о коллективной ответственности социалистических стран за сохранение завоеваний социализма (ключевое положение доктрины Брежнева).

И в Варшаве, и в Берлине и в Софии, да и в Будапеште мало кто верил, что наступит улучшение обстановки. Л. И. Брежнев тоже пришел к этому выводу. Его телефонные контакты с Дубчеком в середине августа выявляли неспособность последнего следовать договоренностям в Чиерне и в Братиславе. Он всячески уклонялся от обещаний. Об этом же свидетельствовала информация и от т. н. здоровых сил. Письмо о внешней помощи от них было уже получено. Формальный повод имелся. Но Брежнев попросил Я. Кадара еще раз встретиться с А. Дубчеком, чтобы проверить его настроения и попытаться повлиять на него. Встреча была безрезультатной. Вызов лидеров четверки в Москву на совещание 18 августа был логическим шагом в цепочке действий по свертыванию демократического процесса в Праге. До этого на Политбюро ЦК КПСС было принято окон-

чательное решение. Все союзники были с ним согласны, все поддержали силовые меры, все выделили свои войска. Меньше всех Болгария — один полк. Замечания высказали, Кадар — о необходимости открытого выступления политиков, не согласных с курсом А. Дубчека и его группы, Ульбрихт — об усилении пропагандистских мер, Гомулка — о том, что надо собрать больше подписей под обращением о братской помощи и опубликовать его. Л. И. Брежнев отдельно контактировал с Президентом Л. Свободой, с ним накануне вторжения встречался советский посол.

На бумаге все было прекрасно, но свою задачу 21 августа выполнили только военные. Политический план сорвался с первых шагов. Пропагандистская сторона акции была провалена. «Здоровые силы» струсили, не набрали большинства в Президиуме ЦК. А. Индра, которого планировали в премьер-министры, срочно заболел и был эвакуирован в Москву. Л. Свобода отказался возглавить новое правительство. По его настоянию пришлось начинать переговоры с А. Дубчеком, О. Черником и другими членами пражского руководства, интернированными и вывезенными в Москву. На переговорах они пытались спасти максимум возможного, но устоять перед кремлевским бульдозером не смогли. После подписания Московского протокола, когда руководители Пражской весны отказались встречаться с другими участниками акции — заседания пятерки больше не проводились. Обмен мнениями шел по двусторонним каналам.

Можно считать, что применение военной силы явилось последним аргументом в стремлении сохранить существующий строй в Чехословакии и предотвратить развал всей системы «реального социализма». На определение момента начала интервенции повлиял фактор партсъезда, намеченного на 9 сентября. В отличие от осени 1956 г., когда в Венгрии советские войска подавляли вооруженное восстание, в Чехословакии в 1968 г. Советский Союз пошел на превентивную акцию, чтобы не допустить эскалации ситуации и выхода ее из-под контроля. Была подготовлена совместная военная акция, которая прошла с минимальным количеством человеческих жертв. Армия ЧССР, выполняя приказ своего командования, осталась в казармах. Интервенция, должна была показать миру, что защита социалистических завоеваний является коллективным долгом стран содружества. Приход советских войск решал стратегическую задачу — Чехословакия не могла теперь выйти из Варшавского Договора, а изменение состава правительства и руководства ЦК компартии являлось уже вторичным вопросом. Понятно было, что А. Дубчеку придется уйти. Так и произошло на деле весной 1969 г., когда к власти пришел Г. Гусак. В закреплении ЧССР в составе социалистического содружества состояла главная цель Москвы, а не в том, чтобы придвинуть советские войска к границе с ФРГ и разместить ядерные заряды на территории ЧССР, как об этом пишет американский исследователь М. Крамер.

Острая реакция в стране и внутри компартии на приход войск ОВД показала, что в оценке ситуации Москвой был допущен просчет, об этом свидетельствовал и тот факт, что для успокоения страстей и протестов населения понадобилось прибегнуть к помощи того же Дубчека и его товарищей, хотя репутация кумиров Пражской весны после подписания ими Московского протокола была серьезно подмочена. Возникает вопрос, а могла ли Москва и ее союзники подождать с акцией и еще раз взвесить все ее последствия? Очевидно, могла, раз уж вопрос об интервенции был предрешен. Но вероятно останавливать ход огромной военной машины было трудно, да и надежды на А. Дубчека все больше таяли. Фактически признавая ошибочность интервенции, но отмечая ее удачно проведенные военные моменты, приведшие в изумление американцев и натовцев, аналитики, работавшие с советской верхушкой, предлагали не допускать пауз и ради достижения поставленных целей оказывать на руководство Чехословакии самое жесткое давление. В этом проявлялась логика имперского мышления.

В связи с подавлением Пражской весны обычно подчеркивается значение акций протеста со стороны небольших групп советской интеллигенции, включая и академика А. Сахарова, и интеллектуалов в соцстранах, например, философов — учеников Д. Лукача в Венгрии. Конечно, эти выступления имели высокую нравственную цену, но основная масса населения в СССР и странах соцсодружества отнеслась к интервенции одобрительно или нейтрально. Реже упоминают о той работе, которую пытались проводить с членами советского руководства, особенно с Брежневым, отдельные «диссиденты внутри системы», т. е. творчески мыслящие высокопоставленные работники партийного аппарата. Например, А. Е. Бовин, автор многих выступлений и речей генерального секретаря, его первое перо, подал Л. И. Брежневу накануне вторжения личную записку, призывавшую ради интересов социализма отложить такую крайнюю меру, как ввод войск, тщательно взвесить все международные и внутренние последствия этого шага. Случай был беспрецедентный. Брежнев выслушал Бовина и сказал: «Решение Политбюро уже состоялось. Мы с тобой не согласны. Принципиально. Ты имеешь право думать, как хочешь. А дальше так — или уходи, выходи из партии, или выполняй принятое решение как положено по уставу. Решай. Все[1].» Бовин никуда не ушел, однако и Брежнев его не наказал, поскольку нуждался в людях с самостоятельным и нестандарным мышлением.

За истекшие 40 лет утих накал страстей вокруг Пражской весны. Нет уже в живых никого из главных персонажей тех исторических событий. Идеи 1968 г. сыграли свою роль во время «бархатной революции» 1989 г., но развитие страны пошло по другому маршруту. Социализм,

[1] *Бовин А. Е.* Воспоминания. XX век как жизнь. М. 2003. С. 184.

даже с человеческим лицом, оказался невостребованным. Все еще популярный А. Дубчек не смог выйти в первый ряд политической жизни на новом витке истории. Вскоре распалась федерация Чехии и Словакии, оба новых государства вступили в НАТО и затем в ЕС, добровольно ограничив свой суверенитет в ряде существенных вопросов. Доктрина ограниченного суверенитета, связанная с именем Л. И. Брежнева, до сих пор подвергается критике в научной литетатуре, но с распадом биполярного мира США, претендующие на роль мирового гегемона, присвоили себе право гуманитарных интервенций, отбрасывая нормы международного права. Впервые после 1945 г. в Европе бушевал военный конфликт, когда США и НАТО в 1999 г. напали на Югославию. Еще более разительный пример — вторжение американцев и их союзников в Ирак, где вот уже пять лет нет мира, продолжается сопротивление населения попыткам навязать западную демократию. Таким образом, в условиях современной глобализации вновь возникает потребность внести ясность в главнейшие понятия международного права — суверенитета, независимости, самоопределения, без этого в международных отношениях наступит хаос.

С. М. Фалькович

ИСЛАМОВ Т. М. И КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Проблема трансформаций, происходивших в различных сферах жизни народов Центральной и Восточной Европы на протяжении XVIII–XX вв., была постоянно в центре внимания ученых Института славяноведения РАН. В 50–60-е гг. акцент делался на страноведческие исследования, при которых анализировались определенные стороны процесса, а по мере накопления выводов происходил переход к обобщению, к представлению целостного образа страны, претерпевшей изменения в ходе модернизации. Согласно господствовавшей марксистской терминологии, этот процесс именовался тогда сменой общественной формации, переходом от феодализма к капитализму, а затем и вступлением в стадию монополистического капитализма, империализма. Когда на рубеже 60–70-х гг. Институт славяноведения стал Институтом славяноведения и балканистики, расширился круг специалистов, более разнообразной стала палитра страноведческих исследований, возникла база для более масштабных сравнений, сопоставлений, типологических выводов. Встал вопрос о комплексном исследовании истории региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Активным сторонником этого направления являлся директор Института Д. Ф. Марков, и для решения этой задачи в Инсти-

туте был создан Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. В разработке его планов большую роль играли ведущие ученые Института, в частности, огромный вклад в его работу внесли В. И. Фрейдзон, Т. М. Исламов, И. С. Миллер. Последний опубликовал ряд теоретических статей, в том числе в 1973 г. статью под названием «Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения». И не случайно, что именно на базе сектора, возглавленного И. С. Миллером, и по его инициативе были осуществлены крупные проекты, каждый из которых представлял собой определенную модель комплексного исследования.

Фундаментальная двухтомная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи» вышла в 1980–1981 гг. Ее ответственным редактором и организатором всей работы являлся В. И. Фрейдзон. Он стал душой книги, сумел объединить вокруг нее большой коллектив авторов — специалистов по истории и культуре Австрии, Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Италии, Сербии, Хорватии, Словении, Украины. Особая роль принадлежала Т. М. Исламову как исследователю истории не только Венгрии, но всего государства Габсбургов. Исследование охватывало период с конца XVIII по 70-е гг. XIX в., заявленная в заглавии проблема освободительного движения рассматривалась в широком социально-экономическом, политическом, национально-культурном контексте. Именно такой, являвшийся результатом комплексного подхода, синтез нескольких взаимосвязанных уровней развития — социально-экономического, идейно-политического и историко-культурного мог обеспечить полноту картины эволюции каждого из народов империи Габсбургов. Рассмотрение национально-освободительного движения этих народов в целом, в рамках всего государства Габсбургов, позволило применить метод сравнительно-исторического анализа, выявить как общее, так и национальную специфику, осуществить типологизацию процесса.

Время с конца XVIII по 70-е гг. XIX в. в империи Габсбургов было определено как период развития взаимосвязанных процессов в социально-экономической, идейно-политической и культурной областях общественной жизни, когда на основе становления классов буржуазного общества происходило формирование наций, созревало и разворачивалось национально-освободительное движение. Подчеркивалось, что хотя определяющими являлись экономические и социальные процессы, но большое воздействие на общественную жизнь оказывала сфера национальной идеологии и политики, что национальные проблемы представляли собой специфическую составную часть социально-политической проблематики. Такая специфика в огромной степени была присуща Австрийской империи как многонациональному государству, где национальный гнет являлся одним из проявлений социально-политического угнетения, и потому завершение социально-политических преобразований необходимо требо-

вало решения национального вопроса. Национально-освободительное движение рассматривалось в монографии как борьба не только против национального ига, но и против феодального и капиталистического гнета.

Процесс национального пробуждения стал в регионе всеобщим и у отдельных народов отличался лишь темпом общественного прогресса. Определялось и главное направление национальной борьбы народов — утверждение себя в качестве самобытных этнических общностей, формирование основ национального самосознания, выработка общенационального литературного языка и внедрение его в общественную жизнь, развитие национального просвещения и культуры, идейная подготовка политической борьбы, целью которой в национальной сфере было объединение моноэтничных территорий вокруг национальных центров и утверждение национального суверенитета, завоевание национальной независимости или территориально-политической автономии, то есть создание основ национальной государственности.

Нет абсолютного «общенационального духа», охватывающего весь народ; национальный момент находится в зависимости и взаимодействии с борьбой классов и общественных слоев, имеющих собственные интересы. Были выявлены две тенденции, которые определялись социально-экономическими условиями и раскладом общественных сил, — с одной стороны, национальное обособление, сплочение нации, борьба за национальный суверенитет и государственность, а с другой, — интернационализация всей жизни общества на основе экономического и культурного сближения. Эти тенденции находили воплощение в идейно-политических течениях. В конкретной обстановке Австрийской империи они проявились в борьбе одних народов за создание независимых государств (как, например, у итальянцев, хорватов, сербов, а частично и у венгров), другие же народы во главе с чехами стремились преобразовать многонациональное Австрийское государство в демократическую федерацию.

Исследование подтвердило, что сила и массовость национального движения зависела от уровня капиталистического развития отдельных областей региона. В западной части Австрийской империи существовали более развитые капиталистические отношения и социальная структура, чем в Венгрии и Галиции, и не случайно, что итальянцы и чехи шли в авангарде национального движения. Чешское национальное движение выделялось организованностью, активностью в общественно-политической сфере, что обеспечивало широкое привлечение масс; в основе этого лежали экономическая сила чешской буржуазии, ее участие в промышленной революции, позиции на имперском рынке. Однако, именно удовлетворенность успехами в области экономики снимала остроту национальной и политической борьбы. Подобная ситуация наблюдалась в Словении и Истрии, где также был более высокий уровень социально-экономического развития и где формы борьбы (организация таборов) на-

поминали чешские. В то же время в Хорватии, страдавшей от социально-экономической отсталости, происходила радикализация национального движения, но та же отсталость определяла и его слабость. Как отмечали авторы труда, противоречивое действие социально-экономического фактора дополнялось влиянием различий, имевших место в административно-политическом устройстве Цислейтании и Транслейтании. Национальные интересы народов Венгерского королевства не учитывались в комитатах. Местное самоуправление и ландтаги (сеймы) в исторических провинциях Австрии давали представителям национальностей больше возможностей для участия в политической жизни, хотя национальные общности чехов и словенцев, раздробленные между разными историческими провинциями, не могли быть вполне удовлетворены. Возникшие после 1867 г. условия парламентской деятельности также были лучше в западной части империи. Большую роль играло и историческое прошлое народов: одни из них, как венгры, поляки, хорваты, имели национальное дворянство вкупе с национально-политической организацией и длительной политической традицией; другие, как словаки, словенцы, украинцы, такого класса не имевшие, оказывались в худшем положении.

Выясняя вопрос о классе, представлявшем лицо эпохи, авторы отметили, что поднимающаяся буржуазия, выражавшая общенациональные интересы того или иного народа, различалась по степени прогрессивности, а в ряде случаев выступала революционно (как, например, часть итальянской буржуазии). В целом национальные движения имели прогрессивное содержание, но на них сказывались ограниченность и своекорыстие имущих классов, страх перед массами, побуждавшие их искать компромисса с властью и делавшие невозможной победу. Эта особенность была характерна для всех народов региона из-за слабости национальной буржуазии, связей ее с помещиками, оглядки на развернувшуюся в странах Запада классовую борьбу. За свои классовые интересы она боролась под флагом национализма как средства, сдерживающего развитие классового самосознания масс.

Исследование подтвердило, что более высокий уровень социально-экономического развития не всегда сопрягался с выдвижением лозунга национальной независимости. Степень радикализации зависела также от остроты противоречий между народом и властью и от конфронтации самих народов между собой. Вена использовала разницу в положении отдельных народов, различие социальных интересов их ведущих сил и отличие национально-политических программ для противопоставления их и стравливания. В революции 1848–1849 гг. как силы польского и венгерского национального движения, представленные имущими слоями, так и австронемецкая демократия игнорировали интересы и права других народов, толкнув их в лагерь контрреволюции. Это помогло Габсбургам, старавшимся противопоставить венгерской революции народы Венгерского

королевства, и в то же время ослабило славянских и румынских либералов, выдвигавших идею демократической федерации: ни после 1849, ни после 1867 г. сербы, словаки, румыны не получили даже территориальной автономии. Украинское же движение в Галиции и Закарпатье стало жертвой соглашения, заключенного Веной с поляками и венграми. Проанализировав обстоятельства межнациональной борьбы в Австрийской империи в 1848–1849 гг., авторы коллективного труда выступили против абсолютизации фактора национальных противоречий в отрыве от социальных условий. Они увидели в этой борьбе следствие эгоистических интересов полуфеодальных и буржуазных сил, подтвердили невозможность разрешения национальных противоречий на почве классового эгоизма и шовинизма и показали, что именно социальный расклад сделал несостоятельными федералистские планы. Что касается более радикальной идеи независимости, то здесь в расчет входили не только внутренние, но и внешний фактор — наличие у того или иного народа национального ядра и факта национально-освободительной борьбы за пределами Австрийской империи. Это относилось, в частности, к итальянцам, полякам, украинцам, сербам, румынам, в известной степени к хорватам; территории же таких народов, как чехи, мадьяры, словаки, словенцы, компактно входили в империю Габсбургов. Ученые пришли к выводу, что факт территориальной целостности имел большое значение и в процессе формирования нации. Степень зрелости национальной консолидации у разных народов была неодинаковой и в огромной мере зависела от процесса социально-экономической эволюции, становления классов нового общества. После революции процесс формирования наций у народов Австрийской империи ускорился: по оценке авторов труда, он в основном завершился в 70-е гг. XIX в.

В монографии были отмечены основные вехи национальной борьбы в империи Габсбургов, выделены наиболее значительные ее моменты — революция 1848–49 гг., война за воссоединение Италии в 1859 г., польское восстание 1863 г., австро-венгерское соглашение 1867 г., давшее национальному движению новый толчок. Было подчеркнуто, что революция 1848 г. устранила основы феодального строя, но остались его пережитки, особенно в Галиции и Транслейтании, и потому необходимо было завершить буржуазно-демократические преобразования, прежде всего в сфере аграрных отношений. Однако конституционным путем сделать это было невозможно из-за всевластия местного дворянства, вступившего в союз с Веной; только победа демократических масс могла решить дело, но они были слабы и дезориентированы, поэтому особенность процесса в Австрийской империи заключалась в том, что после 1848 г. буржуазные реформы осуществлялись «сверху» как компромисс власти с национальными имущими классами. По мысли авторов монографии, это определило и специфику дальнейшего направления национально-освободительной

борьбы в империи: отсроченное неудачей 1848 г. решение национального вопроса для ряда народов в новых условиях получило иную окраску, стало ориентироваться на менее прогрессивные факторы. Таким, в частности, стал внешний, международный фактор: хорваты и сербы попытались опереться на поддержку России и Франции, итальянцы при помощи Франции решили вопрос создания независимого государства; немцы объединились вокруг Пруссии, а поляки и венгры получили власть на своих исторических территориях в результате сговора с Габсбургами, для которых это был единственный путь укрепления государства в новой международной обстановке. Федерализм не состоялся, возникла дуалистическая конституционная монархия с остатками абсолютизма, где сохранялись власть дворянства, помещиков, засилье бюрократии и военщины, влияние клерикалов. Таким образом, преобразование общественного строя и после 1867 г. шло «сверху» в форме, невыгодной для масс, консервирующей феодальные остатки в экономической, социальной и политической сфере. Это делало невозможным решение национального вопроса и в 70-е гг. XIX в., охарактеризованные в монографии как веха завершения очередного этапа освободительного движения народов в данном регионе. Дальнейшее его развитие и перспективы определялись на пути демократической революции, коренных социально-экономических преобразований, создания независимых национальных государств на основе политического кризиса империи Габсбургов и ее распада, обусловленных невозможностью иным способом решить национальный вопрос.

Сделанные в монографии выводы о дальнейшей судьбе Австро-Венгрии в связи с национальным вопросом очень важны. Исследование показало, что центростремительная тенденция, то есть стремление сохранить Австрийскую монархию, преобразовав ее в демократическую конфедерацию, это результат идейной незрелости либеральных кругов национальных движений, обусловленной уровнем социального развития. По этой причине даже политический опыт 40–70-х гг. не мог развеять федералистские иллюзии и надежды, но, как подчеркнуто в монографии, дальнейшая история Австро-Венгрии окончательно подтвердила несостоятельность буржуазно-националистического пути решения национальных проблем в Центральной и Юго-Восточной Европе. Конец XIX — начало XX вв. ознаменовали обострение противоречий и паралич парламентской системы Австрии, задержка общественно-политического развития Венгрии, усиление борьбы за экономические интересы и национальные уступки различных социальных групп разных народов, рост национализма, ослабление международных позиций государства. Правящая верхушка увидела выход из этой ситуации в военной авантюре, и как итог последовал распад Дунайской империи.

Существенным результатом комплексного изучения проблемы явилось сопоставление тактики национальных движений, выяснение форм и

методов национальной борьбы, сравнение ее результатов. В монографии были выделены и рассмотрены такие формы, как создание революционных организаций, революционные выступления (в том числе вооруженные) и национальные войны (главным образом, на материале национального движения итальянцев и южных славян); деятельность революционных эмигрантов (с противопоставлением единой венгерской эмиграции и польской, расколотой по идеологическому признаку); борьба за национальное просвещение и культуру; политическая борьба (парламентская деятельность, выступления в печати, политические манифестации и пр.); развитие национальной экономики, что, наряду с развитием культуры, составляло направление «органической работы», или «работы у основ». После 1848 г. в национальном движении преобладали легальные формы: всех народов в разной степени коснулся духовный прогресс, получили распространение его идейно-политические атрибуты — пресса, публицистика, издательская деятельность, работа научных и культурных учреждений, просветительских обществ, политических организаций. Польские консерваторы в Галиции, обеспечив господство в сейме, установление национальной администрации и судопроизводства, развитие национального просвещения и культуры, отказались от борьбы за широкую автономию, за преодоление социально-экономической отсталости и устранение феодальных пережитков.

Особое внимание было уделено исследованию таких явлений, как «национальное возрождение», «национальное пробуждение». В это время народы закладывали базу общенациональной культуры, чуждой сословной и конфессиональной ограниченности, что способствовало их сплочению и воспитанию национального самосознания. Формирование национальной культуры и языка являлось компонентом, средством и формой национально-освободительного движения, органической частью комплекса процессов переходного периода. В первую очередь, эта форма была характерна для тех народов, которые, как словаки, словенцы, украинцы, не имели в прошлом своего дворянства и национально-политической организации, либо, как чехи и болгары, утратили их, долгое время находясь в порабощении. Их борьба за развитие своего языка и культуры имела социально-политическое содержание, так как подрывала монополию господствующей нации в общественной жизни и постепенно приобретала все более выраженный политический характер. У народов, сохранивших национальное дворянство, политическую организацию и национальные традиции, этапы политической борьбы и борьбы культурно-языковой как совмещались, так и сменяли друг друга в причудливой последовательности. Так, в Венгрии в конце XVIII в. деятельность в сфере национальной культуры проходила на фоне острого политического противостояния, а в первом двадцатилетии XX в. вышла на передний план, пока не уступила место вновь обострившейся политической борьбе.

Было показано, что в Австрийской империи, наряду с национальными противоречиями и противостоянием народов, имело место межнациональное сотрудничество. Оно являлось составной частью освободительного движения в регионе, представляя собой канал взаимовлияния, передачи опыта, идейного взаимообмена. В качестве одного из доказательств представлена общая позиция чешских, хорватских, польских, венгерских федералистов, которых объединял факт базирования на историческом праве. Вместе с тем имели место связи, основанные на региональном принципе, как, например, у народов Венгерского королевства (сербов, словаков, румын, украинцев), югославян, поляков и украинцев Галиции. Существовало также сотрудничество революционных и демократических сил ряда народов, объединенных идеей независимости. Под этим лозунгом итальянцы, венгры, поляки разрабатывали планы совместной борьбы против австрийского господства. Особое внимание было обращено на изучение вопроса об идее славянской взаимности как специфической для региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Были исследованы связи славянских народов Австрийской империи с Россией, прослежена эволюция идеи славянской общности с середины XIX в. — интернационализация межславянских связей, выход сотрудничества за пределы круга славянских народов.

Фундаментальный характер масштабного анализа, проведенного Т. М. Исламовым, В. И. Фрейдзоном и их коллегами, богатство сделанных ими наблюдений, сравнений, выводов были высоко оценены в научных кругах как на родине, так и за границей. Но у них не нашлось прямых последователей, никто не отважился повторить подвиг изучения огромного многонационального региона как целостной системы. Однако использование комплексного метода для полнокровного исследования процесса развития отдельных народов и стран было продолжено. Одна из последних статей И. С. Миллера, датированная 1977 г., называлась «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: проблемы комплексного сравнительно-исторического изучения, место польской проблематики». Он планировал представить многомерное, стереоскопическое изображение разделенной Польши с ее проблемами, возникавшими на протяжении конца XVIII–XIX вв. Замысел Миллера был осуществлен уже после его смерти коллективом полонистов — историков, литературоведов, лингвистов, культурологов (как сотрудников Института славяноведения и балканистики, так и специалистов из других научных центров); ответственным редактором и одним из авторов подготавливаемого труда стала С. М. Фалькович, ранее участвовавшая в написании монографии «Освободительные движения народов Австрийской империи». В результате в 1984 г. появилась книга «Польша на путях перехода от

феодализма к капитализму. Конец XVIII — 60-е гг. XIX в.». Эта работа осветила все аспекты истории Польши в эпоху разделов — была установлена степень экономического развития различных польских земель, определена специфика социальной структуры в отдельных частях Польши, выявлена зависимость от нее идейно-политических позиций тех или иных социальных групп, их роль и место в национально-освободительном движении. Одновременно анализировался процесс формирования польской нации и национального самосознания, переплетение его с процессом развития польской культуры и утверждением в ней «императива национального служения», то есть прослеживались связи этих сторон процесса трансформации с ходом национально-освободительной борьбы.

Под руководством В. И. Фрейдзона как ответственного редактора и при активном участии ведущего богемиста К. П. Гогиной была подготовлена монография «Чешская нация на заключительном этапе формирования, 1850 г. — начало 70-х гг. XIX в.». Периодизация развития чешской нации увязывалась в книге со стадиями социально-экономического и идейно-политического развития Чехии, но основной анализ сосредоточивался на относительно небольшом временном отрезке. Монография вышла в 1989 г., когда завершилось двадцатилетие интенсивной разработки комплексной проблематики истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Ее промежуточные итоги оказались подведены еще раньше, в 1979 г., но наряду с этим намечались и дальнейшие перспективы исследований. На протяжении 80-х гг. под грифом Научного совета по комплексным проблемам действительно появлялись работы, посвященные таким важным аспектам процесса трансформации, как складывание социальных структур в странах Центральной и Центрально-Восточной Европы, формирование наций и создание национальных государств, развитие национальной культуры и др., но это были проблемные сборники статей. С началом перестройки, обозначившей новые приоритеты и методологию исследований, прекратил свою деятельность и Научный совет по проблемам славяноведения и балканистики. Известное отражение принцип комплексности нашел в ряде «Кратких историй» славянских и балканских стран, опубликованных в это время. При их написании пригодился опыт тех, кто участвовал в создании австрийского труда: так, в частности, Т. М. Исламов был ответственным редактором и одним из авторов «Краткой истории Венгрии», В. А. Дьяков и С. М. Фалькович — авторами и редакторами «Краткой истории Польши».

Метод комплексного анализа доказал свою плодотворность, и, возможно, в последнее время начался новый цикл обращения к нему специалистов. В этом убеждает, в частности, выход в свет в 2001 г. коллективного труда «Европейские революции 1848 г.: «принцип национальности» в политике и идеологии». Комплексное изучение событий 1848 г. в раз-

ных странах Европы, сопоставление и анализ обстоятельств, расстановки политических сил, идейных концепций, лозунгов и программ позволили не только воссоздать яркую и полную картину европейской «Весны народов», но и сделать выводы о шансах национальных революций на этом этапе, о правомерности «принципа национальности», перспективах национального самоопределения. Не исключено, что в обращении авторов книги к методу комплексного исследования сыграли роль традиция и приобретенный ранее опыт: работа выполнялась в бывшем секторе И. С. Миллера, идея ее создания принадлежала Т. М. Исламову, разработавшему первоначальную концепцию книги, а ответственным редактором была С. М. Фалькович. Есть надежда, что этот пример привлечет внимание и новых исследователей, и они используют накопленный опыт. Он оставлен нам в наследство большими учеными.

В. Мольнар Л.

САМБОРСКИЙ И ТЕШЕДИК — ДВА ПРОСВЕЩЕННЫХ ПОЛИГИСТОРА

Рубеж XVIII–XIX столетий в Центрально-Восточной Европе богат историями жизней выдающихся личностей, жизненные и творческие пути которых обнаруживают много общего, а в некоторых случаях и полную аналогию. К таким случаям можно отнести деятельность Самуэля Тешедика (1742–1820) и Андрея Афанасьевича Самборского (1732–1815), ведь оба они были духовными лицами, замечательными специалистами в области сельского хозяйства, широко образованными полигисторами, личностями, всячески способствующими делу продвижения реформ, повышения материального, нравственного и духовного уровня крестьянства. Общей чертой в их деятельности является и то, что вопреки достигнутым ими результатам, их новаторские начинания в этом регионе Европы, где узы крепостничества были по-прежнему сильны, оказались всё-таки обречены на провал. Профессиональная связь этих двух ученых, их личные встречи и переписка — даже с высоты двухсот лет — представляются достойными внимания потомков и являются ценной, но до сих пор малоизученной главой в истории венгерско-русских культурных контактов.

Относивший себя к представителям «хунгарской» интеллигенции и с одинаковым совершенством владевший немецким, словацким, латинским и венгерским языками младший Самуэль Тешедик, названный современ-

никами «венгерским Варро», был сыном лютеранского пастора Самуэля Тешедика-старшего и девушки из прессбургской (Прессбург — совр. Братислава в Словакии) бюргерской семьи Эржебет Ланг. Он появился на свет 20 апреля 1742 г. в Альберти (сегодня: Альбертирша)[1]. Когда ему было два года, он вместе с родителями переехал в Бекешчабу, где в 1749 г. в возрасте 39 лет скончался его отец. После этого трагического для семьи события мать вместе с ним и двумя младшими дочерьми поселилась в Прессбурге, где при содействии видного ученого-историка Матьяша Бела мальчик стал воспитанником известного своим высоким уровнем подготовки евангелического лицея. В стенах этого учебного заведения он познакомился с будущим реформатором народной русской школы Федором Янковичем, который был старше его на год и с которым он завязал дружбу на всю жизнь[2]. В 1761–1762 гг. Самуэль Тешедик поступил в одну из цитаделей венгерского образования той эпохи, в Дебреценский реформатский коллегиум, где такие учителя как прозванный «профессором-чернокнижником» и «венгерским Фаустом» Иштван Хатвани, Миклош Шинаи и Иштван Сатмари оказали большое влияние на его развитие[3]. С 1762 г. на протяжении трех лет он изучал в Эрлангенском университете медицину и экономику[4].

В 1766 г. Тешедик совершил путешествие по государствам Германии, продолжавшееся около года: посещал известные учебные заведения, с восторгом знакомился с условиями жизни более просвещенного гражданского общества, с достижениями в социальной и здравоохранительной сферах[5]. Эти впечатления сыграли решающую роль в формировании его взглядов, и именно тогда он впервые выразил идею о необходимости изменения условий жизни в значительно более отсталом венгерском обществе, и в особенности жизни венгерского крестьянства[6]. Сразу после

[1] Среди наиболее известных работ о жизни и деятельности Тешедика см.: *Bodor A.* A falugondozás első apostolának emlékezete. Budapest, 1924; *Czettler J.* Tessedik Sámuel munkássága. Budapest, 1918; *Nádor J.* A magyar falumunka megalapítása. Emlékezés Tessedik Sámuelre. Budapest, 1942; *Nádor J, Kemény G.* Tessedik Sámuel élete és munkája. Budapest, 1936; *Penyigey D.* Tessedik Sámuel. Budapest, 1980; *Ruzicskay G.* Tessedik Sámuel élete. Szarvas, 1970; *Szabó M.* Tessedik Sámuel élete. Budapest, 1960; *Szelényi Ö.* Tessedik Sámuel élete és munkássága. Budapest, 1916; *Tóth L.* Tessedik Sámuel (1742–1820). Szarvas, 1976; *Vácz E.* Tessedik Sámuel. Nyíregyháza, 1942; *Wellmann I.* Tessedik Sámuel. Budapest, 1954.

[2] *V. Molnár L.* Magyar-orosz kulturális kapcsolatok (1750–1815). Piliscsaba, 2000. 75.

[3] *Tóth L.* Tessedik és Debrecen // Új Auróra, 1981. № 1. 88–93.

[4] *Tóth L.* Tessedik Sámuel ifjúsága // Új Auróra, 1980. № 1. 49–52.

[5] *Lakos S.* Tessedik Sámuel és a német szellemi élet. Budapest, 1940. 63–68.

[6] *Kovács G.* Tessedik Sámuel és a parasztság // Agrártörténeti Szemle, 1961. № 2. 201–204.

возвращения на родину в 1767 г. он занял пост лютеранского пастора в Сарваше, и нес эту службу в течение 53 лет[1].

Продолжавшаяся более пяти десятилетий деятельность Тешедика в Сарваше проходила в деяниях просветительского характера и энергичном, многостороннем труде. Тешедик был убежденным приверженцем идей «разума» и «общего блага» и верил в силу движимой вселенской любовью, созидающей человека и общество филантропической педагогики[2]. Он искренне надеялся, что разумные реформы и просвещенные деяния смогут улучшить материальное, социальное и культурное состояние низших классов народа[3]. Тешедик ясно понимал, что в последней трети XVIII века и в начале XIX столетия оковы крепостного права означают почти непобедимое препятствие для людей эпохи и ложатся на них тяжким грузом исторического рока. Единственную возможность «прорыва» он видел в новом, получившем известность благодаря именам таких личностей как Базедов, Зальцман, Трапп, Кампе и Рахов филантропическом воспитании. Поэтому в 1780 г. он создал школу практического хозяйства и «усердия» — подобно заведению Фридриха Майера в Германии и Иоганна Генриха Песталоцци в Швейцарии[4].

Основанное Тешедиком учебное заведение с полным правом можно рассматривать как главное дело всей его жизни. Созданный на скалистой почве, на территории всего в шесть гектаров производственный огород (с хозяйственными постройками, пасекой и конюшнями)[5] и построенное в 1791 г. здание школы[6] на самом деле были гордостью Тешедика, поскольку на содержание этого заведения кроме собственных доходов он мог рассчитывать только на поддержку лютеранской общины, дотацию на эти цели он не получал. Этим объясняется то, что после пятнадцатилетней работы в истории школы последовал вынужденный четырехлет-

[1] Подробнее о деятельности Тешедика-священника в Сарваше см.: *Nádor J.* Tessedik Sámuel, az ország papja Szarvason. Budapest, 1940; *Demján S.* «...a házadhoz való féltő szeretet emészt engem». Szarvas, 1998; *Idem.* Történelmi pillanatok a Szarvasi Evangélikus Egyházközség múltjából // Szarvasi Krónika, 1997. № 1. 22–33.

[2] *Hanzó L.* Tessedik és a filantropizmus // Szarvasi Felsőfokú Óvónőképző Intézet Évkönyve II. Szarvas, 1962. 85–118.

[3] *Hanzó L.* Tessedik gazdaságtudományi nézeteinek forrásaihoz // Századok, 1962. 553–564.

[4] *Szeniczey V.* Tessedik Sámuel közgazdasági törekvései és a szarvasi gyakorlati-gazdasági iskola // Századok, 1918. 257–280.

[5] *Ferencz K.* Adatok a Tessedik-kert talajáról és javításának eredményeiről. 1980. 15–31 (kézirat). Рукопись хранится в Сарваше, в библиотеке Сельскохозяйственного Института (на правах факультета Дебреценского сельскохозяйственного университета, DATE Mezőgazdasági Főiskolai Kara).

[6] *Tóth L.* Tessedik Sámuel iskolája // Diakónia, 1980. № 1. 49–52.

ний перерыв, а затем в 1806 г. школу окончательно закрыли[1]. Без финансовой поддержки Наместнического совета такое положение дела явилось закономерным! Правда, граф Дьёрдь Фештетич примерно в то же время, в 1797 г. открыл свое экономическое учебное заведение, знаменитый Георгикон, но твердую гарантию деятельности этой школы обеспечивал его доход в 160 тыс. хольдов (ок. 92 га) поместья.

Образцовая хозяйственная школа в Сарваше на рубеже XVIII–XIX веков действительно считалась единственным в своем роде заведением, так как теоретическая и практическая подготовка учащихся в ней в корне отличалась от практики обучения в до сих пор существовавших народных школах. В разработанном Тешедиком и одобренном Департаментом образования (*Departamentum scolarum*) Наместнического совета плане подробно изложен распорядок обучения в Сарваше. Этот план свидетельствует о том, что Тешедик был последовательным приверженцем обучения с практической ориентацией, обеспечивающей для учащихся полезные практические знания, сведения и навыки[2]. В школе действовало три отделения (народная школа, сельскохозяйственное и ремесленное), и число учащихся приближалось к тысяче. Основатель школы намеревался не только обучать молодежь грамоте, но и способствовать тому, чтобы из стен школы выходили народные учителя, сельские старосты, аграрные служащие[3]. Школа «усердия» в Сарваше была известна тремя новшествами: Тешедик значительно сократил количество часов преподавания латинского языка. Вместо него в учебном материале появились такие новые предметы, как экономика, управление хозяйством, камералистика, статистика, основы ветеринарии, луговодство, природоведение, анатомия, химия, бухгалтерский учет, а также составление договоров, инвентарей и протоколов. Как и педагоги-филантропы, Тешедик считал важным физическое развитие учащихся, регулярные физические упражнения. Он строго запретил телесные побои, бессмысленные и унижающие достоинство человека наказания, отдавая предпочтение дневному карцеру и «отказу в пище»[4].

---

[1] *Kemény G.* Tessedik Sámuel // A pedagógiai tudat kialakulása Magyarországon. Budapest, 1986. 148–156.

[2] *Hanzó L.* Törekvések az oktatás gyakorlatiasabbá tételére Tessedik korában. In: A munkára nevelés hazai történetéből/Szerk. Jausz B., Faludi S., Zibolen E. Budapest, 1965. 97–140.

[3] *Penyigey D.* Tessedik Sámuel élete és munkássága // Agrártörténeti Szemle, 1961. № 2. 181–183.

[4] Подробнее об оценке педагогической деятельности Тешедика см.: *Fabiny T.* Az emberszeretet iskolája // Lelkipásztor, 1992. № 6. 195–199; *Hanzó L.* Újabb szempontok Tessedik pedagógiai rendszerének vizsgálatához // Szarvasi Felsőfokú Óvónőképző Intézet Évikényve I. Szarvas, 1961. 47–88; *Tamássy I.* Tessedik Sámuel, a pedagógus // Agrártörténeti Szemle, 1961. № 2. 189–200; *Tessedik S.* válogatott pedagógiai művei/Szerk. Vincze L. Budapest, 1956; *Tóth L.* Tessedik Sámuel pedagógiai reformtevékenysége. Budapest, 1980; *Idem.* Tessedik Sámuel (1742–1820). Szarvas, 1976. 259–326.

Учащиеся много времени проводили на производственном огороде, знакомились с современными агротехническими методами, способами удобрения почвы (мелиорация, удобрение известковым мергелем), новыми растительными культурами (люцерна, клевер, артишок) и до сих пор невиданными сортами фруктовых деревьев[1]. Вопреки скудным финансовым источникам Тешедик создал настоящее образцовое хозяйство, где привезенное из-за границы сельскохозяйственное оборудование, современные постройки, мастерские, амбары и состоящий из садоводов, овцеводов и скотоводов персонал помогал учащимся школы овладеть практическими знаниями и навыками.

Наряду с деятельностью священника и директора школы Тешедик вел многостороннюю народно-просветительскую и сельско-организационную работу. Идеи Просвещения, свои передовые взгляды он не только провозглашал с трибуны оратора, но и стремился претворить в жизнь[2]. Им были организованы касса помощи больным, общество народных учителей, объединение аптек и пожарных служб, в 1786–1788 гг. под его руководством была построена новая церковь[3], 150 новых сортов фруктовых деревьев привиты в Сарваше, а в Альфёльде он первым посадил несколько тысяч акаций для затвердения сыпучей песчанной почвы[4].

Невозможно умолчать о его достижениях в области науки. По мнению некоторых историков, в свет вышло 140 его публикаций, другие же ученые утверждают, что было издано 400 работ этого выдающегося человека своей эпохи[5]. Особого внимания заслуживает опубликованная в 1784 г. работа под заглавием «*Der Landmann in Ungarn, was er ist und was er seyn könnte*», двумя годами позже появившаяся и на венгерском языке[6]. Современники высоко оценивали его статьи об аграрном деле, в частности о культивировании клевера и люцерны[7], а также работы, по-

[1] *Wellmann I.* Tessedik és a magyar agrárfejlődés // Agrártörténeti Szemle, 1961. № 2. 206–222.

[2] *Kovács P.* Szemelvények Tessedik prédikációiból // Lelkipásztor, 1972. № 4. 218–230.

[3] *Nobik E.* A Tessedik-templom újjászentelésének és 200 éves jubileumának ünnepére // Szarvasi Krónika, 1988. 35–42.

[4] *Rapaics R.* Winterl és Tessedik gyümölcsfa-telepítési kísérletei az Alföldön // Természettudományi Közlöny, декабрь 1935, 579–581.

[5] *Stutzmann O.* A főbb Tessedik — irodalom bírálata // Acta Iuvenum. Sectio Historica. Szeged, 1975. 125–131.

[6] *Tessedik S.* A parasztember Magyarországban, mitsoda és mi lehetne/Ford. Kónyi J. Pécs, 1786. Об оценке этого произведения см.: *Tóth L.* Kétszáz éve jelent meg Tessedik főműve: «A parasztember Magyarországban» // Új Auróra, 1984. № 2. 155–161.

[7] *Tessedik S.* A lóherének vetéséről, s annak használatáról való rövid oktatás. Buda, 1800

священные проблемам луговодства[1]. Будучи членом прессбургского Комитета по делам образования, Тешедик опубликовал несколько статей на тему воспитания, например «Двенадцать параграфов о деле образования в Венгрии»[2].

Политическая элита Венгрии, передовая интеллигенция и зарубежные научные круги были хорошо знакомы с достижениями полигистора Тешедика. Подтверждением тому служит то, что в 1787 г. Иосиф II, наградил его медалью, в 1798 г. он удостоился диплома йенского Минералогического общества, а в 1809 г. австрийский император Франц I присвоил Тешедику титул дворянина[3]. Основанное им заведение посетили такие знаменитости, как королевский наместник Иосиф Габсбург, Гергей Берзевици, Иосиф Хайноци[4] и Ференц Казинци[5]. В 1797 г. граф Дьёрдь Фештетич, открыв экономический институт Георгикон, предложил Тешедику пост директора заведения, однако тот отклонил это предложение, оставшись верным своему делу в Сарваше.

На пятьдесят восьмом году жизни Тешедик познакомился с Андреем Самборским, которого можно назвать российским «alter ego» Тешедика[6]. Андрей Афанасьевич родился в 1732 г., высшее образование получил в Киевской духовной академии. После завершения обучения в 1765 г. — в возрасте тридцати трех лет — он был назначен священником при российском посольстве в Лондоне. Самборский, прожив там 16 лет, никогда не

[1] *Tessedik S.* Új módja a rétek igazításának. Buda, 1801. Среди работ полигистора из Сарваша по аграрному делу также см.: *Tessedik S.* Szarvasi nevezetességek, azaz Szarvas mezőváros gazdasági krónikája/Ford Nádor J. Budapest, 1938; *Tessedik S.* A Tisza-vidéki szikes talajok műveléséről és hasznosításáról. 1980, 5–14 (kézirat). Работу, первоначально написанную на немецком языке, перевел на венгерский Йожеф Палов, она хранится в библиотеке Сельскохозяйственного Института в Сарваше. См. также: Tessedik Sámuel írásaiból // Szerk. Tóth L. Békéscsaba, 1970; *Hanzó L.* Tessedik néhány kiadatlan gazdasági írása // Agrártörténeti Szemle, 1961. № 2. 243–282; *Implom J.* A Békés Megyei Levéltár Tessedik-irataiból // Békési Élet, 1970. № 3. 381–399; *Berzeviczy G., Tessedik S.* A parasztok állapotáról Magyarországon. Szerk. Zsigmond G. Budapest, 1979; A reformer Tessedik (Tessedik Sámuel összegyűjtött írásai) // Szerk. Bálint P., Pestiné D. I., Szilvássy O., Timárné Hunya T. Bevezető tanulmány Patay István. Szarvas, 2002.

[2] Tessedik Sámuel pedagógiai írásaiból // Dokumentumok a magyar nevelés történetéből, 1100–1849/Szerk. Ravasz J. Budapest, 1966. 179–188.

[3] *Tóth L.* Tessedik Sámuel. Szarvas, 1976. 410–411.

[4] *Tóth L.* Tessedik Sámuel kapcsolatai a jakobinus mozgalom vezetőivel // Tanulmányok a magyar nevelésügy XVII–XX. századi történetéből // Szerk. Mészáros I. Budapest, 1980. 87–104.

[5] *Pásztor E.* Kazinczy Ferenc Szarvason, Tessediknél // Békési Élet, 1976. № 3–4. 453–454.

[6] О биографии Самборского см.: *Стеллецкий Н.* Протоиерей А. А. Самборский // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1896. 182–202, 342–363, 486–526.

скрывал, что лондонские впечатления наложили глубокий отпечаток на всю его жизнь. Параллельно с деятельностью священника он восторженно изучал общественные отношения в Англии, развернувшуюся в этом образцовом капиталистическом государстве промышленную революцию, существенно отличавшийся от основ российской жизни образ жизни англичан и отличный от русского менталитет. Однако самое большое влияние оказали на него последовавшие изменения в сельском хозяйстве, новые агротехнические методы, современные технологии и орудия труда, значительно увеличивавшие эффективность земледельческих работ[1]. Самборский преклонялся перед культурными достижениями английского просвещения, произведениями живописи, художественной литературы и науки. Он чувствовал, что всё его существо духовно преобразилось под воздействием опыта страны на острове и в его душе — как и у Тешедика — зародилось «сознание своей миссии». Его англофильские чувства укрепил еще и тот факт, что он женился на англичанке, прожив с ней в счастливом браке долгую жизнь. Их дочь вышла замуж за известного дипломата, ставшего впоследствии директором Царскосельского лицея, Василия Федоровича Малиновского. Внучка же стала женой участника декабристского движения А. Розена[2].

По возвращении на родину Самборский благодаря влиятельной поддержке получил службу при царском дворе и должность протоиерея. О расположении к нему царской семьи свидетельствует тот факт, что в 1782 г. императрица Екатерина II назначила его сопровождающим царевича Павла Петровича (будущего царя Павла I, 1796–1801) в путешествии по Западной Европе. Спустя два года Самборский был удостоин еще большей чести, когда императрица поручила ему духовное и нравственное воспитание царевичей Александра и Константина[3].

В эти годы у Самборского не угасал интерес к современным аграрным вопросам, подтверждением чему является изданная в Москве в 1781 г. его книга под заглавием «Описание английского практического земледелия»[4]. Несомненно, эта работа способствовала его избранию в 1797 г. членом Вольного экономического общества и еще в этом же году назначению на пост главы Царскосельского сельскохозяйственного училища. Об опыте работы в этом заведении был опубликован его иллюстри-

[1] *Багалея Д.* Данные о протоиерее А. А. Самборском // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1912. Т. XX. 31–37.

[2] *Розен А.* Мои воспоминания об Андрее Самборском. // Отечественные записки, 1876. № 2. 491–497.

[3] *В. Мольнар Л.* Русско-венгерские культурные связи (1750–1815). Йошкар-Ола, 1993. 166.

[4] *Самборский А. А.* Описание практического английского земледелия, собранное из разных английских писателей. Москва, 1781.

рованный гравюрами эксклюзивный сборник «Положение практической школы земледелия и сельского хозяйства», сам жанр которого в конце XVIII века считался уникальным[1].

В 1799 г. русский царь поручил Самборскому сопровождать свою дочь, великую княжну Александру Павловну в поездке в Венгрию[2]. Родившуюся в 1783 г. княжну, которая была любимой внучкой императрицы Екатерины II, отец первоначально хотел выдать замуж за шведского короля Густава IV. Этому плану не суждено было сбыться, поскольку стороны не смогли договориться о том, по обряду какого вероисповедания — православного или же лютеранского — будет проводиться венчание. В феврале 1799 г. венгерский наместник эрцгерцог Иосиф Габсбург[3] — младший брат императора Франца I — просил руки российской великой княжны. Свадьба состоялась 30 октября 1799 г. в находящейся недалеко от Санкт-Петербурга царской резиденции, в Гатчине. Тогда в соответствии с компромиссом молодые заключили брак сначала согласно православному обычаю, а затем по католическому. После четырехнедельных празднеств 2 декабря молодожены отправились — в сопровождении нескольких приближенных особ и Самборского — из Санкт-Петербурга в Вену, куда и прибыли 2 января 1800 г. В Вене опять последовала череда балов и празднеств, потом же, в середине февраля молодые приехали в Буду, где получили свою резиденцию в одном из зданий крепости[4].

О тринадцатимесячной жизни в Венгрии жены наместника известно довольно мало, хотя в печати того времени («*Magyar Kurir*», «*Pressburger Zeitung*», «*Vereignigter Ofner und Pester Zeitung*» и т. д.) не раз сообщалось об этом. Наиболее полно об этом можно узнать из опубликованной в 1871 г. работы Самборского «О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии», в которой — с понятным пристрастием — достоверно рассказано о пережитых событиях[5]. Из описаний духов-

[1] *Он же*. Положение практической школы земледелия и сельского хозяйства. Санкт-Петербург, 1798.

[2] О жизни великой российской княгини см.: *Tardy L.* Régi feljegyzések Magyarországról. Budapest, 1981. 131–139; *Hankó I., Kiszely I.* A nádori kripta. Szekszárd, 1990. 32–67.

[3] О жизни «самого наивенгерского Габсбурга» см.: *Domanovszky S.* József nádor élete. I–II. Budapest, 1944; *Poór J.* «Emléke törvénybe iktattatik» (József nádor, 1776–1847) // Budapesti Negyed, 1994. №1. 19–34; *Soós I.* A legagyarabb Habsburg (József főherceg, Magyarország nádora) // József nádor Pest-Budán/ Szerk. Szvoboda Dománszky G. Budapest, 1997. 9–23; *Vörös K.* József főherceg. Magyarország nádora // Internationales kulturhistorisches Symposium Mogersdorf (1982). Graz, 1983. 74–86.

[4] *Sebestyén E.* József nádor és Alekszandra Pavlovna bevonulása és ünneplése 1800-ban // Tanulmányok Budapest múltjából VII. Budapest, 1940. 68–74.

[5] *Самборский А. А.* О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии // Памятники новой русской истории. Т. 1. Санкт-Петербург, 1871.

ного отца и приближенного великой княгини явствует, что находящаяся в расцвете красоты семнадцатилетняя супруга наместника пользовалась популярностью в кругах венгерских сословий и бесконечно наслаждалась симпатией народа. Самборский рассуждал, что эрцгерцог Иосиф Габсбург и Александра Павловна легко могли бы создать новую династию в Венгрии, если бы не последовала неожиданная смерть жены наместника.

Самборский не скрывал, что у российской княгини нашлось немало врагов при венском дворе. Среди них он упоминал уроженку Неаполя императрицу Терезию (супругу Франца I) и барона Франца Тугута, тогдашнего государственного министра и бывшего начальника тайной полиции. Последний в описаниях Самборского выглядит особенно отталкивающе, (он жестоко расправился с заговором так называемых венгерских якобинцев). Интриги венских врагов супруги венгерского наместника, подрывную деятельность против ее личности, Самборский объяснял завистью к растущей популярности великой княгини. В его книге прозвучало и то, что именно венский двор ответственен за смерть Александры Павловны, поскольку Самборский был уверен, что дочь русского царя стала жертвой отравления[1].

В марте 1801 г. в Будайской крепости происходили странные и с трудом поддающиеся восстановлению события. Совершенно здоровая супруга наместника 8 марта родила на свет девочку по имени Полина, которая спустя несколько часов умерла. 16 марта в половине шестого утра Александра Павловна сама отошла на тот свет, ее кончина вызывала множество догадок. Самборский находил странным тот факт, что готовящаяся к родам совершенно здоровая супруга наместника начиная с 6 марта страдала острыми приступами гастрита (причина которого может скрываться и в отравлении), затем после смерти новорожденной дочери венские врачи лечили ее от оспы. Духовный отец царевны, как мы уже говорили, подозревал отравление и ответственных за содеянное искал в окружении императрицы Терезии и барона Тугута. Здесь стоит заметить, что мнение Самборского разделял и Лайош Тарди[2], в то время как Иштван Киселі[3] причиной смерти определил туберкулез. Знаменитый поэт Г. Р. Державин, занимавший в 1802 г. пост министра юстиции, в написанном в 1806 г. стихотворении тоже ссылается на отравление[4]. Вызывает размышления и тот очевидный факт, что приблизительно в то же время, 11

53–67. См. также: *Воловик А.* Александра. СПб., 2005.

[1] Там же, 58–59.

[2] *Tardó L.* Alekszandra Pavlovna hirtelen halála és az akkori közvélemény // Régi feljegyzések Magyarországról. Budapest, 1981. 136–137.

[3] *Hankó I., Kiszely I.* Op. cit. 42.

[4] Собранные сочинения Г. Р. Державина/Вступит. статья Я. Грота. Санкт-Петербург, 1869. 11–12.

марта 1801 г. отец Александры Павловны, Павел I — при финансовой поддержке английской дипломатии — был убит заговорщиками.

Самборский сыграл немаловажную роль в том, чтобы скончавшаяся на восемнадцатом году жизни российская великая княгиня была погребена с подобающим династии Романовых достоинством. Из его книги мы узнаём, что сначала для прощания тело усопшей Александры Павловны было поставлено на катафалк в одном из зданий наместнической резиденции, а затем в богато украшенном гробу предано погребению в крипте будайской церкви капуцинов. В 1802 г. над гробницей, где покоились земные останки российской великой княгини, была возведена обитель скорби, о которой в 1810 г. путешественник Владимир Броневский писал следующее: «Бросив беглый и жадный взор на церковь, я увидел перед собой квадратный пьедестал, коего каждая сторона едва ли более трех сажен; на сем пьедестале поставлен пирамидальный шпиц. Внутри церковь круглая и со сводом, алтарь отделан небольшим на атласе писанным иконостасом; престол покрыт богато вышитым бархатом; сосуды из чистого золота, весом в 40 фунтов, превосходной работы. Две священнические ризы особенно замечательны: одна из них сшита из подвенечного платья, другая из платья императрицы Анны Иоановны, которое тоже было в числе приданного великой княгини. Два местные образа в золотых окладах изобильно украшены крупными бриллиантами, жемчугом и драгоценными камнями. Первой благословила покойную Великая Екатерина, последней августейшая мать ее, императрица Мария Федоровна, которая почти в одно время лишилась супруга и нежно любимой дочери. Словом, все украшения церкви просты, богаты, отделаны с изящным вкусом и достойны российского императорского великолепия»[1].

До 1804 г. все обязанности священника в обители скорби исполнял Андрей Самборский. Выполняя это дело с полной отдачей, он все же нашел время познакомиться с некоторыми общественными деятелями и учеными Венгрии той эпохи. Среди них на первом месте необходимо упомянуть Самуэля Тешедика, с которым летом 1800 г. у Самборского завязались личные отношения. Самборский — по свидетельству изданных в 1872 г. воспоминаний — считал важным делом посетить основанную в 1780 г. практическо-хозяйственную школу в Сарваше и познакомиться с ее широко известным директором[2]. Взаимный интерес двух личностей друг к другу мотивировался прежде всего тем, что оба они были священниками, бывали в Западной Европе, оба являлись образованнейшими представителями своей эпохи и считали своим призванием просвещение в вопросах аграрного дела и трудового воспитания.

[1] *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. Москва, 1828. 98–99.

[2] *Самборский А. А.* Мемуары // Памятники новой русской истории. Т. II. Санкт-Петербург, 1872. 37–52.

В своих мемуаров Тешедик повествует о связывающих его с Самборским отношениях, о собственном плане издать вышедшую в свет в 1798 г. книгу Самборского. Отдельные главы книги были переведены им на немецкий язык еще в на рубеже 1800–1801 гг., а также была начата работа по «собиранию» подписчиков на издание. Одним из методов этой работы стало помещение объявлений в брюнском (Брюн — совр. Брно в Чехии) «*Patriotisches Tageblatt*» в номерах от 20 мая 1801 г. и от 5 апреля 1802 г.) о публикации проекта книги. Кроме прочего в деле создания лагеря подписчиков помогал и пештский лютеранский священник Янош Мольнар, так в ходе этого дела удалось вызвать интерес к книге Самборского и у Дьердя Фештетича. В конечном итоге попытки издать эту книгу не закончились успехом, поскольку на нее удалось найти всего 45 подписчиков. По расчетам Тешедика было необходимо собрать тысячу заявок на покрытие издательских издержек в сумме пяти тысяч форинтов[1]. Такая неудача все же не испортила дружеских отношений Тешедика и Самборского, ведь после этого они еще несколько лет вели переписку, подтверждение чему мы находим в воспоминаниях Самборского.

В 1803 г. — при поощрении Самборского и Федора Янковича — Тешедик послал научный трактат на объявленный основанным в 1765 г. петербургским Вольным экономическим обществом конкурс. Внимание полигистора из Сарваша несомненно привлек конкурс по теме: «Какие порядки могли бы применяться для того, чтобы отточить в нижних слоях народа, особенно у крестьянок и детей, дух деятельности и стремление к заработку, в результате чего труд станет для них привычным и желанным делом»[2]. Об отправленной в Санкт-Петербург конкурсной работе Тешедик упоминает и в своих мемуарах, когда делает ссылку на то, что о дальнейшей судьбе рукописи у него нет никаких сведений. Сегодня нам уже известно, что на объявленном Д. П. Трощинским конкурсе с призовым фондом в 500 рублей победителями стали берлинец Хардт и русский профессор Дженковский[3].

Поскольку конкурсный материал Тешедик составил лишь в одном экземпляре, историки последующих эпох долгое время пребывали в неизвестности относительно содержания этой работы. Наконец, в 1974 г. профессор Ужгородского университета Янош Варади-Штернберг обнаружил рукопись в Государственном Историческом Архиве в Санкт-Петербурге,

[1] *Tóth L.* Tessedik Sámuel (1976), 302.

[2] Оригинальное немецкоязычное заглавие конкурсной работы: «*Welche Massregeln währen zu nehmen um den Geist der Tätigkeit und des Erwerbfleisses in den untern Volksklassen, besonders bei den Weibern und Kindern des Landmanns so zu erwarten, dass ihnen die Arbeit zum notwendigen Bedürfnis und zur Gewohnheit werden*».

[3] *Vincze L.* Tessedik Sámuel oroszországi kapcsolatai // Köznevelés, 1964. № 8. 304.

в 58 томе фонда Вольного экономического общества, и отправил эту объемную статью Лайошу Тоту, самому компетентному в то время исследователю жизни и деятельности Тешедика. В изданную им в Сарваше в 1976 г. монографию о Тешедике уже был включен его перевод одной части рукописного конкурсного проекта[1]. Хотя написанная в 1803 г. петербургская конкурсная работа не принесла лаврового венка венгерскому ученому, думается, что ее высокий интеллектуальный уровень, просвещенный взгляд на вещи и идеи реформ делают ее достойными внимания потомков, даже и спустя почти двести лет. Автор конкурсного проекта, далеко опередив свою эпоху, дерзко и с импонирующей уверенностью вскрывает культурные, социальные, экономические и общественные препятствия к созданию условий для усердного и продуктивного труда крестьян в начале XIX столетия. Среди этих препятствий он упоминает бедность, имеющие место со стороны аристократии презрение и унижение, множество форм принуждения и подавления, недостаточность личной свободы, суеверия, предвзятости и тяжкие последствия плохих примеров. Тешедик призывал обратить внимание на то, что принудительный массовый военный призыв юношей крестьянского происхождения лишает производственный труд полезных рук. Он ясно понимал, какой вред наносят обществу религиозные секты или нетерпимость в делах веры. В работе говорится и о том, что виз-за отсутствия высококвалифицированных педагогов неграмотные сельские учителя (зачастую исключенные из учебных заведений студенты, дезертировавшие со службы солдаты) несут в народ совершенно ненужные знания.

К явным достоинствам конкурсной работы Тешедика относится его радикальное суждение о существовавшем в то время порядке разделения земельных поместий, указывающее на вопиющую несоразмерность такого разделения. Автор конкурсной работы — довольно дерзко — предлагает перераспределение крупных владений, раздел земли и создание свободной крестьянской земельной собственности. В своем труде он выдвигает идею образования крестьянских хозяйств на земельном участке в 40–50 хольдов, которые действенно обеспечили бы верный кусок хлеба для каждой отдельной семьи. Тешедик безгранично верил в преобразующую человека и общество силу идей Просвещения, в возможность сделать доступными для низшего слоя народа культуру и образование. Именно поэтому он так подробно рассматривал требования в отношении подготовки народных учителей, считая самым главным для них приобретение ориентированных на практику знаний. Автор работы призывает к «полезному и моральному» воспитанию граждан в духе филантропии и просвещения, обращает внимание на важность социального обеспечения

[1] *Tóth L.* Tessedik Sámuel (1976), 335–357.

и организации общественных работ, а также на необходимость создания домов для бедных и рабочих[1].

Не будет преувеличением утверждение, что слухи об известности Тешедика как создателя учебного заведения и научного деятеля достигли и Петербурга. Важную роль в этом можно отвести Андрею Самборскому, который регулярно писал отчеты в российскую столицу. Он посылал письма не только своим друзьям, но и — среди прочих — М. М. Сперанскому (своему близкому родственнику), возможно самому влиятельному политическому советнику императора Александра I[2]. Отчеты Самборского читал Г. Р. Державин (один из выдающихся поэтов той эпохи, тамбовский и карельский губернатор, казначей с 1800 г., министр юстиции с 1802 г.), о чем упоминает историк Яков Грот во вступительной статье к изданию произведений поэта в 1869 г. «Популяризации» в России деятельности Тешедика способствовали и такие влиятельные личности, как Ф. И. Янкович (уроженец Серемского края, знавший Тешедика, напомним, со студенческих лет в прессбургском лицее, ведуший педагог в деле реформ народного образования в России), Янош Орлай (домашний врач Александра I, государственный советник), Михай Балудянский (профессор юридической академии в Надьвараде, преподававший право царю Николаю I, первый ректор Петербургского университета, государственный секретарь юстиции), а также поддерживающий прекрасные отношения с царским двором сербский митрополит из Карловица (совр. Сремски Карловицы в Сербии) Стефан Стратимирович[3]. Эта гипотеза подтверждается и тем фактом, что в 1803 г. к Тешедику дважды поступало предложение — со стороны петербургского двора — разработать план учебно-хозяйственного института. «Предлагавшие» должны были быть хорошо осведомлены о том, что директор сарвашской школы в 1802 г. составил — по просьбе графа Криштофа Ницки — подробный проект создания аграрного института в Надьсентмиклоше. Тешедик в своих мемуарах сообщает следующее: «Получил еще в 1803 г. ... его благородия Стратимировича письмо от 16 февраля, в котором российский государственный советник, Фёдор Янкович просит меня послать в Петербург как можно более подробное описание моего заведения и несколько документов. Я сделал всё, что смог, ссылаясь на вышедшую в свет именно к этому времени мою книгу»[4].

Второе предложение — связанное с созданием экономической школы в Павловске — поступило к Тешедику через Самборского, как об этом и упоминается в мемуарах: «По частично устной, частично письменной

---

[1] *Tóth L.* Tessedik Sámuel oroszországi pályázati értekezése. Szentpétervár, 1803 // Új Auróra, 1977. № 3. 55–70.

[2] *Стеллецкий Н.* Указ. соч. 494–496.

[3] *V. Molnár L.* Magyar-orosz kulturális kapcsolatok, 56–65, 69–98, 166, 184–185.

[4] *Tessedik S.* Önéletírása, 85–86.

просьбе духовного отца супруги наместника, Самборского, я передал ему разработанный план организации института»[1]. К сожалению, о дальнейшей судьбе этого плана Тешедика мы не имеем никаких сведений.

В последующем 1804 г. закончились встречи и переписка Тешедика и Самборского, так как на место последнего, в обитель скорби на должность священника был назначен Николай Мушовский (позже ставший духовником Николая I). После отъезда из Венгрии Самборский год прожил в Петербурге, где его дом все знали как место встречи многочисленной русской интеллигенции. Известности дома Самборского способствовало и то, что его зять В. Ф. Малиновский с удовольствием приглашал в гости своих учеников, среди которых были будущие декабристы и знаменитые писатели, как например, князь А. М. Горчаков, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин и И. И. Пущин[2].

По возвращении в Россию Самборский с горечью обнаружил, что уровень обучения в ранее созданном им царскосельском сельскохозяйственном училище резко упал. По поводу этого, давая оценку деятельности заведения, «Венгерский Курьер» за 1804 г. писал следующее: «...к созданию этой школы приложил усилия некто Самборский, православный священник, который ... длительное время пребывая в Лондоне, с большим усердием изучал английское сельское хозяйство, и поскольку серьезно интересовался естественными науками и историей, то лучше справлялся с изучением и преподаванием этих наук. Для сопровождения великой княгини Александры Павловны он был послан в Венгрию ... общественное заведение пришло в огромный упадок»[3].

Видя запущенность вышеупомянутого заведения, Самборский в 1805 г. решил поселиться в Стратимировке — своем поместье в Изюмской области Харьковской губернии, Стратимировке. Там он организовал образцовое хозяйство и — оставаясь приверженцем идей Просвещения — большие усилия направлял на улучшение материального и социального положения крестьянства. В селе им были основаны лечебница, аптека, больница, школа и сиротский приют. На его земельных владениях применялись привезенные из-за границы новейшие сельскохозяйственные машины, разводились чистокровные породы овец. Самборский создал также несколько небольших фабрик, где на месте обрабатывали некоторые продукты. Однако его деятельность — подобно работе Тешедика и Песталоци вызывала неприязнь и ненависть завистников (главным образом соседских помещиков). Этим объясняется его решение вернуться в Петербург в 1812 г., во время войны против армии Наполеона, где в возрасте восьмидесяти трех лет его настигла смерть[4].

[1] Ibidem.

[2] *Стеллецкий Н.* Указ. соч. 348–351.

[3] Magyar Kurír, 1804. I. félév. 173.

[4] *Váradi-Sternberg J.* Kijevi diákok Magyarországon a XVIII. században //

Тешедик на пять лет пережил своего великого современника. С1816 г. — на протяжении трех лет — он работал над мемуарами, однако прогрессировавшая болезнь глаз и смерть второй жены глубоко потрясли его. Накануне рождества 1820 г. на открытии нового кладбища в Сарваше он сильно простудился и 27 декабря, в возрасте 78 лет ушел из жизни[1].

Мы попытались выявить общие черты в биографиях двух исключительных личностей своей эпохи. Общим для обоих является и то, что вопреки своим имеющим вечную ценность для человечества достижениям, их деятельность оказалась обреченной на провал. И это было закономерно, так как в Восточной Европе эпохи до отмены крепостного права было невозможно — со стремлениями и представлениями о реформах Тешедика и Самборского — вырваться из общественных оков и рутины господствующих политических отношений. В результате отсутствия интереса со стороны государства большинство начинаний в социальной сфере и культуре сталкивалось с непреодолимыми препятствиями и из-за себялюбия аристократии не получало продвижения. Но несмотря на всё это, деятельность Тешедика и Самборского, связывавшие их отношения достойны внимания потомков, ведь на 50–60 лет опередив своими идеями современников, они своим трудом далеко осветили путь вперед.

А. Г. Айрапетов

БУДАПЕШТ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С Тофиком Муслимовичем Исламовым, моим научным наставником в аспирантские и последующие годы, мы познакомились осенью 1972 г. Затем было много других встреч и бесед на научные и общественно-политические темы. Он умел поддержать в трудных жизненных обстоятельствах, искренне радовался моим профессиональным успехам. Тофик Муслимович, как известно, родился в столице Азербайджана, а его взрослая жизнь была связана с европейскими столицами. Думаю, не ошибусь, если скажу, что самостоятельное место в ряду этих городов занимал Будапешт, куда он многократно приезжал. Жизнь и научная работа Тофика Муслимовича в Будапеште составила бы отдельную главу его еще не написанной биографии.

В конце XIX — начале XX в. происходила структурная трансформация индустриально-капиталистического общества, отмеченная промышленно-

Utak és találkozások (Tanulmányok az orosz-magyar és ukrán-magyar kapcsolatokról). Ужгород, 1971. 53–55.

[1] *Nádor J.* Tessedik Sámuel egyénisége, testi és lelki alkata, otthona // Békési Élet, 1968. № 3. 350–352.

технической, демографической, научной революциями, монополизацией и олигархизацией собственности, новациями в управлении производством, сдвигами в социальном составе населения. Менялись также формы и способы представления социально-политических идеалов, общественно-политических и групповых интересов. Классический либерализм уступал место социал-либерализму, а традиционалистский консерватизм был потеснен христианско-социальными доктринами. Стремительно набирали силу социал-демократический реформизм и революционаризм. Социальный вопрос в общественно-политической жизни, пристальное внимание исследователей и специалистов-практиков к психологии масс, «смещение» акцентов от «объективной» к «субъективной» социологии — все это было манифестацией изменений в идейно-мировоззренческом, шире — социокультурном дискурсе индустриального общества.

Процесс переструктурирования общества находил преломление в когнитивной сфере, в профессиональной деятельной интеллектуальной элиты. Творческая биография ученых, деятелей художественной культуры может служить для историков ценным материалом, позволяющим лучше понять характер и глубину мыслительной рефлексии на общественные изменения. Тема «интеллектуал и общество» — это вопрос о том, в какой степени практические реалии окружающей действительности были осмыслены и стали фактом общественного сознания. «Героем» нашего микроисследования выбран Дьюла Пиклер (1864–1937), выдающийся представитель венгерской научной мысли. Он родился в городе Темешваре, расположенном в Трансильвании, которая входила в то время в состав Австро-Венгрии. По окончании юридического факультета Будапештского университета Пиклер занимал в 1884–1891 гг. должность помощника библиотекаря в венгерском парламенте. Библиотекарская работа, однако, была ему не по душе: его влекла к себе научная стезя. В первых написанных им рефератах и статьях (1885, 1890 гг.) содержался критический анализ английской политической экономии Д. Рикардо и исторической экономической школы в Германии. Эти работы Пиклера важны как свидетельство его либеральной политической ориентации. Кумиром либеральной интеллигенции конца XIX в. был Герберт Спенсер. Отношение к нему Пиклера, выраженное в статье 1886 г., достаточно сдержанное. Отстаиваемые английским социологом принципы свободной конкуренции и неприкосновенности частной собственности, игнорируют, по мнению Пиклера, наблюдавшего перемены в индустриальном обществе, необходимость решения социального вопроса.

В двадцать два года Пиклер начал преподавать в Будапештском университете, а в 1903 г. стал его ординарным профессором. По воспоминаниям современников, он был замечательным лектором, на чьи занятия приходили не только студенты, но и вольнослушатели[1]. Открытость Пик-

[1] *Szabó I.* Pikler Gyula. Budapest, 1973. 26.o.

лера для новых идей, его свободные высказывания приветствовались, однако, далеко не всеми. Он столкнулся со своеобразной фрондой в среде христианско-консервативной профессуры и студенчества. Вероятно, это обстоятельство ускорило сближение Пиклера с радикально настроенной частью венгерской либеральной интеллигенции. В 1903–1919 гг. профессор Пиклер был председателем созданного радикалами Общества социальных наук и постоянным автором его печатного органа — журнала «Двадцатый век» («Хусадик сазад»). Авторитет Пиклера, духовного руководителя («ментора») радикалов, основывался прежде всего на его научных заслугах. В 90-е годы XIX — первое десятилетие XX в. были опубликованы монографические исследования Дьюлы Пиклера «Введение в философию права» (1892), «О возникновении и развитии права (1897), «Появление и развитие человеческих общностей, в особенности государства» (1897), «Физика духовной жизни» (1901), «Основные принципы психологии» (1909).

Уже одно перечисление печатных работ говорит о широте научных интересов венгерского ученого, сторонника позитивистской методологии, критика марксистского исторического материализма. В начале XX в. Пиклер придавал принципиальное значение психологии и нейрофизиологии, отмечая, что «в обстановке непрерывной трансформации знаний дать сколько-нибудь понятное объяснение человеческой деятельности, используя общепринятые положения, возможно, лишь опираясь на данные психологии и нейрофизиологии, а не объективные внешние факты»[1]. Марксизм, полагал Пиклер, акцентируя внимание на объективных факторах общественного развития, не учитывал, что «в исторической необходимости и экономической структуре скрыты интересы и разумная предусмотрительность человека»[2].

Оберегая «дух научности» от конъюнктурных мотивов, Пиклер дистанцировался от партийно-политической борьбы. Он оставался зато комбатантом в научной и культурной политике, живо откликаясь на важнейшие события духовно-интеллектуальной жизни. Главный редактор журнала «Двадцатый век» Оскар Яси, описывая атмосферу идейно-мировоззренческой борьбы в венгерском обществе, вспоминал, что в начале XX века радикалы «не боялись столкнуться с врагом...и шли вперед по избранному пути под мудрым руководством Дьюлы Пиклера...» Перед радикалами, по словам Яси, «возник целый ряд интереснейших исторических, расовых, этнографических, экономических и религиозных проблем, исследование и разрешение которых было в первую очередь

[1] *Пиклер Д.* Психология и социология // Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1984. С. 120–121.

[2] Там же. С. 121.

(их. — *А. А.*) общественной задачей»[1]. Значительный вклад в это многотрудное дело внес Дьюла Пиклер.

На рубеже двух веков феномен города в индустриальном обществе, процессы урбанизации становятся объектом и предметом пристального научного интереса. Они попадают также в поле зрения художественного осмысления писателей, публицистов и журналистов. Достаточно вспомнить классические работы М. Вебера, Ф. Тенниса, В. Зомбарта, Г. Зиммеля, Э. Верхарна, А. Блока. В России вышел сборник научных статей о европейском городе, а за рубежом были опубликованы художественно-публицистические книги Г. Бара о Вене и А. Балинта о Будапеште[2]. Особенность исследовательских работ Дьюлы Пиклера, занимавшегося социологией Будапешта, состояла в том, что они были выполнены на широком статистическом материале с применением компаративного метода анализа[3]. В основе пиклеровской концепции исторической социологии города лежала идея модернизации, трактуемой в категориях капиталистической индустриализации, урбанизации, повышения жизненного стандарта и общего культурного уровня населения. Быстроменяющийся облик крупных европейских городов Пиклер оценивал под углом зрения рациональности и целесообразности, подчиняя им критерий социальной справедливости.

Обозревая сорокалетний путь развития венгерской столицы с момента объединения Буды и Пешта в 1873 г., Пиклер выделил три крупных блока вопросов: общие проблемы развития города, изменения в социальной структуре населения, демографическая ситуация в Будапеште.

Сопоставление динамики роста населения в крупных городах (более 100 тыс. человек) Западной, Центральной и Восточной Европы показывало, что Будапешт при среднегодовом росте в 5,4 % занимал в 1910 г. одиннадцатое место. При этом среди опережавших его городов лишь Вена была по численности населения больше венгерской столицы. К 1913 г. в Будапеште проживало уже 931 тыс. человек, а вместе с пригородами, которые, если не административно, но реально, составляли органическое целое с Будапештом, численность населения равнялась примерно 1 млн. 200 тыс. Названные показатели, отражавшие, по наблюдениям Пиклера, положительные демографические тенденции, способствовали перемещению Будапешта на общеевропейской шкале городского населения с

[1] *Яси О.* Десять лет // Там же. С. 150–151.

[2] Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. Сб. переводов. СПб., 1905; Bahr H. Wien. Stuttgart, 1907; *Bálint A.* Budapest. Budapest, 1908.

[3] *Pikler Gy.* Budapest halandósága 1906-ban és 1907-ben // Vőrosi Szemle. 1908. március; idem. Az 1911.évi budapesti lakásszámlálás főbb eredményei // Városi Szemle. 1911. 1–2. sz.; idem. Az 1911-iki fővárosi lakásszámlálás főbb eredményei // Husadik Század. 13. évf. XXV. köt. 1912. ján.-jún.; idem. Budapest népessége 1873-tól 1913-ig // Huszadik Század. 15. évf. XXX. köt. 1914. ján.-jún.

17-го места на 7–8-е[1]. В центрально-и восточноевропейском регионах Будапешт уступал трем городам — Вене, С.-Петербургу и Москве. Но столицы Австро-Венгерской и Российской империй, равно как и других монархий, имели, по мнению Пиклера, важное преимущество для своего развития, которое отсутствовало у Будапешта, номинальной столицы Венгерского королевства. Будапешт не был постоянной резиденцией правящей династии Габсбургов. Здесь не располагались крупные воинские формирования и иные структуры, подчиненные двору, не было музеев и других культурных учреждений, находившихся под патронажем монарха. Будапешт не был также местом пребывания иностранных посольств. Придворная аристократия жила в Вене, а не в Будапеште[2].

Пиклер отмечал далее, что Будапешт занимал особое место в ряду венгерских городов, что также отличало его от других европейских мегаполисов. Он был практически единственным крупным венгерским городом, не считая 80-тысячного Сегеда (с предместьями — 118 тыс.). Тенденция замедленного роста провинциальных венгерских городов не была преодолена к началу XX в. Более того, разрыв между столицей и периферийными венгерскими городами не сократился, а даже увеличился[3].

Рост населения Будапешта, как и других крупных европейских городов, происходил по преимуществу за счет переселенцев. По наблюдениям Пиклера, мигрантов из провинции Будапешт притягивал гораздо более разнообразными возможностями получения работы и удовлетворения материальных и духовных потребностей. Доля переселенцев в общей численности жителей Будапешта составила в 1910 г. 64,7 % , в том числе 5,4 % иммигрантов, против 10,7 % в 1880 г. Эта картина сопоставима с ситуацией в других европейских мегаполисах. Так, в 1905 г. процент переселенцев в Вене, Берлине, Мюнхене, Бреславле, Риме равнялся примерно 60, в Париже — 65, в С-Петербурге — 73,5, в Москве — 77,6[4].

Прослеживая коррелятивные связи, Пиклер указывал, что масштабы и интенсивность миграционных потоков зависели от географической удаленности от Будапешта, этнонациональных различий, удельного веса в экономике региона земледельческого хозяйства, «притягательной силы» соседних стран (в пограничных венгерских комитатах). Наиболее сильным был поток мигрантов из западных комитатов Венгрии (правобере-

[1] *Pikler Gy.* Budapest népessége...597.o.

[2] Ibidem; см. также: Kenéz B. Magyarország népességi statisztikája. Budapest, 1906. 32–33. o.

[3] Ibid. 599.o. Приводимые Пиклером сравнительные данные о соотношении численности населения крупных провинциальных городов и столиц европейских стран, свидетельствовавшие о масштабах урбанизации, показывали, что ближе всего к Венгрии (но все же заметно отличаясь от нее) стояли Австрия и Швеция (0,5:1). — Ibidem.

[4] Ibid. 602, 603, 605.o.

жья Дуная) и — по труднообъяснимым причинам — из некоторых комитатов Верхней Венгрии, заселенных по большей части словаками[1]. При ближайшем рассмотрении Пиклер обнаруживал еще одну особенность миграционного движения. За исключением соседних и близлежащих к венгерской столице комитатов, поток переселенцев-горожан был в 2–10 раз больше, чем селян. В этой связи Пиклер высказал предположение, что миграционный процесс проходил две фазы. Вначале шло переселение из села или деревни в провинциальный город, а затем — через поколение — потомки этих переселенцев, включаясь в новый виток урбанизации, устремлялись в Будапешт. Доля уроженцев провинции в населении Венгрии (без Будапешта), проживавших в столице, выросла в 1880–1910 гг. с 1,1 до 2,6%. Для характеристики интенсивности урбанизационных процессов ценно также наблюдение Пиклера, что переселенческая группа из провинции росла быстрее, чем население регионов, выходцами из которых были мигранты[2].

Наряду с миграцией источником демографического обновления Будапешта был естественный прирост. По подсчетам Пиклера, он увеличил население столицы с 1874 по 1912 г. в 1,5 раза, в то время как «переселенческий избыток» (превышение поселившихся в Будапеште над выехавшими из столицы) дал более чем трехкратную прибавку[3].

Становление Будапешта как мегаполиса по-разному оценивалось современниками. Пиклер не разделял скептических оценок, указывая на неоднозначный характер последствий урбанизации. Масштабы разделения труда и уровень его производительности увеличивались не прямо пропорционально росту населения, а на порядок, и на этой основе расширялись возможности удовлетворения массового потребительского спроса. В то же время мегаполис все больше отдалял человека от природы.

В столичном городе имущественная и социальная дифференциация и поляризация приобретали несопоставимые с провинцией масштабы. Для либерала Пиклера было бесспорным фактом, что безработица, нищета и нужда — антигуманные явления. Одновременно научный экономический анализ этих проблем подводил венгерского исследователя к выводу, что в рамках рыночной экономики конца XIX — начала XX в. социальные «издержки» объективно неизбежны и в определенных пределах допустимы. Минимизировать негативные последствия урбанизации можно, считал Пиклер, не путем замедления роста мегаполисов и развития средних городов (как полагали другие исследователи), а посредством модернизации мегаполисной инфраструктуры. В отношении Будапешта его предложения сводились к ускоренной электрификации и законодательному регулированию земельных отношений на территории города. Электри-

[1] Ibid. 603.o.
[2] Ibid. 604.o.
[3] Ibidem.

фикация способствовала бы развитию городской транспортной сети, удешевлению общественного транспорта и сделало бы возможным «возвращение к природе», тем самым облегчив поездки будапештцев в зеленые зоны отдыха. Владение городской землей должно было, по плану Пиклера, регулироваться таким образом (прежде всего посредством налогового законодательства), чтобы воспрепятствовать выведению земли из производительного и общественно-полезного пользования[1].

Мимо внимания современников не мог пройти факт стремительных перемен в планировке и обустройстве районов Будапешта. В реконструкции венгерской столицы важнейшее значение приобретало, по наблюдениям Пиклера, формирование будапештского Сити — финансово-торгового, делового квартала. Он отмечал в этой связи устойчивую тенденцию сокращения численности населения, проживающего во «внутренней части» Будапешта — Бельвароше. Здесь здания занимались под офисы, магазины и фирмы. Подорожание земли, рост стоимости домов, квартирной платы в Бельвароше и низкая платежеспособность основной массы городского населения вели к тому, что все большее число будапештцев приобретали жилье вне Бельвароша. Во «внешней части» города — Кюльвароше — возникали кварталы жилых домов с палисадниками. Подобные миграционные процессы наблюдались в то время и в других мегаполисах. Пиклер приводил пример «соседней» Вены[2].

Облик крупного города в конце XIX в. определялся многоэтажными зданиями. За сорок лет число трех-и четырехэтажных домов в Будапеште выросло с 8 до 32%. Они строились по преимуществу в Кюльвароше. Будапешт сравнялся по этому показателю в континентальной Европе с С-Петербургом и опередил Москву (8%), но уступал Вене (57%) и явно отставал от Берлина, Парижа, Франкфурта-на-Майне, Копенгагена, Бреславля, Мюнхена — в каждом из этих городов — 75%[3].

В 1880 г. на третьем и четвертом этажах проживало 17 тыс. будапештцев, спустя тридцать лет — 117 тыс. Пиклер обращал внимание на это как на примечательный факт социокультурной динамики. Обитателя третьего и четвертого этажа он относил к типичным горожанам: «лишь в городе такой житель должен подниматься вверх по лестнице на 10–15 метров, чтобы оказаться у себя дома, и опускаться таким же образом вниз, желая попасть на улицу»[4]. Вряд ли, заметим от себя, изменения в пространстве обитания становились определяющим фактором психологии горожанина, но они, во всяком случае, оказывали влияние на трансформацию его восприятия окружающей среды.

[1] Ibid. 605.o.
[2] Ibid. 606–607.o.
[3] Ibid. 601.o.
[4] Ibid. 599–600.o.

Несмотря на широкое строительство жилья в Будапеште, оно оставалось малодоступным основной массе населения. Свидетельством тому была высокая перенаселенность квартир: в среднем на комнату она выросла с 2,63 до 3,35 человек. При этом плотность заселения в однокомнатных квартирах составляла 4,33, а в двух- и более комнатных квартирах — 1,85 человека. (Площадь комнаты в первой группе квартир равнялась 10–16 кв. м., а во второй — от 16 до 30 кв. м. Между тем в 1910 г. в будапештском Бельвароше 2596 одно- и двухэтажных домов стояли вследствие дороговизны жилья незаселенными[1]. Пиклер не ограничился констатацией фактов, он и в этом случае предложил ряд конкретных мер. Речь шла о строительстве в новых районах Будапешта коттеджей, вводе в эксплуатацию дополнительных транспортных маршрутов. Для стимулирования строительства жилых домов и дорог требовалось снизить подоходный налог и акциз[2].

Индустриально-техническая модернизация Венгрии, эпицентром которой являлся Будапешт, трансформировала структуру и оказывала воздействие на динамику занятости населения[3]. Картина занятости подтверждала универсальный характер экономического закона Петти. По данным, приводимым Пиклером, в 1890–1910 гг. доля промышленного населения Будапешта сократилась с 49,3 до 46,9%, но при этом возрос удельный вес занятых в торговле, сфере финансов и кредита, услуг, а также лиц свободных профессий — с 10 до 13,2%. Отмеченные сдвиги были еще более зримыми среди работающих женщин, при том, что примерно 4% занятых женщин в течение всех двадцати лет относились к домашней прислуге. По-видимому, потребность в домработницах коррелировалась ростом стоимости жизни в крупном городе[4].

Концентрация промышленного производства и техническая модернизация сопровождались уменьшением относительной численности наемных рабочих — вместе с поденщиками на 4,8% — и увеличением доли служащих (инженерно-технических кадров) — на 3,9%. В таких секторах экономики, как торговля, финансы и кредит, произошло уменьшение удельного веса собственников и рабочих — соответственно на 3,8 и 8,8% — и значительно выросло число служащих — на 12,6%. Начавшаяся менеджеризация экономики интерпретировалась Пиклером как лишь тенденция роста бюрократической прослойки[5]. Вероятно, научная мысль

[1] Ibid. 600–601.o.; Pikler Gy. Az 1911-iki...321–322. o.; см. также: *Айрапетов А. Г.* Вступая в индустриальный мир: венгерские рабочие на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1997. С. 76–84.

[2] Ibid. 601.o.

[3] *Айрапетов А. Г.* Указ. соч. С. 9 и сл.

[4] *Pikler Gy.* Budapest népessége... 611.o.

[5] Ibid. 612.o.

не поспевала за ходом динамично протекавших социальных процессов. Пиклер, похоже, осознавал это: он намеревался вернуться к более обстоятельному анализу социально-структурных сдвигов позже, когда в его распоряжении окажутся подробные статистические данные.

Не до конца проясненным оставлял он вопрос об уровне жизни населения. Имеющиеся у него сведения не позволяли проследить различия в характере потребления тех или иных социальных групп. Пиклер ограничивался указанием, что стандарт жизни в Будапеште в пересчете на человека за сорок лет повысился[1].

Рассматривая демографические аспекты развития Будапешта, венгерский социолог указывал на тенденцию снижения коэффициента рождаемости — с 43,3 в 1874–1875 гг. до 25,5 в 1911–1912 гг. При сравнении данных 36 крупных европейских городов Будапешт располагался примерно в середине таблицы спада рождаемости[2]. Общими причинами отмеченного феномена были «вытеснение» на периферию из крупных городов многодетных семей, увеличение числа одиноких, сокращение количества рождений в семьях. При анализе демографической статистики Пиклер учитывал и численность внебрачных рождений, отмечая, что процент незаконнорожденных детей также уменьшился за сорок лет — с 29,5 до 26,4. При этом разница между сокращением доли детей, рожденных в браке, и внебрачных детей была незначительной — 6/10 и 5/10[3].

Таким образом, в Будапеште, как и в западноевропейских городах, на смену «естественной плодовитости» приходила система ограничения рождаемости. В особенности это касалось малообеспеченных многодетных семей, в которых жизнь и здоровье новорожденных не были гарантированы. Статистика раскрывала зависимость между высокой рождаемостью в малообеспеченных семьях и такой же высокой смертностью младенцев из этих семей. Демографические данные свидетельствовали и о том, что разрыв между высокой рождаемостью и детской смертностью в четырех относительно бедных районах Будапешта, с одной стороны, и низкой рож-

[1] Ibidem. Следует, однако, заметить, что за этой общей позитивной тенденцией скрывалась острая проблема дороговизны продуктов питания. В свою очередь, рост цен в первое десятилетие XX в. обусловливался, по мнению исследователей вопроса, застоем в аграрном секторе экономики. — *Dániel A.* Ankét a drágaságról // Huszadik Század. 1908. 4. sz. 377. o.; Vj. Három könyv a drágaságról // Huszadik Század. XXII. köt. 1910. júl.-dec. 429–433. o.

[2] Ibid. 613–614.o.

[3] Ibid. 615.o. По данным, приводимым директором Будапештского бюро статистики Г. Тирринга, доля уроженцев венгерской столицы, проживавших вне Будапешта, увеличилась в 1880–1910 гг. с 13,6 до 28,1%. — Thirring. G. A vándormozgalom jelentősége Budapest népességének gyárapodásában // Földrajzi közlemények. 1925. IX–X. füzet. 183. o.; см. также: Budapest félszázados fejlődése. 1873–1923. Budapest, 1925. 46–47. o.

даемостью и детской смертностью в двух аристократических и более богатых районах — с другой, в течение сорока лет не сокращался[1].

Спад рождаемости вместе с заметным снижением смертности (что укладывалось в ритмику европейской демографической революции 1880–1914 гг.) не вели к депопуляции. Среднегодовой естественный прирост в Будапеште составлял примерно 6,5 %, или 6 тыс. человек[2]. Общее улучшение демографической ситуации в Будапеште Пиклер связывал с рядом мероприятий, осуществленных в системе городского хозяйства и здравоохранения. Это строительство водопровода и канализации, организация службы инфекционных заболеваний, обязательное оспопрививание, открытие новых больниц, бесплатный врачебный прием, предоставление лекарств и оказание медицинской помощи роженицам, создание санитарно-эпидемиологической службы и т. д.[3] Эти меры позволили в Будапеште свести к минимуму такие заболевания желудочно-кишечного тракта, как тиф и холеру[4]. Почти наполовину сократилась смертность от заболеваний кори, крупозной дифтерии, коклюша. Более чем вдвое уменьшилось количество заболеваний туберкулезом и на три четверти — болезней катара кишечника у детей — двух самых «опустошительных» недугов. «Необузданной» оставалась только скарлатина, против которой еще не было специальных препаратов и медикаментов[5].

Неоспоримым свидетельством улучшения демографической ситуации в Будапеште был отмеченный Пиклером рост средней продолжительности жизни на 50 %. Она увеличилась на 12 лет и 4 месяца — с 21 года 2 месяцев до 33 лет 6 месяцев. Одновременно отодвинулся возрастной порог смертности — в среднем с 41 года 2 месяцев до 47 лет 1 месяца[6]. Позитивной демографической динамикой, по справедливому мнению Пиклера, измерялся критерий культурного прогресса общества, проверялись эффективность его экономики и нравственное здоровье.

Радужная картина не давала оснований для эйфории. Компаративный подход высвечивал болевые точки социально-демографического развития Будапешта. По уровню смертности венгерская столица занимала в 1906–1910 гг. 25-е место среди 36 европейских городов, «оставив» после себя в Восточной Европе Бухарест, Варшаву, Одессу, Москву, С-Петербург, Бреславль и несколько западноевропейских портовых городов. Отстава-

[1] Ibidem.

[2] Ibid. 615–616.o. Смертность упала в 1874–1912 гг. с 43,0 до 18,6%, то есть больше, чем наполовину.

[3] Ibid. 616.o.

[4] Ibidem; см. также: Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 198–199.

[5] Ibid. 617, 621.o.

[6] Ibid. 617–618.o.

ние Будапешта от западноевропейских столиц и других мегаполисов, а также Праги в течение двадцати пяти лет (1885–1910) не уменьшилось, а даже возросло[1]. Основными причинами Пиклер называл сравнительно низкий стандарт жизни широких слоев населения Будапешта и недостаточно высокую общую культуру горожан. В этих условиях венгерские радикалы и их «ментор» Дьюла Пиклер призывали — в духе социал-либеральных программ — власть и общество к последовательному проведению активной социальной политики[2].

[1] Ibid. 619.o. Пиклер рассмотрел далее сравнительную статистику смертности от разных заболеваний в крупных европейских городах, а также по районам Будапешта. — Ibid. 620–623. o.

[2] Ibid. 624. o.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Шереш

ДВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ДОКУМЕНТА К ИСТОРИИ «ТРАНСИЛЬВАНСКОГО ВОПРОСА» И «ВТОРОГО ВЕНСКОГО АРБИТРАЖА»

Введение

Круг научных интересов Т. М. Исламова всегда распространялся на историю т. н. «трансильванского вопроса», т. е. историю территориального спора между Венгрией и Румынией. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи на русском и венгерском языках, а также сборник документов по этой исторической проблеме (1940–1946 гг.), составленный им совместно с Т. А. Покивайловой[1]. В истории отношений между Венгрией и Румынией, и соответственно, государственного статуса такого исторического региона как Трансильвания в XX в., занимает особое место история т. н. «второго венского арбитража», т. е. арбитражного решения Германии и Италии от 30-го августа 1940 г., которое изменило соотношение сил между двумя странами в пользу Венгрии[2]. Несколько лет тому назад во время нашей исследовательской работы в Архиве внешней политики РФ нами были найдены новые документы к истории «второго венского арбитража», которые, очевидно из-за суровых правил доступа исследователей к документации, хранящейся в этом архиве, не вошли в состав вышеупомянутого сборника документов.

Эти документы небезынтересны не только по своему содержанию, но и по своему характеру. При исследовании истории внешней политики СССР в период до нападения Германии на СССР необходимо обращать внимание на параллельность делопроизводства в дипломатических пред-

---

[1] Трансильванский вопрос. Венгеро–румынский территориальный спор и СССР 1940–1946 гг. Документы российских архивов. Ответственный редактор: Т. М. Исламов. Москва, 2000. Р. 456. (Далее: Исламов, 2000.)

[2] «Первым венским арбитражем» называется арбитражное решение Германии и Италии от 2-го ноября 1938 г., согласно которому — с согласия Франции и Великобритании — южная часть исторического региона Верхней Венгрии (венг. «Фельвидек — Felvidék»), находившегося с 1920 г. в составе Чехословакии, отошла к Венгрии. Современное исследование истории «первого венского арбитража» в венгерской историографии см.: Sallai Gergely: Az első bécsi döntés. Budapest, 2002 (Felvidék — традиционное венгерское название современной Словакии, земли которой принадлежали к числу земель венгерской короны «святого Стефана» — примечание отв. редактора).

ставительствах СССР за границей. Наряду с донесениями, направляемыми в НКИД в Москву, полпреды СССР должны были составлять и т. н. дневники. Если первые были информационными письмами, содержавшими обычно информацию о внешней и внутренней политике определенной страны, о ее экономическом положении и т. п., вторые содержали записи бесед полпреда с политическими и военными деятелями данной страны и посланниками третьих стран.

За период 1940–1941 гг. (до разрыва дипотношений между СССР и Венгрией) в вышеупомянутый сборник документов кроме многочисленных дневников полпреда СССР в Венгрии Н. И. Шаронова вошли всего 3 донесения[1], а также отрывки из годового обзора[2] полпредства СССР о политической ситуации в Венгрии за 1940 г. Наша поисковая работа была направлена на выявление новых, до сих пор неизвестных донесений, относящихся ко времени «второго венского арбитража». Публикуемые нами документы являются не «простыми» донесениями, а в своём роде уникальными документами, они составляют особую подгруппу донесений. Дело в том, что эти донесения предназначались Шароновым для непосредственного информирования наркома В. М. Молотова. Наличие таких донесений, отправленных в НКИД под особым грифом, можно устанавливать по дневникам Шаронова. В 1940 г. в своих дневниках он 5 раз указывает на то, что запись беседы с данным лицом отправил «особо», в отдельном донесении для наркома: 6-го июня о беседе с военным атташе Болгарии в Венгрии Димитаром Братановым[3], 3-го июля о беседе с военным атташе Греции в Венгрии Периклесом Скеферисом[4], 13-го сентября о беседе с бывшим премьер-министром, Иштваном Бетленом[5], 18-го сентября о беседе с начальником 2-го отделения Генштаба (Разведупра) Иштваном Уйсаси[6], и 28-го октября о беседе с министром иностранных дел Иштваном Чаки[7]. Можно предполагать, что такого рода донесения отправлялись в НКИД «особо» и из других полпредств СССР за границей, они должны были содержать совершенно секретную и за-

[1] Исламов, 2000. №№ док. 14. (стр. 56–58.), 16. (стр. 59–61.), и 44. (С. 160–162.).

[2] Там же. Док. № 35 (стр. 112–124.) и № 39 (стр. 136–141.) в действительности являются том же самым документом.

[3] Дипломатический дневник Н. И. Шаронова. Будапешт, 6 июня 1940 г. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л 57–64.

[4] То же. Будапешт, 3 июля 1940 г. Там же. Л. 68–76.

[5] То же. Будапешт, 13 сентября 1940 г. Там же. Л. 88–93.

[6] То же. Будапешт, 18 сентября 1940 г. О жизни Иштвана Уйсаси подробнее см.: Vallomások a holtak házából. Ujszászy István vezérőrnagynak, a 2. vkf. osztály és az Államvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései. Szerkesztette: Haraszti György. Budapest, 2007. 72–123.

[7] Дипломатический дневник Н. И. Шаронова. Будапешт, 28 октября 1940 г. АВП РФ, ф.077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 94–105.

служивающую особенного внимания наркома информацию. В настоящую подборку нами включены донесения Шаронова о его беседах с Бетленом и Чаки, отправленные в НКИД «особо», для личного сведения наркома. При прочтении документов и размышлении над ними могут возникнуть несколько вопросов. Один из них заключается в том, какой курс проводил премьер-министр Венгрии Пал Телеки в отношении СССР в период «второго венского арбитража», до и после арбитражного решения? Было ли у него намерение сблизиться в политическом плане с СССР как могучей державой, соседом Венгрии? Следует при этом иметь в виду, что с осени 1939 г. Венгрия была зажата между двумя великими державами, Германией и СССР, определявшими дальнейшую судьбу Восточной и Центральной Европы. Такое геополитическое положение венгерским правящим кругам должно было во многом напомнить о положении Польши, которая до сентября 1939 г. должна была лавировать между двумя соседними державами.

Современной венгерской историографии известно, что весной и летом 1940 г. Телеки отказывался от идеи совместной или согласованной с СССР военной акции против Румынии, которую предлагали ему осуществить руководители Генштаба венгерской армии[1]. Премьер-министр в первую очередь был сторонником сближения Венгрии с «англосаксонскими державами», т. е. Великобританией и США, в своей внешней политике он хотел опираться именно на эти державы. Его внешнеполитическая концепция строилась на том убеждении, что настоящее урегулирование территориальных вопросов в Карпатском бассейне не может быть достигнуто без участия «англо-саксонских держав». Он надеялся, что Англия будет поддерживать венгерские интересы, если Венгрия не будет решать свои внешнеполитические задачи в сотрудничестве с Германией и СССР. Поэтому Телеки в основном поддерживал идею самостоятельной военной акции Венгрии против Румынии без участия СССР или Германии на стороне Венгрии. В начале марта 1940 г. в целях урегулирования «трансильванского вопроса» он направил в «Форин Оффис» меморандум со статистическими данными и картами этнической территории венгерского населения в Трансильвании. В этом документе он подчёркивал, что в случае войны между СССР и Румынией Венгрия не намеревается нанести удар в спину воюющей Румынии. Однако он дал понять, что при некоторых обстоятельствах венгерская армия «вынуждена будет» напасть на Румынию и захватить отторгнутую от Венгрии в 1920 г. Трансильванию. Имелись в виду следующие обстоятельства:

[1] *Czettler A.* Teleki Pál és a magyar külpolitika 1939–1941. Budapest, 1997. 72–75. (Далее: Czettler, 1997.). L. Balogh Béni: A magyar–román kapcsolatok 1939–1940-ben és a második bécsi döntés. Csíkszereda, 2002. 88–96. Ablonczy Balázs: Teleki Pál. Budapest, 2005. 456–476. (Далее: Ablonczy, 2005.)

1) если в ходе советско-румынской войны Красная Армия продвигается в Молдову и далее на Балканы; 2) если советско-румынская война будет угрожать существованию венгерского нацменьшинства в Румынии; 3) если Румыния без войны отдаст Бессарабию СССР или другие территории третьим государствам, например Южную Добруджу Болгарии. В этом последнем случае венгерское правительство не смирится с тем, что не удовлетворяются ее территориальные претензии, тогда как претензии других стран будут удовлетворены[1].

Арбитражное решение в Вене, изменившее ситуацию, в известной мере означало провал внешнеполитических устремлений Телеки, поскольку возвращение северной части Трансильвании осуществлялось не в результате самостоятельной военной акции Венгрии, а при помощи Германии и без ведома Англии. Оно повлекло за собой дальнейшее подчинение Венгрии Германии. Понятно в силу этого, почему Телеки и венгерская правящая верхушка были недовольны результатами венского арбитража и почему они опасались его политических последствий. В этом контексте и представляют интерес публикуемые нами документы.

Есть свидетельства о том, что по возвращении домой из Берлина после подписания протокола о присоединении Венгрии к Тройственному пакту 20-го ноября 1940 г. Телеки поднимал вопрос о возможном заключении пакта о ненападении с СССР. Об этом известно из книги Чарли МакКартни (англ. Charlie MacCartney), референта по Венгрии в «Форин Оффисе» в 1930–1940-х гг., изданной на английском языке в 1961 г. После второй мировой войны приступив к исследованию внешней политики Венгрии в межвоенный период, МакКартни опирался не только на оригинальные документы, но и на собственные воспоминания, а некоторые сведения получил от представителей венгерской эмиграции на Западе, с которыми имел тесные отношения. Собирая материал для своей книги, он узнал от графа Морица Эстерхази, бывшего депутата верхней палаты венгерского парламента, о том, что Телеки при подписании протокола о присоединении Венгрии к Тройственному пакту в Берлине получил информацию о подготовке Гитлером нападения на СССР. Возвратившись в Будапешт, премьер-министр сообщил об этом лицам из своего узкого окружения, в том числе и Эстерхази. Телеки высказал при этом мнение, что нападение на СССР со стороны Германии «будет означать конец Германии». По мнению премьера, единственную возможность для Венгрии избежать войны с СССР дало бы заключение пакта о ненападении с советским правительством. Телеки поднимал эту идею в беседе с регентом, Миклошем Хорти, который — по сообщению премьера Морицу Эстерхази — решительно отверг её[2]. Правда, эти данные Мак-

[1] *Czettler*, 1997. 79–81.

[2] *Macartney C. A.* Teleki Pál miniszterelnöksége 1939–1941. Budapest, 1993. 274–275.

Картни, основанные на информации, полученной от Эстерхази когда-то во второй половине 1940-х гг. или в 1950-е гг., ни одним официальным документом не подтверждаются. Несомненно однако, что во второй половине пребывания Телеки на посту премьера (т. е. во второй половине 1940 г. и в первой половине 1941 г.) отмечается некоторый «подъём» в отношениях между Венгрией и СССР. 3-го сентября 1940 г. между двумя странами были заключены Договор о торговле и мореплавании и Соглашение о товарообмене и платежах, а в начале 1941 г. в добавление к этим соглашениям были подписаны два новых договора: 4-го февраля Договор о прямом телеграфном и почтовом сообщении, и 1-го марта Договор о прямом железнодорожном сообщении[1].

Публикуемый нами первый документ подтверждает предположение о том, что Телеки уже после «второго венского арбитража» задумался о возможности сближения с СССР или хотя бы создания договорных основ во взаимоотношениях с Москвой. Маловероятно, что зондаж Бетленом Шаронова был его самостоятельным начинанием[2].

Документы[3]

1.

Донесение полпреда СССР в Венгрии Н. И. Шаронова наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову о его беседе с бывшим премьер-министром Венгрии Иштваном Бетленом

Будапешт, 13 сентября 1940 г.

(Машинописный оригинал. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 137. Л. 14–18.)

13-го сентября 1940 г. Наркому И. Д. СССР Сов. секретно
гор. Будапештов. Молотову В. М.[4] Лично
Исход. № 156.Экз. № 1.

В пятницу, 6-го сентября бывш. премьер-министр Венгрии, Бетлен[5]

---

[1] *Seres A.* Magyar–szovjet kereskedelmi kapcsolatok 1939–1941. Adalékok Magyarország hadba lépés előtti külgazdasági mozgásterének vizsgálatához (I. rész). Történelmi Szemle, 2007/3. 403–427. (Далее: Seres, 2007.)

[2] Ablonczy, 2005. 436, 453. *Romsics Ignác.* Bethlen István. Politikai életrajz. 2. kiadás. Budapest, 2005. 399–404. (Далее: Romsics, 2005.)

[3] Документы были опубликованы на венгерском языке. *Seres Attila.* Újabb szovjet dokumentumok a második bécsi döntés és a magyar–szovjet kapcsolatok történetéhez (1940). Pont (Rév-Komárom), 2004/1. 78–87.

[4] В. М. Молотов (1890–1986) — с 1930 по 1941 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР, одновременно с 1939 г. по 1949 г. нарком (с 1946 г. министр) иностранных дел СССР.

[5] Иштван Бетлен (1874–1946): венгерский политический деятель. С 1921 г. по 1931 г. премьер-министр Венгрии. В 1930-х гг. и в первой половине 1940-х гг. один из самых авторитетных политических деятелей и близких к регенту

имел трёхчасовую беседу с возвратившимся из Вены премьер-министром Телеки[1].

В понедельник, 9-го сентября жена Бетлена, которой я был представлен два месяца т. н.[2] позвонила мне и просила приехать к ним на завтрак, заявив, что её муж очень хотел бы встретиться со мной. (Жена Бетлена — один из редакторов «Восьми часовой газеты»[3], принадлежащей Бетлену, — либеральной, наиболее распространенной газеты с англофильским направлением, сейчас несколько затушованным.)

В начале беседы (на завтраке больше никого не было) Бетлен заявил, что он хотел встретиться со мной, как представителем СССР, чтобы открыто сообщить свои взгляды по вопросу о Трансильвании, но хотел бы услышать моё впечатление — как принято в Венгрии венское решение. Я ответил, что как мне кажется, народ доволен тем, что удалось избежать войны, а правительство тем, что без войны получило значительную территорию, укрепив этим своё положение. Бетлен спросил, не был ли я на заседании парламента, и не слышал ли возгласов «всё назад». Я подтвердил, что был и слышал.

Затем Бетлен заявил, что Венский арбитраж — грубейший обман Германией Венгрии в своих целях, что можно видеть хотя бы из того, что распределение населения совершенно не было принято во внимание, что граница проведена так, что все богатства Трансильвании остались в Румынии (уголь, железо, газ, военные заводы) и что, как венграм совершенно точно известно, перед венским арбитражем в Германию были приглашены румынские саксы (южные)[5], при участии которых и была проведена «венская граница», ещё до арбитража в Вене .

Когда я выразил удивление последним, Бетлен продолжил, что полу-

---

Миклошу Хорти лиц, один из главнейших представителей англофильской ориентации Венгрии. Его биографию см. подробнее: Romsics, 2005. P. 520.

[1] Пал Телеки (1879–1941): венгерский политический деятель. С 1939 г. по 1941 г. премьер-министр Венгрии. Его биографию см. подробнее: Ablonczy, 2005. P. 547.

[2] Встреча Шаронова с женой Бетлена состоялась 17-го июля 1940 г. на приёме в итальянском посольстве. В дипломатическом дневнике Шаронова есть короткое замечание об этом: «Жена бывшего премьер-министра Бетлена много расспрашивала о СССР, обнаружив совершенно отсутствие представления о нём». Дипломатический дневник Шаронова. Будапешт, 17 июля 1940 г. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. п. 109. Д. 13. Л. 77–80.

[3] Венг. «8 Órai Újság»

[4] Саксы, населяющие Трансильванию с XII. в., географически разделялись на две части. Большая их часть проживала на юге Трансильвании, в районе Надьсебена (венг. «Nagyszeben», нем. «Hermannstadt», рум. «Sibiu») и Брашшо (венг. «Brassó», нем. «Kronstadt», рум. «Braşov»), а небольшая этническая группа находилась в Северной Трансильвании, в окрестностях города Бестерце (венг. «Beszterce», нем. «Nösen», рум. «Bistriţa»).

ченная территория не только не представляет никакого экономического значения, но и её стратегическое положение чрезвычайно невыгодно для Венгрии. Германия, продолжал Бетлен, весьма усиленно проводит «прибирание» к рукам Румынию, уже сейчас на нефтяные промыслы едет брат Геринга[1]. На моё замечание, что как мне известно, в румынской нефтепромышленности господствует английский и французский капиталы, Бетлен ответил, что в течение двух лет всё это перевернётся.

Я спросил Бетлена, не хочет ли он сказать, что Германия намеревается оккупировать Румынию? Бетлен ответил, что он не думает о прямой оккупации, но абсолютно уверен в твёрдом намерении Германии превратить Румынию в свою колонию, причем Венгрия превратится просто в проездную дорогу. Такое выдвижение Германии, продолжал Бетлен, не нужно ни Вам, ни нам, и мы заинтересованы в том, чтобы в Румынии было Ваше, а не германское влияние. Я заметил, что мы имеем с Германией как хорошие и прочные отношения, так и пакт о консультации[2], что же касается Венгрии, то я читал в близком к нему журнале «The Hungarian Quarterly»[3] статью Экхарта (лидер так наз. аграрной партии)[4] о положении Венгрии между нами и Германией и о русской, не о германской опасности для Венгрии. Бетлен ответил, что это совершенно ошибочная постановка, что за 1000 лет Венгрия не имела никаких столкновений с нами, что поход Паскевича[5] (в ответ на мою реплику) был австрийским делом, что единственная опасность, всегда угрожавшая и сейчас угрожающая Венгрии — германская, что единственная правильная политика Венгрии, — иметь хорошие отношения с нами. Что же касается оси, говорит Бетлен, то её прочность находится под большим со-

[1] Германн Геринг (1893–1946): немецкий политический и военный деятель. Один из самых авторитетных руководителей нацистской партии, с 1935 г. по 1945 г. командующий немецким военно-воздушным флотом.

[2] Речь идёт о 3-й статье Договора о ненападении между Германией и СССР, заключенного 23-го августа 1939 г. 3-я статья Договора предусматривала консультации в делах, взаимно интересующих два правительства. Текст Договора см.: Документы внешней политики. 1939 год Т. 22. Кн. 1-я. (1-го января – 31 августа 1939 г.) Редколлегия: Комплектов В. Г. и др. Москва, 1992. 631.

[3] Sic! С латинскими буквами в тексте.

[4] Тибор Экхарт (1888–1972): венгерский политический деятель. С 1931 г. парламентский депутат и одновременно с 1932 г. по 1940 г. лидер т. н. «Независимой партии Мелких Хозяев», второй по значению политической силы после правительственной партии. В 1941 г. регентом Хорти и премьер-министром Телеки он был направлен в США для того, чтобы там наладить контакт с американскими политическими кругами и поставить вопрос о возможности создания венгерского эмигрантского правительства в случае захвата Венгрии Германией. Его статью см.: Eckhardt Tibor: The Problem of the Middle Danube Basin. The Hungarian Quarterly, 1940/1. P 3–23.

[5] И. Ф. Паскевич (1782–1856): русский генерал-фельдмаршал. С 1831 г., после подавления польской революции князь Варшавский. В 1849 г. главнокомандующий русской царской армией, подавившей венгерскую революцию.

мнением, если немцы не будут иметь успехов — итальянцы быстро пойдут на сепаратный путь.

Самнер Вельс, будучи в Европе, уже торговался с ними[1], при неуспехах Германии эта торговля будет возобновлена, нам Италия ничем не угрожает и, как мы боимся за судьбу Венгрии, так и она боится потерять Триест. На мою реплику, что Италия не только не думает терять Триест, но борясь вместе с Германией, хочет получить какие-то колонии и укрепить своё положение на Балканах, Бетлен ответил, что на Балканах речь может идти только о расширении Албании за счёт Греции.

Спросив меня, что я думаю о возможности выступления США, на что я ответил Вашим тезисом на последней сессии Верховного Совета[2], Бетлен заявил, что выступление Америки произойдёт не позже начала весны, но он считает, что ни Германия не будет абсолютным победителем, ни Англия даже вместе с Америкой ничего не смогут сделать с Германией на континенте. Таким образом, говорит Бетлен, в Европе дела будут решать три государства: Вы, Германия и Англия; заметьте, однако, что не только Румыния является показателем планов Германии, но и не напрасно немцы выдвинулись Словакией, и если Словакия является форпостом, как явится и Румыния для будущего нападения на СССР, то эта опасность угрожает ещё ранее Венгрии. Я заметил, что когда Северная Буковина вошла в СССР, то я слышал немало разговоров, что Северная Буковина — одно из звеньев нашей обороны против Германии, и что только поэтому мы потребовали её от Румынии, что совершенно не соответствует действительности. Бетлен заявил, что он это слышал и читал, и вполне понимает, что Сев. Буковину мы получили как территорию с близко-родственным населением, словаки же не являются никакими родственниками немцев. Я заметил, что Словакия имеет, кажется, примерно такое же положение с немецким меньшинством, какое теперь

[1] Самнер Вельс (анг. Sumner Welles — 1892–1961): американский политический деятель. С 1937 г. по 1943 г. госсекретарь США. Вельс находился в Европе в марте 1940 г., куда он был направлен президентом США Ф. Д. Рузвельтом для ведения переговоров с правительствами европейских держав. Он вел переговоры в Риме, Париже, Берлине и Лондоне и пытался убедить глав этих держав в необходимости уступок для того, чтобы предотвратить эскалацию войны. 20-го февраля 1940 г. правительство Венгрии направило ноту правительству США с приглашением Вельса в Венгрию для ведения переговоров об урегулировании венгеро-румынских территориальных споров. Однако эта поездка не состоялась. См.: Czettler, 1997. 81.

[2] Речь идёт о выступлении В. М. Молотова с речью 1-го августа 1940 г. на седьмой сессии Верховного Совета СССР. Нарком иностранных дел в этой речи, оценивая внешнюю политику СССР в 1940 г., изложил свою точку зрения на отношения между СССР и США. Он говорил о том, что империалистические устремления США будут содействовать дальнейшей эскалации грядущей войны. Речь Молотова см.: Седьмая сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва. Правда, 2 августа 1940 г.

имеет и Венгрия (после подписания соглашения о меньшинствах)[1]. Бетлен ответил, что это соглашение — величайшая опасность для Венгрии, что по нему фактически каждый проживающий в Венгрии немец должен объявить себя наци, чтобы Баш (руководитель немецкого меньшинства в Венгрии)[2] признал его немцем, что через это соглашение Германия получает возможность влиять не только на внешнюю, но и внутренюю политику Венгрии, и даже администрировать в ней, и нет сомнений, что через нацистское правительство ли в Венгрии, или каким-либо другим путём, но Германия намеревается поставить Венгрию в одинаковое положение со Словакией. Венское решение, когда Германия, ничего не дав Венгрии, всё оставила Румынии, т. е. взяла себе, ясно показывает намерение Германии окружить Венгрию, сделать из неё сначала «проезжую дорогу», говорил Бетлен, и затем подчинить себе в виде протектората или в какой-либо другой форме. Мы благодарны Вам, заявил Бетлен, за инциденты на советско-румынской границе[3], которыми Вы показали Ваше отношение к нам, а не к Германии, обманувшей нас. Я заметил, что он, по-видимому неправильно толкует недавние инциденты, и передал помещенную в «Правде» корреспонденцию из Кишинёва[4], на что Бетлен ответил, что он понимает, что я не хочу подтвердить его слова, но каждый венгр, могущий рассуждать, хорошо понимал причину этих инцидентов. Я заметил, что я не хотел бы его разочаровать, но всё же причину инцидентов он понял неправильно.

---

[1] 30-го августа 1940 г. под нажимом Берлина румынское и венгерское правительства подписали договор о правовом статусе немецкого меньшинства в Румынии и Венгрии. Договор между Венгрией и Германией обязал венгерские власти признавать единственной политической организацией немецкого меньшинства т. н. «Народный союз немцев Венгрии» (нем. «Volksbund»), поддерживаемую Берлином национал-социалистическую организацию немецкого меньшинства в Венгрии. Об истории договора и о его последствиях см. подробнее: Spannenberger Norbert: A magyarországi Volksbund Berlin és Budapest között 1938–1944. Budapest, 2005. 213–241.

[2] Ференц Баш (венг. Basch Ferenc, нем. Franz Basch — 1901–1946): политический деятель немецкого происхождения в Венгрии. С 1938 г. по 1944 г. лидер «Народного союза немцев Венгрии».

[3] В июле – августе 1940 г. после аннексии СССР Бессарабии, на советско-румынской границе стали постоянно происходить пограничные инциденты. Советское правительство возлагало ответственность на румынскую сторону и в своих официальных нотах от 19-го и 29-го августа требовало прекратить боевые действия в пограничной зоне и нарушения румынскими самолётами советского воздушного пространства. О пограничных инцидентах см.: Советско-румынские отношения. Т. II. 1935–1941. Документы и материалы. Председатели Редколлегии: А. А. Авдеев — М.-Р. Унгуряну. Москва, 2000. 347–371.

[4] См.: Действительные причины изгнания Кароля из Румынии. Правда, 9 сентября 1940 г.

Затем Бетлен перешел к торговому соглашению и после перечисления предметов экспорта и импорта[1], заявил, что Венгрия очень нуждается и в хлопке, и в хромовой и марганцевой рудах, но ещё больше нуждается в самолётах и танках[2]. Я ответил, что я являюсь только дипломатическим представителем и этими вещами не занимаюсь.

В конце Бетлен ещё раз заявил, что он хотел сегодня открыто сказать то, что видят неблизорукие венгры, представителю страны, с которой Венгрия хочет и должна иметь хорошие отношения и которая одна может уравновесить для Венгрии опасность иметь только одного сильного соседа. Я ответил, что я не считаю его оценку правильной, но меня, конечно интересует точка зрения представляемых его кругов, тем более, что я обычно встречаюсь только с лицами весьма дружественно расположенными к Германии, министр же Чаки[3] может, понятно, выражать только официальную точку зрения. Бетлен ответил, что Чаки находится в очень трудном положении и много говорить, конечно, не может.

В связи с тем, что я был приглашен на завтрак в сущности немедленно после беседы Бетлена с Телеки, которая, видимо, происходила по вопросу о Трансильвании (судя по газетным сообщениям), надо полагать, что и заявления Бетлена были согласованы с Телеки, никогда не бывшим, да и не являющимся сейчас действительным германофилом и, судя

[1] 3-го сентября 1940 г. Т. е. через четыре дня после венского арбитража между Венгрией и СССР были подписаны Договор о торговле и мореплавании, а также Соглашение о товарообмене и платежах. Последнее определило объём товарообмена между двумя странами в сумме 3,7 млн. американских долларов. Согласно Соглашению Венгрия должна была поставить СССР суда, электромоторы, генераторы, железнодорожные оси, дизельные моторы, локомобили и стальные трубы, а СССР должен был поставить Венгрии пиломатериалы, хлопок, фосфат, марганцевую руду, хромовую руду, смазочное масло и разные нефтепродукты. Текст Договора о торговле и мореплавании между Венгрией и СССР см.: Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1-я. (1 января – 31 октября 1940 г.). Председатель Редколлегии: Г. Э. Мамедов. Москва, 1995. С. 554–560. Об истории заключения Договора о торговле и мореплавании между СССР и Венгрией см. подробнее: Seres, 2007. 403–427.

[2] Согласно историческим данным, зондаж Бетлена был не единственным случаем, когда Венгрия попыталась доставать военное оборудование из СССР. Известно, что 23-го августа 1940 г. Т. е. во время переговоров между Венгрией и Румынией в Турну-Северине, министр иностранных дел Венгрии Иштван Чаки в своей телеграмме указал посланнику Венгрии в СССР Йожефу Криштоффи на то, чтобы тот поставил перед Молотовым вопрос о возможности покупки Венгрией военных самолётов. О беседе Молотова и Криштоффи 25-го августа см.: Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936–1945. V. köt. Magyarország külpolitikája a nyugati hadjárattól a Szovjetunió megtámadásáig 1940–1941. Szerkesztette: Juhász Gyula. Budapest, 1982. 508–509, 519–520.

[3] Иштван Чаки (1894–1941): венгерский дипломат. С 1938 г. по 1941 г. министр иностранных дел Венгрии.

по его выступлению в парламенте[1], после арбитража, о чём я писал[2] тов. Деканозову В. Г.[3], также далеко недовольным венскими решениями.

Второе предположение — выражение Бетленом взглядов англофильской части венгерской верхушки по постороннему заданию или без, в связи с этим видимо, является менее вероятным, *если только Бетлен не разошелся совершенно с Телеки и последний, в беседе с Бетленом, не показал ему, что отходит от старой политики и старых взглядов*[4].

14. 09. 1940 г
гор. Будапешт
Отп. 1 зкз. АВ 1 экз. адресату

Полпред СССР в Венгрии
Шаронов, Н. И.[5]

2.

Донесение полпреда СССР в Венгрии Н. И. Шаронова наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову о его беседе с министром иностранных дел Венгрии Иштваном Чаки

Будапешт, 28 октября 1940 г.

(Машинописный оригинал. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 13. Д. 137. Л. 19–26.)

Наркому И. Д. тов. Молотову В. М. Секретно
Экз. № 1.
Исход № 169.

Сегодня утром я был у мининдела Чаки, который сразу же сказал мне, что он имеет новость, которую я не мог ещё прочитать в газетах — Италия, получив отказ Метаксаса[6] в ответ на свой ультиматум, двинула войска в Грецию и сейчас происходит сражение между итальянскими и греческими войсками. На мой вопрос, нет ли сообщений о позиции Турции, Чаки ответил, что можно думать, что Турция тоже войдёт в войну, если в последний момент не подумает о своей слабости, т. к. несмотря на наличие 20 с лишним дивизий во Фракии, она имеет только 400 самолётов первой линии, и кроме того, турецким войскам надо пересечь всю северную Грецию. Мы здесь уверены, говорит Чаки, что война продлится ещё долгое время и в связи с вступлением в войну новых стран,

[1] Речь идёт о выступлении Телеки в парламенте 4-го сентября 1940 г. Текст его выступления см.: Az 1939. évi június hó 10-re hirdetett Országgyűlés Képviselőházának naplója. VI–VII. köt. Budapest, 1941. 2–5.

[2] Документ не найден нами.

[3] В. Г. Деканозов (1898–1953): с 1939 г. по 1947 г. заместитель наркома (с 1946 г. министра) иностранных дел СССР.

[4] Последняя фраза внесена в текст Шароновым почерком.

[5] Н. И. Шаронов (1901–?): дипломат. С 7-го декабря 1939 г. по 24-е июня 1941 г. полпред СССР в Венгрии.

[6] Иоанис Метаксас (1871–1941): греческий политический и военный деятель. С 1936 г. по 1941 г. премьер-министр Греции.

не исключена возможность общего пожара на Балканах.

На мой вопрос, как он смотрит на беспокойство Югославии, Чаки ответил, что он спрашивал Риббентропа[1] и Чиано[2] относительно их намерений и оба заявили ему категорически, что о захватах Югославии они не думают. Конечно, добавил Чаки, в ответ на мой вопрос, обстоятельства могут всегда измениться.

На мой вопрос, как сейчас обстоит дело с венгерско-румынскими отношениями, Чаки ответил — «между нами говоря, не венгерско-румынским, а венгерско-германским, т. к. Румыния сделалась Германией». Затем Чаки заявил, что в Румынии сейчас имеется голова — Антонеско[3] — без тела, а тело — железная гвардия — без головы, и что Румыния являлась и является вечным протекторатом. Сначала она была англо-французским, теперь стала германским и возможно, что дело дойдёт до того, что она будет протекторатом русским. В ответ на вопросительный взгляд Чаки, я ответил, что мы никаких стран под своим протекторатом не имеем и не собираемся иметь и что в происходящую войну мы ввязываться никак не намерены. Чаки ответил, что он это понимает, но немцы, учитывая сильное движение, особенно, в южной Румынии в пользу сближения с СССР, постарались ввести войска, и это опасение, говорит Чаки, является главной причиной ввода немецких войск в Румынию, которые, как я могу совершенно точно заявить, не будут оттуда выведены.

Я знаю, говорит Чаки, что имеется секретный германо-румынский договор, предусматривающий ввод и оставление в Румынии германских войск. На мои слова, что я слышал некоторые заявления такого же рода в связи с тем, что Венгрия получила только половину Трансильвании, Чаки ответил, что получение только половины, к сожалению, действительно вполне объяснимая вещь, так же, как и то, что мы получили только леса и горы, и что все естественные богатства, необходимые для организации самостоятельного государства, остались за венгерской границей, даже газовые источники, владельцем которых является германское АО, имеющее во главе брата Геринга, остались в Румынии, несмотря на то, что из-за этого пришлось сделать большой мешок на границе[4]. Два года

[1] Иоахим фон Риббентроп (1893–1946): немецкий политический деятель. С 1938 г. по 1945 г. министр иностранных дел Германии.

[2] Галеадзо Чиано (1903–1944): итальянский политический деятель. С 1936 г. по 1943 г. министр иностранных дел Италии.

[3] Ион Антонеску (1882–1946): румынский политический и военный деятель. С 4-го сентября 1940 г. по 23-е августа 1944 г. чрезвычайный полномочный премьер-министр Румынии.

[4] Согласно арбитражному решению линия границы была проведена так, что в районе городов Коложвара и Марошвашархея (венг. «Marosvásárhely», рум. «Tвrgu-Mureş») был сделан болшой «клин» — или по словам Чаки «мешок» — в глубине венгерской территории. Этот «клин» был сделан по требованию Герин-

тому назад, говорит Чаки, Геринг меня спрашивал, мыслю ли я возможной организацию германского промежуточного государства на Балканах. Теперь, говорит Чаки, Вы можете видеть, что это государство начинает вырисовываться в составе румынских немцев, южной части Венгрии и Словении[1]. Во всех этих местах немцы развили усиленную пропаганду. На мой вопрос о возможности образования и существования такого государства, Чаки ответил, что эта вещь вполне допустимая и реальная, если учитывать оба фактора: усиленное ведение соответствующей пропаганды и предусмотренную уже обеспеченность этого возможного государства сырьевыми ресурсами и промышленными предприятиями. Вы сами представляете, продолжал Чаки, каково будет положение Венгрии в этом случае. Мы уже сейчас считаемся с тем, что когда Дунай замерзнет, все перевозки германских войск будут производиться через нашу территорию. Превращение в «ландштрассе», заметил я. «К сожалению, да» — ответил Чаки — «Вам уже тоже известно наше выражение». Вообще, с венским арбитражем, говорит Чаки, произошла совершенно экстраординарная вещь. Мы были совсем готовы к войне и я думаю, что не будь венского арбитража 30-го августа, через 1–2 недели могла бы вспыхнуть война. Мы не хотели арбитража, т. к. арбитраж ответственная вещь, не только для арбитров, но и для тех, кто первый просит его. Мы получили приглашение от Риббентропа приехать в Германию с полномочиями для ведения переговоров. На совещании Риббентроп сказал мне — «имейте в виду, что война между Вами и Румынией не должна быть». Затем Риббентроп обратился к Чиано с вопросом «Не правда ли?». Чиано ответил «Да». Я, говорит Чаки, заметил Телеки — «положение ясно». Затем Риббентроп заявил мне ещё раз, что «Италия и Германия войны не допустят любыми средствами». После подтверждения Чиано мне пришлось ещё раз повторить свои слова Телеки. Затем Риббентроп потребовал, чтобы мы на следующий день предъявили ему полномочия для заключения договора с Румынией. На мой ответ, что так быстро они даже технически не могут прибыть из Будапешта, Риббентроп ответил, что эти полномочия правительство может в Будапеште вручить завтра в германском или итальянском посольстве. Таким образом, говорит Чаки, мы были поставлены в положение, из которого не было никакого выхода. Между прочим, английский посланник[2] был у меня после Вены, говорит Чаки, и заявил, что

га, потому что здесь, в районе Шармаша (венг. «Sármás», рум. «Sărmaşu») находились значительные газовые источники, владельцем которых являлась фирма брата Геринга. Геринг настоял на том, чтобы не отдавать этот район Венгрии, поэтому этот «клин» назывался венграми «пузом Геринга». См.: Rónai András: Térképezett történelem. Budapest, 1989.

[1] Это вероятно неточность Шаронова, вместо Словении он вероятно имел в виду Словакию.

[2] Овен Санктклер Омалли (анг. «Owen St. Clair O'Malley» — 1887–1974): английский дипломат ирландского происхождения. С 1939 г. по 1941 г. посланник Великобритании в Венгрии.

при нейтралитете Венгрии, благожелательном для Англии, Венгрия могла бы расчитывать на получение всей Трансильвании. Мы, говорит Чаки, начинаем думать, не следует ли нам официально присоединиться к пакту Рим–Берлин–Токио, т. к. в таком случае мы сможем думать, что Венгрия, как одно из государств, подписавших пакт, не подвергнется захвату одним из участников этого пакта[1]. Я напомнил Чаки заявление Наркома Криштоффи[2], на что Чаки ответил, к сожалению, СССР не был одним из арбитров в Вене[3].

На мой вопрос, как обстоит дело с комиссией, находящейся сейчас в Коложваре[4], Чаки ответил, что комиссия кончает свою работу и в среду должна будет уже сделать доклад о результатах обследования. Несомненно, говорит Чаки, что в этот доклад попадут и такие данные, как переход отдельными группами венгерской погранохраны (ещё до арбитражного решения) венгерско-румынской границы, т. к. наши войска просто не выдерживали напряженного положения на границе[5].

Я спросил Чаки, не входит ли в новую венгерскую территорию поле сражения между венгерскими войсками и войсками генерала Паскеви-

[1] Речь идёт о Тройственном пакте, заключенном Германией, Италией и Японией 27-го сентября 1940 г. Венгрия присоединилась к пакту 20-го ноября 1940 г.

[2] Йожеф Криштоффи (1890–1969): венгерский дипломат. С 30-го сентября 1939 г. по 24-е июня 1941 г. посланник Венгрии в СССР.

[3] 25-го августа 1940 г. Т. е. в день разрыва переговоров между Венгрией и Румынией в Турну-Северине, Молотов принимал Криштоффи и повторил ему позицию СССР в «трансильванском вопросе», изложенную первый раз 3-го и 4-го июля. Согласно ей, СССР считает свои отношения с Венгрией нормальными, не имеет никаких претензий к Венгрии; советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; представители СССР будут придерживаться такой же позиции в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии. О беседе Молотова с Криштоффи 3-го и 4-го июля см.: Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1-я. (1 января–31 октября 1940 г.). Председатель Редколлегии: Г. Э. Мамедов. Москва, 1995. 415–416. О беседе Молотова с Криштоффи 25-го августа см.: Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936–1945. V. köt. Magyarország külpolitikája a nyugati hadjárattól a Szovjetunió megtámadásáig 1940–1941. Szerkesztette: Juhász Gyula. Budapest, 1982. 519–520.

[4] Венг. «Kolozsvár», рум. «Cluj».

[5] Речь идёт о смешанной комиссии, созданной Италией и Германией для расследования инцидентов, совершенных против румынского нацменьшинства в северной и против венгерского нацменьшинства в южной Трансильвании после второго венского арбитража. Комиссию возглавили чиновники МИД Германии и Италии граф Гюнтер Алтенбург и граф Дельфино Роджиери. Комиссия действовала с 15-го по 30-е октября 1940 г. О результатах её расследования см.: Szász Zoltán: Válság-monitoring Erdélyben 1940–1942. A német–olasz különmegbízottak vizsgálódásai. In: Kelet-Európa: történelem és sorsközösség. Palotás Emil 70. születésnapjára. Budapest, 2006. 270–284.

ча[1], Чаки ответил отрицательно. После этого я сообщил ему о переговорах по вопросу об освобождении Ракоши[2]. Чаки сказал, что он это дело знает, правда, без деталей, которые я ему рассказал, и что вопрос об освобождении Ракоши решен уже полтора месяца тому назад, причём, говорит Чаки, я был первым, кто заявил, что «если освобождать Салаши[3], то надо освободить и Ракоши». Кроме того министр юстиции Радочаи[4] несколько раз просто кричал о необходимости освобождения Ракоши в связи с освобождением Салаши и с внутренними вопросами. Я заявил Чаки, что я прошу доставить Ракоши завтра в Будапешт и завтра же отправить его на нашу границу в сопровождении одного из дипломатических сотрудников посольства. Чаки после переговоров по телефону с министром юстиции сообщил, что Ракоши будет доставлен сюда в авто или по железной дороге и в сопровождении нашего сотрудника будет доставлен на советскую границу, если только мы не предпочитаем отправить его в Болгарию. Я ответил Чаки, что отправка через границу меня вполне устраивает. Затем Чаки заметил, что он очень хотел бы, чтобы знамена как можно скорее прибыли в Будапешт и были бы переданы мною венгерскому правительству. На мой вопрос, не предпочитают ли они получить их в Москве, Чаки ответил, что он надеется, что его просьба получить эти знамена здесь — будет нами выполнена[5].

---

[1] Речь идёт о битве в районе города Шегешвара (венг. «Segesvár», рум. «Sighişoara») 31-го июля 1849 г., в которой венгерские революционные войска потерпели решающее поражение от армии Паскевича. После второго венского арбитража этот район остался на территории Румынии.

[2] Матяш Ракоши (1892–1971): венгерский коммунист. С 1945 г. по 1953 г. генсек Компартии Венгрии. В 1925 г. за подрывную деятельность был осужден венгерскими властями на пожизненное тюремное заключение. 31-го октября 1940 г. был освобожден и выслан в СССР взамен венгерских революционных знамен 1848–1849 гг., которые после подавления венгерской революции были вывезены в качестве трофея в Россию. Об истории обмена Ракоши на знамена подробнее см.: Seres Attila: Nemzeti ereklyéinket egy politikai fogolyért. Orosz levéltári iratok Rákosi Mátyás és az 1848–1849. évi szabadságharc honvédzászlóinak kicseréléséről (1940). Történelmi Szemle, 2005/1–2. sz. 129–187.

[3] Ференц Салаши (1897–1946): венгерский политический деятель. Основатель и с 1937 г. по 1945 г. лидер партии Скрещенных Стрел. В 1938 г. он был осужден на тюремное заключение, но 17-го августа 1940 г. амнистией регента был освобожден до истечения срока.

[4] Ласло Радочаи (1878–1968): венгерский политический деятель. С 1939 г. по 1944 г. министр юстиции Венгрии.

[5] Торжественная передача знамен состоялась в Москве в Доме Красной Армии 20-го марта 1941 г. В церемонии участвовали венгерский посланник в СССР Йожеф Криштоффи и генеральный серетарь НКИД СССР А. А. Соболев. Торжественное принятие знамен в Будапеште состоялось 23-го числа в Военно-историческом музее Венгрии, на котором присутствовал и сам Шаронов. О передаче знамен см.: A moszkvai magyar követség jelentései 1935–1941. Szerkesztette: Peter Pastor. Budapest, 1992. 296–300.

В дальнейшей беседе Чаки заявил, что в настоящее время Венгрия имеет весьма серьёзные трудности: стачка, партия Скрещенных Стрел и германско-венгерский договор о нацменьшинстве. Что касается первого, Чаки сообщил, что забастовка горняков, начавшаяся в одном месте из-за действительно ужасных жилищных и материальных условий, перекинулась на всю угольную промышленность и из экономической превратилась в политическую. Но, говорит Чаки, в настоящее время часть рабочих уже приступила к работе и мы думаем, что через 1–2 недели забастовка будет окончена. Совершенно неправильным мероприятием правительства, говорит Чаки, была посылка солдат на шахты, т. к. присуствие солдат только ожесточило и усилило забастовку. Во всяком случае, говорит Чаки, эта забастовка принесла нам очень большие неприятности при нашем более чем скромном обеспечении углем, и я не знаю, говорит он, как мы сможем прожить эту зиму, если она будет такая же холодная, как прошлая[1].

Второю опасностью, говорит Чаки, является партия Скрещенных Стрел. На мой вопрос, не преувеличивает ли он эту опасность, т. к. в этой партии не имеется заметных вождей, Чаки ответил, что вождей там сейчас действительно нет, но когда Германии понадобится, эти вожди будут, а сейчас Германия руководство осуществляет и без наличия вождей в самой партии. Вообще, говорит Чаки, пока мы ведём прогерманскую политику, это движение не очень страшно, но, при наличии малейшего отклонения, это будет не венгерская партия Скрещенных Стрел, а германская нацистская партия, усиленная всей германской партией и германской армией. Пока же партия Скрещенных Стрел шлёт одного за другим эмиссаров в Берлин, причем эти эмиссары требуют, главным образом денег и как я слышал, говорит Чаки, немцам это дело (давать деньги) уже надоело. На мой вопрос об Имреди Чаки ответил, что Имреди является безусловно одним из виднейших венгерских деятелей, но все, что ему мешает, это наличие еврейской крови, причем, говорит Чаки, никто не может понять, почему он, имея эту кровь, провел еврей-

[1] Стачка началась 8-го сентября 1940 г. в шахтах северной Венгрии, в Шалготарьянском бассейне, но за несколько дней к ней присоединились шахтёры угольных рудников юго-западных регионов страны. Скоро стачка охватила всю горную промышленность Венгрии, в ней участвовали 40 тыс. шахтёров. Т. е. 90 % трудящихся горной промышленности. В 1990-х гг. венгерская историография установила факт того, что стачка поощрялась партией Скрещенных Стрел, которая старалась воспользоваться событиями для того, чтобы добиться отставки действующего правительства. Во время стачки многие шахтёры были арестованы или призваны на военную службу. Стачка продолжалась до начала ноября. См.: *Romsics I.* Magyarország története a XX. században. 2. kiadás. Budapest, 2000. 199–200 o.

ский закон[1]. Что касается влияния партии Скрещенных Стрел, продолжал Чаки, то надо учитывать, что при последних выборах они получили 1 млн. голосов, и в ответ на моё замечание, что правительственная партия получила 1.800.000, Чаки заметил, что несомненно, что часть из этого миллиона партия Скрещенных Стрел потеряла, но надо иметь в виду, что в неё идёт в довольно значительном количестве городской пролетариат и мелкие служащие, а также остатки социал-демократической партии. Правда, сказал Чаки, выборы должны быть только в следующем году. На мой вопрос, не думает ли правительство проводить эти выборы, если внутреннее и внешнее положение не изменится, Чаки ответил, что конечно, эти выборы произведены не будут, тем более, что, говорит он, мы получили 1 млн. румын, которые вряд ли пойдут за правительственной партией, в особенности румыны-павославные[2].

Что касается венгерского соглашения о немецком правительстве, то Чаки говорит, что имеются уже некоторые трения с немцами, т. к. немцы заявили, что надо исходить из духа договора, а я, говорит Чаки, считаю возможным исходить только из того, что зафиксировано в договоре и не больше. Сейчас, говорит Чаки, положение создалось довольно серьёзное, т. к. в местах с смешанным населением немцы (по происхождению) начинают требовать совершенно невозможные вещи, угрожая венгерскому населению близостью Германии. Во всяком случае в некоторых местах пропаганда и настояния немецкого меньшинства являются совершенно выходящими из всяких рамок. В то же время, говорит Чаки, подливают масло в огонь наших внутренних трудностей ещё некоторые державы, распространяющие листовки, в которых говорится о том, что венгерские дети страдают из-за того, что Венгрия отправляет все продовольствие в

[1] Бела Имреди (1891–1946): венгерский полтический деятель. В 1938–1939 гг. премьер-министр Венгрии. В 1938 г. при его правительстве был принят парламентом первый закон, ограничивающий права еврейского населения в Венгрии. Недовольные его правлением окружение Хорти, в том числе и Иштван Бетлен, заставили его идти в оставку. Поводом для его компрометации было «наличие у него еврейской крови». Т. к. несмотря на то, что Имреди был верным католиком, одна из его прабабушек была еврейкой. В октябре 1940 г. Имреди основал партию Венгерского Возрождения, членами которой были в основном бывшие депутаты правительственной партии, «разочарованные» политикой правительства. Партия являлась в сущности крайне правой партией, главной опорой которой были буржуазные элементы, соблюдавшие дистанцию от партии Скрещенных Стрел и её мелкобуржуазной общественной базы. Его биографию см. подробнее: Imrédy Béla a vádlottak padján. Szerkesztette: Sipos Péter. (Párhuzamos archívum). Budapest, 1999. 11–62.

[2] О политике венгерского правительства, направленной на политическую и общественную интеграцию румынского нацменьшинства в Северной Трансильвании, см.: *Benkő Levente*. Magyar nemzetiségi politika Észak-Erdélyben (1940–1944) // Pro Minoritate, 2002/3. 7–41.

Германию и т. п. Мы, говорит Чаки, проследили путь этих листовок до дверей одного посольства, но, к сожалению, за эти двери мы не можем войти с обыском.

Прощаясь, я сообщил Чаки, что я получил фильм «На Дунае», который хотел бы показать в одном из кино для членов правительства и парламента. Чаки ответил, что он будет очень доволен видеть этот фильм и что он просит пригласить также представителей военного ведомства. Я ответил согласием[1].

Будапешт — Полпред СССР в Венгрии
28. X. 1940 г. — Н. И. Шаронов
Отп. 2 экз. 1 — адресату, 2 — в дело

Т. М. Исламов, Т. А. Покивайлова

ТРАНСИЛЬВАНСКИЙ ВОПРОС В ПЛАНАХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ПО ПОСЛЕВОЕННОМУ МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ (ДО СОГЛАШЕНИЯ О ПЕРЕМИРИИ С РУМЫНИЕЙ — СЕНТЯБРЬ 1944 г.)

В ряду многочисленных нерешенных или продолжающих быть спорными национально-территориальных проблем наименее изученным до последнего времени оставался трансильванский вопрос. Авторы статьи взяли на себя смелость заняться этим запущенным в отечественной историографии вопросом как только в начале 1990 г. открылись богатейшие российские архивы и стало возможным изучать его по первоисточникам[2].

[1] Документальный фильм И. Копалина и И. Посельского «На Дунае» показал обстоятельства аннексии СССР Бессарабии: вход советских войск в Кишинёв, торжественную встречу населения Бессарабии с советскими солдатами и момент прихода Красной Армии к устью Дуная. Закрытый просмотр кинофильма «На Дунае» состоялся 17-го ноября 1940 г. в здании советского полпредства в Будапеште. На нём присуствовали Чаки, министр промишленности и торговли Йожеф Варга, ответственные сотрудники венгерского МИД-а, начальник Генштаба Хенрик Верт, начальник 2-го отдела Генштаба (Разведупра) Иштван Уйсаси, а также около 200 депутатов парламента. См.: Дипломатический дневник Шаронова. Будапешт, 17-е ноября 1940 г. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 113–118.

[2] *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994; *Они же.* Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 года. Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 456–471; *Они же.* Венгеро-румынский конфликт в контексте германо-советских отношений. 1940 — июнь 1941 // Восточная Европа между Сталиным и Гитлером. М., 1999; *Исламов Т. М.* По поводу реакции в Румынии на книгу «Трансильванский вопрос. Венгерско-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы

В 2000 г. ими была осуществлена публикация сборника документов по данному вопросу[1]. Документы позволили по-новому взглянуть на проблему, показать место трансильванского вопроса в контексте международных отношений и политики Великих держав в 40-е годы XX века в регионе Средней Европы и на Балканах. В последние два-три десятилетия проблемами Трансильвании в контексте политики Великих держав на основе изучения материалов национальных архивов стали заниматься историки Венгрии и Румынии[2], а также западные историки[3].

Трансильванский вопрос, являвшийся подчиненным элементом в региональной стратегии великих держав — и до и после Второй мировой войны, имел свою особую специфику, которая была связана самобытной историей края, сложностью его этнонациональной структуры, историческими особенностями развития взаимоотношений двух соседних народов, а также и с политикой Германии, СССР, Англии, США и Франции в отношении этих двух стран в предвоенный период и в ходе войны.

На протяжении первой половины XX века Трансильвания трижды переходила из рук в руки: в 1920 г., после окончания первой мировой войны и распада Австро-Венгрии согласно постановлению Версальского

российских архивов. М. 2000» // Новая и Новейшая история. 2000. № 6 ; *Они же.* СССР и трансильванский вопрос (1945–1946 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 6; *Они же.* Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 г. // Новая и новейшая история. 2006. № 2; *Islamov T. M., Pokivailova T.A., Vinteler O.* Din culisele luptelor pentru Ardeal. Cluj-Napoca. 2003; *Pokivailova T. A.* Transilvania pe masă Komisiei Litvinov // Magazin istoric. Bucureşti, 1998, № 1;

[1] Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы российских архивов. М., 2000; Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998;

[2] Documente franceze despre Transilvania. Selectie şi studii introductive Dobrinescu V. Fl., J. Petroiu. Bucuresti; 2001; *Constantiniu Fl.* P.C.R., Patrascanu şi Transilvania (1945–1946). Bucureşti; 2001.

[3] *Fülöp M.* Hungary and the Great Powers 1945–1946. The Hungarian peace negotiations. Budapest 1994.; *Idem.* Transilvania and the Great Powers.1945 // Danubian Historical Studies. 1988 Vol .2; *Dobrinescu V.* Fl. România şi Ungaria de la Trianon la Paris (1920–1947). Batalia diplomatica pentru Transilvania. Bucureşti 1996. Al doilea razboi mondial. Transilvania şi aranjamente europene (1940–1944). Cluj-Napoca 1995; *Onisoru Gh.* Statul Nord-Vestului Transilvaniei: de la 23 august 1944 la 10 februarie 1947 // Acta Muzei pozolissensis. Zalău 1995; *Sălagean M.* Administraţia sovietică in nordul Transilvaniei. Cluj-Napoca. 2002; *Burger Ulrich.* Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitätenpolitik in Nordsiebenbürgen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde 1999. Bd. 22. Hft. 1; *Idem* Zur politische Lage in Nordsiebendbürgen im Herrbs 1944 // Zeitschrift. 1999. № 10; *Lahav J.* Die Sowjetunion und transilvanische Frage // Ungarn-Jarbuch 1979. Bd. 10. S 266f. Roman Eric Hungary and Victor Powers. 1945–1950; *Quinlan P.* The United States and the Problem of Transilvania during World War Two // 100 Jears of American Romanian Relations. Ed. Radu R. Florescu. Roma 1984.

мирного договора она была отторгнута от королевства Венгрия и отдана Румынии. В 1940 г. по решению так называемого второго Венского арбитража, а по существу диктата Гитлера и Муссолини, северная часть Трансильвании отошла к Венгрии. И наконец в 1946 г. Парижская мирная конференция, вновь возвратив эту область Румынии, восстановила румынский суверкнитет над территорией всей Трансильвании. Решающую роль в последнем случае сыграла позиция Советского Союза, сумевший фактически отстранить своих союзников от урегулирования румыно-венгерского спора о границах Румынии и Венгрии.

Версальская система послевоенного мирного урегулирования создала в треугольнике Румыния-Венгрия-СССР еще один очаг будущих конфликтов — трансильванский. Августовский пакт Молотов-Риббентроп с его секретными протоколами о разделе сфер влияния в Европе между Германией и СССР, открыл путь к активизации этого конфликтного очага. В июне 1940 г. Румыния вернула Бессарабию Советскому Союзу, уступив дружному давлению Берлина и Москвы, и еще Северную Буковину, бывшую провинцию Австрии, к царской России никогда не принадлежавшую. Спустя два месяца после этого, в августе того же года под нажимом Гитлера и Муссолини Бухарест подписал акт Второго Венского арбитража, согласно которому Румыния рассталась с северной частью Трансильвании.

Венгрия получила тогда лишь половину той территории, которая была у нее отторгнута в пользу Румынии Версальско-трианонским договором 1920 г. Тем не менее, несмотря на то, что диктатом Гитлера-Муссолини она лишилась части Трансильвании, румынского министра иностранных дел М. Манолейску едва не хватил удар, когда к нему на стол легла нарисованная Адольфом Гитлером карта новых границ.

Напомним, что по Второму Венскому арбитражу, проведенному 30 августа 1940 г. к Венгрии была присоединена северная и северо-восточная часть Трансильвании площадью 43.591 кв. км с населением в 2.394.657 чел. Национальный состав населения присоединенной к Венгрии части Трансильвании по румынским данным распределялся следующим образом:

Румын	—	1. 167. 466 чел. или 48.7%
Мадьяр	—	1. 005. 946 чел. или 42%
Евреев	—	100.874 чел. или 4,2%
Немцев	—	59.992 чел. или 2,5%
Прочие (русины, болгары, украинцы, армяне, словаки и т. д.)	—	1,6%[1]

[1] Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и позиция СССР 1940–1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 167.

По венгерской переписи 1910 г. население в северной Трансильвании составляло: 2.194.254 чел., из которых:

Мадьяры	—	1.125.732 чел. или 51,4%
Румыны	—	926.268 чел. или 42,2%
Немцы	—	90.195 чел. или 4,1%
Русины	—	16.284 чел. или 0,7%
Словаки	—	12.807 чел. или 0,6%[1] и прочие.

Нужно учитывать, что данные национальных статистик весьма относительны и чаще всего завышены в пользу господствующих (или по нынешней российской терминологии — «титульных) наций. Особенностью национального расселения в Трансильвании являлось то, что установить более или менее «справедливые» по этническому признаку границы практически было не возможно, так как и румыны и венгры были расселены по всей ее территории. Мадьяры составляли большинство лишь в 4-х областях: на востоке Трансильвании и на северо-западе края вдоль трианонской границы с Венгрией. Секейфёльд — ядро компактного расселения мадьяр находился на отдалённом от границ Венгрии расстоянии, вплотную к северо-восточному уголку Румынии. Делить эту страну справедливо, по строго этническому принципу, действительно задача была сверхсложная теоретически, а практически почтои невозможная.

В выигрыше от чудовищно несправедливого арбитражного дележа территории и кромсания по живому единой исторической области с собственным прошлым, со своеобразными культурно-историческим обликом и богатыми традициями, осталась, таким образом, одна нацистская Германия, которая ловко использовала недовольство Венгрии и Румынии и непримиримую вражду обоих своих союзников в собственных политических интересах.

Арбитраж, выгодный по существу, прежде всего Германии, естественно, не устроил ни одну из враждующих сторон. Румыны были глубоко травмированы, мадьяры испытали жесточайшее разочарование. Первые стремились возвратить утраченное, мадьяры — овладеть всей Трансильванией.

Положение на Балканах и в Центральной Европе не могло не волновать как советское руководство так и противников Адольфа Гитлера — Великобританию и США и прежде всего, безусловно, Великобританию, терявшей свое влияние на Балканах и оказавшейся перед прямой угрозой нападения Гитлера на страну.

В условиях разгоравшегося все сильнее пожара Трансильванскую карту, и в целом балканскую, старательно разыгрывали обе воюющие стороны. Первостепенное значение в сложившейся обстановке приобретал

[1] Там же.

Советский Союз. Гитлеру, готовившему удар по России и установившему свой контроль над всем полуостровом, Москве уже нечего было предложить. Наоборот, как показали переговоры Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., фюрер был полон решимости оберегать Румынию от дальнейших поползновений со стороны северного соседа.

Щедрые посулы Уинстона Черчилля Иосифу Сталину

Летом 1940 года Великобритания сделала более, чем неожиданное предложение советскому руководству. Загнанная Гитлером в угол в результате поражения Франции островная держава, в одиночку отражавшая германский натиск, вынуждена была использовать любую возможность, чтобы отвлечь силы вермахта от планов форсирования английского канала. Ради этой цели британская дипломатия могла и поступиться своими интересами на Балканах в пользу Советской России. Так в самом начале Второй мировой войны обозначилась тенденция признания Западом приоритетных интересов СССР в Юго-Восточной Европе.

Подтверждение тому дают недавно переданные в РХЦИДНИ на открытое пользование документы из архива Сталина, ранее находившиеся в архиве Президента РФ[1]. Летом 1940 г., после разгрома Франции, Британская дипломатия предприняла, довольно неожиданный, если не сказать, экстравагантный, шаг. Сэр Стаффорд Криппс, посол Великобритании в Москве, явившись 14 июня 1940 г. по собственной инициативе к наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, предложил ни много, ни мало, как создать блок балканских государств под руководством СССР. Однако, сталинский нарком повел себя в свойственной ему манере — уклончиво, не дав определенного ответа, не сказав ни да, ни нет, хотя и отметил, что СССР имеет определенный интерес на Балканах и этого не скрывает. Он не отклонил странное предложение, которое и без большой фантазии можно было бы считать коварной английской ловушкой, имевшей целью вызвать столкновение Советского Союза с германским Райхом. Молотов не только не протестовал, но даже сказал нечто, что открывало возможность и перспективы на позитивную реакцию в будущем: «Позиция СССР в значительной степени будет зависеть от той обстановки, которая сложится». Конкретизируя советскую заинтересованность в балканских делах, он сослался на состоявшееся незадолго до этого назначение полпреда СССР в Бухарест, подчеркнув, что

[1] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 558 (фонд И. В. Сталина). 1940. Оп. 11. Д. 247. Л. 1–11. Эти документы из Архива Президента РФ впервые были использованы известным российским историком В. К. Волковым в статье «Советско-германское противоборство на Балканах во второй половине 1940 года: мотивы и характер // Война и политика. 1939–1941 / Под редакцией А. О. Чубарьяна. М., 1999. С. 395–415.

этот шаг «показывает интерес СССР к отношениям с Румынией, и этот интерес не должен быть ослаблен»[1].

В первых числах июля Сталину была представлена запись беседы, снабженная собственноручной пометой наркома (на 1-й странице справа вверху): «т. Сталину по поводу английского предложения о Балканах. В. Молотов 4.П»[2]. Сталин, прославившийся помимо всего прочего также чрезвычайной осторожностью и неторопливостью в принятии решений, на этот раз реагировал неожиданно быстро. Не прошло и двух недель после встречи Молотова с Криппсом, как вождь принял в Кремле британского посла. Надо сказать, что диалог с послом Сталин вел, тоньше, искуснее и гибче своего верного соратника: — временами просто артистично. Сталин пуще всего опасавшийся выглядеть в глазах Гитлера нелояльным его партнером, уже в протокольной записи вопрос сформулировал несколько иначе: «/.../ о желательности установления порядка на Балканах по эгидой СССР. *На 1-й странице документа помета*: «*Еще не просмотрено — И. Ст.*)[3]. Формулировка явно смягчена, обретя большую «дипломатичность» — исчезла категорическая жесткость заглавия, процитированного выше документа № 1, его, можно сказать, грубо оголенная определенность: «о предложении английского правительства правительству СССР в 1940 г. взять на себя руководство балканскими странами»[4].

Сталин в противоположность Молотову в самом начале определил свою позицию в выражениях, не допускающих никаких кривотолков: «СССР не имеет такого намерения», т. е. намерения «взять на себя руководство балканскими странами». И добавил для ясности: «Господствовать на Балканах не стремится и такое стремление считает о*прометчивым* и *опасным*». (Курсив — *Авт.*). Английский дипломат сразу сообразил, что допустил непростительный промах. Рассыпавшись в извинениях, опытный британских дипломат быстро поправился. Криппс извиняется и заявляет, что он сам «неправильно изложил этот вопрос», разъясняет, что он имел ввиду не установление господство СССР на Балканах, а трудность установления (в регионе — *Авт.*) равновесия без какой-либо большой соседней державы, дающей руководство в определенном направлении, к стабильности на Балканах, соединяя балканские страны ближе друг с другом»[5].

Чрезвычайно осторожен был генсек в определении советской позиции по вопросу об отношении к Румынии. И не случайно. Тогда, в

[1] Там же. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Там же. Л. 1.
[5] Там же. Л. 6.

особенности летом 1940 г., после выхода из войны Франции, судя по документам, большое значение придавалось дальнейшим намерениям Москвы в отношении Румынии после «мирного урегулирования» бессарабского конфликта не только в столицах соседних странах, но также и в Берлине и Лондоне. Нацистские дипломатия и разведывательные службы внимательно следили за каждым шагом советов на Балканах. Советско-румынские отношения живо интересовали Англию не меньше, чем другие страны региона, включая Турцию. Сталин, однако, не стал вдаваться в подробности, заметив лишь, что «требования СССР к Румынии ограничиваются теми заявлениями, которые были опубликованы. У СССР по отношению к Румынии нет никаких претензий»[1]. О том, что это категорическое заявление не совсем соответствовало действительности свидетельствовала острая перепалка Гитлера с Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине. Именно в разгар лета сорокового вплоть до гитлеровской агрессии против СССР в сорок первом, в дипломатических кругах заинтересованных стран ходили упорные слухи о возможном новом разделе оставшейся после бессарабского ультиматума и второго венского арбитража от прежней Румынии территории между СССР и Венгрией. В свете сказанного похоже на то, что упомянутое заявление можно было бы скорее отнести к области типичной дезинформации.

В ходе беседы советский руководитель высказал мысль, истинность которой доказана всей предыдущей и последующей историей международных отношений на Балканах. «Товарищ Сталин считает, что *какая бы большая сила не вошла на Балканы, в качестве руководителя, то она будет иметь все шансы на то, чтобы там запутаться*», читаем в записи беседы (Курсив наш — *Авт.*)[2]. Вещие слова, в равной мере относящиеся во всем великим державам, вообразивших себя способными установить свой порядок в этом беспокойнейшем уголке Европы — от монархии Габсбургов, кайзеровской Германии и России Романовых до англо-французской Антанты, гитлеровской Германии и Советского Союза. «Запутался» в болотном балканском лабиринте и сам Сталин.

На фоне упорной сдержанности Сталина в балканском, и особенно в румынском вопросе, неожиданно выглядит его разговорчивость, граничащая с откровенностью в отношении Турции. Сталин не скрывал своего раздражения «несговорчивостью» Анкары, не пожелавшей идти на встречу пожеланиям Москвы в вопросе об изменении режима Проливов. «Мы с турками не договорились», — буквально жаловался он послу — «и разошлись недовольные друг с другом». Более того, Сталин не скрыл от собеседника, что был бы рад британскому посредничеству. Турецкий премьер Шукрю Сараджоглу, сказал он, «и разговаривать не хотел от-

[1] Там же. Л. 7.
[2] Там же.

носительно Проливов, и я думаю, что наши отношения нуждаются в улучшении. Если Великобритания имеет намерения приложить усилия, чтобы улучшить отношения, то возражать не будем». Под грифом «Сов. Секретно» и «Особо важно», 13 июля 1940 г. Наркоминдел разослал по заграничным представительствам СССР текст беседы с Криппсом, в качестве официальной «установки для ориентации по внешней политике для посла»[1].

Но удивительный парадокс: несмотря на возражения Сталина и извинения британского посла в этом документе снова фигурировала первоначальная наркоминделевская формулировка. Под пунктом 3, посвященным балканским делам фигурировал следующий текст»: «Англичане считают, что было бы в интересах СССР взять на себя руководство балканскими странами в деле их объединения для сохранения там существующего положения, что только СССР, при нынешних условиях мог бы выполнить эту миссию». И далее: по поводу предложения Криппса насчет Балкан Сталин сказал, что «ни одна держава не может претендовать на исключительную роль по объединению балканских государств и руководству ими. Не претендует на такую миссию и СССР, несмотря на его заинтересованность в балканских делах».

Насчет Турции Сталин сказал, что «СССР действительно стоит против единоличного хозяйничанья Турции в проливах и против того, чтобы Турция диктовала условия на Черном море»[2].

Внимательное чтение этого любопытного документа позволяет сформулировать три наиболее важных вывода: 1. Документ, несомненно, был просмотрен и санкционирован самим Сталиным, и что в беседе с британским послом он, мягко говоря, лицемерил, когда пытался создать впечатление отсутствия у Москвы намерения играть активную роль на Балканах. 2. Вся инструкция пронизана духом благожелательности к Германии и характеризуется изображением в оптимистических тонах состояния советско-германских отношений. 3. Документ буквально «дышит» непримиримостью и жесткостью в отношении Англии, английской политики, подозрительностью ко всем британским инициативам[3].

Однако такая политика не помогла Сталину избежать нападения Гитлера на Советский Союз. В войну против СССР в качестве союзников гитлеровской Германии вступили Венгрия и Румыния с тем, чтоб с помощью немцев решить спор из-за Трансильвании, каждая в свою пользу. Используя национально-территориальные противоречия между ними, Германия стремилась покрепче привязать к себе обе страны, поочередно обещая каждой из них вознаградить их кусками трансильванской зем-

[1] Там же. Л. 9.

[2] Там же. Л. 11.

[3] См. *Безыменский Л. А.* Как Сталин хотел поделить мир с Гитлером // Новая газета. 8.05.1996.

ли. Не прошло и года после отторжения Северной Трансильвании от Румынии, как летом 1941 г., правительство в Бухаресте стало стучаться в двери высоких кабинетов в Берлине и Риме с просьбой пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности северной Трансильвании, настойчиво стремясь добиться признания прав Румынии на эту область. Ради обладания всей Трансильванией целиком, Бухарест был готов даже согласиться на предоставление Северной Трансильвании автономии, в качестве первого шага к «реинтеграции» ее в состав Румынии. В ноябре 1941 г. во время визита Иона Антонеску и его заместителя Михая Антонеску в Берлин, они обратились лично к Гитлеру по этому вопросу. Эта тема постоянно присутствовала и в беседах румынского руководства с германским послом в Бухаресте Мартином фон Килленгером и советником Г. фон Штельзером. 15 октября 1941 г. в беседе с фон Штельзером был поднят вопрос о создании против Венгрии некоего подобия Малой Антанты в составе Румынии, Словакии и Хорватии с целью пересмотра решений Второго Венского арбитража[1].

С вступлением Англии в войну на стороне СССР ситуация вокруг балканской проблемы круто изменилась. Однако, от того, что обе страны стали союзниками, отношения между ними по поводу будущей конфигурации политической карты региона, не стали менее сложным. В декабре 1941 г. в ходе переговоров британского министра иностранных дел сэра Антони Идена с маршалом Сталиным, последний дал понять, — судя по недавно опубликованным документам переговоров — что считает своей сферой влияния весь регион Восточной и Центральной Европы, подчеркнув одновременно решимость СССР восстановить свои границы, установленные на момент нападения Германии на Советский Союз[2].

Как свидетельствует протокольная запись беседы Сталина и Молотова с главой британской делегации Иденом 16 декабря 1941 г., в связи с обсуждением вопроса о подписании военно-политического союза между СССР и Великобританией, советские руководители заговорили о желательности заключения Москвой в будущем военного союза с Румынией с правом СССР «иметь на ее территории военные, воздушные и морские базы». В связи с этим по поводу Румынии было заявлено, что «объем самой Румынии должен быть увеличен на западе *за счет Венгрии*, в рамках которой в настоящее время проживает 1,5 млн. румын... Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне. Во время беседы с Антони Иденом в Москве 16 декабря 1941 г. Сталин в самой общей форме изложил свои соображения о будущих границах Румынии и Венгрии. В отчете Идена говорится: «...а Румыния должна

[1] *Campus E.* Din politica externă a României. 1913–1947. Bucureşti, 1980. P. 561–563.

[2] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. МИД СССР. Т. 1. 1941–1943. М., 1983. С. 182.

предоставить Советскому Союзу необходимые условия для размещения там баз и т. п., взамен чего она получит компенсацию за счет территории, оккупированной в настоящее время Венгрией»[1].

В проекте секретного приложения к советско-британскому договору советское руководство сочло необходимым записать отдельным 9-м пунктом следующее: «В отношении Румынии признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, которые населены преимущественно румынами[2]. Таким образом, речь не шла о Северной Трансильвании целиком, а лишь о районах с румынским этническим большинством. Иными словами в 1941 г., до подписания перемирия с Румынией, во всяком случае, а может быть и дольше, СССР допускал применение этнического принципа при решении румыно-венгерского территориального вопроса. Позднее, как мы увидим ниже, позиция Советского Союза претерпела радикальную перемену. Москва заняла бескомпромиссно жесткую позицию в отношении венгерских пожеланий об установлении границ с учетом этнического состава населения приграничных областей. Сталин допускал возможность изменения границ между Венгрией и Румынией в пользу последней, но обусловливал это целым рядом факторов: разрывом Румынии с гитлеровской Германией, заключением военного договора между СССР и Румынией, предоставлением Советскому Союзу военных, воздушных и морских баз и другими «компенсациями» в пользу СССР[3].

В декабре 1941 г. в ходе переговоров с А. Иденом Сталин впервые раскрыл перед Западом конкретные военные цели СССР: 1. Восстановление советских границ 1941 года, а не 1939-го (т. е. включая Прибалтику, Бесарабию и т. д.). 2. Желание включить Восточную и Среднюю Европу в «сферу непосредственных интересов» Советского Союза.

Англосаксонские представители, однако, тогда уклонились от подписания предложенного Сталиным секретного протокола о разделе советской и британской сфер влияния в Европе. Военно-стратегическая обстановка конца 1941 г., когда германская армия стояла у ворот Москвы, мало располагала западных союзников к масштабным уступкам советам. Но уже тогда в подходе к решению вопроса о сферах влияния в восточноевропейском регионе очень скоро выявилось различие в позиции западных союз-

[1] *Ржешевский О. А.* К истории англо-советского договора // Вторая мировая война. М., 1995. С. 139–142.

[2] СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. 22 июня — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 127.

[3] *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 16–22, 26–30, 56; *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. С. 72–76.

ников. В противоположность англичанам американцы готовы были на далеко идущие уступки восточному союзнику. Президент Рузвельт в беседе со своими ближайшими сотрудниками 2-го мая 1942 г. заявил, что он «не особенно горевал бы, если русские возьмут достаточно большую территорию; им могут принадлежать восточная Польша и балтийские республики, а возможно еще Буковина и Бесарабия»[1]. Отсюда следует, что Румыния и после победы союзников не могла питать надежд на оставление за собой захваченных в ходе антисоветского похода бывших своих земель. Все это отразилось и в планах послевоенного переустройства Восточной Европы, которые начали разрабатываться в Великобритании и США. Мозговые центры Вашингтона и Лондона, занимавшиеся планированием послевоенного устройства Европы, предлагали сосредоточить свои усилия главным образом на территориальных вопросах. По логике вещей с разгромом Германии и Италии все изменения на карте Европы, произведенные ими или под их диктовку, должны были быть отменены победителями. Уже с конца 1941 г. между союзниками по антигитлеровской коалиции установилось принципиальное согласие на этот счет: Югославии и Чехословакии — жертвам агрессии, должны быть возвращены все их земли, присоединенные к Венгрии, т. е. восстановлены трианонские границы. Иначе обстояло дело с Румынией. Она тоже отчасти была жертвой, пострадавшей от нацистского произвола. Но Румыния была союзницей Германии, десятки ее дивизий воевали на Восточном фронте. И Советское руководство совершенно справедливо рассматривало Румынию, как и Венгрию, враждебной страной, заслуживающей не поощрения, а осуждения и наказания. Поэтому вопрос о полном восстановлении Трианона, т. е. включая трианонских границ с Румынией, не стоял в повестке дня. В 1941 г. Сталин допускал возможность лишь исправления в пользу Румынии границ, установленных Вторым Венским арбитражем, а не полного упразднения его решений и возвращения всей Трансильвании, как это следует из его беседы с Иденом[2]. СССР придерживался точки зрения, что за не спровоцированную агрессию и за участие в войне на стороне Гитлера, за те безобразия, что творила оккупационная венгерская армия на советской территории, ответственность должно нести не только венгерское правительство, «но также и венгерский народ в той или иной степени». Однако по тактическим соображениям, исходя из интересов войны и необходимости поощрения оппозиции и движения сопротивления в Вен-

[1] *Franklin D.* Roosevelt Library, Hyde Park. Adolf A. Berle Papers. Box 214. Diary, May 2, 1942. Цит. по: Amerikai béketervek a háború utáni Magyarországról Az Egyesült Államok Külügyminisztériumának titkos iratai 1942–1944. Typovent. Gödöllő, 1992. 2O.old. Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). The Conference of Cairo and Teheran. 1943. P. 880.

[2] СССР и германский вопрос... С. 127.

грии, Москва проявляла склонность несколько смягчить свою позицию в трансильванском вопросе.

Так в ноте СССР от 7 июня 1943 г. содержалась весьма осторожная формулировка: советское правительство, говорилось в ней, «не считает в полной мере обоснованным так называемое арбитражное решение, вынесенное 30 августа 1940 г. под диктовку Германии, отдавшее Венгрии северную Трансильванию»[1]. Советское руководство не согласилось с английским предложением, исходившим из необходимости рассеять страх перед новым Трианоном: им следовало разъяснить, — отмечалось Форин Оффис, — что союзники не собирались раздробить Венгрию и не хотят наказывать венгерский народ за глупости его правителей. Однако английские политики не стали настаивать на принятии своего плана и, в конечном итоге, одержала верх советская точка зрения.

Тем не менее, важен сам по себе факт, что Великобритания — наиболее заинтересованная после СССР в балканском регионе из стран антигитлеровской коалиции первой из западных держав, признала приоритет Советского Союза в балканских делах, в частности, в румынском вопросе. Добавим к сказанному; британская дипломатия была и наиболее компетентная благодаря складывавшейся веками исторической традиции, по крайней мере, более опытной, чем американская, прекрасно ориентировавшаяся в хитросплетениях «ближневосточного» вопроса. Не случайно правящая элита Румынии до самого последнего момента уповала на помощь Англии в том, чтобы выйти сухим из воды, сохранить все свои территориальные приобретения. Вся румынская общественность особенно болезненно переживала потерю части Трансильвании и была готова на любые жертвы, чтобы вернуть утраченное. Точно также Венгрия была полна решимости завершить начатое и вернуть себе и южную часть спорной территории. Любой ценой.

Таким образом, Венский арбитраж не удовлетворив ни одну из сторон, до крайности обострив румыно-венгерскую вражду, сделал трансильванский вопрос предметом международной политики. Поскольку хирургическая операция была над Трансильванией совершена двумя враждующими державами, союзники были обязаны, в свою очередь, проблемой Трансильвании. Германо-итальянский диктат августа 1940 года дал СССР, Англии и США международно-правовое основание для законного вмешательства в румыно-венгерский диспут по Трансильвании.

Будущие расхождения союзников по поводу послевоенного устройства региона достаточно чётко прослеживаются при внимательном анализе и сопоставлении различных проектов, которые разрабатывались специальными группами созданным при внешнеполитических ведомствах Большой тройки.

[1] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 74.

Было бы глубочайшим заблуждением оценивать советскую политику в трансильванском вопросе, рассматривая ее не выходя за рамки отношения Москвы к Румынии и Венгрии, вне политики государства в мире, Европе, безотносительно к его устремлениям в Средней Европе и на Балканах. Заместитель Наркома М. М. Литвинов, виднейший советский дипломат и неплохой знаток европейской истории, в ноябре 1944 года направил руководству записку «О переговорах и возможной базе советско-британского сотрудничества», из которого следует очевидный вывод о решимости Советского Союза играть самую активную роль в ареала Средней и Юго-Восточной Европы. Соображения автора записки настолько интересны сами по себе, что уместно привести их более подробно, не искажая логику и стиль автора записки излишними комментариями. «Нынешняя война, — писал Литвинов, — создает новую расстановку сил на Балканах и вернет там России /СССР/ роль ведущей великой державы. Новейший ход военных действий вывел уже Советский Союз за ту границу, которая со времени Крымской войны неизменно признавалась рубежом, дальше которого Россию нельзя было пускать — за устье Дуная. Можно полагать, что поставленная перед лицом факта Англия примирится с разделом сфер влияния на Балканах. Закрепив за собой контроль над средиземноморским побережьем Балканского полуострова, т. е. включив в зону своего влияния Грецию, а если возможно и Югославию, Англия вероятно не откажется признать преобладающее влияние СССР в Румынии и Болгарии, стремясь лишь к тому, чтобы никому не уступить контроля над выходом в Эгейский и Адриатический моря».

Далее в записке в духе преемственности традиционной русской политики в отношении Босфора и Дарданелл, подчёркивалась «желательность перехода контроля (над Черноморскими проливами — *Авт.*) в руки прибрежных черноморских стран». Резюмируя, замнаркома высказался за соглашение с Лондоном «на базе полюбовного разграничения сфер влияния в Европе по принципу ближнего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, равно и Турцию». (Последняя часть фразы подчёркнута, синим карандашом — *Авт.*)[1]. Таков был географический охват сферы интересов советской державы в представлении М. М. Литвинова еще до окончания Великой Отечественной войны. Трудно сказать, было ли оно сугубо персональным мнением выдающегося советского дипломата?

Вашингтон — Лондон — Москва. Сотрудничество и соперничество

Позиция администрации США. В один из рождественских дней де-

[1] АВП РФ. Ф. 06. (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 431. Л. 81–84 (15 ноября 1944 г.).

кабря 1941 года, спустя пару недель после страшного удара, нанесенного Соединенным Штатам Японией в Пирл Харборе, президент Рузвельт подписал документ об учреждении консультативного Комитета по послевоенной внешней политике[1]. Факт достойный удивления, по меньшей мере. В самый разгар Второй мировой войны государства, подвергшиеся агрессии, невзирая на смертельную угрозу над ними нависшую, всерьез задумываются над решением вопросов весьма отдалённого и далеко не ясного будущего. Произошло это в 1941–1942 гг., когда стратегическая инициатива на всех фронтах находилась в руках держав оси, когда Англия, а затем и Советский Союз, вели отчаянную борьбу за свое существование, а Соединенные Штаты с трудом сдерживали натиск вооруженных сил Японии на тихоокеанском театре военных действий. Тогда ни один человек в мире не мог бы с уверенностью предсказать исход гигантской битвы. Кажется парадокс. После Сталинграда и Эль Аламейна, в 1943–1944 гг., когда работа над проектами послевоенного урегулирования пошла уже полным ходом, это было естественно, понятно и логично.

Планированием послевоенного устройства Европы позже всех, фактически лишь в 1944 году, занялось Советское руководство, больше, чем правительства англо-саксонских держав, заинтересованное в континентально-европейских делах. Интересная и ответственная работа была поручена специальной Комиссии советского МИДа во главе с М. М. Литвиновым, бывшим наркомом иностранных, отозванным с поста посла в США незадолго до назначения заместителем Молотова и главой названной комиссии[2].

С разработкой планов на далёкое будущее в 1941–1942 гг., наверное, можно было подождать до «лучших» в буквальном смысле времён. Но «Большая тройка» в лице ее руководителей Рузвельта, Сталина, Черчилля рассуждала иначе. Помимо уверенности в конечном победном исходе схватки с Гитлером, в дружном решении союзников, причем без предварительного согласования вопроса друг с другом, присутствовало историческое мышление и историческая память. Прошлое не должно было

[1] См. подробнее: *Карасев С. А.* Балканы в военно-политических планах США 1941–1943 годов // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 106–107; *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа. 1945–1965. М.: Наука, 1968. С. 14.

[2] Подробнее о Комиссии МИД по подготовке мирных договоров и послевоенного урегулирования см. *Белевич Е. В.* Об участии народного комиссариата иностранных дел СССР в проведении подготовительной работы по программе послевоенного устройства мира // «Круглый стол» в Институте славяноведения. «Славяноведение». 1996. № 3. С. 46–48; *Филитов А. М.* В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы (Отв. ред. Ржешевский О. А.) М., 1995; *Pechatnow V. O.* The Big Three after World War II. New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain // Cold War. International History Project. Working Paper № 3. July 1995.

повториться — таков был мотив, которым руководствовались три союзные державы. Очевидно, и политический и психологический эффект недавнего прошлого, эффект истории, или, если хотите, точнее будет сказать синдром Версаля, память о катастрофически провальном опыте версальско-парижских договоров. Мир, навязанный побежденной части Европы с попранием жизненных интересов балканских стран, без учёта национальных интересов России и ее союзников по антигитлеровской коалиции, не продержался и двух десятилетий. Империалистический, по определению В.И. Ленина, Версальский мир, построенный на произвольном перекраивании карты доброй половины европейского континента, мир, продиктованный побеждённым корыстью и эгоистическими интересами в первую очередь Франции и Великобритании, подлежал основательному пересмотру. Хотя бы потому, что Америка не подписывала версальских договоров, а Россия, заплатившая за победу в войне Антанты дороже, чем кто-либо из союзников, была тогда грубо отстранена от участия в послевоенном урегулировании. Не удивительно, что советское правительство принципиально отвергало версальскую систему, совершенно справедливо видя в ней источник новых бедствий для Европы и всего мира. Не решив балканских проблем, Версальская система к старым традиционным очагам европейской напряжённости добавила новый, — среднеевропейский. Геополитический вакуум, образовавшийся в результате упразднения волею Антанты Австро-Венгерской империи, заполнила группа новых государств с противоречивыми интересами, взаимоисключающими претензиями и трудно разрешимыми территориальными спорами. Державам, претендовавшим на руководство будущей Европой, предстояло разрубить и этот «гордиев узел».

И вот на рубеже 1941–1942 гг. в Вашингтоне (в феврале 1942 г.) и Лондоне, а позднее, как уже говорилось также и в Москве, в тиши кабинетов, в глубочайшей тайне и, не сговариваясь, союзники по Антигитлеровской коалиции приступили к планированию будущего послевоенного устройства Европы. К работе специальных групп экспертов, созданных при внешнеполитических ведомствах Великобритании, США и СССР для подготовки предложений по послевоенному урегулированию в Европе, были привлечены высококвалифицированные специалисты по европейским делам, журналисты, учёные и компетентные чиновники высокого ранга. Совещательный комитет по послевоенной внешней политике возглавил в 1942–1944 гг. государственный секретарь Кордел Хэлл, а с конца 1944 г. новый глава ведомства Эдгар Стеттиниус. Уже в первый год работы Комитета, весной и летом 1942 года состоялось восемь заседаний[1].

Косвенно, в самой общей форме линия союзнической политики была намечена в Московской декларации правительств Советского Союза и

[1] *Kleindel W.* Östereich. Daten zur Grschichte und Kultur. Wien 1995. S. 373.

Соединенного королевства от 1 ноября 1943 года о восстановлении независимой Австрии. Обе державы — говорилось в декларации — «желают видеть восстановленной свободную и независимую Австрию, и тем самым проложить дорогу, как самим австрийцам, так и соседним государствам, сталкивающимся с подобными же проблемами, путь, на котором они могут найти политическую и экономическую безопасность, которая является единственной основой прочного мира»[1].

Очень быстро обнаружилось сколь велико было различие между ведущими членами Антигитлеровской коалиции в принципах подхода к региону и его будущему. Существенным было различие мнений в самих группах экспертов. Единодушие в лагере союзников было лишь в одном — в решимости покончить с фашизмом и связанными с ним политическими системами, господствовавшими в странах ареала Средней и Юго-Восточной Европы. Исключение составляла Чехословакии, которая, однако, оказалась, несмотря на существенные демократические достижения, в конечном счёте, такой же беззащитной перед лицом агрессии и нежизнеспособной, как и мало демократичные ее соседи. Еще раньше свою неспособность к сопротивлению обнаружила Австрийская республика — первая жертва гитлеровской экспансии.

Естественно, что первой мыслью, за которую ухватились в Вашингтоне, была идея восстановления империи Габсбургов в первозданном виде. Вряд ли идея реставрации могла зародиться в самом комитете, ибо посвященные в хитросплетения среднеевропейской политики, его члены, такие как историк Филип Мосли, успевший еще до войны побывать даже в Москве, или член Комитета и редактор «Форин Афферс», Гамильтон Ф. Армстронг — бывший военный атташе в Белграде, специалист по Восточной Европе, до войны имел возможность общения с Пилсудским, Масариком, Бенешем, Пашичем, Маниу, хорошо себе представляли, насколько не популярна в регионе, включая Венгрию и Австрию, мысль о габсбургской реставрации в любой форме и под любым соусом.

Идею реставрации под видом создания федеративно-конфедеративного образования в Вашингтоне лоббировал сам Отто Габсбург, отпрыск последнего кайзера-короля империи Карла, официально глава Австрийского дома, т. е. династии. Антинацистские убеждения Отто были хорошо известны. Бывший эрцгерцог, одним из первых в мире публично протестовал против аннексии Австрии. Его протест был опубликован во французской прессе спустя два дня после присоединения страны к «Третьему райху». Отто оказывал поддержку движению сопротивления в Европе. Характерно, что, несмотря на свои антисоветские убеждения, в июне 1941 г. он обратился к правительству СССР с посланием, предложив ему свое сотрудничество. Но габсбургский вариант не прошел в самом Комитете, несмотря на то, что к нему благоволил Уэллес, а по некоторым

[1] См. *Карасев С. А.* Указ. раб. С. 106–111; *Орлик И. И.* Указ. соч. С. 15.

сведениям, даже сам хозяин Белого дома, который несмотря на свои антимонархистские убеждения, не один раз удостаивал эрцгерцога личного приема в приватной аудиенции[1].

Активным сторонником идеи конфедерации был и британский премьер. В мае 1943 г., находясь с визитом в Вашингтоне, У. Черчилль поделился с Рузвельтом своим планом создания в будущем «такой Дунайской федерации с центром в Вене», которая бы могла в известной мере заполнить тот вакуум, который образовался в результате исчезновения Австро-Венгерской Монархии. Разработанный комиссией Тойнби проект предусматривал включение в среднеевропейскую федерацию наряду Австрией, Венгрией и Румынией, также и Трансильвании в качестве самостоятельного ее члена.

Также естественно, что ни Масарик с Бенешем, ни Пилсудский с Пашичем, и Маниу в придачу, надеявшиеся вернуться на родину с почестями, достойными их довоенного высокого положения и ранга, никак с габсбургским проектом согласиться не могли категорически.

Мощную поддержку идее федерации в духе проекта Отто Габсбурга оказывал С. Уэллес. Решительно не хотели реставрации Австро-Венгерской империи другой зам. гос.секретаря Лео Пазволски, он же председатель Политического подкомитета, влиятельный его член Гамильтон Фиш Армстронг, а также известный политический деятель Америки военной эпохи Генри Уоллес. Консультировал Комитет знаменитый Уолтер Липпман, яркий, выдающийся публицист, чьи острые материалы частенько попадали и в советскую печать даже после окончания войны.

Заместитель государственного секретаря Л. Пазволски считал, что экономическая безопасность региона возможна при максимальном его расширении за счет восточноевропейских стран. Армстронг видел в этом же и реальный путь к обеспечению политической и экономической безопасности, поэтому он столь категорично отзывался о плане Габсбурга: «Концепция воссоздания Австро-Венгерской империи будет безусловным шагом назад, назад к истокам настоящей войны — к ситуации, которая стала главной причиной возникновения этой войны»[2].

По всей видимости, их аргументы были достаточно убедительными, чтобы снять с повестки дня габсбургский проект, к которому Комитет

[1] *Орлик И. И.* Указ. соч. С. 16; *Montgomery F. J.* Hungary, the Unwilling Satellitt. New York 1947. P. 215; См. *Frank T.* Roosevelt követe Budapesten. John F. Montgomery bizalmas politikai beszélgetései 1934–1941. Budapest 2003. В книгу будапештского профессора Ф. Тибора «Конфиденциальные беседы посла Рузвельта в Будапеште 1934–1941» вошли дневники, записи около 200 бесед, а также обширная переписка американского диплома. Документы переданы дочерью посла Национальной библиотеке в Будапеште.

[2] См. Oral History. Interview with Clifford C. Matlock. Chevy Chase Maryland October 29 1973. Waynesville, North Carolina June 6, 1974 by Richard D. McKinzie. P. 13–14. *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparations 1939–1945. Washington 1949.

больше не возвращался, несмотря на то, что у Отто были сторонники в самых высоких сферах американской столицы[1].

К. Хэлл выступал против преждевременных соглашений по будущим границам и сферам влияния, убежденный в том, что соглашение по территориальным вопросам будет по меньшей мере 3 негативных последствия: 1. Любая сепаратная сделка по территориальным вопросам возбудит подозрительность среди основных участников коалиции и негативно скажется на их военных усилиях; 2. У США нет собственных территориальных интересов ни в из районов боевых действий, следовательно согласие Вашингтона признать подобное соглашение произведет впечатление, будто страна воюет за признание корытных целей европейских держав; 3. Произвольная фиксация границ повлечет за собой опасность возникновения новых рубежей силового противостояния[2].

Из трёх союзников Америка была единственной страной, которая не имела существенных экономических интересов в ареале. Да и прямых, непосредственных политических — тоже.

Забегая вперед, напомним: незаинтересованность Вашингтона в румыно-балканских делах ярко проявилось осенью 1945 г. во время острого политического кризиса вокруг международного признания кабинета П. Грозы. Прибывший в Бухарест высокопоставленный представитель США сенатор Пеппер, как доносил наш посол в своем донесении, «неоднократно повторял, никаких экономических серьезных интересов у Америки в Румынии нет, что торговля с Румынией, дававшая около 40 млн. долларов, почти ничего не значит для Америки, что если Румыния предполагает торговать с СССР — это ее дело и Америка вмешиваться не будет...» (горизонт подчерк.)[3].

Именно по этой причине, американская политика, свободная к тому же от традиций, предвзятостей и стереотипов, без особых привязанностей или антипатий, была более гибкой, чем политика ее партнеров по коалиции. Американцы могли позволить себе роскошь обсуждать проблемы далекой от них восточной части европейского континента отстраненно и в некоторой степени абстрактно и беспристрастно, опираясь на теоретические доктрины. Во главу угла вашингтонские стратеги ставили экономический вопрос, полагая, что через нормально функционирующую экономику беспокойный уголок континента станет и политически стабильным оазисом. Зам. госсекретаря С. Уэллес, ратовавший за ликвидацию в первую очередь экономической разобщенности малых нежиз-

[1] По утверждению посла в Будапеште Джона Монтгомери и Отто Габсбурга Президент Рузвельт сам «планировал создание конфедерации для объединения стран Дунайского бассейна». John F. M. Hungary, the Unwilling Satellite. № V. 1947. P. 215; *Карасев С. А.* Указ. соч. С. 108.

[2] *Hull Cordel.* Memoirs. Vol. II. P. 1168.

[3] АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 33. П. 127. Д. 5. Л. 68–71. Принято по ВЧ из Бухареста 2.XI.1945. Посол Виноградов — Вышинскому А. Я.

неспособных стран, в своих рекомендациях исходил из того, что экономика каждой в отдельности стран региона «слаба и не способна обеспечить сама себя». «Без высоких жизненных стандартов», писал он, «эти значительные по территории страны будут представлять источник опасности миру в Европе и всему человечеству»[1].

Достаточно весомые аргументы против габсбургского проекта выдвинули другой зам. Госсекретаря (Лео Пазволски) и Г. Фиш Армстронг, хорошо усвоивший взгляды на эту тему эмигрантских лидеров региона, в большинстве своем представителей Малой Антанты, главной целью которой было противодействие реставрации Австро-Венгерской Монархии. Возрождение империи Габсбургов последний оценил как шаг назад к ситуации, породившей нынешнюю войну[2].

Достаточно весомые аргументы против габсбургского проекта выдвинули другой зам. Госсекретаря (Лео Пазволски) и Г. Фиш Армстронг, хорошо усвоивший взгляды на эту тему эмигрантских лидеров региона, в большинстве своем представителей Малой Антанты, главной целью которой было противодействие реставрации Австро-Венгерской Монархии. Возрождение империи Габсбургов последний оценил как шаг назад к ситуации, породившей нынешнюю войну[3].

Вместе с тем, государственный секретарь К. Хелл решительно возражал против создания в ареале сфер преимущественного влияния великих держав, естественно, и против всякого рода «процентных» сделок «a la Churchill». Хелл, по словам молодого российского исследователя Сергея Карасева, был убежден в том, что договор (до этого, правда, было еще очень и очень далеко, поэтому правильнее говорить о сговоре или сделке — *Авт.*) по территориальным проблемам будет иметь три негативных последствия»[4]. Американскую администрацию явно не устраивала эвентуальная возможность англо-советская сделки в разрез американским представлениям о будущей послевоенной Европе по следующим основным причинам: «1. любая сепаратная сделка по территориальному вопросу возбудит подозрительность среди основных участников коалиции и негативно скажется на их военных усилиях; 2. у Соединенных Штатов нет собственных территориальных интересов ни в одном из районов боевых действий, следовательно, согласие Вашингтона признать подобное соглашение произведет впечатление, будто страна воюет ради достижения корыстных целей европейских держав; 3. произвольная фиксация гра-

[1] *Welles Sumner.* Time for Drcision. New York 1944. P. 262.

[2] Oral History. Interview with Clifford C. Matlock. Chevy Chas, Maryland. 1973. October 29. Wayneswille, North Carolina. June 6, 1974. be Richard Mc Kenzie. P. 14.

[3] Oral History. Interview with Clifford C. Matlock. Chevy Chas, Maryland. 1973. October 29. Wayneswille, North Carolina. June 6, 1974. be Richard Mc Kenzie. P. 14.

[4] *Карасев С. А.* Указ. раб. С. 108.

ниц повлечет за собой опасность возникновения новых рубежей силового противостояния»[1].

Опасения руководителя американской дипломатии, исходившего из традиционных для этой страны представлений о том, что хорошо и что плохо для народов Европы, а также из интересов США как мировой державы, имели под собой реальную почву. Америка совершенно не была заинтересована в «балканизации» Средней Европы. Она опасалась существенного расширения зоны нестабильности вглубь континента. Поэтому Вашингтон настойчиво продолжал поиски оптимальных форм объединения малых стран региона. Рассматривались различные проекты федеративного устройства, авторами которых, помимо Отто Габсбурга, были Э. Бенеш, В. Сикорски, и совместный проект двух венгерских деятелей — Т. Экхардта и Яноша Пелени. Мадьяры предложили создать три федеративных образования: Польско-Прибалтийское, Балканское и Дунайское в составе Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии и Трансильвании. Этот проект мало, чем отличался от габсбургского, ибо и нем речь шла о возрождении Австро-Венгрии в форме федерации. План Экхардта-Яноша Пелени, предусматривавший дробление ареала на три самостоятельные единицы, решительно отклонил Пазволски, считавший эффективным большую, самодостаточную и сильную федерацию. По этим же соображениям он возражал против проекта Отто Габсбурга, который исключал из федерации Балканы и польско-прибалтийский регион. Наиболее веские аргументы против этого проекта выдвинул Армстронг. Габсбургская концепция, указал он, означало бы «возрождение главного фактора, который вызвал последнюю войну», т. е. Первую мировую. По его мнению, большинство стран региона не поддержало бы идею реставрации. Не вызвал восторга у большинства Комитета также федеративный план обоих венгерских эмигрантов — Экхардта-Пелени. «Предложения Экхардта, — заявил Армстронг — мотивированы попыткой восстановления как можно большей части Арстро-Венгрии (особенно Венгрии). Включена, например, Трансильвания[2].

Трансильванский вопрос также специально обсуждался на комитете, но единства мнений о создании самостоятельного государства не было достигнуто. В августе 1943 г. в Комитете было принято решение, исключающее полное присоединение Трансильвании полностью к Венгрии. В качестве альтернативы созданию самостоятельного государства предлагалось присоединить ее к Румынии, но при условии предоставления автономии Секейфёльду (землям секеев) и присоединения к Венгрии приграничной зоны шириной от 9 до 12 тыс. кв.км. После долгих дискуссий

[1] War and Society in East Central Europe. Vol. 35. P. 328–346. Цит по *Карасев С. А.* Указ. соч. С. 112.

[2] *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparations 1939–1945. Washington 1949. P. 3–82.

сложилось мнение, что Северную Трансильвания следует отдать Румынии, но при условии предоставления автономии Секейфёльду и присоединения к Венгрии этнически венгерских территорий от 9 до 14 500 кв. км. приграничной полосы, в том случае если не будет достигнуто согласия в вопросе об образовании самостоятельного государствам[1].

Экономическими соображениями были проникнуты и венгерские представления о реорганизации региона. Через две недели после окончания Потсдамской конференции, в середине августа 1945 г. будапештское правительство сочло нужным «торжественно и с чувством глубокой благодарности» выразить признательность трём союзным державам «за доброжелательность к Венгрии», не догадываясь о том, во что эта самая «доброжелательность» выльется на деле. «Австро-Венгерская Монархия — говорилось в письме — по политическим причинам безусловно была устаревшим государственным образованием, но оказалось, что с чисто экономической точки зрения от Пассау (пограничный между Австрией и Германией город на верхнем течении Дуная — *Авт.*) до Пола (на Адриатике — *Авт.*) и до Предала (на венгеро-румынской доверсальской границе — *Авт.*) она лучшим образом гарантировала интересы своих подданных в совокупности, чем новые государства на ее территории». Федерация или конфедерация, полагали в Лондоне и Вашингтоне, могла бы воздвигнуть барьер на пути экспансии обеих великих континентальных держав против малых стран региона. Объединение малых стран должно служить противовесом агрессии России и Германии, говорил Уэллес на заседании вашингтонского Комитета 9 мая 1942 года. «Если такая организация будет создана, то она должна быть противовесом как к России, так и Германии», — говорил Уэллес на заседании Комитета 9 мая 1942 года. Кроме того она должна ослабить остроту пограничнотерриториальных споров между восточно-европейскими странами. Но, тот же Уэллес, считавшийся в Вашингтоне «конфронтационистом» после Сталинграда представлял задуманную федерацию иначе — уже не как «угрозу Советскому Союзу, а как буфер между ним и западными державами, который будет полезным для советов в случае провала международной организации», (т. е. будущей ООН). Основной идеей, выдвинутой С. Уэллесом, являлось восстановление Австро-Венгрии либо Дунайской конфедерации во главе с Отто Габсбургом. Однако идея габсбургской реставрации не нашла поддержки большинства консультантов, отдававших предпочтение федеральной организации региона, но без всяких Габсбургов. В конце концов, сошлись на Дунайской конфедерации суверенных государств от Эстонии до Австрии на западе и Греции на юге.

Не меньше возражений вызывали проекты объединения обоих регионов ареала — Средней Европы и Балкан — под одной крышей. Идея боль-

[1] См. Wartime American Plans for a New Hungary; Documents from the US Dept. of State. Ed. Ignac Romsics. Columbia University Press, 1991. P. 256.

шой федерации совершенно не улыбалась политическим лидерам европейской эмиграции. Представители среднеевропейских стран опасались, вхождение в единое с Балканами образование приведет к понижению жизненного уровня в регионе. В свою очередь, балканские политики опасались, что их регион в союзе или федерации явно окажется в невыгодном положении. Убедившись в иллюзорности объединения двух регионов столь различным историческим прошлым, по словам одного из членов Политического комитета «не имевшими общей истории», и «гетерогенными по своей культуре и религии, и вообще, абсолютно ничего общего кроме их отсталости и порабощения Германией», в феврале 1943 года, отказались от этого варианта. В недрах Комитета родился новый проект создания двух самостоятельных федераций под названием «Балканская федерация»[1] и «Северная федерация» — чтобы ничто не напоминало об Австро-Венгрии, которую часто называли «Дунайской монархией». По той же причине на Квебекской конференции в 1943 г. К. Хэлл выступал в пользу включения Австрии в Южногерманскую федерацию[2].

В следующем 1944 г. американская геополитическая терминология вместе с эволюцией стратегических задач и целей претерпела существенные изменения. По мере продвижения Красной Армии к западным рубежам СССР, они стали приобретать все более реалистические очертание и соответствующее внешнее оформление. Понятия «федерация», «конфедерация», даже «Среднеевропейский союз» уступили место более нейтральному, и совершенно безликому термину «региональные группировки». Терминологическая революция отразило содержательные перемены в американской политике. Белый дом и сам Госдеп стали все более сдержанно относиться к рекомендациям собственного Консультативного комитета. Уже в январе 1944 г. официальный правительственный документ сухо констатировал: «В настоящее время официальные инстанции рассматривают подобные региональные объединения не благожелательно».

Считаться с советским фактором пришлось соответственно и Консультативному комитету. Группа экспертов (Боумен и его сотрудники) в конце 1942 г. стала изучать проблемы послевоенного устройства в Европе с точки зрения интересов СССР, придя к выводу, что любые планы федерации могут быть реализованы при сотрудничестве и поддержке СССР, и, «ни в коем случае против его воли». (Подчеркнуто нами — *Авт.*) Теоретики сообразили, наконец, что с советскими инте-

[1] О Балканской федерации см.: *Гибианский Л. Я.* Македония и вопрос о федерации на Балканах в 1941–1945 гг. // Македония: Проблемы истории и культуры. М. 1999; *Gibianskii L.* Tito and Regional Balkan Arrangement. (Attempts of Integration at the Balkans) // Selfdetermination: from Versaille to Dayton. Its Historical Legacy. Ed. By H. Hutterbach and Francesco Privitera. Ravenna 2000.

[2] *Bihl Wolfdieter.* Von der Donaumonarchie zur Zweiten Republik. Wien 1989. S. 221.

ресами необходимо будет считаться, и не только с «реальными», по их мнению, но и с «предполагаемыми». Поняли, что Москва будет с подозрением относиться к любым планам организации прилегающего к его границам пространства, ибо считает «Центральную и Восточную Европу сферой влияния России». Комитет вынужден был отбросить концепцию двойной угрозы ареалу со стороны СССР и Германии, которую отстаивали «вашингтонские ястребы» или, как их тогда называли «конфронтационистами» (в противоположность «кооперационистам», сторонникам сотрудничества с СССР) типа Самнера Уэллеса. С уходом последнего в отставку, в разработках госдепартамента акцент стал делаться не на советской угрозе малым странам региона, а на германской, и необходимости отражения именной этой угрозы. Отказ от идеи вовсе не означал отказа от самой идеи. Комитет рекомендовал правительству «убедить Москву в том, что экономически процветающая и политически стабильная конфедерация намного предпочтительнее с точки зрения ее собственной безопасности, чем порабощенная и разделенная Восточно-Центральная Европа». В конце концов, практичные американцы сами убедились в том, что жизнестойкой и политически дееспособной любая федерация в Европе будет только в том случае, если она будет опекаться какой-нибудь великой державой и находиться под ее протекторатом на некоторое время. Следующим шагом должно было придти признание, что таким протектором и опекуном может быть только одна держава — Советский Союз!

После конференций в Москве и, в особенности Тегеране, где И. Сталин решительно обозначил свои намерения в отношении соседних стран, раздел континента на сферы влияния перестал быть в принципе дискуссионным, внимание «Большой тройки» сосредоточилось на вопросе, где и как проводить разделительную линию между Западом, и практически в результате к концу 1943 года Средне-Восточная Европа была западными союзниками фактически признана регионом, представлявшим «значительный интерес для Советского Союза с точки зрения интересов его безопасности». Признание советского приоритета в решении судьбы региона, не означало, однако, готовность Запада к уступкам в конкретных спорных вопросах. Тем более, когда эксперты в Вашингтоне и Лондоне довольно туманно представляли себе пути и способы урегулирования конфликтов в регионе. В 1943–1944 годах все еще шли поиски приемлемых для основных игроков решений.

Не сумев выработать приемлемой для администрации Рузвельта концепции послевоенного устройства ареала в целом, члены вашингтонского Консультативного комитета предложили несколько вариантов урегулирования локального румыно-венгерского конфликта, два из которых привлекли наибольшее внимание: 1) К Румынии переходит вся Трансильвания с предложением широкой автономии районам с преобладающим венгерским населением [Земля секеев (Секейфёльд)] и изменением границы

между обеими странами в соответствии с языковыми границами. 2) Образование самостоятельного государства Трансильвания, которое могло стать членом Восточной конфедерации или же, как румыно-венгерский кондоминиум, находящийся под протекторатом двух соседних стран.

Аналогичную вашингтонскому Консультативному Комитету английскую комиссию в Лондоне возглавлял известный британский историк Арнольд Тойнби, бывший в то время научным директором Королевского общества по иностранным делам. Судя по материалам комиссии, еще в сентябре 1943 года в Лондоне идеальным решением считали бы создание самостоятельного трансильванского государства. Практичные и более посвященные в европейские реалии британцы понимали, что в этом вопросе без учёта советской позиции не обойтись никак. Поэтому в 1944 г. здесь сложилось достаточно ясное и трезвое представление, что решение судьбы Трансильвании будет зависеть от во-первых, силы СССР, во-вторых, от расположения его армий к концу военных действий, в третьих, от общей системы безопасности, от характера режимов в государствах региона и претензий к ним со стороны Москвы[1].

19 июня 1942 г. члены Политического подкомитета Европейского консультативного комитета пришли к консенсусу по вопросу о форме и содержании будущего устройства ареала Средней и Юго-Восточной Европы. Предлагалось отказаться от идеи федерации, как слабой и неэффективной, и ориентироваться на создание союза независимых и суверенных государств (union of independent and sovereign states), расположенных между Россией и Германией от Эстонии на севере до Австрии на Западе и Греции на юге в главе с Политсоветом, состоящим из премьер-министров и главой законодательства, и Экономическим советом для координации экономического сотрудничества. Союз должен был иметь объединенные силы обороны.

Начиная с лета 1942 года оппозиция Москвы англо-саксонским идеям федерации шла по нарастающей. 7 июня 1943 года В. М. Молотов направил британскому кабинету письмо, в котором от имени Советского правительства отклонил идею создания федерации в Европе. В октябре того же 1943 г. нарком вообще отказался поставить в повестку дня переговоров вопрос о федерации с прибывшим в Москву Иденом, ибо в предложенной федерации слишком много от санитарного кордона, созданного против Советского Союза после мировой войны». Эту позицию Сталин подтвердил в Тегеране в начале декабря 1943 г. Тон советской дипломатии в общении с англосаксонскими партнёрами все более уверенным. В то время как продвижение союзных на север в Италии окончательно застряло, на Восточном фронте Красная армия успешно раз-

[1] *Pax Britannica*. Wartime Foreign Office Documents Regarding Planes for a Postbellum East Central Europe. Ed. Andras D. Ban. 1997. P. 202.

вивала наступательные действия. В персидской столице на тегеранской конференции президент Рузвельт открыл зеленую улицу восстановлению советских границ 1941 г.

Перспектива реорганизации восточно-среднеевропейского ареала по западной модели категорически не устраивала Советское руководство, сознававшее, что смысл англо-саксонских проектов сводится к тому, чтобы воспрепятствовать утверждению влияния в восточноевропейском регионе прежде всего Советского Союза. О несогласии с проектами создания федерации с подкупающей откровенностью Молотов заявил в письме, направленном в Лондон 7 июня 1943 г., особо подчеркнув недопустимость участия в такой федерации Австрии и Венгрии. В октябре того же года в Москве он решительно отклонил попытку Идена вновь поставить в повестку дня вопрос о федерации, заявив, что советским людям федерация напоминает «санитарный кордон» 20-х годов. То же говорилось во время встречи «большой тройки» в Тегеране, когда Сталин недвусмысленно сказал Черчиллю, что «не желает видеть объединенными Австрию и Венгрию. <...> Было бы глупо после распада Германии создавать в Европе новые комбинации, Дунайскую или любую другую». «Советское руководство опасалось, как пишет российский историк А. О. Чубарьян, — что в послевоенное время снова сложится коалиция или группа государств, настроенных против Советского Союза или стремящихся уменьшить влияние СССР на решение европейских проблемы»[1]. Но это было первой и далеко единственной заботой советского руководства. Любой форме объединения малых стран, разумеется под эгидой Запада, оно предпочитало конкретный раздел континента, по меньшей мере, на сферы влияния.

К концу 1943 года вопрос о разделе континента на сферы влияния, перестав быть предметом дискуссии между союзниками, внимание их представителей сосредоточилось вокруг принципов проведения разделительной полосы, фактически между Востоком и Западом. После Московской и особенно Тегеранской конференций в вашингтонском Консультативном комитете родилось понимание того, что регион Средней Европы является «важным с точки зрения безопасности» СССР. Американцы, однако, по-разному трактовали понятия «сферы влияния», «зона безопасности», «сфера преимущественных интересов» и т. п., но только не с политическим подчинением, порабощением, территориальной экспансией. Они бы, скорее всего, примирились с расширением сферы советских интересов, если бы дело ограничилось заключением соглашений о дружбе и сотрудничестве со странами ареала по типу договора с Чехословакией от 1943 года и даже координацией их вешней политики с Москвой без вмешательства последней во внутренние их дела.

[1] *Чубарьян А. О.* Советское руководство и некоторые вопросы европейской интеграции в начале 50-х годов // История европейской интеграции (1945–1994). Под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсон. М., 1995. С. 113.

Весной 1944 года Консультативный комитет в Вашингтоне примирился с мыслью, что после войны все страны, расположенные к востоку от линии Данциг (Гданьск) — Судеты — Триест станут сферой влияния СССР. В основе новых рекомендации Комитета лежала идея отказа активной наступательной политики в восточной части континента к пассивной политике приспособления к действиям СССР. Малые страны могли заключать с Россией договоры о дружбе и сотрудничестве по образцу Советско-чехословацкого от 1943 г., вести внешнюю политику, дружественную Москве, но последняя не должна была вмешиваться в их внутренние дела и их внешние торгово-экономические связи. Такая ситуация вполне бы устраивала Америку, но совершенно не приемлемым было бы вмешательство СССР во внутреннюю политику этих стран, аннексия или подчинение их Советскому Союзу. Новая концепция представляла собой что-то очень близкое к доктрине Монро, которая определяла взаимоотношения США с Латинской Америкой. Весь вопрос был в том, удовлетвориться ли Кремль в своей зоне тем влиянием, которым обладал Вашингтон в Новом свете. В следующем 1944 г. американская геополитическая терминология вместе с эволюцией стратегических целей и задач претерпела существенные изменения. По мере продвижения Красной Армии к западным рубежам СССР, они стали приобретать все более реалистические очертание и соответствующее внешнее оформление. Понятия «федерация», «конфедерация», даже «Среднеевропейский союз» уступили место более нейтральному, и совершенно безликому термину «региональные группировки» (regional groupings). Терминологическая революция отразила содержательные перемены в американской политике. Белый дом и сам Госдеп стали все более сдержанно относиться к рекомендациям собственного Консультативного комитета. Уже в январе 1944 г. официальный правительственный документ сухо констатировал: «В настоящее время официальные инстанции рассматривают подобные региональные объединения не благоприятно».

К лету 1944 г. более или менее определилась позиция Вашингтона в урегулировании спорных территориальных проблем на европейском Востоке. В июле 1944 г. госдепартамент США сформулировал принципиальные подходы, которые были изложены в инструкции для американских представителей, уполномоченных заниматься европейскими делами. Они сводились к следующим принципам, которыми должные были руководствоваться в своей дальнейшей работе Европейская Консультативная комиссия[1]:

1. Реставрация границ Венгрии, установленных Трианонским мирным договором 1920 г.

2. Границы Венгрии с Югославией и Чехословакией подлежат ректификации (исправлению) в случае, если эти две страны согласятся сде-

[1] *Kovrig B.* Peacemaking after World War II. P. 73–72.

лать эти исправления частью общего урегулирования в ходе обсуждения проблем между ними и Венгрией».

3. Венгрия должна получить заверения, что будет принята попытка установить более справедливые этнические границы между Венгрией и Румынией, спорные территории должны окончательного территориального урегулирования контролироваться Объединенными нациями.

Напомним, что в документе, подготовленном несколько ранее Отделом по делам Юго-Восточной Европы Госдепа предлагалось предоставить всей Трансильвании какую-то форму автономии. Причем автономия считалось наилучшим решением вопроса с точки зрения интересов международной безопасности и будущего сотрудничества и установления миролюбивых отношений между придунайскими государствами.

Важно также иметь в виду: американцы предвидели возможные возражения со стороны Москвы против вариантов, связанных с автономией Трансильвании и изменением границ на основе этнического принципа. «Осложнить дело», полагали в Вашингтоне, могут притязания русских на Бессарабию и Северную Буковину»[1]. Все же все эти предложения (скорее гипотетические предположения), связанные с идеей автономии и введения этнического принципа в процесс мирного урегулирования имели и для Запада второстепенное значение. 6 сентября 1944 г., т. е. незадолго до подписания в Москве Соглашения о перемирии президент Рузвельт получил подготовленный Госдепартаментом документ об отношении к Венгрии, в котором было недвусмысленно сказано: «отправной точкой должно быть домюнхенское статус-кво, в рамках которого изменения могут служить стабильному урегулированию».

Те же установки легли в основу американской позиции в вопросе венгерских границ с Чехословакией и Югославией. Пересмотра венгеро-чехословацких довоенных границ США предполагали добиваться лишь «в случае возникновения возможности ревизии» на основе соглашения между обеими заинтересованными странами; США были бы готовы поддержать решение, которое бы «оставило Венгрии определенные, населенные преимущественно мадьярами округа». Вашингтон был бы склонен подобного компромиссного решения в вопросе передачи Венгрии «северной части Воеводины». Однако правительству США не рекомендовалось оказывать давление в пользу такого решения.

Здесь, в американском подходе, однако, просматривается некоторое отличие, некий нюанс, свидетельствующий о более подобострастно-предупредительном, что ли, отношении США к Югославии по сравнению с американской политикой в отношении Чехословакии. Очевидно, дифференцированный подход США к этим двум странам точно отражал, по-видимому, объективный, можно сказать, не соизмеримый, вклад их в вой-

[1] *Ibidem*.

не против держав оси, а также, несомненно, ведущую роль возрождавшегося нового югославского государства в новом раскладе сил в регионе.

В отношении венгеро-румынской границы госдепартамент рекомендовал президенту «заморозить более или менее» американскую активность (на уровне соответствующих условий соглашения о перемирии с Румынией от 12 сентября, поскольку эти условия подлежали утверждению в ходе мирного урегулирования. На этой финальной стадии США собирались предпринять попытку ревизии предвоенной границы на этнической основе, с тем, чтобы осуществить передачу Венгрии «узкой полоски территории, полученной Румынией в конце прошлой войны».

Однако первые же межсоюзнические контакты западных держав с Москвой, стало очевидно, что американские проекты некоторого исправления венгерских границ с учетом этнического состав приграничных территорий, без согласия СССР, не более чем благие пожелания. Виной тому была не только неуступчивость советской стороны, но и отсутствия у Запада должной политической решимости отстаивать свои позиции перед лицом упорства тандема Сталин-Молотов. К тому же благоприятные для мадьяр решения ни в Лондоне, ни в Вашингтоне никогда не были приоритетными. Когда А. Гарриман заговорил было о равном участии США в механизме контроля над Венгрией, Молотов не отказал себе в удовольствии напомнить послу, что хозяином положения на освобожденной Красной Армией территории является Советский Союз, что при желании он вполне может обойти формальности перемирия. Союзники должны были признать, что пока продолжается война в интересах ее скорейшего окончания СССР по необходимости должен иметь приоритет в вопросах, связанных с сателлитами. Это была вторая крупная неудача Запада в борьбе за влияние на бывших восточноевропейских союзников Гитлера. Первая случилась в августе – сентябре 1944 г. при согласовании условий предстоявшего соглашения о перемирии с Румынией, когда англичане пожелали, чтобы Союзническая контрольная комиссия действительно была союзнической, а не только вотчиной одного из союзных держав, т. е. СССР. И получили решительный отпор. Товарищ Молотов в достаточно ясных выражениях растолковал послам обоих союзников, что условия соглашения будут выполняться «под контролем советского верховного командования, действующим от имени союзников». Гарриману, же он дополнительно объяснил, что «политические контакты с правительством Румынии союзники могут поддерживать только через русских»[1].

Тем не менее, при согласовании условий перемирия с Венгрией К. Хэлл, поддерживаемый своим британским коллегой, попытался внести поправку в важнейшую 2-ю статью проекта Соглашения о переми-

[1] *Quinlan P. D.* Clash over Romania. British and American Policies towards Romania. 1938–1947. Los Angeles, 1977. P. 107.

рии. Смысл поправки сводился к тому, что положения статьи 2-й «не предваряют окончательного урегулирования вопроса о спорных территориях». Госсекретарь вообще придерживался мнения, что территориальные решения не должны быть воплощены в документе о перемирии, ибо окончательное решение по территориальным спорам не могут быть решены, пока идут военные действия. Сославшись на то, что поправка может вызвать недовольство югославов и чехов, Молотов отклонил ее. Договорились на формуле, согласно которой территориальные условия перемирия не должны считаться в качестве «дефинитивного пограничного урегулирования».

Безусловно, что интересы СССР в восточноевропейском регионе были более явно выражены, чем интересы других членов Большой Тройки. Географически он примыкал к СССР и вполне естественно, что с точки зрения его жизненно важных стратегических и геополитических интересов для советского государства он являлся более важным объектом, чем для США и Великобритании.

К осени 1944 г. Запад уже практически распрощался с мыслью обрести после победоносной войны преимущественное влияние в прилегающей к рубежам СССР зоне. Признание Средней и Восточной Европы советской сферой влияния следует не только из «процентного торгов» Черчилля с Маршалом Сталиным в октябре 1944 г., но и из других прямых или косвенных свидетельств имеющихся в нашем распоряжении источников.

В 1944 г. советская дипломатия четко представляла себе, что «в результате возросшей мощи СССР», «после поражения Германии и ослабления Франции и Италии», Советский Союз «окажется (подчеркнуто синим карандашом В. М. Молотова) единственной могучей континентальной европейской державой». Такую перспективу послевоенной Европы нарисовал глава комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М. М. Литвинов в «совершенно секретной» записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» от 15 ноября 1944 г. В этой новой ситуации, предполагал Литвинов, Лондон будет вынужден искать соглашения с Москвой. «Такое соглашение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию»[1]. Странным несколько выглядит то, что среди подчеркнутых карандашом стран фигурировала нейтральная Швеция, а еще более странно, что обойденными карандашом наркома почему-то оказались славянские страны Балкан. В литвиновском проекте безусловными кандидатами быть включенными в советскую зону

[1] Трансильванский вопрос... С. 259, 262

являлись в первую очередь четыре страны: Румыния, Болгария, Венгрия и Югославия. Именно в такой последовательности!

«В английскую сферу могут быть включены Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия, Греция», говорилось далее в документе. В подтверждение реалистичности своего плана Литвинов сослался на работу Уолтера Липпмана и на статьи в «Нью-Йорк Тайме» и в лондонской «Тайме». Из анализа этих материалов он сделал вывод, что в обмен на гарантию безопасности британских коммуникация в Восточной Средиземноморье и на Ближнем Востоке, англичане согласятся с установлением советской гегемонии в Восточной Европе. Англия, по мнению нью-йоркской газеты, согласилась с необходимостью включения в советскую зону безопасности, помимо Польши и Чехословакии, также Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии. Какое же содержание вкладывалось тогда в понятие «разграничение» сфер влияния, (интересов, зон безопасности» и тому подобных красиво звучавших фраз?. Как полагал Литвинов, прежде всего, Англия должна была «обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных». Точно такие же обязательства должен был взять на себя и СССР в отношении английской зоны, за исключением Франции. В 3-ю, «нейтральную сферу», заместитель наркома предлагал включить Норвегию, Данию, а также Италию, Германию и Австрию, с которыми Советский Союз и Великобритания могли сотрудничать на равных правах, постоянно консультируясь друг с другом[1].

Еще раньше, весной 1943 г. проблему разделения Европы на сферы влияния поставила лондонская «Таймсе». Автор передовицы определил рубежи «ответственности за безопасность Европы» по Рейну — для Англии, и по Одеру — для СССР. Возможно впервые в истории XX в. река Одер названа в качестве разделительной линии между двумя частями Европы. Обращает внимание также непомерные амбиции островитян, их уверенность в том, что и после окончания войны Англия сохранит статус великой державы. Впрочем, эту уверенность, судя по документам, в то время разделяли и советские руководители. Важно также отметить, что скорректировав режущий слух термин «сфера влияния» на безобидные — «зона ответственности», «зона безопасности»», достопочтеннейший орган свободной британской печати, дал сталинской дипломатии чрезвычайно удобный для публичной дипломатии и приемлемый воспитанной на традициях «баланса сил» английской консервативной публики политический инструмент. В свете сказанного не удивительно, что в московском МИДе весьма внимательно отнеслись к рассуждениям англий-

[1] Там же. С. 260.

ской газеты, дав ей весьма высокую оценку как выражения концепции деления мира на зоны безопасности, с тем, чтобы ответственность за ту или иную зону падала не на всю международную организацию в целом, и даже не на все четыре руководящие державы, а лишь на одну–две из этих держав, наиболее заинтересованных в данной зоне. Понятное дело, комфортнее быть монопольным обладателем чего-то, чем пользоваться им на правах только совладельца.

В этом эпизоде истории международных отношений времен Второй мировой войны, многое еще остается не ясным и не определенным. Весьма возможно, что советская дипломатия решила воспользоваться откровениями (экспромтом, а может, быть и пробным шаром) лондонской газеты, чтобы придать брошенной, случайно или не случайно, ею идее глобально-концептуальный смысл характер. Ибо она вполне соответствовала кремлевскому видению будущего Европы.

Реализация англо-советской сделки по установлению над европейским континентом дуалистической гегемонии Советского Союза и Великобритании, однако, натолкнулась на серьезные препятствия. Во-первых, из-за естественного недовольства президента Рузвельта, который отнюдь не склонен был безучастно взирать, как Черчилль со Сталиным делят Европу. А, во-вторых, со стороны «малых государств», которые «в этом увидели возвращение к старой политике сфер влияния...». Британскому кабинету пришлось дать отбой. 29 марта 1944 г. Идену пришлось выступить в палате общин с официальным опровержением: «В свое время было ясно сказано, что английское правительство предпочитает европейское единство разделению Европы на какие-либо сферы влияния».

Но все это не смутило советских деятелей, хорошо знавших цену подобным заявлениям. После всего этого Комиссия Литвинова сформулировала свою рекомендацию: «Мы считали бы тактически нецелесообразным инициативу Советского правительства в выдвижении предложений о делении мира на зоны и сферы влияния, но при конкретном уточнении и распределении между Великими державами обязательств по сохранению мира вопроса о зонах не избежать». (Процитированное место отчеркнуто синим карандашом, Молотова, по-видимому, сбоку слева двумя вертикальными линиями — *Авт.*)[1].

Абсолютно верная тактика. Надо отдать должное находчивости, тонкому чутью и мастерству мозгового центра советской дипломатии: работали они хорошо и мыслили логично! Только не сообразили они тогда, что делить Европу им придется не с Англией, а с Америкой. Грамотные в тактическом отношении люди на Кузнецком мосту не сразу осознали, что грядут кардинальные перемены в расстановке сил в мире, что, США не вернутся поспешно домой в Америку, как это было в первую войну, а останутся здесь, и надолго.

[1] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 144. Л. 28.

В середине октября 1944 г. во время визита Черчилля и Идена в Москву, по-видимому, в принципе была достигнута договоренность о разделе сфер влияния в Европе.

Предоставив СССР свободу рук в пограничных с СССР странах, вынужденно конечно, Запад хотел бы и ожидал, что Сталин, удовлетворившись полученным военным призом, он не будет вмешиваться во внутренние дела «вверенной» заботам и попечительству Москвы зоны. Тщетные ожидания, как скоро выяснилось. Концы с концами у западных лидеров не сходились. Или Черчилль, также как и Рузвельт, наивно полагали, что Сталин будет действовать в отведенной его стране зоне стерильно чистыми руками?

В масштабе мировой политике «Большой тройки» будущее и Венгрии и Румынии, да и в европейском, представляло меньший интерес по сравнению гораздо более острым польским вопросом, не говоря уже о германском. Различной была также степень заинтересованности в этом субрегионе восточноевропейского ареала каждого из трёх членов великого альянса. Географически он примыкал к СССР и вполне естественно, что с точки зрения жизненно важных его стратегических, а также и геополитических интересов, он являлся более важным объектом, чем для США и Великобритании, хотя терявшее свое былое величие и могущество Соединенное королевство по инерции, больше полагаясь на вековые исторические традиции, чем на реальную силу, продолжало считать себя важной фигурой, игроком в восточноевропейском пространстве. Кстати, при внимательном изучении документов внешней политики СССР того времени, складывается впечатление, что, по крайней мере, до 1946/1947 гг. советская дипломатия не сумело вовремя уловить происшедшее в мировой иерархии держав перемену в расстановке сил действующих фигур, и продолжало считать Лондон основным своим партнером-соперником в восточноевропейских делах, и пресловутых «английских интриг» опасалось больше, чем противодействия своим планам со стороны США.

Очень важный вопрос, представляющий общий интерес касается многообразия мотивов и побудительных причин советской политики в прилегающем к его западным границам ареале. Чем руководствовалось Советское руководство, приступая к созданию внешнего кольца сферы своих жизненных интересов? Только ли соображениями национальной безопасности, чем неизменно аргументировали свою позицию в польском, финляндском, румынском и других вопросов в разговорах с западным партнерами Сталин, Молотов, Вылшинский. Или были у советского руководства и другие цели? Наша гипотеза — именно так и обстояло дело, по крайней мере, на первых порах первостепенной важности задачей для СССР являлось обеспечение безопасности страны, гарантированное не только международными договорами, но и реальным влиянием на ближних подступах к своим границам. Ситуация 1941 года не должна была

повториться ни при каких обстоятельствах. В этом «народ и партия», как говорится, были едины. И высшая справедливость тоже была на нашей стороне. Вместе с тем существует, — и тогда существовал — допустимый предел самообороны, защиты интересов национальной безопасности, за которым начиналось вмешательство во внутренние дела другой страны, попрание законного права каждого народа на выбор угодного им политического строя и режима власти. Опыт истории показывает, как трудно державам-победительницам удержаться от соблазна преступить эту едва уловимую грань между интересами собственной безопасности и свободой другого народа.

На достижение указанной выше главной цели внешней политики СССР были направлены все усилия советской дипломатии во главе с целеустремленным, упрямым и не уступчивым В. М. Молотовым. Ни роковые ошибки советского руководства, ни вполне очевидные грубые промахи советской дипломатии, особенно предвоенного периода, не должны вызывать сомнений в правильности избранного Сталиным генерального направления внешнеполитического курса и справедливости поставленной им цели. Думается, что ни принципиальное неприятие нами установленного им антигуманного тоталитарного режима, ни антипатия историка и естественное отвращение его к деяниям и личности «гениального злодея» не должны влиять на объективную оценку этого конкретного случая.

Но оставалась ли эта цель единственной и неизменной? Утвердительный ответ на этот вопрос может быть далеко не бесспорным. На одном из заседаний Комиссии (25 марта 1944 г.), ее председатель, зам.наркома иностранных дел Литвинов конкретизировал указанные выше установочные идеи внешней политики СССР следующим образом: «...мы должны дорожить нашим положением единственной сухопутной державы в Европе, и мы этого положения ни с кем добровольно делить не должны»[1]. Но это вовсе не значит, что руководство в своей работе придерживалась только этого принципа, не свободного от гегемонистских устремлений. Наоборот, как видно из материалов, связанных с подготовкой мирных договоров с Румынией и Венгрией, нами тщательно изученных, Комиссией рассматривались буквально все возможные варианты решения трансильванской проблемы без всякого ограничения[2].

Несомненно, что вектор державных интересов изменял свое направление вслед за изменением военно-политической обстановки. Это аксиома, не требующая обстоятельного обоснования. Сложнее точно устано-

[1] Протокол заседания Комиссии от 28 апреля 1944 г. АВП РФ. Ф. 06. (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 20.

[2] *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 62–65.

вить момент, когда произошел качественный скачок от оборонительный стратегии к стратегии экспансии, ибо чересчур тонка грань, отделяющая два эти явления, чтобы можно было ощутить, где и когд. начинается одно из них и кончается другое. Известный польский историк Эугениуш Дурачиньский попытался решить эту задачу. По его мнению, переход СССР от политики «расширения территории» к созданию «внешней империи», т. е. системы зависимых государств в Восточной Европе происходил уже в ходе второй мировой войны. Он даже называет точную конкретную дату — лето 1944 г., объясняя такую метаморфозу стремлением Советского Союза стать супердержавой[1]. Возможно, он прав в том смысле, что создание советской системы защитного вала, в самом деле, начиналась с Польши, являвшейся стержневым элементом всей конструкции. Внимания и похвалы заслуживает попытка польского ученого уйти от проторенной дорожки ангажированной историографии, объявляющей восточноевропейскую политику Москвы изначально имперско-империалистической, его стремление объективно и дифференцированно подходить к разным этапам советской политики, видеть ее эволюцию, **различать** эти этапы. Среди отечественных историков доминирует точка зрения, согласно которой политика советского руководства на заключительном этапе войны исходила из необходимости обеспечения национально-государственных интересов, — разумеется, как это понималось советскими лидерами — создания своеобразной «советской зоны безопасности» по всему периметру границ СССР в Европе, а не из стремления осуществить «экспорт революции»[2].

[1] *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 376–377/ Цит по рецензии А. Ф. Носковой.

[2] *Волокитина Т. В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999; а также: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест 1944–1946. Документы российских архивов, М., 1998. С. 14; *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период второй мировой войны. Курс лекций по истории международных отношений (1939–1945). М. 1999. С. 148–150.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Т. М. ИСЛАМОВА

Политическая борьба в Венгрии в начале XX века. М., 1959. 411 с.

Среди рецензий:

– *Р. А. Авербух* — Новая и новейшая история, 1961. № 2. С. 155–157.

– *Е. М. Кан* — Вопросы истории, 1960. № 10. С. 135–137.

– *В. И. Фрейдзон* — Институт славяноведения. Краткие сообщения, 1961. С. 125–129.

Из истории социалистического рабочего движения в Венгрии в начале XX века // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М., 1963. С. 178–213.

История Второго Интернационала (Отв. ред-р Л. И. Зубок). Т. 1–2. М., 1965–1966. Член авторского коллектива.

Az 1907 évi osztrák-magyar kiegyezés megkötése // Századok. Budapest (далее — Bp.), 1967. № 1–2. 3–36. o.

Памяти Эрика Мольнара // Новая и новейшая история, 1967. № 3. С. 187–188.

Die ungarlndische Arbeiterbewegung zur Zeit der Koalitionsregierung (1907–1909) // Acta Historiae Scientiarum Hungariae. Bp., 1970. № 12. S. 105–150.

Австро-венгерское соглашение. Внутриполитические и внешнеполитические предпосылки // Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. С. 228–253.

История Румынии. 1848–1917. М., 1971. Гл. 1 (в соавторстве), 3, 6, 14.

История Венгрии в 3 томах. М., 1971–1972. Член редколлегии трехтомника, ответственный редактор 2 тома. Авторская работа: 2 том. Гл. 1, 2, 4, 6, 10 (все в соавторстве); 5, 7, 8, 9.

Венгрия. Исторический очерк (до 1918 г.) // БСЭ, 3-е издание. Т. 4. М., 1971. С. 470–474.

Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1914. М., 1972. 392 с. Опубликовано также в Венгрии (в сокращении): Politikai küzdelmek Magyarországon az elsö világháború elött. 1906–1914. Bp., 1976. 121.o.

Рецензии, опубликованные в СССР:

– *Р. А. Авербух, Э. Л. Галикман* — Новая и новейшая история, 1973. № 1. С. 177–179.

– *А. И. Пушкаш* — Вопросы истории, 1972. № 11. С. 172–175.

Новая история (первый период). Учебное пособие для вузов. М., 1972 (дополненн. издания — М., 1983, 1986). Член авторского коллектива.

Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII — первой половины XIX века // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С. 7–27.

Общественно-политические взгляды Петефи // Петефи в мировой культуре. М., 1975. С. 64–77.

A Magyarország történetével kapcsolatos problémák és megoldásuk a szovjet történettudományban // A Magyar Tudományos Akadémia filozófiai és történettudományi osztályának közleményei. Bp., 1975. N. 1. 47–61.o.

Новая история (второй период). Учебное пособие для вузов. М., 1976 (2-е, дополненн. изд. — М., 1984). Член авторского коллектива.

Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии // Советское славяноведение, 1977. № 1. С. 16–30 (совместно с А. Х. Клеванским).

Проблемы истории Венгрии и их решение в советской исторической науке // Сотрудничество венгерских и советских историков. Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae 129. Bp., 1977. С. 67–85.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки (Отв.ред. Галкин И. С.). Учебное пособие для вузов. М., 1977. Член авторского коллектива.

Послесловие: Фекете Ш. Лайош Кошут. Документальная повесть. М., 1978. С. 292–301.

Освободительные движения народов Австрийской империи.

I. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849;

II. Период утверждения капитализма. М., 1980, 1981. Член редколлегии, автор и соавтор многих разделов.

Идейная эволюция движения венгерских интернационалистов в Советской России // Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика. М., 1983. С. 87–98. Ответственный редактор сборника.

Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 34–47 (в соавторстве с А. С. Мыльниковым и В. И. Фрейдзоном).

От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С. 40–59. Член редколлегии сборника.

Рецензия: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. Отв. ред. В. Д. Королюк. М., 1982 // Советская этнография, 1984. № 4. С. 157–161.

О сравнительно-исторических и междисциплинарных исследованиях, или еще раз о пользе комплексности в общественных науках // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур. М., 1985. С. 200–213.

Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения // Новая и новейшая история, 1985. № 3 (совместно с Е. В. Гутновой и С. О. Шмидтом)

The Balkan policy of the Habsburg Monarchy and Austrian-Russian relations // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870-es. Ed. by B. Kiraly and G. Stokes. Boulder (Colo) — New York, 1985. P. 31–41.

Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история, 1986. № 1. С. 83–96 (совместно с В. И. Фрейдзоном)/

Деятельность Бела Куна в Советской России в 1917–1918 гг. // Бела Кун — революционер-интернационалист. М., 1986. С. 40–59.

Вступительная статья: Шпира Д. Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сеченьи, Л. Баттяни, Ш. Петефи и Л. Кошута. М., 1986. С. 5–17.

Международные отношения на Балканах. 1856–1878 (Отв. ред. Виноградов В. Н.). М., 1986. Член авторского коллектива.

Послесловие: Барт И. Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С. 213–216.

Послесловие: Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе 1778–79. М., 1988.

Чешская нация на заключительном этапе формирования (Отв. ред. В. И. Фрейдзон). М., 1989. Член редколлегии и авторского коллектива.

Österreich und Russland. Zusammenarbeit und Gegensatz am Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / Ed. by A. M. Von Drabek. Vienna, 1989.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки (Отв. ред-р Дементьев И. П.). Учебное пособие. М., 1990. Член авторского коллектива.

Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. Отв. редактор; автор (Гл. V–XIII. С. 134–304). Отдельные главы публиковались также в других изданиях.

Национализм в СССР и Восточной Европе // Общественные науки и современность, 1991. № 1. С. 103–113 (совместно с А. И. Миллером).

Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.) (Отв. ред. С. М. Фалькович). М., 1991. С. 165–182.

От ответственного редактора: Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991. С. 3–6.

Исторические условия и предпосылки зарождения национальных движений в Венгерском королевстве // Людовит Штур и его время (К 175-летию со дня рождения) (Отв. ред-р Смирнов Л. Н.). М., 1992. С. 5–41.

Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С. 119–133 (совместно с В. И. Фрейдзоном).

Предисловие редактора: Полтавский М. А. История Австрии. Ч. 1–2. М., 1992. С. 7–12.

From «natio hungarica» to Hungarian nation // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU (Ed. by R. L. Rudolph and D.Good). Minneapolis, 1992. P. 159–184.

Вопросы нации, национального самопознания и национальной идеологии в австрийской историографии // Национализм и формирование наций: Теории — модели — концепции (Отв. ред. А. И. Миллер). М., 1994. С. 173–191.

Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 3–10.

Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Там же. С. 54–136 (в соавторстве с Т. А. Покивайловой).

Erdély a szovjet külpolitikában a masodik világháború alatt // Múltunk. Bp., 1994. 1–2 sz., 17–50. o.

«В. М. доктор Турок» (Воспоминания об историке В. М. Туроке, 1904-1981) // Славяноведение, 1995. № 1. С. 89–91.

Крах Австро-Венгрии и судьбы Средней Европы // Россия и современный мир, 1995. № 1. С. 66–69.

Проблемы нации и национализма в современной австрийской историографии // Новая и новейшая история, 1995. № 4. С. 28–43.

Конец среднеевропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства (Отв. ред-ры Исламов Т. М., Миллер А. И.). М., 1995. С. 25–47.

Soviet Historiography on the Habsburg Empire // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. 1995. P. 165–188 (в соавторстве с М. А. Глазковой, А. И. Миллером, О. В. Павленко и С. А. Романенко).

Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион (Отв. ред-ры Исламов Т. М., Миллер А.И.). М., 1996. С. 49–72.

Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история, 1996. N.5. С. 19–39.

Средняя Европа в Новое время (XVIII в. — 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 80–104 (совместно с С. М. Фалькович).

О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль, 1997. № 8. С. 95–104.

Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // Вопросы истории, 1997. № 11. С. 42–55.

Венгрия и Румыния: историческая тяжба из-за Трансильвании // Вестник РГНФ, 1997. № 3. С. 87–97.

Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика (Отв. ред. О. В. Хаванова). М., 1997. С. 250–263.

Новая история стран Европы и Америки (Под редакцией И.М. Кривогуза и Е. Е. Юровской). Учебное пособие для вузов.

Первый период — М., 1997.

Второй период — М., 1998. Член авторского коллектива.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 1–2. М.-Новосибирск, 1997–1998. Член редколлегии, коллектива составителей и авторов научных комментариев.

Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции среднеевропейского региона // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 341–354.

См. также: Первая мировая война и ее последствия. М., 1996.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. Один из ответственных редакторов.

Венгерско-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 456–471 (в соавторстве с Т. А. Покивайловой).

Век тоталитаризма (Вместо предисловия) // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Редколлегия: Т. М. Исламов, А. С. Стыкалин. М., 1999. С. 3–30.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. Отв. ред-ры В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. Член авторского коллектива.

Заговор против Польши. О роли русско-прусско-австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе Польского государства // Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой (Отв. ред. Б. В. Носов). М., 1999. С. 124–145.

О состоянии изучения новой истории // Новая и новейшая история, 2000. № 4. С. 86–87 (в соавторстве с В. Н. Виноградовым).

Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы (М., 2000). Ответственный редактор.

Введение. С. 3–12 (в соавторстве Т. А. Покивайловой).

Комментарии (совместно с Т. А. Покивайловой).

По поводу реакции в Румынии на книгу «Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы» // Новая и новейшая история, 2000. № 6. С. 166–173.

Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии (Отв. ред. С. М. Фалькович). М., 2001. Член авторского коллектива.

Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории, 2001. № 5. С. 147–158.

Империя Габсбургов: становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история, 2001. № 2. С. 11–40.

Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история, 2001. № 5. С. 14–46.

Новая история стран Европы и Америки (Начало 1870-х годов — 1918). (Под редакцией И.В. Григорьевой). Учебное пособие для вузов. М., 2001. Член авторского коллектива.

Венгерская революция 1848–1849 гг. в контексте европейских революций 1848 г. // Научные издания московского Венгерского Колледжа. Вып.1 (Отв. ред. Й. Горетить). М., 2001. С. 9–45.

Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. Член авторского коллектива.

Национально-территориальные проблемы Средней Европы и попытки их решения в конце XX в. // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Вып. 2. Воронеж, 2002. С. 117–127.

Din culisele luptelor pentru Ardeal. Cluj, 2003. (Соавторы: T. Pokivajlova, O. Vinteler).

Европейские историки о европейской истории // Новая и новейшая история, 2003. № 5. С. 3–22.

Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение, 2003. № 5. С. 63–72. Обзор выступления.

Пять веков внешней политики России // Новая и новейшая история, 2004, № 1. С. 151–163 (в соавторстве с В. Н. Виноградовым и А. В. Ревякиным).

Рецензия: Leidinger H., Moritz V., Schippler B. Schwarzbuchder Habsburger. Die unruhmliche Geschichte einer Herrscherhaus. Wien — Frankfurt a. M, 2003 // Новая и новейшая история, 2004. № 5. С. 247–250.

СССР и трансильванский вопрос (1945–1946) // Вопросы истории, 2004. № 12. С. 26–40 (в соавторстве с Т. А. Покивайловой).

История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. Памяти В. П. Шушарина (Отв. ред. А. С. Стыкалин). М., 2004. С. 289–313.

Внешняя политика России и русско-австрийские отношения в современной русской историографии // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып.1. Отв. ред-ры И. В. Крючков, О. В. Павленко. Москва-Ставрополь, 2004. С. 4–63.

Модерн в Средней Европе. Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация // Модерн. Модернизм. Модернизация. По материалам конференции «Эпоха «модерн». Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX–XX веков. Россия, Австрия, Германия, Швейцария». Отв. ред-ры Н. С. Павлова, О. В. Павленко. М., 2004. С. 47–84.

Новая история стран Европы и Америки. Учебное пособие для вузов. Издание 4-е. М., 2004.

К вопросу о формировании центральноевропейской культурно-исторической общности // Художественная культура Австро-Венгрии. 1867–1918. Искусство многонациональной империи. Спб., 2005. С. 7–17.

Граф Иштван Тиса — «сильный человек» Венгрии // Славяноведение, 2005. № 3. С. 47–53.

Трансильванский вопрос. По материалам комиссии М. М. Литвинова, июнь 1944 года // Новая и новейшая история, 2006. №2. С. 58–70 (в соавторстве с Т. А. Покивайловой).

Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., «Индрик», 2008. 240 стр (в соавторстве с Т. А. Покивайловой)

Составитель А. С. Стыкалин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетов Арутюн Гургенович — доктор исторических наук, профессор, заведующей кафедрой Тамбовского госуниверситета

Гусарова Татьяна Павловна — кандидат исторических наук, доцент МГУ

Гусев Юрий Павлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Гуськов Андрей Геннадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Желицки Бела Йожефович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Колонтари Аттила — доктор наук, университет г. Печ, Венгрия

Краус Тамаш — доктор наук, профессор, заведующий кафедрой Будапештского университета

Крючков Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Ставропольского госуниверситета

Кузьмичева Людмила Васильевна — кандидат исторических наук, доцент МГУ

Макарова Галина Васильевна — научный сотрудник Института славяноведения РАН

Маринелли-Кёниг Гертрауд — доктор наук, научный сотрудник Комиссии по культурологии и истории театра Австрийской академии наук

Миллер Алексей Ильич — ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Центрально-европейского университета (Будапешт), доктор исторических наук

Мольнар В. Ласло — доктор наук, доцент университета г. Печ, Венгрия

Мурашко Галина Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Мусатов Валерий Леонидович — Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Ненашева Зоя Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент МГУ

Носкова Альбина Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Пейковска Пенка — доктор наук, старший научный сотрудник Института истории Болгарской академии наук

Покивайлова Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Романенко Сергей Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Улунян Арутюн Акопович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Фонт Марта — доктор, профессор, проректор университета г. Печ, Венгрия

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Хойбергер Валерия — научный сотрудник Балканской комиссии Австрийской академии наук, Вена

Шварц Искра — доктор наук, доцент Института восточноевропейской истории Венского университета

Шереш Аттила — доктор наук, научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук.

Шимов Ярослав Владимирович — кандидат исторических наук, журналист Радио «Свобода» (Прага)

Юрасов Михаил Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Стыкалин А. С. Тофик Муслимович Исламов (1927–2004) как исследователь межнациональных и международных отношений в Средней Европе 5

Миллер А. И. На границах Европы: ансамбль континентальных империй 27

Шварц И. Австро-российские дипломатические отношения на протяжении веков 35

Фонт М. Процесс установления политических границ в Центральной и Восточной Европе на протяжении X–XII веков 50

Гусарова Т. П. Представления венгерского дворянства о «Святой короне» в начале XVII века (по трактату Петера Реваи) ... 58

Гуськов. А. Г. Проекты торговли с Китаем и Персией через Россию в XVII веке как продолжение традиций Великого шелкового пути 77

Хаванова О. В. Патриотизм под знаком верности династии: венгерские воспитанники Терезианума и Венский двор 83

Юрасов М. К. Изучение истории древних восточных славян в империи Габсбургов в XVIII веке 101

Макарова Г. В. Провозглашение Королевства Польского в 1812 году 113

Маринелли-Кёниг Г. Вена второй четверти XIX века и украинские земли: литературное путешествие 134

Гусев Ю. П. «Трагедия человека» Имре Мадача: сюжет и жанр 145

Кузьмичева. Л. В. Австро-русские инициативы по решению Восточного кризиса и начало сербо-турецкой войны 1876 года 150

Хойбергер В. Деятельность Беньямина Каллаи в Боснии и Герцеговине и Османская империя 170

Ненашева З. С. Русская православная церковь в Праге 176

Желицки Б. Й. Историзм в венгерской живописи и творчество художников второй половины XIX века 206

Пейковска П. Болгаро-венгерские связи в исторической науке и межличностные общения (XIX век) 233

Улунян Ар. А. Мировая война могла начаться на Балканах в 1902 г.? 248

Крючков И. В. Национальный вопрос в Венгрии в донесениях российских дипломатов накануне Первой мировой войны 257

Шимов Я. «Искал мира и нашел его в Боге». Карл I Австрийский: набросок политического портрета последнего коронованного Габсбурга 276

Краус Т. Ленин и евреи 311

Колонтари А. «Одна из самых стабильных границ в Европе». К истории советско-венгерских отношений 1939–1941 гг. 345

Носкова А. Ф. Сталин и создание Польского комитета национального освобождения: вынужденный шаг в нужном направлении 365

Мурашко Г. П. Судьбы греко-католической церкви в Словакии после Второй мировой войны 393

Романенко С. А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х гг. 408

Мусатов В. Л. К 40-летию «Пражской весны». О формировании позиции СССР и его союзников 437

Фалькович С. М. Исламов Т. М. и комплексные исследования славяноведения 444

В. Мольнар Л. Самборский и Тешедик: два просвещенных полигистора 453

Айрапетов А. Г. Будапешт рубежа XIX–XX веков в фокусе социального исследования 467

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шереш А. Два неопубликованных советских документа к истории «трансильванского вопроса» и «второго венского арбитража» 478

Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Трансильванский вопрос в планах Великих держав по послевоенному мирному урегулированию (до соглашения о перемирии с Румынией — сентябрь 1944 г.) 495

Список основных работ Т. М. Исламова 529

Сведения об авторах 536

CONTENTS

Stykalin, Aleksandr (*Moscow*). Tofik Muslim oglu Islamov (1927–2004) as an expert on intertnational and inter-national realtions in Central Europe (Introductory Remarks) 5
Miller, Aleksei (*Moscow—Budapest*). An ensemble of continental powers on the European peripheries. 27
Schwarcz, Iskra (*Vienna*). Austrian-Russian diplomatic relations: an overview through the centuries 35
Font, Márta (*Pécs*). The process of stabilisation of political borders in Central and Eastern Europe in the tenth–twelfth centuries 50
Gusarova, Tatyana (*Moscow*). The Hungarian nobility's concepts of the Holy Crown in the early seventeenth century (based on Péter Révay's treatise) 58
Gus'kov, Andrey (*Moscow*). Seventeenth-century projects of trade with China and Persia via Russia as a continuation of the Great Silk Road's traditions 77
Khavanova, Olga (*Moscow*). Patriotism in the sign of dynastic loyalty: Hungarian pupils of the Theresianum and the Vienna court 83
Yurasov, Mikhail (*Mosocw*). Studies on the early history of the Eastern Slavs in the eighteenth-century Habsburg Monarchy 101
Makorova, Galina (*Moscow*). Proclamation of the Kingdom of Poland in 1812 113
Marinelli-König, Gertraud (*Vienna*). Vienna in the second quarter of the nineteenth century and the Ukrainian Lands: a literary journey 134
Gusev, Yuri (*Moscow*). «Human Tragedy» of Imre Madács: the plot and the genre 145
Kuzmicheva, Lyudmila (*Moscow*). The Austrian-Russian initiatives of resolving the Eastern Crisis and the beginning of the Serbian-Turkish War of 1876 150
Heuberger, Valeria (*Vienna*). Work of Benjamin Kállay in Bosnia and Herzegovina and the Ottoman Empire 170
Nenasheva, Zoya (*Moscow*). The Russian Orthodox Church in Prague: the burden of construction, provision for the parish clergy, organisation of the public liturgy 176
Zhelitsky (Zseliczky), Béla (*Moscow*). Historicism in Hungarian painting and the work of the painters of the second half of the nineteenth century 206
Peykovska, Penka (*Sofia*). Bulgarian-Hungarian ties in historical science and personal contacts (the nineteenth century) 170
Ulunyan, Arutyn (*Moscow*). The World War should have broken on the Balkans in 1902? 233

Kryuchkov, Igor (*Stavropol*). The nationalities question in Hungary in the reports of the Russian diplomats on the eve of the First World War (1908–1914) 257
Shimov, Yaroslav (*Prague*). «He was searching for peace and found it in God». Charles I of Austria: a sketch to the political portrait of the last crowned Habsburg 276
Krausz, Tamás (*Budapest*). Lenin and the Jews 311
Kolontári, Attila (*Pécs*). «One of the most stable borders in Europe»: Concerning the history of the Soviet-Hungarian relations in 1939–1941 ... 345
Noskova, Albina (*Moscow*). Stalin and the organisation of the Polish Committee of National Liberation: a forced step in the right direction 365
Murashko, Galina (*Moscow*). The Greek-Catholic Church in Slovakia after the Second World War: Moscow's standpoint (on the materials of the Russian archives) 393
Romanenko, Serguei (*Moscow*). The «Croatian Spring» and the Soviet-Yugoslavian relations at the turn of the 1960s–1970s. Nationalism or reform of Socialism? 408
Musatov, Valery (*Moscow*). To the fortieth anniversary of the «Prague Spring». On the working-out of the USSR's and its allies' position 437
Falkovich, Svetlana (*Mowcow*). Concerning the history of complex research pursued by the scholars of the Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences 444
V. Molnár, László (*Budapest—Pécs*). Two enlightened polyhistors: Tessedik and Samborsky 453
Ajrapetov, Arutyun (*Tambov*). Budapest at the turn of the nineteenth-twentieth centuries in the social-historical perspective: in memoriam of Tofik Muslim oglu Islamov 467

SUPPLEMENT

Seres, Attila (*Budapest*). Two unpublished Soviet documents on the history of the Transylvanian question and the Second Vienna Award 478
Islamov, Tofik — Pokivaylova, Tatyana. The Transylvanian question in the great powers' plans of the post-war settlement in the first half of the 1940s (before signing the armistice with Romania – September 1944) 495

Most important publications of Tofik Muslim oglu Islamov 529

Central Europe : Problems of the International and Inter-National Relations in the Twelfth-Twentieth Centuries: in Memoriam of Tofik Muslim oglu Islamov / Ed. by Serguei Romanenko, Aleksandr Stykalin (editor in chief), Olga Khavanova. — St. Petersburg: Aletheia, 2009. — («Studia Hungarica. Central-European Studies», Vol. 4).

ISBN 978-5-91419-159-4

Volume 4 of the «Central-European Studies» (Series «Studia Hungarica» of Aletheia Publishing House) is dedicated to the memory of Tofik Muslim oglu Islamov (1927–2004) — a prominent Russian historian, expert on Hungary and Austria, modern and contemporary history of Central Europe, the author of numerous publications on the international and inter-national relations in the region. Diverse problematic of his work is reflected in the present volume, with which his colleagues and pupils pay homage to his scholarly legacy. Studies of the contributors from Russia, Hungary and Austria consider the key problems of Hungarian and Austrian history, Hungarians' and Austrians' relationships with their neighbours from the Middle Ages up to the last decades of the twentieth century. A number of articles deal with Russia's and the USSR's foreign policy towards Hungary and other Central-European countries. Along the studies dealing with theoretical and methodological issues, the volume contains articles, which scrutinise new archival sources. The volume also includes a study of Tofik Islamov, which had not been published yet.

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА:
Проблемы международных и межнациональных отношений.
XII–XX вв.

Памяти Т. М. Исламова

Главный редактор издательства *И. Савкин*
Дизайн обложки *И. Граве*
Корректор *И. Иванцова*
Оригинал-макет *О. Марусова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская»,
ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер , 12/27.
Тел. (495) 749-57-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 24.10.2008. Формат 60×88$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 33,2.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 220.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК "БИОНТ"»,
199026, СПб., В. О., Средний пр., д. 86.
Тел. (812) 322-68-43